

А.В. Свешников

Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в.

А.В. Свешников Иван Михайлович Гревс

Anton Sveshnikov

Ivan Mihajlovich Grevs
and the petersburg mediaevalist
school of the beginning
of the XX century.
Scholar community fate

А.В. Свешников

Иван Михайлович Гревс
и петербургская
школа медиевистов
начала XX в.
Судьба научного
сообщества

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С24

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Ответственный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:
д.и.н., профессор А.В. Антощенко
д.и.н., профессор В.В. Боярченков

Свешников А.В.

С24 Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества / А.В. Свешников. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 415 с. — ил. (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-659-2

Монография посвящена изучению одного из интереснейших феноменов отечественной исторической науки – петербургской школы медиевистов, возникшей в начале XX в. и включавшей ряд выдающихся ученых — Л.П. Карсавина, Н.П. Оттокара, О.А. Добиаш-Рожественскую, М.А. Гуковского и др. Подробно рассматривается история жизни, научно-педагогической деятельности и взаимоотношений с учениками лидера школы – профессора И.М. Гревса.

Историко-антропологический подход, примененный автором в настоящем исследовании, позволяет ответить на ряд важных вопросов, касающихся специфики научной школы как социальной группы профессиональных ученых, а также историко-культурных условий формирования корпорации петербургских медиевистов и социальных механизмов ее функционирования. Не оставлены без внимания проблемы возникновения и преодоления конфликтов внутри научной школы, в частности, детально изучены причины разрыва отношений между И.М. Гревсом и Л.П. Карсавиным. Безусловным достоинством исследования является привлечение многочисленных архивных материалов, в том числе и ранее не опубликованных.

Книга адресована историкам-медиевистам, историографам, специалистам по истории и социологии науки, а также студентам, аспирантам и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-98712-659-2

© Свешников А.В., 2016

© Гладков А.К., составление серии, 2016

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2016

*Посвящается моим детям,
Саше и Тане*

Оглавление

Предисловие	9
Введение	13
Глава I. Иван Михайлович Гревс — создатель петербургской школы медиевистов	43
Глава II. Петербургская школа медиевистов в начале XX века.	
Вехи истории	79
§ 1. Первые ученики (1900—1910 гг.)	81
§ 2. Петербургская школа медиевистов в 1910-е гг. Расцвет.	119
§ 3. Петербургская школа медиевистов после революции (1917—1930-е гг.)	172
Глава III. Основные практики конструирования школы как сообщества	195
§ 1. Семинары	197
§ 2. Итальянские экскурсии	240
§ 3. Коллективные проекты	260
§ 4. Письма	282
Глава IV. Конфликт в жизни научной школы.	
Казус Карсавина	293
Научная школа медиевистов И.М. Гревса как дискурсное пространство. Вместо заключения	333
Приложение	338
Список сокращений	367
Библиография	368
Указатель имен	404

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга^{*}, по сути, представляет собой значительно исправленное и дополненное издание монографии, впервые увидевшей свет в 2010 г. и вызвавшей широкий интерес у российского и зарубежного научного сообщества. Достаточно указать, что в печати появилось сразу несколько рецензий¹ на мою работу, оказавшуюся, как выяснилось, весьма востребованной отечественной аудиторией. Все эти «внешние» факторы, а также желание автора несколько иначе расставить акценты и предложить новые интерпретации уже известных явлений, вызвали необходимость подготовки второго, переработанного издания.

Дополнительным стимулирующим импульсом стало то обстоятельство, что в последние годы появилось несколько исследований, посвященных изучению различных научных школ в исторической науке². Естественно, подобное внимание к указанной проблематике свидетельствует о главном — сюжеты, связанные с формированием и развитием научных школ, продолжают оставаться актуальными и значимыми для современного гуманитарного знания.

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

¹ См. вполне доброжелательные: *Еремеева С.* Алгебра и гармония научного сообщества: практики выживания // *НЛО*. 2013. № 120 (2). С. 378—381; *Потехина И.П.* «И все-таки — что же это было? Чего так хочется и жаль?» (И.М. Гревс и его ученики в книге А.В. Свешникова) // *Клио*. 2013. № 10. С. 148—150; *Nethercott F.* Reevaluating Russian Historical Culture // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014 (New Series). Vol. 15. №. 2. P. 412—439; см. более критическую: *Алексеев С.* Рец.: Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка историко-антропологического анализа научного сообщества. Омск: ОмГУ, 2010 // *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2014. № 4. С. 436—449.

² *Гришина Н.В.* «Школа Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010; *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010; *Он же.* Сообщество московских всеобщих историков во второй половине XIX века // *Terra Europa: интеллектуальное пространство московских историков во второй половине XIX века.* / Под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 11—176; *Тихонов В.В.* Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.;СПб., 2012.

Следует отметить, что в целом представленная в первом варианте книги «конструктивистская» модель научной школы, а равно и исследовательский подход остались неизменными. В рамках данного подхода научная школа понимается как реальное профессиональное сообщество, конструируемое в системе разнообразных значимых социальных, культурных и интеллектуальных контекстов и дискурсов посредством определенного набора целенаправленных действий, описываемых через, возможно, не очень благозвучный термин «школообразующие практики». При этом школа все не является раз и навсегда данным — детерминированным, неизменным или «органичным» по своим генетическим «истокам» — «явлением реальности»; как специфическое сообщество она постоянно конструируется, реформируется и репрезентируется в разных контекстах.

Впрочем, сделанное выше заявление все же излишне категорично. Безусловно, сейчас отдельные положения моих прежних рассуждений резонно было бы пересмотреть, подобрав иные формулировки, да и по-другому расставив смысловые акценты. Но подобная кардинальная перестройка текста сделала бы его в целом неоднородным. И после долгих размышлений показалось единственно правильным не менять архитектуру книги, отложив реализацию новых идеи и наблюдений для будущих исследований.

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой, в первую очередь, опыт анализа научного сообщества, а потому сразу хочется отметить одно принципиально важное обстоятельство. На мой взгляд, не является продуктивной обозначенная в современной историографии попытка разведения специальных исследований на посвященные «истории идей» и «истории людей». Научные идеи, концепции и теории создаются, обдумываются и переосмысливаются конкретными людьми во вполне определенных текстах и контекстах. Очевидно, что без учета всего комплекса явлений, составляющих историко-культурную и социопрофессиональную среду, «чистый» анализ идей оказывается несколько однобоким.

Между тем, примененный к интерпретации разнообразного документального материала подход, ни в коей мере не претендующий на универсальность, позволяет, как кажется, ответить на весьма непростые вопросы, в частности, касающиеся причин появления научных школ, а также того, почему в одних случаях они возникают, а в других — нет.

Классические научные школы — явления исторические. Данный тип социальной организации ученого сообщества остается доминирующим для отечественной науки XIX—первой половины XX в. Как следует из настоящего исследования, то, что существовало до этого времени, и то, что возникнет *после* относится к различным формам социопрофессионального объединения. Предложенное мной понимание школы следует рассматривать, прежде всего, как модель, позволяющую плодотворно описывать и интерпретировать совокупность эмпирических данных; модель, конеч-

но же, не являющуюся единственно верной, поскольку и ее альтернативы вполне могут быть продуктивными при изучении аналогичных явлений.

Каждая научная школа в силу различных причин обладает своей спецификой, а потому подход к анализу такого сообщества требует, исходя из своеобразия изучаемого объекта, постоянной корректировки «исследовательской оптики». Таким образом, то, что применимо к интерпретации одной школы, далеко не всегда подходит для понимания другой; отсюда возникает необходимость привлечения различных методик анализа «школообразующих практик». Однако хотелось бы надеяться, что мои изыскания, посвященные петербургской школе медиевистов, могут хоть в какой-то степени помочь в построении иных моделей и изучении других научных школ.

Если теоретическая модель, в принципе, как уже говорилось, осталась неизменной, то в интерпретацию конкретных фактов я позволил себе внести определенные коррективы и дополнения. Они связаны, прежде всего, с тем, что наука не стоит на месте и некоторые появившиеся в последнее время исследования заставили меня уточнить или даже пересмотреть выводы по тем или иным конкретным вопросам. Наконец, в тексте первого издания книги присутствовали отдельные досадные недочеты, которые я, насколько возможно, попытался исправить. В этой связи, отдельная благодарность адресована авторам рецензий, обратившим мое внимание на требующие устранения неточности.

Предлагаемое исследование, в котором предложена новая познавательная модель и сформулированы пути интерпретации богатейшего документального материала, метафорически говоря, расположено «на грани двух океанов». Работа не является в чистом виде ни сугубо теоретической, ни конкретно-исторической; она «баласнирует на грани» и только в таком виде имеет смысл. Отчасти подобная «промежуточность» создает дополнительные препятствия, но при этом позволяет найти уникальный исследовательский ракурс.

Впрочем, осталась одна серьезная лакуна, которую у меня не хватило сил или смелости закрыть. В книге, на мой взгляд, недостает планировавшегося изначально анализа институционального контекста — обстоятельного рассмотрения того, как сама структура университетского образования в Российской Империи (а позднее, и в Советском Союзе), испытывавшая очевидное воздействие социально-политических, экономических и культурных факторов, влияла на механизм формирования и функционирования научных школ в исторической науке. Подготовка подобной работы потребовала бы проведения масштабного исследования, отчасти уже осуществленного как в ставших классическими (С. Кассоу, Т. Маурер, В.И. Чесноков), так и в недавних (А. Ростовцев, А.Н. Дмитриев, Д.А. Цыганков) трудах.

Наконец, по-прежнему остается открытым и требующим тщательного анализа вопрос о гендерной структуре школы; данная тема столь

сложна и многопланова, что достойна стать предметом отдельного специального исследования.

На всем протяжении работы над монографией неоценимую помощь мне оказывали коллеги, ныне здравствующие и уже ушедшие, масштаб участия и поддержки которых трудно переоценить. Считаю своим приятным долгом выразить слова искренней признательности Наталье Николаевне Алеврас, Александру Васильевичу Антощенко, Ксении Вадимовне Герш (Бамбизовой), Владиславу Викторовичу Боярченкову, Александру Николаевичу Дмитриеву, Валентине Павловне Корзун, Сергею Борисовичу Криху, Марине Александровне Мамонтовой, Борису Георгиевичу Могильницкому, Виктору Владимировичу Миронову, Герману Пантелеймоновичу Мягкову, Ирине Юрьевне Николаевой, Лорине Петровне Репиной, Евгению Анатольевичу Ростовцеву, Борису Евгеньевичу Степанову, Павлу Александровичу Трибунскому, Александру Васильевичу Хрякову.

Отдельно хочется поблагодарить научного редактора книги Александра Константиновича Гладкова, без которого ее появление на свет было бы невозможно, и Артема Игоревича Ключева, взявшего на себя труд по подбору иллюстраций для данного издания.

Ряд положений настоящей монографии был представлен в виде докладов, прочитанных в рамках работы летней школы франко-русского центра по общественным наукам в далеком 2007 г. и семинара по истории гуманитарных наук Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ. Всем коллегам, принявшим участие в обсуждении, выражаю особую признательность. Некоторые фрагменты книги на протяжении последних лет регулярно публиковались в виде статей в академической периодике и труднодоступных научных сборниках³. Тем не менее, монография, конечно, не является итогом механического воспроизведения ранее изданных текстов; представленная на суд работа — плод многолетних изысканий автора, посвященных петербургской школе медиевистики и научным студиям ее виднейших членов — И.М. Гревса, Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественской, Н.П. Оттокара и др. Естественно, все недостатки и неточности, которые могут быть обнаружены взыскательным читателем, остаются исключительно на моей совести.

³ Свешников А.В. П.Б. Шаскольский как историк раннего папства // Античный вестник. Омск, 2001. Вып. VI. С. 18—26; *Он же*. Иван Михайлович Гревс (1860—1941) // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2004. Вып. 3. Древний мир и Средние века. С. 336—360; *Он же*. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // НЛЮ. 2009. № 96. С. 42—72; *Он же*. Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. Vol. 5. № 1. P. 121—158.

Настоящая книга представляет собой результат многолетних исследований автора, посвященных изучению петербургской школы медиевистики начала XX в.¹ Естественно, что в значительной степени питающий ее интерес постоянно подогревался, помимо прочего, еще и стремлением к самопознанию, самоопределению профессиональному и, если угодно, связанному с ним экзистенциальному. «Что значит быть ученым?», «Что должен делать специалист-историк, и ему как полагается вести себя в современном мире?», «Как и для чего нужно заниматься профессиональным изучением данной дисциплины?» — подобные вопросы на определенном этапе становления исследовательской жизни неизбежно встают перед каждым историком. Принципиально значимыми они оказались и для меня.

При этом теоретическая рефлексия гуманитарного знания 2000-х гг., т.е. периода моей работы над первоначальным текстом монографии, актуализировала проблему социальных оснований (системы коммуникаций и статуса) любой профессиональной деятельности, в том числе и научной. Подобная тенденция, безусловно, формировала и подпитывала мой исследовательский интерес. Появлялись работы, авторы которых в рамках различных теоретических и методологических подходов пытались реконструировать социальные основы профессиональной деятельности². Вместе с тем, на фоне этого и других общих процессов, проходивших в современном гуманитарном знании, возрастал поток сетований по поводу положения дел в отечественной исторической науке, кризиса конвенциональных корпоративных ценностей и интересов, позволяющих профессиональным ученым выступать в качестве значимого экс-

---

¹ Эпитет «петербургская» указывает на связь изучаемого нами научного сообщества с определенным географическим местом — городом Санкт-Петербургом. Однако здесь возникает определенная проблема, связанная с тем, что этот город, как известно, на протяжении XX столетия несколько раз менял свое название. Поскольку данные изменения далеко не всегда синхронно вели к «переформатированию» конфигурации научного сообщества, мы в своей работе в большинстве случаев будем использовать традиционный, принятый в историографии термин «петербургская школа», вполне адекватно, на наш взгляд, указывающий на определенный денотат — сообщество петербургских медиевистов начала XX в.

² См., например: *Bledstein B. The Culture of Professionalism. N.Y., 1976; Cullen J. Structure of Professionalism. N.Y., 1978; Professions in Theory and History. Rethinking the Study of the Professions. L., 1990; Антропология профессий. Саратов, 2005.*

пертного сообщества. «Самая главная проблема, — говорит в интервью редактор журнала “Ab Imperio” Марина Могильнер, — отсутствие исторического сообщества, отсутствие дисциплины, отсутствие корпорации, отсутствие среды, которая критически воспринимает то, что выходит, которая ориентирована на определенные стандарты»³. И она далеко не одинока в подобных оценках. «Кризисная диагностика» современного состояния отечественной исторической науки достаточна типична.

В связи с этим возникает вопрос: как вообще формируется, воспроизводится и трансформируется нормальная профессиональная научная корпорация? Посредством каких «эпохальных» или, наоборот, повседневных социальных действий складывается ее жизнь? Представляется, что в данном случае история науки, наряду с социологией знания, должна, по справедливому замечанию А.Н. Дмитриева, выступить в качестве инструмента критической рефлексии⁴, позволяющей понять сам механизм формирования основ научной деятельности. Именно стремление реконструировать формирующие профессиональную корпорацию социальные связи и составляет сверхзадачу данного исследования. Итак, по сути, данная книга — попытка разобраться в том, каким образом складывается «внутренняя социальность» профессиональной научной деятельности на материале конкретного локального научного сообщества — петербургской школы медиевистов начала XX в.

Слово «школа» впервые применяется к петербургской медиевистике в начале XX в. в статьях, посвященных юбилею И.М. Гревса. При этом оно употребляется сперва без строгой терминологической нагрузки исключительно как лексическая единица обыденного языка. «Мы все прошли у него замечательную школу», — пишут авторы, характеризуя деятельность юбиляра. Понятно, что слово «школа» используется здесь не как термин, связанный с обозначением научного сообщества, но в то же время указывает на процесс обучения. Наиболее показательной в этом плане является вводная статья к книге «Средневековый быт»: «Участники настоящего сборника поставили себе двойную задачу — почтить, по доброму обычаю, своего учителя хотя бы скромным даром оригинальных научных работ, вышедших — в широком смысле — из его школы, прямо или косвенно связанных с его учительским влиянием, и дать читателю-неспециалисту доступный и интересный материал, связанный единством темы»⁵.

³ Интервью с Мариной Могильнер и Ильей Герасимовым // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2009. Вып. 5. С. 412.

⁴ Дмитриев А.Н. Прощание с постсоветским гуманитарием? («Пространство опыта» и характер спроса на «науки о человеке») // Пути России. М., 2009. Т. XVI. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. С. 131.

⁵ [От редакции] // Средневековый быт. Л., 1925. С. 5

Принципиально новое значение этому слову придал Е.А. Косминский, впервые применив его именно для характеристики определенного научного сообщества в 1928 г. в статье, вышедшей всего через три года после публикации названного сборника. В данном случае, на наш взгляд, весьма показательным, что подобное употребление термина (хотя Е.А. Косминский не поясняет специально его содержание, совершенно очевидно, что оно используется для обозначения определенной группы профессиональных историков, обладающей спецификой, отличающей указанное сообщество от других) связано с «внешней оценкой». Е.А. Косминский был представителем московской медиевистики, и именно эта статья ученого заложила основы последующей историографической традиции употребления и даже наполнения данного термина. В какой-то степени перенося на свой материал идеи П.Н. Милюкова и Е.А. Преснякова, Е.А. Косминский пишет о том, что в отечественной медиевистике «разработка вопросов средневековой истории сосредотачивается вокруг двух главных центров — московского и ленинградского, каждый из которых выявил совершенно самостоятельную и своеобразную исследовательскую физиономию»⁶. Если московская медиевистика, к которой принадлежал и сам ученый, занимается изысканиями в области социально-экономической, главным образом, аграрной проблематики, то «ленинградская школа сосредоточилась преимущественно на вопросах религиозной и культурной истории западного средневековья; она старается эстетически вживаться в средневековье, постигая его своеобразный “дух” и “красоту”; богатая талантами, эта школа дала много интересных достижений»⁷. «Главой» школы, по словам Е.А. Косминского, является И.М. Гревс (при этом специально отмечено малое количество опубликованных историком печатных трудов), а «наиболее крупную величину»⁸ (определяя лидерство школы, Евгений Алексеевич, как видим, разводит данные понятия) представляет собой О.А. Добиаш-Рождественская, научное творчество которой автор оценивает очень высоко. Наряду с названными историками, московский ученый останавливается на характеристике творчества Л.П. Карсавина⁹, кроме того, упоминает младших представителей ленинградской школы — Г.П. Федотова, М.Э. Шайтан, А.И. Хоментовскую, М.А. Тиханову, Н.П. Анциферова,

⁶ Косминский Е.А. Средние века и Новое время // *Общественные науки в СССР. 1917—1927. М., 1928. С. 107.*

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Там же.

⁹ «Отрицательная деятельность ленинградской школы всего резче сказалась на самом талантливом ее представителе Л.П. Карсавине, авторе известных исследований о религиозной жизни средневековой Италии. Его работы, вышедшие за последние десять лет, несомненно, очень интересны, но не столько для историка средних веков, сколько для историка русской интеллигенции, как наиболее яркое выражение ее идейного вырождения в сторону религии и мистики» // Там же. С. 111.

С.А. Ушакова, В.В. Бахтина, т.е. всех авторов сборника «Средневековый быт»¹⁰. Поскольку, как уже говорилось, данная программная статья заложила основы последующей традиции и даже в определенной степени мифологизации термина «школа», зафиксируем подробнее ее основные положения.

Во-первых, петербургская школа медиевистики существует как определенное научное сообщество, для работ представителей которого характерно единство проблематики (изучение западной средневековой культуры) и методологии («вживание») исследования. При этом Е.А. Косминский, с одной стороны, выводит за пределы школы византиноведение (и, соответственно, к ней не могут быть отнесены В.Г. Васильевский с ближайшими учениками), а с другой, — значительно ограничивает содержательное наполнение самого термина, интерпретируемого им гораздо уже понятия «ленинградская медиевистика», ведь «в Ленинграде есть ряд медиевистов с иным направлением научных запросов», а именно: Н.С. Цемш, С.Г. Лозинский, Розенберг (Розенталь? — А.С.) и Н.П. Оттокар. В то же время «идейно близким» школе И.М. Гревса оказывается одесский медиевист П.М. Бицилли.

Во-вторых, в силу заявленных хронологических рамок Е.А. Косминский оставляет без должного внимания процесс формирования школы, ее истоки и историю дореволюционного времени. На момент 1917 г. просто констатируется, что она уже существует и ее лидером является И.М. Гревс; вопрос о том, «является ли он ее создателем», остается открытым.

В-третьих, в целом научное значение школы оценивается неоднозначно. Получается, что в ее деятельности есть как положительные моменты, связанные, например, с развитием источниковедения и латинской палеографии, так и отрицательные — «кризисные» — тенденции. Методология школы далека от марксизма, и хотя Е.А. Косминский не пишет об этом прямо, но подобный вывод напрашивается сам собой, логически вытекая из всего хода его рассуждений. Если учитывать исторический контекст, последняя мысль представляется далеко не безобидной.

По сути, то же понимание термина «ленинградская школа медиевистики» присутствует и в следующей обзорной статье ставшего на тот момент крупнейшей фигурой советской медиевистики Е.А. Косминского, написанной практически через десять лет. Однако историческая ситуация поменялась, и в условиях борьбы с «вульгарным со-

¹⁰ Косминский Е.А. Средние века и Новое время. С. 111—112. Любопытно, что исследователь не упоминает среди авторов сборника, наряду с Е.Ч. Скржинской, А.Д. Люблинскую (Стефанович), ставшую впоследствии (т.е. в начале 1940-х гг.) крупнейшей фигурой ленинградской медиевистики.

циологизаторством школы М.Н. Покровского»¹¹ (а эта тенденция явно присутствует в тексте работы¹²) автор по-иному расставляет акценты. Во-первых, о негативных чертах школы на сей раз ничего не говорится. Палеография и источниковедение уже не считаются дисциплинами «второго сорта». Более того, москвич Е.А. Косминский в вопросе подготовки новых профессиональных кадров отдает пальму первенства Ленинграду¹³. Во-вторых, отпадает неоднозначность оценки методологии, не говорится о сомнительном «вживании» и не упоминается высланный за пределы СССР еще в 1922 г. Л.П. Карсавин. В целом же видение сообщества медиевистов осталось прежним. «В Ленинграде вокруг О.А. Добиаш-Рождественской сложилась целая школа»¹⁴, которая занимается изучением вопросов культурной истории (наиболее значимым результатом в этом отношении является сборник «Средневековый быт») и вспомогательных исторических дисциплин, «чему немало способствовало богатое собрание латинских рукописей Средневековья, хранящихся в ленинградской Публичной библиотеке»⁵. Кстати сказать, И.М. Гревс и О.А. Добиаш-Рождественская, незадолго до этого «вернувшиеся»¹⁵ на кафедру истории Средних веков исторического факультета Ленинградского университета, оказались единственными ленинградскими исследователями, чьи имена упоминает Е.А. Косминский. Кроме того, он мельком говорит и о том, что к школе принадлежат какие-то «молодые ученые»¹⁶. Это весьма показательно, поскольку остальные историки-медиевисты, названные им в предыдущей работе, на тот момент либо были репрессированы, либо находились в эмиграции.

В связи с отмеченными выше негативными коннотациями термина «научная школа», предложенные Е.А. Косминским «типология», а равно и содержание самого понятия «ленинградская школа медиевистов» прижились далеко не сразу и изначально не были приняты многими историографами. Отказ от «схоларного» подхода присутствует как у «старых»

¹¹ Безусловно, следует согласиться с С.Н. Погодиным, указавшим, что т.н. борьба со школой Покровского в условиях идеологического поворота государственной политики, с одной стороны, актуализировала сам термин «школа», а с другой, — придала ему негативные коннотации. См.: *Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский.* СПб., 1997. С. 36—37.

¹² «Антимарксистские установки Покровского и его школы нанесли немалый вред и нашей дисциплине» // *Косминский Е.А. Итоги изучения истории Средних веков за двадцать лет // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М.;Л., 1937. № 5. С. 1133.*

¹³ «В этом отношении Ленинград делает больше Москвы» // Там же. С. 1139.

¹⁴ Там же. С. 1135.

¹⁵ В период своего «предыдущего» пребывания в университете они числились по кафедре всеобщей истории вначале историко-филологического факультета, а затем, с 1918 г., факультета общественных наук.

¹⁶ *Косминский Е.А. Итоги изучения... С. 1135.*

(т.е. дореволюционных) ученых, так и у историографов «молодой», «советской» формации. В частности, В.П. Бузескул рассматривает творчество И.М. Гревса и его учеников О.А. Добиаш-Рождественской и Л.П. Карсавина¹⁷, никак их не обособляя в рамках общего раздела, посвященного изучению западноевропейского Средневековья в отечественной исторической науке¹⁸. При этом, если научно-исследовательскую деятельность первой автор оценивает однозначно положительно¹⁹, то творчество второго удостоивается скорее негативной характеристики. «Но оригинальность у Л.П. Карсавина часто переходит в оригинальничание, искусственность, явно обнаруживая нарочитое стремление автора к необычному, к эффекту, к красивости, много утрировки, преувеличений, парадоксального, подчас небрежное или произвольное отношение к источникам, неверное толкование или неточный перевод текстов»²⁰, — пишет В.П. Бузескул, повторяя обвинения дореволюционных оппонентов Льва Платоновича. В соответствии с таким подходом работы И.М. Гревса, посвященные изучению истории Древнего Рима, рассматриваются В.П. Бузескулом в разделе, посвященном антиковедению.

О.Л. Вайнштейн, возглавлявший на тот момент кафедру истории Средних веков Ленинградского университета, принимая новую периодизацию истории исторической науки, в 1940 г. рассматривает творчество И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской как представителей либерально-позитивистского направления в рамках раздела «Историография Средних веков в период империализма»²¹. Причем если деятельность второй, подчеркивая палеографическую направленность работ, автор оценивает однозначно положительно, то в трудах И.М. Гревса находит «большие недостатки»²². Из учеников И.М. Гревса дореволюционного периода в этом разделе упоминается только Л.П. Карсавин, характеризуемый как «буржуазный историк», «ныне белоэмигрант»²³.

Понятно, что в согласии с выбранным подходом О.Л. Вайнштейн при рассмотрении советского периода истории отечественной медиевистики

¹⁷ Из учеников И.М. Гревса упоминаются также В.Э. Крусман, Н.П. Оттокар и, без специального указания, А.И. Хоментовская.

¹⁸ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 218—232. (Первое издание этой части труда вышло в 1931 г.)

¹⁹ Отмечается при этом, что высоко оценивает значение ее работ и «представитель иной школы, иного направления» Е.А. Косминский. См.: Бузескул В.П. Указ. соч. С. 221.

²⁰ Бузескул В.П. Указ. соч. С. 222.

²¹ Вайнштейн О.Л. Историография истории средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.;Л., 1940. С. 225—226.

²² Там же. С. 225.

²³ Там же. С. 327.

вынужден вновь вернуться к тому же сюжету. В данном случае он следует за Е.А. Косминским, на статью (1928 г.) которого ссылается, но при этом, во-первых, отказывается от употребления термина «школа», заменяя его на «группу медиевистов, учеников И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской»²⁴, а во-вторых, среди учеников, помимо профессора своей кафедры М.А. Гуковского, называет только не упомянутых Е.А. Косминским А.Д. Люблинскую и Е.Ч. Скржинскую²⁵.

Таким образом, подводя итоги первого этапа изучения, следует признать, что, хотя специальных работ, посвященных исследованию интересующего нас феномена, не было, именно статья Е.А. Косминского 1928 г. положила начало изысканиям в области истории петербургской медиевистики в рамках школьной модели. Евгений Алексеевич, в определенной степени опираясь на саморепрезентацию группы медиевистов в текстах начала 1920-х гг., предложил понимание школы как сообщества ученых, связанных с единым центром (в данном случае — университетом северной столицы), фигурой учителя (И.М. Гревса), корпусом наиболее значительных работ, проблематикой и методологией, понимаемой им весьма расплывчато. «В первом приближении» была определена и общая структура школы, в составе которой выделяли «основных учеников» и несколько аморфный круг молодых медиевистов. И хотя данное видение проблемы приняли далеко не все, оно, безусловно, оказало определенное влияние на последующую историографию.

В то же время применительно к указанному периоду следует отметить появление в печати двух поздних текстов саморепрезентации, мемориальных статей тех самых, упомянутых О.Л. Вайнштейном, Е.Ч. Скржинской²⁶ и А.Д. Люблинской²⁷, посвященных их учителям И.М. Гревсу и О.А. Добиаш-Рождественской. Опираясь на значительный комплекс опубликованных работ, архивные материалы и собственные воспоминания, оба автора достаточно обстоятельно и, безусловно, сочувственно описывают жизнь и творчество своих наставников, без всяких упоминаний о «буржуазности» их взглядов. Е.Ч. Скржинская отмечает роль И.М. Гревса «в деле создания целой школы многочисленных выдающихся медиевистов»²⁸, а А.Д. Люблинская подчеркивает значение педагогической и организационной деятельности О.А. Добиаш-Рождественской для развития петербургской медиевистики в 1910—1930-е гг.

²⁴ Там же. С. 357.

²⁵ *Вайнштейн О.Л.* Историография истории средних веков...

²⁶ *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс (биографический очерк) // *Гревс И.М.* Тацит. М.; Л., 1946. С. 223—248.

²⁷ *Люблинская А.Д.* О.А. Добиаш-Рождественская как историк // СВ. М., 1942. Вып. 1. С. 212—226.

²⁸ *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс... С. 243.

Резкий поворот в изучении истории петербургской медиевистики произошёл после выхода в 1948 г. статьи С.Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет»²⁹. В этой работе, реанимировав в определенной степени идеи П.Н. Милюкова и А.Е. Преснякова, Сигизмунд Натанович говорит о существовании единой — независимо от специализации и дисциплинарной принадлежности — общей «петербургской школы историков». Данная школа, по мнению исследователя, основывается на воспроизводимом в ходе профессиональной подготовки в стенах университета практически с середины XIX в. методологическом принципе приоритета источника. Для «питерского историка», писал С.Н. Валк, характерен особый пиетет по отношению к «историческому источнику и факту», чем и объясняется значительное количество работ, посвященных проблемам источниковедения, анализу и интерпретации текста конкретного памятника. Таким образом, налицо очевидное противопоставление: труды представителей петербургской школы историков отличаются от штудий ученых московской школы, которые идут от «умозрительной схемы» и склоны к «социологическим построениям».

В контексте рассуждений С.Н. Валка получается, что петербургские медиевисты — это представители общей петербургской исторической школы, которые в изучении своих конкретных сюжетов, связанных с историей западноевропейского Средневековья, применяют общие методологические принципы и установки. И, соответственно, нет оснований для выделения какой-то специальной школы медиевистов.

Весьма показательно, что С.Н. Валк относил к числу выдающихся представителей школы учителя И.М. Гревса — В.Г. Васильевского³⁰. В общем контексте развития «петербургской школы историков» рассматривается и получившая очень высокую оценку деятельность самого И. М. Гревса и его учеников, из которых упоминаются О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин (с акцентированием «субъективизма» его работ)³¹ и, применительно к советскому периоду, М.А. Гуковский³².

Концепция С.Н. Валка³³, несмотря на негативную реакцию современников, увидевших в ней проявление «научного сепаратизма»³⁴,

²⁹ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7—106.

³⁰ Там же. С. 32—36.

³¹ Там же. С. 41.

³² Там же. С. 81.

³³ Об актуальном политическом и идеологическом контексте возникновения этой концепции см.: Ростовцев Е.А. Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе // Фигуры истории или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 303—341.

³⁴ Алпатов М.А. Мировоззрение М.С. Куторги и его концепция истории Древней

оказала большое влияние на последующую историографию. Мысль о существовании единой школы петербургских историков восприняли многие представители отечественной исторической науки, и в 1990—2000-е гг.³⁵ она получила особое развитие. При всей очевидной продуктивности, данная идея, по сути, является редуccionистской. Даже признавая сохранение традиции³⁶, мы не можем отрицать тот факт, что петербургское сообщество профессиональных историков было гетерогенным и на его развитие оказывали влияние самые разные факторы. Ученые — представители нескольких поколений — работали на разных кафедрах и во «внеуниверситетских» институтах, занимались изучением широкого круга несмежных проблем, порой обладали противоположными политическими взглядами и интересами, конфессиональными и гендерными установками, а потому не принадлежали, да и не могли принадлежать к единому сообществу и социальной группе. Такого и не было. Даже если взять за основу оценки ученого сообщества предложенный С.Н. Валком критерий базового методологического принципа, то вряд ли возможно отнести к одной школе М.С. Куторгу и Н.Н. Розенталя, Н.И. Костомарова и С.Ф. Платонова, Ф.Ф. Зелинского и М.И. Ростовцева, А.Д. Люблинскую и И.Я. Фроянова, бывших в разное время профессорами университета. Более того, даже применительно к ограниченному временному отрезку рубежа XIX—XX вв. резонно выделить несколько связанных с Петербургским университетом научных школ, например, специалистов по отечествен-

---

Греции // Вестник древней истории. 1955. № 3. С. 183—182; *Бороздин И.Н.* К вопросу о научных разногласиях русских медиевистов 40—50-х гг. XIX века // СВ. М., 1955. Вып. 6. С. 353—354. Анализ этой полемики см.: *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. С. 48—50.

³⁵ См., например: *Альшиц Д.Н.* Петербургская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, в политике, образовании, культуре // Петербургская историческая школа: альманах. СПб., 2001. С. 60—81; *Цамутали А.Н.* Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. СПб., 1993. Ч. 1. С. 138—142; *Ананьич Б.В.* «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 670—675; *Ананьич Б.В., Панеях В.М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105—113; *Сидненко Т.И.* Петербургская школа историков (либеральное направление) // Клио. 2002. № 4. С. 24—27; *Чирков С.В.* Археография и школы в русской исторической науке XIX—начале XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 19—27 и, особенно, материалы Третьих мартовских чтений, посвященных памяти С.Б. Окуня (1997). Кроме того, восемь лет назад была опубликована работа, в которой преемственность «петербургской традиции» подчеркивается применительно к медиевистике. См.: *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* *Cathedra medii aevi*: материалы к истории ленинградской медиевистики 1930—1950-х годов. СПб., 2008.

³⁶ У этой традиционности также есть плюсы и минусы.

ной истории С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского, по новой истории Н.И. Кареева, антиковедов Ф.Ф. Соколова и т.д.

После статьи С.Н. Валка конфигурация исследований петербургской школы медиевистики строилась как сложное соотношение «дисциплинарного» и «регионального» подходов с неявным преобладанием первого. Подобная гетерогенность составляет основную особенность второго этапа исследования проблемы.

Петербургским медиевистам посвящены отдельные страницы в обобщающих работах О.Л. Вайнштейна и Е.В. Гутновой.

О.Л. Вайнштейн отмечает интерес И.М. Гревса к культурной истории и, в отличие от сказанного в книге 1940 г., называет его уже создателем «собственной школы»³⁷.

Е.В. Гутнова, напротив, отказавшись от использования категории «школа», в данном конкретном случае (в принципе, она признает ее правомерность) применительно к творчеству И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской и Л.П. Карсавина (остальные представители в тексте не упоминаются) рассматривает их — наряду с московским профессором М.С. Корелиным — в качестве представителей историко-культурного направления³⁸. При этом получается, что творчество самого И.М. Гревса, согласно выбранному автором подходу, анализируется и в разделе «Социально-экономическое направление»³⁹. Однако деятельность ученого оценивается очень кратко и явно негативно. И.М. Гревс, по словам Евгении Владимировны, «особенно восхищаясь антиреволюционной направленностью работ Фюстеля де Куланжа <...>, пытался критиковать историческую теорию Маркса»⁴⁰. О.А. Добиаш-Рождественская, находясь «на позициях, близких к позитивизму»⁴¹, оказалась значима, в интерпретации Е.В. Гутновой, в первую очередь работами по палеографии, воспитав таких «учеников», как «известный ныне советский медиевист А.Д. Люблинская, В.С. Люблинский, литературовед (? — А.С.) В.В. Бахтин»⁴². Л.П. Карсавин же «с первых лет своей научной деятельности находился под влиянием реакционной религиозной философии Н. Бердяева» и, соответственно, «дает в целом извращенную картину духовной и, в частности, религиозной жизни Средневековья»⁴³.

³⁷ Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917—1967. Л., 1968. С. 58—61. Автор особо отмечает, что И.М. Гревс был «буржуазным идеалистом», чьи педагогические идеи критиковала Н.К. Крупская.

³⁸ Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1974. С. 312—316.

³⁹ Там же. С. 295—296.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 317.

⁴² Там же. С. 319.

⁴³ Там же. С. 315—316.

Следует отметить, что в текстах указанных работ при оценке взглядов петербургских медиевистов, безусловно, присутствовали определенные идеологические клише и штампы. Так, изыскания самого И.М. Гревса и его эмигрировавших учеников оценивались как труды «буржуазных ученых», значимость которых принижалась порочной методологией.

По сравнению с предшествующим периодом оценка творчества И.М. Гревса поменялась достаточно сильно, в первую очередь, благодаря мнению М.А. Алпатова, определившего исследователя как «реакционного куланжиста»⁴⁴.

В «Очерках по истории исторической науки в СССР» деятельность петербургских медиевистов начала XX в. также оценивается неоднозначно. Характеризуя ситуацию в первые послереволюционные годы, автор раздела И.Я. Лернер пишет: «В Ленинграде работала значительная группа профессионалов-медиевистов во главе с И.М. Гревсом. К ней принадлежали О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов, А.И. Хоментовская, Н.П. Анциферов, М.А. Тиханова-Клименко, В.В. Бахтин, М.Э. Шайтан и др. В первые годы их объединял интерес к истории средневековой культуры, религии и быта при почти полном отсутствии интереса к социально-экономическим проблемам. В объяснении исторических явлений присутствовал идеализм, а у некоторых и откровенно религиозные мотивы»⁴⁵. На страницах авторитетного издания И.М. Гревс упоминается и как знаток Античности, и как медиевист. Если при характеристике его исследований аграрных отношений в Древнем Риме отмечен «оригинальный метод»⁴⁶, то оценка штудий в области истории Средневековья гораздо более негативная. Иван Михайлович, якобы, ученый, склонный к «психологизму» и «реакционному позитивизму», а его концепция «не отличается оригинальностью»⁴⁷.

Положительной оценки удостоивались лишь те ученики И.М. Гревса, которые стали крупным советскими историками — О.А. Добиаш-Рождественская⁴⁸ и чуть позднее А.Д. Люблинская⁴⁹. Особенно негативны-

⁴⁴ Алпатов М.А. Политические идеи французской либеральной историографии XIX в. М.;Л. 1949. С. 185—186; См. также: *Он же*. Кризис русской медиевистики в начале XX в. // Проблемы историографии. Воронеж, 1960. С. 23—27; *Он же*. Гревс Иван Михайлович // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. Стб. 705; *Он же*. Гревс Иван Михайлович // Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 7. С. 272.

⁴⁵ Очерки по истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 595.

⁴⁶ Там же. М., 1960. Т. 2. С. 321—328.

⁴⁷ Там же. М., 1963. Т. 3. С. 413—412.

⁴⁸ См., например: Люблинская А.Д. Значение трудов О.А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР // СВ. М., 1966. Вып. 29. С. 174—178; Еришова В.М. О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988. В основе последней монографии лежит защищенная в 1971 г. кандидатская диссертация.

⁴⁹ См., например: Бессмертный Ю.Л., Малов В.Н. А.Д. Люблинская — историк-

ми были характеристики, данные научной деятельности Л.П. Карсавина. В целом, в указанный период только В.И. Рутенбург, посещавший семинары Ивана Михайловича в аспирантские годы, положительно отзывался о творчестве Гревса и его учеников⁵⁰.

При этом в историографической мысли русской эмиграции И.М. Гревс, напротив, оценивался весьма высоко и как исследователь, и как университетский педагог, и как человек, пострадавший от советской власти. Такую оценку дает ему Г.В. Вернадский, называя среди близких учеников «Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественскую и А.И. Петрункевич (? — А.С.)»⁵¹.

Безусловно, начало принципиально нового этапа следует связать с появлением работ Б.С. Кагановича — первых специальных исследований, непосредственно посвященных петербургским медиевистам начала XX в.⁵² В многочисленных трудах, основанных на огромном корпусе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов и опубликованных историографических источников, Б.С. Каганович обстоятельно рассматривает жизненный путь и творчество основных представителей школы петербургских медиевистов начала XX в. (к ним автор относит самого И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественскую, А.И. Хоментовскую, Л.П. Карсавина, Н.П. Оттокара), кратко останавливаясь и на тех ее членах, «которые по различным причинам оставили меньший след в медиевистике»⁵³ (В.Э. Крусман,

---

медиевист // СВ. М., 1973. Вып. 35. С. 3—15; Романова В.Л. А.Д. Люблинская — архивист и палеограф: К 70-летию со дня рождения // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 218—225; Малинин Ю.П. А.Д. Люблинская о некоторых проблемах Возрождения и Реформации во Франции // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 258—260.

⁵⁰ Рутенбург В.И. Русские медиевисты об Италии // Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию. М., 1963. С. 155—165; Он же. История средневековой Италии в трудах русских ученых XIX—начала XX вв. // СВ. М., 1964. Вып. 25. С. 264—271.

⁵¹ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 222. Работа впервые была опубликована в начале 1970-х гг.

⁵² Каганович Б.С. О.А. Добиаш-Рождественская и ее научное наследие // Французский ежегодник. 1982. М., 1984. С. 190—208; Он же. И.М. Гревс — историк средневековой городской культуры // Городская культура. Средневековье и начало Нового времени. Л., 1986. С. 216—235; Он же. О научном наследии О.А. Добиаш-Рождественской // Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейской Средневековья. Научное наследие / Сост. Б.С. Каганович. М., 1987. С. 313—323; Он же. Анна Ильинична Хоментовская // СВ. М., 1989. Вып. 52. С. 294—306; Он же. Вокруг «Очерков по истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе. Л., 1990. С. 198—216.

⁵³ Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики в конце XIX—начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 12.

Г.П. Федотов, С.И. Штейн, Н.С. Цемш, П.Б. Шаскольский, М.Э. Шайтан). В кандидатской диссертации, научным руководителем которой был В.И. Рутенбург, автор определяет школу как совокупность ученых, связанных в профессиональном плане как генетически (имея в виду «тот факт, что И.М. Гревс был первым профессором Петербургского университета, сделавшим своей основной специальностью историю западноевропейского Средневековья, и что все петербургские медиевисты рассматриваемого периода признавали себя его учениками»⁵⁴), так и проблемно-тематически⁵⁵. Для их работ, по мнению исследователя, характерен интерес к изучению культуры, религиозной идеологии и города средневекового романского Запада. Но при этом Б.С. Каганович специально подчеркивает, что нет никаких оснований говорить о единой методологии и концепции представителей школы. «Ученики Гревса, в большинстве своем люди яркие и самостоятельные, не исповедовали какой-либо единой доктрины и были очень разными учеными. Нет смысла подводить здесь какой-то искусственный общий знаменатель»⁵⁶. И если в кандидатской диссертации, как казалось, отдавая дань времени, Б.С. Каганович говорил о проявлении в рамках школы «кризисных явлений буржуазной исторической науки»⁵⁷, связывая их с творчеством Л.П. Карсавина, Н.П. Оттокара и С.И. Штейна, то впоследствии он отошел от этой оценки, совершенно справедливо и однозначно определив петербургскую школу медиевистов начала XX в. как «блестящую»⁵⁸, что, впрочем, не изменило его негативного восприятия исторического творчества Л.П. Карсавина⁵⁹ и Н.П. Оттокара.

В последующих работах автор, немало сделавший и делающий для изучения петербургской школы медиевистики начала XX в., и вовсе отошел от «теоретизирования», сосредоточившись на биографических сюжетах, часто открывая новые забытые сюжеты и имена. Особенно значительной представляется его заслуга в возвращении в историю

⁵⁴ Там же. С. 2.

⁵⁵ Там же. С. 13.

⁵⁶ Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики...

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Каганович Б.С. П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. VII. В этой же работе, определяя основные черты изучаемой научной школы, автор пишет: «Особенностью петербургской школы медиевистики был целостный анализ средневековой культуры, выявление общих тенденций в самых разных сферах жизни, особый интерес к духовной и религиозной культуре средневековья, тонкое чувство исторического и художественного стиля эпохи, яркость историко-психологического анализа». См.: Там же. С. VIII.

⁵⁹ Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 176—177.

отечественной науки имени блестящего исследователя культуры итальянского Ренессанса А.И. Хоментовской⁶⁰.

Однако само понятие «школа» в этих работах отходит на второй план. Почему мы можем характеризовать данное сообщество именно как научную школу, с чем связаны гомогенность проблематики и гетерогенность методологии, наконец, кто из ученых относится к названной школе?⁶¹ Все эти вопросы остаются без ответа. Исследователь использует термин «научная школа» как «прозрачный», не нуждающийся в особом пояснении. Наиболее типичным проявлением подобной тенденции является итоговая⁶², по словам самого автора, монография «Русские медиевисты первой половины XX века».

Тематически и методологически к работам Б.С. Кагановича при- мыкают исследования Л.Б. Вольфцун. Данные штудии, бóльшая часть из которых включена в книгу «От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России»⁶³, посвящены анализу жизненного пути и, в меньшей степени, научного творчества «преимущественно» младших представителей школы И.М. Гревса. На основе широкого круга как опубликованных текстов, так и впервые вводимых в научных оборот архивных документов автор тщательно реконструирует научные биографии В.В. Бахтина, С.А. Ушакова, Н.С. Цемша (заметим, перед нами первое специальное исследование об этих ученых), В.С. и А.Д. Люблинских. Автор на конкретном материале рассматривает различные формы социального взаимодействия между историками. Однако специальным объектом научных изысканий автора они все же не становятся.

Таким образом, можно говорить о том, что работы Б.С. Кагановича «возродили» и «реабилитировали» сам термин «петербургская школа медиевистов»; он становится широко распространенным и общепотребимым.

Для современного этапа характерно наличие большого количества работ, посвященных отдельным представителям школы, особенно тем, чьи имена были возвращены в историю отечественной науки после

⁶⁰ Каганович Б.С. Об авторе этой книги // Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия... С. 10—18; Он же. А.И. Хоментовская в последние годы жизни (по материалам ее переписки) // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 125—147.

⁶¹ Б.С. Каганович, например, относит к школе, вслед за отметившим «идейную близость» Е.А. Косминским, одесского историка П.М. Бицилли.

⁶² Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 7.

⁶³ Вольфцун Л.Б. От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб., 2008.

длительного забвения, вызванного в первую очередь политической ситуацией, т.е. тех ученых, которые имели репутацию врагов или жертв советской власти, — Л.П. Карсавина⁶⁴, Н.П. Оттокара⁶⁵, Г.П. Федото-

⁶⁴ *Хоружий С.С.* Жизнь и учение Льва Карсавина // После перерыва. Пути развития русской философии. СПб., 1994. С. 13—181. См., например: *Бойцов М.А.* Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна... // *Карсавин Л.П.* Монашество в Средние века. М., 1992. С. 3—33; *Дятева Л.В.* Антропологическая концепция в философии истории Л.П. Карсавина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000; *Николаев А.Е.* Проблема взаимосвязи истории и политики в философии Л.П. Карсавина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1996; *Повилайтис В.И.* Учение Л.П. Карсавина о «симфонической личности» как субъекте исторического процесса: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998; *Рудман М.Н.* Концепция исторического синтеза в творчестве Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2002; *Свешников А.В.* Историческая концепция Л.П. Карсавина и поиски нового языка исторической науки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1997; *Степанов Б.Е.* Становление теоретической культурологии в трудах Л.П. Карсавина: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 1998; *Уваров П.Ю.* Апокатастасис, или Основной инстинкт историка // *Казус: индивидуальное и уникальное в истории.* М., 2000. Вып. 3. С. 15—32; *Ястребицкая А.Л.* Историк-медиевист Л.П. Карсавин (1882—1952): аналитический обзор. М., 1991; *Она же.* Историк культуры Лев Платонович Карсавин: у истоков исторической антропологии в России // *Диалог со временем. Историки в меняющемся мире.* М., 1996. С. 35—68; *Она же.* Лев Платонович Карсавин: творчество историка и историографический процесс // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории.* М., 2001. Вып. 6. С. 80—117; *Она же.* Лев Платонович Карсавин (1882—1952) // *Портреты историков. Время и судьбы.* М., 2004. Т. 3: Древний мир и Средние века. С. 471—473; *Степанов Б.Е.* Проблема достоверности в методологии истории культуры Л.П. Карсавина // *Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры.* М., 2002. С. 183—214; *Ендольцев Ю.А.* «Он любил ниспровергать принятое либеральной наукой». Л.П. Карсавин // *Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах С.-Петербургского университета.* СПб., 2002. Т. 1. С. 397—411; *Мелих Ю.Б.* Персонализм Л.П. Карсавина и европейская философия. М., 2003. Общую библиографию работ о Карсавине см.: *Лев Платонович Карсавин / Под ред. С.С. Хоружего.* М., 2012. С. 501—516. Анализ основных тенденций историографии творчества Л.П. Карсавина см. в кн.: *Свешников А.В., Степанов Б.Е.* История одного классика: Лев Платонович Карсавин в постсоветской историографии // *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании.* М., 2009. С. 332—360.

⁶⁵ *Клементьев А.К.* Николай Петрович Оттокар (Путь русского историка: Санкт-Петербург — Пермь — Петроград — Флоренция) // *Исторические записки.* М., 2004. № 7. С. 323—338; *Он же.* Николай Петрович Оттокар (русский исследователь политического устройства средневековой Европы) // *Зарубежная Россия 1917—1945.* СПб., 2004. С. 79—104; *Клементьев А.К., Клементьева В.А.* Три университета Николая Петровича Оттокара. Санкт-Петербург — Петроград — Пермь — Флоренция // *Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции.* М., 2006. С. 377—404; *Клюев А.И.* Н.П. Оттокар в Перми: основные вехи // *Историк и его эпоха.* Тюмень, 2009. С. 383—388; *Комолова Н.П.* Профессор Флорентийского университета Н.П. Оттокар // *Россия и Италия.* М., 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 157—164; *Она же.* Страницы итальянской

ва⁶⁶. В этом ряду и другие медиевисты, в частности, Н.П. Анциферов⁶⁷, В.В. Вейдле⁶⁸. В огромном количестве работ уделено пристальное внимание и самому И.М. Гревсу⁶⁹. Проведены специальные конференции,

истории по Н.П. Оттокару // Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М., 2005. С. 396—403; *Sestan E. Introduzione // Ottokar N. Il comune di Firenze alla fine del dugento*. Torino, 1962. P. IX—XVIII; *Nicola Ottokar storico del Medioevo. Da Pietroburgo a Firenze*. Firenze, 2008.

⁶⁶ Литература, посвященная Г.П. Федотову, весьма обширна, см., например: *Зайцева Н.Н. Логика любви: Россия в историософской концепции Георгия Федотова*. Самара, 2001; *Киселев А.Ф. Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции)*. М., 2004; *Морозова М.Ю. Проблема самоопределения России и отечественной интеллигенции в религиозной философии Г.П. Федотова*. Ковров, 1999; *Рыбачук В.Б. Философия культуры Г.П. Федотова*. Тверь, 1996; *Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории)*. Петрозаводск, 2003. С. 273—348; *Ивонина О.И. Время свободы*. Новосибирск, 2000. Однако большая часть этих работ посвящена анализу жизни и взглядов Г. П. Федотова эмигрантского периода, отраженных преимущественно в его публицистических текстах. Из штудий, непосредственно освещающих до-эмигрантский период, см.: *Антощенко А.В. Студенческие годы Г.П. Федотова (по новым документам) // Всеобщая история и история культуры: Петербургский историограф*. сб. СПб., 2008. С. 157—168; *Он же. Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) // Мир историка: историографический сборник*. Омск, 2008. Вып. 4. С. 50—75. *Он же. Долгие сборы в Саратов (к биографии Г.П. Федотова) // Историографический сборник*. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 72—82.

⁶⁷ *Добкин А.И. Н.П. Анциферов: материалы к биобиблиографии // Анциферовские чтения*. Л., 1989; С. 9—23; *Он же. [Вступительная статья] // Анциферов Н.П. Из дум о былом: воспоминания*. М., 1992. С. 3—12; *Враская О.Б. Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник за 1981 год*. М., 1982. С. 303; *Перлина Н.М. Иван Михайлович Гревс и Николай Павлович Анциферов: К обоснованию их культурологической позиции // Анциферовские чтения*. Л., 1989; *Конечный А.М., Кумпан К.А. Петербург в жизни и трудах Н.П. Анциферова // Анциферов Н.П. «Непостижимый город...»* Л., 1991. С. 5—23; *Свешников А.В., Степанов Б.Е. [Предисловие к статье Н.П. Анциферова «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность»] // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 2003 год*. М., 2003. С. 106—135; *Голубева И.А. И.М. Гревс и Н.П. Анциферов: от Италии к Петербургу (к вопросу о становлении урбанистики как научной дисциплины) // Историографический сборник*. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 24—34; *Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография 1920—1930-х гг.: к истории взаимосвязи русской литературы и краеведения*. М., 2010.

⁶⁸ *Дороченков И.А. Владимир Вейдле. Путь к книге // Вейдле В.В. Умирание искусства. Размышление о судьбе литературы и художественного творчества*. СПб., 1996. С. 195—239; *Толмачев В.М. Петербургская эстетика // Вейдле В.В. Умирание искусства*. М., 2001. С. 412—423.

⁶⁹ Общий анализ научной литературы о И.М. Гревсе см. в кн.: *Вахромеева О.Б. От автора-составителя // Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860—1941) / Автор-составитель О.Б. Вахромеева*. СПб., 2004. С. 3—7; *Бамбизова К.В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса — основоположника петербургской школы медиевистики: дис. ... канд. ист. наук*. Томск, 2008. С. 5—14.

посвященные юбилеям И.М. Гревса⁷⁰, Л.П. Карсавина⁷¹, А.Д. и В.С. Люблинских⁷², Н.П. Анциферова⁷³, М.А. Гуковского⁷⁴. Достоянием общест-венности делаются как публиковавшиеся ранее труды петербургских медиевистов начала XX в.,⁷⁵ так и неизданные тексты составленных ими работ, воспоминаний⁷⁶, переписка и даже деловая документация⁷⁷.

В определенной степени термин «петербургская школа медиевистов» становится модным, мифологизируется и превращается в «бренд». Понятие школы в этих работах, однако, как правило, не проблематизируется⁷⁸. Как бы само собой разумеется, что если определенные люди учились у И.М. Гревса в университете или на Высших женских курсах

⁷⁰ Петербургские исследования: сборник научных статей. СПб., 2006.

⁷¹ Клементьева В.А. Вспоминая Льва Платоновича Карсавина (Санкт-Петербург, декабрь 2002 г. // СВ. М., 2006. Вып. 67. С. 284—290.

⁷² Западноевропейская культура в рукописях и книгах публичной библиотеки. СПб., 2001.

⁷³ Анциферовские чтения. Л., 1989; Вторые московские Анциферовские чтения. Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича. М., 2014; Третьи московские Анциферовские чтения. Сборник статей по материалам международной юбилейной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Николая Петровича Анциферова. М., 2015.

⁷⁴ Научная конференция памяти Матвея Александровича Гуковского. К 100-летию со дня рождения. СПб., 1998.

⁷⁵ См., например: Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. М., 1992; Он же. Философия истории. СПб., 1993; Он же. Святые отцы и учителя Церкви. М., 1994; Он же. Католичество. Откровения блаженной Анджелы. Томск, 1997; Он же. Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках. СПб., 1997; Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда Львиное Сердце. М., 1991; Она же. Эпоха крестовых походов. Запад в крестоносном движении. М., 2003; Она же. Духовная культура средневекового Запада. М., 2010; Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. М., 1996. Т. 1 (в этом томе переизданы все медиевистические работы автора); Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1990.

⁷⁶ См., например: Анциферов Н.П. Из дум о былом...; Вейдле В.В. Воспоминания / Публ. И. Дороченкова // Диаспора: новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 24—123; СПб., 2002. Вып. 3. С. 7—159; Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860—1941) / Автор-составитель. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004.

⁷⁷ См.: Человек с открытым сердцем...

⁷⁸ Исключения составляют, пожалуй, работы Б.Е. Степанова и И.Л. Абрамчук (см.: Степанов Б.Е. Время синтеза: средневековье и современность в работах представителей школы И.М. Гревса // Культура. XX: научно-образовательный альманах Института Европейских культур. М., 2001. С. 235—249; Он же. И.М. Гревс и формирование нового образа Средневековья в трудах его учеников // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории: материалы науч. конф. М., 2001. С. 207—210; Абрамчук И.Л. «Школа И.М. Гревса» и новое направление в российской исторической науке XX века // Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ: материалы II Всероссийской научной конференции. Омск, 1998. Т. 2. С. 172—173).

(далее — ВЖК) и профессионально занимались изучением Средних веков, значит они априорно принадлежат к созданной им научной школе. Именно такова, например, логика рассуждений автора последней по времени написания и очень хорошей в целом диссертации, посвященной И.М. Гревсу⁷⁹.

Представляется, что подобная ситуация во многом является производной от того общего понимания содержания термина «научная школа», которое присутствует в современной историографии.

Проблема школ в российской исторической науке интересует отечественных историографов (именно им принадлежит пальма первенства в разработке данного вопроса) достаточно давно. Уже с середины XIX в. слово «школа» постоянно употребляется в различных историографических обзорах. Сама проблема, фактически, сводится к ответам на вопросы: «что такое научная школа?» и «почему существуют школы в исторической науке?». В ходе последующей эволюции⁸⁰ употребление слова постепенно изменяется. «Школа» превращается из элемента быденного языка, значение которого очевидно из содержания контекста, в научный термин — категорию инструментария историографического и историко-научного анализа.

Интерес и внимание к проблеме школы, то затухая, то усиливаясь, сохраняется на протяжении последних ста лет. Кульминация интереса к научным школам приходится на 1990—2000-е гг., когда по этой тематике выходит ряд исследований и даже проводятся специализированные, посвященные данной проблеме конференции.

Несмотря на отсутствие однозначности в определении научной школы и периодически актуализирующуюся полемику, мы можем определить основную тенденцию этих работ в качестве «классического» подхода, сложившегося в историографии. Центральная его идея была в свое время очень четко сформулирована П.Н. Милюковым. Исследователь писал о том, что «сознательно или бессознательно специальная работа всегда направляется какой-нибудь теорией»⁸¹. Следовательно, в основе любой выделяемой группы ученых, сколь бы компактной или аморфной она ни была, должна лежать некая базовая теоретическая идея, определяющая тематику, проблематику и методологию работ представителей конкретного сообщества. Именно

⁷⁹ Бамбизова К.В. Указ. соч. С. 69—78.

⁸⁰ Эта эволюция обстоятельно рассмотрена в монографиях: *Погодин С.Н. Русская историческая школа*. Н.И. Кареев. И.В. Лучицкий. М.М. Ковалевский. СПб., 1997. С. 17—49; *Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке...* С. 7—108; *Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа*. Рязань, 2004. С. 22—52.

⁸¹ Милюков П.Н. *Очерки истории исторической науки*. М., 2002. С. 26.

в рамках подобного подхода выполнялось большинство изысканий, посвященных указанной теме.

Классическое определение научной школы, а также других выделяемых форм организации научного сообщества — «научное направление» и «течение в науке» — попыталась дать Е.В. Гутнова. В учебнике «Историография истории средних веков» она характеризует «течения» как «наиболее широкие и обычно аморфные группы историков, объединенные самыми общими методологическими принципами и, как правило, включающие в себя разные “направления” и “школы”. Под “направлением” мы понимаем более компактные группы ученых, тесно связанных между собой не только общими методологическими принципами, но и их интерпретацией, а также тематикой и проблематикой работ. Наконец, термин “школа” мы применяем для обозначения еще более узкой группы историков, составляющих ответвление широкого “течения” или даже “направления”. Критерием для выделения школы чаще всего служили как раз методические приемы, объединяющие такую группу историков, иногда же то, что они были учениками и последователями одного крупного ученого или группировались вокруг одного университета. Как видно из сказанного, главными критериями для выделения “течений” и “направлений” в буржуазной исторической науке нам служили методологические принципы историков и связанная с ними основная проблематика их работ»⁸².

Казалось бы, дана четкая, вполне прозрачная схема, осталось только без особых проблем наложить ее на материал. Но как показал Г.П. Мяков, уже сама Е.В. Гутнова, переходя к изложению конкретного историографического материала, не смогла остаться в рамках обозначенной «иерархической» схемы критериев выделения школ и направлений. С подобной трудностью столкнулись и другие авторы, пытавшиеся работать в рамках подобной модели. Чаще всего это приводило к употреблению терминов «школа» и «направление» в качестве синонимов и, видимо, проистекало из невозможности провести границу между «более узкой» и «более широкой» группой ученых, а также из непродуктивности выделения в качестве основания для водораздела методологии и методики. Характеризуя кризисное состояние в изучении научных школ в исторической науке, И.Л. Беленький писал о разнородности основания для выделения тех или иных научных школ⁸³.

1990—2000-е гг. оказались периодом, когда в рамках «классического» подхода было предложено несколько новых определений, но нель-

⁸² Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. С. 10.

⁸³ Беленький И.Л. К проблеме наименования школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX—XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч. 2. С. 64.

зя сказать, чтобы какое-то из них отличалось принципиальной новизной или воспринималось научным сообществом историографов в качестве оригинального и продуктивного. Методология, политическая ориентация, проблематика научных работ поочередно выдвигались в спорах в качестве решающего критерия (предполагалось, что возможен еще и ряд второстепенных). Характерным для данного периода является, например, подход С.Н. Погодина, использовавшего для выделения «русской школы новой истории» критерий, состоящий из двух элементов — методологии (позитивизм) и проблематики работ (изучение аграрной истории предреволюционной Франции). У ряда историографов, во многом как реакция на споры, возникает желание отбросить теоретическую разработку понятия «научная школа» как непродуктивное занятие. «Учитывая конкретно-исторический характер исследования, — пишет, например, В.С. Брачев, — автор этих строк старался абстрагироваться от достаточно бесплодных, по его мнению, споров, связанных с определением понятия “научная школа” в исторической науке»⁸⁴. Фраза, как представляется, выразительно свидетельствует о кризисе «классического» подхода в изучении научных школ.

Наряду с отмеченным естественным стремлением к формализации ключевого понятия, необходимо обратить внимание на некоторые специфические оговорки и замечания, встречающиеся в трудах сторонников «классического» подхода и, по сути, отражающие внутренние идейно-теоретические установки их авторов.

Во-первых, как уже говорилось, стремление выделить некий характерный для исследовательской работы представителей школы общий принцип, который оказывается шире, чем проблематика и методология. Ученые усваивают его в ходе профессионального обучения и становления, позднее последовательно применяя в собственных изысканиях. Впрочем, далеко не всегда данный принцип может быть в полной мере отрефлексирован. Так, например, А.Е. Пресняков и следующий за ним в этом вопросе С.Н. Валк определяли как основную черту «петербургской школы историков» в сравнении с московской «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту — в независимости от историографической традиции». Московские же историки, в понимании А.Е. Преснякова, идут от некой «социологической» схемы, подбирая или подгоняя под нее факты. Наиболее типичным представителем «петербургской школы», ставящей на первое ме-

⁸⁴ Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001. С. 8.

сто факт или источник, является С.Ф. Платонов, «московской» — В.О. Ключевский. В последние годы именно на выделении подобного принципа строят свои историографические работы Б.В. Ананьич и В.М. Панеях⁸⁵. В.С. Брачев добавляет к нему еще «патриотизм» петерских историков. Получается, что все историки северной столицы, чем бы они ни занимались (от Античности до XX в.) и на какую бы методологическую традицию ни ориентировались (от позитивизма до марксизма), всегда верны «базовому принципу», привитому им в стенах родного университета. По мнению некоторых исследователей, базовый петербургский принцип сохраняется в период различных идеологических и политических кампаний⁸⁶ и позволяет говорить о преемственности традиций «петербургской школы» вплоть до современности⁸⁷.

Вторым моментом оказывается признание важности непосредственной связи учителя и ученика в процессе обучения как фактора, обуславливающего школьную принадлежность. Еще А.С. Лаппо-Данилевский, разделяя школу и направление, писал, что «в школе преобладает личное воздействие учителя на учеников»⁸⁸. Н.И. Кареев и В.П. Бузескул, пытаясь в 1920-х гг. дать общее представление о развитии исторической науки в России, постоянно фиксируют связи «учитель—ученик»⁸⁹. Именно в этом смысле оказываются употребимы выражения «школа Ключевского», «школа Платонова», «школа Герье» или «школа Гревса». Даже Е.В. Гутнова в своем определении старается учитывать момент «непосредственного ученичества».

Для обозначенных подходов, однако, важной проблемой оказывается теоретическая неразработанность самой модели «вхождения» в школу. «Почему и как проходит обучение и привитие базового принципа?» — вот вопросы, которые в основном остаются без ответа.

В отличие от «классического» подхода, основывающегося на традиции историографического анализа, «альтернативные» подходы, предлагаемые в последнее время наукой, опираются на разработки целого ряда различных дисциплин гуманитарного цикла (истории и филосо-

⁸⁵ Ананьич Б.В., Панеях В.М. О петербургской исторической школе... С. 105.

⁸⁶ Панеях В.М. Борис Александрович Романов. СПб., 2000; Дворниченко А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.

⁸⁷ Альшиц Д.Н. Петербургская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, образовании и культуре // Петербургская историческая школа: альманах. СПб., 2001. С. 8.

⁸⁸ Цит. по: Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 145.

⁸⁹ Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876—1926) // Отечественная история. 1994. № 4; Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России. Л., 1929—1931. Ч. 1—2.

фии науки, социологии, лингвистики, этнологии) и представляют собой попытку междисциплинарного исследования.

В числе подобных работ, конечно, следует назвать монографию Г.П. Мягкова, призывавшего учитывать «коммуникативные характеристики» школы, «т.е. связь членов школы, структуры школы, психологические взаимоотношения в школе, наличие лидера и т.д.»⁹⁰. При этом в конкретно-исторической части своего исследования он реконструирует коммуникативные связи между историками, не имеющими общей институциональной принадлежности.

В целом, как убедительно показал в своем обзоре истории изучения данного вопроса в отечественной историографии Г.П. Мягков, для большинства исследователей характерно понимание научной школы как определенной группы ученых, выделяющейся в рамках научного сообщества по специфическим признакам. Однако если теоретически большинство историографов признает т.н. иерархическую модель соотношения различных групп в рамках дисциплинарного научного сообщества («школа уже, чем направление»), то на практике часто — сознательно или неосознанно — эти термины употребляет как синонимы. Немалое количество примеров описанной ситуации приведено в работе Г.П. Мягкова. Подобная вольность в обращении с указанными терминами характерна не только для историков. Справедливо замечание Г. Лайтко, считавшего, что лексема «школа» является для профессиональных ученых «словом обыденного языка». Нельзя сказать, что «схоларные» исследования последних как-то принципиально изменили ситуацию.

В связи с этим представляется необходимым предложить свой принцип разведения столь важных для настоящего исследования понятий и, соответственно, новое понимание научной школы. Мы полагаем, что «научная школа» и «направление в науке» — категории, обозначающие явления, так сказать, разного порядка. Научная школа — это, в первую очередь, группа профессиональных ученых, непосредственно взаимодействующих между собой, говоря языком социологии, — реальная социальная группа. Направление, в данном случае, — совокупность ученых, вовлеченных в изыскания в рамках одной (или схожей) проблематики, работа которых построена по общей (но вариативной) методологии и методике. Представители одного направления могут знать друг друга или даже не быть знакомы лично, образуя некий «незримый колледж», а могут и не осознавать, что принадлежат к одному научному направлению, отрицая даже сам факт его существования. Но в любом случае они не являются реальной социальной группой. Научная школа — реальное, а не «воображаемое сообщество» (если

⁹⁰ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке... С. 156.

вспомнить Б. Андерсона), точнее говоря, более реальное, чем научное направление и течение в науке.

Соответственно, подобная модель научной школы предоставляет возможность применить к ней методы исследования, схожие с теми, которые традиционно используются при анализе других социальных групп в социологии и культурной антропологии. Такой прием, в свою очередь, позволяет условно определить нашу модель как «антропологическую»⁹¹.

Речь идет именно о модели, т.е. созданной ученым интеллектуальной конструкции, обладающей определенным когнитивным потенциалом, позволяющей получить некое принципиально новое знание об изучаемой реальности. Наша модель вовсе не отрицает существование других подходов, в том числе «классического» историографического, направленного на выявление общей методологии, методики, идеологии и концепции в результате анализа текстов трудов историков. Предложенная модель позволяет поставить проблему несколько в ином ключе: каким образом, в каких социальных условиях происходит формирование в сознании группы ученых именно этих (а не каких-то иных) общих представлений? Каков социальный механизм формирования и функционирования школы? Как те или иные люди становятся не просто учеными, а представителями именно этой школы?

Антропологическое изучение каждой группы строится с учетом специфики титульной деятельности конкретной социальной единицы, актуальной для того или иного исследования. Скажем, племя охотников изучают посредством анализа основного рода их деятельности, т.е. охоты, а племя оленеводов, соответственно, — оленеводства. Таким образом, мы будем исследовать «племя» ученых-историков (школу петербургских медиевистов начала XX в.) в связи с их профессиональными и преподавательскими занятиями. Подобный подход вовсе не означает, что нельзя, к примеру, изучать верования или сексуальные практики охотников или оленеводов, напротив, выбранный ракурс позволяет через призму конкретной деятельности подойти к пониманию, в том числе, более глубоких и значительных аспектов, в случае первобытного общества — выявить бесспорную связь между системой представлений и родом занятия. Впрочем, если для архаичных социальных групп данный подход не является бесспорным, и в этом плане приведенные выше примеры, может быть, не самые удачные, то его применение к анали-

⁹¹ Теоретическое обоснование антропологического подхода к изучению истории науки см. в кн.: Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. С. 3—22; Комарова Г.А. Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни. М., 2008. С. 5—26.

зу общества модерна, отличающегося высокой степенью профессионализации и активно формирующимися субкультурами, представляется гораздо более очевидным. Антропологический анализ научной школы, естественно, невозможен без учета профессиональной деятельности ученых историков; в этом плане наш подход, конечно же, тесно соприкасается с «классическим». Однако специальные штудии и преподавательские практики медиевистов интересуют автора лишь под особым углом зрения. Более всего нас занимает не то, что пишут (или думают) историки, а то, каким образом написанное ими соотносится с реальным социальным контекстом, а равно и устоями профессиональной микрогруппы.

Получается, соответственно, что здесь наша модель тесно взаимодействует с достижениями социологии науки (особенно в рамках этнометодологии) и социологии знания⁹². Действительно, социологическое и антропологическое изучение научной повседневности и антропологии академической жизни является своего рода образцом применения подобной модели. Достаточно вспомнить классическое исследование Б. Латура и С. Вулгара, в котором путем «включенного наблюдения» изучается повседневная жизнь научной лаборатории⁹³.

Однако при попытке перенесения этих конструкций на наш материал (т.е. использования их как парадигмальных в изначальном — куновском — смысле) возникают две проблемы.

Во-первых, историк науки в отличие от социолога и антрополога лишен, если прибегнуть к терминологии этнографии, т.н. «поля» (в работе нам постоянно придется оговорить значение данного понятия, т.к. в современной науке — в том числе и в настоящем труде — оно трактуется по-разному). Итак, у историка нет возможности непосредственного наблюдения, «включенного наблюдения», социометрии, опроса и т.д. Он работает лишь со специфическими источниками, письменными текстами самых разных форм и жанров, а их авторы вовсе не ставили перед собой задачу запротokolировать или отразить научную повседневность, на фоне которой строилась их профессиональная деятельность⁹⁴. В любом случае, обращаясь за скрытой информацией, мы имеем дело с конструктом, с «фигурой дискурса». Подобная ситуация требует от антропологически ориентированного историка особых исследовательских процедур — специальной герменевтики. Данное обстоятельство

⁹² Golinski J. Making Natural Knowledge: Constructivism and the History of Science. Cambridge, 1998.

⁹³ Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills, California, 1979.

⁹⁴ Пример удачной реконструкции «лабораторной повседневности» на основании лабораторных записей и дневников см.: Galison P. How Experiments End. Chicago, 1987.

определяет в некоторой степени и специфику построения историко-антропологического труда. Приходится, чтобы быть доказательным, очень много «показывать», т.е. встраивать в текст своей работы пространственные цитаты из источников, выполняющих функцию полевого описания.

Во-вторых, в большинстве своем историко-антропологические исследования строятся на материале естественных наук, которые в плане научной повседневности, естественно, обладают очевидной спецификой. Эксперименты, наблюдения, опыты (анализу которых как социокультурных практик посвящены, например, труды Б. Латура и С. Вулгара), экспедиции — всё это отсутствует в научной (и учебной) повседневности гуманитария. Приходится искать другие значимые формы и практики, более характерные и существенные для гуманитария, в частности, — историка.

Таким образом, наша «антропологическая» модель научной школы характеризуется наличием следующих фундаментальных элементов.

Во-первых, школа представляет собой неформальную социальную группу профессиональных ученых, существующую в рамках каких-либо формальных структур, официальных институций — факультетов, кафедр, архивов, музеев, журналов, университетов и т.д. Но без институциональной привязки она не функционирует, а вот формальные структуры без школы обходятся достаточно часто. При этом неформальная школа вовсе не совпадает с формальной структурой, «в теле» которой она существует. Они различаются по составу (не все члены кафедры — представители школы), по структуре и набору социальных ролей (не всегда руководитель формальной организации является лидером школы). Кроме того, исторически ситуация вариативна — иногда в рамках других структур может раньше сложиться школа, а затем «создать себе институцию», но бывает и наоборот: в пределах функционирующей институции возникает школа, как правило, генетического типа.

Во-вторых, научная школа — сообщество профессиональных ученых, занимающихся научной деятельностью в рамках одной, общей для них академической дисциплины. Собственно, именно этим научная школа отличается, с одной стороны, от — условно говоря — просто школы, т.е. группы и институции, выполняющей исключительно учебные дидактические функции, например, учебного семинара. Генетически научная школа может вырастать из учебного семинара, что происходит довольно часто, но это разные вещи. Титульно учебный семинар не должен быть связан с научной работой. А с другой стороны, — научная школа отличается от кружка по интересам, салона, журфикса и т.д. Представители одного научного сообщества могут дружить, ходить в

гости, выпивать, но подобные атрибуты общественного поведения еще не делает их школой.

В-третьих, школа — реальная социальная группа со своей структурой, обладающая устойчивым набором общественных ролей и связей, а также целью — проведением научных изысканий. Показательно, что если гуманитарная научная школа существует в рамках формальной структуры, например, университетской кафедры, то их цели могут не совпадать. Кафедра официально решает задачи, связанные с организацией учебного процесса. У школы есть свои лидеры — условно «формальный» (глава школы), чье ведущее положение закреплено неформальным статусом, «инструментальный» и «эмоциональный». Поэтому говорить о «безлидерских» школах, конечно, нельзя. У научной школы имеется непрменный и вполне традиционный набор устойчивых действий, которые она воспроизводит, решая актуальные задачи, а также своя специфическая «минускультура».

В-четвертых, существует некая идеология школы, своего рода идеальный образ, конструируемый в сознании ее членов посредством письменных текстов, устных выступлений и иных репрезентаций. Идеология включает как представление о самой школе, ее целях, задачах, истории, участниках, особенностях, так и о фундаменте, на котором она (школа) покоится. Речь может идти о совокупности мировоззренческих, политических, религиозных, культурных, эстетических, этических установок, в разной степени (определенный люфт, безусловно, имеет место быть) разделяемых всеми представителями школы. Как ни парадоксально, но есть определенный смысл в идущей от М.Н. Покровского традиции выделять идейную или социальную «основу» научной школы.

В-пятых, важнейшим элементом существования научной школы является устойчивая коллективная идентичность⁹⁵. Данная корпорация «жива» лишь тогда, когда есть ученые, считающие себя ее представителями. Подобное позиционирование, с одной стороны, реализуется на уровне самых разных научных и ненаучных текстов, стратегии профессионального (и не только профессионального) поведения, а с другой, — должно быть значимо для научного сообщества ученых, не входящих в эту группу. Научное сообщество воспринимает того или иного исследователя как представителя определенной школы. Впрочем, история знает немало примеров плодотворной работы ученых-одиночек, в принципе ни в какую научную школу не входящих. Тем не менее, для специалистов, при-

⁹⁵ Интересные размышления о «запаздывании» формирования идентичности см.: Цыганков Д.А. Введение // Terra Europa... С. 5—6.

надлежащих к школе, именно корпоративная идентичность оказывается основным средством становления их в качестве ученых — магистральным «путем в науку». В этом плане школа — важнейший инструмент профессиональной социализации. В то же время, научная школа, как справедливо писал А.А. Формозов, задает траекторию карьеры и, одновременно, ставит преграды для расширения научного кругозора, получения информации о тех процессах в науке, которые идут за ее пределами⁹⁶.

Школьная идентичность, как хорошо показал П. Бурдые, является значимым фактором борьбы за господствующее положение в поле науки⁹⁷. Здесь, действительно, борьба идет не столько персонально между учеными, сколько между научными школами, что подтверждается большим количеством примеров. Следует подчеркнуть еще раз: научная школа конструируется через идентичность.

В-шестых, сообщество, идентифицирующее себя со школой, должно быть признано таковой в научной среде. Сам факт существования школы, а также наличия у ее представителей неких базовых специфических научных «идей» на уровне проблематики, методологии, методики, концепций, отличающих их от других ученых, нуждается в социопрофессиональной легитимации коллег.

В-седьмых, в рамках школы у ее членов существует некое вариативное сходство проблематики, методологии и методики научного исследования в рамках своей дисциплины. Эти представления передаются в ходе подготовки и обучения молодого исследователя и закрепляются в последующей профессиональной социализации.

В-восьмых, у каждой научной школы существует набор школообразующих практик, понимаемых как комплекс повторяемых — в каком-то смысле ритуальных (правда, без сакральной составляющей) — действий, посредством которых, с одной стороны, достигается цель, стоящая перед группой, а с другой, — вырабатывается коллективная идентичность. Набор таких практик вариативен. Вовлекая в себя того или иного ученого, они могут охватывать период до начала профессиональной научной деятельности, активную научную деятельность и период после ее завершения. В этом плане к первым относятся, например, учебные занятия, в рамках которых происходило формирование первых представлений о науке, ко вторым — специальные студии (особенно коллективные), защита квалификационных работ, обсуждение исследовательских проектов (своих и чужих),

⁹⁶ Формозов А.А. Научные школы, их плюсы и минусы // Формозов А.А. Человек и наука: из записей археолога. М., 2005. С. 161—174.

⁹⁷ Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. С. 473—517.

переписка, да и просто разговоры о проблемах профессии, к третьим — написание мемуаров об учителе, или участие в его юбилейном чествовании в качестве автора, как, кстати, и проводы наставника в последний путь. Очевидно, что далеко не каждый человек, прошедший в студенческие годы через семинары того или иного лидера школы, стал профессиональным ученым и подлинным членом данного сообщества.

Практики в большинстве случаев строятся по неким устойчивым (зачастую имплицитным) правилам, посредством набора повторяемых приемов, если не разработанных непосредственно лидером школы, то, по крайней мере, «запущенных» с его согласия. При этом и сам набор актуализируемых практик, и характер их реализации у различных научных школ, естественно, дифференцируется. Здесь, видимо, также нужно различать «формальное тело» (университетский семинар) и «неформальное содержание» (то, как этот семинар проводит конкретный преподаватель).

Если современные ученые, говоря о русском обществе XIX в., изучают ритуалы, легитимизирующие и конструирующие монархию и дворянство⁹⁸, то ничто не мешает попытаться под подобным углом зрения посмотреть на научное сообщество. На наш взгляд, данная проблематика, выполненная в русле не совсем традиционных историографических штудий тоже имеет право на существование.

Школа как социопрофессиональная группа не функционирует сама по себе, а воспроизводится посредством устойчивого набора действий, которые осуществляют индивиды. При этом ее конфигурация, возникающая в результате этих действий, оказывается достаточно динамичной, подвижной, пластичной, вариативной. Сегодня взаимоотношения между индивидами строятся так, а завтра — в силу различных причин — чуть иначе. В итоге происходит обмен информацией, эмоциями, генерируется школьная идентичность. Другими словами, ученые выполняют коллективные научные исследования не для того, чтобы создать свою научную школу, наоборот, именно в результате их действий, выполняемых в рамках проведения конкретных специальных изысканий, сообщество и формируется.

Как всякая другая реальная социальная группа, научная школа имеет собственную структуру и вариативную конфигурацию. Кто-то из образующих ее ученых ближе (в профессиональном или личностном

⁹⁸ См., например, классические работы: Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и нравы русского дворянства (XVIII—начало XIX в.). СПб., 1994.

плане) к коллегам по сообществу, а кто-то держит дистанцию. Но это положение может меняться.

Идеальный тип классической лидерской научной школы (особенно школы генетического типа) предполагает нахождение лидера школы (учителя) в центре внутришкольных коммуникаций. Он (в идеале) должен совмещать роли «формального», «институционального» и «эмоционального» лидера. Кстати, именно к такому совмещению ролей и стремился И.М. Гревс. В этом случае особое значение приобретает роль (неформальный статус) ближайшего, «любимого» ученика, научного наследника. С другой стороны, историчность школы приводит к тому, что с неизбежностью появляется некий «enfant terrible», непокорный ученик, претендующий на доминирование и способный в случае реализации претензий расколоть научную школу как социальную группу.

В большинстве случаев научная школа существует в контексте большой социальной и культурной формы, в нашем случае — профессиональной корпорации Санкт-Петербургского университета. Габитус определенной профессорской культуры воспроизводится в действиях и суждениях представителей школы с добавлением неких специфических школьных элементов.

Таким образом, настоящая работа посвящена анализу генезиса научной школы петербургских медиевистов как особой социопрофессиональной группы. В ходе исследования мы уделим первоочередное внимание тому, что назвали «школообразующими практиками», т.е. специфическим устойчивым отношениям, посредством которых конструируется и репрезентируется корпоративная идентичность и связанный с ней маркированный — как специфический — дискурс⁹⁹.

Как уже говорилось, в нашем понимании, своеобразии конкретного ученого сообщества как уникальной группы во многом определяется фигурой ее лидера, поэтому хронологические рамки исследования совпадают с годами жизни главы петербургской школы медиевистов И.М. Гревса; нам важно рассмотреть и формирование его взглядов, актуализированных в процессе конструирования школы.

Поставленная проблема определяет и структуру работы. Вначале мы реконструируем «внешнюю» историю школы, затем проанализируем основные «школообразующие практики» и, наконец, — конкретный казус конфликта, произошедшего среди представителей школы как «не-

⁹⁹ Обзор основных концепций практик в гуманитарном знании дан в работе, позиция авторов которой отличается от нашей. См.: Волков В.В., Хорхордин О.В. Теория практик. СПб., 2008.

нормальную» ситуацию, в ходе которой нарушаются внутренние циклы ее функционирования.

Исследование основано на широком круге источников, включающем как изданные материалы, так и неопубликованные документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Центральном государственном историческом архиве города Санкт-Петербурга, Российском государственном историческом архиве, архиве Института истории материальной культуры РАН, отделе Рукописей института истории русской литературы (Пушкинского дома)¹⁰⁰.

---

¹⁰⁰Обращаем внимание читателя на то, что орфография и пунктуация в цитатах из архивных источников приводится в соответствии с ныне действующими правилами письма. Сохранены лишь особенности передачи имен собственных.

Глава I

Иван Михайлович Гревс —
создатель петербургской школы
МЕДИЕВИСТОВ

Как мы уже говорили, огромное значение для формирования и последующей судьбы той или иной научной школы имеет личность ее создателя. В связи с этим в данном разделе мы рассмотрим биографию основателя перебургской школы медиевистов профессора Ивана Михайловича Гревса¹, обращая первоочередное внимание на те моменты его биографии, которые повлияли, на наш взгляд, на деятельность ученого в качестве творца и лидера школы.

Иван Михайлович Гревс родился 4 (17) мая 1860 г. в Воронежской губернии в имении своего отца² Михаила Михайловича Гревса, который — согласно семейному преданию — унаследовал фамилию от выходца из Англии, еще при Петре I поступившего на русскую службу. Пройдя всю Крымскую кампанию и получив ранение при Севастополе, Михаил Михайлович вышел в отставку в чине поручика и всю оставшуюся жизнь провел в небольшом имении. Е.Ч. Скржинская в своем замечательном очерке отмечает, что он, по словам сына, имел прекрасную домашнюю библиотеку, выписывал из столицы «Современник» и «Отечественные записки». Но всё же воспитанием детей, а кроме Ивана в семье был еще сын Дмитрий и дочь Елизавета, в основном занималась мать — Анна Ивановна, урожденная Бекарюкова. Именно она в 1872 г. отправляется с детьми в Петербург для того, чтобы они смогли продолжить обучение в столичной гимназии. В сентябре 1873 г. Иван поступает в третий класс Ларинской мужской гимназии, находившейся на 6-й линии Васильевского острова³. Из гимназических учителей наибольшее влияние на него оказал преподаватель русской литературы Виктор Петрович Острогорский, памяти которого впоследствии И.М. Гревс посвятил «набросок воспоминаний ученика»⁴.

Окончив гимназию, в 1879 г. И.М. Гревс поступает на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета⁵. В столич-

¹ О жизни и творчестве И.М. Гревса см.: Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс... С. 223—248; Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики...; Он же. И.М. Гревс — историк средневековой городской культуры // Городская культура. Средневековье и начало нового времени. Л., 1986. С. 216—235; Он же. Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.). Л., 1990. С. 198—216; Он же. Русские медиевисты... С. 13—87; Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс (1860—1941) // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2004. Вып. 3. С. 336—360; Человек с открытым сердцем...; Вахромеева О.Б. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб., 2005; Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсии И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Феномен прошлого. М., 2005. С. 491—475; Бамбизова К.В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса...

² ОР РНБ Ф. 1148. Оп. 1. Д. 1 Л. 1.

³ Детские и юношеские годы довольно подробно описаны самим И.М. Гревсом в его неопубликованных при жизни воспоминаниях, см.: Человек с открытым сердцем... С. 8—59. См. также: Вахромеева О.Б. Духовное единение... С. 8—36.

⁴ Гревс И.М. Виктор Петрович Острогорский (набросок воспоминаний ученика). СПб., 1902.

⁵ ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

ном университете того времени преподавали многие известные русские ученые. Так, например, всеобщую историю читали Ф.Ф. Соколов и В.В. Бауер, отечественную — К.Н. Бестужев-Рюмин. Впрочем, вхождение в научный мир далось эмоциональному и стеснительному молодому человеку нелегко. Позднее, вспоминая о студенческих годах, он будет рассказывать о том, какими сложными были его поиски своей научной «физиономии» и как непросто складывались отношения с будущим научным руководителем Василием Григорьевичем Васильевским (1838—1899).

Тем не менее, выбор, сделанный Гревсом после почти годичных колебаний, на всю оставшуюся жизнь определил его научную и преподавательскую судьбу. Крупнейший специалист по истории Византии, читавший общий курс истории Средних веков, В.Г. Васильевский, по словам самого И.М. Гревса, сумел привить своему ученику как навык настоящей научной работы, сочетавшей широту и основательность, умение ставить проблему со скрупулезным анализом текста, так и принципиальное, серьезное отношение к преподавательской работе как «делу жизни». И верность заветам наставника И.М. Гревс пронес через всю свою долгую жизнь: «Всем, что у меня есть положительного как научного историка, всем обязан ему»⁶.

В 1884 г. окончив *alma mater* с золотой медалью, полученной за написанную под руководством В.Г. Васильевского работу «Римско-Византийское государство по законодательным сборникам V—VI вв.»⁷, И.М. Гревс был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию⁸. Выбор темы будущей магистерской диссертации пал на аграрную историю римского общества периода империи. Наряду с этим он начинает преподавать историю в целом ряде учебных заведений столицы — гимназиях, кадетских корпусах, училищах⁹. В 1884 г. в «Журнале Министерства Народного Просвещения» увидела свет первая крупная научная статья И.М. Гревса, представляющая собой развернутую рецензию на работу Н.Д. Фюстеля де Куланжа¹⁰.

В 1885 г. Иван Михайлович женится на Марии Сергеевне Зарудной, дочери известного юриста и видного деятеля судебной реформы

⁶ Цит. по: Каганович Б.С. Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI—XVII вв. Л., 1990. С. 198.

⁷ Публикацию воспоминаний И.М. Гревса, в том числе касающихся работы над медальным сочинением, см. в приложении к настоящей монографии: Гревс И.М. Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX века. С. 343—366.

⁸ ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Гревс И.М. Новое исследование о колонате // ЖМНП, 1886, ноябрь—декабрь, С. 118—165. Первой печатной работой Гревса был популярный очерк «Венецианский купец (по Шекспиру)», опубликованный в журнале «Детское чтение» в 1880 году.

1860-х гг. Сергея Ивановича Зарудного¹¹. Мария Сергеевна окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы и работала учительницей в гимназии. Супруги прожили долгую совместную жизнь, вплоть до самой смерти Ивана Михайловича. В 1887 г. у них родилась первая дочь Екатерина, в 1894-м — вторая, Александра, которая к большому несчастью родителей прожила совсем недолго и умерла в 1910 г. В 1885 г. завязывается дружба между Гревсами и братьями Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбургами, случайно оказавшимися в это время их соседями по дому. Вокруг друзей постепенно образуется кружок, в который, помимо самих Гревса и Ольденбургов, входили, например, Д.И. Шаховской, В.И. Вернадский, А.А. Корнилов и еще целый ряд молодых людей. Многочасовые беседы и порой даже споры о «жизненно важных» вопросах с лирической теплотой запечатлены И.М. Гревсом в поздних воспоминаниях. Он пишет об этом времени как о периоде «обретения себя», осознания «руководящих идей» собственной жизни и деятельности благодаря дружеским спорам, отказа от «репутации радикала»¹². Друзья-единомышленники называли себя «Приютинским братством» по названию имения, которое в будущем планировали приобрести¹³. Замысел реализовать не удалось, но дружба и взаимное уважение были пронесены членами кружка через всю жизнь и в какой-то степени скреплены семейными узами. Двоюродная сестра Марии Сергеевны Гревс (Мария Дмитриевна Бекарюкова) стала женой Ф.Ф. Ольденбурга, а ее сестра Елена Дмитриевна вышла замуж за близкого к Братству известного русского историка А.С. Лаппо-Данилевского¹⁴. В это же время началась и длившаяся долгие годы дружба Гревсов с Лаппо-Данилевским. На родственице М.С. Гревс, Наталье Егоровне Старицкой, был женат В.И. Вернадский¹⁵. С А.С. Лап-

¹¹ Джанишев Г. С.И. Зарудный и судебная реформа. М., 1889.

¹² Гревс И.М. В годы юности // Былое. 1919. № 12. С. 42—88. Об участии И.М. Гревса в политическом движении в студенческие годы см.: Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 15.

¹³ Подробнее см.: Шаховской Д.И. Письма о Братстве / Публ. Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокиной // Звенья. М., 1992. Вып. 2. С. 171—318; Каганович Б.С. О генезисе идеологии Ольденбургского кружка и Приютина братства // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 90—103; Он же. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006. С. 14—17; Еремеева С.А. Приютинское братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX—первой половины XX в.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007.

¹⁴ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

¹⁵ Теплые отеческие чувства И.М. Гревс испытывал и к детям своих друзей. Г.В. Вернадский вспоминает забавный случай, который произошел с ним при сдаче магистерского экзамена: «Когда я отвечал Карееву на один из его вопросов, его куда-то вызвали. Я остановился. Гревс, который знал меня с детства, удивительно умел

по-Данилевским и Ольденбургами И.М. Гревса связывала в эти годы также деятельность в Студенческом научно-литературном обществе¹⁶.

В 1888—1889 г. сдал четыре из пяти положенных магистерских экзаменов¹⁷ (от экзамена «по древней истории» он был освобожден по решению профессора Ф.Ф. Соколова, т.к. «уже в медальном сочинении обнаружил хорошее знакомство с античностью», Средние века — В.Г. Васильевскому, русскую историю — Е.Е. Замысловскому, Новую историю — Н.И. Карееву, политическую экономию — П.И. Георгиевскому¹⁸), написав «клаузурную работу» и прочитав т.н. пробную лекцию¹⁹, И.М. Гревс получает первую оплачиваемую командировку за границу для продолжения научных изысканий²⁰.

В 1890 г. он отправляется на два года в поездку, запланировав посещение крупнейших научных центров Европы. По словам самого ученого, командировка оказала огромное влияние на процесс его научного формирования²¹. В ходе поездки И.М. Гревс посетил Германию, Швейцарию, Австрию, неизгладимый след в его душе оставила Франция, особенно Париж. Он был покорен французской культурой, став ее горячим почитателем, но не меньшее впечатление на него произвела и французская историческая наука. «Среди всеобщих историков-исследователей в России я — один из немногих — являюсь последователем французской, а не немецкой школы»²², — писал он впоследствии. Осенью 1890 г. И.М. Гревс впервые приезжает в Италию, потрясшую ученого до глубины души. Впоследствии И.М. Гревс неоднократно будет вспоминать об этой поездке как о самом ярком радостном потрясении своей жизни. Флоренция, наряду с Римом и Парижем, стала для него «родным, отчим местом»²³, и при любой возможности он стремился отправиться

передразнивать голоса и манеру людей говорить. Гнусавым голосом Кареева он наставительно сказал мне: “Ну, что же вы остановились? Продолжайте, продолжайте.” // *Вернадский Г.В. Из воспоминаний* // ВИ. 1995. № 1. С. 136.

¹⁶ *Гревс И.М. Очерк первый. Из университетских лет. «Студенческое научно-литературное общество» в Петербурге. 1880-е годы* // *Былое*. 1918, июнь. № 12. Кн. 6.

¹⁷ «Надобно было сдавать экзамен на магистра; В[асильев]ский стыдил и торопил, я все чувствовал себя недостаточно подготовленным. Не знаю, когда бы я решился сам, но осенью 1888 г. В[асилий] Г[ригорьевич] ультимативно потребовал, чтобы я приступил к испытанию безотлагательно. Пришлось подчиниться, и я бесконечно благодарен учителю за то, что он помог мне сдвинуться с места: дожидаться совершенства в подготовке было нельзя, сколько бы ни откладывать». См.: *Гревс И.М. Средневековая история...* С. 354—355.

¹⁸ *Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс...* С. 231—232; *Гревс И.М. Средневековая история...* С. 355—359.

¹⁹ *Человек с открытым сердцем...* С. 225—229.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 1148. Д. 1. Л. 1.

²¹ *Гревс И.М. Средневековая история...* С. 359—363; *Человек с открытым сердцем...* С. 230—249.

²² *Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс...* С. 233.

²³ *Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890—1891 года)* // *Россия и Италия*. М., 1992. С. 293.

туда. Сам побывав во Флоренции около десяти раз, И.М. Гревс широко пропагандировал путешествия в Италию «в период формирования взглядов» как уникальный и ни с чем не сравнимый опыт приобщения к культуре. Даже учитель И.М. Гревса, профессор В.Г. Васильевский, отмечал заразительность рассказа ученика о посещении Италии²⁴. Любовь к Италии и искреннее восхищение ею Иван Михайлович пронесет через всю свою жизнь²⁵.

Личные пристрастия определили и круг научных интересов Гревса. Позднее в воспоминаниях он назовет себя «историком преимущественно романских стран»²⁶.

Продолжая работу над диссертацией в 1894 г., И.М. Гревс получит еще одну зарубежную командировку для занятий в европейских библиотеках. В результате этих поездок окончательно утвердятся приоритеты молодого ученого как в области научных исследований, так и в плане формирования круга мыслителей, чьи идеи окажутся для него действительно значимыми профессионально и мировоззренчески²⁷. Исключительное влияние на становление Ивана Михайловича как историка оказали труды видного французского ученого Н.Д. Фюстеля де Куланжа²⁸.

В 1890 г. И.М. Гревс утвержден в звании приват-доцента Петербургского университета и с января приступает к чтению первого курса лекций «История государства и общества в период падения Римской империи»²⁹. В 1892 г. он начинает преподавать и на Высших женских (Бестужевских) курсах, где вскоре становится одним из самых популярных и любимых слушательницами профессоров. В 1894 г. болевший В.Г. Васильевский, видевший в Гревсе своего приемника на кафедре, передает ему чтение общего курса истории Средних веков в университете.

В эти годы Иван Михайлович удачно сочетает преподавательскую деятельность с завершением работы над диссертацией. С середины 1890-х гг. он публикует в «Журнале Министерства Народного Просвещения» ряд

²⁴ Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. Набросок воспоминаний и материалы для характеристики // ЖМНП. 1899, август. С. 29.

²⁵ Не испытывавший особого пиетета к И.М. Гревсу искусствовед Л.В. Розенталь вспоминал: «В университете профессор Гревс медоточил о культуре итальянского средневековья» // Розенталь Л.В. Непримечательные достоверности. М., 2010. С. 110.

²⁶ Цит. по: Каганович Б.С. И.М. Гревс — историк средневековой городской культуры. ...

²⁷ Гревс И.М. Средневековая история в Петербурге... С. 348, 362; Вахромеева О.Б. Духовное единение... С. 56—57.

²⁸ На протяжении своей жизни Гревс неоднократно обращался к анализу взглядов великого французского историка. См., например: Гревс И.М. Н.Д. Фюстель де Куланж // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 72. С. 936—944; Он же. История Средних веков. Лекции, читанные в 1892—1893 гг. на С.-Петербургских Высших Женских Курсах. Литографированное издание. СПб., 1892. Ч. 1. С. 200—237; Он же. Предисловие к русскому переводу (от редактора) // Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя Древней Франции. СПб., 1901. Т. 1. Римская Галлия. С. VII—XVII.

²⁹ Вахромеева О.Б. Духовное единение... С. 57.

объемных исследований, посвященных аграрной истории Рима³⁰. Данные статьи представляют собой, говоря языком современной науки, микро-исторические штудии, реконструирующие структуру крупных земельных хозяйств на материале отдельных, реально существовавших поместий. Сам И.М. Гревс называл собственные «этюды» «экономическими биографиями»³¹. В 1899 г. объединив два первых опубликованных труда и снабдив их обширным введением и заключением, в котором, по сути, создается общая теория исторической эволюции крупного аграрного землевладения в Риме, историк издает свою первую книгу «Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена империи). Т. 1», представленную в качестве магистерской диссертации³².

В 1900 г. состоялась защита исследования; официальными оппонентами выступили Ф.Ф. Зелинский и Ф.Ф. Соколов, неофициальным («оппонентом от публики») — Н.И. Кареев, давшие положительные отзывы о работе. В целом доброжелательными были и рецензии, появившиеся в печати³³.

Присутствующее в названии монографии указание на номер тома далеко не случайно. По словам Е.Ч. Скржинской, «прямым продолжением магистерской диссертации должна была стать следующая, уже почти тогда готовая работа по вопросам развития императорской земельной собственности от начала империи до ее падения»³⁴. Второй частью исследования предполагалось завершить формирование единой целостной концепции

³⁰ Гревс И.М. Римское землевладение в момент утверждения империи по сочинениям Горация // ЖМНП. 1895, январь. С. 89—187; *Он же*. Т. Помпоний Атик (друг Цицерона) как представитель особого типа земельных магнатов в переходную эпоху от Республики к империи // ЖМНП. 1896, февраль. С. 297—340; июль. С. 1—66; сентябрь. С. 76—140; *Он же*. Большое сельское поместье в древней Италии и крупное землевладение в римском мире к концу I века Империи // ЖМНП. 1897, сентябрь, отд. 2. С. 1—55; октябрь, С. 277—324.

³¹ Общий анализ этих работ см.: Бамбизова К.В. Указ. соч. С. 146—173.

³² Разбор монографии И.М. Гревса в различных контекстах см.: Каганович Б.С. Вокруг «Очерков»... С. 198—216; Фролов Э.Д. Русская наука об Античности. СПб., 1999. С. 340—347; *Он же*. Из истории социально-экономического направления в русском антиковедении: римская аграрная история в трактовке И.М. Гревса // Петербургские исследования. СПб., 2007. С. 33—51; Бонгард-Левин Г.М., Котрелев Н.В., Ляпустина Е.В. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова — памятник русской культуры // История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М., 2006. С. 326—339.

³³ Кареев Н.И. Книга г. Гревса о римском землевладении // Русское богатство. 1900. № 11. С. 1—27; № 12. С. 1—20; Зелинский Ф.Ф. Рец. на: Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения. Т. 1 // ЖМНП. 1900. № 7. С. 156—173; Ростовцев М.И. Рец. на кн.: Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения. Т. 1 // Мир Божий. 1900. № 4. С. 95—97. В личных письмах И.М. Гревсу подробные отзывы на книгу дали В.И. Вернадский и В.И. Иванов. См.: История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова... С. 155—206.

³⁴ Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс... С. 237.

аграрной эволюции римского общества³⁵. Но в 1901 г. произошло событие, кардинально изменившее планы историка и имевшее огромное значение для его творческой биографии. В этом году известный немецкий антиковед Отто Гиршфельд, ученик Т. Моммзена, опубликовал в журнале «Клио» статью, посвященную императорской земельной собственности и, следовательно, определенным образом предвосхитившую гревсовский замысел. Для Ивана Михайловича появление в печати данной работы стало серьезным ударом³⁶. «Гиршфельд напечатал свою “статистику” императорского землевладения, перехитив у меня (разумеется, случайно — он не знал о моей работе, даже, может быть, и о моем существовании) богатейший, свежесобранный и до него никем не использованный материал. У меня была статистика более богатая, чем у него, но, так сказать, “сливки” были сняты, и я махнул на неоконченный труд <...> Мир праху моей работы»³⁷. В 1905 г. скорее по инерции будет опубликована статья о крупном частном римском земельном владении по данным Петрония, но после этого историк надолго оставит тему, так и не реализовав подготовленный материал. Только через много лет И.М. Гревс вновь вернется к аграрной истории Рима³⁸, но и тогда его труд так и не будет полностью издан³⁹. Увидит свет лишь статья, посвященная земельным владениям второй жены императора Августа — Ливии⁴⁰. Сказались как внешние, так и внутренние обстоятельства: «Потерялась свежесть новизны, ослабела энергия для дальнейшей обработки, будто по стопам другого»⁴¹.

Впоследствии И.М. Гревс говорил об этом ударе как о поворотном событии в его жизни⁴². «Может быть, отчасти, в силу указанного только что обстоятельства произошла перемена в ориентировке моих исследовательских работ, но также и расширение и осложнение моих профессорских занятий, и это надолго прервало мои аграрно-исторические изыскания в области истории римского мира»⁴³. Действительно, теперь он сосредотачивается на средневековой истории Италии и Франции, уделяя преимущественное внимание изучению городов и культуры, обращаясь к наиболее ярким фигурам прошлого — Аврелию Августину, Франциску Ассизскому и Данте Алигьери, носителям подлинного духа

³⁵ ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 54; ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 10.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

³⁷ Цит. по: Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс... С. 237—238.

³⁸ Человек с открытым сердцем... С. 344—346.

³⁹ Каганович Б.С. Вокруг «Очерков»... С. 211—212.

⁴⁰ Гревс И.М. Эпизод из истории развития земельной собственности римских императоров и ее социальной роли. Земельное состояние Ливии, второй жены Августа // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1941. Вып. 12. С. 27—45.

⁴¹ Цит. по: Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс... С. 238.

⁴² ОР РНБ Ф. 1148. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.—2.

⁴³ Там же.

эпохи, «собеседникам», «учителям» и «наставникам в жизни», чья мудрость может многое открыть в том числе и современному человеку. Таким образом, как мы видим, при тематическом переходе И.М. Гревс сохраняет тот же принцип познания общего через конкретно-историческое его раскрытие, то же внимание к «биографии». И этот тематический переход в определенной степени был подготовлен. Во-первых, занимаясь аграрной историей Рима, Гревс, в полном соответствии со взглядами Фюстеля де Куланжа, первоочередное внимание уделял «росткам» будущего Средневековья. А во-вторых, как уже говорилось, Иван Михайлович из-за болезни В.Г. Васильевского (умершего в 1899 г.) читал общий курс истории Средних веков и в университете, и на Бестужевских курсах.

Однако именно с этим связано еще одно обстоятельство, усилившее драматизм кризисной ситуации. В 1899 г. И.М. Гревс — наряду с Н.И. Кареевым, М.И. Туган-Барановским, М.И. Свешниковым — был «секретным приказом Министра народного просвещения удален от должности приват-доцента СПб. университета» «ввиду вредного направления». По мнению исследователей жизненного пути И.М. Гревса, лично ему «припомнили» имевшее место в 1884 г. привлечение к дознанию по политическому делу. После встречи с министром народного просвещения Боголеповым И.М. Гревса отстранили от должности⁴⁴. В течение ряда лет он занимался преподаванием в частных гимназиях и сотрудничал с различными научно-популярными изданиями. Например, в Тенишевском училище историк организовал ряд т.н. исторических экскурсий по Петербургу и Киеву⁴⁵.

Отлучение от высшей школы переживалось довольно болезненно, но длилось недолго. В 1902 г. И.М. Гревс был восстановлен в должности в университете, в 1903 г. — на Бестужевских курсах⁴⁶. С этого времени начинается расцвет педагогической деятельности Гревса. Именно в указанный период Ивану Михайловичу в значительной степени удалось реализовать себя как преподавателя, выступая — в полном соответствии со своим пониманием задач обучения — не только в качестве учителя науки, но и учителя жизни, фактически создав петербургскую школу медиевистики. И.М. Гревс организывает специальный кабинет, предназначенный для научной работы студентов, ведет и в университете, и на ВЖК специальный семинарий, посвященный научному анализу текстов средневековых источников.

Интересуясь малоизученными, оригинальными проблемами, И.М. Гревс постоянно менял в этот период предлагаемые студентам специальные

⁴⁴ Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 30—31; Человек с открытым сердцем... С. 266—267.

⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 171.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

курсы и темы семинариев. Так, в обоих учебных заведениях с 1902 г. по 1919 г. (а в университете до 1923-го) он читал курсы «Социальная история Италии в конце Средневековья и начале Возрождения с практическими занятиями по чтению и интерпретации источников по истории Флоренции в XIII—XIV вв.», «Начала новой культуры. Возрождение XII—XIV вв.», «История развития городской культуры в Италии от упадка единства в Римском мире до так называемой эпохи Возрождения», «История французской культуры позднего Средневековья», «Городская культура Италии в X—XIII вв. (Общество, учреждения, духовная жизнь)», «История культуры в позднее Средневековье (Рим, Венеция, Флоренция)». В эти же годы Гревс вел семинарии по темам «Чтение и интерпретация источников по истории Флоренции», «Практические занятия по истории освобождения городов в средние века», «Развитие коммунальных учреждений в средневековом Кельне», «Франциск Ассизский и раннее францисканство», «Дино Компаньи и Флоренция во времена Данте», «Политические теории начала XIV в. в романских странах европейского Запада», «Семинарий по изучению памятников истории Флоренции во времена Данте»⁴⁷. Семинарии, посвященные Данте (в первую очередь, «О монархии») и Августину (основанные на разборе текста «Исповеди»), проводились неоднократно. Сохранившиеся в архиве Ивана Михайловича подготовительные материалы и воспоминания учеников позволяют реконструировать авторскую методику проведения семинарских занятий, основанную на последовательном — фрагмент за фрагментом — скрупулезном анализе текста, направленном на выявление базовых категорий и идей в сочетании с широкой постановкой вопросов и знакомстве с современной научной литературой⁴⁸.

Среди учеников, занимавшихся в семинарии под руководством И.М. Гревса, следует выделить такие известные впоследствии имена, как О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Н.П. Оттокар, А.И. Хоментовская, Е.Ч. Скржинская, Г.П. Федотов, А.А. Тэнтел, Н.П. Анциферов, М.Э. Шайтан, С.И. Штейн, К.В. Флоровская, В.В. Вейдле. После смерти известного специалиста по Новой истории профессора Г.В. Форстена Гревс по мере сил помогал в научной работе его ученикам — А.Г. Вульфису и В.Э. Крусману, справедливо считавших Ивана Михайловича своим вторым учителем. Из учеников И.М. Гревса после революционных лет к этому списку можно добавить А.Д. и В.С. Люблинских, М.А. Гуковского, В.В. Бахтина. Кроме того, семинарий И.М. Гревса оказался весьма полезной школой и для целого ряда известных историков, не специализировавшихся на медиевистике, например, Б.А. Романова или

⁴⁷ Каганович Б.С. И.М. Гревс — историк... С. 223.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 149.

М.Е. Сергеевко. Авторитет И.М. Гревса среди учеников и просто студентов в эти годы был непререкаем, а сам профессор окружен вполне заслуженным уважением и любовью. По словам бывшей слушательницы ВЖК Е.Н. Чеховой, «вряд ли можно найти имя, которое сыграло большую роль, пользовалось большей популярностью среди молодежи»⁴⁹. Популярность И.М. Гревса как преподавателя в Санкт-Петербурге в 1890—1910-е гг. была очень высока. «О Гревсе должен тебе признаться, что он меня очень увлекает. Я несколько иным рисовал его себе с твоих слов. С одной стороны, боясь некоторой идеализации в твоём портрете, я делал слишком большую отрицательную поправку. И потому я боялся встретить в нём смесь ученого олимпийства с преувеличенной («дамской») восторженностью, т.е. боялся пафоса. Я приятно разочарован. В нём — по крайней мере внешне — много мягкости и скромности. Он знает чувство меры — античное благородство, что не мешает ему бросать искры мысли, будить активность; словом, как учитель он идеален», — отмечал в письме Г.П. Федотов⁵⁰.

Ученики подготовили два юбилейных сборника статей в честь И.М. Гревса, ставших явлением в отечественной историографии⁵¹.

Значительным событием оказались организованные И.М. Гревсом в 1907 и 1912 гг. экскурсионные поездки в Италию студентов университета и слушательниц ВЖК⁵².

Преподавательскую деятельность в рамках учебных заведений в эти годы И.М. Гревс активно совмещает с различными формами популяризации исторических знаний среди широкой общественности. Он выступает в качестве редактора русского перевода двух фундаментальных трудов — знаменитой работы Н.Д. Фюстеля де Куланжа «История общественного строя древней Франции» и книги Г. Эйкена «История и система средневекового мирозерцания», к которым написал обстоятельное предисловие; наконец, И.М. Гревс является одним из соредакторов «Общей истории европейской культуры». Кроме того, в выпускаемом издательством Брокгауза и Ефрона «Новом энциклопедическом словаре» И.М. Гревс редактирует статьи, посвященные европейскому Средневековью, активно привлекая своих учени-

⁴⁹ Цит. по: *Рутенбург В.И.* Встречи Гревса с Италией // Россия и Италия. М., 1992. С. 309.

⁵⁰ *Федотов Г.П.* Собрание сочинений в 12 т. М., 2008. Т. 12. Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. С. 119. Впоследствии Г.П. Федотов, правда, несколько поменял свое отношение к И.М. Гревсу. См.: Там же. С. 127.

⁵¹ К 25-летию учебно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса: сборник статей его учеников. СПб., 1911; *Средневековый быт.* Л., 1925.

⁵² Подробнее об итальянских экскурсиях И.М. Гревса см. главу III настоящей монографии.

ков, а ряд важных текстов (например, об Августине и Карле Великом) готовит сам⁵³.

И.М. Гревс активно занимается общественной деятельностью. В 1904—1905 гг. он был участником съездов Всероссийского союза профессоров, затем членом комиссии по выработке нового университетского устава от историко-филологического факультета, впоследствии его избрали в комиссию по связям между Советом университета и студентами⁵⁴.

После революции И.М. Гревс продолжал работу в университете до 1923 г., когда он — подобно многим представителям старой науки — должен был уйти из *alma mater*⁵⁵. В эти годы ученый занимался в основном литературной и краеведческой деятельностью. В 1923—1924 гг. редактировал в издательстве Брокгауза и Ефрона научно-популярную биографическую серию «Образы человечества», в которой приняли участие многие видные историки того времени. И.М. Гревс написал для серии монографию о Данте; к сожалению, данная работа так и не увидела свет. В этом труде, подробно рассматривая биографию и взгляды великого итальянского поэта, автор делает акцент на актуальности для современного читателя идей Данте, определяя его как «великого собеседника на все времена»⁵⁶. «Из приведенных строк [Монархия 1.1] вскрывается возвышенный взгляд на человека и человечество, основы нового мирозерцания. Оно покоится на религиозности, вере в абсолютное начало, ведущее мир, на принципиальности — высоких требований от жизни. Высшая природа. — это божество. Оно вложило — верит Данте — в человека, во всех людей жажду познания, и не исполняет своего дела тот, кто не развивает великого свойства. Чем? Работой над наукой и исканием откровений религиозной истины. Стремиться к это-

⁵³ Гревс И.М. Августин Аврелий // Новый энциклопедический словарь / Ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1911. Т. 1. Стб. 128—149; Он же. Карл Великий // Там же. 1914. Т. 21. Стб. 22—28.

⁵⁴ Подробнее об общественно-политических взглядах и деятельности И.М. Гревса в 1900—1910-е гг. см.: Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 31—32; 44—47. См. также: Гревс И.М. Возродится ли у нас подорванное научное просвещение // Право: еженедельная юридическая газета. 1905. № 9. С. 634—644; Он же. Временные правила об управлении университетами и освобождение науки // Право. 1905. № 36. С. 2923—2939; Он же. Идеиная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии) // Полярная звезда. 1906, 25 февраля. № 11. С. 787—804; 1906, 5 марта. № 12. С. 55—77.

⁵⁵ «23 мая 1923 г. Научно-политическая секция Государственного Ученого совета постановила «отвести» И.М. Гревса от преподавания» // Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 48.

⁵⁶ «Соприкосновение с гением поднимает и нас. Вместе с славными солнцами мира будем идти с возженными своими скромными светильниками. Таково благо для нас от солидаризирования с гениями: надо помнить о них, ими питаться и воодушевляться» // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 211. Л. 64.

му надо не только для себя, но и для других, для всех. Миропонимание Данте проникнуто ощущением отечески сыновней связи между поколениями. Это — этическая основа жизни. Указанные образы и идеи насыщают творчество Данте, расцветают в его замечательной жизни»⁵⁷.

В 1926 г. из печати выходит новый труд — книга о И.С. Тургеневе. В работе, состоящей из двух разделов с приложением о тургеневском Петербурге, И.М. Гревс последовательно рассматривает сначала итальянские путешествия своего любимого писателя и возникшие в их ходе впечатления, а затем образ Италии на страницах художественных произведений Тургенева. Фактически, тургеневская Италия встраивается в контекст образа Италии в русской культуре в целом. «Одной из стран, куда рвется русская душа, была Италия. Учиться в прежние времена мы всего чаще ездили в Германию от времен Гегеля и Савиньи до времен Куно Фишера и Моммзена, развлекаться отправлялись в Париж, но сердцем всего больше отдавались Италии»⁵⁸.

Размышляя о Тургеневе, И.М. Гревс постоянно подчеркивает, что тот был «самым образованным среди русских писателей»⁵⁹, понимавшим, чувствовавшим и «пропагандирующим» «высшие ценности» культуры. «Духовное лицо Тургенева органически нераздельно с понятием культуры. Он один из ее поборников, сеятелей у нас ее благ и пропагандистов ее высших ценностей. Он изумительно жизненно разумел, чуял, воплощал саму душу культуры — идеи, просвещение, науку, искусство. Тургенев любил культуру всем сердцем — высокую культуру, цивилизацию. Она выражалась для него в развитии европейских народов»⁶⁰. Многие вкладывая в образ любимого «мастера слова» от собственного идеала, Гревс говорил о важности для Тургенева «принципа постепенности в достижении высокого идеала», разумной меры и гармонии в осуществлении эволюционного развития. Именно этим великий писатель и был близок Ивану Михайловичу, интерес и любовь к которому он пронес через всю свою долгую жизнь, невзирая на различные модные веяния⁶¹.

Центральным местом работы И.М. Гревса в указанный период являлся Петроградский (а затем Ленинградский) экскурсионный институт и Центральное бюро краеведения. В различных педагогических и

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 211. Л. 63—64.

⁵⁸ Гревс И.М. Тургенев и Италия: Культурно-исторический этюд. Л., 1925. С. 16.

⁵⁹ Там же. С. 15.

⁶⁰ Там же. С. 12—13.

⁶¹ Гревс И.М. История одной любви. И.С. Тургенев и Полина Виардо. М., 1927; Он же. Образы Италии в творчестве Тургенева // Начала. 1922. № 2. С. 64—105; Он же. М.П. Драгоманов о Тургеневе (из вновь найденных архивов) // Былое. 1925. № 3 (31). С. 113—130. См.: Сердюкова С.Г. И.М. Гревс и И.С. Тургенев // Петербургские исследования. СПб., 2007. С. 91—98.

краеведческих изданиях И.М. Гревс публикует серию статей, в которых разворачивается целостная и продуманная концепция экскурсионной деятельности как метода познания культуры⁶². Рассматривая город как своего рода квинтэссенцию культурных процессов, И.М. Гревс в то же время ратовал за комплексный и органичный подход к его изучению в ходе экскурсионной и краеведческой работы. Теоретические штудии сочетались и с практикой экскурсионной деятельности. Так, в 1922 г. он принимает участие в организованной совместно Московским и Петроградским экскурсионными институтами поездке в Вологду и Галич⁶³. В архиве историка сохранились подробные тексты примерных лекций об экскурсиях по Фонтанке и Васильевскому острову⁶⁴.

В этот же период Иван Михайлович публикует ряд статей по школьной педагогике и краеведению, а в 1927 г. выпускает небольшую обзорную брошюру «Краеведение в современной германской школе»⁶⁵.

Отношения историка с советской властью, в целом, складывались непросто. И.М. Гревс относился к Октябрьской революции отрицательно и не изменил позиции до конца жизни, однако необходимость существовать вынуждала считаться с новой обстановкой. В 1920-е гг. И.М. Гревс и его ученики неоднократно подвергались критике за «идеализм» со стороны «пролетарских» историков школы М.Н. Покровского. В конце 1920-х гг. И.М. Гревс был вынужден оставить занятия краеведением. В 1930 г. ученого ненадолго арестовали. Большинство его исследований, написанных в 1920—1930-е гг., так и осталось, в силу

⁶² Враская О.Б. Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник. 1981. М., 1982; Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсий И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Феномен прошлого. М., 2005. С. 419—475; Рыженко В.Г. И.М. Гревс — культуролог, педагог, родиневед // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. Омск, 1999; Смирнова А.Г. Роль И.М. Гревса в разработке экскурсионной методики // Петербургские исследования. СПб., 2006. С. 148—163; Козлов В.Ф. Иван Михайлович Гревс как теоретик и практик краеведения 1920-х гг. (по материалам журнала «Краеведение») // Там же. С. 136—147; Вахромеева О.Б. Приглашение к путешествию: методика исторических экскурсий И.М. Гревса. СПб., 2002; Гревс И.М. Дальние гуманитарные экскурсии и их воспитательно-образовательный смысл // Экскурсионное дело. 1922. № 4—6; Он же. Экскурсионное дело и нужды русской культуры // Наука и ее работники. 1922. № 3—4; Он же. Краеведение в школе (предмет, направление и пути) // Методы индивидуализирующего труда. М., 1925; Он же. Город как предмет школьного краеведения // Вопросы краеведения в школе. Л., 1926; Он же. Монументальный город и исторические экскурсии (основная идея образовательного путешествия по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. 1921. № 1.

⁶³ Гревс И.М. К живым образам истории и культуры русского Севера // Северная Вологда. 1923. Кн. 2. С. 154—179; Вахромеева О.Б. Приглашение к путешествию...

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 62; ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 64.

⁶⁵ Гревс И.М. Краеведение в современной германской школе: материалы для реформы учения. Л., 1926.

различных причин, неопубликованным, хотя в этот период ученый работал весьма интенсивно. Рукописные материалы последних лет жизни И.М. Гревса позволяют, по мнению Б.С. Кагановича, говорить о неприятии историком «социализма и материализма» с позиций Православия. В целом, направление эволюции его взглядов можно определить как движение «от идеализма к Православию»⁶⁶.

В 1920-е гг. на квартире И.М. Гревса регулярно собирался кружок бывших учеников, куда в основном входили В.В. Бахтин, Г.П. Федотов и Е.Н. Федотова-Нечаева (до своего отъезда за границу), Е.Ч. Скржинская, А.Д. и В.С. Люблинские, М.А. Гуковский⁶⁷.

В 1934 г. после восстановления исторических факультетов И.М. Гревс получил предложение вернуться в Ленинградский университет⁶⁸, где новую кафедру истории Средних веков возглавлял его бывший ученик Н.Н. Розенталь.

В то же время (в марте 1934 г.) об обеспечении персональной пенсии И.М. Гревсу активно хлопотал директор Института истории науки и техники Н.И. Бухарин⁶⁹. Видимо, это связано с ходатайством фактического руководителя Института, бывшего ученика И.М. Гревса — М.А. Гуковского. С введением ученых степеней И.М. Гревс получил диплом доктора исторических наук, вел семинарские занятия с аспирантами, среди которых, между прочим, можно назвать крупнейшего впоследствии специалиста по истории Италии В.И. Рутенбурга. По воспоминаниям последнего, на занятиях, проводимых Иваном Михайловичем, в указанный период изучались римский колонат, хроника Дино Компаньи и творчество Абеяра; особое внимание уделялось разбору Салической Правды⁷⁰. Однако в новых условиях бытования университета ученый воспринимался, прежде всего, как «полезный буржуазный специалист». В официальной характеристике 1937 г. о нем говорится следующее: «Имеет многочисленные печатные работы по истории средних веков, главным образом раннего средневековья. Совершенно не знаком с марксизмом, по своим историческим взглядам — идеалист»⁷¹.

Не оставляет И.М. Гревс, несмотря на возраст, и активной популяризаторской деятельности, продолжая знакомить теперь уже совет-

⁶⁶ Каганович Б.С. Русские историки западного средневековья и нового времени (конец XIX—первая половина XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. С. 9.

⁶⁷ Ананьич Б.В. О воспоминаниях Н.С. Штакельберг // In memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.;СПб., 1995. С. 84.

⁶⁸ Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 55; Человек с открытым сердцем... С. 331.

⁶⁹ Дмитриев А.Н. Советский контекст становления исторических субдисциплин: история науки и техники в 30-е гг. // Историк на пути к открытому обществу. Омск, 2002. С. 35.

⁷⁰ Человек с открытым сердцем... С. 336.

⁷¹ Там же. С. 341.

ского читателя с достижениями мировой культуры. В конце 1930-х гг. принимает участие в подготовке к изданию «Божественной комедии» Данте в переводе М.И. Лозинского, составляя научный комментарий к «Аду»⁷², пишет обстоятельные предисловие и послесловие к публикации перевода на русский язык романа итальянского писателя М. д'Адзелио «Этторе Фьерамоска, или Барлетский турнир»⁷³, участвует в составлении научного комментария к русскому переводу мемуаров Сен-Симона⁷⁴.

Умер И.М. Гревс 16 мая 1941 г., не дожив одного дня до 81 года⁷⁵. «Убеленный сединами и как бы спокойно уснувший, он лежал в своем маленьком кабинете, где его окружали неразрывные с ним образы — портрет молодого Данте, широкая панорама Флоренции среди тосканских холмов, портреты матери, друзей, академика Васильевского и младшей дочери — девушки с длинными косами в белом платье, умершей в шестнадцатилетнем возрасте, что было, может быть, наиболее острым горем его зрелых лет. Через два дня тело перенесли в большую аудиторию исторического факультета, где была совершена историческая панихида. Похороны состоялись на Волковом кладбище»⁷⁶. Жена и дочь историка погибли в 1942 г. в блокадном Ленинграде. Уже после войны вышла в свет его последняя работа — научно-популярная биография «Тацит», посвященная рассмотрению великого римского историка в широком историко-культурном контексте⁷⁷.

Характеризуя теоретические взгляды И.М. Гревса, следует обратить особое внимание на центральное положение его научной системы, которое сам исследователь определял как «генетический принцип» в истории⁷⁸. Под ним он понимал рассмотрение исторического процесса в качестве постепенной, последовательной эволюции человеческого общества, осуществляемой за счет работы по сохранению и созданию общечеловеческих культурных ценностей, и вырастающих из них, культивируемых на их основе социаль-

⁷² Гревс И.М. Комментарии // Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад / Пер. М.Л. Лозинского, вст. ст. А.К. Дживелегова. Л., 1939. С. 200—232; Он же. Топография загробных миров у Данте // Там же. С. 197—199.

⁷³ Гревс И.М. Италия и Европа в XV и XVI веках // Д'Адзелио М. Этторе Фьерамоска, или Барлетский турнир. М.;Л., 1934. С. 41—64; Он же. Массимо д'Адзелио (Жизнь и творчество) // Там же. С. 7—39.

⁷⁴ Гревс И.М. Сен-Симон, его жизнь и мемуары // Сен-Симон. Мемуары. М.;Л., 1934. Т. 1. С. 7—53.

⁷⁵ Последние дни И.М. Гревса подробно описаны в письмах его ученицы Т.Б. Лозинской к Н.П. Анциферову (ОР РНБ Ф. 27. Оп. 1. Д. 258); см. также: Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 61—62; Человек с открытым сердцем... С. 346—353.

⁷⁶ Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс... С. 248.

⁷⁷ Гревс И.М. Тацит. М.;Л., 1946; Вержбицкий К.В. Тацит в трактовке И.М. Гревса // Петербургские исследования. СПб., 2007. С. 71—80.

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 74. Л. 1; ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 311.

ных отношений⁷⁹. Роль «работы сознания» в истории трудно переоценить⁸⁰. На него должно быть ориентировано и познание истории: «И ныне остается и всегда будет величайшей проблемой истории воссоздание путей развития человеческого сознания в истории человеческого общества»⁸¹.

В эволюции сознания И.М. Гревс видел смысл и направленность исторического процесса⁸². Это процесс очень сложный, постепенный и многозначный, но в целом поступательный. Каждый новый этап вбирает в себя всё положительное, накопленное предыдущим, и опирается на него⁸³. Движение вперед в данном случае оказывается возможным за счет осознания и творческого развития аккумулированных традицией ценностей⁸⁴. В этом исторический долг человека любой эпохи. В полном соответствии с идеями второй половины XIX в. И.М. Гревс говорит, таким образом, о единой человеческой культуре, Культуре с большой буквы, которая, состоя из ценностей, сама по себе является главной ценностью. Рассматривая процесс перехода от одного исторического этапа к другому (например, от Античности к Средневековью или от Средневековья к Новому времени), И.М. Гревс всегда делает акцент на преемственности основных элементов общественной жизни, отрицая тем самым кардинальные разрывы или революционность перехода и подчеркивая сохранение единой традиции европейской цивилизации. Основную заслугу теоретических взглядов Фюстеля де Куланжа И.М. Гревс видит в идее сохранения «культурной преемственности» в истории европейского общества в период перехода от Античности к Средним векам. «Романизм» Фюстеля для И.М. Гревса «культурный», а не «расовый». Любое пренебрежение накопленными культурными ценностями И.М. Гревс обозначает как «варварство» и оценивает крайне негативно.

Вторым основополагающим принципом исторических построений И.М. Гревса является «всемирно-исторический подход»⁸⁵, который иссле-

⁷⁹ «История есть изучение развития чело[веческого] духа, поскольку он объективировался во внешних формах, является обнаружением псих[ической] деят[ельности] отдельных индивидуумов и их взаимодействия» // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 313. Л. 3. См. также: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 319.

⁸⁰ Отсюда вытекает особое внимание И.М. Гревса к «идейной», «духовной» стороне эволюции. См.: Бамбизова К.В. Историческая концепция... С. 134—140.

⁸¹ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена Империи). СПб., 1899. С. 52.

⁸² Бамбизова К.В. Историческая концепция... С. 121—146.

⁸³ Прогресс определялся И.М. Гревсом как «развитие в сторону усовершенствования». См.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

⁸⁴ Основным «культурным» результатом исторических исследований, по мнению И.М. Гревса, должно стать «уразумение внутренней солидарности между всеми эпохами в истории человечества». См.: Гревс И.М. Предисловие // Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907. С. XXXI.

⁸⁵ Бамбизова К.В. Историческая концепция... С. 121—127.

дователь оценивал не как необходимость построения единой и всеобъемлющей концепции исторического процесса, а как «методологический принцип», т.е. необходимость рассмотрения каждого исторического события с точки зрения общеисторической эволюции человеческого общества⁸⁶. Только так будет понятен смысл изучаемого явления. Отсюда почти все исторические и даже краеведческие работы ученого, посвященные, казалось бы, довольно локальным сюжетам, как правило, содержат в себе, с одной стороны, стремление вписать исследуемое явление, насколько возможно, в широкий контекст исторической эволюции, а с другой, — мировоззренчески, «жизненно» актуализировать его. И.М. Гревс признавал односторонним — и в силу этого научно несостоятельным — любой монизм, к которому, под названием «экономический», он относил в работах 1890—1900-х гг. и марксизм. Впрочем, не отрицая заслуги марксизма в расширении тематики исторических исследований, И.М. Гревс полагал, что историческая наука должна стремиться рассматривать исторический процесс целостно и всесторонне. «Надо еще прибавить, что привлечение к исторической обработке материала по экономической истории раскрыло более полно понятие о сущности исторического процесса, позволило установить прочно и устойчиво “генетические” построения истории и вполне усвоить «эволюционную» точку зрения взамен устарелого “прагматизма”. Благодаря такому результату можно надеяться, что “культурная история” в дальнейшем будет изучаться и строиться как цельная картина развития человечества, и в таком высшем единстве исчезнет не вполне справедливое и нежелательное резкое противопоставление между историей социального и духовного развития»⁸⁷. Таким образом, мы видим, что исторические взгляды Гревса, в целом, сформировались в 1880—1890-е гг., соответствовали уровню исторической науки того времени и на протяжении его долгой научной и преподавательской деятельности по сути оставались неизменными. При этом Иван Михайлович, разумеется, внимательно следил за всеми новинками гуманитарной мысли, реагируя, например, на неокантианство или Шпенглера, но не считая нужным что-то принципиально менять в своих устоявшихся исторических воззрениях. Новомодные теории оказывались для него скорее вызовом, позволяющим в ходе ответа на них по-

⁸⁶ Правда, в попытке сочетать «всемирно-исторический подход» с областью узких профессиональных интересов И.М. Гревс проявляет определенный «европоцентризм»: «Всеобщая история есть преимущественно история европейских народов, так как Европа оказалась специальной сценой, в пределах которой главным образом совершался культурно-исторический процесс...» // *Гревс И.М. История Средних веков. Лекции, читанные на Санкт-Петербургских ВЖК в 1892—1893 гг.* СПб., 1892. Ч. 1. С. 9. См.: *Бамбизова К.В. Историческая концепция...* С. 122.

⁸⁷ *Гревс И.М. Очерки...* С. 39. См. также: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 313. 63

новому раскрывать внутренние потенции своих устоявшихся идей. Позитивизм, гуманизм и классический либерализм оставались ядром научного мировоззрения ученого. Вслед за Б.С. Кагановичем уместно признать, что единственным значимым моментом эволюции методологических взглядов И.М. Гревса является постепенное ослабление позитивистских моментов⁸⁸ и усиление влияния христианской философии истории, «идеализма и религиозности»⁸⁹.

По воспоминаниям учеников и соратников, ученый очень ценил пафос классической науки, искренне верил в него и дорожил им. Столь же принципиальной и по сути неизменной была вера И.М. Гревса в неразрывную связь науки, преподавания и жизни в самом широком значении этого слова. «Наука как результат коллект[ивного] опыта всех пред[ыдущих] поколений, трудившихся над познанием мира, есть лучшее средство образования. Наука есть единственный путь знания и понимания мира»⁹⁰. Относясь с большим уважением, пожалуй, даже пиететом к любой научной деятельности, в первую очередь, к исторической, И.М. Гревс рассматривал науку не просто как средство познания мира, а как необходимое условие общественного существования и прогресса. Научное познание оказывается экзистенциально значимым⁹¹. Развитие науки неразрывно связано с самой жизнью, которая также зависит от нее. Именно историческое изучение позволяет сохранять и развивать накопленные культурные ценности. Отсюда и характерное, разделяемое И.М. Гревсом со многими коллегами стремление к включению в различные формы популяризации исторического знания — активная преподавательская работа, участие в научно-популярных изданиях, организация «научных» экскурсий, тяга к искренним душевным беседам с учениками. Ученый, сколь бы пафосно это не звучало, всю свою жизнь трудился для науки и уповал на нее. Веру в силу и незыблемость знания он на протяжении долгих лет научной и педагогической деятельности проповедовал своим ученикам в самых разных формах. Кому-то порой это казалось чересчур наивным, но для

⁸⁸ В этом плане наиболее «позитивистской» работой И.М. Гревса является очерк «Феодализм» (см.: *Гревс И.М. Феодализм*. СПб., 1903), изначально написанный для энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, в котором историк попытался определить «феодализм» как «социологическое понятие».

⁸⁹ *Каганович Б.С. Русские медиевисты...* С. 62.

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 2.

⁹¹ «Наука — не противница, и не соперница религии, а сотрудница в открытии истины, только сферы их различны: наука ищет достоверного, но относительного знания, религия открывает абсолютную веру» // *Гревс И.М. О культуре. Мысли при чтении «Переписки их двух углов» Вячеслава Иванова и М.О. Гершензона*, Петербург: «Альконост» / Публ. подгот. В.П. Корзун, А.В. Свешников // *Мир историка: идеалы, традиции, творчество*. Омск, 1999. С. 305—306.

И.М. Гревса — человека классического XIX в. — подобные принципы составляли его мировоззрение.

Проявляя исключительную твердость в следовании выбранным в юности жизненным идеалам, И.М. Гревс в то же время в быту оставался человеком довольно мягким, увлекающимся, эмоциональным и впечатлительным. Сентиментальная, «лирическая» натура проявлялась практически во всем, отличая его от многих коллег по профессорско-преподавательскому академическому цеху.

В общении с людьми И.М. Гревс стремился к установлению дружеских отношений. Для него были особенно важны открытость и искренность. Через всю свою долгую жизнь он пронес теплое воспоминание о «Приютинском братстве», привязанность к друзьям молодости. Многочисленные мемориальные статьи, написанные И.М. Гревсом и посвященные товарищам, коллегам и учителям, окрашены искренним лирическим тоном.

Эмоциональная открытость, ранимость Гревса делала крайне болезненным восприятие любых невзгод, а их — порой весьма серьезных — в жизни ученого хватало: неудача с диссертацией, конфликты с властью как до, так и после революции, наконец, смерть младшей дочери в возрасте 16 лет, которую Иван Михайлович переживал особенно тяжело. С тяжелым сердцем воспринимал Гревс и всякое личное противостояние, особенно с теми, к кому он в целом относился с уважением, как это было, например, с многолетним коллегой С.Ф. Платоновым,⁹² или с одним из первых учеников — Л.П. Карсавиным.

В какой-то степени эмоциональная открытость И.М. Гревса, а также исключительное внимание к широкому кругу научных, культурных и общественных вопросов постоянно «выталкивали» его за рамки сугубо профессиональных интересов. Отсюда — статьи о реформе школы, по краеведению, теории экскурсионного дела, многолетнее занятие Тургеневым. А в Италии его занимало вообще всё — от древности до современности во всех проявлениях. Способность И.М. Гревса увлекаться различными сюжетами порой вызывала неодобрительные отзывы коллег. Позднее он писал в своих воспоминаниях: «Нельзя не признать, что такое “разбрасывание интересов” было политикой не экономной, не выгодной для быстрого хода ученой карьеры. Помню, несколько лет спустя старший коллега мой (тоже ученик Васильевского, потом профессор в Киеве) Н.М. Бубнов, при случайном разговоре о моей заграничной командировке, посмеивался надо мною: “Что же это вы в Италии вместо того, чтобы

⁹² ОР РНБ. Ф 585. Оп. 1. Ед. хр. 2715. Л. 24—25; См.: Свешников А.В., Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Жизни наши протекли врозь» (к истории личных взаимоотношений И.М. Гревса и С.Ф. Платонова) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 12. С. 313—332.

диссертацию писать, занимались этрусскими вазами. Оттого и застряли с своею работой". Это строго-практически и по рациональной логике было верно, и я обыкновенно отмалчивался на такие замечания. Но не в силах был я подавить интерес к тому, о чем взывала окружившая меня богатейшая среда. Тогда я беспокоился и мучился, писал В.Г. Васильевскому недоуменные вопросы; но он не расхолаживал меня, предоставлял свободу. А теперь я не жалею о том, что делал. Может быть, оттого не написал двух-трех лишних второстепенных по важности книг, без которых легко обойтись, но от этого, наверное, дал гораздо больше своим ученикам»⁹³. Представляется, что это во многом объясняет постоянное стремление к жизненной актуализации предмета исследования. Отсюда же проистекает гревсовская тяга к психологизации исторического исследования, его склонность почувствовать объект изучения, «вжиться» в него. Психологизация воспринимается Иваном Михайловичем как реально существующий элемент изучаемого объекта, являющегося первичным для исследования и, одновременно, «непереводимого» на язык научного описания. Речь идет о субъективном переживании объективного, от которого невозможно отказаться или отмахнуться. Последующее соотнесение с фактами позволяет рационально проверить или откорректировать полученное «интуитивное знание». Даже в ходе работы над диссертацией И.М. Гревс считал нужным посетить место, где располагалась вилла Горация. Программу научного (т.е. подготовленного и направленного, «ожидаемого») «вживания» он активно использовал в качестве теоретической составляющей своей экскурсионной деятельности. В какой-то степени это, как представляется, объясняет и пристрастие И.М. Гревса к научно-популярному жанру, который позволяет наряду с анализом и объективизированным описанием создать целостный, эмоционально окрашенный образ, что было для ученого очень важным. Так строятся, например, первые «Очерки истории флорентийской культуры». В них И.М. Гревс совмещает собственные воспоминания о своем самом раннем визите во Флоренцию с программой экскурсии для путешественника, в первый раз посетившего город, а также описанием исторических памятников с цитатами из текстов известных работ о Флоренции, удачно, по мнению историка, передающих атмосферу города.

Наряду с М.И. Ростовцевым и М.М. Хвостовым, И.М. Гревс является одним из основоположников социально-экономического направления российского антиковедения⁹⁴. Цикл его исследований, посвященных рассмотрению крупного римского землевладения периода ранней империи, с точки зрения традиционных критериев научности является наиболее

⁹³ Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией... С. 292.

⁹⁴ Фролов Э.Д. Русская наука об Античности. СПб., 1999. С. 337. прим. 67.

профессиональным из всего творческого наследия ученого; впрочем, оно и понятно, учитывая квалификационный характер работ. Однако даже в сугубо научных текстах просвечивается авторская индивидуальность. Так, например, в диссертации встречаются спекулятивные рассуждения и лирические отступления, вроде проникновенного рассказа о впечатлениях автора, посетившего места, где находилось имение Горация.

Изначальным замыслом диссертации, по словам И.М. Гревса, подтверждаемым черновыми материалами, хранящимися в его архиве, была попытка написать историю римской аристократии периода империи. После утверждения первоначального тезиса о том, что социально-политическое положение римской аристократии определяется характером земельной собственности, идея работы трансформировалась — автор задался целью изучить эволюцию крупного землевладения в целом. «Землевладение» должно быть названо самым коренным фактором развития социальной жизни в римском мире, как «аристократия» — самой главной действовавшей в нем политической силой⁹⁵. Для мирового антиковедения конца XIX в. тема оказалась достаточно новой, требовавшей от молодого ученого изрядной профессиональной смелости и мастерства. Следующим этапом работы по реализации избранных сюжетов было появление «этюдной» формы, пришедшей на смену целостному рассмотрению⁹⁶. Объясняется это, на наш взгляд, рядом причин. Во-первых, как указывает сам автор, характером источниковой базы. Римские письменные источники, на которые опирался историк, при использовании их для реконструкции социально-экономических отношений неизбежно являют свой фрагментарный и локальный характер. Во-вторых, здесь, как представляется, сказалось пристрастие И.М. Гревса к «живому» конкретно-историческому материалу как единственно возможной форме, в которой реализуют себя общие тенденции. И, соответственно, данные тенденции — при всей их глубине и сложности — в обязательном порядке должны каким-то образом проявить себя на уровне индивидуальной человеческой жизни. Любую общую тему И.М. Гревс всегда, насколько было возможно, «портретизировал», рассматривал через проявление в биографии отдельных персонажей общеисторических тенденций⁹⁷. Если через призму личности Августина Иван Михайлович взирал на уникальное время перехода европейского общества от Античности к Средневековью, то индивидуальность Данте позволяла ему взглянуть на Запад в эпоху расцвета. И, в-третьих, анализ конкретных крупных и средних земельных хозяйств может выступать, в определенном смысле, в каче-

⁹⁵ Гревс И.М. Очерки... С. XIII.

⁹⁶ Подробнее см.: Бамбизова К.В. Историческая концепция... С. 157—176.

⁹⁷ Там же.

стве необходимого предварительного этапа для построения общей синтетической концепции эволюции римского аграрного строя.

По мнению И.М. Гревса, историко-экономические этюды бывают двух видов. Первый строится на выявлении всей полноты историко-экономической информации, содержащейся в каком-то одном источнике или их локальной группе, например, в произведениях единственного автора. Второй представляет собой реконструкцию «экономической биографии», т.е. синтез информации из самых разных источников о крупном хозяйстве или хозяйствах, принадлежащих одному собственнику. Понятно, что несмотря на очевидные различия данные формы «этюдов» решают одну и ту же задачу реконструкции «экономического быта» Рима I века до н.э.

И.М. Гревс в своей работе использует оба типа «этюдов». Представляется, что в наибольшей степени смелость Гревса-исследователя проявилась в выборе источников, давно и хорошо известных науке. Возможно, в этом он в какой-то степени сознательно следует за Фюстелем де Куланжем⁹⁸. Однако анализировались подобные источники, главным образом, в историко-филологических или традиционных культурно-исторических работах. Для написания первого «этюда» историк обращается к лирике великого римского поэта I века до н.э. Горация, а для построения «экономической биографии» опирается на материалы, посвященные изложению вех жизни известного магната Т. Помпония Аттика (в первую очередь, на труд Корнелия Непота, на эпистолы и другие работы оратора и политического деятеля Цицерона, а также на фрагментарные упоминания в сочинениях других авторов). Очевидно, что обращение к поэтической лирике и личной переписке для реконструкции «экономического быта» требует особого мастерства по извлечению скрытой информации. И.М. Гревс достигает этого за счет жесткой формализации «вопросника», с которым он подходит к источнику. Выявление и переструктурирование относящейся к хозяйственной жизни информации по четко сформулированным позициям позволяет воссоздать структуру среднего римского поместья начала века и реконструировать механизм его функционирования как системы. Лирика Горация, в данном случае, оказывается весьма богата на ценные сведения: «Земля была самым важным элементом природы в жизни римлян; земельные отношения во все периоды истории Рима захватывали главные реальные интересы всех слоев общества, в силу чего аграрные впечатления сильно воздействовали и на поэтическое творчество, вызывая в воображении поэта многочисленные мотивы и сюжеты...»⁹⁹. Пожалуй, именно в

⁹⁸ Оценивая исследовательское мастерство Н.Д. Фюстеля де Куланжа, И.М. Гревс писал об умении извлекать новую информацию из хорошо известных источников как о показателе высокого профессионализма.

⁹⁹ Гревс И.М. Очерки... С. 64.

этом важнейшие исторические работы Гревса с методологической точки зрения должны вызывать сегодня интерес. Историк начинает описание «топографии» и происхождения знаменитого сабинского поместья поэта, подаренного ему Меценатом. Кроме того, поэт имел также упоминаемые ученым городской дом и загородную виллу. Затем следует подробное рассмотрение отдельных частей сабинского поместья, структуры земельных угодий, выполняемых хозяйственных операций. Переходя от анализа конкретного поместья к более широкому обобщению, автор, привлекающий произведения Горация, а также другие источники, делает вполне обоснованный вывод о неустойчивости мелкого частного и среднего (к которому принадлежит поместье поэта) и, соответственно, общем усилении крупного земельного хозяйства. Конечно, в силу специфики избранного материала источников в исследовании Гревса нет столь привычной для экономической истории статистики, числового оформления тенденций материального развития. Однако мы можем рассматривать труд Ивана Михайловича как один из первых опытов антропологизации экономических изысканий, когда акцент делается не на объективном безличном характере надындивидуальных исторических процессов, а на хозяйственной деятельности реальных людей, определяемой, в первую очередь, их сознанием. Кстати сказать, в данном пункте И.М. Гревс резко расходился во взглядах с почитаемым им Фюстелем де Куланжем.

«Экономическая биография» строится несколько иначе. Помимо общей систематической характеристики земельных владений Помпония Аттика, их эволюции, структуры хозяйствования, связей поместья с внешним миром, использования рабов и «свободных фермеров», «барщины» и «аренды» для обработки земель, историк рассматривает также экономические взгляды магната. Помпоний Атик, как известно, сознательно ушел «в поместную жизнь», посвятив себя ведению хозяйства. Традиционно данный факт рассматривался как показатель «атонии» (Фюстель де Куланж) римского магнатства, упадка его патриотических чувств и общественных интересов, эскапизма и гедонизма. И.М. Гревс же рассматривает этот шаг как проявление исторической тенденции усиления крупного земельного владения с его стремлением к «самозамкнутости». Для подобного самодовлеющего хозяйства внешний мир вовсе не является необходимым, существуя только как источник дополнительного обогащения и усиления мира внутреннего, т.е. поместья.

В ходе своих рассуждений И.М. Гревс обращается к теории экономического развития К.-И. Родбертуса и К. Бюхера,¹⁰⁰ согласно которой, экономик последовательно проходит три этапа развития: домовое (ойкосное) хозяйство, городское хозяйство и национальную экономику. Первый

¹⁰⁰ Бамбизова К.В. Историческая концепция... С. 194—196.

(ойкосный) этап характеризуется «замкнутостью» хозяйства, т.е. производством всего необходимого для потребления внутри него самого и отсутствием какого-либо обмена. На втором этапе — городского хозяйства, господствовавшего в Европе в XI—XV вв., определяющим фактором является прямой обмен между производителями и потребителями, в первую очередь, между городом и примыкающей к нему сельской округой. Третий, завершающий этап экономической эволюции, начавшийся в XVI в., характеризуется формированием национального, а затем и мирового рынка, вследствие чего доминирующим является производство товаров для рынка.

И.М. Гревс в первый период своей научной деятельности был поклонником этой теории, активно отстаивая ее в полемике со сторонниками модернизаторского подхода Эд. Мейера (в первую очередь, М.И. Ростовцевым и Ф.Ф. Зелинским) и даже используя при построении учебного курса Средних веков. Выступая против теории модернизации, Гревс — во многом в связи с расплывчатостью собственной терминологии — порой позволял себе модернизацию «стихийную», рассуждая, например, о «барщине» в римском обществе. По мнению Ивана Михайловича, усиление и самозамыкание крупных частных земельных держаний является общей тенденцией экономического развития Рима с конца республики вплоть до падения империи. В период гражданских войн и раннего принципата крупные землевладельцы подвергались давлению со стороны как общих внешних обстоятельств, так и императорской власти. Соотношение аристократии и императорской власти ученый рассматривает как проявление, соответственно, центробежной и центростремительной тенденций. Принцепс прилагал усилия к сохранению и укреплению единого римского государства и общества, в итоге оказывавшие значительное давление на магнатов. Противостояние императорской власти и аристократии, по мнению И.М. Гревса, длилось в течение всего I в., и только к концу столетия завершилось компромиссом. Сохранение и последующее усиление крупных частных земельных владений оказалось одним из важнейших внутренних факторов, приведших к ослаблению и распаду империи. В то же время, римские крупные поместья можно — с точки зрения И.М. Гревса — рассматривать как протофеодальные или даже феодальные образования. Понимая под феодализацией процесс разложения единого крупного централизованного государственного образования на практически независимые «области» при связи власти с собственностью на землю, И.М. Гревс вполне логично перекидывает мостик к новому социальному строю, который возникает во многом как результат внутренней эволюции общественно-го строя Римской империи. «Возможность феодализации тесно связывается с ростом в данной стране крупного землевладения. На земельном богатстве покоится прежде всего могущество поднимающихся вождей, которые подрывают своими центробежными стремлениями крепость го-

сударственного здания. На их землях сосредотачиваются образующиеся феодальные группы. В них господа и должны замкнуться, чтобы оставаться государями, и такие частновладельческие территории будут удовлетворять сами всегда свои нужды. Очевидно, домовое самодовление является хозяйственной тенденцией феодально-обособленной группы. Феодальная сеньория есть, таким образом, крупный земельный дом. В нем живет и пользуется всеми благами господин земли, которая его питает, в нем работают для его семьи и своего существования зависимые от главаря люди, севшие на его частновладельческой территории. Замкнутое домовое хозяйство есть экономическая природа феодальной сеньории»¹⁰¹. При этом для И.М. Гревса важно, естественно, не сохранение крупного поместья в руках того же владельца или его семьи, а устойчивый характер самого принципа самодовлеющего крупного земельного держания с использованием различных форм зависимого труда для обработки земли.

Конечно, ученый в своих построениях не может игнорировать развитие товарно-денежных отношений в римском обществе и втягивания в их сферу крупных латифундий. При рассмотрении данного сюжета он вводит понятие «ойкоса» поздней природы. «Это было очень сложное хозяйственное целое, оперирувавшее многосторонним разделением и соединением труда, но разделение это не было общественным, а так сказать “внутридомовым”; оно совершалось не в силу законов экономического взаимодействия с различными другими хозяйственными ячейками и сотрудничества с ними на пути производства продуктов и многостепенного обмена, а в силу распоряжения частного господина для нужд его и зависимой от него челяди»¹⁰². Таким образом, И.М. Гревс последовательно проводит вывод о «несущественности» связей с рынком для крупного хозяйства.

При всей дискуссионности вопроса в современной литературе, наиболее интересной представляется мысль о выделении в хозяйственной структуре латифундии «ведущей отрасли», ориентированной на рынок и обеспечивающей денежные поступления, в то время как остальные «отрасли» в рамках хозяйства производили продукты преимущественно внутреннего, «внутрипоместного» потребления¹⁰³.

В опубликованной в 1905 г. статье, реконструирующей крупное домовое хозяйство на основании «Сатирикона» Петрония, вернее, того

¹⁰¹ Гревс И.М. Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира (данные Петрония по аграрной истории I века Империи) // ЖМНП. 1905, сентябрь. С. 90. Понимание ученым смысла понятия «феодализм» изложено в объемной статье «Феодализм» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Т. 72. С. 494—535). Существует и отдельное литографированное издание (СПб., 1903).

¹⁰² Гревс И.М. Крупное домовое хозяйство... С. 79.

¹⁰³ Кузищин В.И. Античное рабство как экономическая система. М., 1990. С. 157.

фрагмента знаменитого романа, который посвящен пиру Трималхиона, И.М. Гревс говорит о том, что замечания, высказанные в рецензиях на диссертацию М.И. Ростовцевым и Ф.Ф. Зелинским, либо касались частностей, либо были довольно неубедительны¹⁰⁴. Поэтому методологическая и теоретическая база нового исследования остается неизменной, и сочетает «этюдный» подход с «ойкосной» теорией. Интересно отметить, что в данном случае И.М. Гревс выступает даже против мнения Фюстеля де Куланжа, считавшего, что гротескный образ сатирического романа невозможно использовать в качестве репрезентативного источника для реконструкции историко-экономических процессов. И.М. Гревс же, напротив, полагает: дабы «попасть в цель», сатирический образ должен отражать типичные черты реально протекающих процессов в слегка гипертрофированной форме.

Образ Трималхиона позволяет историку проследить новый этап эволюции крупных частных землевладельческих хозяйств. Ученый также последовательно рассматривает формирование хозяйства Трималхиона, структуру поместья, организацию экономической жизни в нем, формы эксплуатации непосредственных производителей, связь с внешним миром. Для И.М. Гревса важным оказывается отметить, что при сохранении родовых типологических черт римских земельных латифундий в их статусе происходят определенные изменения. Во-первых, устанавливаются компромиссные «мирные» отношения с императорской властью. Трималхион признает верховенство государства, но в своем хозяйстве практически независим от него. «Владение Трималхиона на самом деле царство в миниатюре»¹⁰⁵. И это способствует усилению положения магнатов, которые хоть и совершенно не заинтересованы в сильной власти государства, тем не менее, относятся к ней с терпением. Во-вторых, латифундист теперь активно использует различные рыночные операции (торговлю, ростовщичество и т.д.) как средство усиления собственного хозяйства с его тенденцией к «замкнутости». Но эти «внешние» сношения вовсе не являются необходимыми для самой латифундии. «Он стремится покупать как можно меньше и в каждую минуту владеть способностью, обходиться без содействия внешнего мира. В чем тайна богатства? В возможности обходиться без помощи всех. Такова мораль замкнутой домовой системы»¹⁰⁶. И общей тенденцией экономической эволюции Рима является усиление положения крупных замкнутых «самодовлеющих» хозяйств. Стремление к полной

¹⁰⁴Первоначальный вариант статьи был представлен И.М. Гревсом в качестве доклада на заседании Исторического общества при Петербургском университете 13 октября 1904 г. и вызвал бурную дискуссию с участием Ф.Ф. Зелинского, М.И. Ростовцева, Н.И. Кареева, Е.В. Тарле и А.А. Кауфмана.

¹⁰⁵Гревс И.М. Крупное домовое хозяйство... С. 80.

¹⁰⁶Там же. С. 77.

экономической и политической автономии остается для крупного хозяйства сущностно определяющим, что и позволяет историку рассматривать «стойкость системы крупных земельных хозяйств как первостепенную социальную причину падения Римской империи». Замкнутое домовое хозяйство стремится к «феодальной обособленности». Для И.М. Гревса развитие крупной земельной собственности идет параллельно с распространением «условно-зависимых форм» держания земли. «Закрепощение» ранее свободных непосредственных производителей, отчетливо проявившееся в римском обществе, является, по мнению ученого, неотъемлемой составляющей частью процесса формирования феодального общества.

Образ Трималхиона дает И.М. Гревсу возможность связать разложение империи, тенденцию «феодализации» с «варваризацией» сознания, под которой понимается огрубление, упадок образования и культуры. «Трималхион — типичный представитель большинства в составе крупно обеспеченного класса римского общества в лучшую эпоху его блестящего расцвета; он — варвар чистейшей воды; это великолепный социальный материал для поддержания отсталых форм, для задержки развития. Не по силам было Римской империи долго нести в руках знамя цивилизации и ее прогрессивного развития»¹⁰⁷.

Таким образом, мы видим, что в легко выводимой из вышеприведенной фразы оценке средневекового этапа развития европейской цивилизации Гревс придерживается той точки зрения, которая активно проводилась им в лекционных курсах и научно-популярных статьях¹⁰⁸. С позиции выбранного Иваном Михайловичем критерия прогресса единой европейской культуры через формирование ее базовых ценностей Средние века в определенной степени оказываются периодом замедления и даже остановки развития. Подобного рода высказываний у И.М. Гревса предостаточно. Единственное новое и важное, принесенное Средневековьем, по мнению исследователя, — это система христианского вероучения и мировоззрения. Впрочем (в рамках последовательного генетического подхода), он отказывается считать Средневековье «темными веками». Историк указывает на то, что, во-первых, значение христианизации для развития европейской и даже мировой культуры трудно переоценить. Это одно из важнейших событий истории, которое во многом определяет последующую эволюцию культурных ценностей Европы. Первостепенной в процессе становления христианской культуры Запада оказывается для И.М. Гревса фигура Августина¹⁰⁹. Во-вторых, многое из созданного античной культурой было со-

¹⁰⁷ Гревс И.М. Крупное домовое хозяйство... С. 93.

¹⁰⁸ Бамбизова К.В. Историческая концепция... С. 180—208.

¹⁰⁹ Гревс И.М. Августин Аврелий // Новый энциклопедический словарь. 1911. Т. I. Стб. 127—150.

хранено и даже развито в данный период¹¹⁰. «Его защита средних веков заключалась в том, что, с его точки зрения, средние века, в сущности, были в свои лучшие моменты и периоды выразителями античных традиций»¹¹¹. В-третьих, именно в указанный период было создано всё то, что обеспечило культурный прорыв к Новому времени, состоявшийся в эпоху Возрождения. И вновь, как и в Поздней Античности, эпицентром культурного развития оказалась Италия.

Социально-политический строй средневековой Европы И.М. Гревс обозначал как феодальный¹¹². В «позитивистский» период своего творчества (1890—1900-е) ученый определял феодализм в качестве универсального феномена социальной эволюции, закономерно вырастающего из «варварского» общества и широко распространенного за пределами Западной Европы¹¹³. Для феодального общества, писал И.М. Гревс в соответствии с классической позитивистской теорией факторов, характерны следующие признаки. «В экономической области утверждается преобладание замкнутого домашнего (натурального) хозяйства, слабой потребностью в обмене и отсутствием потребности к расширению сношений и разделению труда, с сосредоточением центра тяжести на землевладении и земледелии, причем носители первого и второго резко различаются между собой и противостоят друг другу: собственность и пользование дробятся, и не только последнее, но и первое приобретает условный (ограниченный) характер. В области политического строя заметен упадок государственного единства и ослабление централизующей верховной власти: территория крошится на части и государственные прерогативы распадаются, переходя в руки владельцев этих частей: “помещики” становятся “государями”. Наконец, в области отношений личности к государству и личностей между собой также устанавливается преобладание частноправовых (вместо публично-правовых) принципов и начал индивидуального договора — вместо общего закона, личной зависимости или патроната — вместо гражданства или подданства»¹¹⁴. Однако впоследствии, в 1920-е гг., когда его ученица О.А. Добиаш-Рождественская попыталась выявить специфику Средневековья через набор типичных характерных признаков, к числу которых исследовательница относила и феодализм¹¹⁵,

¹¹⁰ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 117.

¹¹¹Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 168.

¹¹²Бамбизова К.В. Историческая концепция... С. 191—198.

¹¹³Гревс И.М. Феодализм. СПб., 1903. С. 26—36.

¹¹⁴Там же. С. 2.

¹¹⁵«В господстве: 1) натурального замкнутого хозяйства, 2) условного, притом охватывающего всю полноту хозяйственной жизни землевладения, 3) в практике личных союзов, 4) в перерождении и раздробленности государственности и, в качестве бытовой стихии, — в непрерывной войне» // Добиаш-Рождественская О.А. Западная Европа в Средние века. Пг., 1920. С. 16.

понимаемый в соответствии с определением, данным ранее Гревсом, последний подверг подобный подход критике¹¹⁶.

Иван Михайлович обращался к итальянской средневековой культуре не только в учебных курсах, но и в опубликованных в журнале «Научное слово» «Очерках истории флорентийской культуры», в небольшой научно-популярной книге «Кровавая свадьба Буондельмонте. Жизнь итальянского города в XIII веке» и в статьях о Данте. Ученого интересовал, в первую очередь, период Проторенессанса как «времени созревания» во всех сферах жизни — от экономики до изобразительного искусства — новых культурных форм. В качестве основных источников здесь, помимо сочинений Данте, выступали флорентийские хроники Дино Компаньи и Джованни Виллани, над изучением и переводом которых И.М. Гревс работал вместе с учениками в своем семинарии. По его мнению, внутренняя жизнь Флоренции XIII в. характеризуется оформлением новшеств, крайне важных для последующего развития европейских стран. «Действительно, Италия даже в течение того ряда веков (5—11 от Р. Хр.), когда в остальных странах Европы происходил особенно заметный регресс и в социально-политических и в духовно-нравственных областях, сохраняла в себе живые элементы грандиозного наследия древнего мира. Душа ее новых людей интенсивно работала над новыми проблемами просвещения; энергия ее жителей создавала новые формы труда и союзности. Италия стала матерью всех основных начал жизни нового человечества. В ней не только воспрянули к громадной деятельности познающая мысль (истина) и художественное творчество (красота), то есть зародились *наука и искусство новых времен*, которые выдвинули принцип свободного исследования правды и свободного же воплощения идеалов. Она породила также огромные основы того, что является самым важным и ценным в *общественной* области. В ней расчистились первые пути для высокого подъема трудовой деятельности после феодального одичания. Там создалась энергичная инициатива к производству материальных благ; там же изобретен был впервые ряд усовершенствованных орудий труда для успеха такой работы по созданию богатств в формах разнообразного и широкого сотрудничества единиц и групп. Италия, несомненно, явилась устроительницей *нового хозяйства* и учительницей в нем других. В той же стране раньше всех других черт поднялась во весь рост *независимая личность и свободная группа* рядом с грубым насильником-господином и закрепощенной массой населения феодальной сеньории. Затем разумное определение целей общежития, разнообразная игра начал при ассоциировании всевозможных интересов, прин-

¹¹⁶См.: Гревс И.М. Рец.: Добиаш-Рождественская О.А. Западная Европа в Средние века. Пг., 1920 // Педагогическая мысль. 1922. № 1—2. С. 69—74; Он же. Лик и душа Средневековья (по поводу вновь вышедших трудов) // Анналы. Пг., 1922. № 1. С. 29—36.

ципиальная нормировка фактических отношений общими идеями (*новое право*) и защита общества и личности правильно объединенными учреждениями (*новое государство*) — всё это детища Италии и вместе с тем основа новой культуры. Наконец, в области великой работы для построения *религиозного мирозерцания*, силой независимого духа, ищущего смысл бытия, Италия также показала огромную мощь: славный сын ее Данте, один из величайших религиозных мыслителей среди гениальных поэтов земли, а еще до него Франциск Ассизский, едва ли не превосходнейшее воплощение религиозного чувства во всей истории человечества, служат тому убедительным доказательством»¹¹⁷. Приведенная выше пространная цитата, как представляется, достаточно полно отражает понимание Гревсом исторического значения Проторенессанса и Ренессанса в Италии, понимание, вполне укладывающееся в рамки классической либеральной концепции исторического развития.

В «Кровавой свадьбе Буондельмонте» Иван Михайлович в излюбленной манере рассматривает конкретное историческое событие (вражду двух аристократических родов во Флоренции XIII в.) как уникальное преломление общих тенденций динамичной исторической эпохи складывания новых социальных и культурных форм. В данной работе автор вновь подчеркивает особую роль городов в процессе культурной эволюции: «Как цивилизованная земля, Италия всегда изобиловала городами, которые вообще во все эпохи человеческой истории служат очагами высшего напряжения культурной работы во всех областях жизни, в экономической или материальной, и в кругу социального объединения, и в сфере развития наук и искусств»¹¹⁸. Особенности средневекового быта, городской менталитет, политическая борьба в Италии того времени оказываются так или иначе задействованными в «раскручивании» выбранного сюжета.

Как и «флорентийские» работы, статьи И.М. Гревса, посвященные творчеству горячо любимого им Данте, позволяют говорить о тесной связи между преподавательской и научно-исследовательской деятельностью.

В первой статье И.М. Гревс предлагает пересмотреть традиционную датировку написания трактата Данте «О монархии». По мнению большинства ученых, труд составлен во время похода в Италию императора Генриха VII, т.е. примерно в 1310—1313 гг. И.М. Гревс же полагает, что сочинение увидело свет позднее, в одно время и «во внутреннем взаимодействии»¹¹⁹ с «Божественной комедией». Согласно его гипотезе,

¹¹⁷Гревс И.М. Очерки флорентийской культуры. Происхождение свободной Флоренции // Научное слово. М., 1905. Кн. 1. С. 63—64 (выделено И.М. Гревсом.)

¹¹⁸Гревс И.М. Кровавая свадьба Буондельмонте. Жизнь итальянского города в XIII веке. М., 1925. С. 7.

¹¹⁹Гревс И.М. Когда был написан трактат Данте «О монархии» // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 383.

«О монархии» — «зрелое» произведение, являющееся результатом глубоких многолетних раздумий поэта, «плод долгого познавательного процесса, тернистого личного опыта, рассчитанный на просвещение умов в течение очень долгого времени»¹²⁰. Непосредственной реакцией на поход императора Генриха являются политические письма Данте, весьма отличные по стилю и идеям от трактата. Первоначально текст этой статьи был прочитан И.М. Гревсом в качестве доклада на заседании Исторического общества и вызвал вполне заслуженную критику его учеников — О.А. Добаш-Рождественской и Л.П. Карсавина. Основанием послужил «психологизм» аргументации, когда при отсутствии формализации понятия «зрелого» текста основным оказываются лишь собственные впечатления от него, поскольку другие доводы (реконструкция «мотивов» и «обстановки») в силу недостатка источников не обоснованы и носят явно вспомогательный характер. Следует признать, что в современном дантоведении преобладает традиционная датировка трактата.

Вторая статья посвящена «синтетическому» разбору первой, по терминологии И.М. Гревса, «принципиальной» (в то время как вторая является «исторической», а третья — «современно-политической»¹²¹) главы «Монархии». Исследователь выделяет базовые категории текста («элементы»), поэтапно рассматривая их содержание и соотношение между собой. В качестве вспомогательных материалов привлекаются и другие произведения Данте, в первую очередь «Божественная комедия». Характер подобных изысканий напоминает по своим принципам работу руководимого И.М. Гревсом дантовского семинария, зафиксированную Н.П. Анциферовым¹²².

Как представляется, это описание достаточно полно доносит до нас атмосферу занятий высокопрофессиональной научной школы, которую, действительно, удалось создать И.М. Гревсу — из нее вышло немало известных отечественных историков. Скрупулезный анализ источников, внимание к реальному конкретному факту, характерные для петербургской школы, сочетаются в работе медиевистов-учеников Гревса с вниманием к человеку в истории и в то же время с настоящим мастерством концептуальных построений. Ивану Михайловичу удалось реализовать себя именно как педагога, наставника в науке, воспитавшего плеяду замечательных ученых. В этом его настоящая заслуга в развитии отечественной исторической науки. Сам он с такой ролью был вполне согласен: «По своему научному темпераменту я сам был более профессор, чем кабинетный

¹²⁰ Там же. С. 361.

¹²¹ Гревс И.М. Из «Studi Danteschi»: первая глава трактата Данте «De Monarchia» // Из далекого и близкого прошлого: сборник этюдов по всеобщей истории в честь Н.И. Кареева. Пг.; М., 1923.

¹²² Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 278.

ученый; исследовательское рвение во мне горело большое, но я, по страсти к преподаванию, почти всегда подчинял целям и интересам последнего исследовательские задания. Мне было ясно, что тот, кто хочет стать хорошим профессором, должен находиться в постоянном напряжении исследовательских исканий, я и вносил такую углубленную научную работу в выполнение задач, предлагаемых мною семинариев, приостанавливая и замедляя, если нужно (а нужным это оказывалось почти всегда) свои личные разыскания. Оттого-то я и оказался мало плодovit в печати»¹²³.

В статье, посвященной памяти В.Г. Васильевского, И.М. Гревс определяет основные черты идеального образа настоящего «учителя науки». К ним относятся сочетание профессионализма и навыка углубленного исследования с широким кругозором, умение «воспитывать наукой» с интересом и любовью, открытость, подлинный интерес к своему делу с общественным темпераментом¹²⁴. Кроме того, в России «каждый представитель университетской корпорации обязан построить себе определенный общественный идеал и владеть способностью проводить его постоянно и стойко...». Иван Михайлович указывает на то, что идеал этот трудно обрести. Тем не менее, следует признать — всю свою долгую жизнь профессор Гревс положил на достижение великой цели, став для многих «учителем науки».

Известный отечественный историк-антиковед М.Е. Сергеенко в своих воспоминаниях о Высших женских (Бестужевских) курсах, написанных на склоне лет, так говорит об одном из своих преподавателей, профессоре И.М. Гревсе: «Его официальным званием было “профессор Санкт-Петербургского университета”, но он имел право на другое, ни в каких послужных списках не упоминаемое. Он любил слово «идеал», и его можно назвать “служителем идеала”. В это расплывчатое понятие он вкладывал очень точное содержание: он считал своей обязанностью служить Богу, абсолютной истине и абсолютному добру, и занятия историей раскрывали перед ним — а через него и перед его учениками — как постепенно через века ошибок и преступлений, человечество начинало улавливать брезжащий свет этого добра, этой истины. Можно было не быть ученицей Ивана Михайловича, как не была ею я, но он вводил нас в жизнь Курсов своими вступительными беседами, приобщал к их атмосфере, зажигал наши сердца, естественно тянувшиеся к доброму своей незабываемой верой в абсолютное добро, абсолютную истину. И если мы, старые бестужевки, прожив долгую и не очень легкую жизнь, близко заглянув в смрадные омуты подлости, лжи и злобы, повстречав на своем пути очень много породистых Каинов, сохранили веру в побе-

¹²³ Гревс И.М. Средневековая история... С. 347.

¹²⁴ Бамбизова К.В. Историческая концепция... С. 99—120.

ды этого добра, этой истины, то это всходы семян, посеянных Иваном Михайловичем»¹²⁵. Такая благодарность учеников, пронесенная через годы, безусловно, является высшим признанием заслуг наставника, и удостоивается ее далеко не каждый.

Итак, среди факторов, повлиявших на деятельность И.М. Гревса по формированию школы, мы должны назвать следующие.

Во-первых, занимая на протяжении почти тридцати лет кафедру в университете и на ВЖК, И.М. Гревс обладал возможностью как оставлять своих учеников при кафедре для приготовления к профессорскому званию, так и в последующее время поддерживать их. Кроме того, он имел репутацию популярного прогрессивного профессора как среди коллег, так и студентов.

Во-вторых, относительная (согласно принятым в научном сообществе оценкам) неудача собственной научной карьеры привела к тому, что И.М. Гревс «пытался выразить себя в учениках», т.е. позиционировал себя в большей степени как преподаватель, а не как исследователь. Конструируя в многочисленных мемуарных текстах свою идентичность, Гревс выступал в качестве профессора «по преимуществу»: «Профессорство создало для меня смысл жизни»¹²⁶. В письме к Вяч. Иванову в июне 1918 г. Иван Михайлович отметил: «Я отдавал душу и труд тому, что было во мне самое лучшее, преподаванию. Уверен, что средняя моя лекция была лучше в осуществлении, чем самый лучший из моих трудов в его возможности. Поэтому я, должно быть, правильно сделал, что отдался профессорству, и замышлявшиеся сочинения высохли в листках»¹²⁷.

В-третьих, становление профессиональной идентичности И.М. Гревса пришлось на период его активного участия в «Приютинском братстве», что привело к формированию потребности в тесном круге единомышленников, с которыми можно было бы обсуждать мировоззренческие, политические, религиозные вопросы. Ученому было комфортно среди соратников, и в ходе последующей «эрозии» братства он старался для себя этот недостаток как-то компенсировать. Вовлеченность в жизнь братства сказалась на «одиночестве» И.М. Гревса в рамках избранной им специализации: ближайшие друзья юности не были историками-всеобщниками, а уж тем более медиевистами. Смена И.М. Гревсом тематики научных исследований только усилила его дисциплинарную маргинальность¹²⁸.

¹²⁵К истории антиковедения в России. Воспоминания профессора, доктора исторических наук М.Е. Сергеевко / Публ. Е.В. Федоровой // Труды кафедры древних языков. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 15.). СПб., 2000. С. 309.

¹²⁶Гревс И.М. Средневековая история. ...

¹²⁷История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова... С. 260.

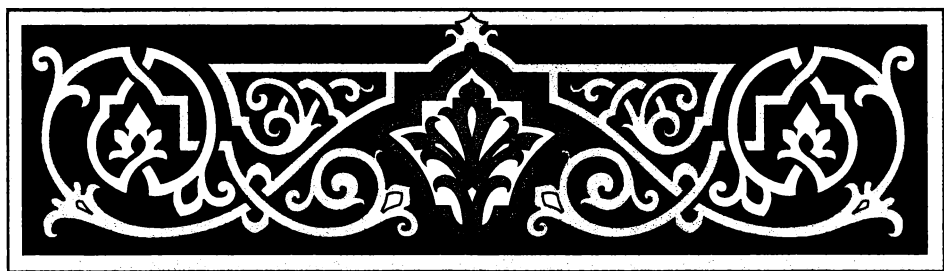
¹²⁸С.А. Еремеева метафорически обозначила это как «цену, которую пришлось заплатить за Братство».

В-четвертых, говоря о характере Гревса, пожалуй, следует отметить некую, условно говоря, сентиментальную инфантильность (мягкость, ранимость, нерешительность), о которой пишут как поклонники профессора, так и люди, относящиеся к нему менее доброжелательно. Безусловно, подобная личная жизненная позиция повлияла на то, что Иван Михайлович не довольствовался ролью «формального» научного руководителя, а стремился выстроить с учениками определенный эмоционально и экзистенциально окрашенный режим «учительства», приведший к формированию школы «жесткого» типа. Он старался «привить» ученику определенную жизненную позицию. И.М. Гревс придавал «духовной близости» с учениками огромное значение: «Духовно, мне кажется, я продолжаю идти вперед. Движение это давалось мне в последнее восьмилетие моего бытия тайным общением с духом умершей дочери, свет от светлых глаз которой я со всей силой ощущаю устремленным на меня из другого мира, и явной любовью к близким, сороботой с учениками и ученицами, сливающимися с моею душою»¹²⁹. В то же время, речь идет не столько о рациональной методически последовательной программе, сколько о стремлении, «воле к школе», которая будет определять в той или иной степени конструируемую стратегию поведения и вырастающие из нее поведенческие практики.

В-пятых, у И.М. Гревса была особая оригинальная методологическая и теоретическая (в известном смысле — и философская) концепция, причудливо сочетавшая и синтезировавшая элементы различных интеллектуальных направлений. Хотя ученого трудно отнести к чистым представителям какой-либо методологической традиции¹³⁰, ведь он не оставил после себя какой-то «большой теории», однако ему, несомненно, «было чему научить» многочисленных слушателей.

¹²⁹История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова... С. 260.

¹³⁰«Историческое мировоззрение И.М. Гревса можно характеризовать как не лишённое внутреннего противоречия сочетание “идиографизма” с позитивистским эволюционизмом и прогрессизмом, окрашенное тонами христианского гуманизма» // Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 64. См. также: Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // НЛО. № 96. С. 62—64.

Глава II

Петербургская школа медиевистов
в начале XX века.
Вехи истории

§ 1. Первые ученики (1900—1910 гг.)

В этой главе мы попытаемся кратко изложить «внешнюю», т.е. событийную историю формирования петербургской школы медиевистов начала XX в. Исходя из целей нашей работы, мы уделяем основное внимание не наиболее крупным и авторитетным представителям школы, творчество которых (например, Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественской и А.Д. Люблинской) достаточно основательно освещено в современной историографии, а т.н. фигурам «второго плана» — гораздо менее известным ученикам И.М. Гревса.

Нередко приходится доказывать факт причастности отдельных исследователей, принадлежавших к петербургской исторической науке, к медиевистике¹. Мы не рассматриваем в качестве представителей школы тех учеников И.М. Гревса (например, А.П. Смирнова, Э. Левинг-Лессинга, Н.В. Пигулевскую), которые стали профессиональными учеными, но при этом круг их интересов не соприкасался непосредственно с изучением западноевропейского Средневековья. Соответственно, при отборе фигур учеников исходим из понимания школы как профессионального сообщества и реальной социальной группы. В сферу нашего внимания попадают те, кто занимался (или только пытался) исследованием Средневековья, вступая с профессором в непосредственные интеллектуальные отношения, особенно в «постстуденческие» годы, т.е. после оставления при кафедре для научной работы.

Естественно, историю научной школы, созданной И.М. Гревсом, следует вести со времени становления его преподавательской деятельности. Как уже отмечалось, в ноябре 1889 г., после сдачи магистерских экзаменов, И.М. Гревс, имеющий к тому моменту большой опыт преподавания истории в средних учебных заведениях, был утвержден приват-доцентом Санкт-Петербургского университета по кафедре всеобщей истории. С ноября следующего года он приступил к чтению курса «Введение в историю государства и общества в период падения Римской империи»². После возвращения из заграничной командировки в 1892 г. за ним закрепили общий курс истории Средних веков на ВЖК, а с 1894 г. В.Г. Васильевский, давно видя в нем своего преемника по кафедре, передает ученому курс средневековой истории и в универ-

¹ В этом отношении наш подход существенно отличается от подхода Б.С. Кагановича, который основное внимание уделял как раз наиболее крупным фигурам в науке, посвятив «ученикам И.М. Гревса, которые по разным причинам оставили меньший след в медиевистике» лишь один параграф своей диссертации. См.: Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики... С. 12.

² Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 18.

ситете. Данный курс И.М. Гревс читал (с перерывом в 1899—1902 гг., связанным с увольнением) вплоть до 1923 г., дополняя его спецкурсами и семинариями, расцвет которых, безусловно, приходится на вторую половину 1900—1910 гг. Став приват-доцентом, а затем — с января 1903 г. — исполняющим обязанности профессора университета по кафедре всеобщей истории, он имел полномочия рекомендовать собранию факультета своих учеников с целью «оставления их при кафедре для приготовления к профессорскому званию». Еще раньше подобная возможность представилась ему на ВЖК. Избрание И.М. Гревса деканом историко-филологического факультета Курсов только усилило его позицию. Другими словами, у ученого появился определенный институциональный капитал, позволивший ему начать процесс создания собственной научной школы.

Растет его авторитет среди коллег, с большинством из которых у Гревса складываются нормальные — профессиональные и деловые — отношения, а равно и популярность среди студентов. Иван Михайлович любил и умел с ними работать и, соответственно, имел возможность выбирать талантливых, заинтересованных учеников для дальнейшей научной работы, т.е., формально, для оставления при кафедре. Уже в середине 1890-х гг. И.М. Гревс обращает внимание на серьезно интересующуюся проблемами средневековой истории слушательницу Бестужевских курсов О.А. Добиаш (с 1908 г. — Добиаш-Рождественскую)³ (1874—1939). Однако окончившая ВЖК в 1899 г. О.А. Добиаш в силу политической неблагонадежности⁴ не могла быть оставлена и в течение ряда лет преподавала историю в средних учебных заведениях⁵. Только в 1906 г. И.М. Гревс, выбранный деканом получивших автономию Курсов, смог привлечь ее в качестве преподавателя для ведения семинариев по «Германии» Тацита. Несколько лет (1908—

³ Биографию и анализ научного творчества О.А. Добиаш-Рождественской см.: Люблинская А.Д. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874—1939) // *Портреты историков. Время и судьбы.* М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. С. 155—165; *Она же.* О.А. Добиаш-Рождественская как историк // *СВ.* М.; Л., 1942. Вып. 1. С. 212—226; *Она же.* Значение трудов О.А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР // *СВ.* 1966. Вып. 29. С. 173—178; *Ершова О.А.* Добиаш-Рождественская. Л., 1988; *Каганович Б.С.* Русские медиевисты... С. 85—160; *Он же.* О.А. Добиаш-Рождественская и ее научное наследие // *Французский ежегодник.* 1982. М., 1984. С. 190—208; *Он же.* О научном наследии О.А. Добиаш-Рождественской // *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья. Научное наследие / Сост. Б.С. Каганович. М., 1987. С. 313—323. Поскольку в этих работах обстоятельно рассмотрен жизненный путь и творческое наследие ученого, позволю себе лишь кратко отметить основные вехи, значимые для контекста истории школы.

⁴ *Каганович Б.С.* Русские медиевисты... С. 89—90.

⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1.

1911 гг.) О.А. Добиаш-Рождественская проводит вместе с мужем в Париже, получив научную командировку от Курсов с выплатой министерского пособия «в размере 1000 рублей»⁶. Здесь она посещает занятия известных французских медиевистов в Сорбонне и Школе Хартий,⁷ в 1911 г. защищает под руководством Ш.-В. Ланглуа докторскую диссертацию⁸. Вернувшись в том же году в Россию, О.А. Добиаш-Рождественская возобновляет преподавание на ВЖК, защитив в 1915 г. магистерскую диссертацию «Церковное общество во Франции. Ч. 1. Приход» (она была первым в России магистром-женщиной по всеобщей истории), а в 1918 г. — докторскую по теме «Культ св. Михаила в латинском Средневековье V—XIII вв.». С 1913 г. она являлась профессором ВЖК и приват-доцентом университета⁹. В 1917 г. после присоединения ВЖК к университету О.А. Добиаш-Рождественская становится сначала доцентом, а затем профессором. Тематика ее учебных курсов и научных статей этого времени связана с французской средневековой историей и проблемами палеографии латинских манускриптов. Исследовательница активно участвует в работе секции всеобщей истории Исторического общества, является одним из редакторов сборника трудов, приуроченного к юбилею И.М. Гревса, пишет цикл статей для «Нового энциклопедического словаря»¹⁰.

В первой монографии О.А. Добиаш-Рождественская, опираясь на широкий круг источников¹¹, делает попытку реконструкции повседневной жизни ординарного сельского церковного прихода как особого социокультурного сообщества. Она рассматривает экономическую, правовую и бытовую стороны приходской жизни. Исследовательница убедительно показывает, что и реальный приход, и его настоятель-священник были очень далеки от идеальных образов, создаваемых в догматической литературе, — «частицы Тела Христова» и «добротного пастыря», готового положить живот за ближних. Повседневность прихода определялась различными экономическими, политическими (в том числе и внутрицерковными), социальными (структурой общины), культурными (местны-

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 559. Л. 58.

⁷ ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 18.

⁸ *Dobiache-Roждestvensky O. La via parossiale en France an XIII-e siecle les actes episcopaux.* Paris, 1911.

⁹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 186. Л. 4.

¹⁰ О.А. Добиаш-Рождественская подготовила статьи: «Генрих I» (т. 13), «Генрих II» (т. 13), «Генрих IV» (т. 13), «Генрих VI» (т. 13), «Генрих Лев» (т. 13).

¹¹ *Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество во Франции в XIII веке.* СПб., 1914. Ч. I: Приход. С. 5—44. К использованным ею источникам относятся акты провинциальных соборов, материалы епархиальных синодов, статуты, дневники церковных ревизоров. Разработкой этой проблематики О.А. Добиаш-Рождественская начала заниматься в семинариях Ф. Лота. См.: ОР РНБ. Ф. 254. Д. 18.

ми крестьянскими обычаями) факторами. Например, исследовательница убедительно показывает зависимость настоятеля прихода от феодала, «господина земли». Получается, что сельский приходской священник как определенный социокультурный тип формировался в результате некоего компромисса между наставлениями и инструкциями вышестоящих церковных органов и реалиями окружающего его «земного мира»¹². Церковь, часто много требуя от священника, фактически, не давала ему прав и возможностей для реализации этих требований. «В однообразном круговороте бедной жизни, вечно на одном и том же месте, среди одних и тех же людей, он подчинялся отупляющему воздействию косного быта. Усовершенствование хозяйства, благосостояние семьи, по примеру прихожан, становится центральными интересами жизни приходского настоятеля. Слабый, погруженный в “мир”, которому его хотят противопоставить, вовсе не аскет, часто пьяница и обжора, в большинстве случаев человек робкий и простодушный <...> в большинстве случаев он предпочитает столкнуться с миром, а не бороться с ним. <...> Он уклоняется от принципиальной борьбы, но с помощью всяческих уловок и обхода законов ухитряется отстоять личные и семейные выгоды и интересы»¹³. Однако этот весьма несоответствующий с идеальными требованиями священник оказался вполне в состоянии руководить жизнью прихода и паствы. «Прививка церковного идеала на диком стволе средневековой жизни дала цветы, перед благородной красотой которых с изумлением останавливается исследователь»¹⁴.

Показательно, что во введении к данной работе автор позиционирует себя как человек с «двойной» школьной принадлежностью. С одной стороны, как ученица французских медиевистов (она выражает благодарность Ш.-В. Ланглуа и Ф. Лоту¹⁵), а с другой, — в первую очередь, как воспитанница И.М. Гревса. И этот второй момент оказывается гораздо более значимым. «Под вдохновляющими и зовущими к серьезному труду впечатлениями его лекций и практических занятий на всю жизнь слагались взгляды и рабочие привычки его учеников, навсегда определялись многие элементы их исторического мировоззрения. Оглядываясь на свою преподавательскую и научную жизнь, автор с глубокой признательностью и любовью видит в важнейших началах ее — вплоть до осуществления издания настоящей работы — содействие его дружеской руки, а в том лучшем, что было в ней, следы

¹² «Приходская церковь хотела играть заметную роль в обществе, и она ее играла, но для этого ей надо было снизойти к его нуждам» // *Добиаши-Рождественская* О.А. Церковное общество... С. 171.

¹³ Там же. С. 168.

¹⁴ Там же. С. 172.

¹⁵ Там же. С. II—III.

влияния Ивана Михайловича. История романского средневековья, на которую бросили так много света его студии (к сожалению, редко публикуемые им и оставшиеся достоянием участников его семинариев), является областью, куда по следам учителя пошло большинство его учеников»¹⁶.

Как мы видим, в этом выражающем благодарность фрагменте, с одной стороны, достаточно отчетливо проявляется школьная идентичность — автор однозначно позиционирует себя как ученица И.М. Гревса, а с другой, — присутствуют некоторые значимые элементы «дискурсивного образа» наставника. Они представляют собой следующее: И.М. Гревс воспитал огромное количество учеников, занимающихся под его влиянием романским Средневековьем; он преимущественно уделяет силы и внимание преподаванию, а не научно-исследовательской работе; влияние учителя, оцениваемое пафосно-положительно, распространяется на всю «научную жизнь» его последователей. Подобный образ впервые был сконструирован в предисловии к первому юбилейному сборнику, соавтором которого была О.А. Добиаш-Рождественская, и потом транслировался в большом количестве текстов, в том числе и самого И.М. Гревса.

Вторая монография посвящена уже не столько истории Церкви как социального института, сколько эволюции религиозных идей и образов¹⁷. В ней исследовательница в широком социально-политическом и интеллектуальном контексте рассматривает эволюцию образа святого архангела Михаила в раннесредневековой (преимущественно западноевропейской) культуре. Очевидно, что подобная проблематика, отличающаяся глубоким своеобразием, предъявляет к ученому ряд требований — от широты кругозора и специальных профессиональных навыков до особой деликатности в обращении с изучаемыми источниками. Подчеркивая неоднозначность образа архангела Михаила в различных традициях и текстах, историк убедительно выделяет и обосновывает общую тенденцию его эволюции. Опираясь на различные источники, О.А. Добиаш-Рождественская рассматривает формирование образа архангела в раннем Христианстве¹⁸, подробно останавли-

¹⁶ Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество... С. II.

¹⁷ «В этой области труднее, чем во всякой другой, правильно учесть расстояние, отделяющую тайну действительного религиозного переживания от воплощения его в культе, слове, памятнике искусства» // Добиаш-Рождественская О.А. Культ св. Михаила в латинском Средневековье. Пг., 1917. С. V. В силу этого мы можем отметить, что О.А. Добиаш-Рождественская стала одним из первых историков религии, перенесших центр рассмотрения от истории догматов и институций на историю верований и религиозных практик.

¹⁸ Добиаш-Рождественская О.А. Культ св. Михаила... С. 18—52.

ваясь на исторических истоках, затем изучает его трансформацию при «переносе» на Запад. Медиевист убедительно показывает несостоятельность бытовавших в европейской науке представлений о том, что своеобразным предшественником архангела был языческий Меркурий¹⁹, а также гипотез о связи распространения его культа с лангобардами. На вопрос «Был ли Михаил Архангел национальным святым лангобардов?» она дает отрицательный ответ²⁰. Зато указывает на особую роль, которую в распространении культа сыграло англосаксонское монашество, и на рост почитания Михаила в каролингской империи. При том, что «Меровингская держава не знает его культа»²¹, в каролингский период ситуация кардинальным образом меняется. «Михаил был любимым святым каролингского века. <...> Но только он, царь вершин, мог стать адекватным символом высокой императорской культуры. Это положение тесно связано с другим. Культ Михаила проникал и распространялся теми же путями и через тех же деятелей, которые были проводниками политической и религиозной философии эпохи»²². VIII век — кульминация расцвета культа предводителя небесного воинства в Западной Европе. Достигнув пика, культ архангела Михаила в последующие века нашел отражение в различных дискурсах — от топографии до имперской идеологии, от легенд местных святынь и мест паломничества до лирической поэзии. Все эти варианты рецепции подробно рассматриваются исследовательницей²³.

Безусловно, монография Добиаш-Рождественской является одной из лучших работ своего времени, посвященных истории западноевропейской средневековой культуры. С точки зрения истории научной школы следует обратить внимание на то, что на страницах указанной книги Ольга Антоновна ведет открытую полемику со своим младшим коллегой, недавно защитившим докторскую диссертацию Л.П. Карсавиным. Отмечая труд «Основы средневековой религиозности», О.А. Добиаш-Рождественская критикует лежащую в его основе теоретическую конструкцию и показывает несостоятельность оной на примере образа и культа архангела Михаила²⁴. Учитывая, что О.А. Добиаш-Рождественская и Л.П. Карсавин, фактически, занимались исследованием очень близкой проблематики, представляется, что эту критику, с одной стороны, можно интерпретировать как наметившееся в рамках петербургского сообщества медиевистов противостояние двух подходов к

¹⁹ Там же. 51—71.

²⁰ Там же. С. 91—152.

²¹ Там же. С. 191.

²² Там же. С. 247.

²³ Там же. С. 341—378.

²⁴ Там же. С. 378—382.

изучению религиозности²⁵, а с другой, — как начавшуюся борьбу за лидерство в пределах научной школы.

В послереволюционные годы О.А. Добиаш-Рождественская пишет для различных изданий несколько научно-популярных работ по истории Средневековья²⁶. Соглашаясь с канонами жанра, она сворачивает значимую для профессиональных текстов обстоятельную аргументацию и переходит на лапидарный стиль изложения, что позволяет в чистом виде зафиксировать понимание автором «сущности» Средневековья при подчеркиваемой ею условности выделяемых хронологических рамок. По словам исследовательницы, Средние века — период глубинных политических, социальных, демографических, этнических, культурных «подвижек», в результате которых в Западной Европе формируется новый строй (феодализм²⁷), тип мировоззрения и духовной культуры²⁸. Для этого мировоззрения, по мнению автора, особое значение имела переосмысленная на христианской основе идея единства, принимавшая самые разные формы — от «Града Божьего» Августина и праведной церкви до Империи²⁹; именно она и стала культурной предпосылкой крестоносного движения³⁰.

В научно-популярных работах О.А. Добиаш-Рождественская демонстрирует свое незаурядное писательское мастерство. Так, например, рассуждая об итогах крестовых походов, она замечает: «В симфонии исторической жизни, — а этой симфонией, хотя бы и отзвучавшей, питается душа народов, — крестоносное движение прошло как высокий призывный голос, и по его тону еще века спустя не раз настраивалась музыка восприятия и действия средневекового Запада, более всего — Запада французского. Подобно инструменту, наигранному искусством благородного мастера, коллективное сознание его народов не раз давало звук, согласный мужественный и прекрасный, под прикосновением новых ураганов истории»³¹. Не менее яркую характеристику она дает и Плантагенетам: «Эта семья, смешавшая много сильных и разнообразных кровей крайнего германского севера и яркого романского юга, суровую душу скандинавских скал, сложную жизнь пиренейско-атлантической страны и веселье

²⁵ Добиаш-Рождественская О.А. Религиозная психология Средневековья в исследованиях русского ученого // Русская мысль. 1916. № 4.

²⁶ Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов. Запад в крестоносном движении. Пг., 1918; Она же. Западная Европа в Средние века. Пг., 1920; Она же. Как люди научились считать время. Берлин. Пг.; М., 1922; Она же. Западные паломничества в Средние века. Пг., 1924; Она же. Крестом и мечом. Приключения Ричарда Львиное Сердце. Л., 1925.

²⁷ Добиаш-Рождественская О.А. Западная Европа... С. 16.

²⁸ Там же. С. 24—69.

²⁹ Там же. С. 18—24.

³⁰ Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов... С. 115.

³¹ Там же. С. 115—116.

лазурных берегов Прованса, соединившая много культурных традиций, старых и молодых, наивно-свежих и порочно-утонченных, была исключительно энергичной и талантливой семьей»³². Следует обратить внимание на то, что стиль изложения в ориентированных на широкого читателя работах О.А. Добиаш-Рожественской, безусловно, близок тональности аналогичных трудов И.М. Гревса. Однако гревсовский стиль более дидактичен, сентиментален, эмоционально окрашен пафосом классического гуманизма и, соответственно, наполнен этическим компонентом. Стиль О.А. Добиаш-Рожественской — выдержанный и холодный³³.

Кроме того, как уже говорилось, для И.М. Гревса эмоциональная обр-азность была неотъемлемой составляющей исторического познания. В работах его ученицы художественный элемент, относимый к вторичному плану изложения содержания исследования, всегда ограничен четкими профессиональными рамками. По справедливому замечанию Б.С. Кагановича, в своих штудиях (в том числе выполненных в научно-популярном жанре) О.А. Добиаш-Рожественская «при всем увлечении эстетикой истории не теряет трезвости»³⁴. Четкая привязанность к информации источника (с присутствием элементов источниковедческой критики), конвенционально корректные высказывания, умение ограничивать «полет фантазии» и психологизирование³⁵ — вот те черты, которые отличают стиль исследовательницы.

Таким образом, О.А. Добиаш-Рожественская вполне может быть определена как ученый, в теоретико-методологических взглядах которого преобладает тенденция позитивистской ориентации³⁶. И с течением времени данная тенденция в силу различных причин усиливается.

Даже в научно-популярных и ориентированных на непосвященную аудиторию работах продолжается полемика О.А. Добиаш-Рожественской с Л.П. Карсавиным. С одной стороны, она одобрительно цитирует его «Очерки по истории средневековой религиозности»³⁷, а с другой, — довольно не-

³² *Добиаш-Рожественская О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. 2-е изд. М., 1991. С. 13.*

³³ В этом плане Б.С. Каганович совершенно справедливо сопоставил ее работы с произведениями художников, входивших в «Мир искусства». См.: *Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 243.*

³⁴ Там же. С. 112.

³⁵ Хотя автор пишет о том, что «психический момент составляет центральный интерес объекта истории» и «доминирующую роль играет в процессе ее познания» (*Добиаш-Рожественская О.А. Западная Европа. С. 7*), она признает только рациональный анализ психической стихии на основании «прямых следов» (Там же. С. 7) прошлого.

³⁶ Безусловно, с элементами иных (гегельянской и романтической) традиций, в частности, признанием наличия глубинных идей, определяющих на сущностном уровне специфику эпохи. См.: Там же. С. 18—24.

³⁷ *Добиаш-Рожественская О.А. Западная Европа... С. 27.*

однозначно оценивает книгу «Культура Средних веков»: «Книжка проф. Карсавина, посвященная теме средневековой культуры, талантливо, иногда удивительно метко и удачно схватывающая в ее основном единстве, в самой ее глубине стихию Средневековья. Однако эта книга часто очень субъективна, очень неровна. В последней части своей под наплывом тем и фактов, она колеблется между сухой сжатостью и легкой спешностью, слишком быстро скользящей по огромному материалу»³⁸. Однако высылка Л.П. Карсавина за пределы Советской России в 1922 г. положила конец борьбе за лидерство. О.А. Добиаш-Рождественская однозначно становится крупнейшей фигурой петроградского сообщества медиевистов, «старейшим» и «ближайшим», наиболее влиятельным в рамках профессионального поля учеником И.М. Гревса.

В эти годы О.А. Добиаш-Рождественская читает курсы в различных учебных заведениях Петрограда, в частности, по латинской палеографии, французской историографии³⁹, по истории средневекового быта и крестовых походов⁴⁰, а также ведет семинарские занятия. Как вспоминала, характеризуя манеру преподавания своей наставницы на ВЖК, ее ученица А.Д. Люблинская, которой впоследствии О.А. Добиаш-Рождественская передаст чтение курса палеографии, «в свои семинарии О.А. внесла всю тщательность французской школы, перенятой ею от Ланглуа. Кроме того, учитывая малую подготовленность своих слушательниц, она их “школила” несравненно больше, чем то было принято в университете, в мужской аудитории. Она прекрасно умела индивидуализировать обучение каждой из своих учениц, хотя группы были достаточно многочисленны. Очень настойчиво и планомерно учила она всем сторонам ремесла историка, считая, что только полная независимость и виртуозность в технике исследования делают ученого настоящим мастером своего дела. Убедившись на собственном опыте, какую огромную важность для обучения молодежи имеет традиция школы, которой в большинстве случаев были лишены русские медиевисты, подходившие к мастерству сложными и зачастую слишком длинными путями, О.А. Добиаш никогда не уставала с величайшей тщательностью следить за безукоризненностью знания языка, точного понимания реалий и главное — за критическим использованием источников. Порой бывало нелегко выслушивать ее критику, но все ее слова были пронизаны таким желанием помочь и научить, что ни для кого они не оставались бесплодными. О.А. Добиаш была чрезвычайно активна в своем методе преподавания, растила своих учеников с усердием и жаром, тратя на это массу времени и энергии»⁴¹.

³⁸ Там же. С. 71.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 188.

⁴⁰ Материалы к этим курсам сохранились в ее архиве. См.: Там же. Д. 200.

⁴¹ Люблинская А.Д. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская. С. 158.

В 1920-е гг. Ольга Антоновна работает в целом ряде научных заведений (Институте книги АН СССР, ГАИМК), но с 1923 г. основным местом становится Отдел рукописей Публичной библиотеки. Именно здесь в полной мере разворачивается ее научная, а в определенной степени преподавательская и организационная деятельность⁴². В указанные годы она публикует (в СССР и за рубежом) серию выдающихся научных исследований⁴³, привлекает в Отдел своих (и И.М. Гревса) учеников — В.В. Бахтина, С.А. Ушакова, А.Д. Люблинскую, В.С. Люблинского и т.д.⁴⁴. Речь идет об ординарном патронате в рамках профессиональной деятельности. О.А. Добиаш-Рождественская поддерживала собственных учеников как могла даже в тех непростых ситуациях, когда они становились жертвами политических репрессий⁴⁵.

В 1923 г. был опубликован знаменитый учебник О.А. Добиаш-Рождественской по латинской палеографии и истории письма⁴⁶, продолжали выходить новые работы, посвященные анализу средневековых манускриптов. Ее ученица А.Д. Люблинская отмечала: «Рукопись и письмо интересовали ее не сами по себе, но и в широком историко-культурном плане. Каждая из них, особенно древняя, была для Ольги Антоновны прежде всего памятником эпохи, деятелей и события которой она превосходно знала. Поэтому она могла извлечь из почти каждого кодекса множество необычных и подчас неожиданных сведений. В ее руках древние рукописи обретали как бы новую жизнь, свидетельствуя о таких культурных явлениях и связях, само

⁴² Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 116—130. См. также: Люблинская А.Д. Значение трудов О.А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР // СВ. М., 1966. Вып. 29. С. 173—178; Киселева Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. СПб., 2003. С. 291—295.

⁴³ Наиболее значимые из них: *Dobiache-Rojdestvensky O. Histoire de l'Atelier graphique de Corbie de 651 a 830, reletée dans les manuscrits de Leningrad.* Leningrad, 1934; *Les poesies des Goliards, grouppees et nexte latin en regard par O. Dobiache-Rojdestvensky.* P., 1931; *Добиаш-Рождественская О.А. К преданию поэзии голиардов // Средневековье в рукописях Публичной библиотеки.* Л., 1925. Вып. 1. С. 7—48; *Она же.* Ранний фриульский минискул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* М.;Л., 1937. С. 109—139; *Она же.* Хроника Адемара Шабанского и ее рукопись в Ленинграде // *Ученые записки ЛГУ. Сер. истор. наук.* 1939. Вып. 4. С. 146—161. Общий список научных работ О.А. Добиаш-Рождественской см.: *Труды члена-корреспондента АН СССР О.А. Добиаш-Рождественской / Сост. А.Д. Люблинская и И.С. Шаркова // СВ. М., 1966. Вып. 29. С. 179—186.*

⁴⁴ Вольфицун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 10—12.

⁴⁵ Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 119—131. См. также ее отзывы о научной работе М.А. Тихановой (ОР РНБ. Ф. 254. Оп.1. Д. 134) и А.И. Хоментовской (ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 154).

⁴⁶ *Добиаш-Рождественская О.А. История письма в Средние века. Руководство к изучению латинской палеографии.* Пг., 1923. Впоследствии эта книга выдержала еще два издания.

существование которых было до того неизвестно или неясно»⁴⁷. В подобном ключе, рассматривая манускрипт в широком культурно-историческом контексте, работали и ее ученики. Профессиональные заслуги исследовательницы были общепризнаны. В 1929 г. О.А. Добиаш-Рождественскую избрали членом-корреспондентом АН СССР⁴⁸, а в 1934 г. она вернулась на исторический факультет Ленинградского университета.

Отношения Добиаш-Рождественской, взгляды которой в 1917 г. были близки к программе кадетской партии⁴⁹, с советской властью складывались непросто. Ольгу Антоновну даже арестовали, несколько раз вызывали на допросы, но в конце концов «оставили в покое». Как считает Б.С. Каганович, это произошло потому, что научные исследования ее мужа — директора Государственного Оптического института Д.С. Рождественского — представляли определенный интерес для власти. Он был «связан с руководителями советской промышленности и военного ведомства, и его не захотели трогать»⁵⁰. В то же время позиция О.А. Добиаш-Рождественской по отношению к советской власти становилась все более лояльной, что негативным образом сказалось на общении с учителем во второй половине 1930-х гг.⁵¹

Итак, необходимо признать, что первая ученица И.М. Гревса была наиболее плодовитым, известным (труды ее, действительно, ориентировались на международный контекст «большой науки» и получили признание французских знатоков Средневековья) и, в определенной степени, самым успешным представителем петербургской школы медиевистики. Б.С. Каганович совершенно справедливо оценивает О.А. Добиаш-Рождественскую как «одну из самых крупных и ярких фигур» в истории российской науки о Средневековье⁵². Всегда с большим пиететом относясь к учителю, О.А. Добиаш-Рождественская в 1920-е гг. «получает по наследству» роль лидера школы. Приняв ее с благодарностью и осознанием особой ответственности, она начала выступать по мере возможности в качестве наставника и покровителя коллег. Хотя, как мы покажем далее, со сменой лидера, естественно, некие базовые постулаты школьной идеологии были, в силу различных причин, заменены на другие.

⁴⁷ Люблинская А.Д. Значение трудов... С. 175.

⁴⁸ Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 118. См. также: Лихачев Н.П., Платонов С.Ф., Бузескул В.П. Записка об ученых трудах проф. О.А. Добиаш-Рождественской // Записки об ученых трудах членов-корреспондентов АН СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г. Л., 1930. С. 27—30.

⁴⁹ Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 105.

⁵⁰ Там же. С. 123.

⁵¹ Там же. С. 132—135. См. также: Из переписки О.А. Добиаш-Рождественской 1920—1930 гг. / Публ. и коммент. Б.С. Кагановича // Отечественная история. 1992. № 3. С. 101—117.

⁵² Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 143.

В 1906 г. по рекомендации И.М. Гревса при кафедре для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности оставили двух его учеников, выпускника университета — Льва Платоновича Карсавина (1882—1952), и Петра Бернардовича Шаскольского (1882—1918)⁵³.

Л.П. Карсавин⁵⁴, пользовавшийся особым покровительством И.М. Гревса⁵⁵, преподает историю в средних учебных заведениях⁵⁶, а в 1908 г. замещает на ВЖК О.А. Добиаш-Рождественскую. На следующий год он избирается секретарем секции всеобщей истории в Историческом обществе и назначается постоянным преподавателем на ВЖК, где читает курс по истории папства в Средние века и ведет семинарские занятия. В 1907 г. Л.П. Карсавин принимает участие в организованной И.М. Гревсом итальянской экскурсии.

Успешно сдав в 1910 г. магистерские экзамены, он уезжает с семьей на министерскую стипендию в заграничную командировку, работает в архивах и библиотеках Италии и Франции⁵⁷. Вернувшись в 1912 г. в Россию, назначается приват-доцентом университета⁵⁸, продолжая пре-

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10049. Л. 2. Среди студентов этого курса следует также отметить ученика Гревса Бориса Павловича Брюллова, преподававшего по окончании университета историю в средних учебных заведениях Санкт-Петербурга, а затем ставшего крупным искусствоведам. См.: Фролов В.А. Жизнь и деятельность Б.П. Брюллова // Анциферовские чтения: материалы и тезисы конференции. Л., 1989. С. 40—42.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10049; РГИА Ф. 733. Оп. 154. Д. 352. Л. 54. Подробнее о Л.П. Карсавине см. гл. IV. Из общих работ последнего времени о Л.П. Карсавине следует отметить: Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // После перерыва. Пути развития русской философии. СПб., 1994; Ястребицкая А.Л. Лев Платонович Карсавин: творчество историка и историографический процесс // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6. С. 80—117; Она же. Лев Платонович Карсавин (1882—1952) // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2004. Вып. 3. С. 441—473; Степанов Б.Е. Проблема достоверности в методологии истории культуры Л.П. Карсавина // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. М., 2002. С. 183—214; Ендольцев Ю.А. «Он любил ниспровергать принятое либеральной наукой». Л.П. Карсавин // Знаменитые универсанты: очерки о питомцах С.-Петербургского университета. СПб., 2002. Т. 1. С. 397—411; Мелих Ю.Б. Персонализм Л.П. Карсавина и европейская философия. М., 2003. Общую библиографию работ о Карсавине см.: Лев, Платонович Карсавин / под ред. С.С. Хоружего. М., 2015. С. 501—516.

⁵⁵ Написанное И.М. Гревсом ходатайство о предоставлении Л.П. Карсавину заграничной командировки содержит очень высокую оценку начинающего медиевиста (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 559. Л. 72).

⁵⁶ Он преподает историю в гимназии Императорского человеколюбивого общества, женской гимназии Прокофьевой и художественном училище Штиглица (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10049. Л. 49). Карсавин Л.П. Письмо С.А. Венгеру... С. 166.

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10049. Л. 12; РГИА Ф. 733. Оп. 154. Д. 559. Л. 71.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10049. Л. 16; РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 352. Л. 53.

подавать на ВЖК и в других учебных заведениях (Историко-филологическом институте, на Высших курсах П.Ф. Лесгафта, в Технологическом институте, Политехникуме)⁵⁹. Читает лекции по истории папства, средневековых ересей, ведет семинарии и просеминарии. Л.П. Карсавин, в отличие от многих других «оставленных при кафедре», много публикуется, и до определенного времени его карьера складывается вполне благополучно. В 1913 г. он защищает магистерскую диссертацию «Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков», а в 1916 г. — докторскую «Основы средневековой религиозности XII—XIII веков, преимущественно в Италии». Это была первая докторская диссертация, подготовленная в рамках школы И.М. Гревса. Затем успешная научно-административная карьера Л.П. Карсавина несколько приостановилась, но в 1918 г. его избирают экстраординарным профессором университета⁶⁰.

В 1922 г. Л.П. Карсавина выслали из Советской России⁶¹. Находясь в эмиграции и проживая сперва в Берлине, а затем во Франции, он раскрывается как крупнейший русский религиозный философ и активный участник евразийского движения. В 1928 г. ученый переезжает в Литву и становится профессором Каунасского (Вильнюсского) университета⁶². В 1950 г. он был арестован и сослан в лагерь в Абези (Коми АССР), где и скончался в 1952 г.

Многочисленные дореволюционные научные работы Л. П. Карсавина можно разделить на несколько групп.

Первая группа включает в себя цикл статей, в которых затрагиваются различные источниковедческие проблемы раннефранкисканской литературы⁶³.

⁵⁹ Читаемые им в этих учебных заведениях курсы были близки тематике его научных исследований. Так, например, на ВЖК он вел просеминарии «Религиозная жизнь XII—XIII веков» и «Экономический и социальный строй франкской монархии», читал курс по «истории таинств» на Курсах Раева и Лесгафта, в Историко-филологическом и Психоневрологическом институте читал курс истории Средних веков. Подробнее см.: Научный исторический журнал. СПб., 1913. Т. 1. Вып. 1. № 1. С. 147; Вып. 2. № 2. С. 177—180.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10049. Л. 50—50 об.

⁶¹ Там же. Л. 61.

⁶² Клементьева В.А. Вспоминая Льва Платоновича Карсавина... С. 287—289; Архив Л.П. Карсавина / Сост., предисл., коммент. П.И. Ивинский. Вильнюс, 2002. Вып. 1. Семейная корреспонденция. Неопубликованные труды.

⁶³ Карсавин Л.П. *Speculum Perfectionis* и его источники (*Speculum Perfectionis, Scripta Leonis* и *Speculum Lemmensa*) // ЖМНП. 1908, июль. № 7. С. 103—141; *Он же*. *Speculum Perfectionis* и его источники (*Speculum* и легенда Челано) // ЖМНП. 1909, май. № 5. С. 22—56; *Он же*. К вопросу о *Speculum Perfectionis* (Списки *Speculi* и *Legenda Antiqua*) // Историческое обозрение. Т. 15, отд. 1. С. 1—21.

Вторая группа, выросшая из медального сочинения, посвящена изучению взглядов римской провинциальной аристократии периода поздней империи, «умонастроению» этой социальной группы⁶⁴.

Третья группа связана с исследованием истории западноевропейской Церкви в Средние века, а также «средневековой религиозности»⁶⁵ в целом.

И, наконец, четвертая группа содержит работы по вопросам теории, а затем и философии истории⁶⁶.

Историческая концепция и отдельные ее элементы уже неоднократно анализировались в историографии⁶⁷. Поэтому мы позволим себе

⁶⁴ Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи: политические взгляды Сидония Апполинария // ЖМНП. 1908, июль. № 2. С. 285—336; Он же. Магнаты конца Римской империи: быт и религия // К 25-летию учебно-педагогической деятельности И.М. Гревса. СПб., 1911. С. 1—62.

⁶⁵ Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. СПб., 1912; То же. 2-е изд. М., 1992; Он же. Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков. СПб., 1912; Он же. Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках, преимущественно в Италии. СПб., 1915; То же. 2-е изд. СПб., 1997; Он же. Католичество. Пг., 1918 (впоследствии работа выдержала несколько переизданий); Он же. Культура Средних веков. Пг., 1918 (эта работа также неоднократно переиздавалась); Он же. Мистика и ее значение в религиозности Средневековья // Вестник Европы. 1913. № 8. С. 118—135; Он же. Религиозность и ереси в XII—XIII веках // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 128—145; Он же. Античное христианство и Средневековье // Николаю Ивановичу Карееву — ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 98—115; Он же. Вальденсы до 1218 г. (Развитие организации и иерархического принципа по новым исследованиям и источникам) // Историческое обозрение. 1914. Т. 19. С. 109—173; Он же. Символизм мышления и идея миропорядка в Средние века (XII—XIII вв.) // Научный исторический журнал. 1914. Т. 1. С. 10—28; Он же. Мистика во Фландрской историографии XIII века // ЖМНП. 1916, сентябрь. № 9. С. 1—24; Он же. Святой Франциск и его братство // Ежемесячный журнал. 1916, сентябрь—октябрь. № 10. С. 312—328; Он же. Андже́ла из Фолиньо и ее откровения // Ежемесячный журнал. 1918, февраль—март. № 2—3. С. 152—163; апрель—май—июнь. № 4—5—6. С. 153—164.

⁶⁶ Карсавин Л.П. Введение в историю. (Теория истории). Пг., 1920; Он же. Философия истории. Берлин, 1923; То же. 2-е изд. СПб., 1993.

⁶⁷ См., например: Бойцов М.А. Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна... // Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. М., 1992. С. 3—33; Дягтева Л.В. Антропологическая концепция в философии истории Л.П. Карсавина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000; Николаев А.Е. Проблема взаимосвязи истории и политики в философии Л.П. Карсавина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1996; Повилайтис В.И. Учение Л.П. Карсавина о «символической личности» как субъекте исторического процесса: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998; Рудман М.Н. Концепция исторического синтеза в творчестве Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2002; Свешников А.В. Историческая концепция Л.П. Карсавина и поиски нового языка исторической науки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1997; Степанов Б.Е. Становление теоретической культурологии в трудах Л.П. Карсавина: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 1998; Уваров П.Ю. Апокатастасис, или

лишь кратко наметить ее основные моменты в сравнении с теоретико-методологическими взглядами И.М. Гревса.

В данном случае мы можем обозначить ряд принципиальных сходств и различий.

К моментам, сближающим историческую концепцию Л.П. Карсавина со взглядами его учителя, следует отнести, во-первых, признание первостепенной значимости особого внимания к источнику⁶⁸. «Историк открыт лишь один путь к погружению в минувшее — реальные остатки этого минувшего <...> Через источник, как часть минувшего, мы вживаемся в единство этого минувшего, познавая часть, в ней уже познаем и целое»⁶⁹. Именно работа с источником, по мнению историка, должна «служить основой и исходным моментом научного занятия историей, другого же занятия ею, кроме научного, нет»⁷⁰. Недаром несколько ранних статей Л.П. Карсавина посвящены непосредственно источниковедческой проблематике.

Во-вторых, тематически научно-исследовательские работы Л.П. Карсавина ориентированы на изучение истории культуры и религиозности «романского Средневековья» (по большей части Италии), преимущественно классического периода⁷¹.

В-третьих, как и его учитель, Л.П. Карсавин исходил из некой презумпции «холизма», т.е. априорного признания относительной внутренней целостности того или иного периода истории. В частности,

---

Основной инстинкт историка // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. Вып. 3. С. 15—32; *Хоружий С.С.* Жизнь и учение Льва Карсавина // *Хоружий С.С.* После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 13—181; *Ястребицкая А.Л.* Историк-медиевист Л.П. Карсавин (1882—1952). Аналитический обзор. М., 1991; *Она же.* Историк культуры Лев Платонович Карсавин: у истоков исторической антропологии в России // *Диалог со временем. Историк в меняющемся мире.* М., 1996. С. 35—68; *Она же.* Лев Платонович Карсавин: творчество историка и историографический процесс // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории.* М., 2001. Вып. 6. С. 80—117; *Она же.* Лев Платонович Карсавин (1882—1952) // *Портреты историков. Время и судьбы.* М., 2004. Т. 3: Древний мир и Средние века. С. 441—443.

⁶⁸ *Карсавин Л.П.* Введение в историю... С. 37—44.

⁶⁹ Там же. С. 37—38. В этом определении, посредством введенной В. Дильтеем в рамках «философии жизни» понятия «вживание», пожалуй, в наиболее чистой форме выражено то отношение к историческому источнику, которое культивировалось в школе И.М. Гревса. Однако некоторые критики, в частности О.А. Добиаш-Рождественская, обвиняли Л.П. Карсавина в том, что он не столько извлекает информацию из источника, погружаясь в него, сколько подгоняет под априорные спекулятивные схемы примеры из «свидетельств прошлого». См.: *Добиаш-Рождественская О.А.* Религиозная психология Средневековья в исследованиях русского ученого // *Русская мысль.* 1916. № 4.

⁷⁰ *Карсавин Л.П.* Введение в историю... С. 44.

⁷¹ *Карсавин Л.П.* Культура Средних веков... С. 3—4.

Л.П. Карсавин говорит о базовых (объективно существующих на смысловом уровне и определяющих практически все феномены этой культуры) идейных противоречиях средневековой культуры. «Величие и трагедия средневековья в его неосуществившемся стремлении к всеобъемлющему синтезу. Борьба империи и папства, противоречивые построения идеала Града Божьего, разрушаемые его идеей, столкновение и взаимопроникновение религиозного и мирского, надолго разлучающихся в XII—XIII вв., усилия и неудачи схоластики и мирского знания — только разные обнаружения основной проблемы; проблемы, кратко говоря, единство Божеского с человеческим во всех сферах жизни»⁷².

Однако различия гораздо более значительны. Во-первых, Л. П. Карсавин весьма критически оценивал современную историческую науку, резко отзываясь о наиболее значительных теоретико-методологические тенденциях (позитивизме, марксизме, неокантианстве)⁷³. Так, в частности, трудно не заметить негативного тона рассуждений ученого о столь важной для его наставника теории прогресса⁷⁴, «генетической истории»⁷⁵ или об объяснении исторических явлений через построение причинно-следственных связей между ними⁷⁶. Резкой критике он подвергал «мелкотемье» науки конца XIX—начала XX в. и скрупулезное изучение фактов ради фактов. «Убогости» современных профессиональных историков Л.П. Карсавин противопоставлял «великих историков прошлого» Л. фон Ранке, Ж. Мишле, Я. Буркхардта, И. Тэна, «небрежение заветами которых и привело <...> к “лабораторным” методам и “микроскопическим” результатам»⁷⁷. В этом плане многие конкретно-исторические работы Л.П. Карсавина могут рассматриваться как нарастающая критика принципиально важной для И.М. Гревса идеи особой значимости роли «гениев» в историческом процессе⁷⁸. Примером полемики с указанной идеей является конструируемая Л.П. Карса-

⁷² Там же. С. 197.

⁷³ «...Он любил ниспровергать принятое либеральной наукой» // *Анциферов Н.П.* Из дум о былом... С. 178.

⁷⁴ «Позитивистская теория прогресса, будучи необоснованной и отличаясь невыясненностью и необдуманностью основных своих предпосылок, несовместима с природой исторического процесса и исторической наукой» // *Карсавин Л.П.* Введение в историю... С. 32.

⁷⁵ Там же. С. 22—23.

⁷⁶ «В конкретно-историческом исследовании очень часто причинное объяснение при ближайшем анализе оказывается мнимым, простою тавтологией» // *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 23. См. также: *Карсавин Л.П.* Введение в историю... С. 13—15.

⁷⁷ *Карсавин Л.П.* Культура Средних веков... С. 1.

⁷⁸ *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII—XIII вв. 2-е изд. СПб., 1997. С. 25—28.

винным при изучении средневековой религиозности⁷⁹ модель «среднего человека»⁸⁰.

Во-вторых, неоднократно подчеркивая необходимость философского и даже мировоззренческого фундамента при проведении конкретно-исторических исследований, Л.П. Карсавин создает в качестве такового собственную оригинальную концепцию философии истории, в наиболее развернутом виде представленную в работах 1920-х гг. Перед нами замысловатый синтез теоретической рефлексии по поводу собственного опыта «практикующего историка», элементов классической философии (наибольшее влияние оказали на него построения Николая Кузанского, Лейбница и Гегеля), «философии жизни», а также русской религиозной философской⁸¹ и богословской традиций. Выступая в качестве православного мыслителя, Л.П. Карсавин отвергает идею дисциплинарной автономии науки (в том числе и исторической), заявляя, что она может продуктивно существовать только в условиях религиозной, более того, откровенно конфессиональной ангажированности⁸². Воцер-

⁷⁹ «Религиозность — то душевное состояние или тот душевный строй, в связи с которым находятся субъективно важные для человека положения его веры» // Там же. С. 23. «Религиозность — та же взятая с субъективной стороны (т.е. не в смысле содержания веры, а в смысле признания его истинным) вера, но по особому эмоционально окрашенная» // Там же. С. 22.

⁸⁰ *Добиаиш-Рождественская О.А.* Религиозная психология...; *Кареев Н.И.* Общий религиозный фонд и индивидуальные религии. (По поводу двух исторических диссертаций) // Русские записки. 1916. № 9; *Пузино И.В.* Некоторые замечания о книге Л.П. Карсавина «Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках, преимущественно в Италии» // Исторические известия. 1916. № 1. С. 94—101; *Егоров Д.Н.* Средневековая религиозность и труд Л.П. Карсавина // Исторические известия. 1916. № 2; *Он же.* Ответ Л.П. Карсавину // Там же. № 3—4. С. 147—157; *Бузескул В.П.* Указ. соч. С. 321—322. Анализ этой полемики см.: *Каганович Б.С.* Петербургская школа медиевистики...

⁸¹ С точки зрения истории философии Л.П. Карсавин является представителем т.н. «философии всеединства». Именно так философское творчество ученого рассматривают авторы классических работ по истории русской философии. См.: *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Ч. 2. С. 144—157; *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 381—400; *Хоружий С.С.* После перерыва... С. 131—187.

⁸² «Как абсолютная религия, христианство не может ограничить себя пределами человеческого и земного бытия и должно быть религией вселенской. Его истины должны господствовать над всяческим знанием и всяческой деятельностью, но господствовать не в смысле внешнего принуждения, а в смысле внутреннего, единственно истинного основания всей жизни. Поэтому всякая наука только тогда становится настоящей наукой, когда она делается, по средневековому выражению, «служанкой богословия». И такое положение несколько не унижает науки, отнюдь не лишает ее свободы исследования, потому что служанка не раба, не вещь своего господина, потому что служанка через добровольное смиренное подчинение становится любимой дочерью. Ведь если наука хочет исходить из истины, она должна (в конце концов) исходить из положений богословия как науки об абсолютной ис-

ковление Л.П. Карсавина начинается гораздо раньше, чем у И.М. Гревса и других его учеников. Проходит в более откровенной — отчасти даже демонстративной — форме. Создав «исследовательскую программу», Л.П. Карсавин, очевидно, претендовал на лидерство в школе. Естественно, подобных взглядов ученика И.М. Гревса не мог принять, что привело к конфликту в рамках сообщества, отягощенному к тому же еще целым рядом факторов. Но при этом появляются ученики (и ученицы), ориентированные на фигуру Карсавина как «потенциального лидера» школы. Так, в референтный круг Льва Платоновича отчетливо входил ставший его близким другом на долгие годы Н.П. Оттокар,⁸³ и это при том, что постепенно основные профессиональные контакты Карсавина переместились в иную — философскую и церковную — сферу⁸⁴.

* * *

Ровесник и коллега Л.П. Карсавина, П.Б. Шаскольский, сдав магистерские экзамены и став в 1908 г. приват-доцентом университета, фактически, всё время с 1907 г. до начала войны проводил в длительных зарубежных командировках⁸⁵, преимущественно в Германии (Фрайбурге⁸⁶) и Италии, подолгу проживая с семьей в Риме⁸⁷. Именно здесь, за границей, в Штутгарте, он вступил в 1909 г. в брак с Надеждой Владимировной Брюлловой, внучкой известного архитектора А.П. Брюллова (и, соответственно, родственницей ученика И.М. Гревса — Б.П. Брюллова), выпускницей ВЖК, где она занималась историей Античности под руководством М.И. Ростовцева и Ф.Ф. Зелинского. Вскоре после этого у них родился

тине. И если наука служит истине и ведет к ней, она служит богословию и ведет к нему. Раздора между наукой и богословием быть не может, так как нельзя строить науки на отрицании или ограничении абсолютной истины» // *Карсавин Л.П. Католичество*. С. 3—4. Следует обратить внимание на то, что аргументация этого положения строится в рамках религиозного (церковного) дискурса.

⁸³ Так, в письме учителю из Италии Л.П. Карсавин сообщает: «Вы уже знаете, что Оттокар заезжал к нам. Прожил 6 дней. Очень рад был с ним увидеться. Говорили дни и ночи. Еще более приятно, что удалось его довольно обстоятельно ознакомить с моей работой. Она ему понравилась более, чем я мог ожидать. То, что мне самому казалось удачным, он заметил и оценил. Даже заявил, что моя диссертация будет его любимой книгой. Вы можете сами представить, как меня радует оценка такого строгого критика, в полную компетентность и добросовестной которого я могу вполне верить. Я уверен, что он не скрыл бы своего неудовольствия и не удержался бы от нападок» // *Из истории русской исторической мысли...* С. 82.

⁸⁴ Подобным образом охарактеризовал сближение Л.П. Карсавина с церковными кругами его учитель. См.: *Из истории русской исторической мысли...* С. 104.

⁸⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 559. Л. 40. Л. 68.

⁸⁶ ПФА РАН Ф. 726. Оп. 2. Д. 332. Л. 1.

⁸⁷ *Свейшников А.В.* П.Б. Шаскольский как историк раннего папства // *Античный вестник*. Омск, 2002. Вып. 6. С. 18—26. Сохранились многочисленные письма П.Б. Шаскольского И.М. Гревсу (см.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 332).

сын, а затем и дочь. П.Б. Шаскольский вместе с женой принимал участие в проведении «римской» части итальянской экскурсии 1912 г.⁸⁸

П.Б. Шаскольский занимался изучением истории христианской Церкви⁸⁹ в средневековой Италии и опубликовал несколько научных работ, посвященных данной тематике⁹⁰. Из Италии он писал статьи для «Нового энциклопедического словаря» и юбилейного сборника И.М. Гревса. Постепенно (где-то с весны 1908 г.)⁹¹ в качестве основной темы исследования, с которой должна была быть связана его будущая магистерская диссертация, начинает выступать проблема восприятия и бытования «Константинова дара» в западноевропейской культуре. В одной из своих статей ученый обстоятельно рассматривает появление в эпоху Ренессанса трактатов, авторы ко-

⁸⁸ Участник этой поездки Н.П. Анциферов в своих воспоминаниях отмечает: «В Риме нас должна была встречать семья Шаскольских. По древнему Риму нас должна была водить жена, по средневековому Риму, Риму Возрождения и барокко — муж». Н.П. Анциферов достаточно подробно описывает свои впечатления о семье Шаскольских: «Группу нашу должны были возглавить Шаскольские. Жили они где-то в северной части Рима, близ Монте-Пинчио. Это была очень несхожая между собой любящая пара. Он — скромный, даже застенчивый, неуверенный в себе, весьма добропорядочный, идейный русский интеллигент. Она — горделивая блондинка с рыжеватыми волосами, смелая, утвержденная в себе. У них был сын 2—3 лет, с ним родители почему-то говорили по-немецки» // *Анциферов Н.П. Из дум о былом...* С. 306—307. Слова Н.П. Анциферова отчетливо передают и некую неприязнь в отношении Шаскольских, витавшую в кругу гревсовских учеников: «Но в нашей группе было к ним отношение насмешливое. И Шаскольского называли заочно просто “Петунчик” <...> Нехорошо у нас получилось с осмотром Рима под их руководством. Они не вызывали к себе ни того уважения, ни того доверия к своим знаниям и умению показать, как Головань, Оттокар и Анисимов» // Там же. С. 306—307.

⁸⁹ В отзыве научного руководителя, обосновывая необходимость научной командировки П.Б. Шаскольского, И.М. Гревс писал: «Еще студентом он получил золотую медаль за сочинение о церкви и государстве в эпоху Григория Великого. Интерес его теперь главным образом сосредотачивается около истории раннего папства, и для обработки темы ему совершенно необходимы книгохранилища и архивы европейского Запада. Он стремится также участвовать в семинариях, проводимых выдающимися представителями западных университетов, чтобы усовершенствовать свою методическую подготовку как исследователя и будущего научного преподавателя. Доступ к соответствующей среде, близость к памятникам дадут ему условия, которые позволят осуществить работы, к которым он относится с любовью и рвением» // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 559. Л. 69. Хотя следует отметить, что руководителем медального сочинения П.Б. Шаскольского был Э.Д. Гримм.

⁹⁰ *Шаскольский П.Б. Вопрос о даре Константина в новейшей историографии* // Научный исторический журнал. Пг., 1914. Т. 2. Вып. 3. № 5; *Он же. Критика «Донации Константина» в эпоху гуманизма* // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914; *Он же. Роль Римской церкви в обороне Италии в эпоху нашествия лангобардов* // К 25-летию... В архиве П.Б. Шаскольского сохранилась статья, посвященная археологическому изучению христианских памятников в Риме. См.: ОР РНБ. Ф. 845. Д. 1.

⁹¹ ПФА РАН Ф. 726. Оп. 2. Д. 332. Л. 10.

торых (Лоренцо Валла, Николай Кузанский и Реджинальд Пекон) впервые публично высказали сомнения в подлинности этого исторического документа⁹², во второй — дает анализ основных подходов по вопросу о времени и месте создания текста, сложившихся в современной западноевропейской историографии, начиная с классической концепции И. фон Деллингера⁹³. Вернувшись, П.Б. Шаскольский читает в ряде учебных заведений северной столицы курсы по истории средневекового папства⁹⁴ и истории Средних веков⁹⁵, однако основной фокус его деятельности всё больше и больше перемещается в сторону политики. В 1917—1918 гг. он являлся деятельным членом Петроградского комитета партии эсеров, и после прихода к власти большевиков умирает в 1918 г., скрываясь от ареста в Москве. Общую характеристику его исторической концепции, таким образом, можно попытаться дать на основании сохранившихся конспектов лекционных курсов ученого. Речь идет, действительно, о конспектах с характерной для них фрагментарностью, неразвернутостью базовых положений, отсутствием целостного повествования, стилистической неоднородностью. В лекциях автор, в полном соответствии с устоявшимися канонами жанра, сглаживает остроту ряда проблем, порой излагая несколько упрощенно и не останавливаясь на подробной аргументации своей позиции. Но думается, что, опираясь на них, можно в общих чертах реконструировать ход рассуждений историка.

Безусловно, интеллектуальные построения П.Б. Шаскольского соответствуют уровню развития науки конца XIX—начала XX в. как в теоретическом плане, так и в отношении использованного круга источников. В фонде П.Б. Шаскольского содержатся многочисленные конспекты специальной литературы на русском, немецком и французском языках, которые он составлял в процессе подготовки к лекциям⁹⁶. Существование в современной науке различных подходов к изучавшимся П.Б. Шаскольским проблемам позволяет говорить об определенной актуальности его взглядов и для медиевистики начала XXI в.

П.Б. Шаскольского, судя по конспектам, в первую очередь интересовал исторический процесс становления папства как социально-политического института, формирование «монархической власти» римского епископа. Это выразилось в особом внимании к его правовому статусу и полномочиям, акцентированному рассмотрению вопросов взаимоотношений понтификов с другими церковными иерархами. В рамках учебного курса по истории папства на первый план П.Б. Шаскольским выдвигаются традиционные

⁹² Шаскольский П.Б. Критика... С. 253.

⁹³ Шаскольский П.Б. Вопрос... С. 87—103.

⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 2.

⁹⁵ Там же. Д. 3.

⁹⁶ Там же. Д. 5—10.

общеизвестные источники, например, «Церковная история» Евсевия Кесарийского (IV в.) и сочинение «Против ересей» Ириния Лионского (II в.). Однако текстам, вышедшим из-под пера самих пап, при всей их немногочисленности и обладающим безусловной важностью для понимания изучаемой проблемы (например, произведениям Льва Великого), отводится совсем мало места⁹⁷. Сразу следует оговориться, что исследователя интересует статус римского епископа в рамках христианского мира как единства. Политико-правовое положение понтифика в системе только итальянской Церкви или даже западной, взятой как некая целостность, он практически не рассматривает. Особое внимание П.Б. Шаскольский уделяет раннему периоду истории папства — «папству до папства»⁹⁸. Ученый справедливо отмечает трудности, с которыми приходится сталкиваться исследователю, обращающемуся к данному периоду. Он полагает, что «официальный список пап с датами годов появился в IV веке» и «прямых указаний на римский епископат до середины II в. у нас нет вообще»⁹⁹. Уже Евсевию в IV в. приходилось «разыскивать и составлять список»¹⁰⁰. В связи с этим остается лишь заниматься гипотетическими реконструкциями, основываясь на логическом анализе общих сведений о состоянии римской общины и христианской Церкви в целом. Начиная с первого послания св. Климента коринфянам, которое он датирует 96 г., и св. Игнатия Антиохийского римлянам (около 110 г.), историк стремится подчеркнуть отсутствие заметных проявлений особого статуса римского епископа с устоявшимися властными полномочиями: «...Во всем послании Климента нет ни одного слова о первенстве Рима, о значении римского епископа <...> Самое большее — могла бы идти речь о возвышении римской общины над другими общинами, но и это едва ли»¹⁰¹. В конце I в. «ни Римская, ни Коринфская общины, судя по этому посланию, еще не организованы в монархию. Во всем послании не возвышается над другими ни одно лицо, должность, имя»¹⁰². Важно и то, что сам Климент, говорящий от имени общины, по мнению П.Б. Шаскольского, «ученый и влиятельный муж в общине, а не епископ»¹⁰³. На рассуждения Климента о необходимости подчинения пресвитерам для сохранения устройства Церкви, подобного «воинскому порядку и стройности человеческого тела»¹⁰⁴, ученый, как мы видим, фактически, не обращает внимания. Анализируя текст послания Игнатия, П.Б. Шаскольский при-

⁹⁷ *Задворный В.Л.* История римских пап. М., 1995. Т. 1. С. 244—323.

⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 845. Д. 2. Л. 13.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ ОР РНБ. Ф. 845. Д. 2. Л. 15.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Ранние Отцы Церкви: антология. Брюссель. 1988. С. 66.

ходит к выводу: «В Малой Азии уже есть епископское устройство, в Риме только начинается, а примата над Вселенской церковью еще нет»¹⁰⁵. Постепенному усилению римской “*communitas*” способствует статус столицы, размер и богатство общины и, в значительной степени, необходимость борьбы с гностицизмом («сильные еретические течения должны были содействовать организации римской общины»)¹⁰⁶. По мнению П.Б. Шаскольского, указанные факторы на данном этапе развития очень важны. Хронологически последующие источники середины II в., например, «Пастырь» Ермы и письмо Дионисия Коринфского папе Сотеру, содержащееся в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, подтверждают ординарность римского епископа в плане его церковно-политического и правового статуса: «Нет примата. Нет единственного преемства апостолов...»¹⁰⁷. Именно письмо Дионисия является «первым упоминанием римского епископа»¹⁰⁸.

Весьма важными представляются и «моменты умолчания» в создаваемой П.Б. Шаскольским истории папства. Так, рассуждая о творчестве Ириния Лионского, историк замечает, что апологет в своей работе говорит «об авторитете устной традиции, и выделение этого означает и важность Р[имской] церкви»¹⁰⁹. Хотя, как известно, он писал о живом единстве, легче всего прослеживаемом в Риме, и об особом статусе епископской кафедры, основанной мученически погибшими св. апостолами Петром и Павлом. У Ириния читаем: «Но поелику было бы весьма длинно в такой книге, как эта, перечислять преемства (предстоятелей) всех церквей, то я приведу предание, которое имеет от апостолов величайшая, древнейшая и всем известная церковь, основанная и устроенная в Риме двумя славнейшими апостолами Петром и Павлом. И возвещенную людям веру, которая через преемство епископов дошла до нас <...> Ибо, по необходимости, с этой церковью по ее преимущественной важности, согласуется всякая церковь, то есть повсюду верующие, так как в ней апостольское предание всегда сохранялось верующими повсюду»¹¹⁰. Для него принципиальным является утверждение, согласно которому «истина находится только в католической церкви, хранительнице апостольского предания. Ереси недавни и не могут вести своего начала от апостолов»¹¹¹. Ясно, что при всей своей неоднозначности данный фрагмент противоре-

¹⁰⁵ОР РНБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 2. Л. 16. Расхождения по этому вопросу в современной историографии см.: Ранние Отцы Церкви. С. 40; Усков Н.Ф. Рец. на кн.: Задворный В.Л. История римских пап. М., 1995—1997. Т. I—II // СВ. М., 2000. Вып. 61. С. 380.

¹⁰⁶ОР РНБ Ф. 845. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

¹⁰⁷Там же. Л. 20.

¹⁰⁸Там же. Л. 19.

¹⁰⁹Там же. Л. 20.

¹¹⁰Ранние Отцы Церкви. С. 630.

¹¹¹Там же. С. 633.

чит доказываемой П.Б. Шаскольским идее позднего происхождения особого статуса Римской кафедры, и поэтому он практически игнорируется.

«Поворотным моментом в истории римской церкви»¹¹² является начало спора о Пасхе 160—170 гг. Папа Виктор берет на себя инициативу в созыве собора и пользуется угрозой отлучения от единства Церкви — «это еще не юридические постановления, но уже большие претензии»¹¹³. Даже фактическая неудача в реализации указанных притязаний уже не важна. Традиция заложена. Рассматривая ее развитие дальше, П.Б. Шаскольский подчеркивает момент единства и преемственности, а не разрывы. И при таком подходе любое значимое событие в истории Церкви может расцениваться как повлиявшее на ее развитие. Именно так интерпретируются гонения императорской власти, споры с антиохийской и коринфской Церквями, переход «*ecclesia romanorum*» на латинский язык. Традиционно важным периодом при изучаемом подходе оказывается «либеральный» понтификат Каликста (217—222), несмотря на первую схизму в Римской Церкви, продолжавшуюся восемнадцать лет.

Однако вновь следует подчеркнуть, что примат папства во многом формируется как один из результатов борьбы с ересями. При этом с IV в. можно говорить о тенденции к «самозамкнутости» Запада в рамках христианского мира, и отсюда равнодушие его к сугубо восточным догматическим спорам.

При Константине Великом примат римского епископа еще не имеет полностью оформившегося юридического статуса. В пользу этого, по мнению историка, свидетельствует опора императора на Осию Кордосского (Кордубского) в догматических спорах, сотрясавших Церковь. «Малозначительна и роль Рима на Первом Вселенском соборе. Папа Сильвестр на собор не поехал, а его представители не играли на нем никакой идейно руководящей роли»¹¹⁴. В арианском споре Рим не принял непосредственного участия, что в итоге способствовало укреплению авторитета римского епископа. Текст VI-го канона собора, по мнению П.Б. Шаскольского, констатирует важное положение: Рим имел «приматск[ую] власть над епископами своей провинции <...> по аналогии с алекс[андрийской] и ант[ихийской] церквями <...> Косвенно этот канон подтверждает, что именно больше, чем юридической власти над Италией, Рим не имел, что он по компетенции подобен (а не выше) антиох[ийской] и александ[рийской]»¹¹⁵. Собор установил время празднования Пасхи по римскому, а не по малоазиатскому образцу. Данное обстоятельство, считает П.Б. Шаскольский, в большей степени подтверждает не авторитет Рима, а «единство церкви».

Таким образом, мы видим, что ученый выступает против признания какой-то особой роли римского епископа в ранний период истории

¹¹²ОР РНБ Ф. 845. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

¹¹³Там же.

¹¹⁴Там же. Л. 29.

¹¹⁵Там же. Л. 30—31.

христианской Церкви, роли, постепенно усиливающейся под воздействием ряда факторов.

Важным этапом указанного процесса является перенесение столицы империи в Константинополь: «Римское христианство делается независимым от им[перской] пол[итической] тенденции. Это одна из самых плодотворных причин ее развития»¹¹⁶. Впрочем, Рим по-прежнему оставался центром духовного, культурного, да и социально-политического притяжения; впоследствии обострение соперничества с константинопольским патриархом в итоге привело к расколу христианского мира.

В персонально-хронологическом плане следующий важный этап — понтификат Юлия I (337—352), когда западная Церковь во главе с Римом противостоит арианским популяризаторам на Востоке. «Распря из-за Афанасия между Зап[адом] и Вос[током] является, таким образом, новой стадией в развитии римс[кого] авторитета». Противостояние папы Либерия императору, и «народная фронда» в поддержку понтифика — первые результаты и показатели этого изменения.

Римская Церковь «догматической стороной вопроса не живет. Главная сторона для жизни догмы — на Востоке, и Рим только втягивается в нее партиями. Это и дает возможность Риму быть как бы стержнем ортодоксии»¹¹⁷.

Схизма после смерти Либерия, конечно, ослабляет Рим, но только временно, решения римских соборов 378 и 380 гг., эдикт императоров Грациана и Валенга (375), напротив, говорят о новом усилении римского авторитета. Эдикт «может считаться первым императорским признанием судебной юрисдикции Римск[ого] епископа над другими епископами Запада»¹¹⁸, хотя за этим и стояли определенные церковно-правовые споры.

Следующий период, по мнению П.Б. Шаскольского, характеризуется, в первую очередь, изменением статуса Христианства. При Феодосии государство становится христианским. Отсюда вытекает ряд значительных изменений: Церковь освобождается от муниципальных выплат, получает право приобретать имущество и право убежища, ереси считаются преступлениями против государства. Однако усиливается вмешательство государства в дела Церкви, политические события прямо или косвенно влияют на укрепление позиций папства. Превращение Христианства в государственную религию, обретение Церковью статуса покровительствуемой императорами, окончательное разделение державы ромеев на западную и восточную части с последующим падением первой из них, формирование варварских, по большей части арианских коро-

¹¹⁶Там же. Л. 32.

¹¹⁷Там же. Л. 37.

¹¹⁸ОР РНБ Ф. 845. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

левств — всё это ведет к резкому возрастанию значения папства для Запада. Усиление достаточно быстро получает соответствующее оформление. Понтифики предпринимают попытки идеологического обоснования собственной власти: «Уже во 2-й половине IV в. папы выступают со своим собственным законодательством <...> наряду с канонами соборов, а также и с императорскими законами и судами. <...> Папа Лев Вел[икий] производит свою власть от Божественного права; церковь основана исключительно на ап. Петре. <...> Геласий I говорит о том, что власть священника превышает власть императора»¹¹⁹. В V в. при обосновании властных полномочий папы обращаются к августиновскому учению о Граде Божьем¹²⁰, т.е. используют достижения богословской мысли, выработанные на тот момент Церковью. Для П.Б. Шаскольского вновь важным оказывается подчеркнуть, сколь незначительную роль играли папы в богословском отношении, указать на вторичный и неоригинальный характер идеологии их власти. Показательна последовательность этапов: первым делом формируется сам институт «монархической власти» пап, а затем уже начинает выработываться обосновывающая его идеология. Понтификат Григория Великого (590—604) знаменует начало нового этапа в истории папства, который характеризуется, прежде всего, наличием сильной централизованной власти внутри Церкви, активным вмешательством первоиерарха в политическую жизнь, последовательной разработкой теории папской теократии. Формирование института папства в целом завершено и, следовательно, задача лекционного курса, рассматривавшего данный процесс, выполнена. Подобную идею историк развивает в специальной статье, посвященной роли папства в жизни Италии в период лангобардского нашествия в условиях вакуума политических сил¹²¹.

Таким образом, мы видим, что для П.Б. Шаскольского процесс складывания института папской власти закономерен и обусловливается общим расширением влияния Христианства и последовательной организацией внутренней структуры Церкви. При сохранении единства христианского мира внутренняя иерархия была необходима. Однако сам характер процесса тесно связан с сугубо политическими обстоятельствами и, следовательно, вполне мог быть и иным. Именно политические причины явились основным движущим фактором в выдвигании римского епископа на особое положение среди иерархов Церкви. Решающим, как мы видели, оказалось сочетание целого комплекса причин разного характера. Немалую роль в генезисе института папства, по мнению П.Б. Шаскольского, играет и личностный фактор. В силу этого он подробно останавливается на опи-

¹¹⁹ Там же. Л. 41.

¹²⁰ Там же. Л. 9.

¹²¹ Шаскольский П.Б. Роль Римской церкви... С. 343—393.

сании «крупных» фигур, вовсе не упоминая «мелкие». П.Б. Шаскольский воздерживается от какой-либо прямой оценки папства, оставаясь в рамках академического (светского) дискурса и выдвигая на первый план систематизированное изложение фактов. Хотя, конечно, имплицитно такая оценка содержится. Ученому важно подчеркнуть позднее возникновение особого положения римского епископа в организации христианской Церкви и пассивность Рима в выработке догматов. Важнейшими причинами усиления власти римского епископа П.Б. Шаскольский называет сохранение за Римом статуса бывшей столицы с соответствующим отношением, значимость (это срабатывает особенно на ранних этапах) христианской общины Рима и, что выглядит несколько парадоксально, то же самое богословское спокойствие Рима, создавшее ему репутацию здорового консервативного элемента («якоря») в эпоху великих доктринальных споров.

П.Б. Шаскольский рассматривает историю папства как историю некоего целостного субъекта, подверженного внешним влияниям, однако воспринимающего их в соответствии с собственным состоянием и внутренней логикой развития. В этом плане взгляды П.Б. Шаскольского — при некотором несоответствии в выявлении причин изучаемого феномена — оказываются созвучными суждениям и оценкам, встречающимся у других исследователей и выстроенным в рамках классической философии истории без каких-либо (характерных, например, для Л.П. Карсавина) претензий на «оригинальность». Многие наблюдения П.Б. Шаскольского являются развитием идей, сформулированных его учителем¹²².

Стоит заметить, что отношения между первыми учениками были весьма прохладные. Карсавин, по крайней мере, не скрывал в письмах к Гревсу своей неприязни к П.Б. Шаскольскому¹²³ и О.А. Добиаш-Рождественской¹²⁴, но в силу того, что они большую часть времени жили в разных странах и

¹²²Влияние идей И.М. Гревса очевидно проявляется и в конспекте общего курса по истории Средних веков. См.: ОР РНБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 3.

¹²³Так, рассуждая в 1906 г. в письме к учителю о возможной будущей поездке в Италию, Л.П. Карсавин пишет: «...Правду говоря, не очень желателен (это, может быть, и худо) Петр Борисович — он очень милый человек, но ужасный доктринер и самое поверхностное восприятие преобразуется у него моментально в длинную монотонную речь. Тем более, что исходя из правильной по существу мысли о том, что не надо бояться заблуждений, он часто заблуждается» // Из истории русской исторической мысли: из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина. Письма И.М. Гревсу. М., 1994. С. 29. Подбирая «команду» для коллективного перевода «Хроники» Дино Компаньи, Л.П. Карсавин также отвергает кандидатуру П.Б. Шаскольского: «Но истинная опасность — Шаскольский. И я пишу так не от нелюбви к нему, а от истинной боязни за Дино. Не знаю, чувствует ли Шаскольский Дино, а если не чувствует (и вообще, способен ли он чувствовать, он, кажется, больше склонен к рассуждению), то и нельзя заставить его почувствовать» // Там же. С. 44.

¹²⁴Там же. С. 63.

работали в рамках несмежных институций, серьезных последствий это не имело. В то же время, как всякие преподаватели, молодые медиевисты получают возможность, занимаясь со студентами и слушательницами, воспроизводя школьную идентичность (каждый в собственном понимании), рекрутировать потенциальных новых учеников в ряды сообщества. Ресурсы и возможности П.Б. Шаскольского оказываются наименее значимыми. Длительное время он проводит за границей, и научные достижения его, в восприятии коллег, весьма скромные. Репутации крупного ученого или даже молодого, подающего надежды исследователя у него нет. При благосклонном личном отношении к нему И.М. Гревса, среди старших учеников он явный аутсайдер в рамках профессионального научного сообщества.

* * *

В 1908 г. Гревсом при кафедре был оставлен Николай Петрович Оттокар (1884—1957)¹²⁵. Окончив историко-филологический факультет, где он занимался под руководством Ивана Михайловича и принимал участие в первой итальянской экскурсии, Н.П. Оттокар, возможно, вначале прикипел к кафедре философии, но затем вернулся к занятиям истори-

¹²⁵ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10205. См.: *Нюркаева А.З.* Исследование проблем древности, средневековья и славяноведения в Пермском университете (к 75-летию университета // *Античность Европы.* Пермь, 1992. С. 121—139; *Клементьев А.К.* Николай Петрович Оттокар (Путь русского историка: Санкт-Петербург — Пермь — Петроград — Флоренция) // *Исторические записки.* М., 2004. № 7. С. 323—338; *Он же.* Николай Петрович Оттокар (русский исследователь политического устройства средневековой Европы) // *Зарубежная Россия 1917—1945.* СПб., 2004. С. 79—104; *Клементьев А.К., Клементьева В.А.* Три университета Николая Петровича Оттокара. Санкт-Петербург — Петроград — Пермь — Флоренция // *Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции.* М., 2006. С. 377—404; *Клюев А.И.* Н.П. Оттокар в Перми: основные вехи // *Историк и его эпоха.* Тюмень, 2009. С. 383—388; *Он же.* Из личного дела профессора Пермского университета Н.П. Оттокара // *Европа: международный альманах.* Тюмень, 2009. Вып. 9. С. 158—161; *Он же.* Пермский период жизни Николая Петровича Оттокара // *Там же.* С. 54—68; *Клюев А.И., Свешников А.В.* Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916—1922 гг. // *Санкт-Петербургский университет в XVIII—XX вв.: европейские традиции и российский контекст.* СПб., 2009. С. 350—364; *Комолова Н.П.* Профессор Флорентийского университета Н.П. Оттокар // *Россия и Италия.* М., 2003. Вып. 5: *Русская эмиграция в Италии в XX веке.* С. 157—164; *Она же.* Страницы итальянской истории по Н.П. Оттокару // *Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы.* М., 2005. С. 396—403; *Sestan E.* Introduzione // *Ottokar N.* Il comune di Firenze alla fine del dugento. Torino, 1962. P. IX—XVIII; *Nicola Ottokar storico del Medioevo.* Da Pietroburgo a Firenze. Firenze, 2008. О последней книге см.: *Дубровский И.В.* Очерки социальной истории Средних веков. М., 2010. С. 97—131; *Клюев А.И.* Неизвестный известный медиевист. Размышления над страницами книги «Николай Оттокар — историк-медиевист» // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* М., 2011. Вып. 37. С. 366—375.

ей¹²⁶. Сперва ученого оставили при кафедре «без стипендии»¹²⁷, но уже с февраля 1909 г. стипендия ему была назначена¹²⁸. Занимаясь изучением средневекового города в Италии и Франции, Н.П. Оттокар публикует ряд работ, посвященных данной проблематике¹²⁹. Кроме того, им подготовлена серия статей для «Нового энциклопедического словаря»¹³⁰. После успешной сдачи магистерских экзаменов в 1911 г. Николая Петровича командировают за границу для продолжения научных изысканий и написания диссертации¹³¹. Оттокару отказали в финансовой поддержке от министерства¹³², после чего он получил стипендиальное пособие «на поездку за границу» из процентов капитала Бильбасова. И лишь затем ученый все же был переведен на материальное обеспечение из средств министерства¹³³. В письме учителю Л.П. Карсавин называл Н.П. Оттокара «ежегодным путником»¹³⁴. Большую часть срока командировки он повел в Италии¹³⁵. В 1912 г. принял участие в проведении подготовленной И.М. Гревсом экскурсии для слушательниц ВЖК и студентов университета¹³⁶. В мае 1914 г. ученый был вынужден вернуться, а с осеннего полугодия 1915 г. его зачислили в приват-доценты Петроградского университета¹³⁷. Через год, осенью 1916 г., Н.П. Оттокара откомандировали в Пермское отделение Петроградского университета, где он вел занятия по истории Средних веков и еще ряду дисциплин¹³⁸. В Перми Николай Петрович прожил до 1921 г. (с частыми командировками в Петроград),

¹²⁶На личном деле историка слова «кафедра философии» карандашом изменены на «кафедра всеобщей истории».

¹²⁷ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10205. Л. 1. Впоследствии «срок оставления» был продлен. См.: Там же. Л. 8.

¹²⁸РГИА Ф. 733. Оп. 154. Д. 559. Л. 58; 61.

¹²⁹Оттокар Н.П. Флорентийский дом в XIV и XV стол. // Историческое обозрение. 1909. Т. 15. С. 23—32; Он же. К истории взаимоотношений церкви и города в итальянском Средневековье. "Opera ecclesiae" во Флоренции и ее роль в процессе перехода церквей в ведение коммуны // ЖМНП. 1909, сентябрь. С. 1—23; Он же. Цеха и коммуны во Флоренции в XIII и XIV вв. // К 25-летию... С. 241—271; Он же. Культурные центры старой Италии. 1. Венеция // Хождение по Руси и за рубеж: экскурсионный вестник. 1916. № 4. С. 62—90.

¹³⁰Балет (т. 4); Болонья (т. 7); Лангобарды (т. 24); Лангобардское право (т. 24); Коммуны (т. 22).

¹³¹ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. Т. 4. Д. 10205. Л. 19.

¹³²Там же. Л. 21.

¹³³Хотя в продлении министерского содержания ему вновь было отказано. См.: Там же. Л. 43.

¹³⁴Российская историческая мысль... С. 53.

¹³⁵РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 706. Л. 42; Д. 36136. Л. 89; 132—137.

¹³⁶Человек с открытым сердцем... С. 282—284; Свешников А.В. Как поссорился... С. 46—47.

¹³⁷ЦГИА Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10205. Л. 55.

¹³⁸Клюев А.И. Н.П. Оттокар в Перми... С. 382—388.

успев за это время побывать в должности ректора и проректора Пермского университета и опубликовать монографию «Опыты по истории французских городов в Средние века». Исследователь эмигрировал в Италию, поселившись во Флоренции, где и прожил до 1957 г. Здесь Н.П. Оттокар заведовал кафедрой в местном университете, напечатал ряд работ по истории средневекового западноевропейского города и отечественной истории. В «русский» период своей жизни ученый поддерживал наиболее тесные связи с коллегой и другой Л.П. Карсавиным, а также В.В. Вейдле, общение с которыми продолжилось и после эмиграции. А вот отношения с учителем в последние годы пребывания в России, похоже, были испорчены¹³⁹.

В первой своей работе, являющейся рефератом-рецензией на исследование итальянского историка А. Скиапарелли, молодой ученый, фактически, изложил свое профессиональное кредо: «Книга Schiapparelli сама является своего рода инвентарем. Это тщательное, деловитое, по видимости сухое описание с точными ссылками и, где нужно, со строгой, добросовестной аргументацией. Вне этого, никаких отступлений, никаких восторгов, излияний. Автор не афиширует своей любви к старине, не показывает, читателю своих интимных переживаний. Но столько скрытого переживания, столько сдержанного пиетета к старине проглядывает за видимой сухостью, в этом внимательном отношении к каждой мелочи, в этом до любовности тщательном собирании мельчайших деталей обстановки прошлого! В специальном изучении, в крайней детализации исторического материала не может быть сухости. Страсть к конкретным деталям старины, тщательное собирание мелочей, которых мы даже не замечаем в современной нам жизни, обличает не бездушную сухость, а скорее влюбленность в конкретную обстановку, в подлинную жизненную атмосферу прошлого. Чем ближе подходит историк к конкретным деталям, тем теснее соприкасается он со всей жизнью прошлого в ее целом. И только поверхностный читатель не почувствует обаяния этого соприкосновения в видимо-сухом и педантично-мелочном собирании и описании живых в своей конкретности деталей»¹⁴⁰.

В последующих работах, посвященных истории итальянских городов, преимущественно Флоренции, Н.П. Оттокар четко следовал предложенному им пониманию научного исследования. Ученый решительно критиковал масштабные генерализирующие теоретические схемы и конструк-

¹³⁹Свешников А.В. Как поссорился... С. 65. См. также неоднозначный отзыв И.М. Гревса на диссертацию Н.П. Оттокара, не согласного с предпринимаемой молодым исследователем критикой «синтетических» теорий. См.: ПФА РАН Ф. 726. Оп. 1. Д. 143. Л. 1—13.

¹⁴⁰Оттокар Н.П. Флорентийский дом в XIV и XV стол. // Историческое обозрение. 1909. Т. 15. С. 32.

ции, редуцирующие, по его мнению, историческую реальность, и пытался каждую конкретную ситуацию интерпретировать как «сцепление» специфических оригинальных фактов, рассматривая, впрочем, не отдельное политическое событие, а ускользающие от охвата общих схем процессы и тенденции общественного развития. Средневековый город, подчеркивал медиевист, «представлен очень различно в разных частях европейского мира»¹⁴¹. Так, характеризуя особенности венецианской культуры, историк неоднократно отмечал, что Венеция «не итальянский город, а лишь итальянская столица громадной восточной колониальной державы»¹⁴². Именно этим определяется специфика как политической организации Венеции, так и ее культура (в том числе, своеобразии архитектуры и живописи). Отсюда произрастают и особенности уникального «венецианского духа»¹⁴³. Очень показательна предпринимаемая историком критика «больших» концепций становления муниципального строя в средневековых городах. Для идеографического подхода Н.П. Оттокара живая историческая реальность сложнее любых общих схем, которые ее в принципе не могут ухватить. Поэтому практически каждая работа начинается с критики подобных концепций, после чего, предлагая собственную интерпретацию, исследователь всегда строит ее как реконструкцию уникального сочетания специфических фактов и тенденций. Так, в статье «К истории взаимоотношений церкви и города в итальянском Средневековье...» он подобным образом восстанавливает процесс перехода к коммуне определенных прерогатив, принадлежавших ранее Церкви. Н.П. Оттокар заявляет, что данный переход был весьма сложным процессом, имевшим в каждом городе свои неповторимые черты и протекавшим под влиянием специфических конкретных факторов¹⁴⁴. В связи с его сложностью и неоднозначностью историк огра-

¹⁴¹Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919. С. 125. См. также: Оттокар Н.П. Коммуны средневековые // Новый энциклопедический словарь. Т. 22. Стб. 383—388.

¹⁴²Оттокар Н.П. Культурные центры... С. 70.

¹⁴³«Все в Венеции охвачены одной любовью, одной гордостью, одним стремлением положить все силы на служение родине» // Там же. С. 72.

¹⁴⁴Оттокар Н.П. К истории взаимоотношений церкви и города в итальянском средневековье (*Opera ecclesiae* во Флоренции и ее роль в процессе перехода церквей в заведывания коммун) // ЖМНП. 1909, сентябрь. С. 1—3. «В Тоскане — епископ и горожане — не господин и подданные. Отношения между населением и церковью покоятся здесь на связи горожан с приходской церковью, или, в более широком масштабе, на связи горожан с объединяющей их церковной единицей. И правовые отношения между церковью и гражданами нужно рассматривать в плоскости именно этих связей. При таких условиях нет почвы для противопоставления церкви и гражданства. Напротив, общественные миры горожан вырастают на почве церковных объединений. Приход связывает прихожан не только как прихожан, но и как членов известного общественного союза. То же самое можно сказать об отношении городской церкви ко всему городскому населению

ничивает статью рамками «маленькой темы»: «...Проследить те формы, в которых завершался во Флоренции переход церковей в ведение граждан»¹⁴⁵. «Тот орган, в заведовании которого находились и отчасти находятся еще теперь церкви, перешедшие в свое время в руки граждан, носит техническое название орега. Под этим термином нужно понимать не только самый орган управления церковью: эта же орега является носителем прав данной церкви как юридического лица»¹⁴⁶. Обращаясь к истории термина, ученый показывает, что изначально он возник из обозначения объединения для сбора средств на постройку и руководства возведением церкви. Затем, достаточно подробно описывая трансформацию термина и обозначаемого им явления в конкретных ситуациях, историк констатирует: «Мы видим, таким образом, как институт орега, возникший ради чисто практических удобств и в начале представлявший собой лишь внутреннее, домашнее явление в лоне церковных организаций, приспособляется к тем новым мотивам, которые несет с собой поднимающееся гражданство. Он создает для граждан удобную точку опоры, пользуясь которой они сначала собирают имущества, предназначенные для определенной цели, затем строго их ограничивают и, наконец, добиваются изъятия их из ведома церкви и передачи в руки светских организаций»¹⁴⁷.

Статья «Цехи и коммуны во Флоренции в XIII и XIV веках» также сконцентрирована вокруг взаимодействия юрисдикции коммуны и цехов. Историк решительно критикует традиционные «большие» концепции генезиса цехового строя, утверждая, что настроенная ими «исследовательская оптика» искажает сущность реальной организации, упуская важнейший факт, цех — это не просто экономическое объединение. «Товарищески-солидарная, самоуправляющаяся корпорация и вместе с тем орган городской власти, осуществляющий суд и полицию промыслов, — вот двойственная сущность развитого цеха»¹⁴⁸. При таком подходе проблема истории цеховой организации получает под пером историка сле-

---

<...> Этот двойственный характер городских миров наложил своеобразный отпечаток на отношения между церковью и гражданством. <...> Если отмеченная выше тенденция к слиянию прав и интересов церкви с правами и интересами города оправдывает вмешательство города в дела церкви, то эта же тенденция в такой же мере делает правомерным и нормальным участие епископа в жизни города. Лаицизация церковных интересов и высокая роль епископа в жизни города — явления одного порядка, две стороны одного процесса, два отражения того же своеобразного отношения населения к церкви, которое порождено двойственным характером городских союзов // Там же. С. 1—3.

¹⁴⁵ Там же. С. 4.

¹⁴⁶ Оттокар Н.П. К истории взаимоотношений церкви и города... С. 4.

¹⁴⁷ Там же. С. 23.

¹⁴⁸ Оттокар Н.П. Цехи и коммуна во Флоренции в XIII и XIV веках // К 25-летию... С. 243.

дующую формулировку: «Что представляет собой история организации цехового строя: переход в руки торгово-промышленных корпораций общеобязательных функций городских властей или, напротив, превращение добровольной, частной <...> компетенции этих корпораций в объективно-обязательную и сверху признанную»¹⁴⁹. Подробно анализируя цеховые статуты, историк приходит к выводу о том, что цехи долго боролись как за признание коммунальной своих юрисдикций, так и за поддержку ею при реализации ряда прав. «Могущественные цехи, в рядах которых находились самые сильные и влиятельные элементы города и из среды которых выходят высшие коммунальные власти, естественно добиваются закрепления своих корпоративных функций авторитетом и санкцией коммуны»¹⁵⁰.

По словам младшего друга Н.П. Оттокара, В.В. Вейдле, еще находясь в командировке в Италии, ученый подготовил работу по истории Флоренции, которая составила бы его магистерскую диссертацию. Книга замышлялась как критика большой теории «классовой борьбы», представленной в качестве теоретического объяснения социальных процессов в жизни города и примененной к историческим реалиям средневековой Флоренции. Фактически, труд призван доказать несостоятельность построений видного итальянского ученого Г. Сальвемини: «Дело было в том, что книга, которую он готовил, должна была, по замыслу его, объяснить городские распри XIII века не готовыми штампами “классовой борьбы”, как это делалось уже и в то время, а конкретным соперничеством могущественных семейств, искавших и находивших опору в самых различных слоях и группах городского населения»¹⁵¹. Однако при отъезде (в связи с началом войны) все материалы были оставлены ученым во Флоренции¹⁵², и в Перми ему пришлось начинать заново, переключившись на изучение французского средневекового города. Результатом стала монография «Опыты по истории французских городов в Средние века». В этой работе медиевист рассматривает процесс формирования коммуны в пяти городах — Камбрэ, Нуайоне, Бовэ, Санлисе и Суассоне, подчеркивая для каждого случая его специфический индивидуальный характер. Коммуна

¹⁴⁹Там же. С. 245.

¹⁵⁰Там же. С. 269.

¹⁵¹Вейдле В.В. «Воспоминания // Диаспора... Вып. 2. С. 76.

¹⁵²Н.П. Оттокар, как пишет В.В. Вейдле, «вернулся через Германию, в самую последнюю минуту, когда поезда шли только до Эйдкунена, откуда Николаю Петровичу пришлось пешком нести свои два чемодана в Вержболово. Надорвался, получил грыжу, которую пришлось оперировать через некоторое время, и донёс только один чемодан, второго донести не смог. Все материалы, однако, для своей диссертации по истории Флоренции в XIII веке, архивные выписки, заметки, наброски текста он оставил, уложив их в сундук, хозяину своего флорентийского пансиона» // Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар... С. 325.

как институт самоуправления горожан, обладающая рядом политических и правовых полномочий, возникает в особой ситуации и по какому-то конкретному поводу, поэтому выделить общие тенденции данного процесса практически невозможно. В этой связи Н.П. Оттокар, расценивая свою книгу как «методологическое введение в историю городов»¹⁵³, достаточно много внимания уделяет критике различных генерализирующих теорий, в частности, теории «коммунальных революций» О. Тьерри, а также «коммунальных историй» А. Люшера и его учеников. Кроме того, немало места в монографии он отводит опровержению выводов выдающегося бельгийского историка А. Пиренна. Н.П. Оттокар подчеркивает, что «известная синтетическая попытка Пиренна лишь постольку ценна, верна и плодотворна, поскольку она имеет в виду определять идеальные “цели” городского развития в связи с более или менее абстрактными потребностями “торгового человека”. Она лишена всякого значения, поскольку она обращена к реальной почве исторической действительности, поскольку она стремится на деле проследить филиацию реальных форм исторической жизни»¹⁵⁴. В средневековых городах, по мысли русского исследователя, не существовало принципиального противопоставления между городом (“*urbs*”) и пригородом (“*suburbium*”), на котором базируется большинство традиционных «коммунальных» историй. Так, характеризуя начало «коммунальной» истории Камбрэ, Н.П. Оттокар пишет: «Задолго до утверждения коммунальной автономии город мыслился уже как одно реальное и правовое целое. При всей сеньориальной раздробленности города, при всем внешнем различии *urbs* и *suburbium*, существовала некоторая сумма бытовых и правовых условий, которая превращала весь этот мир в одно объединенное и отличное от окружающего целое. Единство этого мира подчеркивается в источниках внушительно и определено. Мы не найдем в Камбрэ данных для противопоставления исконно римского укрепленного бурга тем новым пригородным поселениям, которые, согласно распространенной в наши дни теории, явились бы носителями нового духа и нового права, в противоположность сеньориальному укладу старого бурга. Я, напротив, замечаю, что в ранних камбрэских источниках представление *urbs* и *civitas* охватывает целый мир, реально и топографически связанный с укрепленным бургом и с ним не совпадающий»¹⁵⁵. Становление коммуны идет не как целостный и осознанный в таковом качестве самими участниками целенаправленный процесс, а как совокупность различных событий, вызванных конъюнктурными факторами. «Те конкретные народные выступления, которые

¹⁵³Оттокар Н.П. Опыты... С. 255.

¹⁵⁴Там же. С. 244.

¹⁵⁵Там же. С. 1—2.

историки называют “коммунальным движением”, суть не какое-то известное нам, постоянное и определенное “явление”, а ряд различных, только в данный момент и в данной комбинации понятных сочетаний»¹⁵⁶.

В сущности, эти же идеи Н.П. Оттокара развивал в своих исследованиях по истории городов, написанных в «итальянский» период жизни и вызвавших большой резонанс¹⁵⁷. Книга о французских городах также была переиздана им в Италии и получила высокую оценку коллег¹⁵⁸. В частности, знаменитый итальянский медиевист Э. Сестан писал: «Эти очерки о французских городах, конечно, наиболее оригинальная и новая работа Оттокара, более оригинальная и новая чем его исследования об итальянском городе»¹⁵⁹. Столь же положительно отозвалась о творчестве Николая Петровича А.Л. Ястребицкая, считающая ученого провозвестником тех оригинальных штудий в области средневекового урбанизма, которые явились ведущим направлением современных научных изысканий в данной области¹⁶⁰. Однако следует отметить, что, проработав много лет во Флорентийском университете и став крупной фигурой европейской медиевистики, оказавшей значительное влияние на итальянскую историографию, свою школу Н.П. Оттокара так и не создал. Долгое пребывание в Италии и Перми, а также конфликт с учителем вывели Николая Петровича за пределы непосредственных коммуникаций петербургского сообщества медиевистов, с которым он связан генетически.

В то же время своеобразие исторических взглядов Н.П. Оттокара позволило Б.С. Кагановичу высказать предположение о том, что медиевист не принадлежал к школе. Впрочем, сохранение определенных профессиональных связей с коллегами (в частности, с тем же Л.П. Карсавиным), причастность к ряду школообразующих практик и четкая ориентация в пермский период на Петроград дают, на наш взгляд, основания с этим выводом не согласиться¹⁶¹.

¹⁵⁶Там же. С. 8.

¹⁵⁷*Ottokar N. Il comune di Firenze alla fine del dugento / Introduz. di E. Sestan. Torino, 1962. См.: Ключев А.И. Из истории одной книги: Н.П. Оттокара и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 34. С. 249—270; Краснова И.А. Основное социальное противоречие коммунального общества Флоренции XIII—XIV вв.: историографические версии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 144—148.*

¹⁵⁸*Ottokar N. Le citta francesi nel Medio evo: saggi storici. Firenze, 1927.*

¹⁵⁹*Sestan E. Op. cit. P. XII. (Благодарю А.И. Ключева, сообщившего мне эту информацию.)*

¹⁶⁰*Ястребицкая А.Л. Европейский город (Средние века — раннее Новое время). Введение в современную урбанистику. М., 1993.*

¹⁶¹На наш взгляд, можно говорить и о влиянии работ Н.П. Оттокара на исследования некоторых более молодых представителей школы, в частности, — С.И. Штейна.

* * *

В 1909 г. была оставлена при ВЖК ученица И.М. Гревса (прошедшая также через семинарии О.А. Добиаш-Рождественской)¹⁶² Клавдия Васильевна Флоровская (1883—1965)¹⁶³, занимавшаяся историей раннего францисканства¹⁶⁴. Она родилась в Одессе в семье священника¹⁶⁵. После окончания 2-й женской Одесской гимназии училась на ВЖК в Петербурге. В 1909 г. вместе с Гревсом посетила Париж¹⁶⁶, а в 1910 г. получила заграничную командировку для научной работы¹⁶⁷. К.В. Флоровская написала ряд статей по средневековой истории для «Нового энциклопедического словаря» и приняла участие в юбилейном сборнике, посвященном учителю. Среди коллег наиболее тесные контакты складывались у нее с Л.П. Карсавиным, с которым она вместе выезжала в заграничные командировки¹⁶⁸, но последний относился к ее научным амбициям весьма скептически¹⁶⁹. Да и сам И.М. Гревс отзывался об ученице неоднозначно¹⁷⁰. К.В. Флоровская принимала участие в итальянской экскурсии 1912 г.¹⁷¹ Вернувшись в том же году в Россию, в 1914 г. уехала в родную Одессу, где стала преподавателем

¹⁶²Добиаш-Рождественская О.А. Заметки и извлечения из латинских рукописей СПб. Императорской Публичной библиотеки... С. 1.

¹⁶³Левченко В.В., Музичко О.С. Флоровська Клавдія Василівна 1883—1965 // Одеські історики Одеса, 2009. Т.1 (початок ХІХ—середина ХХ ст.). С. 422—424. Она была родной сестрой известного богослова и исследователя Христианства о. Г. Флоровского и историка А.В. Флоровского (см.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 10—28; Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015).

¹⁶⁴Флоровская К.В. Св. Франциск в «Древе крестной жизни» // К 25-летию... С. 65—106.

¹⁶⁵См. написанную в 1955 г. краткую автобиографию К.В. Флоровской: Галчева Т.Н., Голубович И.В. Указ. соч. С. 34—36.

¹⁶⁶Флоровская К.В. Дорогое прошлое // Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878—1981 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003. С. 148.

¹⁶⁷Флоровская К.В. Дорогое прошлое // Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета... С. 149.

¹⁶⁸См., например: Из истории российской... С. 55—85.

¹⁶⁹«Dydu не может быть самостоятельным научным работником. Как-то не может она, читая тексты, подойти к ним с новой и свежей стороны» // Из истории российской... С. 81.

¹⁷⁰«Это была несколько претенциозная натура, мечтавшая о научной славе, но обладавшая лишь скромным даром; ее сначала сбили с толку Карсавин и Оттокар, суля ей в Италии золотые горы, но потом стали теснить ее критикой, подрывая все ее доверие к себе и окрестив ее насмешливой кличкой “Дуду” (которая, грешен и я, казалась мне подходящею, рисуящею ее манерный, обидчивый нрав). Но науку и Италию она искренне любила, и это уже немаловажное достоинство» // ПФА РАН. Ф. 726. Оп.1. Д. 188. Л. 6.

¹⁷¹Человек с открытым сердцем... С. 285.

местных Высших женских курсов, а после отъезда В.Э. Крусмана по рекомендации П.М. Бицилли 6 сентября 1919 г. избирается приват-доцентом кафедры всеобщей истории Новороссийского (Одесского) университета¹⁷². Однако в конце 1919 г. К.В. Флоровская эмигрировала в Болгарию и была отчислена из состава преподавателей университета¹⁷³. В Болгарии, где она прожила до 1955 г., К.В. Флоровская преподавала латынь в школе, а затем русский язык в Софийском университете. Вернувшись на родину, работала переводчиком в Московской патриархии¹⁷⁴, жила в городе Апшеронск (Краснодарский край), а с 1956 г. — в Подмосковье¹⁷⁵.

К.В. Флоровская является, таким образом, автором, помимо словарных статей и рецензий¹⁷⁶, нескольких известных нам оригинальных исследований¹⁷⁷. Первая работа представляет собой обзор книги протоколов болонской инквизиции рубежа XIII—XIV вв.¹⁷⁸ «Этот манускрипт уже был указан в литературе и отчасти использован; из него изданы небольшие отрывки. В нем мы имеем процессы инквизиции за целый ряд лет, относящиеся к одной только области, но зато сохраненные почти полностью, со всеми мельчайшими записями, так что картина жизни и деятельности инквизиции со всеми ее будничными мелочами вырисовывается перед нами во всей ее полноте; а наряду с этим перед нами проходит вереница самых разнообразных представителей населения Болоньи и ее области, знакомя нас со своей религиозной жизнью. Особенно много материала дает манускрипт для характеристики недолговечной, но яркой и своеобразной секты апостолов, к которой относится большая часть процессов»¹⁷⁹. В статье автор дает детальную характеристику рукописи и реконструирует на ее основании ход инквизиционного процесса, а также учение и организационную структуру «секты апостолов»¹⁸⁰.

¹⁷²Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007.

¹⁷³Там же. С. 368.

¹⁷⁴Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия // Георгий Флоровский... С. 14.

¹⁷⁵Галчева Т.Н., Голубович И.В. Указ. соч. С. 36.

¹⁷⁶Флоровская К.В. Рец. на: Н.И. Карееву, ученики и товарищи по научной работе. СПб, 1914 // ИОБО. Одесса, 1915. Т. IV. Вып. 1; Она же. Рец. на Бемон Ш., Моно Г. История Европы в Средние века. Петроград, 1915 // ИОБО. Одесса, 1915. Т. IV. Вып. 1.

¹⁷⁷К сожалению, нам осталась недоступна статья: *Florovsky Cl. De finibus paupertatis auctore Hugone de Digna O.F.M.* // *Archivum franciscanum historicum*. 1912. Vol. 5. P. 277—290.

¹⁷⁸Флоровская К.В. Акты болонской инквизиции. Манускрипт 1856 Болонской библиотеки // Историческое обозрение. СПб., 1914. Т. 19. С. 54—108.

¹⁷⁹Там же. С. 55.

¹⁸⁰Там же. С. 91—106.

Вторая работа посвящена истории раннего францисканства. Статья, подготовленная — как и другие тексты — под очевидным влиянием трудов Л.П. Карсавина, представляет собой анализ известного памятника раннефранцисканской литературы, трактата Умбертино де Казале «Древо крестной жизни». Исследовательница стремилась, во-первых, выявить специфику образа Франциска Ассизского в сочинении, вписав его в исторический и интеллектуальный контекст, а во-вторых, определить источники, которыми пользовался де Казале при подготовке «Древа». Последовательно решая поставленные задачи, К.В. Флоровская приходит к выводу о том, что трактат является продуктом ожесточенного противостояния, имевшего место в ордене во второй половине XIII—начале XIV в.: «Борьба за устав и бедность, наполнившая первые столетия жизни ордена св. Франциска, наложила неизгладимый отпечаток на раннюю францисканскую литературу и в значительной степени создала её. В частности, и в биографиях святого с самого начала присутствует полемический элемент. Еще более усиливается этот элемент с наступлением спиритуалов в качестве определенной партии, борющейся не только против ослабления дисциплины внутри ордена, но и против вмешательства пап. Они стремятся доказать, что их идеал соответствует вполне идеалу Франциска, а последний в точности воспроизводит Евангелия»¹⁸¹. Соответственно, Умбертино де Казале — один из лидеров спиритуалов — стремится сконструировать образ Франциска как персонификацию идеалов этого движения, подчеркивая особую близость праведника к учению Христа. К.В. Флоровская отмечает: «Задачей его было показать, что Франциск был восстановителем на земле чистоты евангельского учения. во всем подобным Христу. Поэтому в его личности он подчеркивает главным образом черты подобия и подражания его Христу, а в уставе полное согласие его с Евангелием»¹⁸². В трактате, как показывает исследователь, У. де Казале соотносит раннее францисканство с евангельским идеалом («в трех добродетелях, соблюдение которых легло в основу устава — чистота, смирение и бедность, Франциск точно соблюдал требование Евангелия и подражал Христу»¹⁸³), противопоставляя их «испорченной» современной Церкви, о которой отзывается крайне негативно. В соответствии с общественно-политической позицией определяются и источники, использованные У. де Казале. На формирование его философских воззрений повлиял, наряду с Бонавентурой, Иоахим Флорский¹⁸⁴. Основным источником реконструкции жизни и взглядов Франциска, помимо работы Бонавентуры, сочинений основателя орде-

¹⁸¹ Флоровская К.В. Св. Франциск... С. 65.

¹⁸² Там же. С. 77.

¹⁸³ Там же. С. 88.

¹⁸⁴ Там же. С. 70.

на, а также завещаний, уставов и эпистолярных сводов¹⁸⁵, стала устная, как ее определяет К.В. Флоровская, «зилотская»¹⁸⁶ традиция спиритуалов, весьма отличная от официальной версии биографии. В целом статья К.В. Флоровской производит впечатление зрелого и аргументированного исследования. При этом связь данного текста с работами И.М. Гревса и его старших учеников, безусловно, очевидна.

Фактически, в первые же годы преподавательской деятельности И.М. Гревс сумел сформировать определенное сообщество медиевистов с четкой школьной идентификацией и ориентацией. Ряд молодых исследователей рассматривался Иваном Михайловичем и окружающими «коллегами по цеху» в качестве его учеников; в соответствии с данной установкой исследователи, составившие петербургскую школу медиевистики, так себя и позиционировали.

---

¹⁸⁵Там же. С. 71.

¹⁸⁶Там же. С. 105.

§ 2. Петербургская школа медиевистов в 1910-е гг. Расцвет.

Выбранная И.М. Гревсом стратегия формирования школы продолжала активно приносить результаты и в последующие годы. Более того, 1910-е гг. по праву можно назвать расцветом петербургской/петроградской медиевистики. С одной стороны, у И.М. Гревса появлялись новые ученики, по-прежнему оставляемые им при кафедре, а с другой, — его старшие ученики, зарекомендовав себя в качестве состоявшихся исследователей-профессионалов, постепенно меняют статус и переходят к самостоятельной преподавательской деятельности.

Настоящим прорывом в развитии школы стал 1910 г. Во-первых, при кафедре университета были оставлены сразу три выпускника — А.А. Тэнтел (1876—1941) со стипендией из средств министерства, Н.С. Цемш¹ (1887—1936), И.Н. Пузино (1888—после 1960); первые двое были непосредственными учениками Гревса. Во-вторых, после смерти профессора Г.В. Форстена Ивану Михайловичу пришлось осуществлять руководство бывшим «аспирантом» покойного — В.Э. Крусманом (1879—1923).

Владимир Эдуардович Крусман родился 16 января 1879 г. в Симбирске в семье преподавателя математики Симбирского кадетского корпуса статского советника Эдуарда Карловича Крусмана². Окончив Симбирскую гимназию, В.Э. Крусман в 1897 г. поступает на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета³. Наибольшее влияние на формирование научных взглядов в студенческие годы, по его собственным словам, оказали профессора М.И. Ростовцев, С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, И.М. Гревс и Г.В. Форстен⁴. Последний был научным руководителем медального сочинения Крусмана, после защиты которого в 1902 г. Владимира Эдуардовича оставили при кафедре «для приготовления к профессорскому званию». Профессор Г.В. Форстен — крупнейший специалист по международным отношениям европейских стран раннего Нового времени — в последние годы жизни стал интересоваться изучением проблем истории культуры, в частности, опубликовал исследование, посвященное культуре Возрождения⁵. Вокруг Г.В. Форстена формируется кружок его учеников из студентов старших курсов и

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 1049.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16216. Л. 8.

³ *Попова Т.Н.* Крусман Володимир Эдуардович 1879—1922 // *Одеські історики*. Одеса, 2009. С. 188. Том 1. (початок ХІХ—середина ХХ ст.) Енциклопедичне видання.

⁴ *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 475.

⁵ *Кан А.С.* Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979.

лиц, «оставленных при кафедре», получивших в университетских кругах прозвище «форстенят». Помимо личной преданности учителю, их объединяла и определенная научная программа. Они позиционировали себя как «фактопоклонники» и противники любых спекулятивных построений в анализе исторического процесса. Среди учеников Г.В. Форстена было много немцев лютеранского вероисповедания, так что входивший в кружок В.Э. Крусман, безусловно, чувствовал себя там вполне комфортно. В эти годы он работает над магистерской диссертацией, посвященной раннему английскому гуманизму.

Однако положение «профессорского стипендиата» не могло дать ставшему главой семьи В.Э. Крусману достаточного материального обеспечения, и он — подобно большинству своих коллег — начинает преподавать в различных средних учебных заведениях Санкт-Петербурга. В столице их было предостаточно. С 1903 г. В.Э. Крусман читает лекции по культуре Возрождения на курсах для учащихся средних учебных заведений, организованных Я.И. Гуревичем, с 1904 г. преподает всеобщую историю в женской гимназии имени княгини Оболенской⁶, председателем попечительского совета данного учреждения был Г.В. Форстен. С 1907 г. В.Э. Крусман начинает преподавать новую историю на историко-филологическом отделении ВЖК, возглавляемом деканом И.М. Гревсом⁷.

В 1908 г. сдав магистерские экзамены и прочитав положенные «пробные» лекции, В.Э. Крусман становится приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Однако устойчивым положение приват-доцента назвать было нельзя, оно, по регулирующему жизнь университета Уставу 1883 г., напрямую зависело от количества студентов, посещавших его занятия⁸, и даже в случае защиты магистерской диссертации особых перспектив для дальнейшего роста в столице не было. Профессорский состав историко-филологического факультета не менялся на протяжении почти двадцати лет, и рассчитывать на появление вакансий, а уж тем более на возможность занять вакантное место не приходилось. Поэтому В.Э. Крусман соглашается на последовавшее благодаря рекомендациям Г.В. Форстена и И.М. Гревса предложение кафедры всеобщей истории Новороссийского (Одесского) Императорского университета, испытывавшего тогда серьезные проблемы с квалифицированными специалистами по зарубежной истории. Переехав в 1908 г. с семьей в Одессу, В.Э. Крусман начинает в качестве приват-доцента читать в университете и на ВЖК

⁶ Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана // *Анналы*. Пг., 1923. № 2. С. 256.

⁷ Там же. С. 256.

⁸ Об институте приват-доцентуры в дореволюционной России см.: Бон Т.М. Русская историческая наука (1880—1905): Павел Николаевич Милюков и московская школа. М., 2005. С. 37—44.

лекции по новой истории, истории Англии и Реформации. Сам ученый после переезда был очень доволен условиями своей работы в Одессе. «Лекции получил и сам не думал, что студенческая аудитория будет так действовать на меня и так поднимать энергию. С практическими занятиями тоже все хорошо, но столько участников и такое горячее участие, что, вероятно, придется во втором полугодии брать дополнительные часы. Языки (новые) знают здесь, пожалуй, получше, чем в Питере», — делился В.Э. Крусман первыми впечатлениями с И.М. Гревсом⁹. Историк Одесского университета Т.Н. Попова пишет: «Возобновившиеся с приходом В.Э. Крусмана занятия по всеобщей истории вызвали большой интерес у студентов историко-филологического факультета. В своем отчете за 1909 г. В.Э. Крусман пишет о том, что наплыв студентов, записавшихся на занятия, был велик; занятия проводились в дополнительные часы, и не все подготовленные студентами рефераты удалось прослушать»¹⁰. В университете В.Э. Крусман читает курсы «Систематическое источниковедение по новой истории» (1911/12 учебный год), «Общий очерк вспомогательных наук истории» (1912/13 учебный год), «История установления европейского владычества на Индийском океане», «Реформационное движение в романских странах», «Возникновение и первый период деятельности иезуитского ордена», «Главнейшие направления историко-философской мысли Нового времени», «Общая теория истории»; ведет семинарские занятия по анализу мемуарной литературы и европейских газет Нового времени, а также историко-политических трактатов эпохи Возрождения и Просвещения. На ВЖК за семь лет он прочитал курсы «Введение в новую историю», «Вспомогательные науки истории», «Методология истории», «Историография нового времени», «Английская история в эпоху Тюдоров», «История реформации», «Эпоха Возрождения в Англии», «История реформации» и др.¹¹ Среди учеников В.Э. Крусмана были такие известные впоследствии историки, как Н.Л. Рубинштейн и О.Л. Вайнштейн. Наиболее близкие отношения сложились у Владимира Эдуардовича с молодым коллегой по кафедре, медиевистом и историком культуры П.М. Бицилли, который позднее назовет его «бесспорно, одним из самых сильных и значительных»¹² представителей петербургской школы медиевистики и своим товарищем.

В Одессе В.Э. Крусман продолжает и свою научную работу. На протяжении пяти лет (с 1910-го по 1914 г. включительно) в «каникулярное время» историк выезжает в командировки для работы в архивах и биб-

⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 163. Л. 5.

¹⁰ Попова Т.Н. Указ. соч. С. 478.

¹¹ Там же. С. 478—479.

¹² Бицилли П.М. Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. Прага—Берлин, 1923. Кн. 1—2. С. 342.

лиотеках Италии и Англии. В одесских и петербургских изданиях выходят научные статьи молодого ученого. Однако в 1910 г. в Петербурге внезапно умирает его наставник и покровитель Г.В. Форстен. Защита диссертации и, соответственно, дальнейшая профессиональная судьба В.Э. Крусмана оказываются под угрозой. В этой ситуации новым научным руководителем соглашается стать Гревс. Судя по всему, Иван Михайлович относился к молодому ученому достаточно благосклонно. В студенческие годы В.Э. Крусман посещал семинарские занятия И.М. Гревса, а позже принял участие в двух им организованных студенческих экскурсиях в Италию.

«Здесь я лучше всего убедился при ежедневном общении, среди обстановки, особенно полно раскрывающей дары каждого, в превосходной его научной осведомленности и самостоятельности <...> и оригинальном вкусе к произведениям искусства», — писал впоследствии И.М. Гревс в некрологе¹³.

Всё это дало основание И.М. Гревсу называть В.Э. Крусмана своим учеником¹⁴, а тому — в свою очередь — позиционировать себя подобным образом. Хотя по факту, как мы видим, круг интересов и методологических ориентиров В.Э. Крусмана определился еще до того, как И.М. Гревс стал его формальным научным руководителем. Различия между научными интересами В.Э. Крусмана и большинства «родных» учеников И.М. Гревса достаточно очевидны. Последний считал себя одним из немногих российских историков, на формирование взглядов которого оказала влияние не немецкая, как у значительной части его коллег, а французская научная традиция. Помимо замысловатого синтеза романтических и позитивистских идей, образующих основу теоретико-методологических представлений ученого, тематика научных штудий И.М. Гревса и его учеников была связана преимущественно с «романскими странами», а точнее — Францией и Италией. Направление и географическая ориентация изысканий В.Э. Крусмана, а равно и методологические взгляды исследователя выглядели на этом фоне несколько экзотично.

Однако наряду с указанными различиями, было и сходство, позволившее В.Э. Крусману удачно встроиться в коммуникативное пространство школы И.М. Гревса. Во-первых, так же как сам И.М. Гревс и многие его ученики (например, А.И. Хоментовская), В.Э. Крусман занимался изучением культуры Возрождения, трактуя его в рамках либеральной концепции Ж. Мишле, Я. Буркхардта, Г. Фойгта. Эпоха Ренессанса воспринималась учеными как величайший «духовный прорыв» в истории человечества и оценивалась однозначно позитивно. Во-вторых, В.Э. Крус-

¹³ Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана. С. 256.

¹⁴ Там же. С. 254.

ману была близка неоромантическая установка И.М. Гревса, ориентирующая историка на «погружение во время» для того, чтобы «почувствовать» дух прошлого. Интуитивное проникновение в суть предмета исследования должно было достигаться за счет «медитаций», направленных через созерцание на глубинное осмысление произведений искусства и архитектуры, местного ландшафта и красот природы; отсюда непреодолимая тяга к путешествию по местам, связанным с историческими эпохами, в которых разворачивались изучаемые события. «Он был настоящим научным путешественником», — напишет о В.Э. Крусмане И.М. Гревс. В-третьих, подобно И.М. Гревсу и многим его ученикам, В.Э. Крусман оставался сторонником «биографического подхода» в постижении истории.

С 1907 г. завязывается личная переписка между В.Э. Крусманом и И.М. Гревсом. Стремясь войти в коммуникативное пространство школы, В.Э. Крусман заявляет о своем интересе к средневековому францисканству — теме, очень важной для Гревса. Так, в частности, в послании из Одессы он просит у Ивана Михайловича адрес Л.П. Карсавина для обсуждения ряда специальных вопросов, касающихся францисканства¹⁵. В.Э. Крусман в письмах подробно рассказывает И.М. Гревсу об одесской жизни, а тот привлекает молодого ученого к написанию статей по истории Англии для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона¹⁶.

И.М. Гревс в своих воспоминаниях, в соответствии со спецификой жанра и характерным для себя эмоционально окрашенным стилем, характеризует В.Э. Крусмана как «выдающегося историка» и отмечает: «...Я с радостью могу причислить его к своим лучшим и любимым ученикам; мне дорого, что и он открыто признает такое отношение между нами»¹⁷.

Как представителя школы И.М. Гревса воспринимали В.Э. Крусмана и многие коллеги, например, В.П. Бузескул¹⁸ и П.М. Бицилли¹⁹.

Кроме того, Владимир Эдуардович впоследствии попытается несколько дистанцироваться от своего ученичества у Г.В. Форстена: «Покойный Г.В. Форстен, которому автор так несказанно много обязан в ознакомлении с методами научной работы и в углублении и расширении своих исторических перспектив, никогда не давал ему никаких указаний относительно занятий по истории Англии; хотя он очень хорошо, например, знал историю внешней политики Англии XVI и особенно XVII вв., научная щепетильность не позволяла ему выступать руководителем и учителем там, где он сам не чувствовал себя полным хозяином предмета, — а автору по-

¹⁵ ПФА РАН Ф. 726. Оп. 2. Д. 163. Л. 5 об.

¹⁶ Там же. Л. 7 об, 9, 10.

¹⁷ Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана. С. 255.

¹⁸ Бузескул В.П. Указ. соч. С. 201.

¹⁹ Бицилли П.М. Указ. соч. С. 254.

этому самому приходилось расправляться с затруднениями, вызванными вопросами о правильной постановке отдельных проблем английской истории и о постановке исследования для ответа на эти проблемы»²⁰.

В 1915 г. выходит итоговая монография В.Э. Крусмана «На заре английского гуманизма», которая была представлена в совет Санкт-Петербургского университета в качестве магистерской диссертации. Защита прошла успешно в феврале 1916 г., и 5 сентября того же года магистра всеобщей истории В.Э. Крусмана назначили исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории Императорского Новороссийского университета²¹.

Политические события 1917 г. решительным образом меняют размеренное течение жизни новоиспеченного профессора. Летом 1917 г. он, подав прошение, переезжает из Одессы в Пермь, где в недавно открытом университете работают многие его питерские знакомые — ученики И.М. Гревса — Н.П. Оттокар, В.В. Вейдле, а также Г.В. Вернадский и Б.Д. Греков. Однако при переезде теряется личная библиотека ученого, состоявшая из 10 тыс. томов. Украинские власти просто не разрешили перевезти ее через границу. Для ученого это был настоящий удар. «Если что можно сделать и как что можно сделать, напишите: я такой кабинетный человек и так непрактичен, что прямо не знаю, что предпринять — скажем, даже вовсе бросить университет, чтобы только не быть дальше в таком фальшивом положении — высасывать свои лекции из пальца, и осознавать, что скоро потеряю приобретенную сноровку научной работы», — пишет он в отчаянии С.Ф. Платонову²². Однако все хлопоты оказались тщетными, и в августе 1922 г. В.Э. Крусман умирает в Москве от разрыва сердца, куда отправился в поисках возможности вызволить библиотеку.

Историческая концепция В.Э. Крусмана представлена в его монографии «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в их ближайшем окружении», которая, впрочем, самим автором оценивалась достаточно скептически, и в цикле тематически примыкающих к ней статей²³. В ее основе лежит гипотеза о том, что в Англии уже в XIV в. начал формироваться новый тип

²⁰ Крусман В.Э. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшем окружении. Одесса, 1915. С. 27.

²¹ Попова Т.Н. Указ. соч. С. 480.

²² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3290. Л. 3 об.

²³ Крусман В.Э. Уильям Гросайт // К 25-летию... С. 321—341; Он же. Возрождение // Новый энциклопедический словарь. Т. XI. С. 308—315; Он же. Английский библиофил XIV в. // Известия одесского библиографического общества. Одесса, 1913. Т. 3. Вып. 1. С. 1—26; Он же. Архиепископ Кентерберийский Томас Эрундель // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 44—69; Он же. Джон Тинтофт // ЖМНП. 1914. Т. LIV. № 1, отд. 2. С. 20—84; Он же. На заре...

культуры, отличный от средневекового, — Ренессанс. При этом сущность культуры эпохи Возрождения В.Э. Крусман понимает в полном соответствии с доминировавшей тогда в западноевропейской и проникнувшей оттуда в Россию классической либеральной концепцией Я. Буркхардта и Г. Фойгта²⁴. Концепцией не новой, однако ставшей теоретической основой довольно значительного корпуса конкретно-исторических работ, подтверждавших ее своими выводами, а кроме того, отраженной в большом количестве научно-популярных и учебных текстов. Переход от средневековой к ренессансной культуре однозначно трактуется в рамках этой концепции как прогрессивное движение, связанное с развитием индивидуализма, секуляризацией сознания, расцветом рационализма, литературы и изобразительного искусства. В конкретных условиях перехода ренессансная культура принимает формы разнообразного интереса к Античности. Складывание особого типа культуры идет, в первую очередь, благодаря усилиям интеллектуалов-гуманистов, которые, с одной стороны, наиболее полно отражают «запросы времени», а с другой, — формируют и пропагандируют те ценности, которые затем распространяются среди остальных слоев общества. Очагом ренессансной культуры, безусловно, является Италия. Определяя сущность Возрождения, Я. Буркхардт писал: «В Средние века обе стороны сознания — обращенного человеком к миру и к своей внутренней жизни — пребывали как бы под неким общим покровом, в грезе и полудремоте. Этот покров был соткан из веры, детской робости, иллюзии; сквозь него мир и история представлялись в странной окраске, а человек познавал себя только как часть расы, народа, партии, корпорации, семьи или какой-либо другой формы общности. В Италии этот покров впервые развеивается; пробуждается объективное видение государства и объективное к нему отношение; вместе с этим с полной силой заявляет о себе субъективное начало, человек становится духовным индивидом и познает себя таковым»²⁵.

В подобном же ключе определяет задачу своего труда и В.Э. Крусман: «Исследователю прошлого всегда любопытно проследить историю взаимоотношения двух наций — тем более что если эти нации так отличны друг от друга, как потомки Ромула и сыновья Альбиона: культурный рост наций всегда определяется взаимоотношениями их с другими народностями, заимствованиями и уступками. Италия при этих взаимоотношениях долго, а во многом и ныне, занимает первое место — она дарила от своих бесконечных сокровищ, материальных и духовных, а

²⁴ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1876; Фойгт Г. Возрождение классической древности или первый век гуманизма. СПб., 1884—1885. Т. 1—2.

²⁵ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996. С. 88.

англичане являлись только воспринимающей стороной. Сначала они приняли религию, потом организацию церкви и связанную с ней культуру духовную, а затем понемногу стали перенимать культуру светскую, тоже ведь в большинстве случаев зародившуюся в Италии, — ту культуру, которую принято обыкновенно именовать ренессансом. Эта светская культура явилась одним из наиболее крепких устоев, на которых потом возвысилась культурная самобытность Англии, — и поэтому в высокой степени интересно проследивать все еще редкие точки соприкосновения между Италией ренессансной и Англией средневековой. Наиболее известны отношения Ричарда де Бюри и Петрарки, Чосера к первым гуманистам вообще, а далее уже посещение Англии знаменитым Поджио»²⁶. Сущность Ренессанса В.Э. Крусман характеризовал следующим образом: «В настоящее время эпохой Возрождения <...> представляется тот момент в истории европейского культурного общества, когда до порога сознания данного общества доходит ряд до того времени бессознательно на него действующих исторических традиций, учитывание и использование которых с этого времени происходит с все повышающейся сознательностью»²⁷. Так же как и Г. Фойгт, В.Э. Крусман огромное внимание уделял влиянию античного культурного наследия²⁸.

Новизна исследования В.Э. Крусмана определяется двумя моментами, связанными с историографическим контекстом. Во-первых, полностью воспринявшими концепцию Я. Буркхардта крупнейшими российскими специалистами по изучению культуры Возрождения на тот момент были недавно умершие профессор Московского университета М.С. Корелин и литературовед А.Н. Веселовский. Последний ввел в оборот новые архивные материалы, иллюстрирующие новаторство «стиля жизни» гуманистов²⁹, а М.С. Корелин, стремясь показать, что гуманизм был «массовым движением», сосредоточился на выявлении его «рядовых членов»³⁰. Понимание М.С. Корелиным сущности гуманизма практически полностью совпадало с теорией Я. Буркхардта: «“Возрождением” или гуманизмом называется движение, освободившее на западе Европы личность и культуру от порабощения католической церковью и положившее начало новой независимой науке, светской философии, литературе,

²⁶ Крусман В.Э. Архиепископ Кентерберийский... С. 44.

²⁷ Крусман В.Э. На заре... С. XXI. См. также: Крусман В.Э. Возрождение... С. 308.

²⁸ Крусман В.Э. На заре... С. XXI.

²⁹ Веселовский А.Н. Бокаччо, его среда, сверстники // Веселовский А.Н. Собрание сочинений. Пг., 1915. Т. 5; Он же. Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV столетий // Там же. СПб., 1908. Т. 3.

³⁰ Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. М., 1892; Он же. Очерки итальянского Возрождения. М., 1896.

школе и самостоятельному искусству. Оно началось в Италии, откуда распространилось с большей или меньшей силой по всей Европе и было первым проявлением в новой истории культурного роста личности, которая стала относиться критически к современным, уже отживавшим тогда культурным формам»³¹. Но оба — М.С. Корелин и А.Н. Веселовский — занимались исключительно изучением итальянского гуманизма. Специализировавшиеся в области средневековой английской истории и связанные преимущественно с Московским университетом П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин и, в определенной степени, М.М. Ковалевский исследовали экономические и социально-политические проблемы. Наиболее близким к этому кругу тем и сюжетов оказывается коллега В.Э. Крусмана по Одесскому университету историк правовой и политической мысли К.А. Кузнецов, автор работы «Опыты по истории политических идей в Англии (XV—XVII)»³². Таким образом, В.Э. Крусман должен быть признан первым в истории отечественной науки исследователем английской ренессансной культуры³³. Во-вторых, традиционно ученые связывали (и связывают до сих пор) расцвет гуманистической культуры в Англии с XVI в. — периодом жизни и творчества Т. Мора, Ф. Сидни, К. Марло, У. Шекспира, отчасти Ф. Бэкона. При этом колыбелью английского Возрождения считается т.н. «Оксфордский кружок», сложившийся в конце XV в., в который входили такие литераторы и знатоки Античности, как Д. Колет, Т. Линкер, У. Гросин, У. Лили³⁴. В.Э. Крусман предлагает передвинуть дату рождения английского гуманизма почти на сто лет вперед. В письме И.М. Гревсу Владимир Эдуардович рассказывает, как в поисках истоков английского Ренессанса он постепенно «углублялся»³⁵ из XVI в XIV век. По его мнению, первыми английскими гуманистами следует считать адресатов дошедших до нас эпистол, написанных выдающимися итальянскими мыслителями XIV в. Франческо Петраркой (1304—1374) и Колюччо Салютати (1331—1406).

³¹ Корелин М.С. Очерки итальянского Возрождения. С. 1.

³² Березкин А.В. Историк государства и права Англии К.А. Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 147—156. А.В. Березкин пишет о том, что К.А. Кузнецов, постепенно превращаясь из юриста в историка, в Одессе в 1913—1916 гг. достаточно интенсивно общался с П.М. Бицилли и В.Э. Крусманом. См.: Березкин А.В. Указ. соч. С. 153.

³³ Следует отметить, пожалуй, еще магистерскую диссертацию Е.В. Тарле «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени» (СПб., 1901), в которой, однако, значимым для интерпретации оказывается совершенно другой контекст.

³⁴ См. классическую работу Л. Эйнштейна (*Einstein L. The Italian Renaissance in England*. N.Y., 1902). Оценку этой работы В.Э. Крусманом см.: Крусман В.Э. Уильям Гроссаин... С. 322—324.

³⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 163. Л. 7 об.

Ими были, соответственно, Ричард де Бэри (1287—1345) и Томас Эрундель (1371—1414)³⁶. Почти семисотстраничная монография историка состоит из двух глав, посвященных названным персонажам. В.Э. Крусман исходит из того, что английский гуманизм формировался под воздействием итальянского (т.е. он в определенной степени вторичен). Следовательно, если выдающиеся итальянские гуманисты писали своим английским корреспондентам, значит были с ними знакомы и те могли испытывать влияние их идей. «Автору казалось, что задача, которую он перед собой поставил, формулируется довольно определенно: собрать и объединить весь доступный ему материал, чтобы получить отчетливые представления о том, перед кем из англичан в течение XIV—XV вв. раскрывалась, благодаря личному знакомству и переписке с итальянскими гуманистами, возможность приобщиться к новой культуре Ренессанса, к югу от Альп за эти века столь пышно расцветшей»³⁷.

Конструкция В.Э. Крусмана сталкивается с весьма серьезной проблемой. Его предположение не удастся доказать источниками³⁸. Дело в том, что английские адресаты, по признанию самого ученого, на направленные им послания не ответили, и даже непонятно, получили ли они эти письма. Точнее говоря, до нас дошла только одна эпистола Ф. Петрарки, обращенная к гуманисту Томаззо Калория, в которой он рассказывает о своем знакомстве с Р. де Бэри, а также три послания К. Салютати, адресованные непосредственно Т. Эрунделю. Поскольку прямой реакции английских адресатов на эти письма не существует, постольку В.Э. Крусман делает акцент на реконструкции их жизни и взглядов, чтобы «определить восприимчивость почвы, в которую из Италии были брошены семена»³⁹.

Однако имеющийся фактический материал, а Владимир Эдуардович проделал, даже по признанию критиков, огромную работу по анализу источников, содержащих информацию об интересовавших его лицах, не позволяет ученому в полном объеме воссоздать их взгляды. Данное обстоятельство вынуждает остановиться на «внешней истории», т.е. реконструкции биографии в определенном политическом и культурном контексте. Опираясь на опубликованный «актовый материал», В.Э. Крусман довольно подробно воссоздает биографии Р. де Бэри и

³⁶ *Tatham E.H.R.* Francesco Petrarca, the First Modern Man of Letters: His Life and Correspondence: A Study of Early Fourteenth Century (1304—1337). L., 1925. Vol. 1. P. 303.

³⁷ Крусман В.Э. На заре... С. IX. См. также: Крусман В.Э. Английский библиофил. С. 27—29.

³⁸ На это обратил внимание в своей рецензии на работу В.Э. Крусмана Н.И. Кареев (см.: Кареев Н.И. Был ли гуманизм в Англии XIV в. // Русские записки. 1916. № 3. С. 49—65). См. также: Бузескул В.П. Указ. соч. С. 50.

³⁹ Крусман В.Э. На заре... С. IX.

Т. Эрунделя — видных интеллектуалов, канцлеров Английского королевства. Кроме того, известны их интеллектуальные пристрастия — Ричарду де Бэри В.Э. Крусман на основании анализа «стиля и языка» приписывает трактат “*Philobiblon*”⁴⁰ (некоторые исследователи считали автором данного произведения Р. Холкота⁴¹) и связывает его с кружком Чосера⁴², а Томас Эрундель, действительно, посещал Италию и встречался с Колюччо Салютати⁴³. Однако для изначальной авторской гипотезы выводы получаются не совсем радостные: «Сделать из этого значительные выводы для истории английского гуманизма не придется. Эрундель отнюдь не был подготовлен к тому, чтобы, воспринять и в своей стране пропагандировать начинавшие в Италии тогда только крепнуть новые идеи»⁴⁴; «...странные чувства охватывают нас, когда мы ставим родоначальником английского гуманизма Ричарда де Бэри»⁴⁵. Таким образом, гуманистами в полном смысле этого слова данных персонажей назвать сложно. Историк, в конечном итоге, должен сделать следующий вывод: «Как ни соответствовал английский гуманист своему итальянскому современнику <...> у себя на родине он не выделялся как новый тип. За интересовавший автора период английский гуманист у себя дома не носитель нового просвещения, а просто носитель просвещения, не встает в непримиримый конфликт со средневековой культурной традицией, не порывает с Аристотелем, не в оппозиции к церкви (тем более что чаще всего сам входит в ее состав) — одним словом, как будто и не гуманист вовсе, а всего-навсего рядовой интеллигент, каких было немало среди его современников-англичан, ничего общего ни с Италией, ни с гуманизмом не имевших»⁴⁶. Автор пытается снять данный парадокс указанием на специфику английского гуманизма, который не порывал радикально со средневековыми культурными традициями, а прорастал из них. В этом плане говорить о радикальном разрыве между средневековой и ренессансной культурой не совсем корректно — вот, фактически, основной теоретический вывод работы В.Э. Крусмана. И, следовательно, продолжает он, термины «гуманизм» и «Возрождение» нуждаются в определенном пересмотре⁴⁷.

⁴⁰ Крусман В.Э. На заре... С. 230—246.

⁴¹ В современной историографии автором этого произведения считается Р. де Бэри, хотя подобная точка зрения преобладала без влияний аргументации В.Э. Крусмана. См.: *Ричард де Бэри. Филобиблон* / Ред. пер., прим., введ. статья Я.М. Боровского. М., 1984.

⁴² Крусман В.Э. На заре... С. 385—391.

⁴³ Там же. С. 505—513.

⁴⁴ Крусман В.Э. Архиепископ Кентерберийский... С. 45.

⁴⁵ Крусман В.Э. На заре... С. 1.

⁴⁶ Там же. С. XIV.

⁴⁷ Там же. С. XXI—XXVI.

Представляется, что «не востребованность» работ В.Э. Крусмана последующей историографией объясняется весьма просто. Во-первых, его гипотеза оказалась недоказанной. Автор просто написал подробную биографию двух крупных представителей английской политической и культурной элиты, но доказать их принадлежность к гуманизму, и уж тем более обосновать значимость влияния, оказанного на них итальянскими гуманистами, ему не удалось. Во-вторых, монография В.Э. Крусмана, опубликованная в годы Первой мировой войны в провинциальной Одессе на незнакомом большинству зарубежных специалистов русском языке, осталась, подобно трудам Л.П. Карсавина, П.М. Бицилли, попросту неизвестной европейским ученым. В-третьих, в западной науке примерно в эти годы, начиная с публикации работ К. Бурдаха (1915)⁴⁸ и Й. Хейзинги (1918)⁴⁹, происходит радикальный пересмотр буркхардтовской концепции Ренессанса. Определенное участие в критике принял хорошо знакомый В.Э. Крусману Л.П. Карсавин⁵⁰. И в этом плане концепция Владимира Эдуардовича оказалась «несвоевременной»⁵¹. Кстати сказать, сам В.Э. Крусман, зная об указанной «ревизии», считал классическую концепцию вполне жизнеспособной⁵². В-четвертых, советская историческая наука, во многом благодаря усилиям А.К. Живелегова⁵³ и М.А. Гуковского⁵⁴, воспринимала Возрождение как проявление раннекапиталистической идеологии, направленной против феодальной культуры, и в этом плане сама постановка вопроса о влиянии одних авторов на других и о формировании нового типа культуры представлялась некорректной. В Англии идет процесс генезиса раннекапиталистического уклада и, следовательно, совершенно закономерно складывание ренессансного типа культуры было обусловлено собственными социально-экономическими причинами. Хотя идея национальной специфики и существования различных региональных типов ренессансной культуры, может быть, не В.Э. Крусманом впервые высказанная, но им обоснованная, оказалась весьма востребована, так же как и вывод об отсутствии радикаль-

⁴⁸ Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004.

⁴⁹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.

⁵⁰ Карсавин Л.П. Джордано Бруно. Берлин, 1923.

⁵¹ В этой связи можно в определенной степени согласиться с оценкой В.Э. Крусмана как «старомодного историка», предложенной Б.С. Кагановичем. См.: Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики... С. 12.

⁵² Крусман В.Э. На заре... С. XXIV—XXV.

⁵³ Живелегов А.К. Начало итальянского Возрождения. М., 1925; Он же. Очерки итальянского Возрождения. М., 1929; Он же. Никколо Макиавелли // Макиавелли. Сочинения. М., 1934. Т. 1.

⁵⁴ Гуковский М.А. К вопросу о сущности так называемого «итальянского Возрождения» // Сборник памяти Карла Маркса 1883—1933. Л., 1933. С. 733—756; Он же. Итальянское Возрождение. Л., 1947. Т. 1—2.

ного разрыва между средневековой религиозностью и взглядами представителей «северного Ренессанса».

* * *

Среди тех, кто направил свои силы на публикацию научных исследований, было немало сотрудников, оставленных при кафедре, которые не очень «торопились» представить магистерские диссертации. Так, основным местом работы Николая Сергеевича Цемша⁵⁵ была Окружная мужская гимназия, где он преподавал всеобщую историю, латинский язык и заведовал библиотеками.

В представлении, рекомендующем оставить при кафедре Н.С. Цемша, И.М. Гревс писал: «Ведет он работу с большим воодушевлением, энергией и живым талантом, углубляется в документальные штудии свободно и легко, исследует памятник серьезно и оригинально. Несомненно, ему не достает еще опыта и законченной методической выдержки; но он стоит на правильной дороге, перспектива научного труда перед ним открыта, и для укрепления на таком пути надежного молодого работника и необходимо его поддержать»⁵⁶.

Круг научных интересов Н.С. Цемша, который среди представителей школы был особенно близок с С.И. Штейном⁵⁷, достаточно широк и связан, преимущественно, с изучением раннего западноевропейского Средневековья. Он был привлечен И.М. Гревсом для сотрудничества в «Новом энциклопедическом словаре», написал для этого издания более десятка статей⁵⁸.

В 1919—1920 гг. Николай Сергеевич работает на кафедре всеобщей истории Костромского университета, а по возвращении в Петроград сотрудничает с рядом учебных и научных организаций, в том числе Отделом рукописей Публичной библиотеки и ФОНом университета⁵⁹, на котором он вел занятия по Средним векам и в качестве доцента читал специальные курсы «Аграрный строй раннего Средневековья» и «Средневековая торговля».

Уже в послереволюционные годы начинают появляться в печати его первые самостоятельные научные исследования, посвященные исто-

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10497. Л. 1. См.: *Вольфицун Л.Б.* Забытое имя. Николай Сергеевич Цемш (1887—1936) // *Вольфицун Л.Б.* От Корбийского скриптория... С. 77—112.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10497. Л. 3.

⁵⁷ *Вольфицун Л.Б.* От Корбийского скриптория... С. 80.

⁵⁸ Для «Нового энциклопедического словаря» Н.С. Цемш написал статьи «Адальберт», «Адам Бременский», «Адольф Кельнский», «Адольф Нассауский», «Альдерман», «Артевельде», «Аахен», «Амстердам», «Амьен», «Бавария», «Генуя».

⁵⁹ *Вольфицун Л.Б.* От Корбийского скриптория... С. 82—92.

риографии западноевропейского Средневековья⁶⁰. Особенно активно ученый сотрудничал с критико-библиографическим журналом «Книга и революция». Написанные им статьи и рецензии демонстрируют широкую эрудицию автора как в различных вопросах истории Средних веков, так и в историографии в целом. В работе о проблеме происхождения французского средневекового города он дает широкий обзор историографии — от классических концепций (Брекиньи и О. Тьерри) до современного положения дел, выделяя основные этапы и общие тенденции эволюции вопроса. Особенно обстоятельно Н.С. Цемш останавливается на новаторских монографиях последних лет — трудах А. Люшера, Ж. Флакка и А. Пиренна⁶¹. С точки зрения школьной идентификации следует отметить, что исследователь специально обращается к монографии Н.П. Оттокара⁶², подчеркивая ее значимость: «Если и не

⁶⁰ Цемш Н.С. Проблема происхождения французского города в научной литературе // Россия и Запад. Пг., 1923. Вып. 1. С. 168—183; *Он же*. Аграрная проблема раннего Средневековья в новой научной литературе // *Анналы*. 1922. № 1. С. 53—61.

⁶¹ Цемш Н.С. Проблема происхождения... С. 172—180.

⁶² «Книга Оттокара представляет собой ряд этюдов по истории французских городов (Камбрэ, Нуайон, Бове, Суасон, Санлис) и, как таковая, не должна была бы войти в наш обзор. Однако в этой книге заключается и значительный общий интерес. Прежде всего в методологическом отношении. Как Люшер, Оттокар обходит вопрос о происхождении городских учреждений, но не потому, что этот вопрос казался ему неразрешимым при данном состоянии источников, а потому что сама постановка вопроса кажется ему беспредметной и призрачной. “Ибо само это разложение исторической действительности на ряды “институтов” и “явлений” есть не более, как бессильная попытка оторвать и зафиксировать частичные аспекты текучей исторической массы, неразрывно связанные с этой массой и только в ней понятные и живые”. Поэтому и всякие попытки дать на этой фиктивной почве обобщающие построения не могут быть результативными. В противоположность этому задачу свою и всякого исторического исследования Оттокар видит в изучении каждого отдельного города — это единственный исторический путь к разрешению задачи. При таком методологическом подходе Оттокар не мог дать ничего, кроме отдельных этюдов. Если в книге и есть более общие положения, то они носят критический характер, в направлении “раскрепощения и дематериализации исторических представлений”, связанных с французской городской историографией. Среди них наиболее бесспорным является отказ от представлений о первичном дуализме (город — предместье), имеющем столь основное значение во всех построениях историографии французских городов, особенно у различных местных историков. В противоположность этому дуализму Оттокар выдвигает мысль об исконной связанности и объединенности городского мира, по крайней мере в старых римских городах. Гораздо менее убедительным является его понимание коммуны. “Коммуна не есть определенная форма городской конституции. В понятие “коммунального” входит единственно признак ассоциативности, способности к коллективной солидарности. Только эта сторона, только этот момент в жизни городского мира определяется признаком солидарности”. Городская конституция, реальное проявление городской организации, не состоит ни в какой связи с идеей коммунальности и не

разделять пессимистической методологии Оттокара, нельзя не признать, что в своих критических частях она чрезвычайно сильна, основательно подрывая многие устои старых школ. И если только ей суждено стать известной французской науке, вряд ли может возникнуть сомнение в том, что в историографии нашей проблемы ей выпадет честь послужить исходным пунктом нового периода»⁶³.

Некое своеобразие положения Н.С. Цемша в сообществе петербургских медиевистов определяется его повышенным интересом к проблемам экономической, в первую очередь, аграрной истории Средневековья. Так, наряду с Д.М. Петрушевским, он одним из первых в отечественной историографии сочувственно высказался о теоретических построениях А. Допша. В статье «Аграрная проблема раннего Средневековья в новой научной литературе» исследователь подробно разбирает взгляды А. Допша (наряду с наблюдениями Г. Каро), оценивая их весьма положительно,⁶⁴ но, вместе с тем, отмечая отдельные недостатки концепции знаменитого австрийского историка⁶⁵. Н.С. Цемш признавал, что «новая школа» (А. Допш и Г. Каро) «не дала еще цельного построения аграрной эволюции раннего Средневековья. Пока оно еще ограничивается критикой, но старое здание, с таким трудом тщательностью и законченностью воздвигнутое Маурером, Инама-Штернеггом, Лампрехтом и др., грозит развалиться»⁶⁶. Критика «новой школы», по мнению ученого, обозначила проблемные моменты «классической концепции». Это, во-первых, преувеличение роли крупного землевладения в Каролингскую эпоху⁶⁷, во-вторых, «нет никаких оснований предполагать полного уничтожения класса свободных крестьян-собственников»⁶⁸, в-третьих, Н.С. Цемш считает продуктивной предпринятую А. Допшем критику

заклучена в так называемых «коммунальных хартиях», а является функцией разнообразных и весьма сложных условий, в которых развивался тот или иной город. Только тем, что многие из коммунальных хартий заключают в себе «лишь общее признание ассоциативной связи населения и потенциальной способности его к коллективному действию», можно объяснить себе, что одна и та же хартия оказывается у городов, развитие и политический строй которых совершенно различны» // Там же. С. 181—182.

⁶³ Цемш Н.С. Проблема происхождения... С. 183.

⁶⁴ Взгляды А. Допша на тот момент еще не превратились в одиозной жупел для советской историографии, борьба с которыми впоследствии рассматривалась в качестве одной из актуальнейших задач отечественной медиевистики.

⁶⁵ Цемш Н.С. Аграрная проблема... С. 60.

⁶⁶ Там же. С. 61.

⁶⁷ «И королевское и церковное землевладение не только постоянно растет, но и постоянно уменьшается» // Там же. С. 55.

⁶⁸ Там же. С. 57. «Констатирование свободной мелкой собственности в течение всей каролингской эпохи и после нее. значительный результат исследований Каро и Допша» // Там же. С. 58.

теории натурального хозяйства⁶⁹. Более того, медиевист полагает, что выводы, сделанные Г. Каро и А. Допшем на немецком материале, подтверждаются и на материале других районов средневековой Западной Европы. В этом плане историк считает неубедительной, например, критику концепции А. Допша, предпринятую Л. Альфаном⁷⁰.

Преимущественное внимание к социально-экономической проблематике сохраняется в трудах Н.С. Цемша и в последующие годы. Однако в его работах постепенно появляются и новые моменты. Так, в рецензии на монографию С. Инглота историк весьма убедительно противопоставляет концепции автора собственное понимание сущности средневекового колоната⁷¹. Он подчеркивает: «Римский колон не имеет ничего общего с эльзасским колоном XIII в.»⁷². Согласно Н.С. Цемше, «есть основания полагать, что колонат возникает именно сейчас (в XII—XIII вв. — А.С.), как следствие тех общих достаточно известных экономических явлений, которые пережила Европа в эпоху крестовых походов. Колонат — одна из форм более свободных держаний, которые как раз в это время получают распространение, как проявление начинающегося распада старого натурального барского хозяйства»⁷³. Хотя в то же время нельзя не отметить, что на критических суждениях Н.С. Цемша лежит и отпечаток эпохи: «Естественный основной дефект книги, не позволивший автору полностью овладеть проблемой, лежит в классовой ограниченности его методологии. Книга Инглота представляет типичную для буржуазных историков западноевропейского крестьянства попытку разрешить проблему социальной истории, исходя не из общего комплекса общественных явлений, а из преимущественно анализа формально-юридических признаков данных категорий. При таком условии ожидать успешного разрешения задачи, конечно, невозможно»⁷⁴.

Оценивая творчество Н.С. Цемша в целом, Л.Б. Вольфцун пишет: «Сохранившиеся после него работы представляют собой по большей части критические статьи и заметки, историографические обзоры, развернутые рецензии и комментированные переводы средневековых текстов. Тщательно и скрупулезно работая над материалом, постигая его с максимальной точностью, он готовил поле для будущих исследований»⁷⁵. И со-

⁶⁹ Там же. С. 59.

⁷⁰ Цемш Н. Новая книга об экономическом состоянии Каролингской монархии // *Анналы*. 1922. № 2. С. 278—279.

⁷¹ Цемш Н. Рец. на: Inglot S. Essai sur la vie rurale et les colognes d'Alsace (XI-e—XIII-e siecle) // *Исторический сборник*. Л., 1934. Вып. 1. С. 327—331.

⁷² Там же. С. 329.

⁷³ Там же. С. 330.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Вольфцун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 79.

держательно, несмотря на некий присутствующий в ней патетический пафос, с этой оценкой вполне можно согласиться.

В 1935 г. Н.С. Цемш был арестован и сослан в Оренбург, где скончался в 1936 г.⁷⁶ Даже в Оренбурге он не прекращал научную работу, вел активную переписку с О.А. Добиаш-Рождественской⁷⁷ и подготовил раздел для редактируемого ею издания по аграрной культуре Средневековья⁷⁸.

* * *

Примечательна фигура другого представителя петербургской школы медиевистики — Августа Августовича Тэнтела⁷⁹, проработавшего еще до поступления в университет около десяти лет учителем гимназии в Лифляндии и Санкт-Петербурге и заведовавшего библиотекой исторического семинария историко-филологического факультета. Н.П. Анциферов в своих воспоминаниях описывает А.А. Тэнтела как своеобразного «дядьку», воспитывающего младших товарищей⁸⁰. Занимавшийся в студенческие годы изучением творчества Бл. Августина Тэнтел затем переключился на источниковедческую, в частности, палеографическую проблематику. В ходатайстве о предоставлении ему заграничной командировки И.М. Гревс писал: «Тэнтел предпочитает заниматься историческими вспомогательными науками, главным образом палеографией, средневековой дипломатикой и исторической географией и познакомится с постановкой этих дел в Берлинском университете»⁸¹. Сдав в 1913 г. магистерские экзамены, повторной командировкой, которая должна была начаться в июне 1914 г., Тэнтел воспользоваться не сумел⁸², но в октябре 1916 г. был зачислен приват-доцентом в университет для чтения курса «Хронология Средневековья»⁸³. Одновременно он преподавал в Питершule, гимназиях и (с 1913 г.) обучал латыни на Высших естественнонаучных курсах Лесгафта. В ноябре 1920 г. ученый выехал в Ригу⁸⁴, где в общем-то его судьба сложилась весьма удачно. Август Августович преподавал в университете историю Рима и Средних веков, был

⁷⁶ Там же. С. 111.

⁷⁷ Там же. С. 99—110.

⁷⁸ *Цемш Н.С. Века VIII—IX. Сельскохозяйственная техника в каролингских текстах // Агрικультура в памятниках западноевропейского Средневековья. Переводы и комментарии / Под ред. О.А. Добиаш-Рождественской, М.И. Бурского. М.; Л., 1936. С. 41—124.*

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10495.

⁸⁰ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 280.

⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10495. Л. 9.

⁸² Там же. Л. 37.

⁸³ Там же. Л. 42.

⁸⁴ Там же. Л. 54.

в 1925—1927 гг. и 1929—1931 гг. ректором Латвийского университета, а в 1928 г. и 1935—1938 гг. — министром просвещения Латвии.

Единственная опубликованная А.А. Тэнтелем статья посвящена анализу историографии вопроса об «обращении» Августина и явно выросла из «августиновских» семинариев И.М. Гревса. В этой работе А.А. Тэнтел обращает внимание на проявившуюся в исторической науке конца XIX в. тенденцию, связанную с именами Г. Буасье и А. Гарнака, критического подхода к «Исповеди» как к историческому источнику, используемому для реконструкции жизненного пути Августина. Как известно, Г. Буасье и А. Гарнак, вопреки существовавшей традиции, определяли «Исповедь» как преимущественно литературное произведение, написанное с целью назидания и противоречащее диалогам кассициакского периода и ранним дошедшим до нас письмам святого. Появление «критической» концепции А. Гарнака и Г. Буасье, по словам А.А. Тэнтела, вызвало всплеск интереса к изучению источниковедческих проблем «Исповеди» и раскололо историографию на два лагеря — представителей традиционного и критического взгляда. «Вызов традиционному пониманию обращения был брошен, он был подхвачен массой последователей, которые пошли и в критике, и в резкости гораздо дальше первых попыток. Появились, как и следовало ожидать, писатели, ставящие своей задачей реабилитировать “Confessiones”»⁸⁵. Разбирая взгляды как представителей традиционного взгляда на проблему (Ф. Вертера), так и сторонников «критического направления» (Р. Шмидта, Гурдона, Й. Шеля), которому он уделяет гораздо больше внимания, А.А. Тэнтел приходит к выводу о том, что, во многом, в силу состояния источниковой базы, современная наука далека от разрешения этой проблемы. Однако при всех оговорках он, признавая необходимость специальной источниковедческой разработки ранних августиновских текстов, все-таки больше склоняется к сторонникам «критического» взгляда: «Думаю, что утверждение, что С. как исторический источник играют лишь второстепенную роль, роль весьма сомнительного свойства, не лишено основания. <...> Однако для всякого беспристрастного, свободного от вероисповедной односторонности человека ясно, что решение последует именно в этом направлении. Но это несколько не будет развенчанием Августина, а лишь низведение одного из его многочисленных произведений с того чрезмерно высокого положения, на которое оно незаслуженно поднято, и определением ему подобающего места среди других сочинений»⁸⁶. Как известно, последующая историография, вопреки мнению А.А. Тэнтела, во многом благодаря усилиям П. Курселя, «реабилитировала» тезис об источниковедческой репрезентативности «Исповеди» с учетом, естественно, ее стилистических особенностей.

⁸⁵ Тэнтел А.А. К вопросу об обращении бл. Августина // К 25-летию... С. 418.

⁸⁶ Там же. С. 429.

* * *

В 1913 г. после отбывания срока годичной высылки в связи с прошлой политической деятельностью в университет возвращается Георгий Петрович Федотов (1886—1951)⁸⁷. В 1913—1916 гг. он числится «оставленным при кафедре для приготовления к профессорскому званию»⁸⁸. В представленном на факультете отзыве И.М. Гревса, характеризуя своего ученика, конструирует уже знакомый нам дискурсивный образ: «В лице Г.П. Федотова в самом деле раскрывается талантливый и оригинальный, увлеченный и трудоспособный, очень ценный ученый, и не дать ему условий для благоприятного продолжения занятий значило бы надорвать хорошую и редкую духовную силу. Написанные им по моему поручению статьи (особенно “Каролингское Возрождение”) показывают в нем образовавшееся умение научно трактовать вопросы с полным знанием и иногда с тонким пониманием дела»⁸⁹. В 1913 г. молодой ученый ездил в Париж для работы в Национальной библиотеке. В 1916 г. сдал магистерские экзамены, Г.П. Федотов получает в университете приват-доцентуру⁹⁰. Однако вести

⁸⁷ Литература, посвященная жизни и трудам Г.П. Федотова, значительна и разнообразна. См., например: *Зайцева Н.Н.* Логика любви: Россия в историософской концепции Георгия Федотова. Самара, 2001; *Киселев А.Ф.* Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции). М., 2004; *Морозова М.Ю.* Проблема самоопределения России и отечественной интеллигенции в религиозной философии Г.П. Федотова. Ковров, 1999; *Рыбачук В.Б.* Философия культуры Г.П. Федотова. Тверь, 1996; *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. С. 273—348; *Иволина О.И.* Время свободы. Новосибирск, 2000. Однако большая часть этих работ посвящена анализу жизни и взглядов Г.П. Федотова эмигрантского периода, отраженных преимущественно в его публицистических трудах. Из работ, непосредственно посвященных его «доэмигрантскому» периоду, см.: *Антощенко А.В.* Студенческие годы Г.П. Федотова (по новым документам) // Всеобщая история и история культуры: петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 157—168; *Он же.* Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2008. Вып. 4. С. 50—75; *Он же.* Долгие сборы в Саратов (к биографии Г.П. Федотова) // Историографический сборник. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 72—82.

⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10765. Л. 1—4. Срок оставления при кафедре был определен с 16 марта 1913 г. по 16 марта 1916 г., но затем был продлен до конца 1916 г. Оставленный первоначально «без стипендии», он с 1914 года хлопотами И.М. Гревса стал получать ее (Там же. Л. 10—15). Подробнее об этом см.: *Антощенко А.В.* Годы магистерской подготовки Г.П. Федотова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (138) Февраль. С. 7—10.

⁸⁹ Там же. Л. 16.

⁹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10765. Л. 32—34. Показательно, что выбор Г.П. Федотовым семинария И.М. Гревса не случаен. Он напрямую связан с рекомендациями весьма почтительно относившейся к И.М. Гревсу (учившейся одно время на ВЖК) Т.Ю. Дмитриевой, в которую Г.П. Федотов был тогда влюблен и мнением которой очень дорожил (см.: *Антощенко А.В.* Студенческие годы... С. 161—164).

занятия в университете ему не пришлось. Начиная с 1913 г. он преподавал историю в коммерческом училище М.А. Шидловской, занимаясь в библиотеке сбором материала для своей магистерской диссертации «Святые епископы меровингской эпохи» и посещая семинар своего учителя»⁹¹. С декабря 1916 г. Г.П. Федотов числится «вольноопределяющимся» в Публичной библиотеке⁹². В 1919 г. он переезжает в родной Саратов, где начинает преподавать в местном университете историю Средних веков. В 1921 г. Г.П. Федотов возвращается в Петроград, а спустя четыре года — в 1925 г. — эмигрирует во Францию, становится известным православным мыслителем и публицистом.

Среди работ Г.П. Федотова, посвященных медиевистике⁹³, следует отметить исследование о письмах Бл. Августина⁹⁴, небольшую монографию о Петре Абеляре⁹⁵, статьи для «Нового энциклопедического словаря», а также ряд заметок и рецензий начала 1920-х гг.⁹⁶ Примечательно, что Г.П. Федотов был, наряду с О.А. Добиаш-Рождественской, единственным автором, участвовавшим в обоих юбилейных сборниках.

Если говорить о его контактах с другими представителями школы, то в студенческие годы ученый был близок с С.И. Штейном, фамилия которого достаточно часто встречается в письмах Г.П. Федотова; впоследствии он входил в кружок «Воскресенье» вместе с В.В. Бахтиным и Н.П. Анциферовым.

Первая статья выросла из доклада, который Г.П. Федотов делал на семинариях И.М. Гревса⁹⁷, и его медального сочинения⁹⁸. В этом исследовании молодой медиевист пытается на основании сохранившихся писем Гиппонского епископа проследить «христианизацию» его взглядов, т.е. понять, «когда и как Августин-неоплатоник сделался христианином, из искателя истины, философа, стал ее мнимым обладателем,

⁹¹ Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? С. 278.

⁹² Антощенко А.В. Долгие сборы... С. 74.

⁹³ За исключением Б.С. Кагановича и А.В. Антощенко, эти работы не привлекали внимания историографов.

⁹⁴ Федотов Г.П. Письма бл. Августина (Classis prima) // К 25-летию... С. 107—138.

⁹⁵ Федотов Г.П. Абельяр. Пг., 1924.

⁹⁶ Федотов Г.П. Чудо освобождения // Из далекого и близкого прошлого: сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И. Кареева. Пг.;М., 1923. С. 72—89; Он же. Боги подземелья. К истории средневековых культов // Россия и Запад. 1923. № 1. С. 11—35; Он же. К истории средневековых культов // Анналы. Пг.;М., 1923. № 2. С. 273—278; Он же. Феодальный быт в хронике Ламберта Ардского // Средневековый быт. Л., 1925. С. 7—29. Данные работы переизданы в первом томе собрания сочинений Г.П. Федотова.

⁹⁷ Свой «путь к Августину» Г.П. Федотов описывает в письмах того времени. См.: Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. М., 2008. Т. 12. С. 136—137.

⁹⁸ Сохранился сделанный И.М. Гревсом отзыв на эту работу. См.: Гревс И.М. [Отзыв] // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. М., 1996. Т. 1. С. 312—317.

апологетом церкви»⁹⁹. Последовательно рассматривая опубликованные аббатом Ж.-П. Минем ранние эпистолы Августина, предшествующие 395 г. (году начала его епископского служения), ученый показывает, как менялся стиль письма (и, соответственно, стиль мышления) великого Отца Церкви. «Мы видели, — пишет он, подводя итоги, — как напряженное, почти экстатическое искание открывающейся истины переходит в систематическую разработку философских основ его мирозерцания; как наряду с ростом убежденности в обладании истиной ослабевает интерес к вопросам чистого познания и выдвигается вперед религиозно-просветительская деятельность. Эта деятельность приводит к столкновению новых христианских элементов с традициями античной культуры и вместе с тем церкви с миром. Долгое время Августин живет в двойном свете — Христа и Платона — пока этот дуализм не преодолевается в практической работе церковного строительства»¹⁰⁰.

Остальные статьи, за исключением научно-популярной публикации об Абеляре, тематически связаны с проблематикой магистерской диссертации. Здесь выделяются, в первую очередь, две работы. В статье «Чудо освобождения», опираясь на агиографические памятники мерovingского времени, Г.П. Федотов анализирует отражение в источниках сложностей во взаимодействии в Галлии VI в. Церкви и королевской власти. В центре внимания исследователя оказывается один повторяющийся в житийной литературе мотив¹⁰¹: чудесное освобождение святым несправедливо осужденных или заключенных в темницу¹⁰².

Историк убедительно показывает, что «дело не в отношении церкви к правосудию, а в отношении ее к государственному правосудию, иными словами, в отношении ее к государству. Если бы мы имели возможность проследить реакцию церкви на другие функции государства: финансовое управление и войну, — мы убедились бы, что и к ним церковь стоит в той же позиции, какую она занимает к правосудию. Она игнорирует их значение, если не отрицает принципиально. Она борется с ними практически и дискредитирует их применением абсолютных норм Евангелия. <...> Здесь речь идет уже не об идеалах церкви, а о ее

⁹⁹ Федотов Г.П. Письма бл. Августина // Там же. С. 51.

¹⁰⁰ Там же. С. 79.

¹⁰¹ Федотов Г.П. Чудо освобождения... С. 124.

¹⁰² «После отказа судьи в освобождении узников, или даже не обращаясь к власти, святой молится над подземной темницей. Он слышит вопли заключенных, он обещает им освобождение. После, когда он удаляется, чаще ночью, — но никогда в его присутствии — цепи и запоры разбиваются, и преступники бегут обеспечить свою свободу: к святому, который, опираясь на впечатления чуда, представительствует за них перед властью, или же прямо в церкви, пользующуюся правом убежища. Судья, отказавший в освобождении, оказывается сам виновным, а иногда и наказанным» // Там же. С. 129.

политическом поведении. Действительно, отраженные в агиографии идеалы воплощались в правовые нормы. Героической борьбе пастыря с несправедливостью соответствует финансовый иммунитет. Чудо освобождения санкционирует право «убежища» и рост церковной юрисдикции. Со времени крушения империи франкская церковь живет с аполитичным сознанием, помогает не строить, а разрушать грубую, но единственно возможную форму варварского государства, с которым она внешне спаяна, — в ожидании тех времен, когда каролингские государи соблазнят ее новой идеей императорской теократии»¹⁰³.

В статье «Боги подземелья» Г.П. Федотов изучает один из примеров проявления «народной религиозности» меровингской Галлии, культ «гробниц святых». Явно продолжая исследовательскую тенденцию, заданную работами Л.П. Карсавина и О.А. Добиаш-Рождественской, ученый сосредоточил внимание на VI в., который он считает переходным временем. «Этим определяется интерес исследования, направленный одновременно к античному прошлому и средневековому будущему. Религиозность галльского общества VI в. есть тот основной фонд, из которого вырастает почти вся католическая культура Запада. Но вместе с тем она несет в себе тяжелый груз традиций; она не свободна от темных переживаний и дохристианских древностей»¹⁰⁴. Рассматривая народный культ «святых гробниц»¹⁰⁵, ученый реконструирует его «дохристианские» истоки¹⁰⁶ и значимый контекст представления о посмертном существовании¹⁰⁷.

Таким образом, обе рассмотренные статьи могут быть охарактеризованы как новаторские, оригинальные исследования, развивающие в то же время традиции школы И.М. Гревса.

В рецензии на книгу О.А. Добиаш-Рождественской Г.П. Федотов дает труду старшего коллеги, в целом, высокую оценку¹⁰⁸, но, тем не менее, высказывает ряд содержательных замечаний. В частности, он считает серьезным пробелом отсутствие реконструкции «путей» рецепции вос-

¹⁰³ Федотов Г.П. Чудо освобождения... С. 152—153.

¹⁰⁴ Федотов Г.П. Боги подземелья... С. 11.

¹⁰⁵ «Все своеобразие этого нового культа в том, что в основе его — не память о живой личности, подвижнике, мученике, аскете, даже не имя, сохраненное традицией церковных диптихов: в основе безымянные гробницы и вокруг них творимые легенды» // Там же. С. 11.

¹⁰⁶ Там же. С. 31.

¹⁰⁷ Там же. С. 36.

¹⁰⁸ «Историю одного культа автор берет на широко и смело набросанном культурном фоне, прослеживая его корни в иудео-христианском мифе, в натуралистических и этических воззрениях средневековья, и даже в политических его концепциях. Перед нами широко задуманное и оригинальное исследование» // Федотов Г.П. К истории средневековых культов... С. 273.

точного культа архангела Михаила в латинском Христианстве¹⁰⁹. Неубедительной представляется Г.П. Федотову и «история ангелопочитания в каролингское время», представленная О.А. Добиаш-Рождественской¹¹⁰.

В статье «Феодалный быт в хронике Ламберта Ардского» Г.П. Федотов, в соответствии с общей интенцией сборника, в который данный текст включен, пытается реконструировать повседневную жизнь, но только использует достаточно специфический источник — хронику. Традиционно считалось, что средневековые хроники практически не отражают повседневные реалии, фокусируя внимание лишь на «великих деяниях» (войнах, восшествиях на престол), тем не менее, Г.П. Федотову удается обнаружить элементы обыденной жизни в провинциальной «Истории графов Гинских», написанной в начале XIII в. «Посвященная графу Арнольду с явной целью снискать благословение его или его отца, она далека от лести и довольно свободно отражает целый ряд интересов своего образованного автора: генеалогический (это основная канва), антикварный, провинциально-патриотический, моральный и даже демократический. Все это, к счастью, подчинено основному вкусу к конкретному: к повествовательному, к описательному, к анекдотическому. Чего нельзя найти у Ламберта, так это широкого историко-политического интереса: его кругозор очень узок, но взгляд более чем пристален. Конечно, он весьма баснословен в передаче преданий и собственных домыслов, относящихся ко временам давно минувшим. Но в главах, посвященных 12 веку, — которыми только и пользуемся — а особенно там, где он пишет как современник, он почти всегда кажется заслуживающим доверия»¹¹¹. Исследователь скрупулезно реконструирует хозяйственную деятельность сеньоров и их развлечения, «культуру войны» в средневековой провинции, традиции воспитания и особенности гендерных отношений в феодальной среде, специфику бытовых взаимодействий феодалов с другими слоями общества.

Научно-популярная книга, посвященная Петру Абеляру, представляет собой биографию мыслителя в широком историческом и культурном контексте. Г.П. Федотов оказывается одним из первых в отечественной медиевистике авторов, который обращается к вызвавшей впоследствии ожесточенные споры проблеме Возрождения XII в. «В наше время уже померкло обаяние Ренессанса, и все отчетливее начинают обозначаться средневековые корни европейской культуры. Все яснее мы понимаем единство этой великолепной культуры, хотя и прорезанной линиями глубоких духовных и социальных революций. В создании этого, еще не имеющего имени един-

¹⁰⁹ Федотов Г.П. К истории средневековых культов... С. 275.

¹¹⁰ Там же. С. 275.

¹¹¹ Федотов Г.П. Феодальный быт... С. 9.

ства, быть может, главный труд и подвиг выпал на долю XII христианского столетия. Для средневековья оно центрально. Если не отрывать от него последнее поколение XI и первое поколение XIII века, то в эти полтора столетия создано все оригинальное и сильное в культуре средневековья. XI век — время начатков, первой культурной кристаллизации хаотических сил; XIII — время итогов, окончательного синтеза, но и охлаждения, некоторого разочарования в идеалах, понижение активности. В XII веке действуют все те силы, которые своей борьбой определяли судьбы нового времени, и многие из тех сил, которые ныне утасли. Амплитуда колебаний той эпохи, созданная напряженностью внутренних противоречий, не меньше, а вернее, больше нашего времени, но, в отличие от него, еще не утрачено органическое единство, создающее свой монументальный стиль»¹¹². При этом фигура Абельяра (именно личность, а не его философское учение¹¹³) оказывается прекрасным отражением общих тенденций эпохи. «Личность Абельяра интересует нас не в своей эмпирической случайности, но в ее культурно-историческом положении: на путях к Ренессансу. Удаленность этих явлений не должна смущать нас. В поисках корней Ренессанса давно уже спускаются в глубокое средневековье, а XII век в некоторых отношениях ближе к гуманизму, чем XIII. Так, например, о классицизме в XII столетии можно говорить с большим правом, чем в следующем за ним. Расцветшая «средневековая» культура оттеснила — до времени — еще слабые ростки иной культуры, которая пробилась сквозь нее не ранее XIV века. Абельяра принадлежал к «оттесненным» — некоторыми сторонами своей личности и дела. Другие пошли на постройку средневекового здания. Но, конечно, необходимо видеть его в целом, чтобы избежать ложной переоценки. Нашей задачей будет — нарисовать не столько характер, сколько самосознание Абельяра. Только самосознание есть явление культуры, а не природы. Но природный характер служит материей для этической переработки и оценки, нормы которых даются в культуре»¹¹⁴. Опираясь на «Историю моих бедствий», богословские и философские трактаты, а также письма Абельяра, труды и эпистолы современников (Элоизы, Бернарда Клерво-

¹¹² Федотов Г.П. Абельяра. С. 5.

¹¹³ «Личность Абельяра представляется нам интереснее его “дела”. Его философская работа отрывочна, незаконченна, неясна в своих очертаниях. Его литературное наследие едва ли может объяснить то огромное впечатление, которое его личность производила на современников. Ему удалось приковать к себе страстную любовь и страстную ненависть. Его эгоцентричность поражает в письмах, в автобиографии. Самосознание Абельяра должно привлечь внимание историка, который задумывается над генезисом Ренессанса. Если не отказаться от мысли видеть в Ренессансе прежде всего возрождение личности (как бы многозначно ни было это слово), то историк не может пройти мимо этого катастрофического взрыва личного самосознания в самой глубине средневековья» // Там же. С. 9—10.

¹¹⁴ Федотов Г.П. Абельяра. С. 62.

ского, Иоанна Солсберийского), ученый последовательно реконструирует биографию знаменитого «перипатетика из Пале», стремясь понять масштаб его уникальной, противоречивой личности, оценить особенности авторского самосознания и постичь созданный знаменитым схоластом удивительный образ «вечной любви»¹¹⁵. Таким образом, мы видим, что монография Г.П. Федотова, с одной стороны, выполнена в традициях школы И.М. Гревса (эволюционно-генетический подход, идеи «культурных гениев»), а с другой, — предвосхищает теоретические поиски в сфере истории культуры медиевистики последующего времени¹¹⁶.

Религиозная тематика оказалась для Г.П. Федотова не просто предметом исследования; постепенно он всё больше и больше погружается в нее. Так, ученый входит в кружок «Воскресенье», а в эмиграции, во многом в силу невозможности профессионально заниматься медиевистикой, становится христианским публицистом и профессором Богословского института в Париже.

* * *

В 1913 г. при кафедре были оставлены Семен Ильич Штейн и Георгий (Георгий-Карл-Юлий) Эдуардович Петри.

Сын университетского профессора, знаменитого географа Э. Петри¹¹⁷, Г.Э. Петри (1888—1942) занимался изучением политической борьбы в средневековой Италии и францисканством, а также, как многие коллеги, преподавал историю в средних учебных заведениях. В 1912 г., еще студентом, он принял участие в организованной И.М. Гревсом экскурсии в Италию¹¹⁸. Его кандидатское сочинение посвящено истории Каролингской империи¹¹⁹. В 1916 г. начал сдавать магистерские экзамены, но не за-

¹¹⁵«Но эта любовь сама представляет большую культурно-историческую проблему» // Там же. С. 90.

¹¹⁶Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М., 2000. С. 137—239.

¹¹⁷О семье Г.Э. Петри см.: Сирина А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. М., 2002. Вып. 1. С. 58—59. Старший брат Г.Э. Петри, известный археолог и антрополог, профессор Иркутского университета Б.Э. Петри, учитель А.П. Окладникова, М.М. Герасимова, Г.Ф. Дебеца, был репрессирован в 1937 г.

¹¹⁸Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 277—312. Сохранилось письмо Г.Э. Петри И.М. Гревсу, датированное 1912 г., в котором он говорит об огромном впечатлении, оставшемся после итальянской экскурсии. См.: ПФА РАН Ф. 726. Оп. 2. Д. 70. Л. 1—2.

¹¹⁹ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 70. Л. 1. В этом плане вряд ли можно согласиться с утверждениями А.И. Добкина о том, что Г.Э. Петри занимался изучением политической истории средневековой Италии, и Л.Б. Вольфцун, согласно предположению которой ученый основные усилия прилагал к исследованию ордена францисканцев. Он, безусловно, интересовался Франциском, но научные работы его непосредственно были посвящены другой тематике.

вершил, «в дальнейшем посвятил себя педагогической и экскурсионной работе»¹²⁰. С 1913 г. Г.Э. Петри преподавал историю в старших классах коммерческого училища Э.Ф. Мурашкинцевой, был в 1917—1918 гг. его директором, учительствовал в гимназии Г.К. Штемберга (1914—1918), в коммерческом училище М.А. Шидловской (1917—1918), в 6-й городской гимназии¹²¹. После преобразования последней в 21-ю школу Куйбышевского района в 1920—1929 гг. Г.Э. Петри стал в ее главе в качестве директора. Одновременно он — подобно своему учителю И.М. Гревсу и другу студенческих лет Н.П. Анциферову — активно занимался экскурсионным делом¹²². Еще в 1910 г. Г.Э. Петри стал участником т.н. Эрмитажного кружка по подготовке экскурсий для рабочих¹²³. С 1919 г. состоял сотрудником музейного отдела экскурсионного бюро Политпросвета, в 1922—1925 гг. штатным руководителем экскурсий в Коммунистическом университете им. Г.Е. Зиновьева, а с 1925 по 1930 г. — научным сотрудником секретариата экскурсионно-краеведческой комиссии Государственного института научной педагогики. Одновременно в 1925—1930 гг. Г.Э. Петри являлся доцентом факультета языка и материальной культуры ЛГУ¹²⁴. В 1930 г. был арестован по делу бюро краеведения, выслан в административном порядке в Северный край, где работал экономистом. В 1933 г., вернувшись в Ленинград, устроился в Музей истории религии АН СССР (в сектор истории религии феодальной эпохи в Западной Европе), а в 1935—1939 гг. — в Публичную библиотеку. В эти годы он возобновил занятия средневековой историей, опубликовав ряд работ в учебных изданиях¹²⁵ и попытавшись взяться за кандидатскую диссертацию, посвященную восстанию Дольчино¹²⁶. Однако дальнейшим изысканиям помешала война. Г.Э. Петри умер в ходе эвакуации в поезде, не доезжая Тихвина¹²⁷.

Таким образом, работы Г.Э. Петри по средневековой истории носили популярный и учебно-методический характер. Стоит обратить внимание на опубликованную Коммунистическим университетом им. Г.Е. Зиновьева брошюру «Исторические экскурсии по Эрмитажу». В этом

¹²⁰ Вольфцун Л.Б. Петри Георгий... // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. СПб., 2003. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде — Государственная Публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Шедрина 1931—1945. С. 436.

¹²¹ Там же.

¹²² Петри Г.Э. Опыт систематизации гуманитарных экскурсий // Вопросы экскурсионного дела. Л., 1923.

¹²³ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 403.

¹²⁴ Вольфцун Л.Б. Петри Георгий... С. 437.

¹²⁵ Петри Г.Э. Папство в XIV в. // Методическое пособие по истории. М., 1938; Он же. Кальвинизм и контрреформация // Там же.

¹²⁶ Вольфцун Л.Б. Петри Георгий... С. 437.

¹²⁷ Там же.

труде Г.Э. Петри принадлежит раздел «Аристократическая Испания и городская Голландия». В соответствии с местом издания, аудиторией и «веянием времени» в работе в «вульгарно-социологическом духе» дается противопоставление реакционной феодальной Испании XVI в. «прогрессивной» буржуазной Голландии¹²⁸. Данное «сущностное» противопоставление, согласно утверждению автора, должно служить ключом для понимания произведений живописи того времени (например, полотен Веласкеса), которые хранятся в собраниях Эрмитажа. Живописные шедевры, интерпретируемые в духе вульгарно-социологического искусствознания В.М. Фриче и А.К. Дживелегова 1920-х гг. (за которым порой просматривается влияние М.Н. Покровского, в том числе на терминологическом уровне), с точки зрения Г.Э. Петри, выступают в качестве иллюстраций «социологических» суждений. В этом плане второй раздел данного пособия, написанный Н.П. Анциферовым, выглядит гораздо более «умеренным» и традиционным.

* * *

С.И. Штейн (1887—1951), пасынок известного общественного деятеля И.В. Гессена, учившийся еще до поступления в Петербургский университет в университетах Гейдельберга и Фрайбурга, занимался изучением средневековых германских городов¹²⁹. Его кандидатское сочинение «Внутренний строй города Страсбурга в эпоху образования I хартии» было удостоено золотой медали. В 1913 г. С.И. Штейн, перешедший в Православие, побывал в заграничной командировке, а в 1914—1915 гг. сдал магистерские экзамены. В 1915 г. он в качестве приват-доцента вел в университете курс «Происхождение и развитие иммунитета в раннем Средневековье»¹³⁰. Под редакцией Л.П. Карсавина перевел на русский язык работу Г. Дэвиса, посвященную средневековой Европе. Его близкий знакомый Г.П. Федотов отмечает особый интерес С.И. Штейна к вопросам философии¹³¹, особенно проблемам, разрабатываемым в неокантианской традиции. После революции он вместе с семьей эмигрировал в Германию.

Единственными работами С.И. Штейна (не считая статей в «Новом энциклопедическом словаре»), посвященными западноевропейскому Средневековью, стали его рецензия на монографию австрийского медиевиста А. Допша и исследование «*“Familia ecclesiae”* (К интерпретации 1-й Страсбургской хартии)». В рецензии на книгу, ставшую событием

¹²⁸Петри Г.Э. Аристократическая Испания и городская Голландия // Петри Г.Э., Анциферов Н.П. Исторические экскурсии по Эрмитажу. Л., 1924. С. 3—25.

¹²⁹ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10688.

¹³⁰Там же. Л. 51.

¹³¹См.: Письма Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. М., 2008. Т. 12. С. 7—240.

в развитии медиевистики, молодой историк отмечает в качестве достоинства критическую направленность труда А. Допша, которого он считает последователем Г. фон Белова по отношению к устоявшимся стереотипам «классической» традиции. «Город был пасынком традиционной средневековой науки. Она душила его своими крупными поместьями, населяла его крепостными, ставила его развитие в зависимость от дальновидности политического и экономического расчета сеньоров. При таком положении выяснить свободные основы истории города, доказать внесеньориальность его происхождения — было, действительно, быть может, очередной и первой задачей. И надо сказать, что эта задача была блестяще выполнена новым направлением, столь блестяще, что в настоящее время можно с трудом найти защитника старых теорий происхождения города»¹³². С.И. Штейн поддерживает критику идеи об определяющей роли крупного землевладения в раннем Средневековье и теории «натурального хозяйства», называя проведенный А. Допшем анализ “*Capitulare de villis*” блестящим¹³³. Но при этом он отмечает, что у самого Допша нет целостной концепции. Рецензия С.И. Штейна была, наряду с отзывами Л.П. Карсавина, Д.М. Петрушевского и Д.Н. Егорова, первым откликом отечественной науки на появление работ А. Допша и, очевидно, взгляды австрийского медиевиста близки русскому ученому именно благодаря своей критической интенции.

В другом тексте С.И. Штейн анализирует устоявшееся в историографии и весьма спорное толкование оборота “*Familia ecclesiae*” как «технического термина», переводимого дословно как «семья церкви» и обозначающего «круг непосредственно подчиненных церкви людей»¹³⁴. С.И. Штейн считает, что подобная интерпретация «наталкивается на ряд трудностей»¹³⁵ (например, в параграфе VI) и приводит к определенным противоречиям при толковании 1-й хартии Страсбурга. Занимая ярко выраженную идеографическую позицию, исследователь предлагает собственное объяснение указанного термина. Суть ее сводится к тому, что в каждом разделе анализируемого источника; в зависимости от контекста, термин употреблялся в различных значениях. Данное выражение, по его словам, «обозначало совокупность лиц, объединенных по всевозможным и чрезвычайно различным между собой признакам»¹³⁶. Налицо очевид-

¹³²Штейн С.И. Рец. на: Dopsch A. Die Wirtschaftenwicklung der Karolingerzeit, vornehmlich in Deutschland // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. 2. Вып. 2. № 3. С. 71—72.

¹³³Там же. С. 73—78.

¹³⁴Штейн С.И. “*Familia ecclesiae*” (К интерпретации 1-ой Страсбургской хартии) // К 25-летию... С. 399.

¹³⁵Там же. С. 397.

¹³⁶Там же. С. 401.

ная близость основной интенции статьи С.И. Штейна, направленной на «критику стереотипов», работам авторов «критического направления» и, отчасти, взглядам Н.П. Оттокара (в определенной степени Л.П. Карсавина). И все же, в целом, следует согласиться с Б.С. Кагановичем, констатировавшим, что «эти его пересмотры были не слишком убедительны»¹³⁷.

* * *

В 1912 г. при Курсах была оставлена Лидия Иосифовна Олавская (1889—1975), ставшая впоследствии — с 1917 г. — сотрудником Публичной библиотеки¹³⁸. Она также принимала участие в экскурсионной поездке в Италию в 1912 г.¹³⁹ Л.И. Олавская была членом Исторического общества при Санкт-Петербургском университете и преподавала историю в средних учебных заведениях. Под руководством О.А. Добиаш-Рождественской занималась описанием и подготовкой к публикации средневековых латинских манускриптов, хранящихся в собрании Публичной библиотеки¹⁴⁰. В библиотеке в 1920-е гг. Л.И. Олавская активно включилась в развитие справочно-библиографической службы¹⁴¹, отойдя от медиевистических штудий. Одновременно исследовательница увлекалась переводом художественной литературы, в частности, романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо». В 1935 г. Л.И. Олавская была сроком на пять лет выслана из Ленинграда. Вернулась в город на Неве она уже после войны, продолжив работать библиотекарем сначала в Публичной библиотеке (1945—1950), а затем в Фундаментальной библиотеке Медицинского педиатрического института, которой заведовала с июля 1951-го по август 1970 г.¹⁴²

* * *

Александр Алексеевич Гизетти (1888—1938), близкий родственник И.М. Гревса¹⁴³, поступил в университет в 1907 г.¹⁴⁴ Уже в студенческие годы он активно занимался общественной и литературной

¹³⁷Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики... С. 13.

¹³⁸Вольфшун Л.Б. Олавская Лидия Иосифовна // Сотрудники Российской... СПб., 1995. Т.1. Императорская публичная библиотека. 1795—1917. С. 390.

¹³⁹Человек с открытым сердцем... С. 285.

¹⁴⁰Добиаш-Рождественская О.А. Заметки и извлечения из латинских рукописей Санкт-Петербургской Императорской публичной библиотеки // Историческое обозрение. 1914. Т. 19, прил. 1—20. Участие Л.И. Олавской в работе отмечено в тексте.

¹⁴¹Вольфшун Л.Б. Олавская... С. 390.

¹⁴²Там же. С. 392.

¹⁴³А.А. Гизетти был сыном двоюродной сестры Гревса Натальи Дмитриевны Гизетти (урожденной Бекаряковой) и, соответственно, родным племянником Елены Дмитриевны Лаппо-Данилевской (урожденной Бекаряковой) — жены другого известного петербургского историка А.С. Лаппо-Данилевского. Юношескую переписку И.М. Гревса с Н.Д. Гизетти см. в кн.: Человек с открытым сердцем... С. 59—85.

¹⁴⁴ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 222. Л. 31.

деятельностью, был одним из организаторов в 1910 г. студенческого «кружка по внешкольному просвещению»¹⁴⁵, т.н. Эрмитажного кружка, куда кроме него из учеников И.М. Гревса входили Г.Э. Петри и Н.П. Анциферов. По свидетельству Н.П. Анциферова, вскоре после создания кружка А.А. Гизетти отошел от его руководства, сосредоточившись на другой деятельности¹⁴⁶. Прежде всего, публиковался (с 1909 г.) в периодических изданиях либерально-народнической ориентации — журналах «Голос минувшего», «Русское Богатство», «Заветы»¹⁴⁷, впоследствии редактировал газету «Народное дело» и журнал «Народная мысль» вместе с П.А. Сорокиным, а также преподавал историю в средних учебных заведениях столицы. А.А. Гизетти был членом основанного по инициативе П.А. Сорокина Социологического общества им. М.М. Ковалевского, редактировал издание собрания сочинений П.Л. Лаврова и позднее читал курс «История русской социологической мысли» в созданном в 1919 г. Социологическом институте¹⁴⁸. Кроме того, А.А. Гизетти — активный член партии эсеров, из-за чего находился под наблюдением. В 1911 г. был «по политическим причинам удален из Университета»¹⁴⁹ и отправлен в Пермскую губернию¹⁵⁰. Дважды — в 1915 г.¹⁵¹ и 1916 г. — его арестовывали, а в последнем случае по постановлению Министерства внутренних дел даже собирались выслать в Иркутскую губернию.¹⁵² Не известно, было ли это постановление реализовано, однако уже в 1917 г. А.А. Гизетти избрали членом Учредительного собрания, вследствие чего он принимал участие в заседании 5 января 1918 г.¹⁵³ Принадлежность к партии эсеров привела к непростым отношениям А.А. Гизетти с советской властью. Он неоднократно арестовывался (1919, 1921), но всё-таки в этот период, сотрудничая с различными структурами Академии наук, в частности, работая в Библиотеке, плодотворно занимался литературной деятельностью, опубликовав ряд исследований, посвящен-

¹⁴⁵ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 202—206.

¹⁴⁶ Там же. С. 205.

¹⁴⁷ Гизетти А.А. Индивидуализм и общественность в мировоззрении Н.К. Михайловского // Заветы. 1914. № 1; Он же. О мирозозерцании Вл. Соловьева // Там же. 1914. № 2.

¹⁴⁸ Развитие социологии в России с момента зарождения до конца XX века / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2006. С. 168.

¹⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 222. Л. 31.

¹⁵⁰ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 281.

¹⁵¹ Добкин А.И. Комментарии... С. 436.

¹⁵² РЦГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Д. 202.

¹⁵³ Протасов Л.Г. Люди... С. 281.

ных русской литературе и общественной мысли¹⁵⁴. В Вольной философской ассоциации (Вольфиле)¹⁵⁵, одним из «учредителей» которой был Л.П. Карсавин, а активным участником И.М. Гревс, А.А. Гизетти вел кружок «Философия народничества» и выступал с докладами по философской проблематике. В 1933 г. его арестовали и сослали на Соловки. Умер он в 1938 г. в тюрьме¹⁵⁶.

Активная деятельность не помешала А.А. Гизетти попытаться «остаться при Университете для подготовки к профессорскому званию». В 1913 г. он экстерном сдает государственные экзамены для получения диплома историко-филологического факультета¹⁵⁷. «Тогда же, в 1913 году, состоялось постановление Совета профессоров об оставлении Гизетти при Университете по кафедре всеобщей истории¹⁵⁸, но это постановление не могло быть предоставлено на утверждение Попечителя Учебного Округа, так как неоднократно возбуждавшееся Гизетти ходатайство о выдаче необходимого для этой формальности свидетельства о политической благонадежности получало систематический отказ в С.-Петербургском Градоначальстве»¹⁵⁹. После Февральской революции А.А. Гизетти получил официальный статус оставленного при университете (до 1 февраля 1919 г.). Однако только после разгона большевиками Учредительного собрания он сумел сосредоточиться на исследовательской работе. В личном архиве И.М. Гревса содержится отчет А.А. Гизетти о научной деятельности за 1918/19 учебный год. Он представляет собой преимущественно изложение планов о сдаче магистерских экзаменов, с приложением рукописного наброска статьи, отражающего «общую идею» его диссертации.

Дальше этого, судя по всему, работа А.А. Гизетти по истории Средних веков не продвинулась.

Тема магистерской диссертации А.А. Гизетти была тесно связана с проблематикой семинарских занятий, проводимых И.М. Гревсом, и формулировалась так: «К вопросу о средневековом мирозерцании ("De Civitate Dei" и "Divina Comedia")». Основным источником буду-

¹⁵⁴Гизетти А.А. От декабристов до наших дней. Пг., 1917; *Он же*. Стихия и творчество (русская литература перед лицом революции) // Мысль. Пг., 1918. Вып. 1. С. 243—245; *Он же*. Мирозерцание Герцена. Пг., 1920; *Он же*. П.Л. Лавров и Вл. Соловьев. Опыт сравнительной характеристики. Пг., 1922.

¹⁵⁵Белоус В. Вольфила (Петроградская вольная философская ассоциация) 1919—1924. Кн. 1. Предыстория. Заседания. М., 2005.

¹⁵⁶Протасов Л.Г. Люди... С. 281.

¹⁵⁷ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 222. Л. 31.

¹⁵⁸Не совсем понятно, сыграли ли в принятии такого решения свою роль родственные связи А.А. Гизетти. Это представляется вполне возможным, хотя документальных подтверждений у нас нет.

¹⁵⁹ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 222. Л. 31 об.

шей работы, таким образом, служили хорошо известные и в то же время наиболее любимые И.М. Гревсом «классические» средневековые тексты. А.А. Гизетти, кстати сказать, посещал в ходе учебы в университете и в последующие годы семинарии «по Августину» (в 1908 г. по «Исповеди», в 1913/14 г. и 1914/15 г. — по Августину и пелагианству) и «по Данте» (1910 г.). Представленный научному руководителю текст посвящен, во-первых, критическому анализу самого понятия «средневековое миросозерцание», а во-вторых, очень конспективному обозначению сходств и различий «мировоззрения» Августина и Данте, которые скорее абстрактно-спекулятивно декларируются¹⁶⁰. А.А. Гизетти, например, критикует Г. Эйкена за попытку реконструировать целостное средневековое миросозерцание как некую систему¹⁶¹. Александр Алексеевич считает, что общество прошлого, согласно современным научным представлениям, было неоднородно и, следовательно, в самом лучшем случае можно говорить о нескольких типах мировоззрения. Впрочем, Гизетти все-таки признает, что термин обладает определенной эвристической значимостью («...все же вряд ли возможно отказаться от термина»¹⁶²) при изучении элитарной письменной культуры западноевропейского Средневековья. И вслед за этим он обосновывает близкое И.М. Гревсу и в то же время классическому народничеству представление о роли выдающихся личностей в истории — тех, кто улавливает веяние времени и в соответствии с ним формулирует или отражает определенные идеи. Исследователь подчеркивает, что «всякое общество неизбежно выделяет из себя такие творческие умы («интеллигенцию» в самом широком смысле этого слова), людей, которые умеют разглядеть новое в самом зарождении и рано начинают бить тревогу или приветствовать расцвет «петушиным криком». Такова роль Августина на фоне «христианской античности» IV в., такова роль Данте как последнего гармонического выразителя средневековых идеалов на заре XIV века. В пределах этого периода определенная совокупность руководящих идеалов миропонимания заявляет себя как «власть имеющая», представители ее целостны и уверены в своей силе — правде»¹⁶³. Два избранных текста, по мнению автора, наиболее полно передают мировоззрение эпохи, что делает продуктивным срав-

¹⁶⁰ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 222. Л. 1—24.

¹⁶¹Там же. Л. 4. Имеется в виду известное исследование Г. Эйкена «История и система средневекового миросозерцания», русское издание (СПб., 1907) сопровождавшееся предисловием И.М. Гревса, в котором немецкий ученый при оценке высокой значимости его работы подвергся мягкой критике за недостаточный эволюционизм и «статичку».

¹⁶²Там же. Л. 5.

¹⁶³ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 222. Л. 7.

нение между ними. «По этим двум памятникам творческой мысли можно восстановить основной духовный капитал “верхов” средневекового образованного общества, сравнивая их, можно заметить в каком направлении развивалось это общество и как эволюционировали, постепенно усложняясь, его идеалы»¹⁶⁴. Затем исследователь предпринимает конспективное сравнение отражения «мировоззрения» двух изучаемых персонажей в их собственных работах, следуя методике, очень близкой к той, что применялась в семинариях И.М. Гревса. Выделяются некие базовые категории (например, «любовь», «предопределение»), выявляется смысловая нагрузка, значение данных понятий в анализируемых источниках, а затем проводится сравнение. Однако поскольку, как уже говорилось, собственно к тексту источника А.А. Гизетти в своей работе не обращается, то невозможно определить, насколько корректны и продуктивны сделанные им выводы. Впрочем, вряд ли можно согласиться с А.И. Добкиным, характеризующим магистерскую диссертацию А.А. Гизетти как «выполненную»¹⁶⁵. Дальше конспекта дело не пошло.

* * *

В 1914 г. при кафедре был оставлен окончивший университет с дипломом первой степени Николай Николаевич Розенталь (1892—1960), родившийся в Ревеле в семье «мещанина немецкого происхождения»¹⁶⁶. Он фиксировал в своем «жизнеописании»: «Моя исследовательская работа сосредоточилась главным образом на изучении источников по истории поздней римской империи, средневековой Италии и Франции»¹⁶⁷. С 1915 г. Н.Н. Розенталь преподавал историю в Тенишевском училище¹⁶⁸, которое когда-то (в 1910 г.) сам окончил. В том же году вступил в Религиозно-философское общество в качестве корреспондента газеты утренние «Биржевые ведомости»¹⁶⁹. В 1917 г. состоял в партии кадетов, в связи с чем дважды (в декабре 1918 и сентябре 1919 гг.) арестовывался советской властью.

В 1918 г. Николай Николаевич сдал магистерские экзамены, а спустя пять лет, в 1923 г., опубликовал первую научно-популярную работу, по-

¹⁶⁴ Там же. Л. 8.

¹⁶⁵ Добкин А.И. Примечания. С. 471.

¹⁶⁶ Архив ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 3. Д. 565. Л. 6. О нем см.: Лебедева Г. Е., Якубский А. В. Первый заведующий кафедры истории Средних веков // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2006. Вып. 5. С. 3—22; Брачев В. С. Судьба профессора Н.Н. Розенталя (1892—1960) // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 145—160.

¹⁶⁷ Архив ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 3. Д. 565. Л. 6.

¹⁶⁸ Там же. Л. 2 об.

¹⁶⁹ Брачев В. С. Судьба профессора... С. 147.

священную религиозным взглядам Юлиана Отступника¹⁷⁰, безусловно, тематически связанную с лекционными курсами И.М. Гревса. В этом небольшом труде без особых претензий на оригинальность автор, опираясь, главным образом, на «Историю» Аммиана Марцеллина, сочинение Либания и произведения самого Юлиана, пытается выявить причины антихристианской политики императора и исследовать особенности его религиозных взглядов. Акцент делается на связи учения и личности Отступника. «Объяснение <...> специфического характера религиозности Юлиана, конечно, следует искать в особенностях всей его духовной организации»¹⁷¹. Н.Н. Розенталь подчеркивает, что он изучает именно «религиозную сторону»¹⁷² жизни Юлиана. В советской печати книга была подвергнута критике за «реакционный идеализм».

Однако в это же время Н.Н. Розенталь начинает активно сотрудничать с образовательными учреждениями, созданными новой властью. С 1920-го по 1929 г. он преподает в Коммунистическом университете им. Г.Е. Зиновьева¹⁷³, а с 1927 г. — в институте Толмачева (впоследствии военно-политической академии). Вскоре появляются его работы, ярко окрашенные марксистской фразеологией. Сам он определял их как первые марксистские пособия по «истории средневековой Европы»¹⁷⁴, и подобная оценка не лишена оснований. Если не считать посвященных Средневековью разделов в учебниках по «истории общественных форм», штудии Н.Н. Розенталя, действительно, представляют собой первую попытку построения нового («советского») типа исторического нарратива¹⁷⁵, а их автор, наряду с А.Г. Пригожиным, пожалуй, выступает в качестве «нового типа» медиевиста. Показательно, что в эти годы Н.Н. Розенталь активно дистанцируется от «старой медиевистики» и не участвует в различных коллективных проектах школы (например, в сборниках научных статей). В серии работ, в соответствии с жанром учебного пособия, автор не столько стремится к открытию малоизвестных фактов и решению проблем, сколько пыта-

¹⁷⁰Розенталь Н.Н. Юлиан Отступник (трагедия религиозной личности). Пг., 1923.

¹⁷¹Там же. С. 73.

¹⁷²Там же. С. 104. «Исторический Юлиан был прежде всего глубокорелигиозный человек. Мы убеждаемся в этом, вчитываясь в собственные признания Отступника, в его богословские сочинения, полемику с христианством, частные письма. То же говорят нам все сведения, оставленные о нем его современниками, как единомышленниками, так и врагами» // Там же. С. 9.

¹⁷³Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 565. Л. 2 об.

¹⁷⁴Там же. Л. 6 об.

¹⁷⁵Розенталь Н.Н. История Средних веков. Ч. 1. Раннее Средневековье. Л., 1924; Он же. Позднее Средневековье. Л., 1925; Он же. Томас Мюнцер. Л., 1925; Он же. История в эпоху торгового капитализма. Л., 1927; Он же. Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье // Ученые записки РАНИОН. 1928. № 6; Он же. Древние германцы // История в средней школе. 1934. № 2; Он же. Возникновение варварских государств // Там же. 1934. № 2.

ется дать широкому кругу «неподготовленных читателей» некое систематическое представление о средневековой истории. Авторский целостный взгляд строится на принципиально новых — марксистских — позициях. На тот момент марксистская теория социально-экономических формаций, а равно и представление о природе феодального общества еще не приняли каких-либо законченных очертаний, а потому историку приходилось изыскивать такие факты и свидетельства прошлого, и опираться на такие историографические интерпретации, которые не вступали в очевидное противоречие с новыми идеологическими и методологическими установками. И все же он, насколько возможно, пользуется и результатами старой «буржуазной» науки. Рассмотрение средневековой истории ученый начинает с характеристики экономического строя. Так, описывая основные тенденции экономической жизни классического Средневековья, Николай Николаевич отмечает: «К концу XI столетия в экономической жизни Западной Европы замечаются значительные перемены. Повсюду начинает расширяться производство, содействуя росту потребностей у населения и ослаблению его прежней замкнутости. Все большее значение приобретает ремесло на сбыт, выходящее за пределы самодовлеющего поместного хозяйства. Между окрестными областями начинается планомерное разделение труда. Этот процесс, естественно, вызывался скоплением в руках владельцев поместий хозяйственных излишков, образовавшихся путем присвоения продуктов прибавочного труда зависимых крестьян. То, что не поглощалось самим помещиком и его дворней, могло служить ему материалом для обмена. Вместе с тем, не испытывая более нужды в одних предметах, собственник начинал поощрять производство других, руководствуясь степенью их необходимости и легкостью изготовления»¹⁷⁶. Рост промышленности вел к развитию городов, которые стали центром концентрации «торгового капитала» (в этих работах историк позиционирует себя как последователь политически актуальных идей М.Н. Покровского, активно употребляя его терминологию). «По мере того как расширялся внешний рынок, в руках средневекового купечества скоплялись неслыханные прежде денежные капиталы. Рост внешнего рынка заключал в себе смертельную угрозу старинному замкнутому хозяйству. <...> Складывающийся в городах торговый капитал нуждался для своих оборотов в изделиях местного производства.

Сложившись в процессе товарной и денежной торговли, капитал все глубже вторгался и в область производства, разрушая ее узкие средневековые рамки. Возникновение капиталистического хозяйства составляет начало нового, своеобразного периода в истории Западной Европы»¹⁷⁷.

¹⁷⁶Розенталь Н.Н. Позднее Средневековье. С. 3.

¹⁷⁷Там же. С. 15—19.

Экономические процессы, подчеркивает историк, определяют социальные, а те, в свою очередь, детерминируют политические. «Исторический период, получивший название феодального, часто рассматривается вообще как переходное звено от родового строя к капиталистическому, но, согласно точному смыслу слова, он должен быть ограничен более узкими хронологическими рамками. По сравнению с предшествующим периодом сеньориального распада общества феодализм является эпохой упрочнения экономического и политического порядка, совершающегося в условиях натурально-хозяйственного быта под влиянием растущего обмена. Процесс превращения прежних самостоятельных сеньорий в зависимые феодалы, на основе установления личных и земельных связей между владельцами, начался в Европе в XI веке и продолжался вплоть до возрождения государственного единого общества»¹⁷⁸. В этой связи Н.Н. Розенталь рассматривает эволюцию политического строя от раннего государства через феодальную раздробленность к сословно-представительной монархии и абсолютизму, который, естественно, является политическим оружием в руках торгового капитала¹⁷⁹.

Средневековая культура, в его освещении, предстает формой идеологической надстройки феодального общества. «В выработке христианской идеологии большую роль сыграло идеалистическое учение Платона с его резко выраженным отрицательным отношением к земной действительности. Это учение легло в основу пессимистического мирозерцания величайшего теоретика раннего средневековья — бл. Августина и неоднократно развивалось позднейшими его последователями»¹⁸⁰. Как видим, оценка Августина, данная Н.Н. Розенталем, прямо противоположна тому подходу, который присутствовал в семинариях его учителя И.М. Гревса, так же как совершенно иным является и общая трактовка культурных процессов и понимание «сущности» культуры.

Н.Н. Розенталь стал одним из первых советских медиевистов, обратившихся к изучению классовой борьбы в средневековом обществе. Активно используя марксистскую, актуальную с точки зрения политической ситуации фразеологию, он описывает в своей научно-популярной книге деятельность Т. Мюнцера. Характеризуя далекую эпоху, автор отмечает: «Классом, одинаково эксплуатировавшимся в позднее Средневековье как феодальной знатью, так и городами, являлось многомиллионное крестьянство»¹⁸¹. Дальнейшая логика его рассуждений строится с опорой на работу Ф. Энгельса (в данном случае, у автора была возможность определенно опираться на труды классика). «Благо-

¹⁷⁸ Там же. С. 27—28.

¹⁷⁹ Там же. С. 45—76.

¹⁸⁰ Там же. С. 77.

¹⁸¹ Розенталь Н.Н. Томас Мюнцер. С. 13.

даря специфическому характеру средневековой культуры, социальные идеи того времени обычно получали религиозную окраску»¹⁸². Учитывая научно-популярный («агитационный») характер работы, автор мог позволить себе определенную модернизацию: «В эпоху гуситских войн религиозный коммунизм свил себе прочное гнездо в целом ряде чешских промышленных городов и принял в сознании их населения резко-революционный характер. <...> Коммунисты активно стремились к установлению новых общественных порядков, считая себя призванными исполнителями божественной воли. Воинствующий коммунизм в Чехии, несмотря на несколько одержанных им блестящих побед, должен был пасть, вследствие подавляющего превосходства сил его классовых врагов»¹⁸³. Отсюда вытекает и трактовка крестьянской войны в Германии, совпадающая с «каноническим» образом, предложенным Ф. Энгельсом¹⁸⁴. Совершенно очевидно, что, пытаясь подстроиться под «актуальные тенденции», Н.Н. Розенталь резко меняет свои взгляды и становится в 1920-е гг. одним из представителей, говоря словами последующего десятилетия, «вульгарно-социологизаторского» подхода в изучении средневековой истории. Возможно, в данном случае, сыграла свою роль и боязнь «кадетского» прошлого, как у некоторых его коллег¹⁸⁵. Кроме того, смена ориентации (как политической, так и методологической) давала ему возможность профессиональной мобильности в новых условиях¹⁸⁶.

Н.Н. Розенталь активно выступает в печати как один из борцов за «подлинно марксистский подход к изучению средневекового общества», резко критикуя буржуазную науку¹⁸⁷. В статье «Маркс и буржуазная историческая наука о буржуазном феодализме» уже четко проявляется столь значимая для советской историографии после трудов М.Н. Покровско-

¹⁸² Там же. С. 18.

¹⁸³ Там же. С. 18—19.

¹⁸⁴ «В те дни, когда Германия начинала прислушиваться к демагогическим словам саксонского придворного богослова, в той же Саксонии созрел ее подлинный народный реформатор, проповедник революционного коммунизма — Томас Мюнцер» // Там же. С. 24.

¹⁸⁵ *Формозов А.А. ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932—1934 гг. // Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М., 2004.*

¹⁸⁶ В данном случае похожей фигурой в московской медиевистике, конечно, является А.Д. Удальцов (см.: *Свешников А.В. Официальный историк/ученый администратор: А.Д. Удальцов // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х—середина 1950-х гг. / Под ред. В.П. Корзун. М., 2011. С. 373—400.*)

¹⁸⁷ *Розенталь Н.Н. Маркс и буржуазная историческая наука о западноевропейском феодализме // Известия ГАИМК. М.;Л., 1934. Вып. 84. С. 87—104.*

го концепция кризиса буржуазной исторической науки¹⁸⁸ и соответствующая оценка современной зарубежной историографии. «К сожалению, нужно признать, что все то, что писалось в последнее время о западноевропейском феодализме, ни в какой степени не выдерживает критерия научности. Нет надобности, конечно, останавливаться на новейших произведениях буржуазной историографии, которая в эпоху загнивания капитализма окончательно утратила способность “исторического разума”. Лучшее, что могут сделать современные буржуазные историки, сводится к лабораторному изучению отдельных памятников прошлого, дающему во всех смыслах слова “микроскопические результаты”. Но и эта возможность ускользает от них, так как их ослепленный классовыми шорами взгляд уже не в силах проникнуть в истинный смысл источника и правильно истолковать его содержание. А в тех случаях, когда они пытаются встать на широкий путь синтеза, они подменяют историческое исследование апологией капитализма, как Допш и его последователи, или даже доходят до возрождения “диалектики” блаженного Августина, как, например, Карсавин»¹⁸⁹. Однако статья написана в тот период, когда после разгрома школы М.Н. Покровского и самому автору, в соответствии с формирующимся новым канонem поведения профессиональных историков, приходится публично каяться в своих грехах. «Но что говорить об откровенных идеологах буржуазии, если и те историки, которые считают себя последователями Маркса, еще далеко не изжили отрицательных сторон буржуазного наследия. Многие из так называемых историков-марксистов, в том числе и пишущий эти строки, в своих работах о феодализме повторили те положения, несостоятельность которых была давно разоблачена Марксом и Энгельсом. К этим положениям принадлежит прежде всего непонимание исторического процесса как процесса диалектического развития общественных формаций. Без уяснения данного основного вопроса не может быть вообще решена ни одна проблема исторической науки. Непонимание этого обусловило подавляющее большинство частных ошибок, постоянно допускаемым при изучении феодализма. В числе наиболее грубых ошибок следует отметить, например, 1) неправильную концепцию западноевропейского феодализма как низшей стадии общественного развития, по сравнению с античным рабовладением; 2) отрицание революционного периода перехода от рабства к феодализму; 3) недооценку исторически-прогрессивной роли германцев; 4) непонимание феодальной сущности средневекового города и исторически развившихся форм политической организации общества; 5) непонимание процесса

¹⁸⁸ «К концу 40-х гг. XIX века, когда впервые сложилось марксистское мировоззрение, буржуазная историческая наука уже достигла того уровня развития, за которым для нее уже вскоре наступил период упадка» // Там же. С. 87.

¹⁸⁹ Розенталь Н.Н. Маркс и буржуазная историческая наука... С. 104—105.

возникновения капитализма и механистическое конструирование особых промежуточных формаций между феодализмом и капитализмом; б) игнорирование революционного движения масс, охватывающего всю эпоху феодализма и т.п.»¹⁹⁰. Сам факт подобного покаяния говорит о главном: репутация «вульгарного социологизаторства» на тот момент уже прочно (и не без основания) закрепилась за трудами Н.Н. Розенталя.

В 1934 г. после восстановления вузовского исторического образования в СССР именно Н.Н. Розенталь стал первым заведующим кафедрой истории Средних веков ЛГУ, в котором он работал с 1924 г. И хотя ученый продержался на этой должности недолго, ему удалось привлечь на кафедру, наряду с молодыми кадрами, своих бывших учителей — И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественскую, впрочем, пользовавшихся там сомнительной репутацией «буржуазных спецов» и «попутчиков»¹⁹¹. Таким образом, как ни парадоксально, именно Н.Н. Розенталь оказался фигурой, в определенной степени способствовавшей установлению преимущества дореволюционной и советской ленинградской медиевистики. Данную линию продолжил и новый заведующий кафедрой О.Л. Вайнштейн¹⁹².

Сам Н.Н. Розенталь 3 марта 1935 г. был арестован и выслан в Иргиз Актюбинской области. В 1936 г. его освободили из ссылки; ученый устроился на работу в Одесский университет, а позднее (в 1938 г.) — в Курский педагогический институт¹⁹³. В 1945 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную Юлиану Отступнику. После выхода на пенсию с 1954 г. жил в Москве, читал лекции по эстетике в Московской консерватории и спецкурс в педагогическом институте им. Н.К. Крупской¹⁹⁴. В 1950-е гг. появляется несколько его научно-популярных работ по средневековой истории¹⁹⁵ и истории Христианства, написанных, естественно, с вульгарно-атеистических позиций¹⁹⁶.

¹⁹⁰Там же. С. 105.

¹⁹¹И.М. Гревс писал Н.П. Анциферову в ноябре 1934 г.: «С Н.Н. Розенталем отношения наружно дружественные, что внутренне — не разберешь. Вообще во всех учебных заведениях ко мне и к Ольге Антоновне выражают внимание и почтение» // Человек с открытым сердцем... С. 332.

¹⁹²Лебедева Г.Е., Якубский А.В. Профессор О.Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 102—126.

¹⁹³Лебедева Г.Е., Якубский А.В. Первый заведующий...

¹⁹⁴Брачев В.С. Судьба профессора...

¹⁹⁵Розенталь Н.Н. Жанна Д'Арк. Народная героиня Франции. М., 1958.

¹⁹⁶Розенталь Н.Н. Христианство, его происхождение и сущность. М., 1955 (То же. 2-е изд. 1960); Он же. Материалы и методические указания к лекции на тему «Основные направления в христианской религии». М., 1957; Он же. Из истории православия, католицизма и протестантизма. М., 1957; Он же. Критика идеологии современного православия. М., 1960.

* * *

В 1916 г. при кафедре был оставлен Николай Петрович Анциферов (1889—1958), окончивший в 1915 г. университет и преподававший в женской гимназии Н.П. Зворской и частном реальном училище А.С. Черняева (впоследствии в Тенешевском училище), участник итальянской экскурсии 1912 г.¹⁹⁷ В характеристике на Н.П. Анциферова, рекомендуя его оставить при кафедре, И.М. Гревс писал: «Николай Петрович Анциферов давно известен мне как талантливый, одушевленный и упорно работающий над наукой юноша. Он участвовал целый ряд лет в руководимых мною семинариях по средневековой истории, больше всего интересуясь вопросами духовной и, в частности, религиозной культуры. Он работал с последовательным усердием и всегда с успехом над изучением поздней Римской империи и ее образованности, специально изучив сочинения Бл. Августина, сосредотачиваясь на нескольких основных вопросах религиозной и церковной истории эпохи и обнаруживая серьезные способности и развивающееся умение в разработке всех трудных и частных проблем. Следя за другими семинариями, предлагавшимися мною из отдела позднего средневековья, Анциферов не менее успешно занимался и здесь ранней историей францисканцев, общественным строем Флоренции и вообще итальянским городом в XII и XIII вв. Представленное им зачетное сочинение об аскетизме Франциска Ассизского является удачным опытом историко-психологического анализа. Анциферов во многих отношениях уже сложился для того, чтобы приступить к самостоятельной научной работе...»¹⁹⁸.

В 1916/17 учебном году Н.П. Анциферов приступает к сдаче магистерских экзаменов. По свидетельству А.И. Добкина, он пишет ряд статей по средневековой истории для «Нового энциклопедического словаря». Впрочем, тома, для которых предназначались материалы Николая Петровича («Павия», «Падуя», «Палермо», «Паулин Ноланский»,

¹⁹⁷ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 11096. Л. 3. О нем см.: Добкин А.И. Н.П. Анциферов... С. 9—23; Он же. [Вступительная статья] // Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 3—12; Враская О.Б. Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова... С. 303; Перлина Н.М. Иван Михайлович Гревс и Николай Павлович Анциферов...; Конечный А.М., Кумлан К.А. Петербург в жизни и трудах Н.П. Анциферова... С. 5—23; Свешиников А.В., Степанов Б.Е. [Предисловие к статье Н.П. Анциферова «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность»]... С. 106—135; Голубева И.А. И.М. Гревс и Н.П. Анциферов... С. 24—34; Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография 1920—1930-х гг.: к истории взаимосвязи русской литературы и краеведения... (Выходные данные этих публикаций, посвященных Н.П. Анциферову, см. во введении соответствующую сноску)

¹⁹⁸Цит. по: Конечный А.М. Н.П. Анциферов — исследователь Петербурга // Петербург и губерния: историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 155.

«Плантагенет»¹⁹⁹), так и не увидели свет. В 1919 г. ученый короткое время возглавляет кафедру истории Средних веков Второго Петроградского педагогического института²⁰⁰. Однако в начале 1920-х гг. он «переключился» на изучение проблем краеведения и экскурсионного дела²⁰¹, став одним из ближайших сотрудников И.М. Гревса по Экскурсионному институту и краеведческому бюро. В эти годы, несмотря на разницу в возрасте, Николай Петрович был наиболее близким учителю человеком²⁰². Краеведческой и экскурсионной деятельности Анциферова посвящен значительный корпус научных работ²⁰³. Безусловно, правы те авторы, которые отмечают, что в городоведческих штудиях ученого в полной мере проявились многие принципы теории гуманитарного (в том числе, исторического) познания И.М. Гревса²⁰⁴. Самой известной работой Н.П. Анциферова является его книга «Душа Петербурга»²⁰⁵. В 1925 г. Николай Петрович был ненадолго заключен под стражу. В 1929 г. его вновь арестовали, осудили по делу «Воскресения» и приговорили к трем годам лагерей с отбыванием срока на Соловках и строительством Беломоро-Балтийского канала. Освобожденный в 1933 г. Н.П. Анциферов в 1934 г. переезжает в Москву, где работает в

¹⁹⁹ Добкин А.И. Н.П. Анциферов. С. 14.

²⁰⁰ Там же. С. 15.

²⁰¹ Анциферов Н.П. О литературных экскурсиях // Педагогическое дело. 1921. № 1/2. С. 7—12; Он же. О методах и типах историко-культурных экскурсий. Пг., 1923; Он же. Город как объект экскурсий для школьников // Внешкольные экскурсии. М., 1924. С. 50—73; Он же. Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л., 1926; Он же. Теория и практика литературных экскурсий. Л., 1926; Он же. Теория и практика экскурсий по обществоведению. Л., 1926; Он же. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / Сост., послесловие Д.С. Московской. М., 2009. Полную библиографию работ Н.П. Анциферова см.: Добкин А.А. Н.П. Анциферов... С. 19—23.

²⁰² В этой связи показательно, что в своих поздних воспоминаниях Н.П. Анциферов создает достаточно негативные образы Л.П. Карсавина и Н.П. Оттокара, подчеркивая, что О.А. Добиаш-Рождественская и ее ученики были намного ближе учителю в человеческом плане. См.: Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 177—178.

²⁰³ Добкин А.И. Н.П. Анциферов... С. 15.

²⁰⁴ Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсий И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Феномен прошлого. М., 2005. С. 419—475; Он же. Навстречу прошлому. Экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Отечественные записки. 2008. № 43 (4). С. 151—169; Московская Д.С. Указ. соч.; Вторые московские Анциферовские чтения. Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича. М., 2014; Третьи московские Анциферовские чтения. Сборник статей по материалам международной юбилейной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Николая Петровича Анциферова. М., 2015.

²⁰⁵ Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пг., 1922.

Коммунальном музее и Государственном литературном музее. После очередного ареста и заключения (1937—1939) Н.П. Анциферов возвращается в Москву и возобновляет работу в Государственном литературном музее, занимаясь изучением русской литературы XIX в. В 1944 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблемы урбанизма в художественной литературе»²⁰⁶. Из поздних исследований, конечно, следует выделить неопубликованную при жизни статью «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность», в которой он пытается на уровне «предельных оснований» обосновать свое понимание смысла исторического познания²⁰⁷. Из-за очевидной близости взглядов Н.П. Анциферова и его учителя И.М. Гревса эта работа в определенном смысле может рассматриваться как лебединая песня школы.

Непосредственно средневековой истории, таким образом, посвящены два известных нам труда Н.П. Анциферова — статья «Черты сельского быта во французском средневековом городе» и раздел «Французское общество в эпоху абсолютизма (расцвет и упадок)» в научно-популярном методическом пособии «Исторические экскурсии по Эрмитажу», написанном вместе с Г.Э. Петри. Обе работы — небольшие по объему. И если вторая из них — научно-популярный текст-путеводитель по экспозиции эрмитажного собрания французской живописи, предназначенный для студентов Коммунистического университета, — выполнена с неким соответствующим времени налетом «социологизма» (хотя гораздо меньшим, чем у его соавтора Г.Э. Петри) и не представляет особого интереса²⁰⁸, то первая, безусловно, является оригинальным и очень любопытным научным сочинением. В этой работе, написанной в весьма эмоциональном, даже на фоне штудий других учеников И.М. Гревса, ключе, Н.П. Анциферов стремится показать связь средневекового европейского города с «сельской жизнью», в частности, подчеркивая занятие горожан сельскохозяйственной деятельностью. Полемический пафос статьи направлен против идущей от О. Тьерри концепции восприятия города как инородного тела и ядра будущей капиталистической Европы в средневековом мире. Н.П. Анциферов подчеркивает, что «непроходимой стены» между городом и «внешним миром» не было. Город оставался органичной частью фео-

²⁰⁶Добкин А.И. Н.П. Анциферов... С. 16—20. Текст кандидатской диссертации Н.П. Анциферова был недавно опубликован Д.С. Московской. См.: Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма...

²⁰⁷Анциферов Н.П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) (1918—1942) / Публ., пред., комм. А.В. Свешников, Б.Е. Степанов // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 107—162.

²⁰⁸Анциферов Н.П. Французское общество в эпоху абсолютизма (расцвет и упадок) // Петри Г.Э., Анциферов Н.П. Исторические экскурсии по Эрмитажу. Л., 1924. С. 27—40.

дальной системы. «В средневековом городе царила сельскохозяйственная атмосфера»²⁰⁹, — утверждает Н.П. Анциферов вслед за Г. фон Беловым и Т. Роджерсом. Взяв в качестве примера т.н. Бомонскую хартию XII в., исследователь убедительно показывает, как жители маленького города активно занимались традиционным сельским хозяйством. «Бомонцы владеют землей вне (а может быть и внутри) городских стен. Они возделывают поля, поднимают новь, косят луга. Они нуждаются в мельницах для размолы земли, печах — для выпечки хлебов. Они разводят фруктовые сады, устраивают огороды, владеют крупным и мелким скотом, для которых нужны общественные выгоны»²¹⁰. Бомон — город, сохранивший теснейшие контакты с сельской округой. Хотя, безусловно, идет длительный и сложный процесс «эмансипации».

Следы этой былой связи Н.П. Анциферов демонстрирует, анализируя топонимику Парижа времен Филиппа Августа²¹¹.

Таким образом, работа Н.П. Анциферова, выполненная в духе актуальной для европейской медиевистики традиции «пересмотра» классических монокаузальных теорий происхождения средневекового города, в определенной степени является предшественницей той тенденции в развитии отечественной науки, которая с середины 1980-х гг. была связана с разработкой концепции А.А. Сванидзе, рассматривавшей город в качестве «органичного продукта феодального общества»²¹². Современный исследователь пишет, что «для большинства городских поселений отделенность от аграрного окружения оказалась явно преувеличенной; в городском пейзаже в большинстве случаев были привычны виды садов, огородов, стойл для скота и даже лугов; горожане в основной массе совмещали ремесленные и торговые занятия с садоводством и огородничеством, с разведением скота»²¹³, и это, как видим, практически дословно совпадает со словами статьи Н.П. Анциферова.

С другой стороны, мы должны признать, что неоромантическая концепция «гения места», ставшая краеугольным камнем последующих изысканий Н.П. Анциферова, присутствует здесь скорее имплицитно, в «неявной форме». Статья в значительной степени ориентируется на традиции «социальной», нежели «культурной» истории. Однако автора явно

²⁰⁹ Анциферов Н.П. Черты сельского быта во французском городе // Средневековый быт... С. 152.

²¹⁰ Там же. С. 151.

²¹¹ Там же. С. 153—159.

²¹² Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. С. 9—41.

²¹³ Еманов А.Г. Возникновение города в Европе и за пределами Европы. Опыт компаративного анализа концепций урбанизации // Европа: международный альманах. Тюмень, 2008. Вып. VIII. С. 15.

стесняют нормы научности, сложившиеся в рамках данной дисциплины. И в этом плане последующее движение в сторону менее формализованной и строгой «культурологической» эссеистики представляется вполне логичным в контексте творческой эволюции Н.П. Анциферова.

* * *

В том же 1916 г. при ВЖК была оставлена Анна Ильинична Хоментовская (1881—1942)²¹⁴. Проблематика ее научных интересов строилась вокруг изучения культуры итальянского Возрождения²¹⁵. После того как в 1917 г. Курсы были включены в состав университета А.И. Хоментовская проработала там до 1923 г., пока ее не отстранили от преподавания, хотя в последующие годы она продолжала заниматься изучением истории. С 1925-го по 1935 г. Анна Ильинична заведовала библиотекой и архивом наблюдений Главной геофизической обсерватории, одновременно читая по совместительству в 1921—1928 гг. курс истории искусства итальянского Возрождения в Институте истории искусств²¹⁶. В эти годы в зарубежных изданиях увидели свет две ее работы — статья о «Флорентийской елке» И.Е. Бецкого²¹⁷ и исследование, в котором была предложена новая гипотеза авторства известного ренессансного романа «Гипнеротомахия Полифила»²¹⁸. В марте 1935 г. А.И. Хоментовскую выслали из Ленинграда

²¹⁴О ней см.: *Рутенбург В.И.* Лоренцо Валла и его время // *Хоментовская А.И.* Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.;Л., 1964. С. 18—20; *Каганович Б.С.* Анна Ильинична Хоментовская // *СВ. М.*, 1989. Вып. 52. С. 294—306; *Он же.* Петербургская школа медиевистики... С. 11—12; *Он же.* Об авторе этой книги // *Хоментовская А.И.* Итальянская гуманистическая эпитафия... С. 10—18; *Он же.* А.И. Хоментовская в последние годы жизни... С. 125—147; *Степанова Л.Г.* К истории издания книги А.И. Хоментовской о Феличе Феличано. Письма Витторио Чана 1934 г. // Там же. С. 148—156; *Хоментовская А.И.* Пройденный путь // *Хоментовская А.И.* Итальянская гуманистическая эпитафия... С. 221—257.

²¹⁵*Хоментовская А.И.* Кастильоне, друг Рафаэля. Л., 1923; *Она же.* Медичи // *Новый энциклопедический словарь.* Т. 26. Стб. 80—83; *Она же.* Итальянский гуманизм в современной историографии // *Анналы.* Л., 1923. С. 241—246; *Она же.* Лукка времен купеческой династии Гвиниджи // *Средневековый быт.* Л., 1925. С. 78—112; *Она же.* Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.;Л., 1964. Из работ, посвященных иным сюжетам, следует назвать тексты о Стендале (*Хоментовская А.И.* Стендаль в Москве и Смоленске // *Русская старина.* 1912. № 11. С. 378—390; *Она же.* Стендаль. Из образов послереволюционной Франции // *Из далекого и близкого.* Л., 1923) и Н.Г. Чернышевском (*Она же.* Н.Г. Чернышевский и подпольная литература 60-х годов // *Исторический архив.* 1919. Вып. 1. С. 324—413).

²¹⁶*Каганович Б.С.* Об авторе... С. 11—13.

²¹⁷*Khomentovskaia A.* Firenze illustrate o Enciclopedia fiorentina di Giovanni Betsky // *Bibliofilia.* 1927. Vol. 29. №. 9—12. P. 367—381. Речь идет о регулярных дарениях, которые делал Публичной библиотеке к Рождеству известных коллекционер И.Е. Бецкий.

²¹⁸*Khomentovskaia A.* Felice Feliciano da Verona come l'autore de l' "Hypnerotomachia Poliphili". Firenze, 1936. А.И. Хоментовская попыталась обосновать гипотезу, согласно ко-

в Саратов, чудом ей удалось устроиться в библиотеку местного университета²¹⁹. В 1937 г. — арестовали. После освобождения из лагеря в 1940 г. последние годы жизни она провела в Вышнем Волочке, где, несмотря на тяжелую болезнь, продолжала заниматься научной работой. Умерла А.И. Хоментовская в 1942 г. в Калининской области, куда ее незадолго до смерти привезла племянница²²⁰. Из представителей школы наиболее близкие отношения сложились у нее с О.А. Добиаш-Рождественской и Е.Ч. Скржинской, переписка с которой продолжалась практически до последних дней А.И. Хоментовской²²¹.

Несмотря на тематическое и жанровое различие, большинство исследований А.И. Хоментовской строится вокруг изучения одной проблемы — культуры итальянского Возрождения. Книга, посвященная Кастильоне, — это биография одного из крупнейших гуманистов, рассматриваемая в широком историческом контексте²²². По словам автора, «очерк стремится в четком построении дать эпоху, ближайшую среду, личность и произведение в основной тенденции»²²³. В соответствии с этим, первая половина книги, после короткого введения, реконструирующего взаимоотношения Кастильоне и Рафаэля, посвящена политической и культурной истории Италии и Герцогству Урбино рубежа XV—XVI веков²²⁴. «Воин и дипломат Кастильоне был захвачен водоворотом этих событий, будучи не только зрителем, но и участником их, близким и главным действующим лицом исторической драмы. Поэтому история его жизни есть история его времени и его родины. Начнем же с самого общего, чтобы частное потом раскрылось в своей обусловленности и закономерности»²²⁵. Кастильоне, в чьей жизни, по мнению автора, четко выделяются два этапа²²⁶, рассматривается

торой автором романа был Ф. Феличано, хотя в исторической науке автором считался и считается Франческо Колонна. См.: *Степанова Л.Г.* К истории издания... С. 148. В связи с публикацией своей работы в Италии А.И. Хоментовская вела переписку с известными итальянскими учеными Б. Кроче и В. Чаном. См.: Там же. С. 149—154.

²¹⁹ В этот период она приняла участие в сборнике, изданном под редакцией О.А. Добиаш-Рождественской, см.: *Хоментовская А.И.* Век XIV. «О выгодах сельского хозяйства» Петра Креспеция // *Агрикультура...* С. 285—339.

²²⁰ *Каганович Б.С.* Об авторе... С. 16—17; *Каганович Б.С.* Хоментовская в последние годы жизни... С. 135—141.

²²¹ *Каганович Б.С.* А.И. Хоментовская в последние годы жизни... С. 141—144.

²²² «Для русского читателя, не знающего Б. Кастильоне даже по имени, он в заглавии был дан как «Друг Рафаэля»» // *Хоментовская А.И.* Пройденный путь... С. 234.

²²³ Там же. С. 234.

²²⁴ *Хоментовская А.И.* Кастильоне... С. 13—61.

²²⁵ Там же. С. 13—14.

²²⁶ Отсюда и рассмотрение его биографии распадается в книге на две главы, соответствующие «раннему» и «позднему» этапам, рубежом между которыми, по мнению автора, стала ставшая серьезным ударом для итальянского гуманиста смерть его жены. См.: Там же. С. 62.

в работе как типичный представитель аристократической культуры и придворных кружков. Это та среда, в которой и благодаря которой сформировались и он сам как определенный «культурный тип», и его взгляды.

Анализу воззрений Кастильоне, нашедших отражение в знаменитом трактате «О придворном»²²⁷, посвящена четвертая глава исследования А.И. Хоментовской²²⁸. По мнению ученого, в книге достаточно выразительно представлен новый этический идеал «универсального человека» (“*homo universale*”), созданный культурой итальянского Возрождения. «Разложим идеал *homo universale* на его составные части; он вобрал в себя, претворил и примирил самые различные влияния: здесь есть и от средневековой рыцарской школы герцога Федерико, и от энтузиазма гуманизма перед вновь открытой древностью, кладези духовных вдохновений, есть элемент подражания героической и универсальной личности древности, есть <...> признание полноценности и равноправия своей национальной культуры и литературы, есть, наконец, формулирующее эти разнородные элементы основное эстетическое мерило гармонии и грации, которое ищет совершенства не в отношении человека к потустороннему, а в равномерном расцветании законченной в себе личности. На всех его путях *homo universale* приемлет жизнь и благословляет ее. Критическое отметание чего бы то ни было во имя исключительного признания другого, здесь исключено. Как пчела, по выражению Кастильоне, он собирает мед со всех цветов. *Homo universale* — результат многочисленных благородных культурных прививок и упорного труда над формулированием собственной личности, как произведения искусства и гибкой воли»²²⁹. Важно отметить, что автор отнюдь не идеализирует взгляды и деятельность ни самого Кастильоне, ни гуманизма в целом.

В этой связи представляется плодотворным отмеченное А.И. Хоментовской противоречие между этическим идеалом Кастильоне и учением о доблести (“*virtù*”) Макиавелли: «Человек с преобладанием эстетических и созерцательных склонностей вырастает до *homo universale*; человек воли и действия утверждает свое господство посредством *virtu*»²³⁰. Весьма убедительно исследовательница подчеркивает внутреннюю противоречивость взглядов и деятельности своего героя, интерпретируя ее как отражение дихотомии ренессансной культуры. Выявление да́нной фундаментальной особенности А.И. Хоментов-

²²⁷ А.И. Хоментовская переводит название как «Книга о царедворце».

²²⁸ В 1920/21 учебном году А.И. Хоментовская вела в университете семинар, посвященный анализу книги Кастильоне. См.: Хоментовская А.И. Пройденный путь... С. 234.

²²⁹ Хоментовская А.И. Кастильоне... С. 83—84.

²³⁰ Там же. С. 84. Для изучения итальянского Ренессанса как определенного типа культуры такая постановка проблемы оказалась весьма востребована. См. например: Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995.

ская определяла как наиболее новаторский результат своей работы. «Обычно личность Кастильоне трактуется как до конца гармоническая. Столкновение его с лютеранином Вальдесом и соответственный озлобленный памфлет вскрывает неустойчивость этой гармонии и обнаруживает в Кастильоне лик католической реакции. В литературе это никем не было замечено»²³¹.

Отзывы коллег А.И. Хоментовской по поводу этой книги были весьма неоднозначны — от высокой оценки Е.В. Тарле до более критических высказываний М.А. Гуковского и А.К. Дживелегова²³².

Статья в сборнике «Средневековый быт» посвящена реконструкции повседневной жизни в итальянском городе Лукка рубежа XIV—XV вв. Используя в качестве источников местную хронику Джованни Серкамби²³³ (как сам памятник, так и иллюстрирующие текст миниатюры), законодательный и актовый материал (в частности, инвентарную опись имущества тирана Паоло Гвиниджи), исследовательница ярко и выразительно реконструирует материальную культуру ренессансного города и некоторые элементы быта его жителей (придворные церемонии, судебные тяжбы, религиозные праздники). При этом автор, определяя городскую культуру описываемого периода как переходную, отдельно рассматривает придворную культуру и повседневную жизнь городских низов («проституток и рабов»²³⁴). Следует обратить внимание и на то, что в статье уже проявляется интерес к теме, ставшей впоследствии для А.И. Хоментовской основной, — эпитафии. «Сочетание архаически-народной формы плача с классическими образцами в форме <...> надгробного слова — эпитафии, вложенной в уста усопшего, дают литературное новообразование, которое сближает налегающие друг на друга культурные пласты. Это тоже переходный стиль»²³⁵. Необходимо согласиться с Б.С. Кагановичем, который писал, что статья А.И. Хоментовской является первой работой, посвященной истории этого небольшого города, в отечественной литературе²³⁶, и одним из новаторских

²³¹Хоментовская А.И. Пройденный путь... С. 234.

²³²«Я имела неосторожность пренебрежительно высказаться где-то в примечании о статье Дживелегова, посвященной тому же Кастильоне. Он мне отомстил, объявив в печати, что в своей книжке я всего-навсего пересказала Julia Cartwright, приписав мне свой способ работы» // Там же. С. 235.

²³³Доклад, специально посвященный этой хронике, А.И. Хоментовская делала в Историческом исследовательском институте при университете в 1922 г. См.: Хоментовская А.И. Пройденный путь... С. 234.

²³⁴Хоментовская А.И. Лука... С. 96.

²³⁵Там же. С. 88.

²³⁶Как писала сама А.И. Хоментовская: «Лука дает материал средний, типический, но : потому, быть может, социологически более показательный: это статистический разрез через всю толщу быта» // Там же. С. 110.

исследований, «по существу предвосхитивших современные труды историков повседневности»²³⁷.

Биография Лоренцо Валлы, опубликованная уже после смерти Хоментовской, представляет собой развернутый портрет итальянского гуманиста как представителя определенной социальной группы²³⁸. Данный труд очень похож на подготовленное Анной Ильиничной ранее жизнеописание Кастильоне, хотя в этой работе сильнее акцентирован антиклерикальный аспект гуманистического движения и его социальная обусловленность²³⁹. «Вся жизнь Лоренцо Валлы, — подчеркивает медиевист, — является по преимуществу работой гения, разрушившего прогнившие устои средневекового общества»²⁴⁰. Ученый разворачивает типично гревсовскую теорию роли гения в эволюции культуры: «Великие мыслители и деятели определяются пониманием духа времени, способностью отдать свои силы и талант на борьбу за новое; они определяются темами и задачами большого масштаба, которые они себе ставят своевременно и раньше других»²⁴¹.

Подробно рассматривая биографию своего героя в широком историческом контексте, автор вновь подчеркивает наличие внутренних противоречий, определяющих специфику ренессансной культуры. «Противоречия в облике Лоренцо Валлы — противоречия между творчеством и послужным списком, между беспощадной смелостью мысли и уклончивостью тактики — не могут исказить его внутреннего единства»²⁴². Ренессанс понимается автором как переходное время по преимуществу, а гуманистическое движение на страницах данной работы предстает как рецепция Античности в поисках новой раннебуржуазной «идеологии». «Расцвет гуманизма и искусства, этих высших форм духовной культуры, был бы немислим без предварительного мощного социально-экономического подъема страны, зарождения в Италии XIV в. и развития раннекапиталистических отношений. Строительным материалом новой раннебуржуазной литературы были античная литература, классическая традиция»²⁴³. «Подрыватель основ»²⁴⁴ и «первый большой критический ум нового времени»²⁴⁵, Л. Валла выступает как яркая личность, в жизни и взглядах которой нашли отражение основные тенденции эпохи²⁴⁶. Здесь

²³⁷ Каганович Б.С. Об авторе ... С. 13.

²³⁸ Хоментовская А.И. Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.;Л. 1964.

²³⁹ Не исключено, что это результат редакторской правки публикаторов.

²⁴⁰ Хоментовская А.И. Лоренцо Валла... С. 23.

²⁴¹ Там же. С. 81.

²⁴² Там же. С. 141.

²⁴³ Там же. С. 29.

²⁴⁴ Там же. С. 38.

²⁴⁵ Там же. С. 21.

²⁴⁶ Автор критикует современную историографию за стремление обойти в анализе личности Лоренцо Валлы острые углы. См.: Там же. С. 44.

следует отметить очевидное влияние на историка «биографического» подхода И.М. Гревса.

Безусловно, вершиной творчества А.И. Хоментовской является исследование, посвященное гуманистической эпитафии и изданное только через много лет после смерти автора благодаря усилиям Б.С. Кагановича²⁴⁷. В монографии дается всесторонний анализ латинской гуманистической эпитафии. Привлекая разнообразные источники, ученый реконструирует генезис и эволюцию эпитафии, выделяет ее основные типы, демонстрирует специфику надгробных надписей ренессансной эпохи, рассматривает судьбу изучаемого явления на культурном и историческом фоне. «По происхождению гуманистическая эпитафия — ученый архаизм, но этот архаизм живет собственной жизнью. Эта одна из готовых форм, переданных через Средние века античностью, которые гуманизм в борьбе за новое мировоззрение до краев наполняет новыми эмоциями, антиномиями, лозунгами»²⁴⁸. При этом, с одной стороны, эпитафия оценивается автором как органическая часть ренессансной культуры, сформировавшейся как сложный исторический феномен в результате взаимодействия различных культурных, политических и, в первую очередь, социальных факторов²⁴⁹. Рецепция античного культурного наследия, согласно А.И. Хоментовской, была попыткой выразить через старые формы принципиально новое мировоззрение. С другой же стороны, — эпитафия представляет собой частное проявление «образа смерти», существовавшего в рамках той картины мира, которая сложилась в ренессансной культуре. «Эпитафии, — пишет автор, — дают рефлексию смерти»²⁵⁰. И отсюда следует вполне убедительный вывод, вскрывающий светский гуманизм в качестве основы собственной позиции автора: «Историческое значение этой культуры в ее борьбе за жизнь против страха смерти, более чем естественного, в том, что ей принадлежит широкий плацдарм будущего, и через длинный ряд звеньев она доходит до наших дней. Гуманисты перебрасывают мост к нам. Их заслуга прежде всего в их отрицательной установке: в изжитии аскезы»²⁵¹. Есть все основания согласиться с Б.С. Кагановичем, что предпринятая А.И. Хоментовской попытка проникновения «в сферу эмоций и представлений» человека прошлого во многом предвосхитила новаторские работы Ф. Арьеса и М. Вовеля, посвященные эволюции образа смерти в европейской культуре.

²⁴⁷ Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1995.

²⁴⁸ Там же. С. 174.

²⁴⁹ Там же. С. 106—107.

²⁵⁰ Там же. С. 179.

²⁵¹ Там же. С. 180.

Таким образом, можно констатировать наличие в трудах А.И. Хоментовской четкой концепции итальянского Возрождения, сформировавшейся, безусловно, под влиянием «эволюционно-генетических» взглядов И.М. Гревса. Эпоха Возрождения понимается как промежуточный (между Средневековьем и Новым временем) период в истории западноевропейской, в первую очередь итальянской культуры. Переход от одной фазы исторического развития к другой представлялся ученому сложным, противоречивым комплексным процессом, затронувшим все стороны жизни итальянского общества. Это и становление светской картины мира, основанной на рационализме, и развитие изобразительного искусства, и складывание нового типа государственности и социальной структуры общества. Поиск и обретение нового во многом идет через рецепцию античного культурного наследия, которое в каждом историческом контексте раскрывается с неожиданной стороны.

* * *

В 1916 г. при университете был оставлен «без стипендии» ученик Гревса Владимир Васильевич Вейдле (1895—1979)²⁵², занимавшийся изучением раннехристианского и средневекового искусства и, по его собственным словам, сознательно «перебежавший» к Ивану Михайловичу от Д.В. Айналова²⁵³. В своих воспоминаниях он подчеркивает то влияние, которое оказали на него лекции и семинарии И.М. Гревса, Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественской и дружба с Н.П. Оттокар²⁵⁴. В студенческие годы приступил к исследованию интереснейшего памятника средневековой историографии — «Хроники» Салимбене²⁵⁵. Будучи оставленным при университете «записался в семинар Ивана Михайловича, в главный, “старший” его семинар, посвященный в этом 1916—17-ом академическом году изучению трактата Данте о монархии»²⁵⁶.

В октябре 1917 г. Вейдле переезжает в Пермь, где уже работал его старший друг Н.П. Оттокар. По словам Владимира Васильевича, он отправился в Пермь, в первую очередь, в целях решения материальных проблем: «В Петербурге была дороговизна, недостаток продуктов, длинные хвосты; а в Перми, когда мы прибыли туда, пара рябчиков стоила пять копеек»²⁵⁷. Присутствовало и стремление выбраться из беспокойного эпицентра

²⁵² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. Т. 4. Д. 11248. Л.1.

²⁵³ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... СПб., 2002. Вып. 2. С. 116; Вып. 3. Также см.: Розенталь Л.В. Непримечательные достоверности. Свидетельские показания любителя стихов начала XX века. М., 2010. С. 152.

²⁵⁴ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 2. С. 144—117; Вып. 3. 15—19.

²⁵⁵ Там же. Вып. 3. С. 17.

²⁵⁶ Там же. С. 19.

²⁵⁷ Там же. С. 26.

политических катаклизмов. Кроме того, понятно, что дожидаться свободной вакансии в Петроградском университете молодому специалисту по западноевропейскому Средневековью (В.В. Вейдле в эти годы планировал заниматься изучением истории средневековой Италии) было крайне проблематично. Определенное значение имело то обстоятельство, что в Перми работал Н.П. Оттокар, с которым В.В. Вейдле еще с Петербурга поддерживал дружеские связи. «Но когда я узнал, что мой старший друг, Николай Петрович Оттокар, кафедру получил в основанном всего год назад Пермском университете <...> я решил долго не думать и откомандироваться туда же: там будет и спокойствие, и дешевая еда. И книги там будут: Николай Петрович для писания диссертации много и мне нужных из университетской нашей библиотеки заберет, да и там уже имеется кое-что. Будут там и люди неплохие. Весь профессорский состав — молодые ученые, почти все из Петербурга или из Москвы»²⁵⁸. В Перми Вейдле с семьей остановился в квартире Н.П. Оттокара²⁵⁹.

Владимир Васильевич, официально откомандированный в качестве «оставленного при кафедре»²⁶⁰, первоначально получил в Пермском университете скромное звание «лектора иностранных языков»²⁶¹. Официально он стал сотрудником Пермского университета с осени 1918 г.²⁶² Но затем в его нагрузку появляются и исторические курсы²⁶³.

Преподавательскую деятельность Вейдле совмещает с научной работой. 21 декабря 1917 г. ученый становится по рекомендации Н.П. Оттокара и Б.Л. Богаевского действительным членом Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Однако по сравнению с Петроградом обстановка для научных занятий в Перми была недостаточно благоприятной²⁶⁴. Материальная сторона также начинает ухудшаться. «Весной и летом восемнадцатого года не было еще и голода, только так — легкий голодок... С наступлением зимы 18-го—19-го года продовольственное положение в Перми резко ухудшилось»²⁶⁵. 25 декабря

²⁵⁸ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 3. С. 28.

²⁵⁹ Впоследствии, отправившись в командировку в Петроград, Н.П. Оттокар оставил свою старую квартиру семье В.В. Вейдле. См.: Там же. С. 38.

²⁶⁰ В силу этого, по итогам первого года пребывания в Перми осенью 1918 г. он должен был писать отчет «о научных занятиях оставленного при кафедре», принятие которого влияло на назначение ему стипендии (ГАПО Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 65. Л. 53).

²⁶¹ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 3. С. 30.

²⁶² Ключев А.И., Свешников А.В. Указ. соч. С. 359.

²⁶³ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора ... Вып. 3. С. 30.

²⁶⁴ «Книжного магазина сколько-нибудь крупного и то в городе не было. Экими мы тут «культуртрегерами» оказались! <...> Усмехнуться не воспрещается, но ведь основание здесь университета было и впрямь большим культурным делом» // Там же. С. 31.

²⁶⁵ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 3. С. 37.

1918 г. колчаковская армия взяла Пермь, и город оказался отрезанным от Петрограда (в который до этого ездили Н.П. Оттокар и В.В. Вейдле) линией фронта. Более того, в январе В.В. Вейдле призвали на службу в колчаковскую армию, но из-за болезни он состоял в ее рядах всего несколько дней. Однако уже с января 1919 г. белая армия переходит от наступления к обороне, а университет начинает готовиться к эвакуации. Весной 1919 г. В.В. Вейдле даже читает в университете лекции по средневековой истории вместо отсутствующего Н.П. Оттокара, в июне же Пермский университет эвакуируется железнодорожными эшелонами в Томск.

Здесь группа профессоров Пермского и Казанского университетов провела в эвакуации около девяти месяцев. После того как в декабре 1919 г. Томск был взят частями Красной Армии, началась эвакуация Пермского университета. В числе других преподавателей, хотя далеко не все приехавшие в Томск ученые возвратились назад²⁶⁶, в Пермь вернулся в марте 1920 г. и В.В. Вейдле. В июле 1920 г. он сообщит в письме И.М. Гревсу: «После зимы, проведенной в Томске, с сожалением, но не без пользы <...> я опять в Перми, где более или менее все по-прежнему. Можно работать и даже жить. Я теперь преподаватель университета и в летнем семестре уже читал свои первые курсы»²⁶⁷. В августе 1920 г. В.В. Вейдле, выполняя данное учителю обещание, ненадолго посещает родной Петроград, а в феврале 1921-го перебирается туда, окончательно оставив Пермь²⁶⁸. В последний год своей жизни в Перми В.В. Вейдле читает в университете курс, посвященный творчеству А. Дюрера, а также лекционные курсы о французской поэзии XIX в.,²⁶⁹ хотя в расписании педфака, в который был преобразован после реструктуризации историко-филологический факультет, в январе 1922 г. В.В. Вейдле, наряду с Н.П. Оттокаром, обозначен в качестве преподавателя дисциплин «Социально-политическая и культурная история Европы в Средние века» и «Западноевропейское искусство»²⁷⁰. Вернувшись в Петроград, в 1924 г. он получает от Ленинградского университета разрешение на командировку в Германию «для окончания работы по готическому искусству»²⁷¹ и, вы-

²⁶⁶Так, в Томске остался Б.Л. Богаевский, бывший в 1921—1922 гг. ректором Томского университета. См.: Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. 1917—1945. С. 53.

²⁶⁷Письмо В.В. Вейдле И.М. Гревсу / Подгот. А.В. Свешников // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 367.

²⁶⁸В «Воспоминаниях» В.В. Вейдле пишет о том, что это решение было принято еще летом 1920 г. См.: Диаспора... Вып. 3. С. 61.

²⁶⁹Дороченков И.А. Комментарии // Там же. С. 129.

²⁷⁰ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 662. Л. 52.

²⁷¹Дороченков И.А. Владимир Вейдле. Путь к книге // Вейдле В.В. Умирание искусства. Размышление о судьбе литературного и художественного творчества. СПб., 1996. С. 208. См.: Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 3. С. 82—84.

ехав в июне того же года, в Россию больше не возвращается. В эмиграции он становится известным публицистом и литературным критиком, прославившись работой «Умирание искусства»²⁷².

Хотя специальных трудов, посвященных медиевистике В.В. Вейдле не оставил, опубликовав в 1920-е гг. ряд статей о современном искусстве²⁷³, тем не менее, до эмиграции он позиционировал себя преимущественно как медиевист²⁷⁴. В.В. Вейдле сообщал в письме И.М. Гревсу: «Готовлю работы о сущности “композиции” и вообще об основах, если можно так выразиться, уголовного мировоззрения в средние века. Год назад (еще в Перми) писал доклад “символизм и аллегорическое мышление в средние века”»²⁷⁵. Ряд учебных курсов, читаемых им в Перми, был связан с историей Средних веков. «С большим увлечением читал я в университете курс средневековой истории, порученный мне за отсутствием в Петербург уехавшего Н.П. Оттокара, и готовил доклад, который весной 19-го года (в мае, кажется) еще и успел прочесть: “Символизм и аллегоризм мышления в средние века”»²⁷⁶.

Позднее, в 1940-е гг., В.В. Вейдле опубликует в эмиграции цикл работ по искусству раннего Христианства²⁷⁷.

Таким образом, формальными итогами деятельности школы в период до 1917 г. стали две защищенные докторские диссертации (Л.П. Карсавина и О.А. Добиаш-Рождественской), четыре магистерские (Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественской, В.Э. Крусмана и чуть позднее Н.П. Оттокара), связанные с этими студиями научные монографии, несколько книг, ориентированных на широкого читателя, большое количество статей в различных изданиях, в том числе, в юбилейном сборнике И.М. Гревса и «Новом энциклопедическом словаре». Всё это позволяет говорить о том, что в целом научная школа сложилась и заявила о себе.

²⁷²О жизни и творчестве В.В. Вейдле в эмиграции см.: Дороченков И.А. Владимир Вейдле... С. 195—237; Толмачев В.М. Петербургская эстетика // Вейдле В.В. Умирание искусства. М., 2001. С. 412—423.

²⁷³Вейдле В.В. Заметки о западной живописи // Современный Запад. 1923. № 3.

²⁷⁴В своих воспоминаниях В.В. Вейдле специально обращается к теме о том, почему он и его друзья остановили свой выбор на «политически неактуальном» западном Средневековье в условиях войны. См.: Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 3. С. 16—18.

²⁷⁵Письмо В.В. Вейдле И.М. Гревсу / Подгот. А.В. Свешников // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 368.

²⁷⁶Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 3. С. 46.

²⁷⁷Вейдле В.В. Перерождение античного искусства // Православная мысль. Париж, 1947. Т. V; Он же. Крещальная мистерия и раннехристианское искусство // Вейдле В.В. Умирание искусства. Размышление... С. 163—192.

§ 3. Петербургская школа медиевистов после революции (1917—1930-е гг.)

Революционные события весны и осени 1917 г., как уже говорилось, привели к серьезным переменам в системе высшей школы в целом и преподавании истории в ней — в частности. Эти изменения непосредственно затронули и устоявшийся на тот момент организационный базис школы И.М. Гревса. С одной стороны, ВЖК были соединены с университетом, что, естественно, предоставило женщинам права на высшее образования, а с другой, — создание факультетов общественных наук способствовало формальной ликвидации историко-филологических факультетов университетов. Существенным коррективом подвергся также состав студентов и преподавателей.

Тем не менее, несмотря на значительность проводимых новой властью преобразований, в первые послереволюционные годы в университете в определенной степени сохранялась инерция, коснувшаяся далекой от «политической актуальности» медиевистики¹. Заканчивают обучение в университете студенты, поступившие еще в дореволюционные годы, приходят новые ученики, интересующиеся западноевропейским Средневековьем. Для многих из них профессиональное становление связано с влиянием И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской и (до 1922 г.) Л.П. Карсавина.

Более того, появление в послереволюционные годы новых образовательных и научно-исследовательских структур (например, РАИМК) позволяет выпускникам университета реализовать себя в профессиональной деятельности.

В 1919 г. в состав РАИМК по рекомендации Л.П. Карсавина на должность сотрудника 2-го разряда² была зачислена окончившая универси-

¹ Из публикаций последних лет наиболее обстоятельно история медиевистики в Петрограде (Ленинграде) 1920—1930-х гг. рассматривается в исследовании Л.Б. Вольфцун «От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России» (СПб., 2008). Из общих работ по истории медиевистики см.: *Косминский Е.А.* Изучение истории Средних веков за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.;Л., 1942. С. 209—215; *Он же.* Изучение истории западноевропейского Средневековья // Вестник АН СССР. 1945. № 10—11. С. 43—70; *Он же.* Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке // *Косминский Е.А.* Проблемы английского феодализма и историографии Средних веков. М., 1963. С. 204—233; *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. 1917—1966. Л., 1968; *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском феодализме и классовой борьбе (20-е—начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003; *Свешников А.В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930—1940-х годов // НЛО. 2008. № 90. С. 86—112.

² Архив ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 3. Д. 615.

тет Елена Чеславовна Скржинская (1892—1981)³, оставленная также по дореволюционной традиции при кафедре университета для приготовления к профессорскому званию. В студенческие годы она занималась изучением религиозной истории средневековой Италии («дипломное» сочинение было посвящено паломничествам в Монте-Кассино и Монте-Гаргано и «отношениям между двумя святынями (прибл. до 11 в.)»⁴). История и культура средневековой Италии, по собственному признанию Е.Ч. Скржинской, очень интересовали ее, но в РАИМКе пришлось несколько откорректировать специализацию. В автобиографии, написанной 1921 г., она сообщает об этом следующее: «В 1919-м году проф. Васильев⁵ предложил мне заниматься в качестве научного сотрудника в Росс. академии истории материальной культуры, в разряде древностей христианских и византийских. Вначале мне был поручен вопрос по истории готского государства в Крыму, затем вопросы из истории позднего крымского средневековья, а именно эпохи торговых итальянских колоний на Крымском полуострове»⁶. Исследовательница неоднократно совершает научные поездки в Крым, занимаясь изучением археологии и эпиграфики генуэзских средневековых поселений. В 1928 г. в Генуе выходит подготовленное ею издание генуэзских надписей в Крыму, принесшее автору международную известность. В 30-е гг. за рубежом публикуются еще три ее статьи, одна из которых посвящена Феодосии-Каффе. В 1926—1932 гг. подготовлена рукопись объемной работы «История генуэзских поселений в Крыму», которая, к сожалению, полностью не была издана⁷. История генуэзских колоний в Крыму стала основным объектом научных интересов Е.Ч. Скржинской. Основным, но не единственным. В отчете за 1922 г. она отмечает, что наряду с изучением Крыма занимается исследованием культуры средневековой Италии. «Продолжалась работа по истории южной Италии 12-го—13-го веков, которая строилась применительно к предполагаемой, но еще окончательно не разработанной программе магистерских экзаменов. Изучение

³ Мажуга В.И. Е.Ч. Скржинская — исследователь и публикатор исторических источников // *Иордан. О происхождении и деянии гетов. Гетика. 2-е изд.* СПб., 1997. С. 494. См. также: *Васильев А.Н., Климанов Л.Г.* Е.Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга.* СПб., 2004 С. 459—521; *Климанов Л.Г.* Е.Ч. Скржинская и история изучения генуэзских поселений и памятников в Крыму // *Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История—археология—эпиграфика.* Киев—Судак. СПб., 2006.

⁴ *Климанов Л.Г.* Указ. соч. С. 8.

⁵ Имеется в виду профессор Петроградского университета византист А.А. Васильев, впоследствии эмигрировавший в США.

⁶ Цит по: *Климанов Л.Г.* Указ. соч. С. 9.

⁷ Там же. С. 13.

источников указанного периода привело к выводам о формах сосуществования латинской и греческой культур и об их проявлениях в норманскую и гогенштауфенскую эпохи. <...> Участвовала в семинарии по истории вальденства, руководимом проф. Л.П. Карсавиным»⁸.

В 1925 г. выходит в свет ее первая печатная работа — статья «Об одном средневековом курорте» в «юбилейном» сборнике И.М. Гревса «Средневековый быт». Е.Ч. Скржинская предпринимает попытку путем анализа одного текста трактата о целебных свойствах источника в ПUTEОЛАХ, написанного в XIII в. придворным поэтом Фридриха II Петром ЭБОЛИЙСКИМ, пересмотреть стереотипное представление о Средневековье как эпохе, когда люди жили только «духовно-религиозным» и пренебрегали «более земными» способами лечения телесных недугов. «Неверно широко распространенное мнение, что средневековый человек лечился только в церкви, исцелялся только силой мощей и всяких реликвий и избавлялся от болезней, как от дьявольского наваждения, лишь святой водой и заклинаниями. Правда, он жил, можно сказать, всецело в чуждом и далеком от нас мире чудесного и сверхъестественного, в котором он построил грандиозное здание духовной и материальной культуры и из которого не исключал даже своего повседневного существования со всеми его мелочами. Но, наряду с жизнью в этом мире, ум его, не менее пытливый и острый, чем во все другие исторические и преисторические эпохи, умел найти и иное отношение к вопросу о врачевании человеческих недугов. Чаше всего, конечно, шел он с ними к пещере чудотворца-отшельника, ждал исцеления из раки с мощами святого или отправлялся в дальнее паломничество молиться перед прославленными святынями в храмах и монастырях. Тем не менее бывало, что больной, минуя церковь, обращался к врачам, которым даже запрещалось быть клириками, и находил лечебницу помимо монастырской больницы»⁹.

На основании анализа источника Е.Ч. Скржинская реконструирует как быт «курорта»¹⁰ («автор — плохой поэт, но хороший наблюдатель»¹¹), так и представления средневекового человека о недугах и лечении¹² («поэма имеет в виду содействовать распространению медицинской славы ПUTEОЛ, оказать помощь больным и дать им возможность ориентироваться как в болезнях, так и в некоторых способах лечения. Это трактат утилитарного свойства»¹³).

⁸ Климанов Л.Г. Указ. соч. С. 11.

⁹ Скржинская Е.Ч. Об одном средневековом «курорте» // Средневековый быт... С. 260—261.

¹⁰ Там же. С. 264—265.

¹¹ Там же. С. 262.

¹² Там же. С. 260—270.

¹³ Там же. С. 262.

Безусловно, чувствуется влияние на автора идей об особенностях средневековой религиозности Л.П. Карсавина и О.А. Добиаш-Рождественской, но при этом важно подчеркнуть новаторский характер исследования. Следует напомнить, что классическая работа М. Блока, положившая начало изучению «культурной истории» представлений о здоровье, теле и болезнях, вышла в 1929 г.¹⁴ Оценивая изыскания Е.Ч. Скржинской, И.П. Медведев писал: «В 1930-е гг. она принимает участие в ряде коллективных проектов, организуемых под руководством О.А. Добиаш-Рождественской и М.А. Гуковского, из которых до издания был доведен только один, сборник «Агрикультура в памятниках западного Средневековья»»¹⁵.

В 1934 г. Е.Ч. Скржинская подготовила обобщающее исследование, посвященное истории техники средневековой Европы. Данный труд стал, пожалуй, одним из лучших в советской медиевистике указанного периода. С одной стороны, он был свободен от чрезмерных идеологических спекуляций, а с другой, — представлял собой работу «синтетического» характера.

Однако ее профессиональное положение в эти годы оставалось весьма нестабильным. В 1929 г. Е.Ч. Скржинская была переведена на должность сотрудника 1-го разряда, но в 1930 г. уволена из ГАИМК в ходе чистки по сокращению штатов¹⁶. В первой половине 1930-х гг. ей приходится зарабатывать на жизнь преимущественно переводами текстов далеких от ее профессиональной деятельности¹⁷. В 1936 г., т.е. после восстановления системы ученых степеней, она получает без защиты ученую степень кандидата исторических наук и с 1936 г. читает спецкурсы по истории средневекового Крыма на историческом факультете ЛГУ¹⁸. Рекомендую ее к присуждению степени, И.М. Гревс писал в своем обычном стиле: «Е.Ч. Скржинская известна мне со времени ее студенчества. Она окончила курс в Петроградском университете в 1919 г., а до этого ряд лет участвовала в устраиваемых мною семинарских занятиях по средневековой истории. В работе своей она проявляла, помимо живой энергии и воодушевления, стремление к глубокому изучению первоисточников, раннюю способность к критическому анализу и в

¹⁴ Анализ современного состояния этой проблемы в научной литературе см.: Арнаутова Ю.Е. Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004. С. 5—15.

¹⁵ Скржинская Е.Ч. Век XII. Поэма о версонских вилланах. Сельское хозяйство северной Франции // Агрикультура... С. 163—183; Она же. Век XIII. Трактат Альберта Великого «О растениях» // Там же. С. 219—283.

¹⁶ Васильев А.Н., Климанов Л.Г. Указ. соч. С. 464.

¹⁷ Там же. С. 464.

¹⁸ Она читала курсы латинской палеографии и истории материальной культуры, а также спецкурсы «Генуэзские торговые фактории в Крыму», «Латинский Восток» и др.

суждениях и выводах обнаруживала постоянную склонность к исследовательскому труду, проницательность мысли и несомненный синтетический талант. В ней уже тогда чувствовался выдающийся научный работник. Она обладала всеми нужными вспомогательными средствами к работе: разнообразными историческими знаниями, хорошей начитанностью, методическими и техническими сведениями и прекрасным знакомством с древними и новыми языками. Выходила она из школьных лет с редкой осведомленностью и твердой подготовкой в области тем как социальной и экономической истории, так и проблем духовной культуры. Такое предвидение своих университетских учителей она оправдала дальнейшим уже самостоятельным творчеством»¹⁹. С 1943-го по 1953 г. Е.Ч. Скржинская вновь работает в ИИМКе (ЛО ИА АН СССР), а затем с 1956-го по 1970 г. — в ЛО ИИ АН СССР²⁰. В эти годы ею был выполнен блестящий перевод «Гетики» Иордана, получивший высокую оценку специалистов.

* * *

В том же 1919 г. поступает на работу в РАИМК ученица И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской — Мария Александровна Тиханова (урожденная Клименко) (1898—1981)²¹, ставшая впоследствии крупным археологом, специалистом по Восточной Европе. В воспоминаниях о студенческих годах М.А. Тиханова напишет: «Историки-медиевисты продолжали свои занятия над изучением средневековых письменных источников и по палеографии у только что защитившей (в мае 1918 г.) докторскую диссертацию первой женщины-историка, первой женщины члена-корреспондента АН СССР, бывшей бестужевки, великолепного педагога и блестящего стилиста О.А. Добиаш-Рождественской. Студенток-медиевисток было совсем мало: Е.Ч. Скржинская — в настоящее время крупный историк-византист и автор настоящей статьи, ставшая впоследствии археологом. Лишь через год в группу, руководимую О.А. Добиаш-Рождественской и в ею же созданный на базе Исторического семинария Бестужевских курсов, уже в составе Единого Гос. Университета, Кабинет Вспомогательных исторических дисциплин, заведующим которого стала автор настоящей информации, влилась новая поросль, среди которой в первую очередь нужно назвать будущего известного медиевиста доктора исторических наук А.Д. Люблинскую. <...> Оказывал нам Университет и посильную практическую помощь: О.А. Добиаш-Рождественская вместе со своими

¹⁹ Климанов Л.Г. Указ. соч. С. 8.

²⁰ Список научных трудов Е.Ч. Скржинской см.: Васильев А.Н., Климанов Л.Г. Указ. соч. С. 519—521.

²¹ Архив ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 3. Д. 631.

ученицами (Е.Ч. Скржинской и М.А. Тихановой) в течение почти всей зимы 1918—1919 гг. занимались разборкой латинских фондов Департамента иностранных вероисповеданий, тщательно изучая хранившиеся в нем документы»²².

Однако заявленный в названии учреждения «титულный» интерес к изучению материальной культуры способствовал постепенному изменению тематики научных изысканий молодого ученого. Сама О.А. Добаш-Рождественская в отчете о своей работе в ГАИМКе начала 1920-х гг. напишет: «Совместно с М.А. Тихановой и Е.Ч. Скржинской я продолжала работу регистрации и исследования предметов западного быта и искусства в музеях Гос. Эрмитажа, б. Штиглица и Шуваловского, главным образом множественных эмалей и интересных своими формами средневековых светильников»²³.

Работая в ГАИМКе, М.А. Тиханова, помимо этого, в 1920—1923 гг. на кафедре в университете заведует кабинетом вспомогательных исторических дисциплин и занимается изучением истории средневековой Франции. Но с 1930-х гг. она окончательно переключается на археологию Восточной Европы²⁴, став общепризнанным специалистом по данной теме, долгие годы совмещает работу в институте с преподаванием на кафедре археологии ЛГУ²⁵.

Строго говоря, лишь одна небольшая статья М.А. Тихановой 1920 г. посвящена западноевропейскому Средневековью²⁶. Речь идет об этюде «Парижский Малый мост» в сборнике «Средневековый быт». Это довольно любопытное оригинальное исследование, выполненное под явным влиянием традиции французской исторической географии. В нем автор пытается реконструировать историю и, применительно к XII—

²² Тиханова М.А. Третий Петроградский университет // Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003. С. 251.

²³ Архив ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 3. Д. 186. Л. 19.

²⁴ Список научных трудов М.А. Тихановой см.: Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (1988). СПб., 1992. С. 7—10.

²⁵ Неофициальную оценку положения «выдающего специалиста по археологии раннего Средневековья» М.А. Тихановой в контексте советской археологической науки см.: Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010. С. 267—269.

²⁶ Из работ более позднего времени, связанных с изучением западного Средневековья, можно отметить следующие: Тиханова М.А. Восстание Дольчино // ПИДО. 1934. № 7—8. С. 56—71; Она же. От редакции // Грацианский Н.П. Бургундская деревня в X—XII столетиях. М.;Л., 1935. (ИГАИМК. Вып. 102). С. 7—16; Она же. Фридрих Энгельс о феодальной технике // История техники. 1937. Вып. 5. С. 161—192. Кроме того, особенно хочется отметить изданную в блокадном Ленинграде в 1942 г., написанную совместно с Д.С. Лихачевым брошюру «Оборона древнерусских городов».

XIII вв., «бытовую картину» одной парижской улицы, т.н. Малого Моста, соединяющего левый берег Сены и Cité. Мария Александровна опирается на разнообразный спектр источников от «Записок о галльской войне» Гая Юлия Цезаря и «Истории франков» Григория Турского до переписей плательщиков тальи, многочисленные хроники и агиографическую литературу XIII в., причем в последнем случае она, работая с изданием рукописи жития святого Дионисия XIV в., использует как сам текст, так и миниатюры — иллюстрации к нему²⁷. Рассматривая историю моста до XIII в. включительно, автор доказывает, что мост, несмотря на периодические перестройки, располагался на том же месте, что и в галльские времена, т.е. в I веке до н.э. «Малый Парижский Мост находится и сейчас на том же месте, как и в далекие галло-римские времена, являясь естественным продолжением большой, первоначально галльской дороги, а потом римской дороги из Орлеана на севере, которая именно здесь подходит к Сене»²⁸. При этом историк подчеркивает, что мост для средневекового города — это не просто переправа, а одна из самых значимых и оживленных улиц, «одно из лучших мест города»²⁹. Затем автор реконструирует «внешний вид» моста: «В XIII в. и в начале XIV в. Малый Мост и ближайшие подходы к нему на острове и на левом берегу тесно застроены. На воде под мостом — на арках, на плавучих баржах — мельницы, принадлежащие королю и обитателям; на мосту и рядом с ним, как бы продолжающие его основание — дома, в них мастерские и лавки»³⁰. Длина моста приблизительно 50 метров, ширина у основания — 6.

После этого М.А. Тиханова переходит к изучению состава населения и форм деятельности последнего, так сказать, пытается воссоздать хозяйственное значение моста. На основании анализа списков плательщиков тальи социальный состав жителей получается достаточно пестрым³¹, в основном торговцы, а не ремесленники. Таким образом, вполне убедительно выглядит и общий вывод автора: мост — центр транзитной торговли.

Исследование М.А. Тихановой — изящный микроисторический этюд, сделанный со стилистическим блеском и свидетельствующий о явном тяготении ученого к штудиям в области материальной культуры.

Таким образом, для обоих медиевистов — Е.Ч. Скржинской и М.А. Тихановой — РАИМК (впоследствии ГАИМК — ИИМК — ЛОИА АН

²⁷ Тиханова (Клименко) М.А. Парижский малый мост // Средневековый быт... С. 145.

²⁸ Там же. С. 115—116.

²⁹ Там же. С. 113.

³⁰ Тиханова (Клименко) М.А. Парижский малый мост. С. 127.

³¹ Там же. С. 130—131.

СССР) стал на долгие годы основным местом работы, а археология (в широком смысле этого слова) — одной из ведущих сфер деятельности.

* * *

В 1918 г. окончил университет Михаил Эммануилович Шайтан (1895—1926), занимавшийся в студенческие годы изучением Средневековья под руководством И.М. Гревса, Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественской³², также на определенном этапе своей жизни сотрудничавший с ГАИМКом. Уроженец Крыма, он вынужден был «по личным обстоятельствам» переехать в 1919 г. в Симферополь, но там, включившись в преподавание истории в средних учебных заведениях, не прекратил научную деятельность. Опираясь на доступные в Симферополе издания русских летописных сводов, ученый начал разрабатывать проблему культурных связей Киевской Руси и Западной Европы. Вернувшись в 1921 г. в Петроград и став «научным сотрудником» университета (впоследствии — Научно-исследовательского института истории), М.Э. Шайтан продолжил заниматься данной проблематикой, расширив круг своих исследовательских интересов.

В поле его внимания попадает Каролингское Возрождение и «ирландское влияние» на европейскую континентальную культуру VIII—XII вв. Параллельно с этим он участвует в работе группы историков под руководством А.И. Заозерского, занимавшейся изучением Шереметьевского архива, и сдает магистерские экзамены по средневековой истории. По свидетельству И.М. Гревса, М.Э. Шайтаном в указанный период были подготовлены к печати следующие работы: «Проблема свободы в каролингской монархии (развитие системы Иоанна Эриугены)»³³, «К изучению Готшалка», «Христина из Штоммелена», а также перевод первых трех книг трактата Эриугены³⁴. Однако М.Э. Шайтан опубликовал всего две работы — статью, посвященную ирландской эмиграции, и написанную на основе прочитанного в ИИМК доклада заметку о политических и культурных связях Киевской Руси в Германии. В мае 1926 г. Михаил Эммануилович умирает, и последняя статья выходит в свет уже после его смерти. И.М. Гревс пишет в некрологе: «В несколько иной форме сделанное М.Э. изложение своих выводов было им послано в *Historische Zeitschrift*. Ее редактор, Meinecke, отозвавшись на него сочувственным письмом, ставя принятию статьи М.Э. условия некоторых внеш-

³² Гревс И.М. М.Э. Шайтан (некролог) // Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1. С. 1.

³³ О созвучии этой проблемы современным историко-философским исследованиям см.: Антонова Е.В. Проблема свободы в философских дискуссиях Каролингского Возрождения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1985.

³⁴ Гревс И.М. М.Э. Шайтан... С. 1—2.

них изменений, вызванных типом издания. Ответить на эти требования автор уже не мог»³⁵.

Если попытаться кратко резюмировать содержание опубликованных статей М.Э. Шайтана, то их основная идея заключается в изучении культурных контактов средневековой Европы не как «циркуляции идей», а путем реконструкции различных форм и каналов коммуникаций. В работе «Ирландские эмигранты в Средние века» автор исследует не только значение данного процесса для развития культуры средневековой Европы³⁶, но и анализирует его причины и последствия, а также выделяет наиболее существенные этапы. Он отмечает, что современная наука сосредоточена преимущественно на одном — каролингском — этапе этого процесса, который начался намного раньше и закончился, соответственно, позднее. Историк усматривает истоки ирландской волны эмиграции на континент в конце VI—начале VII в. Основной контингент вынужденных переселенцев в указанный период составляют монахи ирландских монастырей, а причиной являются особенности иноческих правил Ирландии (изгнание как наиболее часто встречающаяся форма наказания за любые проступки) и конфликты клириков с языческим населением острова, составлявшим на тот момент большинство. Результатом данного процесса стало создание на континенте монастырей, организованных по ирландскому образцу, бывших не просто религиозными, но и культурными центрами. «Искали “пустыню за морем”, а становились миссионерами и просветителями еще полуязыческой, но культурно более восприимчивой Европы»³⁷. По мере христианизации Ирландии к середине VII—началу VIII в. поток эмигрантов на континент ослабевает, но вновь усиливается с конца VIII в. уже по новой причине. Монахи спасаются от набегов норманнов, преимущественно норвежцев и датчан. Указанный период знаменуется наиболее массовым движением ирландцев, главным образом, на территорию Каролингской империи и образовавшихся после ее раздела государств. Там им пришлось встретиться с весьма серьезными проблемами адаптации к инокультурной среде: «В глазах местных жителей они были надоедливыми бродягами. У скоттов можно было без-

³⁵ Там же. С. 12.

³⁶ М.Э. Шайтан пишет, что общие контуры этого процесса в целом определены. «Четкое письмо, изучение греческого языка и классической литературы, научные компиляции и развитие школьного дела, монашеское движение и каноническое право, поэзия и музыка, своеобразные философские системы и свобода критической мысли — все это лишь грубые определения этого широкого поля культурной работы, которое столь славно избородили и засеяли островитяне» // *Шайтан М.Э. Ирландские эмигранты в Средние века* // К 25-летию... С. 179—180.

³⁷ Там же. С. 182.

наказанно отнимать их последнее достояние, вплоть до нижнего белья жалобы властям были бесполезны. Старались путешествовать группами, невольно “следуя примеру апостолов”. Но тем труднее было найти приют»³⁸. В результате этого ирландская эмиграция стала объектом внимания политической власти, которая постепенно перешла от личного покровительства, как при Карле Великом, к законодательному решению проблемы. «Большое скопление эмигрантов, их беспорядочные скитания и постоянная нужда невольно заставляли крупных и мелких государей феодальной Европы позаботиться о более регулярном их устройстве, тем более что появление все новых групп не давало шансов на скорое прекращение эмиграции, принявшей хронический характер. Старались сосредоточить ирландцев в особых монастырях. Они так и назывались — *xenodochia, hospitalia, receptacula*. Это были не монастыри в прямом смысле, а скорее убежища, принимавшие всякого изгнанника, будь он инок или мирянин. <...> Обычно для основания таких приютов ирландцы получали от высших властей землю и материалы, а дальнейшая помощь была делом частной благотворительности. Расположенные по большей части вдоль берегов Мозы, Рейна и его притоков, ирландские гостии могли принимать не только изгнанников, но и паломников, а близость великого европейского водного пути позволяла не порывать связь с родиной»³⁹. С середины X в. по мере нормализации взаимоотношений с норманнами, в первую очередь, принятия ими Христианства, массовая эмиграция ирландцев ослабевает, но не прекращается вовсе, а обретает несколько иной характер. На сей раз данный процесс представляет собой движение («широко раскинутые обитатели значительно облегчали скоттам их передвижение»⁴⁰), тесно связанное с торговлей, основанием новых ирландских колоний, и все больше перемещающегося на восток. Теперь территория их расселения — германские земли. «Через Майнц и Бюрцбург, где были их гостии, они направляются вверх по Майнцу, а затем и к верховьям Дуная»⁴¹. Здесь они создают свою централизованную организацию. «В XII в. ирландские монастыри образовали самостоятельную конгрегацию с постоянным капитулом в Регенсбурге во главе с аббатом св. Якова. Есть основания думать, что эта конгрегация пользовалась полной автономией, и совершенно не подчинялась епископской власти. В ее организации сохранились старинные традиции Ирландии, где аббаты стояли выше епископов в церковном управлении»⁴². Двигаясь дальше

³⁸ Шайтан М.Э. Ирландские эмигранты... С. 189.

³⁹ Там же. С. 190—191.

⁴⁰ Там же. С. 197.

⁴¹ Там же. С. 194.

⁴² Шайтан М.Э. Ирландские эмигранты... С. 197.

на восток, ирландцы достигают даже Киева, и этот единичный случай рассматривается М.Э. Шайтаном особо⁴³. Меняется, скажем так, контингент: «...От эмигрантов в IX в. их отличала не только меньшая образованность, но большая предприимчивость и даже некоторая коммерческая ловкость»⁴⁴. На несколько столетий ирландская эмиграция превратилась в постоянное явление культурной и экономической жизни Европы, и только в начале XIII в. она как массовое движение сходит на нет. Причина тому — присоединение Ирландии к Англии.

Вторая опубликованная статья М.Э. Шайтана посвящена реконструкции политических и культурных связей Киевской Руси и германского королевства во второй половине XI в., т.е. «ограничивается временем правления сыновей Ярослава на Руси и Генриха IV в Германии»⁴⁵. Сочетая материал русских летописей и западноевропейских письменных источников, М.Э. Шайтан обстоятельно реконструирует как торговые контакты, так и, в первую очередь, международный контекст «смуты Ярославичей»⁴⁶. В этой связи в качестве определенной «внешней силы», к которой князья — участники смуты — обращаются за помощью, фигурируют и польский король, и римский папа, и германский император. Таким образом, представители последнего — ирландские монахи — посещают Киев⁴⁷. В целом, конечно, данная работа гораздо менее концептуальна, чем первая, и призвана, скорее, показать ученым возможное направление дальнейшего исследования. Вероятно, автор просто не успел завершить окончательную редакцию текста, опубликованного вскоре после его смерти коллегами при активном участии И.М. Гревса⁴⁸, на племяннице которого М.Э. Шайтан был женат.

* * *

Другая более многочисленная группа молодых петроградских медиевистов сосредоточилась в Отделе рукописей Публичной библиотеки. В 1923 г. туда пришла когорта учеников И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской — Р.Н. Блох, М.А. Гуковский, С.А. Ушаков, Н.В. Пигулевская, А.Д. и В.С. Люблинские. В библиотеке также работают Л.И. Олавская, Г.П. Федотов, Н.П. Анциферов. Обновление научных кадров связано еще и с тем, что согласно Рижскому мирному договору Советская Россия должна была передать Польше часть культурных ценностей¹ (в частности, книг и рукописей), вывезенных в XVIII—

⁴³ Там же. С. 199—203.

⁴⁴ Там же. С. 194.

⁴⁵ Шайтан М.Э. Германия и Киев в XI в. // Летопись... С. 3.

⁴⁶ Там же. С. 8—11.

⁴⁷ Там же. С. 20—24.

⁴⁸ Гревс И.М. М.Э. Шайтан... С. 2.

XIX вв.⁴⁹ Важное место в списке того, что надлежало вернуть, занимали средневековые латинские манускрипты, хранившиеся в Публичной библиотеке. Для каталогизации, атрибуции и описания памятников привлекли, с частичным включением в штат сотрудников, плеяду медиевистов. Работой руководила О.А. Добиаш-Рождественская, которая, в первую очередь задействовала своих непосредственных учеников и учеников И.М. Гревса.

Правой рукой О.А. Добиаш-Рождественской в рамках данного направления стал В.В. Бахтин (1901—1951). Он родился в 1901 г. в Петербурге в семье известного врача-окулиста⁵⁰. В 1918 г. окончил бывшую гимназию Императорского человеколюбивого общества и в 1919 г. поступил на факультет общественных наук Петроградского университета. В феврале 1923 г. по решению Исторического института Петроградского университета В.В. Бахтина оставили при кафедре Средних веков, однако основным местом работы молодого ученого стал Отдел рукописей Публичной библиотеки, сотрудником которого он был по рекомендации О.А. Добиаш-Рождественской еще с 1922 г.⁵¹ В.В. Бахтин, добившись в этот период больших профессиональных успехов, многими коллегами, в том числе и самой О.А. Добиаш-Рождественской, рассматривается в качестве «восходящей звезды» петроградской медиевистики и преемника неформального лидера школы. В 1920-е гг. В.В. Бахтин публикует ряд научных работ как в отечественных, так и зарубежных изданиях⁵². Однако в 1928 г. он был арестован по делу «Воскресения», получив по приговору три года заключения, отбывал наказание в Соловецких лагерях. Затем в 1930 г. его снова привлекли, но уже по «Академическому делу». После возвращения в 1934 г. в Ленинград В.В. Бахтин был вынужден в 1935 г. уехать в Калинин, где в 1937 г. в очередной раз оказался под стражей; вскоре его осудили сроком на 10 лет. Научная биография В.В. Бахтина на этом фактически завершилась. В 1947 г. он, выйдя из лагеря, вместе с женой жил на поселении в Абези и работал бухгалтером, а в 1949-м переехал в Ставропольский край, где скончался в 1951 г.

⁴⁹ Моричева М.Д. Библиотека Залуских и Российская Национальная библиотека. СПб., 2001.

⁵⁰ Вольфиун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 18.

⁵¹ Там же. С. 21.

⁵² Бахтин В.В. Две хартии раннего средневековья из архива Инды // *Analecta mediaevali*. Л., 1925. Вып. 1. С. 62—77; *Он же*. К истории корбийского письма // *Analecta mediaevali*. Л., 1927. Вып. 2. С. 61—78; *Он же*. Школьная жизнь в Париже XII века // *Средневековый быт...* С. 206—232; *Он же*. Рукописи из собрания Оливера Кромвеля в Государственной Публичной библиотеке // Книга о книге. Л., 1929. Вып. 2. С. 207—218; *Bakhtine W. Un missel de Saint-Nicaise de Reimse* // *Academie des Inscriptions et Belles-Letters. Comptes rendus des seances de l'annee 1928. Bulletin de octobre-decembre*. P. 262—368.

В статье «Школьная жизнь в Париже XII века», основанной на анализе оригинальных источников и посвященной реконструкции истории формирования французского интеллектуального пространства, автор показывает уникальность ситуации рождения и эволюции новых социокультурных элементов. «Именно в изучаемый нами век складывается позднее делающийся шаблоном тип средневекового студента-клирика, вырвавшегося из обычных отношений и ведущего жизнь добровольного изгнанника и скитальца на чужбине»⁵³.

* * *

Еще одним молодым сотрудником этой команды стал Сергей Александрович Ушаков (1904—1938)⁵⁴, родившийся в Петергофе в семье помощника делопроизводителя. В 1920 г. окончив школу (бывшую Петергофскую гимназию), он поступил на факультет общественных наук (далее — ФОН) Петроградского университета, специализировался в области средневековой истории, а своими главными учителями считал И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественскую, «в палеографическом семинаре которой занимался разбором итальянских хартий из коллекции Н.П. Лихачева»⁵⁵. В 1923 г. не сдав полностью выпускные экзамены в университете (в силу чего официально считался лицом «с незаконченным высшим образованием»⁵⁶), Сергей Александрович поступил на работу в Публичную библиотеку, много времени посвящал т.н. «польским делам». Достаточно быстро Ушаков выдвинулся в число ведущих специалистов рукописного отдела⁵⁷. Но в 1935 г. его заключили под стражу и выслали вместе с семьей в Оренбург, а в 1938 г. после повторного ареста расстреляли.

Сам С.А. Ушаков незадолго до того, как попал в застенки, составил список подготовленных им к печати научных трудов⁵⁸. Однако судьба этих исследований неизвестна. Были опубликованы лишь две статьи молодого ученого⁵⁹, и обе построены на средневековом рукописном материале из хранилищ Петрограда. В первой работе С.А. Ушаков на ос-

⁵³ Бахтин В.В. Школьная жизнь... С. 208.

⁵⁴ Вахтина П.Л. Ушаков Сергей Александрович // Сотрудники Российской... Т. 2. С. 601—603; Вольфиун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 67—78.

⁵⁵ Вольфиун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 68. О.А. Добиаш-Рождественская отмечала С.А. Ушакова в качестве одного из успешных участников работы семинария (Акты Кремоны X—XIII в. в собраниях АН СССР. Л., 1936. С. 25—26).

⁵⁶ Вольфиун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 71.

⁵⁷ Там же. С. 72—77.

⁵⁸ Там же. С. 77.

⁵⁹ Ушаков С.А. Спор о границах приходов // Средневековый быт... С. 161—178; Он же. Сборник итальянских стихотворений XV в. (Рукопись публичной библиотеки) // *Analecta medii aevi*. Л., 1927. Вып. 2. С. 119—142.

новании анализа двух грамот конца XII в. из собрания Н.П. Лихачева реконструирует взаимоотношения между епархиями по поводу спорного прихода. «Хартии эти представляют засвидетельствованные нотариусами показания кремонских и пьяченских клириков по поводу спора между Кремонским и Пьяченским епископатами о границах их власти»⁶⁰. Исследование, снабженное солидным источниковедческим экскурсом, выполнено, говоря современным языком, в рамках «микрo-исторического подхода», и в нем явно чувствуется влияние ранних трудов О.А. Добиаш-Рождественской, особенно — магистерской диссертации. Конфликт приходов становится для медиевиста неким казусом, позволяющим реконструировать их жизнь и понять элементы социальной ткани средневекового общества. Сергей Александрович убедительно показывает, что сама конфликтная ситуация оказывается достаточно типичной для феодального мира, в рамках которого реальное функционирование прихода оказывается отличным от его идеального образа. «Приходские церкви и капеллы, построенные в городах, селах и деревнях на территории Кремонского диоцеза, уже с момента своего возникновения испытывают воздействие нескольких, часто взаимовраждебных властей. Положение это — при всех индивидуальных и областных его особенностях — характерно для всего огромного круга отношений западной церкви в феодальном обществе классического Средневековья. Во все времена существования церковей власть епископа над ними представлялась высшей и обязательной. Но, наряду с этим признанием, почти до конца средневековья среди феодалов, как светских, так и духовных, жил взгляд на основанные ими церкви как на собственность “сеньора земли”, которой он распоряжался по его усмотрению, видя в нем источник многочисленных доходов и поборов»⁶¹. Реальный приход оказывается не столько частичкой Града Божьего или Тела Господня, как должно было быть с точки зрения идеального образа Церкви, сколько элементом сети самых разных, весьма запутанных «земных», т.е. правовых, политических, социальных и хозяйственных отношений. «Феодальное устройство мира, как будто довольно логичное, если его рассматривать сверху, со стороны епископата или патрона, бесконечно запутано, если на него смотреть снизу, со стороны многочисленных вассалов церкви и патрона, вассалов, которые лишь смутно осознают, что имущество их принадлежит церкви и вспоминают об этом раз в год. На этой условности феодальных отношений и возникают всё чаще повторяющиеся споры. <...> Но всего запутаннее был порядок организации управления в приходах, находящихся на границах двух диоцезов, осо-

⁶⁰ Ушаков С.А. Спор о границах... С. 162.

⁶¹ Там же. С. 162—163.

бенно в тех случаях, когда сами эти границы не были четко определены и зафиксированы. Тогда поднималась распря между двумя соседними диоцезами, втягивая в разрешение этого вопроса папскую власть и вызывая мелочное расследование, опросы свидетелей, старожил и соседей, судебные кляузы и драмы, часто полные очень живых бытовых красок»⁶². Однако, как уже говорилось, своего продолжения эта новаторская работа молодого ученого не получила.

Вторая опубликованная статья представляет собой источниковедческий анализ одной из рукописей собрания Залуских. С.А. Ушаков выдвигает собственную гипотезу о времени и месте создания манускрипта, а также идентифицирует и характеризует большую часть входящих в его состав памятников⁶³.

* * *

В числе привлеченных в данный период к сотрудничеству в Публичной библиотеке были и супруги Александра Дмитриевна и Всеволод Сергеевич Люблинские. В.С. Люблинский⁶⁴ (1903—1968), окончивший в 1923 г. ФОН Петроградского университета, в студенческие и первые послеузовские годы рассматривал себя в качестве медиевиста⁶⁵. Подобным же образом воспринимали его и окружающие. В 1924 г. он получил приглашение принять участие в сборнике научных статей «Средневековый быт», посвященном юбилею И.М. Гревса. Однако написанная им работа была отвергнута редколлегией, в частности, О.А. Добиаш-Рождественской. Впрочем, данное обстоятельство не отразилось на отношениях между учеными. Впоследствии занимая ряд ответственных должностей в Публичной библиотеке, В.С. Люблинский сосредоточился на изучении истории культуры Западной Европы Нового времени, особенно, творчестве Вольтера, прекрасным знатоком которого он стал⁶⁶. А Средним векам была посвящена лишь одна опубликованная работа В.С. Люблинского — статья «Semidius Катона Сако. (Неопубликованный трактат

⁶² Ушаков С.А. Спор о границах... С. 164—165.

⁶³ Ушаков С.А. Сборник итальянских... С. 119—142.

⁶⁴ О нем см.: Рутенбург В.И. Выдающийся знаток рукописи и книги (Памяти В.С. Люблинского) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. 2. С. 301—304; Сидоров А.А. В.С. Люблинский как книговед // Люблинский В.С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972. С. 3—13; Враская О.Б., Гранстрем Е.Э., Каганович Б.С. Палеограф и историк книги В.С. Люблинский и его личный архив // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 236—241; Вольфиун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 165—201.

⁶⁵ Вольфиун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 168—175.

⁶⁶ Материалы о биографии и трудах В.С. Люблинского см.: Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001. С. 75—108.

XV в. о военном искусстве. Рукопись публичной библиотеки lat. Q. V. XVII)». В исследовании, дав общую палеографическую характеристику рукописи и подробно разобрав иллюстрирующие ее миниатюры, ученый попытался реконструировать ее историю⁶⁷.

Совершенно по-другому сложилась судьба его супруги Александры Дмитриевны Люблинской (урожденной Стефанович) (1902—1980)⁶⁸. Дочь протоиерея Исаакиевского собора, она в 1922 г. окончила ФОН Петроградского университета и по рекомендации О.А. Добиаш-Рождественской была принята на работу в Публичную библиотеку. Дебютировав во втором юбилейном сборнике И.М. Гревса⁶⁹, постепенно становится наиболее значимой фигурой ленинградской медиевистики 1940—1950-х гг., крупнейшим специалистом по латинской палеографии⁷⁰, сочетая эту тематику с изучением истории Франции XVII в.⁷¹

* * *

С Публичной библиотекой в 1922—1925 гг. сотрудничал также ученик И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской — Матвей Александрович Гуковский (1898—1971)⁷², окончивший ФОН университета в 1923 г.,

⁶⁷ Люблинский В.С. *Semidius Катона Сако*. (Неопубликованный трактат XV в. о военном искусстве. Рукопись публичной библиотеки lat. Q. V. XVII) // *Analecta medii aevi*. Л., 1927. Вып. 2. С. 161—173.

⁶⁸ *Бессмертный Ю.Л., Малов В.Н.* А.Д. Люблинская — историк-медиевист // СВ. М., 1972. Вып. 35. С. 3—15; *Бернадская Е.В., Ворнова Т.П.* А.Д. Люблинская и Отдел рукописей ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Там же. С. 16—20; *Романова В.Л.* А.Д. Люблинская — архивист и палеограф // *Археографический ежегодник за 1972 г.* М., 1974. С. 218—225; *Шаркова И.С.* А.Д. Люблинская и вспомогательные исторические дисциплины // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1981. Т. 12. С. 334—341; *Бернадская Е.В., Киселева Л.И., Малинин Ю.П., Сомов В.А.* Александра Дмитриевна Люблинская (1902—1980) // *Портреты историков. Время и судьбы*. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. Всеобщая история. С. 228—242; *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать»... С. 106—109, 167—180; *Вольфиун Л.Б.* От Корбийского скриптория... С. 113—164.

⁶⁹ *Стефанович А.Д.* Петух на готическом соборе // *Средневековый быт...* С. 272—279.

⁷⁰ О.А. Добиаш-Рождественская передаст ей «по наследству» чтение курса латинской палеографии в университете. См.: *Киселева Л.И.* Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. СПб., 2003. С. 295.

⁷¹ В 1940 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV. Договор в Сент-Мену и Генеральные Штаты 1614 г. (По неопубликованным документам Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде и Парижской национальной библиотеки)». См.: *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать»... С. 106.

⁷² *Немилов А.Н.* М.А. Гуковский (1898—1971) // *Гуковский М.А.* Итальянское Возрождение. 2-е изд. Л., 1990. С. 3—6; *Он же.* Матвей Александрович Гуковский и традиция изучения итальянского Ренессанса в Санкт-Петербурге // *Научная конференция памяти Матвея Александровича Гуковского. К 100-летию со дня рождения*. СПб., 1998. Список трудов М.А. Гуковского см.: Там же. С. 7—19.

а до этого учившийся в 1917—1920 гг. в Технологическом институте. Первая научная публикация М.А. Гуковского посвящена анализу рыцарского турнира как культурной формы⁷³; ученым были изучены источники, проливающие свет на бытование данного феномена в Италии позднего Средневековья, рассмотрены системы вооружения, регламенты ведения состязаний и их восприятие современниками.

Первоначальное образование, а также семейные традиции (отец М.А. Гуковского был инженером-технологом, преподававшим в Политехническом институте⁷⁴) в определенной степени обусловили его интерес к истории естественно-математической мысли, в частности, к трудам Леонардо да Винчи, изучением творчества которого исследователь активно занимался на протяжении многих лет⁷⁵. В 1929—1931 гг. он находился в должности ученого секретаря Библиотеки АН СССР, в 1932—1934 гг. был заведующим кафедрой истории техники Ленинградского индустриального института⁷⁶. В 1930-е гг. работал старшим ученым специалистом Института истории науки и техники АН СССР. Поскольку официальные руководители ИИИТ проживали в Москве, именно ему фактически приходилось координировать деятельность этого учреждения, к сотрудничеству с которым он активно привлекал своих коллег-медиевистов. После получения в 1934 г. степени кандидата исторических наук, М.А. Гуковский преподавал на кафедре Средних веков в университете, педагогическом институте и ЛИФЛИ, а также работал в Эрмитаже⁷⁷. В 1939 г. защитил докторскую диссертацию «Механика Леонардо да Винчи».

М.А. Гуковский стал одним из создателей советской марксистской концепции Ренессанса⁵. Эпоху Возрождения он — вслед за Ф. Энгельсом — определял как «переворот в сфере экономической, социальной, политической и культурной»⁷⁸. Данная концепция впервые была предложена Матвеем Александровичем в носившей программный характер статье «К вопросу о сущности так называемого “Итальянского Возрождения”», в которой он говорит о возможности творческого синтеза марксизма и классической концепции Я. Буркхардта⁷⁹. Новая синте-

⁷³ Гуковский М.А. Турниры Италии на исходе Средних веков // Средневековый быт... С. 50—77.

⁷⁴ Научная конференция памяти Матвея Александровича Гуковского. С. 5.

⁷⁵ Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М., 1947; *Он же*. Леонардо да Винчи. Творческая биография. М.;Л., 1958; *Он же*. Мадонна Литта. Картина Леонардо да Винчи в Эрмитаже. М.;Л., 1959.

⁷⁶ Научная конференция памяти Матвея Александровича Гуковского. С. 5.

⁷⁷ Немилов А.Н. М.А. Гуковский... С. 3—4; Научная конференция памяти Матвея Александровича Гуковского. С. 5—6.

⁷⁸ Гуковский М.А. Итальянское Возрождение... С. 11.

⁷⁹ Гуковский М.А. К вопросу... С. 735.

тическая концепция («динамическая и социологическая»³) позволяет, по мнению автора, показать значение совершенного переворота для всех сторон жизни общества. «Локализуя “Возрождение” в общем ходе исторического процесса, такая концепция считает его ранней вспышкой капиталистических элементов в рамках феодальной формации, вспышкой, сравнительно быстро затухающей, но своим кратким и ярким сиянием как бы показывающей путь тому общему наступлению капитализма, которое начинается главным образом в Европе, а не в Италии с середины XVI в. В отношении основных характеристик мы <...> считаем основными в Возрождении колоссальные социальные и экономические сдвиги, происшедшие вначале и затем постепенно замершие, но давшие на протяжении эпохи, и особенно к концу ее, исключительное цветение явлений надстроечного характера»⁸⁰.

С этих позиций он достаточно жестко критиковал за неверный методологический подход работы «немарксистских авторов», в том числе и других представителей ленинградской медиевистики (в частности, А.И. Хоментовской⁸¹, В.С. Люблинского⁸², С.А. Ушакова⁸³, Е.Ч. Скржинской⁸⁴), а также своего основного конкурента в избранной тематике — А.К. Дживелегова⁸⁵. В работах более поздних лет М.А. Гуковский неоднократно негативно оценивал научные труды других представителей школы И.М. Гревса, в частности, Л.П. Карсавина и Н.П. Оттокара, которые, впрочем, отвечали ему взаимностью⁸⁶. На наш взгляд, все это косвенным образом свидетельствует о разложении некогда единой на-

⁸⁰ Там же. С. 756.

⁸¹ «Большим недостатком этой работы, по сравнению с работой Дживелегова, является то, что продолжая традицию буржуазной историографии, она почти совершенно не дает социального анализа изображаемых ей событий, действующих лиц, художественных произведений, ограничиваясь яркой и хорошо изложенной, но мало что объясняющей цепью политических событий и явлений бытового или идеологического порядка. Положительной же стороной работы является (вопреки утверждению Дживелегова, что она в основном базируется на старой работе Джулии Картрайт) свежесть многих используемых автором источников и оригинальность в отдельных высказываниях и частях книги // *Гуковский М.А. Советская литература по Итальянскому Возрождению // Исторический сборник. Вып. 1. Л., 1934. С. 318.*

⁸² «Носящая чисто информационный характер, статья только ставит ряд вопросов, возникающих в связи с рукописью Сакко, совершенно не пытаясь хотя бы осторожно и гипотетично дать на них ответы. В этом, а также в полном отсутствии даже легких признаков социального анализа памятника основной недостаток этой полезной и аккуратной выполненной, но глубоко спецовской статьи» // Там же. С. 323.

⁸³ Там же. С. 324.

⁸⁴ Там же. С. 320.

⁸⁵ Там же. С. 310—315.

⁸⁶ *Клементьев А.К., Клементьева В.А. Указ. соч. С. 396.*

учной школы. Даже если люди остались те же, их идентичность формировали уже другие силовые полюса поля науки.

Однако основная деятельность М.А. Гуковского (как и супругов В.С. и А.Д. Люблинских) приходится на более позднее время и потому должна остаться за пределами нашего внимания.

Можно говорить о том, что в рамках школы И.М. Гревса произошла смена поколений. Целый ряд представителей дореволюционной науки — Л.П. Карсавин, Н.П. Оттокар, Г.П. Федотов, К.В. Фроловская, А.А. Тэнтел, С.И. Штейн, В.В. Вейдле — покинул Россию и отправился в вынужденную эмиграцию. Ушли из жизни П.Б. Шаскольский, В.Э. Крусман, М.Э. Шайтан. Переключившись на иные сферы профессиональной деятельности, временно или навсегда оставили медиевистику Н.П. Анциферов, Г.Э. Петри, А.А. Гизетти, Л.И. Олавская. Наконец, в 1923 г. из университета был уволен и сам И.М. Гревс. В то же время именно в 1920-е гг. разворачивается активная научная деятельность представителей более молодого поколения. При этом следует говорить о том, что основными институциями, в рамках которых существует петроградская медиевистика в данный период, являются не университет, как в дореволюционные годы, а (до восстановления исторических факультетов в 1934 г.) ГАИМК и, в большей степени, Публичная библиотека. Лидером научного сообщества медиевистов, особенно после увольнения И.М. Гревса из университета, становится О.А. Добиаш-Рождественская. В соответствии с ее приоритетами и стратегией поведения в новых условиях, под давлением политических обстоятельств и с учетом «прикладных» «требований заказчика» (власти специалисты по Средним векам оказываются нужны, в первую очередь, как эксперты), в целом, меняется характер и направленность научных изысканий большинства петроградских медиевистов. На смену работ, посвященных истории Церкви и культуры, биографиям великих «гениев эпохи», приходят штудии источниковедческого и палеографического характера. Основным изданием, на страницах которого публиковались исследования представителей петроградской школы медиевистики, в указанный период становится *“Analecta medii aevi”*. Однако нельзя не признать, что именно эта трансформация способствовала сохранению дореволюционных традиций школы в новых условиях. Ряд работ петроградских медиевистов по проблемам источниковедения и палеографии выходит в зарубежных научных изданиях, а данный факт, несомненно, говорит об их высоком уровне и растущем признании.

Таким образом, завершая рассмотрение краткой истории петербургской школы медиевистики И.М. Гревса, следует подчеркнуть главное: в целом (были, конечно, исключения, но мы говорим об общей тенденции), сообщество представляло собой сплоченное научно-профес-

сиональное объединение, связанное единством проблематики исследования и методологии. Школа также являлась социальной группой, конструируемой определенным набором поведенческих практик и создаваемой ими коллективной идентичностью.

В текстах научных, научно-популярных и учебных работ, написанных петроградскими медиевистами, это единство проявляло себя следующим образом.

С точки зрения проблематики большинство учеников И.М. Гревса специализировалось на изучении классического Средневековья романских стран, преимущественно Италии и Франции (Испания не попадала в круг их внимания). Отдельные исследователи (С.И. Штейн) — их явно было меньшинство — занимались германской историей. В.Э. Крусман пришел к И.М. Гревсу в силу сложившихся обстоятельств уже зрелым ученым, и со своей английской проблематикой явно чувствовал себя в рамках школы не очень комфортно. Темы первых научных работ многих питомцев И.М. Гревса вырастали из семинарских занятий профессора, поэтому основное внимание уделялось источниковедческим сторонам социальной (прежде всего, городской) и культурной истории⁸⁷. В этом плане стоит отметить, что ведущие представители синхронной (т.е. существовавшей одновременно) московской школы медиевистов П.Г. Виноградова преимущественно сосредоточились на изысканиях в области политической, социально-экономической и аграрной истории средневековой Англии. На протяжении четверти века тематика научных работ представителей школы менялась. Если говорить о какой-то динамике интересов, то движение шло от изучения культурной истории (с особым вниманием к истории Церкви) к источниковедению (в первую очередь, латинской палеографии), от великих идей и гениев к быту, народной религиозности и повседневности.

Данный поворот в исследованиях, как кажется, объяснялся рядом моментов. Прежде всего, он связан с приоритетными научными задачами, поставленными О.А. Добиаш-Рождественской, выступившей к середине 1920-х гг. в роли лидера школы, а также изменением политической ситуации. Источниковедение стало в условиях большевистской диктатуры формой внутренней эмиграции; оно также оказалось весьма востребованным в связи с «польскими делами».

Методологической основой работ большинства представителей школы И.М. Гревса (Л.П. Карсавин — исключение, подтверждающее

⁸⁷ Сами петербургские медиевисты оценивали свое новаторство и оригинальность в этом плане достаточно высоко — и, надо сказать, не без оснований. «Темы феодальной культуры, разрабатываемые в последнее время автором, являются совершенно новыми у нас в России, да не очень культивируемыми и на Западе» // Федотов Г.П. К истории средневековых культов... С. 274.

правило), преимущественно имплицитной, является специфический синтез идей позитивизма и романтизма с «вкраплениями» гегельянства⁸⁸. Набор элементов и образец их смешения дал сам И.М. Гревс. Однако синтез был вариативным, поэтому в творчестве каждого члена школы сочетание методологических традиций нередко давало уникальные сплавы.

Единство петербургских медиевистов просматривается, как совершенно справедливо отметил еще С.Н. Валк (в сравнении с московскими коллегами), в особом внимании к источнику. Даже работы, ориентированные на широкого читателя, не говоря уже о специальных научных трудах, строятся на основе интерпретации текста конкретного источника. Кроме того, большое количество исследований, написанных петербургскими медиевистами (от ранних статей Л.П. Карсавина до опубликованных Публичной библиотекой сборников 1920-х гг.), посвящено непосредственно вопросам и проблемам источниковедения.

Безусловно, большое значение для многих (хотя далеко не для всех) представителей школы имел т.н. «портретный метод», сформировавшийся под непосредственным влиянием идей и работ И.М. Гревса. Под «портретным методом» в данном случае следует понимать выбор в качестве объекта изучения конкретную историческую личность, жизнь и взгляды которой рассматриваются в многоплановом контексте как «преломление» тех или иных (от религиозных до экономических) «общих» тенденций эпохи. Метод этот, как уже говорилось, был применен и теоретически обоснован еще в магистерской диссертации И.М. Гревса и сохранял свою актуальность для его учеников — А.И. Хоментовской и М.А. Гуковского — вплоть до 20-х гг. XX в.

Для многих учеников Гревса существенное значение имеет исследовательская установка, ориентированная на выявление «внутренних противоречий» изучаемой культуры, общества, эпохи, личности. Сам Иван Михайлович писал: «Действительно, средние века — эпоха сталкивающихся контрастов и их противоборства. “Антиномичность” культуры — отличительная особенность средневековья. “Противоречия” ярко чувствуются в его глубине, но вместе с напряженным исканием из них выхода к гармонии и единству. Они сквозят уже в известных фор-

⁸⁸ При анализе работ большинства историков, занимающихся изучением конкретно-исторической проблематики, на наш взгляд, очень трудно обнаружить чистых представителей того или иного направления. Точнее говоря, они были, но их немного. Большинство «практикующих» историков было, как говорилось в советские времена, «эклектиками», и по отношению к ним традиционно выделяемые методологические традиции выступают в качестве веберовского идеального типа.

мулах двойственности, к ним применяемым: цивилизованность и варварство, романизм и германизм, феодализация и государственность, папство и империя, универсализм и партикуляризм, местная замкнутость и мировое общение, “разлив индивидуальных сил и жесткий деспотизм коллектива”, авторитет церкви и безграничность мистических исканий⁸⁹. Наличие указанных противоречий ученые понимали по-разному, однако именно их выявление для многих работ служит основой концептуальной интерпретации тех или иных исторических фактов. Кстати сказать, данный прием в определенной степени сохранился и в последующем, хотя понятно, что для догматической советской схемы речь могла идти преимущественно о выявлении «классовых противоречий».

Конструируя в качестве актуального историографического контекста определенную ситуацию в науке, представители школы И.М. Гревса (в соответствии с конвенциональными нормами профессионализма в обязательном порядке учитывая всю существующую историографию вопроса), в первую очередь, ориентируются на французскую традицию, за которой следует германская и итальянская. Признанный авторитет, классик, «властитель умов» — Н.Д. Фюстель де Куланж, с которым, впрочем, они не могли отказать себе в удовольствии поспорить по частным вопросам. Кроме того, в «джентльменский набор» обязательно упоминаемых имен входят А. Люшер, Ш.-В. Ланглуа, Ж. Флак.

Также необходимо подметить один важный, демонстрирующий определенную «корпоративную этику» факт — особое внимание представителей школы И.М. Гревса к трудам друг друга. Петербургские медиевисты публично подчеркивают значимость работ своих коллег, откликаются на выход книг обстоятельными рецензиями⁹⁰, особо отмечают изыскания друг друга в историографических и библиографических обзорах. Они всячески заявляют о своей принадлежности к одной интеллектуальной общности — школе.

⁸⁹ Гревс И.М. Лик и душа Средневековья... С. 38.

⁹⁰ Гревс И.М. Рец.: Добиаш-Рождественская О.А. Западная Европа в Средние века. Пг., 1920 // Педагогическая мысль. 1922. № 1—2. С. 69—74; Он же. Рец.: Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество во Франции в XIII веке. Ч. 1. Приход. Пг., 1914 // ЖМНП. 1915, сент. С. 152—181; Он же. Рец.: Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни Италии XII—XIII вв. // Научный исторический журнал. 1913. Т. 1. Вып. 1. С. 80—91; Добиаш-Рождественская О.А. Религиозная психология Средневековья в исследованиях русского ученого // Русская мысль. 1916. № 4. С. 22—28; Федотов Г.П. К истории средневековых культов // Анналы. 1922. № 2. С. 273—278; Цемли Н.С. Проблема происхождения французского города в научной литературе // Россия и запад. Пг., 1923. Вып. 1. С. 168—183; Гуковский М.А. Советская литература по Итальянскому Возрождению // Исторический сборник. Л., 1934. Вып. 1. С. 310—328.

Совокупный корпус работ, созданный петербургскими медиевистами, представляет собой целостное, но при этом вариативное дискурсивное единство. Его генератором в данном случае является создатель и лидер ученой корпорации — профессор И.М. Гревс. Дискурс петербургской школы медиевистики характеризуется установкой на синтез научного и художественного стиля, наличием эмоционально-окрашенных элементов с этическими и эстетическими коннотациями. Во многих источниковедческих по своей тематике работах была, условно говоря, гуманитарность. Исторический нарратив строится как «рассказ человека о человеке». И понятно, что подобная имплицитная самоатрибуция текста требовала актуализации внутреннего опыта читателя. Он должен был стремиться «понять» «живых людей» прошлого или, по крайней мере, соотнести себя с ними в эмоциональном плане. Данный дискурс достигает кульминации в начале 1920-х гг. преимущественно в текстах научно-популярных работ, а к концу 1930-х гг. практически сходит на нет.

Представляется, что отмеченные черты вполне позволяют аргументировать тезис о единстве петербургской школы медиевистов на содержательном — «идейном», концептуально-методологическом — уровне. Попробуем рассмотреть, каким образом конструировалось это единство.

Глава III

Основные практики
конструирования школы
как сообщества

Научные школы, в отличие от течений и направлений в науке, являются реальными малыми социальными группами со своей структурой и набором определяемых ею ролей. Школа — неформальная социальная группа, складывающаяся и существующая благодаря набору специфических поведенческих и культурных практик, а также — нарративам, посредством которых она осмысляет сама себя в качестве таковой, вырабатывая в них уникальную «школьную» идентификацию. Функционирование данного сообщества невозможно при отсутствии своеобразных социальных и культурных практик, т.е. без определенного поведения людей, регламентируемого их школьной (групповой) идентификацией. Поскольку речь идет о научных школах, то в значительной степени эти практики связаны с процессом профессионального обучения, передачей знаний и навыков научной работы, становлением молодых специалистов. Однако образовательные практики могут формировать и школьную принадлежность, т.е. выполняют неявную, латентную функцию. Процесс «жизнедеятельности» школы, и, тем более, «рекрутирование» новых «учеников» — членов сообщества не является жестко детерминированным, он всегда вариативен, определяется большим количеством различных причин, т.е. является казуальным.

Другими словами, поскольку научная школа практически всегда существует в «теле», в рамках какой-то формальной структуры, организации (например, факультета или института), то ее деятельность определяется нормативными документами (например, уставом), целями и задачами этой организации. Преподаватели учебных заведений должны вести занятия (лекции или семинары), осуществлять контроль за обучением студентов (принимать экзамены), руководить их самостоятельной (в том числе и научной) работой. Подобные практики взаимоотношений наставников и учащихся формализованы и регламентированы как нормативными документами, так и, может быть, даже в большей степени, существующей традицией, ценностями университетской культуры¹. И в этом плане естественно, что для различных учебных заведений и национальных образовательных установок они дифференцируются. Зачастую, указанные практики — единственная форма общения между студентами и преподавателями. Следовательно, школьная принадлежность, с одной стороны, определяется рядом практик, а с другой, — проявляется, демонстрируется в них.

¹ О коммуникативной структуре университетского преподавания см.: Краснова Ю.В. Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX — начала XX в.) // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2008. Вып. 4. С. 293—303.

Лекции и семинарии, консультации и экзамены, практические лабораторные работы (для ученых-естественников), полевые экспедиции (для археологов и этнографов) — вот основные социальные и культурные составляющие, формирующие школу, предающие то самое «неявное знание», о котором писал М. Полани. Безусловно, следует согласиться с Ю.В. Красновой, отметившей, что «в рамках учебного процесса идет презентация преподавателем результатов своих научных изысканий, происходит передача и усвоение особых компонентов научного труда: стиля мышления, особенностей подхода к проблеме, понимание/ощущение важности и перспективности предлагаемого направления исследований»². Понятно, что данные практики ориентированы, в первую очередь, на передачу профессиональных знаний и навыков, а не на складывание школы, но именно они ее и формируют. Дело в том, что кроме знаний, преподаватель транслирует посредством данных форм и практик также собственную школьную принадлежность и идентификацию, помимо своей воли, но в большинстве случаев вполне осознанно. Представители одной научной школы читают лекции совершенно не так, как представители другой, пусть даже формально это будут лекции по одному и тому же предмету. Различия между научными школами на учебном занятии (лекции) выходят на первый план, формулируются, осознаются, проговариваются; они могут быть не только содержательно-научными или дискурсными (как в рамках специализированного научного текста), но и мировоззренческими, философскими, политическими, религиозными и даже поведенческими. Только в этих практиках они и существуют, открываются, развиваются, сохраняются и поддерживаются. Ученый-преподаватель отображает в данных формах свою групповую, школьную идентификацию, которая не существует где-то (в сознании) сама по себе, но всегда актуализируется в определенных формах, текстах или практиках. Нет абстрактного «духа школы», чистой идеальной философии, программы или идеологии. Групповая идентичность раскрывается по конкретному поводу, поэтому она всегда вариативна и дискретна.

Кроме того, школу формируют, составляют и репрезентируют люди со своими личностными, психологическими, мировоззренческими особенностями, которые накладывают отпечаток на то, каким образом в данном конкретном случае они представляют сообщество. «Школьные

² Краснова Ю.В. Семинарии В.И. Герье как фактор формирования научной школы // Мир историка: Владимир Иванович Герье (1837—1919): Материалы научной конференции. М., 2007. С. 56; Антощенко А.В. Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 138—160; Цыганков А.Д. Семинар как место исследования // Terra Europa... С. 44—60; Торштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М., 2014. С. 95—130.

идеи», отраженные в практиках, таким образом, могут и должны быть вариативны, допускать различные пути развития и интерпретации.

При этом, как уже говорилось, можно прослушать лекции представителя той или иной научной школы и не стать ее «адептом», последователем, даже обретя статус профессионального ученого. У многих слушателей репрезентируемая в практиках «школьная идеология» в силу разных причин (вплоть до личной неприязни к преподавателю) способна вызвать отторжение, что приведет либо к поиску иных ориентиров, либо к последующей попытке создания новой научной школы, вырастающей на отрицании старой. Более того, «закодированная» в лекции школьная идентификация преподавателя может быть и «не прочитана» слушателем в качестве таковой в силу, например, элементарного профессионального уровня студента или лектора. Формирование в слушателе представителя той или иной научной школы — очень сложный процесс, на который оказывают влияние многочисленные факторы, актуализирующиеся на разных уровнях. Эти факторы связаны как с фигурами основных действующих лиц учебного процесса, т.е. преподавателя и ученика-реципиента, так и с внешними условиями, средой, в рамках которой осуществляется педагогическая коммуникация. К факторам первой группы следует отнести «базовый» культурный уровень непосредственных участников процесса (условно говоря, предкоммуникативное знание), связанные с ним ожидания по отношению к самой коммуникации, мотивы и цели, обуславливающие их поведение в ходе взаимодействия. К факторам второй группы относятся значимые для данной коммуникации процессы «микроуровня» (например, структура поля конкретной научной дисциплины) и «макроуровня» (например, формирование общества модерна).

Получается, что «вхождение в школу», т.е. выработка специфической коллективной идентификации, всегда случайно, поскольку связано с личностью, по отношению к которой наука может лишь приоткрыть завесу тайны.

Независимо от того, состоялось «рекрутирование» новых адептов школы или нет, учебные занятия, как форма репрезентации и актуализации школьной идентификации, в зависимости от ситуации и положения ученого могут быть двух видов. В случае вхождения преподавателя в определенное научное сообщество, они, естественно, выполняют функцию презентации этой корпоративной принадлежности. Если же ученый, не относясь к какой-либо из существующих научных школ, претендует на создание новой, то занятия оказываются основным инструментом, помогающим ему достичь своей цели.

Переходя непосредственно к социальным и культурным практикам школы Гревса, следует признать, что Иван Михайлович и его ученики-

последователи не только активно использовали существующие в рамках университетского преподавания образовательные механизмы презентации школы, но и генерировали новые оригинальные формы.

И.М. Гревса обладал желанием и стремлением создать собственную научную школу: заветную мечту он последовательно на протяжении всей своей многолетней университетской деятельности пытался воплотить. Ведь главная онтологическая миссия учителя (а университетский профессор — учитель) состояла в том, чтобы реализовать себя в учениках. Таков его общественный и жизненный долг. «Воспитание учеников» — это более значимая ценность, чем собственные научные или, тем более, карьерные достижения. «Ученый в России, в первую очередь преподаватель, воспитатель, а затем уже собственно ученый», — пишет И.М. Гревс, обосновывая план и стратегию собственной деятельности³. Данную программу (за которой достаточно легко прочитывается либерально-народническая идеология «долга интеллигенции перед народом» и необходимости «служения обществу») он сформулировал еще в самом начале педагогической карьеры, неоднократно возвращался к ней в период активной исследовательской работы и практически теми же самыми словами повторил, подводя итоги своей жизни. Это не личная прихоть или пристрастие — такова в понимании И.М. Гревса объективная ситуация, в которую поставлена российская интеллигенция самим ходом исторического развития страны⁴. Высокую миссию осознавали и стремились выполнить, по мнению Ивана Михайловича, многие замечательные историки России, например, Т.Н. Грановский и В.Г. Васильевский. По мере сил пытался следовать ей и он сам: «По своему научному темпераменту я был более профессор, чем кабинетный ученый; исследовательское рвение во мне горело больше, но я, по страсти к преподаванию, почти всегда подчинял целям и интересам последнего и исследовательские задания. Мне было ясно, что тот, кто хочет быть хорошим профессором, должен находиться в постоянном напряжении исследовательских исканий; и вносил такую углубленную научную работу в выполнение задач, предлагаемых мною семинариев, приостанав-

³ См.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 193. Л. 1.

⁴ «Много требуется всегда и везде от человека, чтобы он оказался достойным выполнять призвание профессора. Особенно разнообразны такие требования у нас, где наука еще не завоевала в жизни и сознании общества подобающего ей самостоятельного и важного места, не приобрела надлежащего всеобщего признания и уважения, где не дифференцированы ее функции, где постоянно разрушаются едва заложенные научные традиции. У нас на родине именно особенно и громко надобно «учить науке» еще закрытые для нее умы, призывать к ней глухие сердца, подчинять ей упрямые против ее воли (и не только среди молодежи, но и часто среди тех, которые должны воспитывать ее)» // Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки: набросок воспоминаний и материалы для характеристики. СПб., 1899. С. 6.

ливая и замедляя, если нужно (а нужным это оказывалось почти всегда), личные свои изыскания. Оттого то я и оказался мало плодovit в печати; собственные труды нарастали медленно, а семинарские темы не удавалось дорабатывать обычно до конечных пределов, так как приходилось менять сюжеты из года в год для просветительских потребностей работавших у меня студенческих групп, накаплился (!) богатый и, думаю, ценный материал, намечались новые выводы и точки зрения, но всё это залеживалось в незаконченном виде в голове или в бумагах и не доходило до публикации»⁵.

По словам Ивана Михайловича, он реализовывал себя в учениках или, по крайней мере, старался это сделать.

В схожем ключе говорили о наставнике и его благодарные воспитанники (Е.Ч. Скржинская⁶, Н.П. Анциферов⁷) и даже недоброжелатели (Н.Н. Платонова⁸).

Представляется, что подобная «воля к школе» определяется не только влиянием на Гревса идеологии либерального народничества, в частности, П.Л. Лаврова, «научным темпераментом» и относительной неудачей научной карьеры (болезненной реакцией на статью О. Гиршфельда, перечеркнувшую работу ученого над докторской диссертацией и приведшую к смене специализации), но и некоторой неудовлетворенностью тем, что на стадии вхождения в профессию у него отсутствовала устойчивая «референтная группа» в рамках профессионального научного сообщества. И.М. Гревс по своим личностным и психологическим характеристикам — «человек командный». Для него было важно видеть общие цели и ощущать поддержку единомышленников. Именно так он описывает себя в многочисленных автобиографических набросках. Впоследствии ученый заговорит о собственной неуверенности как о важной, в чем-то определяющей черте своего характера. И в детстве, и в студенчестве он был окружен тесным кругом близких ему людей, настоящих друзей. И.М. Гревс (он сам и его соратники) культивировал романтический (в широком смысле этого слова) «идеал дружбы». В его личностной и групповой иерархии ценностей дружба занимала почетное место. В профессиональном плане у молодого Гревса в 1880—1890-е гг. такой команды единомышленников не было. Все его близкие друзья (С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, Д.И. Шаховской, В.И. Вернадский) занимались изучением несколько иных исторических проблем.

Во многом подобное положение, переживавшееся молодым ученым крайне болезненно, определяется своеобразной траекторией его профессиональной карьеры в контексте дисциплинарного поля (по П. Бурдьё) российской историографии конца XIX в. Дело в том, что научные

⁵ ПФА РАН Ф. 726. Оп. 1. Д. 193. Л. 2 об.

⁶ Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс... С. 244—245.

⁷ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 177.

⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5695. Л. 112 об.

интересы И.М. Гревса, окончившего отделение истории, по мере подготовки магистерской диссертации всё сильнее и сильнее углублялся в античную древность. Если его кандидатское сочинение было посвящено поздней римской империи, то, работая над магистерской диссертацией, он ушел в I век н.э. Согласно же дисциплинарным демаркациям того времени, Античностью (в «чистом» виде) занимались преимущественно филологи-классики, т.е. выпускники классического отделения⁹. Другими словами, И.М. Гревс «влез» на чужую территорию¹⁰. Возможно, поэтому не сложились дружеские отношения с филологами-классиками, которые были, в лучшем случае, доброжелательными (как, например, с М.И. Ростовцевым и Ф.Ф. Зелинским). Ни «античники» старшего поколения — И.В. Помяловский, М.В. Никитин, Ф.Ф. Соколов (чьи лекции привели Гревса-первокурсника в ужас¹¹), ни ровесники — С.А. Желелев, М.И. Ростовцев, Ф.Ф. Зелинский — не стали для него «своими»¹².

И.М. Гревс болезненно переживает ситуацию научного «одиночества», обращается с «профессиональными вопросами» к близким друзьям (В.И. Вернадскому и С.Ф. Ольденбургу), посылает им свои статьи и жадно ждет впечатлений, спрашивает совета. Хотя ясно, что они недостаточно сведущи в данной области и мало чем могут помочь в содержательном плане. В поисках профессиональной референтной группы И.М. Гревс направляется в Москву. В ходе работы над медальным сочинением, он специально едет в Первопрестольную для беседы с П.Г. Виноградовым, т.к. как его не удовлетворили консультации, полученные у В.Г. Васильевского¹³. Впоследствии ученый будет часто вспоминать, какую неоценимую помощь в его научных изысканиях оказали советы Павла Гавриловича. И.М. Гревс с большой охотой поддерживает отношения с В.И. Ивановым в надежде найти в нем в том числе и профессиональную поддержку компетентного собеседника и доброжелательного

⁹ Демаркационная линия не была непроходимой. Так, в Москве в эти годы курсы античной истории читали М.С. Корелин, Р.Ю. Виппер, П.Г. Виноградов. См.: *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики второй половины XIX—начала XX вв. Томск, 1969; *Сафронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976; *Он же.* Вопросы исторической теории в трудах М.С. Корелина. М., 1984; *Моисеенкова Л.С.* Патриарх российской медиевистики. Жизнь и творчество П.Г. Виноградова. Симферополь, 2000.

¹⁰ О становлении дисциплинарных границ см.: *Дмитриев А., Запарожец О.* Дисциплинарный принцип и аналитика «общества знания» // *Науки о человеке. История дисциплин.* М., 2015. С. 569—599.

¹¹ «Я никогда не предполагал, что такая бездарность может быть терпима в университете» — писал о Ф.Ф. Соколове первокурсник Гревс. См.: *Человек с открытым сердцем...* С. 122.

¹² Общую характеристику профессионального сообщества антиковедов столичного университета см.: *Фролов Э.Д.* Русская наука об Античности. СПб., 1999. С. 175—396.

¹³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 38а.

критика. В.И. Иванов, подобно П.Г. Виноградову, весьма ответственно отнесся к возложенным на него ожиданиям. Более того, И.М. Гревс надеялся при его поддержке предложить текст своей магистерской диссертации немецким профессорам Т. Моммзену и О. Гиршфельду.

Отношения с В.Г. Васильевским складывались в этот период непросто. С одной стороны, он, безусловно, покровительствовал И.М. Гревсу и поддерживал его в период профессионального становления, ходатайствовал об «оставлении» при кафедре для подготовки к профессорскому званию, хлопотал о продлении и без того затянувшейся зарубежной командировки с финансированием за счет Министерства народного просвещения, лоббировал принятие в университет на должность приват-доцента даже без защиты магистерской диссертации, наконец, передал ему чтение общего курса по средневековой истории в *alma mater* и неоднократно говорил, что видит в ученике своего преемника на кафедре. В.Г. Васильевский покровительствовал многим молодым ученым, и при том не только своим непосредственным ученикам (в частности, он очень активно поддерживал С.Ф. Платонова¹⁴, передав ему, например, редактирование раздела истории в «Журнале Министерства Народного Просвещения»), но И.М. Гревс, по общему признанию, был его любимцем. Иван Михайлович относился к В.Г. Васильевскому с огромным уважением. И в опубликованных статьях, посвященных памяти наставника, и в неизданной монографии И.М. Гревс, следуя долгу ученика, находит добрые, душевные слова и интонации. «Дело В.Г. В[асильев]ского направлено было на создание ценностей, нужных всегда и для всех. Он был представителем чистого знания, не такого, которое защищало бы интересы какого-нибудь привилегированного класса, политического строя, партии. Он искал достоверной истины, удовлетворяющей врожденной потребности человека, всякого человека знать истину. Таковая особенно должна быть дорога тому порядку, который строит благо для всех, стремится творить общество трудящихся, в котором всем обеспечено будет достойное человека существование»¹⁵, — писал И.М. Гревс в 1929 г.

С другой стороны, в отношениях с учителем нередко возникали моменты, которые не удовлетворяли Гревса. У В.Г. Васильевского, по словам Ивана Михайловича, было свое весьма своеобразное и четко отрефлексированное понимание миссии медиевистики в России. Он полагал, что западноевропейские знатоки Средневековья, изучающие историю своих стран, находятся изначально в более выигрышном положении, чем их российские коллеги, т.к. постигают собственное национальное

¹⁴ См.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф. Платонов. 2-е изд. СПб., 1997.

¹⁵ *Гревс И.М.* Последний год жизни и смерть академика В.Г. Васильевского (1898—1899) // *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 179—180; *Гревс И.М.* Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX века. См. приложение к настоящей книге.

прошлое и родные для них культурные истоки. А российские медиевисты должны сосредоточиться на изучении истории Византии, связанной с Россией живой историко-культурной и религиозной традицией. В этом плане исследование западноевропейского материала, безусловно, очень важно, но выполняет преимущественно вспомогательную роль — помогает русскому ученому при изучении Византии. «Так выходило, по плану В[асильев]ского: русский медиевист, твердо закаленный основательным знакомством с западным средневековьем исторически (факты и явления), историографически (научная литература) и методологически (приемы и направления), — будет исследовать предназначенное ему малоизученное византийское прошлое, укрепляя и дополняя то, что делается на Западе для средневековой, у нас для русской истории»¹⁶.

В.Г. Васильевский, в полном соответствии со своей программой, сосредоточился на исследовании византийских древностей. Большинство его учеников (В.Э. Регель, П.В. Безобразов, Х.М. Лопарев, А.А. Васильев, Б.А. Панченко) занималось изучением различных аспектов истории и культуры державы ромеев¹⁷. В современной научной литературе В.Г. Васильевского вполне заслуженно называют основателем научной школы петербургского византиноведения¹⁸. И в этом (тематическом) плане И.М. Гревс, чья сфера научных интересов со временем всё больше и больше перемещалась «на Запад», оказывался среди учеников В.Г. Васильевского белой вороной. Потому-то они не составляли монолитной команды с общей исследовательской программой, не были единомышленниками, оставаясь просто коллегами. Кафедру же свою в университете В.Г. Васильевский передал именно И.М. Гревсу, считая, что он более других подходит для преподавательской деятельности. Из учеников «патриарха византиноведения», пожалуй, только А.А. Васильев впоследствии работал в университете и на ВЖК¹⁹. Среди коллег-соучеников И.М. Гревс оказался одиноким и воспринимал такое положение болезненно.

¹⁶ Гревс И.М. Средневековая история... С. 344.

¹⁷ Там же. С. 344—345.

¹⁸ Медведев И.П. Петербургское византиноведение... С. 107—138. См. также: Цамутали А.Н. Петербургская школа византиноведения // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1991. Вып. 23. С. 8—13; Литаврин Г.Г. Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838—1899) // Византийский временник. 1994. Т. 55 (80). С. 6—10; Заливалова Л.Н. В.Г. Васильевский: ученый в свете материалов архивных собраний Москвы и Петербурга // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 36—44; Герд Л.А. В.Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // Рукописное собрание русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 52—67.

¹⁹ Куклина И.В. А.А. Васильев: «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов... С. 313—338.

Поэтому В.Г. Васильевский не мог дать И.М. Гревсу четкого образца методики научной работы, ограничиваясь общими словами, предоставляя возможность искать и решать самому²⁰. Молодой и неуверенный в себе исследователь, ощущая эту ситуацию достаточно болезненно, ищет традицию, школу, методику и идеи, к которым можно примкнуть. За методикой он обращается первоначально к П.Г. Виноградову, за идеями (после долгих и в общем-то мучительных поисков) — к Н.Д. Фюстелю де Куланжу²¹. Впоследствии И.М. Гревс будет говорить о том, что под влиянием В.Г. Васильевского он стал медиевистом (т.е. определилась сфера его профессиональных интересов), от учителя идет декларируемая принципиальная «верность факту» и движение от источника как начальной точки исследования (петербургская традиция), но по большому счету он должен будет признать: «Вообще же настоящей хорошей школы, последовательно пройденной, у меня не было. В дальн. время я много получил просто от организованного общения с лучшими учениками, отд. от некоторых товарищей, как И.А. Покровский, А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Ростовцев, П.Б. Струве»²². Он решил свои отношения с учениками строить на принципиально иной — философской, идейной, мировоззренческой, поведенческой — основе. Быть не столько «учителем науки», сколько «учителем жизни». Точнее говоря, И.М. Гревс исходил из того, что передача определенных профессиональных навыков — это лишь один, далеко не самый важный аспект профессиональной подготовки молодого специалиста. Учитель должен в первую очередь передать набор определенных «идей и ценностей», «направить развитие личности ученика», а профессиональные навыки, фактически, оказываются производными от этого. «Весьма важно, чтобы специальная ученость выростала в уме университетского преподавателя на плодородной почве общего научного образования, организуемого философским мировоззрением. Кроме того, в работе профессора и на кафедре во время чтения лекций, и в кабинете за составлением

²⁰ Что, впрочем, не помешало И.М. Гревсу в мемориальном тексте, посвященном учителю, с благодарностью вспоминать «уроки науки» (см.: *Гревс И.М.* Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // ЖМНП. 1899, август. С. 27—74; *Он же.* Последний год жизни и смерть В.Г. Васильевского (глава из неопубликованной монографии И.М. Гревса) // *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 158—181). Подобная благодарность объясняется, на наш взгляд, в первую очередь законами мемориального жанра.

²¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. Л. 38а. См. также работы И.М. Гревса, посвященные Н.Д. Фюстелю де Куланжу, в частности: *Гревс И.М.* Фюстель де Куланж Н.Д. // Энциклопедический словарь / Ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. п/т 72. С. 936—944; *Он же.* Предисловие к русскому переводу (от редактора) во всех шести томах // *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. СПб., 1901—1916

²² История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова. С. 266.

курса должны заметно выступать и эмоциональные стимулы. Профессор не может достигнуть цели, т.е. воспитывать наукой слагающиеся личности своих учеников, если не проникнется сам бескорыстной жадой общей истины, которая свяжет его с объектом работы настоящим духовным сродством, наполнит его постоянным воодушевлением. Ему нужно только любить и чувствовать юношество, к которому он обращается, чтобы понять его высшие интересы, следить за ним и симпатизировать им. Он призван служить этим лучшим потребностям растущих поколений с помощью слова и личного общения и поэтому должен обладать нелегким искусством сближать их членов с наукой, зажигать их силой речи, уметь выбирать, строить и излагать научный материал так, чтобы он входил в сознание слушателей, возбуждая ум, волнуя чувства, перерождая душу»²³.

Таким образом, у И.М. Гревса была выстраданная «воля к школе», т.е. отрефлексированное стремление выработать особый режим взаимоотношений с учениками, создать команду, группу работающих вместе единомышленников, и была формальная возможность для этого, т.к. он на протяжении нескольких десятков лет вел занятия (лекции и семинары) по средневековой истории как в университете, так и на ВЖК. При этом у него имелся дополнительный «символический капитал», т.к. в университете он, занимая кафедру, мог ходатайствовать «об оставлении при кафедре для подготовки к профессорскому званию» и тем самым определять кадровую политику, а на ВЖК и вовсе был деканом историко-филологического факультета. На ВЖК его авторитет как крупного ученого, интересного преподавателя, «моральной», обладающей устойчивыми «жизненными принципами» личности и либерального, незаслуженно пострадавшего в свое время от властей передового профессора был весьма высок, гораздо выше, чем в университете.

Следует отметить, что на ВЖК сложился своеобразный культ Гревса, и фигура его была окружена особым ореолом, следы которого достаточно четко прослеживаются в большинстве воспоминаний, оставленных слушательницами. Подобное отношение порой принимало и весьма экзальтированные формы: «И.М. Гревс, в тот год возобновивший чтение лекций у нас на курсах (он был уволен из университета), был встречен на первой лекции аплодисментами»²⁴. При этом сам И.М. Гревс, не склонный к бурным проявлениям эмоций на публике, позиционировал себя по отношению к слушательницам ВЖК устойчиво патерналистски, «по-отечески». Безусловно, за долгие годы работы Ивана Михайловича на Курсах, с их достаточно непростой гендерной структурой (слуша-

²³ Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский... С. 240.

²⁴ Бухановская Е.Я. 1902—1907 гг. на Бестужевских Курсах // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) Курсы. 1878—1918. 2-е изд. Л., 1973. С. 233.

тельницы — женщины²⁵, а большинство преподавателей — мужчины)²⁶, не возникло никаких слухов о сексуальных отношениях профессора с ученицами, в то время как интимные связи, например, профессора Ф.Ф. Зелинского, ровесника Гревса, с одной из учениц²⁷, или Л.П. Карсавина²⁸ бурно обсуждались, став поводом для настоящих скандалов.

Кроме того, у И.М. Гревса был определенный набор «конвертируемых» и в то же время достаточно оригинальных в кругу столичных профессоров идей. Косвенно способствовала выдвиганию на первый план преподавательской деятельности и неудача в научной карьере.

И.М. Гревс использовал для создания школы как существующие формальные практики, учебные занятия, подчинив их своим целям, так и новые специфические, вполне самобытные, даже «неортодоксальные» образовательные модели, например, учебные групповые экскурсии. Рассмотрим подробнее, каким образом они способствовали формированию школы.

За долгие годы своей преподавательской работы Иван Михайлович прочитал огромное количество лекционных курсов. С 1892 г. он читал общий курс средневековой истории на ВЖК, с 1895-го — в университете. После возвращения профессора в университет в 1902 г. сформировалась регулярная учебная нагрузка, которая на протяжении практически двадцати лет оставалась неизменной. И.М. Гревс читал общие и специальные курсы по средневековой истории в университете и на ВЖК, также вел семинарий и просеминарий. Ученый, как правило, был занят три дня в неделю (понедельник, среда, пятница)²⁹, периодически подрабатывая в гимназии.

Общий курс средневековой истории И.М. Гревс, по словам своих учеников, не очень любил³⁰. Из года в год курс предварялся вступительными лекциями, в которых он говорил о задачах исторической науки и университетского образования, а также развивал т.н. всемирно-историческую точку зрения. Одна из вводных лекций, как правило, посвящалась рассмотрению исторических взглядов Н.Д. Фюстеля де Куланжа.

²⁵ В студенческом мире Санкт-Петербурга слушательницы имели весьма устойчивую, хотя, конечно, не совсем справедливую репутацию девиц легкого нрава — «бестужевки—бестыжевки». См.: *Олесич Н.Я.* Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. 2-е изд. СПб., 2002. С. 41.

²⁶ О специфике гендерных отношений в образовательном пространстве российской высшей школы начала XX века см.: *Гришина Н.В.* Ученицы, слушательницы, почитательницы... Женщины в мире мужской науки (в конце XIX—начале XX вв.) // *Мир историка: историографический сборник.* Омск, 2008. Вып. 4. С. 8—28.

²⁷ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом... С. 159—160.

²⁸ *Лосский Б.Н.* Наша семья в эпоху лихолетья. 1914—1922 // *Минувшее: Исторический альманах.* М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 125; *Васильев А.Н., Климанов Л.Г.* Е.Ч. Скржинская... С. 462.

²⁹ *Человек с открытым сердцем...* С. 283.

³⁰ *Каганович Б.С.* И.М. Гревс... С. 223.

О содержании общего курса мы можем судить на основании литографий, сделанных по существовавшей тогда традиции слушательницами ВЖК и вычитанных самим преподавателем³¹.

Больше, чем общий курс, И.М. Гревс любил читать специальные курсы. Видимо, это было связано с тем, что, во-первых, для спецкурсов можно было выбирать тематику, которая, действительно, близка и интересна, а во-вторых, на спецкурс, в отличие от общего курса, ходит небольшой круг заинтересованных студентов и курсисток, что допускает более «интимный» режим общения. Тематику спецкурсов И.М. Гревс регулярно менял, оставаясь в пределах романского Средневековья. Среди читаемых им спецкурсов были такие, как «Социальная история Италии в конце Средневековья и начале Возрождения с практическими занятиями по чтению и интерпретации источников по истории Флоренции в XIII и XIV вв.», «Начала новой культуры. Возрождение XII—XIII вв.», «История развития городской культуры в Италии от упадка единства в Римском мире до так называемой эпохи Возрождения», «История французской культуры позднего средневековья», «Городская культура в Италии в X—XIII вв. (Общество, учреждения, духовная жизнь)», «История культуры в позднее средневековье (Рим, Венеция, Флоренция)»³². Вот как описывает лекции И.М. Гревса его ученик Н.П. Анциферов, слушавший общий курс в 1909 г.: «Иван Михайлович читал в “Историческом семинарии”. Его аудитория отделялась от коридора семинарской библиотекой. В небольшой комнате исторического семинария студенты сидели вокруг столов. На стенах висело всего два портрета: Моммзена и Ранке (Почему не было Грановского?). Там высокая фигура Ивана Михайловича казалась чрезвычайно стройной. Смуглое лицо с подстриженной побелевшей бородой выступало в рамке седеющих волос, зачесанных назад. Ничего профессорски декоративного: ни длинных кудрей, ни развевающейся бороды, как у Маркса. Что-то скромное, почти застенчивое, и вместе с тем, полное благородного

³¹ Гревс И.М. История Средних веков. Лекции, читанные на Санкт-Петербургских ВЖК в 1892—1893 гг. / Сост. слушательницами 3-го курса. СПб., 1892. Ч. 1—2; Он же. История Средних веков. Лекции, читанные им на Санкт-Петербургских ВЖК в 1895—1896 гг. / Сост. слушательницами 3-го курса. СПб., 1896; Он же. История происхождения, развития и разложения феодализма в Западной Европе. По лекциям проф. И.М. Гревса 1902—1903 уч. г. / Сост. слушательницей С. Свиридовой. СПб., 1902—1903. О специфике литографированных курсов как историографического источника см.: Иванова Т.Н. Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века как исторический источник // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 23—26. Огромное количество различных подготовительных материалов к лекциям хранится в архиве И.М. Гревса. См., например: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 70, 81, 82, 112, 152, 316; ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 70, 71, 72, 73, 78 и др.

³² Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 34.

изящества и чувства достоинства. Движения были мягкие и сдержанные. Характерный жест: сосредотачиваясь на своих мыслях, он склонял набок голову и прикладывал к носу палец. Лоб Ивана Михайловича был очень высок, но не широк. Вместе с носом он составлял почти прямую линию. Черные глаза смотрели пристально, и каждому слушателю казалось, что Иван Михайлович обращается к нему. Порой лицо его светилось улыбкой, необыкновенно ясной и нежной. И от этой улыбки, казалось, светлело все вокруг.

Каким-то тихим, даже сдавленным голосом начинал он лекцию. Но постепенно голос его крепчал и богато расцветчивался интонациями. В речи Ивана Михайловича не было никакого ораторского пафоса. Но она была изящно построена и ярко окрашена эмоционально. Это сдержанное волнение передавалось слушателям. Многие ценили возбужденность Ивана Михайловича, но некоторые ворчали «старик расчувствовался». Мне не раз приходилось защищать своего учителя перед товарищами от упреков в «сентиментальности». Переживания Ивана Михайловича были очень глубоки, искренни и интенсивны. В них не было никакой раздутости, наоборот, внешне они были очень сдержаны. <...> Свою речь он любил заканчивать словом «вог» и при этом протягивал руку, сложенную щепотью. В этом «вог» звучало чувство удовлетворения от высказанного»³³.

«Содержание лекций И.М. Гревса совершенно соответствовало тому, что я искал в историке-учителе. Каждый из двух курсов, читанных им в 1909—1910 гг., дал мне то, ради чего я стал заниматься историей.

Общему курсу французского средневековья было предпослано большое вступление, в котором Иван Михайлович развивал всемирно-историческую точку зрения на историю»³⁴.

В памяти и восприятии слушателей остаются отдельные, наиболее яркие лекции.

«В особенности запомнилась мне лекция Ивана Михайловича о Паулине Ноланском, прочитанная им 7 декабря 1909 г. Это был одинокий носитель античной культуры в эпоху побед варварства. И вместе с тем Паулин был проникнут глубоким христианским пафосом. Это был аскет, но представитель столь редкого «светлого» аскетизма. Он жил со своей женой Терезой как брат с сестрой. Их духовный брак был озарен небывалым счастьем. <...> Вот те обрывки, которые сохранились у меня в памяти. Я не имею возможности передать этот тихий голос учителя, такой молодой и сосредоточенный, повествовавший о жизни давно угаснувшей, воскресенной перед нами, юношами, вступавшими в университет как в

³³ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 166.

³⁴ Там же. С. 167.

храм науки, о жизни, освященной таким мягким светом. Времена расступились. Я видел отдаленный берег. Конец античности и заря средневековья были эпохой, особенно волновавшей мой юный ум своими вечерними красками, угасавшими в грозе и буре и сливающимися с утренней зарей новой эры. <...> Когда Иван Михайлович свою лекцию о Паулине Ноланском закончил и сошел с кафедры, наступила тишина. Нас охватило какое-то чудесное раздумье»³⁵.

В аналогичном ключе даны описания лекций Гревса в воспоминаниях других его учеников и, главным образом, учениц, слушавших его лекции на ВЖК.

«До сих пор в памяти живут представления об улицах Древнего Рима, которые воссоздавал перед нами на лекциях И.М. Гревс. Помню хорошо и два семинара Ивана Михайловича: De civitas Dei Блаженного Августина и о Франциске Ассизском...»³⁶.

«Лекции Ивана Михайловича Гревса по средневековой истории я слушал без пропуска четыре года, с самых первых моих университетских дней. Записывал их, перечитывал записанное. <...>. Иван Михайлович крупным ученым не был, но был замечательным университетским педагогом, и, кроме того, осмеянное уже и в те годы выражение “светлая личность” могло быть к нему безо всякой иронии применено. Можно было, конечно, и улыбнуться чуть-чуть, когда он говорил, подняв правую руку и потряхнув сдвоенными и выдвинутыми вперед средним и указательным палами: “Ромен Роллан, этот апостол мира и защитник человечности”, — удвоение формулировок также было для него характерно, как и этот едва ли не единственный его жест. Но не уважать его было нельзя, да и нельзя было не полюбить его при более близком знакомстве. Он с исключительным вниманием относился к своим слушателям и ученикам, умел внушать им интерес к предмету своих лекций или семинарских занятий и вместе с тем угадать, что именно способно заинтересовать тех, кто по-настоящему становились его учениками, никогда не навязывая им ни чуждых им предметов изучения, ни своего взгляда на какой-нибудь нерешенный еще вопрос, с которым он им вполне позволял не соглашаться. Разбираться в людях, находить таланты он умел хорошо, и таланты эти умел возвращать, обходясь с ними бережно и любовно. Оттого и были у него столь блестящие — и столь непохожие один на другого ученики»³⁷.

Но для анализа лекции как школообразующей практики важным оказывается не только то, о чем говорил И.М. Гревс, но то, как он это

³⁵ Там же.

³⁶ Быкова Т.А. Историческое преподавание на историко-филологическом факультете // Санкт-Петербургские Высшие... С. 163.

³⁷ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 2. С. 114—115.

делал. В этом плане можно зафиксировать ряд принципиально значимых для нас моментов.

Во-первых, лекции И.М. Гревса в восприятии аудитории эмоционально окрашены, т.е. не сводятся только к передаче «объективного хода вещей», безличностному, сухому изложению фактов, «как они есть». Иван Михайлович выступал категорически против подобного построения лекции. Не логический, рациональный, а потому общезначимый анализ исторических явлений, процессов и тенденций. Лекции для него — это трансляция их оценки с точки зрения определенных культурных ценностей (классического гуманизма и либерализма). Историческая наука, как скажет впоследствии один из любимых учеников И.М. Гревса Н.П. Анциферов, — «это борьба со смертью».

Во-вторых, лекции субъективно окрашены. Преподаватель транслирует, показывает и обосновывает свою собственную выработанную (чтобы не сказать «выстраданную») им оценку и осмысление событий. Предполагается, что исторический материал нельзя воспринимать спокойно, неэмоционально, он должен «задевать за живое». Лекция (как и любой исторический текст) — это «воскрешение» живых людей прошлого, к которым нужно относиться соответственно — любить или ненавидеть, сочувствовать или возмущаться. Лекция, может быть, в большей степени, чем специальный научный текст, должна провоцировать эмоции.

Получается, что слушатель подобной лекции, окрашенной яркой индивидуальностью И.М. Гревса, впитавшей его опыт и явившейся отражением определенного взгляда на жизнь, не может воспроизвести ее текст аутентично, т.е. «один к одному». Отсюда и подчеркиваемая многими мемуаристами «интимная», личностная интонация. Лекции И.М. Гревса отличаются от лекций других профессоров.

В-третьих, лекции заставляют работать воображение. Перед аудиторией (или, вернее, той частью студентов, которая находится в оптимальном, адекватном лекции коммуникативном режиме) встают «картины прошлого», т.е. некие «фантазмы», визуальные образы, потом остающиеся в памяти надолго. Прошлое как «живая действительность» «воскрешается» в сознании слушателей.

Может быть, подобное восприятие лекции соответствует некоему существующему в культуре образу идеальной лекции³⁸.

³⁸ Бамбизова К.В. Образ историка и его ремесла глазами историка-медиевиста И.М. Гревса (конец XIX—начало XX века) // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2007. Вып. 3. С. 213—243; см. также: *Беленький И.Л.* Образ историка в русской культуре XIX—XX вв. (Предварительные соображения) // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. С. 14—26; *Корзун В.П.* Образ ученого в отечественной историографической традиции рубежа XIX—XX вв. //

В-четвертых, это уже рассмотренный нами метод исторического портретирования, который «возвращает» в историю «живого человека», делая изложение, с одной стороны, более выразительным, а с другой, — целостным, соотносящимся с идеями автора и курса.

И, наконец, в-пятых, в содержательном плане — идея «культурного романтизма», определявшая теоретическую основу построения исторического материала.

Таким образом, лекции И.М. Гревса вполне можно рассматривать как сконструированную, целенаправленную и вполне продуктивную школообразующую практику.

Однако самой любимой формой занятий И.М. Гревса были семинарии (говоря современным языком — семинары). Семинарии как форма учебных занятий появляются в российской высшей школе с середины 1860-х гг., оказываясь позаимствованными, как убедительно показал в своей статье А.В. Антощенко, из практики немецких университетов³⁹. Будучи «импортированной», в отечественной системе образования данная форма занятий заняла особое место, выполняя определенные функции профессиональной подготовки весьма продуктивно. «Таким образом, семинарии включались в систему научной подготовки выпускников, каждый элемент которой имел свое предназначение. Лекции служили средством общего базового образования и формирования интереса к научным знаниям. Семинарии и ежегодные сочинения содействовали формированию навыков исследовательской работы и отбору наиболее способных студентов. Медальные, премиальные и кандидатские сочинения являлись проверкой исследовательских способностей, соответственно первым шагом в науку»⁴⁰. Формально положение семинариев как вида учебной работы было закреплено университетским Уставом 1884 г. При этом следует особо отметить, что Устав определял общее количество зачетов по семинариям, которые должен был набрать

Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева. Историография и методология истории. Омск, 1992. С. 19—22; *Она же*. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. (Анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000; *Мамонтова М.А.* Образ русского историка в представлении С.Ф. Платонова (В.О. Ключевский и К.Н. Бестужев-Рюмин) // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы: материалы научно-практической конференции. Омск, 2000. С. 63—66.

³⁹ Антощенко А.В. Das Semiar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII—начала XX в. М., 2009. С. 263—278.

⁴⁰ Там же. С. 271.

студент, но за ним также закреплялось право выбора конкретного семинария в зависимости от интересов и специализации. Согласно существовавшим нормативным документам, регламентировавшим учебный процесс, «практические занятия на факультетах сосредотачиваются главным образом в просеминариях и семинариях»⁴¹. Формальный статус двух видов практических занятий был различен. «Просеминарии имеют целью ввести студента в научное изучение какого-либо предмета, ознакомить его с материалом по первоисточникам и с методами его разработки. Участие в них определяется следующими правилами:

а) Прием в просеминарий не обусловлен какими-либо требованиями.

б) В течение каждого года студент не может принимать участие более чем в двух просеминариях.

в) К занятиям в каждом из просеминариев допускается не более 30 студентов.

г) Для приобретения зачета просеминария студент обязан принимать участие в нем в течение двух полугодий при двух часах в неделю, или в течении одного полугодия при 4 часах.

д) Во время пребывания на факультете, студент, для получения высшего свидетельства, обязан получить зачет определенного количества просеминариев, а именно, на историческом отделении — четырех»⁴².

В отличие от просеминария, «семинарии имеют целью ввести студента в самостоятельную научную работу. При этом:

а) условия допущения к участию в семинарских занятиях, а также максимальное количество участников определяется руководителем семинария;

б) занятия в семинариях не обязательны, к зачету не принимаются и никаких прав и преимуществ участвующим в них не дают»⁴³.

Таким образом, форма семинарских занятий оказывается достаточно свободной и вариативной. Специфика семинариев И.М. Гревса станет понятна при сравнении с аналогичными занятиями других известных профессоров того времени.

К началу XX в. семинарские занятия были уже широко распространены на историко-филологических факультетах российских университетов и стали, по справедливому замечанию Г.П. Мягкова, важной школообразующей практикой⁴⁴. Наиболее известными в Москве были семинарии

⁴¹ Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912/1913 учебный год. СПб., 1913. С. 31.

⁴² Обзорение преподавания наук... С. 31—32.

⁴³ Там же. С. 32.

⁴⁴ Мягков Г.П. «Нестор немецкой историографии» или «камердинер истории»? Историки России в спорах о Ранке // Диалог с прошлым: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6. С. 45.

по всеобщей истории В.И. Герье и П.Г. Виноградова⁴⁵, по российской — В.О. Ключевского, в Санкт-Петербурге — семинарии С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского по отечественной истории, М.И. Ростовцева, Ф.Ф. Зелинского, Н.И. Кареева — по различным разделам всеобщей истории.

В содержательном и формальном плане все занятия строились примерно одинаково. В течение семестра занятия, на которые по желанию записывались студенты (или слушательницы) старших курсов, были посвящены либо тщательному разбору какого-нибудь исторического источника или группы источников, либо основательному рассмотрению важной, по мнению преподавателя, научной проблемы. В соответствии с этим занятия строились как последовательное чтение и комментирование текста источника с учетом достижений современной историографии, либо представляли собой чтение и обсуждение написанных студентами докладов по определенным аспектам выбранной проблемы⁴⁶. Таким образом, семинарии, действительно, были важнейшей формой профессиональной подготовки. В определенном смысле можно согласиться с Дж. Энтиным, писавшим: «В российской историографии особую роль сыграли традиции немецкой академической культуры. В практику российских университетов вживлялся дух семинаров Леопольда Ранке со свойственными ему высокими стандартами эрудиции, строгостью критического анализа источников, неукоснительным соблюдением норм и правил цивилизованной научной полемики»⁴⁷.

Студенты при выборе семинария руководствовались либо тематическими пристрастиями (шли на «интересную тему»), либо ориентировались на фигуру профессора, который его вел. Так, популярность семинариев В.И. Герье и Н.И. Кареева во многом объяснялась темой — они были посвящены Французской революции и воспринимались студентами как «политически актуальные».

Однако существующие семинарские занятия далеко не всегда оправдывали ожидания слушателей. Разочаровывал либо проявлявшийся в ходе занятия уровень профессиональной компетентности преподавателя (вдруг выяснялось, что он многого не знает или даже уступает в эрудиции студенту), либо выбранный дидактический режим, который оказывался непродуктивным. Типичный представитель приват-доцентского поколения П.Н. Милюков весьма ярко описывает собственное студенческое

⁴⁵ Антощенко А.В. Учитель и ученик: В.И. Герье и П.Г. Виноградов (к вопросу о московской исторической школе) // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 105—117.

⁴⁶ Антощенко А.В. Das Seminar... С. 273—274.

⁴⁷ Энтин Дж. Взгляд со стороны: о состояниях и перспективах российской историографии // ВИ. 1994. № 9. С. 191.

разочарование, постигшее его при посещении семинариев маститых московских профессоров⁴⁸. «Некомпетентным», в его восприятии, оказался сам В.И. Герье⁴⁹, а непродуктивный режим выбрал В.О. Ключевский⁵⁰.

«Проф. Герье, параллельно с преподаванием Виноградова устроил свой семинарий по германским “Правдам”, древнейшим памятникам средневекового законодательства. Он принес нам маленькую книжку избранных мест из правд, и мы должны были вместе с ним читать текст. Он приходил, не подготовившись, и мы этим пользовались. У меня в библиотеке оказался толстый том варварских “Правд” и папских декреталий, я мог сличать тексты и по указанию Виноградова разбираться в трудных местах. На этих трудных местах я и ловил профессора. Когда он давал свой ходячий перевод, я предлагал свой вариант, более или менее правдоподобный. Герье терялся и не знал, как выйти из положения, — что нам и было нужно»⁵¹. «Профессор отличался отсутствием памяти и слабостью сведений по части библиографии. Он забыл имя автора книги, которую собирался рекомендовать. “Этот, ну, как его”, — имя не подвертывалось. Тогда Герье начал чертить пальцем по воздуху, вставши в то же время со стула, и удаляясь к двери кабинета, за которой и скрылся»⁵².

«В.О. Ключевский вел свой семинарий с нами у себя на дому. Разбиралась “Русская правда”, текст которой еще более темен и труден, чем текст и терминология германских “Правд”. Среди этих почтенных развалин древности Ключевский производил свои изумительные раскопки — и возвращался с ценными находками, но мы за ним следовать его путем не могли. Мы оставались ждать у входа. Собственной научной работе в этом семинарии научиться было нельзя: оставалось записывать за профессором его личный комментарий»⁵³.

«Он нас подавлял своим талантом и научной проницательностью. Проницательность его была изумительна, но источник ее был не всем доступен. Ключевский вычитывал смысл русской истории, так сказать,

⁴⁸ Общую характеристику «Воспоминаний» П.Н. Милюкова как исторического источника см.: *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни. Рязань, 2001.

⁴⁹ О причинах противоречивых оценок семинариев В.И. Герье в мемуарах его бывших студентов см.: *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье. Портрет педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. С. 136—137; *Цыганков Д.А.* Профессор Московского университета В.И. Герье (1837—1919) // ННИ. 2002. № 5. С. 228. Обстоятельный разбор семинариев В.И. Герье как школообразующей практики см.: *Цыганков Д.А.* Семинар как... С. 44—60.

⁵⁰ Как представляется, в определенной степени именно оценка, данная П.Н. Милюковым, спровоцировала споры о самом факте существования научной школы В.О. Ключевского.

⁵¹ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 114.

⁵² Там же. С. 105.

⁵³ Там же. С. 116.

внутренним глазом, сам переживая психологию прошлого, как член духовного сословия, наиболее сохранившего связь со старой исторической традицией. <...> Этого рода интуиция нам была недоступна, и идти по следам профессора мы не могли»⁵⁴. После семинарских занятий студенты, по словам П.Н. Милюкова, пытались говорить с В.О. Ключевским «о жизни» (что чаще всего означало «о политике»), вызывая этим лишь его недовольство, т.е. допустить факт «человеческой близости» в данном случае вряд ли возможно. Но в воспоминаниях П.Н. Милюкова есть и «положительный образ» руководителя семинарского занятия, в качестве которого выступает П.Г. Виноградов. «Только у Виноградова мы поняли, что значит настоящая научная работа и до некоторой степени ей научились». Профессиональная компетентность П.Г. Виноградова не вызвала никаких сомнений, он умел прислушиваться к мнению студента, уважать его и, наконец, мог научить навыкам критического анализа текста, соответствующим существовавшим конвенциональным нормам науки⁵⁵.

Воспоминания других студентов, в целом, воспроизводят тот же самый дискурсивный образ семинарского занятия в его либо положительном, либо отрицательном варианте. К «непродуктивным» руководителям в Петербургском университете относится, например, Д.В. Айналов⁵⁶, к «продуктивным» (прагматикам-технарям) — М.И. Ростовцев. С.Ф. Платонов не любил «возиться» со студентами, считая, что сильный тот, кто обладает самостоятельностью и не нуждается в опеке⁵⁷.

Таким образом, мы видим два варианта коммуникативного режима семинарских занятий: либо профессор демонстрирует учащимся уже полученное «готовое знание», превращая их в слушателей и оставляя в недоумении относительно того, как это произошло (вариант В.О. Ключевского), либо демонстрирует им рациональную (а потому объективную) методику «получения» знания, превращая семинарии в опытное поле для практического овладения этой методикой (вариант П.Г. Виноградова или М.И. Ростовцева), передавая «технические навыки» научного анализа. Впрочем, оба варианта семинарских занятий отличаются от семинариев И.М. Гревса тем, что их руководители не стремятся создать особую атмосферу духовной и эмоциональной близости.

И.М. Гревс, как уже говорилось, был последовательным и принципиальным сторонником семинариев. Наиболее полное и адекватное описание подобных занятий историка дает Н.П. Анциферов: «Семинарий

⁵⁴ Там же. С. 115.

⁵⁵ Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010. С. 36.

⁵⁶ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 2. С. 113—114.

⁵⁷ Свешников А.В., Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Жизни наши...» С. 324—325.

по Данте студентов университета и курсисток Бестужевских курсов Иван Михайлович собирал в столовой своей квартиры на углу Матвеевской и Б. Пушкарской.

На темном и ровном фоне обоев — большой портрет Данте с фрески Джотто. Мраморный бюст Данте на письменном столе кабинета. Рядом с фреской Джотто — панорама Флоренции. <...> Мы, ученики нашего раде, сидели за длинным столом. Перед каждым лежали тетради и книги. В центре стола для общего пользования — три тома “Enziclopedia dantesca” Скартаццини. Основной труд, над которым мы работали, — “De Monarchia”, трактат, написанный Данте с целью содействия объединения Италия и установлению вечного мира. Каждый из участников семинария по очереди разбирал главу этого трактата. Основные понятия, заключенные в данной главе, тщательно комментировались: *pace*, *carita*, *justizia*. Другие сочинения Данте привлекались в целях комментирования этого политического трактата. Работая над главой о мире, нужно было найти, где еще встречаются у Данте понятия “*pace*” (мир) и как в каждом новом контексте автор понимает это понятие, в каком смысле он его употребляет. Таким образом, составлялся толковый словарь основных понятий, определяющих мировоззрение великого флорентийца. Только этим методом можно было прийти к точному потреблению дантовской терминологии.

В этом отношении большую помощь оказывал сам Скартаццини, у которого мы находили ссылки на все места, где встречается интересующий нас термин. Так приучались мы Иваном Михайловичем понимать сокрытый смысл языка человека иных времен, иной культуры. Так отучались мы от произвольного вкладывания в чужие слова своего содержания (порок столь распространенный среди мыслителей эпохи символизма).

Познакомившись таким образом со всеми случаями потребления Данте интересующего нас понятия, мы писали доклады на такие темы, как: “*Carita* в мировоззрении Данте”, некоторые из нас в целях более широкого изучения освещаемой проблемы привлекали и других авторов, современных Данте или его предшественников и, сопоставляя с ними изучаемую по Данте идею, могли точнее и ярче выяснить индивидуальность автора трактата “*De Monarchia*”. Особое внимание обращал Иван Михайлович на все строки трактата, где можно было усмотреть намеки на исторические события или где можно было отметить бытовые черты. Наш учитель стремился привить нам вкус к конкретной обстановке, к тому “*бытию*”, в котором слагается сознание, в котором развиваются идеи, характеризующие эпоху. В особенности много внимания уделялось идеям, приобретшим общечеловеческое значение. Но наряду с этими идеями, имевшими “вечный” интерес (мир, любовь, справедливость и др.), тщательно изучались проблемы и образы, характеризующие специфику мировоззрения средних веков.

«...» Так начинали мы понимать своеобразие мышления людей средних веков.

Читали трактат медленно, строку за строкой. Чтение шло по кругу. Один начинал, а следующий абзац уже продолжал сосед. После чтения начинался устный комментарий или читался доклад. Полная, настороженная тишина. Слышен только медленный и негромкий голос читающего. Шелестят переворачиваемые страницы. Читающий возглашает: «Paradiso», песнь XXX, строфа 5». И руки всех тянутся к третьей части «Божественной комедии», а глаза пробегают по тексту, который читает докладчик. Изредка, но горячо вспыхивают споры. Я не ошибусь, если скажу, что в нашем семинарии совершенно отсутствовало соперничество, не было и соревнования. Все личное отходило на задний план. Мы были охвачены желанием знать и желанием научиться познавать»⁵⁸.

Мемуары других учеников дополняют картину, созданную Н.П. Анциферовым, развивая те же мотивы и образы. «Самое сильное впечатление из всех семинарских занятий произвел на меня семинарий, руководимый профессором И.М. Гревсом. Не могу сказать, чтобы тема, выбранная профессором — духовная культура средневековой Италии — была мне близка. Меня занимало другое: удивительное мастерство, с которым раскрывал Иван Михайлович содержание взятого для анализа текста. Интересен был сам процесс подготовки к очередному занятию. Надо было не просто самостоятельно прочесть и перевести отрывок латинского текста, но и посылно прокомментировать его. А как увлекательны были часы совместной работы, когда сухой и, как нам казалось, малосодержательный документ начинал на наших глазах обрастать живой тканью, светиться новыми красками, приобретать ценность большого научного факта. И.М. Гревс как человек обладал большой притягательной силой. Мы любили его за всегда ровное, благожелательное отношение к нам»⁵⁹, — писала бестужевка Е.П. Привалова.

«В 1907 г. Иван Михайлович предложил желающим из числа его слушательниц образовать группу для семинарского изучения ранних биографий Франциска Ассизского. Если не ошибаюсь, мысль эта родилась среди его слушателей в университете, и он даже предложил нам образовать общую группу, но мы из-за девичьей застенчивости не согласились, и потому образовали две параллельные группы. И.М. часто рассказывал нам о том, что делалось в университетской группе, какие вопросы там возникали и как они решались. Она была гораздо более зреее нашей и больше подготовлена к научной работе. Наша группа была небольшая, человек 8—10; вместе с нами занималась и О.А. Добиаш-Рож-

⁵⁸ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 277—279.

⁵⁹ Привалова Е.П. Как мы учились // Санкт-Петербургские Высшие... С. 241.

дественская, которая была старше нас и вносила в наши занятия свою опытность и обширные знания, а также обаяние милого скромного товарища. Мы собирались дома у И.М., он жил тогда на 11-й линии Васильевского острова, недалеко от курсов. Это были чудесные собрания.

И.М. Гревс был незаменимым руководителем семинарских занятий, внимательным, благожелательным, готовым всегда прийти на помощь разъяснениями, указаниями, умело направляющим, но никогда не навязывающим свою мысль, свою точку зрения, напротив — искренне приветствующим самостоятельный подход к вопросу и независимость точки зрения. И с каким увлечением, с каким проникновением, исследуя взаимную зависимость источников, привлекая для выяснения иллюстрации и другие тексты, он вводил нас в жизнь Италии XIII в., знакомил нас с людьми того времени, с их идеалами и мечтами, с бурной, насыщенной событиями обстановкой их жизни, с их борьбой за свои идеалы — и вместе с этим знакомил нас и с приемами научной работы, с критикой источников и их толкованием. Никаких новых открытий в области источниковедения мы не сделали; мы познакомились с тем, что уже сделано до нас; спорные и неясные вопросы таковыми и остались, но наша задача и не состояла в том, чтобы окончательно их решить. Этот семинар должен был окончательно подвести нас к настоящей научной работе, показать ее сущность, ее требования к научному работнику. И эта цель была достигнута», — писала в своих воспоминаниях ученица И.М. Гревса К.В. Флоровская⁶⁰.

Ученики И.М. Гревса, не ставшие впоследствии профессиональными историками, вспоминают его занятия в похожей тональности: «Когда я начала посещать семинары, я поняла, что здесь происходит самая важная работа, и я ей всецело отдалась. <...> Рассказы курсисток, работавших в семинаре Ивана Михайловича, о том, как интересно проходила в них работа, возбудили во мне желание участвовать в этой работе. Как теперь помню: после лекции я подошла к Ивану Михайловичу и сказала, что хочу работать у него в семинарии. В тот год семинар был для начинающих по памятнику начала IX в. *Vita Caroli Magni*. Профессор посмотрел на меня ласково и сказал, чтобы я приходила работать в семинарий.

Работа проходила интенсивно, в нее обычно были включены все участники семинария. Группа обычно не была многочисленной (человек 20). В процессе работы она становилась сплоченной; всех участников объединял живой интерес к изучению истории. Это достигалось тем, что Иван Михайлович был не только ученым, глубоко знавшим свою специальность, но и талантливым педагогом, учителем и воспитателем юношества. Свою любовь к науке, к истории он передавал

⁶⁰ Флоровская К.В. Дорогое прошлое // Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета... С. 148.

нам, своим ученицам. Он учил нас, что движущей силой в науке должно быть искание истины. Это положение не было только словами, оно пронизывало все занятия, которыми руководил И.М. Гревс.

Методы работы над изучением памятников той или иной эпохи были методами научного исследования, по пути которого вел нас наш учитель. Педагогическое мастерство Ивана Михайловича заключалось в том, что он ставил перед нами задачи самостоятельной работы, начиная с более легких (комментарии отдельных глав памятников), которые затем усложнялись, требовали изучения литературы, обобщающих выводов и выливались в формы больших докладов, в обсуждении которых принимала участие вся группа.

Как лекции, так и беседы Ивана Михайловича в семинариях, связанные с изучением исторических памятников, были глубоко проникнуты идеями гуманизма и прогресса. Учитель сам был гуманистом в высоком значении этого слова, как любви к человеку, к культуре, созданной человечеством. В его словах звучали искренние убеждения, и они не расходились с делами. В этом и была его сила как воспитателя юношества⁶¹, — вспоминала бестужевка Н. Скрипко.

Тематика семинариев была различной, но она стоились вокруг определенных ключевых фигур и проблем — «Юлиан Экланский и поздние сочинения Блаженного Августина», «Хроника Дино Компаньи и Флоренция во времена Данте», «Августин и пелагианство (анализ и интерпретация памятников)», «Изучение “Исповеди” блаж. Августина в связи с его ранними философскими сочинениями», «Франциск Ассизский и раннее францисканство (сочинения Франциска, уставы, легенды о его жизни)», «Григорий Турский как памятник для ознакомления с культурой франкской эпохи (романизация и варваризация)», «Документальная и монументальная история городов римской Галии», анализ сочинения Данте “De Monarchia”⁶².

Черновые материалы помогают реконструировать и общую стратегию семинарских занятий, ее, если можно так сказать, идеологию в понимании И.М. Гревса.

В архиве Ивана Михайловича содержится большое количество всевозможных подготовительных материалов к занятиям⁶³. В качестве примера, позволяющего в определенной степени реконструировать «мастерскую историка», возьмем материалы августиновского семинария — «Семинары по изучению Августина. К задаче семинаров вообще и августиновско-

⁶¹ Цит. по: Вахромеева О.Б. Духовное единство... С. 72—74.

⁶² Список составлен по Отчетам Санкт-Петербургского университета и Отчетам Высших женских курсов. См. также: Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 34—35; Вахромеева О.Б. Духовное единение... С. 72.

⁶³ Перечень архивных дел с подготовительными материалами см.: Человек с открытым сердцем... С. 5.

го в частности. Семинарий августиновско-пелагианский — второй год (1914—1915)». Это довольно объемная папка (1509 листов), содержащая, в основном, выписки из современной научной литературы, изученной профессором в ходе подготовки к занятиям⁶⁴, фрагменты из источников и собственные «мысли при чтении», которые предполагается обсудить на встрече со студентами. Небольшие листочки бумаги, на которых сделаны записи, сгруппированы по тематическим конвертам: «К развитию учения о благодати», «Contra Academicos», «Свобода и несвобода», «Ум и воля», «Искушение», «Пелагианство», «Размышления и комментарии к “De libras”», «Августин и Цицерон», «Дружба». Существуют конверты по отдельным книгам «Исповеди». Сама форма заметок отражает гревсовский режим «медленного чтения»: листок поделен вертикальной чертой на две части, в первой сделаны выписки из текста, во второй — собственные размышления по поводу данного фрагмента. Перед нами, таким образом, не целостный нарратив. Содержательно и стилистически это отдельные мысли, чаще вопросы, чем ответы, но и, безусловно, не «заметки по ходу» семинарского занятия и не записи, сделанные по его итогам. Представленные материалы — фиксация того, на что следует обратить внимание, и что обсудить в ходе занятия. Например, заметка, касающаяся «Исповеди» Бл. Августина: «Как можно определить содержание второй книги? Об источнике греха. (Это общая тема, развивающаяся ярко, своеобразно и строго)»⁶⁵. И дальше идет реконструкция логики развития заявленной общей темы.

Резонно предположить, что материалы в определенной степени позволяют понять, как строился дидактический диалог в ходе занятия, какие навыки и приемы И.М. Гревс старался выработать у своих учеников в ходе практического анализа исторического документа. В качестве такой интенции следует выделить стремление «идти от текста», внимательно и бережно относиться к содержанию источника, актуализировать в ходе исследования собственный опыт, т.е. прямо и открыто формулировать вопросы, которые кажутся жизненно важными и возникают во взаимодействии «индивида и текста», не бояться спросить о чем-то, что может остаться без ответа.

Попытку систематизированного описания содержательной стороны семинарских занятий, т.е. некую констатацию того, что в качестве «готового знания» «на выходе» должен был получить студент, работавший в течение семестра в семинарии, дает в своем отчете о занятиях в семинарии «Августин и пелагианство», проводившемся в 1913/14 учебном году, Е.Я. Рудницкая: «Получив, после окончания в апреле 1912—

⁶⁴ Список актуальной, по мнению И.М. Гревса, литературы об Августине см.: Гревс И.М. Августин // Новый энциклопедический словарь. Т. 1. Ст. 428—430.

⁶⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 149. Л. 2.

1913 учебного года обязательных экзаменов, возможность остаться при курсах, я решила посвятить это время, т.е. 1913—1914 учебный год, занятию в семинариях и слушанию лекций по интересующим меня отделам, не связывать себя экзаменами и отдавать все силы на приобретение и упрочнение сколько это возможно навыков в научной работе. <...> Семинарий, которому я решила отдать наибольшее количество времени, привлекал меня тем, что в нем я нашла ответ на несколько моих влечений сразу.

Семинарий — “Августин и пелагианство” — интересовал меня помимо обычного важного значения работы в семинариях: 1) тем, что он посвящен вопросам духовной культуры, 2) в интересующую меня преимущественно эпоху — раннее средневековье; 3) личностью Августина, произведениями которого я уже занималась в предыдущем году (в семинарии, посвященном одному из совершеннейших его произведений “Confessiones”⁶⁶ и специально его этическим воззрениям).

В основу занятий в первую половину года было положено произведение Ав. “De libero arbitr[i]o”. Это сочинение, написанное Ав[густином] в период его борьбы с манихейством, представляет собой не только блестящее опровержение манихейской теории, но, при стройности построения и красоте стиля, и постановку и развитие величайших проблем.

Центральный вопрос сочинения — вопрос теодицеи. С самого начала первой книги, в первом же параграфе, сформулировано отрицание происхождения зла от Бога, Благого, Творца всего сущего <...> и утверждение, что воля человека делает его самого виновником своих страданий <...> Страдания — зло есть наказание, положенное Богом — Справедливым, который в силу справедливости своей не может наказывать невинных»⁶⁷. Далее глава за главой идет описание содержания работы с анализом логик развития на ее страницах основной идеи. Повидимому, таков результат последовательного комментированного чтения и обсуждения текста труда Августина на занятиях семинария.

Однако только этим его работа не ограничилась. Параллельно привлекались произведения других трактатов Гиппонского епископа для того, чтобы, во-первых, создать контекст, в рамках которого рассматривался анализируемый памятник, а во-вторых, реконструировать эволюцию взглядов Августина. Самой интересной дополнительной работой, прилегающей к анализу первой книги, «было делать сравнение ее с сочинениями Ав[густина] в период его жизни в Кассидиаке и с теми моментами в C[onfessiones], где Ав[густин] ярко запечатлел искания своей юности»⁶⁸.

⁶⁶ «Исповедь».

⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 153. Л. 2—2 об.

⁶⁸ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 153. Л. 3.

Е.Я. Рудницкая исходит из гревсовской по своим истокам установки, что текст конкретного сочинения (как, впрочем, и весь корпус трудов Августина, представленный как единый метатекст) содержит в себе некую рационально реконструируемую логику «разворачивания» базовой идеи. И в этой связи она рассматривает ее развитие в последующих частях анализируемого трактата. Главы XI—XIII первой книги, пишет она, посвящены «определению доброй воли»⁶⁹, главы XIV—XV — «обнаружению существования Бога»⁷⁰ и т.д.

Автор периодически обращает внимание и на форму посещаемых ею семинаров («Следующее произведение, которое было предложено прочесть каждому из участников и доклад о котором был сделан одним из них, было “De diversis quaestionibus ad Simplicianum”»⁷¹) и, признавая вариативный характер индивидуальных траекторий каждого ученика (участники семинария, например, должны были делать доклады по определенным вопросам), описывает собственную работу («я остановилась в первом вопросе (содержание которого сводится к тому, что такое закон, есть ли он зло, если сказано, что мы умерли для него, или благо, если он обнаружил грех) на пунктах, относящихся к вопросам о свободе воли, о наследственном грехе и благодати»⁷²).

Во втором семестре учебного года участники семинария изучали трактаты Пелагия и его ученика Целестия, сравнивая содержащиеся в них идеи с августиновскими. Данный выбор источников помогал в систематическом виде понять учения Августина о свободе воли, предопределении и благодати, а заодно способствовал формированию четкого представления о масштабе наследия Гиппонского епископа у студентов и слушательниц. Все это должно было стать основным результатом работы семинария в содержательном плане. Здесь использовалась та же методика постепенного комментированного чтения и обсуждения текстов, сочетающаяся с написанием докладов и назначением индивидуальных заданий. В заключение отчета Е.Я. Рудницкая оценивает семинарий как очень важный, полезный и интересный, но весьма сложный и трудоемкий, особенно в плане подготовки. «Занятия в семинарии представляли для меня такой интерес, что я убедилась, что не смогу работать интенсивно еще в каком-нибудь другом. Поэтому план мой поработать в философских семинариях, в чем имею большую потребность, должен был не осуществиться...»⁷³.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 4 об.

⁷¹ Там же. Л. 7.

⁷² Там же. Л. 7 об.

⁷³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 153. Л. 11 об.

В письме, направленном учителю из Германии, П.Б. Шаскольский делится своими размышлениями о типах семинариев, сравнивая подобные занятия И.М. Гревса с аналогичными образовательными формами немецких университетов. «Лекции их послушал немного, а на занятия думал ходить, они, кстати, необходимы для моих теоретических занятий: Fabricius начал разбирать источники истории Гракхов, Below разбирал историю немецких городов (в частности, думал сосредоточиться, совсем как Вы в нынешнем году, историей Страсбурга, хотя как раз опровергнуть *Notrechtliche Theorie*. Наконец, Meineke начал заниматься моим любимым Великим Кюрфюрстом. Интересно мне было то, что у них разные системы: у М. чисто реферативная (даже вовсе не читают памятников), у Ф. чтение и комментирование источников (он начал с Аппиана) и наряду с этим чтение рефератов *вообще* по аграрным вопросам и другим проблемам *древней* истории; наконец у Б. исключительно комментирование текстов, но с помощью всеми обязательно прочитываемой по данному вопросу литературы. Сколько успел за короткое время приглядеться во всех этих способах ведения занятий есть крупные недостатки, хотя они и велись, оговариваюсь, очень интересно. Думаю все-таки, что самая лучшая из виденных мною систем — приблизительно та, которая у Вас удавалась в последние 2 года — С Л. Сал. и францисканством, т.е. в центральном месте чтение текста, с комментированием посредством литературы и попутно (не обязательно каждый раз) с рефератами по вопросам из той же темы. Но если говорить не о системе, а о самих занятиях, то надо сказать, что немецкая <...> сразу видна, и это несомненный плюс в сравнении с петербургскими занятиями. В общем я за короткое время участия в занятиях вынес впечатление, что наши профессора (и Вы, между прочим), безусловно, слишком церемонятся со студентами.

Конечно, немного смешным кажется, когда профессор во Фрайбурге задает <...> к следующему разу такую-то страницу текста и прочесть такую-то журнальную статью и главу из книги, и потом в следующий раз вызывает сам по списку участников занятий <...> и заставляет прокомментировать несколько строчек. Но что же делать? Этим достигается зато то, что все сидят всю неделю в библиотеке семинария и читают эту журнальную статью или главу, и во всяком случае вечер занятий ни для кого даром не пропадет, п.ч. все могут следить за ходом занятий»⁷⁴.

Бывшие ученики очень высоко оценивали уровень подготовительной работы к семинарским занятиям, проводимой И.М. Гревсом как в плане затрат, так и в содержательном отношении, отмечая оригинальность и

⁷⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 332. Л. 1—1 об.

глубину, считая, что каждая из таких заготовок, при придании ей литературной формы, могла бы стать полноценным научным исследованием⁷⁵.

К текущей работе в семинарии студенты и слушательницы относились весьма серьезно, особенно, естественно, к подготовке собственных докладов. «Но на днях было со мной и происшествие, к[отор]ое меня сильно взволновало и до сих пор не дает забыть о нем. Происшествие заключалось в том, что я читал у Гревса свой первый реферат, — вообще, это была моя первая работа по истории. <...> И вот мне было страшно приятно (я скажу тебе прямо), что мой реферат понравился»⁷⁶.

«Продолжал работать и семинар декана Историко-филологического факультета проф. И.М. Гревса, одного из самых талантливых и вдумчивых университетских педагогов, вырастившего многие поколения учеников и учениц. В этом семинаре объединялись и его старшие ученицы, и мы, тогда еще студентки»⁷⁷.

Более того, ученики явно идеализировали семинарии ученого. «От семинариев И.М. Гревса всегда вела твердая дорога к научной глубокой специальной учености, но и также открывался широкий путь к волнующим свежим проблемам современности. Молодежь с яркой общественной жилкой никогда не обходила его семинариев, дорожа идейным запасом, огромным материалом и научным методом, какой из них выносила»⁷⁸, — напишет в юбилейных заметках, посвященных учителю, О.А. Добиаш-Рождественская. Она же отметит в газетной статье: «Его хорошо знают, кто прошел через его аудиторию, особенно кто пожил в атмосфере его семинариев, уютной светлой и вместе с тем проникнутой трудовым напряжением, строгим чувством рабочего долга»⁷⁹. С.С. Безобразов, впоследствии епископ Кассиан, ректор Православного богословского института в Париже писал: «Помню незабываемый семинарий по Августину, в котором я участвовал в 1912—1915 гг. на дому у И.М., в большом и смешанном составе студентов Университета и слушательниц Бестужевских курсов. В первый год мы читали “Исповедь” Августина, во второй — его ранние философские трактаты и послания Пелагия, в третий — антипелагианские полемические трактаты последних лет жизни великого учителя церкви»⁸⁰.

⁷⁵ См., например, наброски воспоминаний О.А. Добиаш-Рождественской: ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 83. Л. 5; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом... С. 177.

⁷⁶ *Федотов Г.П.* Собрание сочинений в 12 томах. Т. 12. Письма Г.П. Федотова... С. 136.

⁷⁷ *Тиханова М.А.* Третий Петроградский университет // *Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. СПб., 2003. С. 251.

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.

⁷⁹ *Добиаш-Рождественская О.А.* Юбилей И.М. Гревса // Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 14 марта. № 74. С. 1.

⁸⁰ *Еп. Кассиан (Безобразов).* Родословие духа // Православная мысль. Париж. 1949. Т. 7. С. 10.

Таким образом, мы можем зафиксировать ряд принципиальных особенностей семинариев И.М. Гревса как поведенческой и дискурсивной практики.

Специфический, оригинальный характер семинариев во многом определялся и тем своеобразно маркированным местом, в котором занятия проводились — либо в аудитории Исторического семинария, создателем и руководителем которого являлся Иван Михайлович⁸¹, либо, что происходило достаточно часто, у него дома. Для плодотворного хода занятий очень важным оказывалось постулирование «духа места». Многие профессора проводили занятия у себя дома, но только у И.М. Гревса подобный выбор оказывался особенным, призванным снять традиционную дистанцию между учителем и учеником путем налаживания «духовной близости», преобразования формальных отношений в приватные. В работе некоторых семинарских занятий принимала участие старшая дочь профессора, слушательница ВЖК. Для многих учеников «вхождение в дом» наставника означало приобщение к приватной сфере. «Благодаря этому семинарию на дому мы сблизились с семьей Ивана Михайловича»⁸². В письмах учеников Ивана Михайловича нередко просятся «приветы семье», «поклоны супруге» и т.д. Не менее часто можно встретить и упоминания о трагедии, постигшей Гревса, — смерти его младшей дочери Александры. Утрата родного человека не только для семьи профессора, но и для его учеников стала большим личным горем.

Наиболее близкие ученики, например, О.А. Добиаш-Рождественская, Н.П. Анциферов и Т.Б. Лозинская, стали друзьями Гревсов. С О.А. Добиаш-Рождественской в 1900—1910-е гг. семья нередко совершала летние путешествия, причем порой без участия самого профессора. А Н.П. Анциферов, по его собственным словам, часто ночевал в более поздние годы в доме Ивана Михайловича⁸³.

По воспоминаниям учеников, семинарии не ограничивались только «учебными» вопросами, а перерастали в доверительную беседу, сопровождающуюся дружеской «сменой обстановки». «Некоторые семинарии продолжались много лет, даже дома у профессора. Создавалось личное общение, у профессоров собирались за чашкой чая, когда разговор не ограничивался только научными темами: так было у И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской»⁸⁴.

Семинарии, проходившие дома, иногда завершались чаепитием, не отменявшим, впрочем, самих предшествующих занятий. Учебные штудии плавно перетекали в личное общение в приватной форме. Впрочем, по-

⁸¹ Человек с открытым сердцем... С. 294—295.

⁸² Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 175.

⁸³ Там же. С. 177.

⁸⁴ Быкова Т.А. Историческое преподавание... С. 90.

добная практика (приглашение студентов к домашнему чаепитию) имела место и в деятельности некоторых других профессоров, однако понятно, что в каждом конкретном случае она обладала своей спецификой.

Ученики И.М. Гревса, например, Л.П. Карсавин⁸⁵ и О.А. Добиаш-Рождественская⁸⁶, став университетскими преподавателями, вели свои семинарские занятия в схожем стиле, позаимствовав многое из арсенала дидактической и коммуникативной методики своего учителя. Так, Л.П. Карсавин писал учителю: «Меня до сих пор трогает воспоминание о духе моего семинария на курсах, но я хорошо знаю, что этот дух идет от Вас»⁸⁷.

Студенты и слушательницы ВЖК воспринимали, как мы видим, эти занятия как выдержанные в духе особого взаимоотношения между профессором и учениками, как формы исключительного коммуникативного свойства.

Более того, в рамках семинарских занятий формируется своя группа с разделением ролей. Выделяются «эмоциональный» и «инструментальный» лидеры — студенты пользующиеся влиянием и расположением учителя, живо воспринимающие и усваивающие его идеи (независимо от формального положения). Н.Н. Розенталь вспоминает, например, каким авторитетом обладал в рамках группы семинария Н.П. Анциферов, безусловно, создавая идеализированный образ последнего⁸⁸. Н.П. Анциферов, в свою очередь, вспоминает, насколько значимым для студентов было мнение библиотекаря исторического семинария, ученика И.М. Гревса, А.А. Тэнтела, который не сделал, в отличие от Л.П. Карсавина и Н.П. Оттокара, академическую карьеру, не защитил даже магистерской диссертации, но, как верный и последовательный ученик («он всех профессоров, кроме Ивана Михайловича, называл дураками»⁸⁹), пользо-

⁸⁵ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 2. С. 121—122.

⁸⁶ Тиханова М.А. Указ. соч. С. 251.

⁸⁷ Российская историческая мысль... С. 57.

⁸⁸ «Тысяча девятьсот одиннадцатый год. Небольшая аудитория в Петербургском университете. Студенты оживленно обсуждают тематику докладов по истории раннего средневековья, предложенную профессором Ив. Мих. Гревсом. Я тоже хочу взять доклад. Что делать? «Обратитесь к групповому старосте, Анциферову, советуют мне товарищи. — Он уже второй год занимается у Гр. И все вам расскажет». Я внимательно всматриваюсь в привлекательное лицо «старосты». Студенты называют его по имени отчеству, Ник. Пав. <...> Н.П. Анциферов пользовался у студентов исключительной любовью и уважением. Он неудержимо привлекал их к себе своей высокой многосторонней культурой, а главное — своей безупречной нравственной чистотой. Никто из знавших его не сомневался в том, что он никогда не солжет, никогда не поступится своими принципами, никогда не откажет в помощи товарищу. Недаром вокруг Ник. Пав. Постоянно объединялись лучшие представители из его курса, из которых впоследствии вышло немало заметных деятелей науки и просвещения» // ОР РНБ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 397. Л. 1—2.

⁸⁹ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 281.

вался большим уважением среди младших коллег, причем не только по сугубо профессиональным вопросам⁹⁰. Особую роль А.А. Тэнтела в семинариях «как дамы-патронессы» отмечает и Г.П. Федотов.

Общение семинарской группы, в том числе и с профессором, не прекращалось даже после завершения обучения в университете. «Постепенно из нас образовался кружок, который не распался и после окончания университета»⁹¹.

Для именования профессора в кругу близких учеников употреблялся маркированный школьной принадлежностью особый термин. «Мы называли его *padre*»⁹². При этом, на наш взгляд, термин актуализирует широкий круг коннотаций. Во-первых, латинское Средневековье. Во-вторых, стремление к неформальному (отеческому) характеру отношений. В-третьих, учитель, мудрец, наставник (обращение к католическому священнику). И, кроме того, понятно, что это термин, которым пользовались только свои *inter pares*. Честь называть И.М. Гревса “*padre*” необходимо было заслужить, непременно став его учеником.

Особый характер — душевный и доверительный — неформальных взаимоотношений (профессиональных и личностных) учеников И.М. Гревса с учителем привел к тому, что в текстах, представляющих собой форму рефлексии (в первую очередь, в воспоминаниях), они жестко и порой чрезмерно требовательно описывают других профессоров университета и ВЖК, которые вели у них различные занятия. Они как бы отвечают на вопрос: «Почему я стал учеником Гревса, а не другого профессора?». Достаточно много критических оценок содержится в мемуарах Н.П. Анциферова, В.В. Вейдле⁹³ и А.И. Хоментовской⁹⁴.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 171.

⁹² Там же. С. 165.

⁹³ «Лениво слушал и курс Лаппо-Данилевского по методологии истории — содержательный, компетентный, но какой-то монотонный и сухой. <...> Лекции Кареева не слушал из-за мягкого “р” и гражданской скорби. Попытался послушать по новой западной истории лекции Эрвина Давыдовича Гримма, но тут уже не по моей вине только на две, кажется, и попал. Читал он много лучше Кареева, но слушать его было мудрено. Он был ректором университета, и ректорских дел у него было столько, что лекции он постоянно пропускал» // Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 2. С. 120.

⁹⁴ «По западному искусству нельзя было миновать проф. Д.В. Айналова, а с ним мне было не по пути. Его ученицы напоминали дрессированных обезьян, которые повторяли даже его нескладную, скудную и неправильную русскую речь. В области итальянского Возрождения он был невеждой, что постоянно скандальным образом обнаруживалось на его лекциях <...> Не пошла я и к Вульфигусу, хотя он официально ведал тогда отделом эпохи Возрождения; и в ту пору я знала больше него в этой области. <...> Э.Д. Гримм был столь же умен и остроумен, сколь неустойчив как в науке, так и в общественно-политической жизни» // Хоментовская А.И. Пройденный путь... С. 230—231. Любопытно и различие между при-

В устных суждениях подобные отзывы могли быть еще более категоричными, чтобы не сказать грубыми. А.А. Тэнтел, как мы уже говорили, всех профессоров, кроме И.М. Гревса, «считал дураками». Претензии преподавателям предъявлялись либо с позиции несоответствия профессиональным требованиям, либо — высоким духовным критериям личности. В текстах подразумевалось (от обратного), что И.М. Гревс обладает всем тем, чего недостает большинству его коллег.

Таким образом, следует признать, что Иван Михайлович, в целом, успешно перевел стандартные (формальные) взаимоотношения с учениками в профессионально-дружественные, а это в свою очередь создало основу для формирования коллектива единомышленников.

Итак, безусловно, можно говорить о том, что семинарии Гревса сложились в некую, локальную культурную практику, которая помимо всего прочего способствовала выработке устойчивой школьной идентичности. Семинарии как специфическая практика характеризуются, во-первых, маркированным местом проведения. В большинстве случаев они, как уже отмечалось, проводились в специальной аудитории или даже на квартире профессора. Подобная локализация, как представляется, способствовала налаживанию доверительности и исключительного отношения к занятиям. По инициативе И.М. Гревса группы собирались в особом месте, тогда как для большинства прочих преподавателей оно значения не имело.

Во-вторых, в рамках семинария устанавливался специфический конвенциональный временной режим. Хотя занятия проводились по расписанию, раз в неделю, Гревс в вводной части специально подчеркивал: «...Звонки для нас особого значения не имеют». Время определяется ходом и содержанием разговора. Иван Михайлович часто обращал внимание на важность и даже необходимость «медленного чтения», позволяющего «погрузиться в текст». Вряд ли, конечно, семинарские занятия по длительности существенно превышали обычные аудиторные, но особый временной режим субъективно был значим для непосредственных участников. Н.П. Анциферов пишет: «Мы не замечали, как текло время. Ведь мы здесь преодолевали время, уносимые в далекое прошлое. Только изредка из деревянного домика с циферблатом на стене выскакивала кукушка и куковала нам о проплывших часах»⁹⁵.

В-третьих, существовали определенные критерии отбора участников семинария. Потенциальные слушатели в обязательном порядке должны были знать латынь и современные западные языки. Некоторые участ-

веденными текстами. Н.П. Анциферов подает эти оценки как общепринятые, устоявшиеся в студенческой среде, А.И. Хоментовская — как результат своего собственного критического отношения.

⁹⁵ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 279.

ники семинария в своих воспоминаниях отмечают, что им специально приходилось повышать лингвистическую подготовку, чтобы участвовать в работе наравне со всеми. Конечно, семинарии по российской истории не требовали особой филологической выучки. Кроме того, часто занятия проводились совместно для студентов университета и слушательниц ВЖК, что также придавало атмосфере неповторимый колорит.

В-четвертых, состав слушателей семинария менялся постепенно, и при этом в течение каждого учебного года в работе участвовали ученики, посещавшие занятия И.М. Гревса ранее. Ими были лица, оставленные при кафедре «для приготовления к профессорскому званию», или те, кто уже окончил университет, как, например, О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, А.А. Тэнтел, Е.Я. Рудницкая.

В-пятых, сама по себе семинарская работа предполагала набор специфических действий и особого отношения к ним. И.М. Гревс, как уже отмечалось, был сторонником комбинированной формы проведения занятий, при которой коллективный анализ текста сочетался с чтением докладов по отдельным проблемам, связанным с изучаемыми источниками. Подобные штудии воспринимались участниками как чрезвычайно сложные, требующие исключительной концентрации. Так, оставленная при ВЖК Е.Я. Рудницкая писала, что изначально она планировала посещать несколько семинариев, проводимых различными преподавателями, но потом поняла — подобная задача невыполнима⁹⁶.

О том, как, согласно его плану, должны проводиться встречи с учениками, сообщал Гревс в кратких конспектах, составляемых им к каждому семинарскому циклу. Содержание заметок для вводного занятия, на котором предполагалось обозначить «правила игры»⁹⁷, повторяется, что свидетельствует о налии устойчивой методической базы ведения семинариев. В случае малоэффективности выбранного подхода к организации материала и его подачи Иван Михайлович, несомненно, сделал бы выбор в пользу нового.

Фиксируя для себя основное из того, что следует обозначить на ввдном занятии августиновско-пеллагианского семинария, И.М. Гревс пишет: «Предмет — Августин и пелагианство.

Задача:

а) Рассмотреть авг[устиновскую] и пеллаг[ианскую] точки зрения на спасение путем внимательного изучения трактатов Авг[устина], посвященных вопросу.

⁹⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 153. Л. 11 об.

⁹⁷ Метафору «правила игры» по отношению к исследовательским действиям профессионального ученого-историка мы позаимствовали у Р. Торстендаля. См.: Торстендаль Р. «Правильно» и «плодотворно» — критерии исторической науки // Исторические записки. М., 1995. Вып. 1 (119). С. 54—73.

в) Если можно — ориентировка в эволюции.

В связи с желанием участников можно сосредоточиться больше на первом или втором из указанных центров»⁹⁸.

Отсюда вырастает постановка целей занятий: «Цель занятий:

а) Углубление в Авг[устина] с опред[еленной] точки зрения.

в) Ознакомление с идеями сильных и интересных его противников — расширение опыта познания крупных индивид. мировоззрений (и анализировать Авг[устина] исходя не из него самого).

с) Изучение истории вопроса (спор о спас[ении]), оч[ень] характерного для понимания культуры эпохи.

д) Работа мысли в области коренных проблем познания (удовлетворение интереса к религ[иозной] и этич[еской] истине)»⁹⁹.

Подобное понимание целей и задач приводит к формулировке принципов построения семинария и рефлексии о его природе вообще: семинарии должны давать углубленное знание по определенной теме и «развивать мировоззрение». «Семинары — передатчики идей и традиций в прямой работе, в руководящих принципах данных наук, этико-филос[офских] направлений»¹⁰⁰.

Отсюда вырастают требования к восприятию семинариев учениками и их поведению на занятиях. «Семинарий — это научное и нравств[ственное] настроение.

Интенсивность труда каждого.

Откровенная дружественность. Все для дела. Взаимопомощь.

Открытое сообщение литер[атуры] и мыслей.

Общественная энергия*.

(*Такое состояние работников подвигает не только их, но и руководителя.)

Увлечение и пиетет к предмету вообще, к семинарию (патриотизм), друг к другу. Pro domo sua.

Собственное мое учительское самосознание и потребность доверия для успеха*.

(*Я знаю свои недостатки, думаю что и при них могу принести пользу Вам, но нуждаюсь в том, чтобы и Вы это думали (пусть критика, но благожелательство).)

Желат[ельно] близости моим идеалам»¹⁰¹.

Эта программа затем переводится на уровень методики конкретной работы: «По вопросу о форме занятий.

⁹⁸ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 150. Л. 267.

⁹⁹ Там же. Л. 268.

¹⁰⁰ Там же. Л. 269.

¹⁰¹ ПФА РАН Ф. 726. Оп. 1. Д. 150. Л. 270.

Самая идеальная, м[ожет] б[ыть], была бы такая: систематически обрабатывается вопрос участником по частям, т.к. из совок[упного] результата получа[лась] бы новая книга (так часто осуществляется в Париже),

но это требует от участников наличную осведомленность, подготовку, энергию,

от руководителя также выдающихся знаний и готовности. Иначе работа перестанет быть конкретной, теряет активность и затронутость. Исчезает смысл.

По вопросу о форме, в какую должны выливаться занятия. Самое идеальное воплощение и сочетание мне предст[авляется] такое:

читается, анализируется, интерпретируется, комментируется некоторый текст (лучше всего исходить из реального и целого <...>),

все занимаются в промежутках, т.е. вчитываются (*meditatio*¹⁰²) — получают, собирают, сравнивают другой материал,

все делятся своими результатами, как бы скромны не были и активно относятся к сообщениям других.

Это — конкрет[ная] работа, к[ото]рая совершенствует результаты от сотрудничества.

Так возникает задача расширения и углубления.

Это придаст высшую обработку (тут не только разбор, но и построение).

Общие выводы — в конце, результат совм. труда.

Прогресс приемов — во всем процессе работы.

Это отдельные работы могут осуществляться свободно (каждый работает с конкретным направлением.) и организовано (штудии распределяются между участниками).

При успехе и добром рвении такие задачи могут вырасти в солидные коммент., предстанут уже не в виде экскурсов к штудированию основных текстов, а равноправно рядом с ними.

Эти руководящие мысли имеют, впрочем, лишь ориентирующее значение»¹⁰³.

Во вводной лекции, предшествовавшей семинарию по Августину, И.М. Гревс подчеркивает: «Только первоисточник подводил к историческому познанию прошлого, только он допускал историческую коллективную системную работу»¹⁰⁴.

Идеи, высказанные на вводном занятии семинария, посвященного анализу хроники Дино Компаньи, почти совпадают с обозначенными выше: «Семинары Д[ино] К[омпаньи].

¹⁰²С. Алексеев, в принципе, справедливо отмечает, что это слово обозначает, прежде всего, «размышление, обдумывание», но, тем не менее, «медитативные» коннотации явно присутствуют как в самом термине, так в общем контексте рассуждений.

¹⁰³ПФА. РАН Ф. 726. Оп. 1. Д. 150. Л. 271—272 об.

¹⁰⁴Там же. Д. 149. Л. 324.

Университетские <...> и организованная работа студентов с профессором (семинарий как орудие закрепления, расширения и углубления знаний, идей, вдохновения (эмоций), методы, мышления, творчества и волевой стойкости, вызванных лекцией).

В семинарии на нас действует «равномерный и сосредоточенный свет»»,

тут работа более гибкая и индивидуализированная, более длительная и методичная (повторения, детализирующая, проверяемая),

вследствие этого можно стремиться более разнообразными <...> средствами и достигать более прочных результатов,

скромная, определенная и вполне реально вытекающая из наших занятий задача,

хорошая, серьезная, достигаемая тема.

Небольшой, оригинальн[ый] и интересн[ый] памятник, существующий в доступных и хороших изданиях.

Важный истор[ический] момент, подходящий к занятиям предшеств[ующего] года, вытекающий уже из интереса зерна участников.

Легкость расширения сферы наблюдателя по мере сил (работа над текстом — корень природы семинария). «Текст» — предмет познания (и через него раскрывается <...> вопрос*)

*и вырабатывается чутье прошлого.

Но работа должна считаться не в форме курсорного чтения, а во внимательном изучении, интерпретации.

Рядом с этим — привлекаются параллельные тексты и производится их сравнительный анализ — ставятся маленькие темки, рядом с затрагиваемыми памятником вопросами*

(*изучаются они лучше всего (если возможно) также по памятникам, при большой сложности хотя бы по серьезным научным сочинениям),

попутно происходит с историографией по вопросам, связанным с тематикой, и по содержанию...»¹⁰⁵.

Таким, образом, И.М. Гревс достаточно четко определяет задачи семинариев, которые оказываются двойственными и несколько противоречивыми (развитие научной самостоятельности¹⁰⁶ и «создание традиций школы»¹⁰⁷), общий характер работы (специфику места¹⁰⁸, время¹⁰⁹,

¹⁰⁵ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 132. Л. 127—129.

¹⁰⁶Там же. Л. 151.

¹⁰⁷Там же. Л. 149. Следует специально обратить внимание на то, что сам И.М. Гревс использует в данном случае термин «школа».

¹⁰⁸«Вечерние занятия в помещении семинария» // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 132. Л. 150.

¹⁰⁹«Свободное, без звонков (обстановка сближает, интимность объединяет)» // Там же.

состав¹¹⁰ и коллективный характер деятельности¹¹¹), а также методику проведения занятий.

Для семинария выбирается источник, который анализируется через призму определенного «вопроса», имеющего не «мелко-социальный», а «общеисторический интерес»¹¹².

Представляется, что ключевыми в приведенных выше программах семинариев являются два момента. Во-первых, установка на «медитацию», погружение в изучаемый источник, подобное религиозному проникновению в потаенные смыслы сакрального текста. Иными словами, перед нами, очевидно, явно не просто рационально-аналитическая процедура. «Медитация» должна идти «целостно», всем сознанием, и в идеале способствует постижению «смысла» или «духа» источника, а равно и изменению внутреннего мира исследователя, предпринимая подобное действие. Больше всего это похоже на неоромантическую идею В. Дильтея о понимании как специфическом методе гуманитарного знания. Следует отметить, что интуитивное погружение (с точки зрения И.М. Гревса) вовсе не противоречит рациональным процедурам познания (характеристике степени изученности темы, критике источника, анализу терминологии, соотнесению с историческим контекстом). По мнению ученого, они органично взаимосвязаны. Рациональные процедуры, с одной стороны, оказываются подготовительным этапом для «медитации» (разбегом перед полетом), без которого она невозможна, а с другой, — выступают в качестве средства самоконтроля исследователя по проверке «научности» полученного в результате «медитации» знания. В итоге, семинарии должны формировать у учащихся не только знания, но и, например, эмоции, а самое главное — мировоззрение.

Понятно, что подобный романтизм отличал семинарии И.М. Гревса от аналогичных учебно-практических форм многих петербургских профессоров-историков. Может быть, только занятия у филолога-классика Ф.Ф. Зелинского в чем-то были похожи на гревсовские¹¹³. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется массовое участие учениц Ф.Ф. Зелинского во второй итальянской экскурсии И.М. Гревса; кроме того, многие студенты и слушательницы ВЖК посещали семинарии обоих профессоров.

¹¹⁰ «Коренное зерно, участвовавшее в работе в продолжении нескольких лет и срастающееся с темой, как со своей и любимой: ежегодное пополнение его; присоединение к работам еще и других элементов, участвующих в других семинариях и служащих органом связи с другими группами и направлениями» // Там же.

¹¹¹ «Для себя и для других» // Там же.

¹¹² Там же. Л. 151.

¹¹³ Анциферов Н.П. Из дум о былом...

Вторым значимым моментом программы И.М. Гревса (его «философии семинариев») является установка на коллективность работы. Все ученики, согласно видению наставника, должны трудиться сообща, помогая друг другу и в то же время привнося в семинарий «что-то свое». Впрочем, на занятиях Ивана Михайловича нет места «индивидуалистам». Из опыта подобной командной работы проистекает «групповой патриотизм», иначе говоря — школьная идентичность. Ученик непременно должен ощущать себя принадлежащим к некоему «корпоративному целому», тогда в его уме будет действовать психологическая установка, согласно которой он — «свой», вместе со всеми через многое прошедший и получивший исключительные знания. Благодаря разного рода «приобретениям» — личностным, профессиональным, интеллектуальным, духовным — ученик замечает изменения, случившиеся с ним и поставившие его в особое положение по отношению к окружающим. В процессе приобщения слушателей к высокой науке особое место отведено, безусловно, профессору как неотъемлемой части данного микросообщества. Он преодолел «путь познания» вместе с учениками, и без него постичь ранее неведомое было бы невозможно. Ценным оказывается сам опыт коллективной работы.

К началу занятий, т.е. на входе в коммуникативное пространство, студенты порой практически не знали друг друга. «У Ив. Мих. занимаются две группы: Данте и римский Арль. Не знаю, буду ли я участвовать во второй. Девиц страшно много, я не знаю имен, а те, кого знаю (Соловьева, Нечаева), по-видимому, больше присутствуют. Из моих товарищей — Штейн и Август Ад. — последний в качестве дамы-патронессы»¹¹⁴, — сообщал в письме Г.П. Федотов. А «на выходе» между ними складывались достаточно теплые отношения, которые они очень ценили. Та же Е.Н. Нечаева, упоминаемая в письме, впоследствии стала женой Г.П. Федотова. В этой связи и сам И.М. Гревс, и его ученики ценили преемственность, т.е. наличие в числе участников семинария тех, кто уже посещал его в прошлом году.

Студент на семинарии получает свой первый профессиональный опыт анализа источников, публичного профессионального выступления, обретает собственный «голос» как будущего специалиста. «Генератором дискурса» для семинария становится преподаватель, который его ведет. Высказывание студента возможно только по тем правилам, которые задает преподаватель, в рамках обозначенного им коммуникативного пространства.

Правила, конструирующие практику, оказываются вариативными (студент вписывается в них с учетом определенной индивидуальности), но достаточно жесткими. Нарушение их ведет к «выпадению» из школы или даже из профессии.

¹¹⁴Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 12. Письма Г.П. Федотова... С. 175.

Среди трех основных форм классических университетских гуманитарных учебных занятий — лекции, семинария, экзамена — именно семинарий должен в первую очередь способствовать выработке у студентов навыков публичного профессионального (т.е. соответствующего нормам специальности) говорения. И происходит это в режиме диалога. Для И.М. Гревса, с его установкой на внимание к личности ученика, семинарий, помимо прочего, приобретал особое значение, содействуя формированию групповой идентичности.

В восприятии студентов и слушательниц, таким образом, семинарии были важным событием их университетской жизни, очевидным «местом памяти», связанным с конструированием их профессионализма. Они полагали, что семинарии И.М. Гревса дали им достаточно много как в плане специальных знаний и навыков, так и в личностном отношении, повлияв на мировоззрение¹¹⁵. К значимым знаниям, полученным в результате прохождения семинариев, относится, например, осведомленность в определенных классических текстах, анализу которых были посвящены занятия. Но столь же существенно владение систематизированным Гревсом корпусом современной научной литературы на русском и иностранных (преимущественно французском, итальянском, немецком, в меньшей степени английском) языках. Совершенно очевидно, что Иван Михайлович проводил строгий историографический отбор, выстраивая перечень рекомендованной литературы в соответствии со своими пристрастиями, и подобный подход задавал определенный ракурс восприятия «образа науки», формирующегося у его учеников.

Наконец, принципиально важно «неявное» представление, вырастающее непосредственно из «опыта работы» в семинариях — применение приемов и навыков интерпретации источников, практики «медленного чтения» и «медитативного» проникновения в смыслы изучаемого памятника.

Групповую идентичность также создавало некое конструируемое в ходе работы семинария знание о «содержании», «идейном наполнении» анализируемых текстов. Памятник рассматривался как «отражение» целостного мировоззрения их автора (у каждого «великого творца», полагал И.М. Гревс, существует стройная система взглядов). Идеи, обнаруживаемые в исторических источниках, обладают не только научной актуальностью, но и чем-то большим, столь существенным для личностного роста индивида. Например, Августин и Данте остаются актуальными вневременными «учителями жизни». Этот последний вид знания, «открывающийся» непосредственно на занятиях в ходе совместной рабо-

¹¹⁵Очевидно, что были студенты, «не попавшие в тональность» гревсовских семинариев, но они, естественно, не позиционировали себя в качестве учеников профессора.

ты, т.к. его нельзя было получить «факультативно», просто прочитав тексты источников и рекомендованную научную литературу, был непосредственно связан с пониманием И.М. Гревсом перформативной природы семинария. «Обладание» такого рода почти сокровенной информацией превращало участников семинария в некую замкнутую группу с общим «эзотерическим», эксклюзивным наполнением, недоступным стороннему наблюдателю.

Таким образом, настоящий наставник, по мнению И.М. Гревса, должен быть готов «сломать волю» ученика, чтобы приобщить его к ценностям подлинной науки и, тем самым, сделать своим единомышленником, а в идеале — близким человеком.

В то же время коммуникативный режим, в рамках которого И.М. Гревс позиционирует себя как учителя с большой буквы, предполагает единство личности преподавателя и, условно говоря, его идей. Профессор как бы говорит: «Если любишь меня, то разделяй и мои взгляды, то, что я считаю истинным. И, соответственно, наоборот — принимаешь мои взгляды, относись с почтением и ко мне». Хотя для учеников в рамках этого единства личность все же превалирует над взглядами.

А.В. Антощенко обнаружил существенные изменения функций семинариев при их переносе на почву российской университетской жизни и предположил, что при этом из подготовки профессиональных исследователей они в условиях резкого увеличения количества слушателей превратились в средство контроля за текущей учебной работой студентов¹¹⁶. Нам кажется, применительно к той форме семинарских занятий, на которую ориентировался Гревс, данный вывод представляется не совсем обоснованным. Иван Михайлович стремился, как было показано выше, на семинарии и посредством него прививать знания, воспитывать¹¹⁷ и формировать не только профессиональные навыки, но и мировоззрение своих учеников.

В какой-то степени семинарские традиции И.М. Гревс, на наш взгляд, попытался привнести и в работу возглавляемой им с 1903 г. секции всеобщей истории Исторического общества при Петербургском университете¹¹⁸. Согласно опубликованным протоколам заседаний сек-

¹¹⁶Антощенко А.В. *Das Seminar...* С. 278.

¹¹⁷По мнению А.В. Антощенко, «министерские чиновники хотели превратить семинарии в орудие воспитательного воздействия профессоров на студентов». См.: Антощенко А.В. *Das Seminar...* С. 278. Однако совершенно очевидно, что для «оппозиционно настроенного» профессора И.М. Гревса мнение «университетских чиновников» не было определяющим.

¹¹⁸О деятельности этого общества см.: Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие 1889—1914 // Историческое обозрение за 1915 г. Пг., 1915. Т. XX. С. 188—200; Кононова Н.Н. Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1969. Т. 2. С. 138—151; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов

ции всеобщей истории, Иван Михайлович и многие его ученики, являвшиеся членами общества, регулярно принимали участие в его работе, делали доклады и готовили рефераты. Гревс выступал четыре раза, Л.П. Карсавин — семь, О.А. Добиаш-Рождественская, П.Б. Шаскольский и В.Э. Крусман — по два раза, Н.П. Оттокар и К.В. Флоровская — по разу¹¹⁹. Тексты отдельных докладов после переработки были опубликованы в виде статей в издаваемом обществом журнале «Историческое обозрение». В прениях по ним, наряду с названными учеными, активное участие принимали и другие ученики И.М. Гревса — Г.П. Федотов, С.И. Штейн, Л.И. Новицкая, А.А. Тэнтел. Л.П. Карсавин с 1911-го по 1919 г. был секретарем секции всеобщей истории, затем его сменила О.А. Добиаш-Рождественская. Однако при этом совершенно очевидно, что перенести семинарский дух «коллективных медитаций» на новую, более «взрослую» интеллектуальную почву не удалось. Проводившиеся крайне нерегулярно и собиравшие большое количество «разношерстной» публики¹²⁰ заседания секции всеобщей истории Исторического общества не стали школообразующей практикой. Да, пожалуй, и не могли стать.

После увольнения И.М. Гревса из университета и высылки из страны Л.П. Карсавина петроградские медиевисты пытались сохранить семинарии как форму корпоративного общения путем создания «домашних» кружков, на собраниях которых зачитывались научные рефераты. Одним из них был кружок О.А. Добиаш-Рождественской. «Это был кружок строго научный, включавший немногих частных знакомых. Главной его задачей было обсуждать сделанные работы своих членов, в особенности обсуждать подготовленные к печати доклады на темы источниковедения, палеографии и библиографии. <...> Кружок состоял отнюдь не из лиц, подлежащих воспитанию или обучению, но из ученых, окончивших вуз, работников ученых учреждений, деливших результаты своих исследований»¹²¹. В него входили, помимо О.А. Добиаш-Рождественской и И.М. Гревса, В.В. Бахтин, С.А. Ушаков, М.А. Гурковский, Е.Ч. Скржинская, Н.В. Пигулевская, М.Э. Шайтан, А.Д. Стефа-

(к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 1999. Вып. 1. С. 132—136; *Он же*. Университет столичного города (1905—1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 238—239.

¹¹⁹Протоколы секции всеобщей истории // Историческое обозрение за 1915 г. Пг., 1915. Т. XX. С. 200. Кроме того, эти же ученые порой выступали с рефератами и на пленарных заседаниях, и на заседаниях других секций.

¹²⁰Ростовцев Е.А. Университет... С. 239.

¹²¹Цит. по: Каганович Б.С. К биографии О.А. Добиаш-Рождественской // Вспомогательные исторические дисциплины. Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 70.

нович, В.С. Люблинский¹²². Е.В. Тарле среди участников называет еще Е.Н. Федотову-Нечаеву¹²³.

Однако с середины 1920-х гг. в условиях усиления политического давления, особенно после ареста членов кружка «Воскресение», в который входили Н.П. Анциферов, В.В. Бахтин, Н.В. Пигулевская и эмигрировавший Г.П. Федотов, деятельность подобного рода микрогрупп пошла на спад¹²⁴.

Возвращение И.М. Гревса в университет в 1934 г. и проведение там семинарских занятий с аспирантами вряд ли могут рассматриваться как возрождение школообразующей практики в новых условиях.

¹²² *Ананьич Б.В.* О воспоминаниях Н.С. Штакенберг // *In memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка*. М., 1995. С. 84.

¹²³ Там же. С. 84. См. также: *Ананьич Б.В., Панях В.М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // *Отечественная история*. 2000. № 5. С. 105—113.

¹²⁴ О «Воскресении» см.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом... С. 323—327; *Савкин И.А.* Дело о «Воскресении» // *М.М. Бахтин и философская культура XX века. Проблемы бахтинологии*. СПб., 1991. Ч. 2. С. 106—121.

§ 2. Итальянские экскурсии

Традиционно существующие формы взаимоотношений с коллегами и учениками, как учебные (лекции и семинары), так и «светские» (журфиксы), не удовлетворяли Гревса. Он сам неоднократно признавался в этом, стремясь найти новые возможности для коммуникации.

«Еще на 1-м курсе Иван Михайлович говорил нам, что кафедра часто отгораживает профессора стеной от его слушателей. Он пригласил интересующихся его курсом прийти вечером побеседовать с ним на заинтересовавшие нас темы. В философской аудитории, где висел портрет Вл. Соловьева, собралось человек 8—10 студентов. Иван Михайлович пришел, как всегда, точно в назначенные 7 часов вечера. К сожалению, все мы робели, и нашему профессору не удалось расшевелить нас, как он ни старался, ставя пред нами вопросы.

Такие беседы, но уже при активном нашем участии, возобновились через несколько лет»¹.

В этом плане И.М. Гревс, безусловно, отличался от многих своих коллег, университетских профессоров, которые чувствовали себя комфортно, «держа дистанцию» по отношению к ученикам и «соратникам по цеху». Типичным примером выбора подобной поведенческой стратегии служит известный русский историк С.М. Соловьёв. «Блиzkих друзей у С.М. Соловьева не было. Коллег по университету и учеников он держал на должном расстоянии. В общении он был спокоен, уравновешен, всячески сдерживал резкие порывы»².

И.М. Гревс пытается проводить с учениками беседы, посвященные его любимым писателям Р. Роллану и И.С. Тургеневу, организовать чтение и обсуждение докладов на внеучебные — «мировоззренческие» — темы.

Одной из таких, пожалуй, наиболее известных и успешных попыток выработки новых коммуникативных форм стали знаменитые коллективные экскурсии студентов университета и слушательниц ВЖК в Италию в 1907 и 1912 гг.

Традиция зарубежных поездок, в том числе и с образовательными целями, к началу XX в. превратилась в устойчивую культурную практику.

Все путешествия, осуществленные русскими историками, можно условно разделить на четыре типа: частные поездки, зарубежные командировки за казенный счет, совершаемые «оставленными при кафедре для приготовления к профессорскому званию» («профессорскими стипенди-

¹ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 171.

² Шаханов А.Н. Историк С.М. Соловьёв и его семья // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 202—203.

атами» — так тогда назывались аспиранты), командировки профессоров университетов «с научными целями», и организованные администрацией или преподавателями учебных заведений коллективные экскурсии³.

Экскурсии в начале XX в. получали всё более широкое распространение как вид образовательной деятельности. Существовали экскурсии учеников средних и высших учебных заведений по России, в организации которых принимали участие крупные историки, например, С.Ф. Платонов⁴.

Можно назвать четыре наиболее известных примера заграничных экскурсий учащихся высших учебных заведений: поездка в Грецию и Турцию студентов историко-филологического факультета Московского Императорского университета во главе с ректором князем С.Н. Трубецким, экскурсия в Грецию и Турцию учащихся Женского педагогического института во главе с директором С.Ф. Платоновым, коллективная поездка в Грецию в 1910 г. слушательниц Санкт-Петербургских ВЖК, ор-

³ Среди наиболее значимых работ, в которых непосредственно затрагивается эта тема, см.: *Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte.* Köln, Weimar, Wien, 1998 (русский перевод этой работы см.: *Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов.* М., 2015. С. 48—97); *Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802—1902.* СПб., 1902; *Любина Г.И. Россия и Франция: история научного сотрудничества (вт. пол. XIX—начало XX вв.).* М., 1996; *Соболева Е.С. Организация науки в пореформенной России.* Л., 1983; *Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кимелева.* М., 1995; *Чесноков В.И. Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II // Российские университеты в XVIII—XX вв.* Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 102—123; *Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке...*; *Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856—1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук.* М., 2007; *Он же. Политика Министерства Народного Просвещения по подготовке молодых ученых за границей. 1856—1881 гг. // Вестник МГУ. Сер. 8, История.* 2007. № 1. С. 67—76; *Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII—первой половины XIX века.* М., 2004; *Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX—начала XX вв. // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х—1930-е годы).* М., 2012. С. 849—887.

⁴ См.: *Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах.* СПб., 1910. С. 5—9. О контексте становления гревсовской теории экскурсий см.: *Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсий И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Феномен прошлого.* М., 2005. С. 419—475; *Он же. Навстречу прошлому. Экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Отечественные записки.* М., 2008. Т. 43. С. 151—169; *Свешников А.В. Итальянские путешествия в текстах русских историков конца XIX—начала XX века // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории.* М., 2004. Вып. 13. С. 172—189.

ганизованная профессором Ф.Ф. Зелинским, и две экскурсии в Италию студентов Санкт-Петербургского университета и слушательниц ВЖК, осуществленные профессором И.М. Гревсом в 1907 и 1912 гг.

Первой по времени проведения и, судя по всему, новаторской по целям и методам, а также весьма многочисленной была коллективная поездка в Турцию и Грецию студентов Московского Императорского университета, организованная его ректором известным русским философом князем С.Н. Трубецким. В ней приняло участие около 120 человек. С.Н. Трубецкой провел, действительно, удачную предварительную работу. На организацию экскурсии было выделено с Высочайшего Императорского соизволения экстренное вспомоществование в размере 3000 рублей. Действуя через Министерство народного просвещения, удалось добиться целого ряда льгот, а именно 50-ти процентной скидки на оплату проезда по железной дороге от Москвы до Одессы и «предоставления военного парохода для поездки по Коринфскому заливу»⁵. Кроме того, сами студенты на организацию вояжа внесли по 55 рублей. Экскурсия состоялась летом 1903 г. и направлялась в Грецию по маршруту Москва — Одесса — Константинополь вначале по железной дороге, а затем морем. В Греции студенты посетили Афины, Елевзин, Дельфы, Коринф, Олимпию.

Экскурсия слушательниц Женского педагогического института в Грецию и Турцию состоялась в 1909 г. В ней приняло участие 80 человек, заплативших за поездку по 60 рублей из собственных средств. Путешествие длилась в общей сложности с 20 мая по 17 июня. Экскурсантки направлялись поездом до Одессы, затем пересаживались на пароход до Стамбула, где они останавливались в русском подворье Афонского монастыря. Экскурсии по городу проводили директор Археологического института в Константинополе Ф.И. Успенский и ученый секретарь Ф.И. Шмидт⁶. После осмотра архитектурных памятников и достопримечательностей Стамбула группа 28 мая выехала в Грецию, посетила Афины и еще целый ряд городов⁷.

Поездка слушательниц ВЖК в Грецию под руководством Ф.Ф. Зелинского состоялась в 1910 г.⁸ и, по мнению исследователей, именно она была больше других похожа на гревсовские ознакомительные вояжи⁹.

⁵ Степанов С.Л. Экскурсия Женского Педагогического института в Константинополь и Афины (К вопросу об организации образовательных поездок) // ЖМНП. 1909, нояб. Т. 24. С. 52.

⁶ О Русском археологическом институте в Константинополе см.: Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.

⁷ Степанов С.Л. Экскурсия Женского Педагогического института. С. 51—61.

⁸ Диль Э.В. Экскурсия в Грецию летом 1910 г. под руководством Ф.Ф. Зелинского // Гермес. 1910. № 18—20. С. 3—4.

⁹ Степанов Б.Е. Знание о прошлом... С. 426.

Сам И.М. Гревс активно позиционировал себя не только как крупный теоретик («философ») и организатор экскурсионной работы, но и как заядлый путешественник. В своих многочисленных неопубликованных при жизни автобиографических заметках он подчеркивал, какую большую роль сыграли в его жизни путешествия¹⁰. «Такие скитания сильно двинули меня вперед, определили серьезные особенности моего вкуса, который впоследствии встал в центре своеобразия моей индивидуальности как историка: изучение вещественных памятников, особенно через путешествия по монументальным городам»¹¹.

В этом ключе поездки оцениваются И.М. Гревсом как важнейший инструмент воспитания. «Кому удавалось в юношеские годы хорошо путешествовать, тот вступает в жизнь с незаменимым запасом таких знаний, умственных навыков и душевных сил, каких он не мог бы почерпнуть ни из какого другого источника. Может быть, следует сказать даже более: взрослый человек, чтобы развитие его шло вперед непрерывно и деятельно и за пределами “школьных лет”, должен непременно путешествовать с целью изучения природы, истории, современной цивилизации и общественности. Без этого трудно поддерживать прогресс в жизни духа. <...> Серьезное знакомство с новыми странами в пору сознательной молодости закрепляет фундамент слагающегося мировоззрения в его творческих и критических элементах; а далее только часто и систематически повторяющиеся странствия сообщают умственному труду особенную крепость и интенсивность, дают ему постоянно возобновляющуюся жизненность, вечно возрождающийся энтузиазм»¹².

В 1890-е гг., работая в различных средних учебных заведениях Санкт-Петербурга, например, в Тенишевском училище, И.М. Гревс активно развивал экскурсионную практику как метод обучения, который затем применял и в высшей школе¹³. Попытаемся первоначально реконструировать сам ход экскурсии, а затем уже рассмотреть рефлексии и поведенческие практики, актуализируемые в течение путешествий.

В экскурсии 1907 г. приняло участие шестнадцать человек (шесть студентов университета, работавших в семинарии Гревса, три выпускника прошлых лет, три слушательницы ВЖК и четыре преподавателя, вклю-

¹⁰ В 1920-е гг. он провел специальное анкетирование коллег и знакомых по вопросу «Что дало моей юности путешествие?». См.: ПФА РАН Ф. 726. Оп. 1. Д. 181. Среди ответивших были его ученики: О.А. Добиаш-Рождественская, Н.П. Анциферов, Т.Б. Лозинская, Е.Я. Рудницкая.

¹¹ Человек с открытым сердцем... С. 235.

¹² Гревс И.М. Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры // Научное слово. 1903. Кн. IV. С. 50—51.

¹³ ПФА РАН Ф. 726. Оп. 1. Д. 171; Гревс И.М. Несколько теоретических замечаний об общеобразовательном значении экскурсий // Памятная книжка Тенешевского училища за 1900—1901 уч. г. СПб., 1902.

чая самого Ивана Михайловича). В состав ее членов входили Л.П. Карсавин, Н.П. Оттокар, П.Б. Шаскольский, А.И. Анисимов, А.П. Брюллов. В экскурсии 1912 г. — тридцать два человека (двадцать шесть слушательниц ВЖК, три студента университета, три преподавателя¹⁴). Экскурсии были организованы примерно по одной схеме, в одно и то же время и по одному маршруту. Экскурсанты выезжали из Санкт-Петербурга в конце мая (в 1907 г. — 21 мая, в 1912 г. — 20-го), по железной дороге добирались через Варшаву до Вены, где проводили день. Затем они переезжали в Венецию и проводили там несколько дней (в 1907 г. — три, в 1912 г. — четыре), после этого двигались по маршруту: Падуя — Равенна — Флоренция. Во Флоренции, которая являлась, фактически, содержательным центром экскурсии, путешественники останавливались на несколько дней для основательного знакомства с городом. Из Флоренции совершались поездки (или, если позволяло расстояние, пешеходные прогулки) в другие исторические центры Тосканы — Пистойю, Лукку, Пизу, Сан-Джиминьяно. Затем следовал переезд в Сиену, на осмотр которой уходило три дня, после — Перуджа, и два дня в Ассизи. Наконец, посещение Рима, на ознакомление с великим городом в 1912 г. ушло восемь дней (со 2 по 10 июня), чем экскурсия, собственно, и заканчивалась. В 1907 г., правда, экскурсанты еще централизованно вернулись во Флоренцию, где были отпущены в «свободное плавание». В 1912 г. группу распустили в самом Риме. После этого какое-то время участники могли осматривать памятники Италии самостоятельно, в зависимости от собственных интересов¹⁵.

Юридически и экономически экскурсии были организованы следующим образом. В 1907 г. вояж осуществлялся преимущественно за счет самих участников. «Шести-седнедельное путешествие обошлось каждому участнику приблизительно в 250 р. Нужно, впрочем, сказать, что хотя дело велось скромно и экономно, но ни в чем необходимом мы себе не отказывали»¹⁶. И.М. Гревс впоследствии считал подобный ва-

¹⁴ В экскурсии 1912 г. принимали участие слушательницы ВЖК М. Авербах, А.Л. Бабич, И.В. Берман, Ж.А. Вирениус, С. Гершберг, К.В. Гросман, Е.В. Ершштедт, Е.В. Ершова, А.А. Знаменская, Т.Д. Каменская, С.А. Кельнер, А.И. Корсакова, А.Д. Кучина, Е.А. Лютер, З. Мальцева, К.П. Матафтина, Л.С. Миллер, Е.Н. Нечаева, В.Н. Николаева, Л.И. Новицкая, Ж.П. Оттокар, Н.А. Сергиевская, К.В. Флоровская, А. Фрейдлин, Э.Г. Цубина; студенты университета Н.П. Анциферов, Г.Э. Петри, А.П. Смирнов; преподаватели А.И. Анисимов, В.А. Головань, И.М. Гревс. Позднее, во Флоренции, к ним присоединился Н.П. Оттокар. См.: Человек с открытым сердцем... С. 285; ОР РНБ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 56; ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 188.

¹⁵ Подробнее см.: Вахромеева О.Б. Приглашение к путешествию: методика экскурсионных исторических поездок И.М. Гревса. СПб., 2007. С. 16—23.

¹⁶ Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий»... С. 16.

риант не очень удачным («она стояла нам довольно дорого»¹⁷) и, подводя итоги первой экскурсии, продумывал варианты сокращения расходов в случае следующей поездки¹⁸. Эти планы были реализованы в 1912 г. при подготовке очередного путешествия. «Экскурсия официально считалась устраиваемой историко-филологическим факультетом С.-Петербургских Высших женских Курсов, так как большинство участниц были слушательницы. От имени директора курсов, профессора С.К. Булича, отправлено было специальное ходатайство к послу в Рим князю Н.С. Долгорукому с просьбой о «высоком покровительстве» в форме исходатайствования бесплатного посещения музеев, скидки по железным дорогам и помощи консулов в приискании дешевого местожительства. Посольство оказалось любезным: просьбы наши были удовлетворены»¹⁹. Для всей группы в Петербурге были заранее приобретены «круговые», т.е. более дешевые железнодорожные билеты, при проезде по территории Российской империи экскурсанты пользовались «экскурсионным тарифом с уступкой 75 %»²⁰. Основным источником финансирования были собственные средства участников, которые изыскивали около 200 рублей²¹. Это, кстати сказать, привело к тому, что части желающих пришлось отказаться от участия в поездке по причине слишком значительных расходов.

Однако гораздо более важной (в восприятии самого И.М. Гревса) была «содержательная» подготовка экскурсий.

Иван Михайлович, как уже говорилось, придерживался собственной «философии экскурсии», которую он активно развивал на протяжении ряда лет в многочисленных текстах, посвященных данной проблематике²². Экскурсию он понимал как «путешествие к определенной цели; это образовательная поездка, совершаемая подготовленной и объединенной группой ищущих знания под руководством одного (или нескольких) из тех, кто призван им организованно помогать; это погружение их в широкий мир непосредственного изучения самостоятельным трудом, личными и коллективными силами подлинных объектов,

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Человек с открытым сердцем... С. 283.

²⁰ Там же.

²¹ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 280.

²² Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии (основная идея образовательных экскурсий по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 21—34; Он же. Дальние гуманитарные экскурсии и их воспитательно-образовательный смысл // Экскурсионное дело. 1922. № 4. С. 1—12; Он же. Природа «экскурсионности» // Педагогическая мысль. 1923. № 3. (Общий список работ И.М. Гревса, в том числе посвященных теории экскурсий и краеведению, см.: Человек с открытым сердцем... С. 358—360.)

которые намечены избранной темой, в их естественной обстановке, среди природы, человеческой культуры или обеих вместе»²³.

Базовыми элементами «философии экскурсий» являются следующие положения. Во-первых, экскурсия — непосредственное знакомство с материальными (монументальными) памятниками прошлого. Последние предстают перед экскурсантами в буквальном смысле слова наглядно. В силу этого в ходе экскурсии оказываются напрямую задействованы «органы чувств». И.М. Гревс писал, что знание, полученное в ходе путешествий, не опосредованное, абстрактное, спекулятивное, книжное, а личное и живое. Трудности внедрения экскурсионных занятий в практику высших учебных заведений по сравнению со средними школами объясняются распространенным «педагогическим заблуждением», согласно которому мышление взрослого человека (студента) более «абстрактно», чем мышление ребенка. «Наглядность конкретного», по словам И.М. Гревса, важна для человеческого мышления на любом этапе жизни. «Конкретный предмет (рядом с абстрактной идеей) остается необходимым объектом работы этого мышления и в сознании взрослого юноши, как и дальше — в уме вполне сложившейся интеллигентной личности, даже ученого-философа»²⁴. Как важно непосредственное наблюдение природы для естествоиспытателя и натуралиста, так же существенно прямое знакомство с памятниками истории и культуры для гуманитария, историка. «От книг к памятникам, из кабинета на реальную сцену истории и с вольного исторического воздуха опять в библиотеку и архив! Таков должен быть девиз, который символизировал бы в историке взаимодействии различных факторов, обуславливающих возможность и силу его творчества»²⁵.

Во-вторых, экскурсия — не отдых и развлечение, а тяжелый и напряженный труд всех ее участников. «Смысл предпринимавшейся экскурсии виделся не в том, чтобы доставить участникам возвышенный отдых после годичного труда и поднять настроение их высоким наслаждением от красоты нового мира, который должен был открыться перед их очами. Задача имела в виду более строгая и деловая: продолжить с методической последовательностью и ригористическим напряжением труд, начатый среди “лабораторной” обстановки семинария, перенеся его в новую среду, действуя при помощи новых источников; изучать те же культурные явления, с которыми ознакомление происходило раньше по письменным текстам, переданным от далекого прош-

²³ Гревс И.М. *Природа «экскурсионности» и главные типы «экскурсий» в культуру* // *Экскурсии в культуру*. М., 1925. С. 13.

²⁴ Гревс И.М. *К теории и практике «экскурсий»...* С. 9.

²⁵ Там же. С. 11.

лого, за книгой у библиотечного стола, в стране далекой от их родины, — изучать их теперь по вещественным следам, переместившись на ту самую почву, где слагались творившие их процессы. Будущие участники звались, по преимуществу, не к заманчивым восприятиям как таковым, а к углублению знаний, проверке понятий, образованию идей и уточнению приемов и навыков их добывания»²⁶.

В-третьих, наглядность полученного в ходе экскурсии знания не противоречит, как мы видели, содержательно «книжному» знанию, а генетически связана с ним, вырастает из него. Поэтому путешествия требуют специальной и напряженной подготовки. Данный этап очень важен при проведении экскурсии, ведь от него, по большому счету, зависит ее общий результат. Подготовительный этап — своеобразная «настройка» сознания и «органов чувств» экскурсанта, предвкушающего встречу с неизведанным.

В-четвертых, знакомство с монументальными памятниками позволит участникам экскурсии ухватить основное — интуитивно постигаемый «дух эпохи». Почувствовать прошлое, понять его некую едва уловимую целостность — в этом и состоит главная (настолько серьезная, что она не всегда открыто проговаривается) задача экскурсии. От предварительного «абстрактного», «книжного» знания через непосредственный контакт к пониманию — таков лучший путь формирования исторического восприятия, важнейшим инструментом которого являются экскурсии. «Всегда справедливой будет истина, провозглашенная великими вождями исторической школы, Нибуром и Савиньи, потом Ранке и Моммзеном, Ренаном и Фюстелем де Куланжем: только тот станет историком, кто сумеет отрешиться от настоящего, кто погрузится в прошлое всем духом своим, чтобы понять его своеобразие. Если так, то что же лучше поможет нам изучить дыхание изучаемой эпохи, как именно соприкосновение с теми отпечатками, которые начертала история на поверхности земли, или надстройками, которыми она ее обогатила? Развалины древнего Рима, дворцы и церкви средневековой Флоренции или Венеции. поставят нас как бы среди совершающихся событий, побудят нас как бы присутствовать при созидании культур. Они заставят говорить или нет полной гаммой звуков человеческой жизни заглушенные древние письмена»²⁷.

Получается, что интуитивное понимание «духа эпохи» — это более продвинутый уровень знания, чем информация о конкретных фактах, или даже эрудиция, которая важна, но ее явно недостаточно для того, чтобы подняться на высшую ступень в постижении. При этом

²⁶ Там же. С. 12—13.

²⁷ Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий»... С. 10.

«дух эпохи» описывается не как субъективная конструкция или впечатление от увиденного, но как некая объективная реальность, существующая независимо от экскурсанта, которую, действительно, можно лишь интуитивно ухватить. Понятно, что «дух эпохи» преломляется в восприятии каждого участника экскурсии в зависимости от личностных особенностей и жизненного опыта, но в любом случае получается «субъективный образ объективного явления».

Кроме того, в рамках этой «философии экскурсии» участник постигает прошлое всем своим сознанием, т.е. целостно — и интуитивно, и рационально, и эмоционально, и «органами чувств». Только «гармония» и «направленность» всей структуры личности позволят достичь понимания.

В-пятых, экскурсия должна идти под руководством чуткого и понимающего наставника, обладающего необходимым знанием как частью своего жизненного опыта и в то же время владеющего отрефлексированной методикой его (этого знания) достижения. Таким образом, учитель как руководитель экскурсии несет ответственность за результаты; ему полагается создать необходимые условия для того, чтобы ученики поняли новое и прежде неизвестное. В то же время, организатор должен пользоваться непререкаемым авторитетом у всех остальных участников экскурсии, быть для них «учителем жизни».

Помимо этих общих моментов для всех исторических путешествий, И.М. Гревс, выделяя несколько типов экскурсий (географические, культурно-исторические, художественные, литературные, краеведческие), для каждого из них определял свой специфический круг локальных задач²⁸.

В начале 1920-х гг. «философия экскурсии» И.М. Гревса была дополнена его учеником Н.П. Анциферовым, который ввел в нее неоромантическое понятие «гений места».

На формирование философии и методики итальянских экскурсий, безусловно, оказали влияние и общеисторические взгляды И.М. Гревса²⁹. Во-первых, его романистическая позиция (континуитет), в рамках которой он рассматривал историю практически любого города как непрерывный процесс от Античности до современности. Во-вторых, особое внимание к городу как центру культурных и социальных процессов, как высшей форме концентрации внутренних токов той или иной эпохи³⁰.³¹ В связи с чем утверждалось, что, так же как «дух эпохи», интуитивно можно почувствовать и «душу города». «Душа города — это не-

²⁸ Вахромеева О.Б. Приглашение... С. 25—27; Гревс И.М. Природа «экскурсионности» и главные типы... С. 1—11. Ср. также: Он же. Краеведение в современной германской школе: материалы для реформы учения. Л., 1926.

²⁹ Степанов Б.Е. Знание о прошлом... С. 436—441.

³⁰ Гревс И.М. Дальние гуманитарные экскурсии... С. 4.

что вполне осязаемое, познаваемое опытом»³¹. «Город надо понять как нечто внутренне цельное, как особый “субъект”, собирательную личность, живое существо, в “лицо” которого мы должны взглядеться, понять его “душу”, познать и восстановить его “биографию”»³².

Подобная «философия путешествия» диктовала экскурсантам соответствующие поведенческие практики.

Сценарий экскурсий, как уже говорилось, всегда тщательно продумывался и столь же досконально претворялся в жизнь. В идеале потенциальным участникам следовало в течение двух лет заниматься в итальянском семинарии И.М. Гревса, который рассматривался как подготовка к экскурсии. Наличие «случайных» людей, не прошедших его, было крайне нежелательно. В соответствии с этим, в качестве темы занятий, предшествующих экскурсии, выносились проблемы и вопросы средневековой истории Италии (Данте, францисканство). И.М. Гревс рассчитывал на то, что студенты и слушательницы не только получают «полезную» для экскурсии информацию, но и «адаптируются» друг к другу в качестве членов единой команды. Подготовка предполагала как изучение источников и научной литературы в ходе семинариев, так и совместное ознакомление с различными историческими картами и планами итальянских городов (в первую очередь Флоренции), с описаниями памятников архитектуры. В этом отношении предлагались специальные штудии по истории и топографии того или иного города. «Занятия по Данте, просеминарий по хронике Дино Кампанья, просеминарий по Франциску Ассизскому — всё это было связано с предстоящим путешествием. Помимо этого Иван Михайлович прочел нам краткий курс истории Флоренции. Вместо Данте и *Enciclopedia dantesca* на его столе появились карты, планы и многочисленные виды Италии. Особенно тщательно Иван Михайлович знакомил нас с планом Флоренции. Мы знакомились с картами Италии, на которых И.М. Гревс демонстрировал нам маршрут, глубоко им продуманный»³³. Вот как пишет об этом сам И.М. Гревс: «В течение двух предшествующих экскурсии лет я в ее интересах располагал свои семинарии: они были посвящены изучению Данте и его эпохи; затем мною был прочитан курс по истории средневековой Италии, и в самый год поездки я в специальном курсе изучал топографический и монументальный рост и бытовую историю в средние века трех главных величайших средоточий культуры — Венеции, Рима и Флоренции. Затем я просил и учеников своих, уже преподававших на Высших женских курсах, ориентировать

³¹ Гревс И.М. Городские ландшафты: этюд из культурной географии // Вопросы географии в школе. Л., 1926. С. 126.

³² Гревс И.М. Город как предмет краеведения. С. 249.

³³ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 279—280.

свои чтения к Италии. Л.П. Карсавин вел занятия о Франциске Ассизском и францисканстве, Н.П. Оттокар — один год о средневековом городе вообще (памятники и теории), другой — специально о Флоренции в 13—14 вв. (хроники, законы, статуты, мифы). <...> Будущим участникам путешествия рекомендовалось внимательно следить за курсами и занятиями профессоров искусства, если они имели отношение к памятникам Италии»³⁴.

Организатором должна была быть тщательно продумана программа поездки, сроки, состав группы и проведение основных «мероприятий». Этому предварительному планированию И.М. Гревс уделял большое внимание. На данном этапе руководителю необходимо четко определить и зафиксировать план подготовительных работ (какие книги следует прочитать, какие занятия — сперва и в заключение — провести), составить график поездки (для экскурсии 1912 г. он был спланирован по дням), обозначить и обосновать последовательность посещения городов и количество дней, отводимых на каждый, а равно и очередность осмотра отдельных мест и памятников. Так, например, по мнению И.М. Гревса, знакомство с городом следовало начинать с «общего взгляда» на него с высокой точки обзора, позволяющей обозреть панораму³⁵. «Ставя задачу и вырабатывая план, я стремился, чтобы уезжая из главных пунктов, экскурсанты увозили с собой: 1) яркое представление о топографии, культурном типе, физиономии (лике и душе города) и 2) живое знакомство с лучшими произведениями и направлениями местного искусства в их мировом значении»³⁶.

Кроме того, руководитель поездки должен был обладать исчерпывающими знаниями о тех местах, которые собирались посетить экскурсанты. Данным обстоятельством, например, объясняется тот факт, что поездка 1907 г. в основном ориентировалась на города Италии, хорошо знакомые Гревсу по предыдущим вояжам. А перед экскурсией 1912 г., направлявшейся в те же места, Иван Михайлович совершил предварительную поездку в Венецию и Флоренцию, «чтобы там возобновить и углубить свои знания, нужные для экскурсии»³⁷.

Считая себя недостаточно компетентным по ряду вопросов, касающихся, например, истории искусств, И.М. Гревс целенаправленно предварительно подбирал себе помощников для организации тех или иных экскурсий. Так, ряд экскурсий в ходе поездки 1907 г. провели заранее приглашенные Д.В. Айналов и М.А. Полиевктов, 1912 г. — В.А. Головань («искусствоведческие» части), экскурсии по Флоренции — на-

³⁴ Человек с открытым сердцем... С. 282.

³⁵ Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий»... С. 30.

³⁶ Человек с открытым сердцем... С. 287.

³⁷ Там же. С. 283.

ходившийся там в командировке Н.П. Оттокар, а по Риму — П.Б. и Н.В. Шаскольские.

Не всегда всё проходило гладко. Так, например, в 1912 г. от участия в экскурсии по разным причинам отказались А.А. Константинова, О.А. Добиаш-Рождественская, П.П. Муратов, на помощь которых И.М. Гревс рассчитывал³⁸.

Подобная работа, по словам самого И.М. Гревса, требовала огромного напряжения.

Цели путешествия определяют количество его участников, структуру группы и индивидуальные требования, предъявляемые к каждому из них. «Число участников должно быть, во-первых, невелико, ибо с многочисленной группой пристальное, последовательное коллективное изучение общего объекта вряд ли возможно. Каждый из них, во-вторых, должен был оказываться способным к сознательному переживанию и критической оценке того, что ему предстояло видеть, ибо только с таким персоналом доступны систематические “монументальные штудии”»³⁹.

Сам И.М. Гревс подчеркивал, что ядро экскурсии должна составлять группа единомышленников, «движимых общими стремлениями и чувствами». «Зерно ее, — пишет он с удовлетворением об экскурсии 1907 г., — образовали шесть студентов (старших семестров) и оставленных при университете, которые основательно прошли все циклы практических занятий, являлись постоянными слушателями и моих лекций. Я могу назвать их по праву своими учениками, сплоченными вместе определенно-индивидуализированным характером и направлением общей работы за “круглым столом” данного исторического семинария. Призванные мною к участию в необычном опыте были в большинстве юноши знающие и одушевленные, так или иначе закалившиеся в труде и любящие его напряжение. Они хорошо были знакомы между собой и благожелательно относились друг к другу, что также служит важным подспорьем для удачи дела, которое требует постоянного сожительства и вызывает необходимость взаимных уступок шероховатостям нравов каждого»⁴⁰.

Характеризуя организацию экскурсии 1912 г., И.М. Гревс пишет: «Для причисления к экскурсии требовалось, чтобы были пройдены итальянские мои семинарии и прослушаны курсы последних двух лет; и действительно значительное большинство (из участниц экскурсии. — А.С.) были моими ученицами-семинарками, некоторые работали под моим руководством даже несколько лет. Такие условия приводили

³⁸ Человек с открытым сердцем... С. 283—284.

³⁹ Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий»... С. 14.

⁴⁰ Там же.

группу к цельности, связывая индивидуумов в коллективное существо (хоть отчасти) однородными признаками научной школы»⁴¹.

Группа экскурсантов была определенным образом структурирована: выделяются руководитель и «неформальный лидер» (в данном случае — «эмоциональный»). Руководителем, естественно, являлся сам И.М. Гревс: «Я спрашивал для себя, как инициатор и главный руководитель, широких и неограниченных полномочий, обещая не злоупотреблять правилами, но горячо подчеркивая необходимость единства и дисциплины в большом и трудном деле»⁴². «Неформальным лидером» — одна из учениц И.М. Гревса по ВЖК — Л.И. Новицкая. «Центром всей женской компании, а потом и всей группы — настоящей объединительницей и истинной душой была Лидия Иосифовна Новицкая. Я тогда еще не очень хорошо знал её, хоть она и занималась у меня несколько лет; потом она стала мне близким и верным другом»⁴³.

«Затем выработаны организационные принципы и подчеркнуты начала экскурсионной этики. Мы сговорились рассматривать экскурсию по существу — не как развлечение, но как правильный и напряженный, высоко ответственный труд, оправдывающий предприятия. Поэтому требуется вооружиться активной энергией, быть готовым на терпение и утомление, на далекий рабочий день, правильное распределение времени, строгую систематичность, осмысленную регламентацию. <...> Компания выделила из своей среды кассира (решено было внести в кассу на общие нужды 100 или 150 рублей), комиссии — железнодорожную, продовольственную, жилищную, библиотечную и секретариат»⁴⁴.

В предварительных заметках, подготовленных для беседы с группой перед отъездом, И.М. Гревс очень четко формулирует все то, что следует заранее учесть накануне путешествия: «К экскурсии основные требования:

Наличие достаточных средств — пока 250 р.

Подчинение власти руководителя.

Доброжелательное отношение друг к другу.

Способность к большому напряжению сил и к аккуратной добросовестной коллективности.

Малое количество багажа.

Охотное несение коллективных обязанностей»⁴⁵.

Отъезд произошел точно согласно намеченному плану и, в целом, график экскурсии выдержать удалось. Однако не всё получалось реализовать. По тем или иным причинам, как уже говорилось, отказа-

⁴¹ Человек с открытым сердцем... С. 285.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 285—286.

⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 188. Л. 221.

лись от участия в поездке некоторые преподаватели. В составе экскурсии 1912 г. только двенадцать человек «прошло» через семинарий. Остальные пришли либо с семинариев М.И. Ростовцева и Н.И. Кареева, либо просто «со стороны»⁴⁶. Не все первоначально заявившиеся в итоге смогли поехать, кто-то отказался по финансовым причинам, кто-то — по иным. В результате «единство» группы пришлось формировать на ходу, а потому оно так до конца и не сложилось, с чем самому И.М. Гревсу пришлось смириться. Не выдерживалась установка на «познавательный аскетизм», т.е. отказ от материальных излишеств, которые могли бы помешать «радости познания». Иван Михайлович подчеркивал необходимость для каждого ограничить свой багаж одним чемоданом, а вспоминая отъезд из Санкт-Петербурга, Н.П. Анциферов отмечал: «Поразило меня количество и величина чемоданов самой модной из девушек, ученицы Н.И. Кареева — К.П. Матафтиной»⁴⁷. Показательно, что мемуарист в данном случае специально подчеркивает, что «нарушительница» — «чужая», т.е. не ученица И.М. Гревса.

Зато экскурсантам удалось выдержать разработанный организатором план, в частности, соблюдать жесткий, подчиненный, как считал И.М. Гревс, общим целям поездки распорядок дня, о чем он сам не без гордости вспоминал. «Самые рьяные начинали работу с 6 час. утра. Между 6 и 8 ½ ч. мы с наиболее деятельными и стойкими, еще натошак, бегали по церквам, знакомясь попутно с изумительно “исторической” физиономией венецианских улиц и именно с колоритными переживаниями прошлого даже в нравах современных обитателей города. <...> В 8 ½ час. все собирались на площади св. Марка для утренней трапезы <...> С 9—9 ½ ч. уже коллективно изучались основные памятники и музеи до 1 ч. Иногда и позже. Затем назначался обед и отдых. Потом до темноты опять посещали церкви, дворцы и улицы. Часов в 7—8 за ужином обсуждалось сделанное и пережитое. Несмотря на такой густо насыщенный трудом день и богатство впечатлений, компания не покладала рук, и у многих хватало бодрости после всего описанного отправляться не в объятия сна, а спешить вновь на Canal Grande. наслаждаться Венецией до полуночи»⁴⁸, — описывает он венецианский день первой экскурсии. Распорядок дня второй экскурсии несколько отличался. «И нужно сказать, что было немало лиц из состава экскурсии, которые вставали в шесть часов и отлично пользовались этим чудным временем для углубления в Венецию. Промежуток между 9 и 10 часами представлялся для общего утреннего кофе на площади св. Марка, и без четверти 10 все должны

⁴⁶ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 280.

⁴⁷ Там же. С. 281.

⁴⁸ Гревс И.М. К теории и практике экскурсий... С. 18.

были быть готовы для серьезной общей работы. Таковая распалась на два этапа, разделяемые обедом и кратким отдыхом: первый между 10 и 12 ½, другой (посещение музеев или важного памятника) между 1 ½ и 3—4 (смотря по часам открытия музеев). Вечер посвящался либо поездкам в окрестности, либо занятиям по личной инициативе каждого»⁴⁹.

Экскурсия по Флоренции велась «с оглядкой» на план, описанный самим И.М. Гревсом в статьях 1903 г.⁵⁰, который, в свою очередь, являлся своеобразной рефлексией по поводу собственного первого посещения города⁵¹.

Экскурсии организовывались более или менее продуктивно в соответствии с исходными установками. «В отдельной топографической беседе, происходившей на piazza перед palazzo ducale, в виду собора Св. Марка, библиотеки и моря, я старался подчеркнуть “воочию” те данные по истории роста Венеции, которые я систематически собирал зимой в своем специальном курсе. Теперь я сосредоточился на истории знаменитого центра — площади Св. Марка и дворца Дожей. <...> Другая топографическая прогулка, выполненная мною, направлена была к восточному концу Венеции, где сосредотачивались старые доки и арсенал. Здесь раскрывалась картина древнего быта Венеции, сохранившая след в ее морской торговле и военном расцвете. Громадная работа, создававшая основу широкой власти Венеции на водах, находила здесь превосходное отражение. Здесь печать истории начертана громко гласящими каменными письменами. Это действительно грандиозный портрет материально-строительного гения Венеции»⁵².

Своего рода кульминацией этого паломничества к «святыням средневековой культуры» стала пешеходная часть маршрута «тропой св. Франциска», которая должна была помочь экскурсантам ощутить дух знаменитого подвижника. Огромное впечатление на многих участников произвело чтение И.М. Гревсом «Цветочков» св. Франциска в органичной исторической обстановке. «Поднимались мы и на гору Преображения. Здесь Иван Михайлович снова взял у меня Fioretti и прочел о стигматах. <...> По существу этот чисто католический образ был нам чужд. Но францисканская легенда умела и этот образ окружить присущей ей поэзией. А сама скала Преображения, наше уединение, отрешенность от всего обычного и, главное, “чувство места” в сочетании с народным языком Фьоретти волновали, вероятно, не одного меня»⁵³. Итоговый

⁴⁹ Человек с открытым сердцем... С. 287.

⁵⁰ Гревс И.М. Научные прогулки... С. 70—81.

⁵¹ Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890—1891 года) // Россия и Италия. М., 1993. С. 281—306.

⁵² Человек с открытым сердцем... С. 287.

⁵³ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 295.

переход до Ассизи — родного города святого — был далеко не первым в поездке. Некоторые участники, прежде всего, Н.П. Оттокар, выступили против. Ссылаясь на трудности и усталость экскурсанток, он назвал подобную практику «лунатизмом», однако «ближайшие ученики» поддержали план И.М. Гревса. В итоге части желающих профессор разрешил добираться экипажем, но ядро группы всё равно шло пешком.

Оправдывая принципиальность наставника, Н.П. Анциферов писал: «Как это замечательно хорошо — вот так подходить усталым к желанной цели. Эта усталость нужна, нужна как пост перед разговлением. А это медленное нарастание ожидаемой встречи с любимым городом как с любимым человеком, наконец, сознание, что мы идем по путям, где ходил Poveretto со своими *frati minori*, разве это не реальность, разве это не один из путей сближения с ним! <...> Наконец, от этого паломничества совершается какое-то очищение души от наседающей на ней пыли, неизбежной в суете сует. Неужели же это все «лунатизм?!»⁵⁴.

Но и «внеэкскурсионное» время и каждодневную часть путешествия И.М. Гревс также старался регламентировать и контролировать. «Во Флоренции у нас создался особый быт. По вечерам в столовой отеля мы слушали лекции. Читал нам сам Иван Михайлович, а кроме него — Н.П. Оттокар и, кажется, раза два В.А. Головань. После мы расходились по комнатам. Окна выходили в “колодец”. И еще долго слышались голоса наших девушек, сидевших на окнах и перекликавшихся друг с другом. Часто раздавались взрывы хохота. Головань, Оттокар и Анисимов уводили некоторых наших девушек “развратничать”. Так назывались самые невинные походы в кафе “Гамбринус”, где было вкусное мороженное (джелатти). Нравы у нас были очень строгие, или, если можно так выразиться, “застенчивые”. Мы, три мальчика, считали даже неприличным сказать девушкам, что идем в баню. И, чтобы объяснить наше длительное отсутствие, сказали, что едем в Ареццо, смотреть фрески Пьетро делла Франческо. <...> Padre сочувствовал нашему поведению, раннему уходу к себе и раннему вставанию. Он ставил трех мальчиков в пример нашим девушкам»⁵⁵.

В ходе экскурсий И.М. Гревс мог направлять, руководить и контролировать, только опираясь на свой авторитет, в случае же несоблюдения плана демонстративно «огорчался», выражая, в частности, возмущение поведением В.А. Голованя. Примеры такого показательного недовольства неоднократно фиксирует Н.П. Анциферов. «Лицо нашего padre стало совсем печально. Слегка подергивалось его плечо»⁵⁶. Признается в подобном поведении и сам И.М. Гревс: «У врат Флоренции»

⁵⁴ Там же. С. 305.

⁵⁵ Там же. С. 295—296.

⁵⁶ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 304.

я намеревался прочитать экскурсантам свое одноименное произведение <...> однако из-за того, что у нас не вышла краткая остановка в Фанцы, я замкнулся, и ушло мое открытое, доверчивое чувство».

Безусловно, в ходе поездки И.М. Гревсу удалось добиться одной (с точки зрения декларируемых) побочной цели — сплотить группу, точнее ее ядро. «Чувствовали мы и то, как нас сблизила общая работа в такой возвышенной, чистой среде. Мы расставались, связанные между собой увлеченным почитанием дела изучения памятников старины, оставшихся на почве ее истории»⁵⁷.

Экскурсия, впрочем, не заканчивалась по возвращению домой. Ее обязательным последним компонентом являлась рефлексия, в идеале проводимая в форме написания какого-нибудь текста «по следам» путешествия. Итоги первой поездки И.М. Гревс подвел в работе «К теории и практике “экскурсий” как орудия научного изучения истории в университете», итоги второй — в неопубликованной рукописи «Экскурсия в Италию 1912 г.»⁵⁸. Данный текст, начатый в 1914 г., а заверченный в 1924 г., И.М. Гревс, по собственным словам, задумал как «ответный дар» участникам экскурсии, планировавшим к юбилею учителя подготовить сборник своих воспоминаний о поездке⁵⁹. Однако ни сборник воспоминаний экскурсантов, ни «ответ» И.М. Гревса изданы не были. В этих работах И.М. Гревс не только подробно описывает ход экскурсии, но и анализирует ее результаты, выявляя удачу и недочеты. Излагая итоги экскурсии 1912 г., Гревс дает краткую характеристику практически каждой из участниц. Упомянув В. Берман (Гиттис), Иван Михайлович отмечает: «Эта способная и умная девушка, худенькая и остренькая, тонкая и художественная, с некоторой дозой скептицизма и иронии, добросовестная и внимательная <...> Она и организаторской способностью отличается значительной, обладает образованностью и вкусом»⁶⁰. О своей ученице А.А. Знаменской профессор говорит следующее: «К компании до экскурсии не принадлежала, но вошла в зерно группы быстро и хорошо, работала усердно и срослась с дружеством на будущие времена. Она отличается спокойным характером, справедливостью и добрым товарищеским нравом»⁶¹. Участвовавшей в экскурсии ученице М.И. Ростовцева Е.В. Ернштед И.М. Гревс дал следующую характеристику: «Талантливая и увлеченная классическим миром, экспансивная и яркая, совсем молодая, самоуверенная, но отходчивая, розовая блондинка с великолепными

⁵⁷ Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий»... С. 47.

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 188. Частично опубликована в кн.: Человек с открытым сердцем... С. 282—89.

⁵⁹ Человек с открытым сердцем... С. 282.

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 188. Л. 5 об.

⁶¹ Там же. Л. 6 об.

волосами, нравственно строгая, но своевольная, она являлась отличным элементом брожения и инициативы, но склонна была к эгоистическим и расстраивающим порядок выходкам и потому требовала сдерживающего, осторожного, “воспитательного” воздействия”⁶². Есть среди этих характеристик и не очень лестные. О К.П. Матафтиной, в частности, говорится: “...Наружно выделялась видными туалетами, огромными шляпами и кокетливой внешностью»⁶³. Ученики знакомились с Италией, а учитель в «полевых условиях» наблюдал и узнавал учеников.

Кроме того, ученики И.М. Гревса, участвовавшие в экскурсиях, размышляли по поводу хода и результатов поездки в письмах и воспоминаниях. Итальянские путешествия стали для них значимым «местом памяти», продуктивно работавшим на конструирование школьной идентичности. «В эти дни скверной осени еще живо вспоминается та страна, где мы видели столько красоты, где все дышит красотой. Даже в маленьком местечке на берегу моря, где провел я последние дни в Италии, мне удалось найти старый францисканский монастырь с тихим и гармоничным chiostro, покрытым наивными фресками из жизни святого Франциска.

Вдали виднелась синеватая цепь Аппенин, и этот уголок был для меня последним приветом тех мест, которые прошли мы по следам “бедняка Христова”. Теперь это уже воспоминания, но чувствуешь, сколько дают они, как многое, что было далеко и непонятно, стало главным и близким, как смотришь на многое другими глазами. И хочется еще раз поблагодарить Вас за то, что Вы дали возможность увидеть Италию так, как увидели ее мы, а главное, научили понимать в ней то, к чему надо подойти подготовленным, что надо полюбить заранее»⁶⁴, — писал И.М. Гревсу через несколько месяцев после итальянской экскурсии 1912 г. Г.Э. Петри.

«В это путешествие, — сообщал учителю Л.П. Карсавин в 1907 г., — я оценил достоинства коллективного смотрения — в одиночестве, у меня по крайней мере, нет той живости и темперамента и мысли, как на людях»⁶⁵.

Хотя далеко не все участники экскурсий оценивали их так восторженно. В частности, достаточно скептически отзывались о базовых экскурсионных принципах (позднее, в 1912 г.) Л.П. Карсавин и Н.П. Оттокар, что привело к ухудшению их отношений с учителем. Но всё-таки большинство участников неизменно вспоминали об итальянских поездках очень тепло.

Экскурсии как поведенческая практика, безусловно, оказались возможными в рамках определенного дискурсного пространства. Ученики

⁶² Там же. Л. 6—6 об.

⁶³ Там же. Л. 6 об.

⁶⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 70. 1 об—2.

⁶⁵ Российская историческая мысль... С. 45—46.

не только ходили и смотрели, но и думали, обсуждали и впоследствии писали об увиденном, используя определенные правила «говорения». Как и на семинариях, «генератором дискурса» являлся руководитель экскурсии, учитель, т.е. сам профессор И.М. Гревс. Дискурс конструировался с использованием эмоционально и этически маркированных элементов («чистый», «целомудренный», «искренний»), органистических метафор как его опоры. В первую очередь, речь идет об употреблении антропоморфных метафор при описании и характеристике того или иного города. Этому, как справедливо отмечает Б.Е. Степанов, «сопутствует и характерный ряд визуальных метафор, обозначающих субъективную или объективную глубину зрения/видимого: “мыслящий взор”, “видение целостного образа” (позаимствованные соответственно у Ф.М. Достоевского и М.О. Гершензона), “былое просвечивает в настоящем” и т.п.»⁶⁶. Метафора «познание как видение глубинного», открывающегося заинтересованному и эмоциональному взгляду, оказывается ключевой. Важными конструктами, возникающими и имеющими смысл в пространстве данного дискурса — «дискурсными фигурами» — являются «историко-топографическое чувство» и сама реальность «чувства прошлого», т.е. интуитивное постижение «невидимого, глубинного, сущностного» в ходе осмотра исторических памятников. Специфически интерпретированные конструкты «сентиментальной религиозности» («паломничество к святыням культуры») придавали процессу познания сходство с мистическим переживанием. При этом следует обратить внимание на то, что, являясь гетерогенным, указанный дискурс позиционируется как гомогенный, т.е. камуфлирует свою неоднородность. Сочетание «протокольных предложений» (если вспомнить вполне уместный в данном случае неопозитивистский термин), описывающих перемещения группы, распорядок дня, быт с непрозрачными «неоромантическими метафорами» не только не проблематизируется, но даже не обозначается. Как бы предполагается, что попить кофе на площади св. Марка в Венеции и «почувствовать дух средневековой Флоренции» — это явления одного порядка, «аромат эпохи» также осязаем и естественен как воздух венецианских каналов. Правильное соблюдение определенных правил «технических» действий в совокупности с верным настроем должно привести к интуитивному «схватыванию», пониманию.

В соответствии с этим режимом осмысления выстраивался и «жизненный мир» участников экскурсии.

Таким образом, мы видим, что именно в «теории экскурсий» в наибольшей степени проявились романтические элементы «образа науки»

⁶⁶ Степанов Б.Е. Навстречу прошлому... С. 162.

И.М. Гревса⁶⁷ — установка на «вживание», стремление интуитивно почувствовать «дух времени» и «гений места» как обязательные элементы профессиональной подготовки историка. Экскурсии относились к наиболее «жесткой», сознательно сконструированной школообразующей практике, в ходе которой учитель, руководитель, имея конкретную цель, должен был регламентировать и контролировать всю жизнь участников — от быта и распорядка дня до «мыслей и чувств». Каждый, кто через экскурсии получил определенный экстраординарный жизненный опыт, становился «учеником И.М. Гревса».

Более того, сама форма практики оказывается беспрецедентной и, не имея — в отличие от семинариев и лекций — возможности опереться на предшествующую традицию, И.М. Гревс был вынужден вначале «умозрительно», в соответствии с установками собственного мировосприятия, выстраивать модель и программу данной практики, а затем, опираясь на индивидуальную рефлексию попыток применения, ее дорабатывать и уточнять. В то же время, совершенно очевидно, что экскурсии — уникальная, разовая практика, ее в силу различных причин невозможно воспроизводить постоянно. В ходе экскурсионной поездки ученики попадали в совершенно новое место, не связанное с их устоявшейся, обыденной рутинной жизнью и бытом. И уже в этом плане итальянские путешествия представляют собой экстраординарный жизненный опыт. В незнакомой обстановке, в новой среде им предлагалось вести себя согласно наставлениям учителя.

Следует отметить, что в отличие от прочих зарубежных поездок совершённые под руководством И.М. Гревса экскурсии были гораздо более «идеологичными», т.е. проникнутыми духом школьной идентичности. Поэтому гревсовские экскурсии, во-первых, отличались от многих гораздо более основательным и высоким уровнем подготовки в содержательном плане. Во-вторых, группы были намного меньше, что позволяло эффективнее контролировать их поведение и настрой. В-третьих, экскурсии Ивана Михайловича имели неразрывную связь с определенным курсом. Итальянские вояжи Гревса были школообразующими практиками, а поездки, организованные С.Н. Трубецким и С.Ф. Платоновым, таковыми не являлись.

⁶⁷ В этом плане очень показательны, что О.А. Добиаш-Рождественская, научные взгляды которой были в наибольшей степени ориентированы на позитивизм, не участвовала в экскурсиях. Она посещала Италию в 1900 г. вместе с семьей И.М. Гревса. «О.А. с энергией вела всё дорожное хозяйство: мыла скамейки, устраивала чай и ужин, располагала ночлег» // Человек с открытым сердцем... С. 272.

§ 3. Коллективные проекты

В современной специальной литературе, посвященной проблемам изучения научных сообществ, принято считать, что существует одно кардинальное различие между гуманитарными и естественнонаучными школами, вызванное, в первую очередь, материальными условиями «получения знания». Речь идет о том, что в естественных науках (физике, химии, астрономии) исследовательская деятельность требует наличия оборудования, приборов, лабораторий и т.д. Сложные научные изыскания и опыты, порой очень длительные и трудоемкие, невозможно выполнить в одиночку в «кустарных» условиях. Физик едва ли способен приобрести для себя личный синхрофазотрон. В силу этого многие современные исследования проводятся крупными группами ученых (вплоть до целого НИИ, работающего над освоением какой-то конкретной, нередко узкой темы). Проблема, методы и алгоритм в данном случае определяются, чаще всего, руководителем проекта. Понятно, что полученный в результате «открытия» научный капитал делится далеко не «поровну» и вовсе не пропорционально личным затраченным усилиям, а в соответствии со статусом в сложной внутренней структуре группы. Нередко естественники обречены на коллективную работу. Гуманитарий, в том числе историк, менее зависит от коллектива, т.к. для его научной деятельности нет необходимости в сложном оборудовании, и он вполне способен писать «в одиночку». И в этом случае получается, что историк в меньшей степени нуждается в школьной принадлежности и идентификации. В принципе, может без нее обойтись, ведь она не является для ученого-гуманитария профессиональной «жизненной необходимостью». Соответственно, понятно, что научные школы в естественных науках оказываются более жесткими по структуре и коммуникативному режиму, а коллективные исследования выступают в качестве важнейшей школообразующей практики.

В целом данное рассуждение, безусловно, верно применительно к некоему умозрительному — «идеальному» — типу науки. На практике при обращении к конкретному материалу ситуация выглядит несколько иначе. Профессионалы-историки (и речь идет не только об археологах и этнографах, экспедиционная деятельность которых все больше и больше централизуется) также включаются в коллективные проекты¹. Подобная тенденция, впервые проявившаяся где-то на

¹ Важным признаком научной школы является собственное периодическое издание, журнал, выступающий в качестве «рупора школы». См.: Tiryakian E.

рубеже XIX—XX вв., только усиливается. В качестве примеров следует назвать знаменитые многотомные издания под редакцией французских историков Э. Лависса и А. Рембо «Всеобщая история в XII томах» и «История Франции».

Безусловно, результатом деятельности историков (конечным продуктом) по-прежнему остаются тексты, которые пишутся каждым автором индивидуально в тиши домашнего кабинета. Но это нарративы, изначально создаваемые как часть или фрагмент (глава, раздел, параграф, статья) общего нарратива, единого дискурсного и проблемного поля, заданного проектом. Они имплицитно встроены в нечто большее, чем они сами. И это большее — не некое «метанарративное пространство», а вполне конкретный сборник, учебник и т.д., задающий режим чтения и восприятия.

Не осталась в стороне от указанной тенденции и петербургская школа медиевистов. Можно выделить несколько коллективных проектов в рамках интересующей нас проблематики, рассматриваемых как школообразующие практики, в которых участвовали представители «ученого сообщества» И.М. Гревса. Во-первых, к их числу следует отнести работу над статьями по средневековой истории для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, а во-вторых, — два юбилейных сборника, подготовленные учениками И.М. Гревса в его честь.

Издание «Нового энциклопедического словаря» началось в 1911 г., а закончилось в 1916 г. в связи с войной, оборвавшись на 29-м томе, на статье «Отто». И.М. Гревс вместе с рядом крупнейших российских историков входил в редакционную коллегию словаря и отвечал за раздел западной средневековой истории (Античностью ведал Ф.Ф. Зелинский, Новую историю курировал Н.И. Кареев). В свое время И.М. Гревс написал 20 статей для предыдущего издания словаря и, следовательно, имел значительный опыт.

Будучи автором нескольких статей, Иван Михайлович активно привлекал к работе в рамках энциклопедического проекта своих учеников. В написании целых статей или отдельных разделов приняли участие², например, Л.П. Карсавин³, О.А. Добиаш-Рождествен-

The Significance of School in the Development of Sociology // Contemporary Issues in Theory and Research. A Metasociological Perspective / Ed. by W.E. Snizen, E.R. Fuhrman, M.K. Miller. Westport/London, 1979. P. 211—233.

² К сожалению, в силу того, что небольшие по объему статьи даны в этом издании без указания авторства, установить точное количество работ, написанных учениками И.М. Гревса, не удалось.

³ Л.П. Карсавиным написаны статьи «Авзоний» (т. 1), «Авит» (т. 1), «Амвросий» (т. 2), «Бенедикт Нурсийский» (т. 5), «Бенефиций» (т. 5), «Бернард Клервосский»

ская⁴, П.Б. Шаскольский⁵, Г.П. Федотов⁶, Н.П. Оттокар⁷, В.Э. Крусман⁸, К.В. Флоровская⁹, Н.С. Цемш¹⁰, А.Г. Вульфиус¹¹. Кроме того, Гревс занимался организаторской и редакторской деятельностью, в чем ему активно помогал Л.П. Карсавин, и сохранившаяся переписка между учеными позволяет реконструировать методику и характер работы. Так, 2 сентября 1910 г. Карсавин пишет И.М. Гревсу из Италии: «Посылаю в редакцию Словаря Чезере и Лукрецию Борджья.

- (т. 6), «Болландисты» (т. 7), «Бонифаций I» (т. 7), «Бонифаций 8» (т. 7), «Борджья, Чезаре» (т. 7), «Бруно, Джордано» (т. 8), «Бургундия» (т. 8), «Бургундские законы» (т. 8), «Ваганты» (т. 9), «Вальденсы» (т. 9), «Варварские законы» (т. 9), «Виктор» (т. 10), «Генрих VII» (т. 13), «Генрих Лозанский» (т. 13), «Гильом из Сент-Амура» (т. 13), «Григорий I Великий» (т. 15), «Григорий II» (т. 15), «Григорий III» (т. 15), «Григорий IV» (т. 15), «Григорий V» (т. 15), «Григорий VI (антипапа)» (т. 15), «Григорий VI» (т. 15), «Григорий VII» (т. 15), «Григорий VIII (антипапа)» (т. 15), «Григорий VIII» (т. 15), «Григорий IX» (т. 15), «Григорий X» (т. 15), «Григорий XI» (т. 15), «Григорий XII» (т. 15), «Гроот, Геерт» (т. 15), «Дамиани, Петр» (т. 15), «Доминиканцы и Доминик» (т. 16), «Евгений» (т. 17), «Замок» (т. 18), «Иероним блаж.» (т. 20), «Индугенция» (т. 19), «Иннокентий I» (т. 19), «Иннокентий II» (т. 19), «Иннокентий III» (т. 19), «Иннокентий IV» (т. 19), «Иннокентий V» (т. 19), «Иннокентий VI» (т. 19), «Иннокентий VII» (т. 19), «Иннокентий VIII» (т. 19), «Иннокентий IX» (т. 19), «Иннокентий X» (т. 19), «Иннокентий XI» (т. 19), «Иннокентий XII» (т. 19), «Иннокентий XIII» (т. 19), «Капитулы и каноники» (т. 20), «Катары» (т. 21), «Константин Великий» (т. 22), «Ланфранк» (т. 24), «Лев I Великий» (т. 24), «Лев IX Бруно» (т. 24), «Либерий» (т. 24), «Мистика» (т. 26), «Мистика в новое время» (т. 26), «Монашество на Западе» (т. 27), Николай I» (т. 29).
- ⁴ О.А. Добиаш-Рождественская подготовила статьи «Великое переселение народов» (т. 9), «Галлия» (т. 12), «Генрих I» (т. 13), «Генрих II» (т. 13), «Генрих V» (т. 13), «Генрих VI» (т. 13), «Генрих Лев» (т. 13), «Герман, епископ парижский» (т. 13), «Герман, епископ Оксеррский» (т. 13), «Германцы» (т. 13), «Гунны» (т. 15), «Десятина» (т. 16), «Клир и клирики» (т. 20) и некоторые другие.
- ⁵ П.Б. Шаскольским написаны статьи «Бонн, средневековое право» (т. 5), «Борджиа Александр VI» (т. 7).
- ⁶ Г.П. Федотов — автор статей «Григорий Турский» (т. 15), «Жития святых. 1. Жития святых на Западе» (т. 17), «Каролингское Возрождение» (т. 21).
- ⁷ Н.П. Оттокар написаны статьи «Балет» (т. 4), «Болонья» (т. 7), «Коммуны средневековые» (т. 22), «Лангобарды» (т. 24), «Лангобардское право» (т. 24).
- ⁸ В.Э. Крусман — автор статей «Беккет Фома, архиепископ Кентерберийский» (т. 5), «Великая хартия вольности» (т. 9), «Вильгельм I Завоеватель» (т. 10), «Возрождения» (т. 11), «Ганза» (т. 12), «Генрих I» (т. 13), «Генрих II» (т. 13), «Генрих III» (т. 13), «Генрих IV» (т. 13), «Генрих V» (т. 13), «Генрих VI» (т. 13), «Генрих VII» (т. 13), «Генрих VIII» (т. 13), «Германия. История» (т. 13).
- ⁹ К.В. Флоровская написала статьи «Бонифаций, маркиз Монфератский» (т. 7), «Бонифаций IX» (т. 7), «Генрих III» (т. 13), «Генрих IV» (т. 13).
- ¹⁰ Н.С. Цемшем были написаны статьи «Адальберт» (т. 1), «Адам Бременский» (т. 1), «Адольф Кельнский» (т. 1), «Адольф Насауский» (т. 1), «Альдерман» (т. 2), «Арманьяк» (т. 3), «Арульф» (т. 3), «Артевельде» (т. 3), «Амстердам» (т. 2), «Амьен» (т. 2), «Бавария» (т. 4), «Генуя» (т. 13).
- ¹¹ А.Г. Вульфиус — автор статей «Гуманизм» (т. 13), «Лютер» (т. 26).

Не сердитесь на меня, что не послал Александра 6. Но Оттокар виделся с Шаскольским при приезде. Тот уже почти написал. Вы понимаете, что мне более чем неудобно причинять Ш. огорчения. У нас с ним отношения и так не хороши, тем более что он может себя чувствовать формально правым. <...> Сегодня-завтра собираюсь начать писать о Дж. Бруно. Но боюсь, не лучше ли было сделать это какому-нибудь философу. А то вдруг с философ. точки зрения выйдет невежественно. Деньги от Ефрона получил и чрезвычайно благодарен Вам за Ваши хлопоты»¹². В 1913 г., замещая И.М. Гревса в редакции, Л.П. Карсавин пишет последнему: «От “Оттокарчика” по-прежнему нет ни слова. Из редакции же Словаря знаю, что Венеция все еще не прислана. <...> Вы забыли послать в редакцию библиографию Забугина к статье “Веджо” (Веджьо). <...> Деньги же из Словаря я получил: и гонорары, и 100 руб. За последнее мне очень (неразб.), потому что отсутствие Ваше было непродолжительным, а мои труды ничтожны»¹³. «В Словаре я приписал к Данте библиографию и вставил несколько фраз в текст Веселовского, касающихся биографии Данте: изменять что-нибудь существенное казалось мне невозможным. Но я просил их показать статью Вам, чтобы Вы проверили библиографию. Еще ранее я устроил им биографию Гримма: оказывается, Кареев ее не забрал. Пришлось набрать сведений, т.о., у самого Гримма и кое-что составить. Очень сомневаюсь насчет статьи о “духовенстве”. Вероятно, ее будет писать и Андреев, а тогда, что отнести под Дух. Ср. В. — социальную роль или право, но это все идет только боком. М. б., лучше всего поступить с ней, как с “Дворянством”, т.е. совсем не писать. Не в силах и не во времени чувствую себя написать “Диспут”. Надо очень много собрать разбросанного, а опорных статей нет»¹⁴.

Учитывая то обстоятельство, что «Новый энциклопедический словарь» ориентировался на широкий круг читателей, авторы готовили статьи, призванные дать краткое и информативное изложение, соответствующее уровню тогдашней исторической науки. В этом они опирались на новейшую литературу, часто перерабатывая тексты современных аналогичных зарубежных справочников или материалы более раннего издания словаря Брокгауза и Ефрона. Хотя бывали и исключения: например, статья самого И.М. Гревса об Августине является серьезным фундированным научным исследованием.

Подготовка словарных статей, несомненно, дала молодым медиэвистам определенный опыт «командной» работы. Получается, что каждый

¹² Российская историческая мысль... С. 64.

¹³ Там же. С. 88.

¹⁴ Российская историческая мысль... С. 91—92.

автор, ограниченный во времени и объеме, при написании собственного текста должен был ориентироваться на общий стиль, концепцию, коммуникативную стратегию. Неудача одного могла подвести всех.

Следует отметить, что даже в непростых условиях молодые медиависты охотно рвались участвовать в проекте. Для них подобный опыт явился продолжением семинариев в новой форме. Кроме того, работа над словарем давала и определенный заработок.

П.Б. Шаскольский обращался к учителю: «Будьте добры, Иван Михайлович, напишите, желаете ли Вы, чтобы я продолжал писать в Брокгауз; Вы осенью ничего не говорили, и я тогда и не спрашивал. Если надо, то напишите — что и в какой срок. В частности, не предоставите ли Вы мне (если уже не наметили другого) “Дар Константина”»¹⁵.

Л.П. Карсавин в октябре 1910 г. писал Гревсу: «Напишите, Иван Михайлович, не надо ли каких-нибудь статей для словаря, чтобы приступить к ним заблаговременно»¹⁶.

Жалуясь на свою загруженность учебными делами в Одессе, В.Э. Крусман, тем не менее, выражает согласие выступить автором ряда статей для словаря: «Конечно готов писать об Альфреде — как это свою-то Англию и капитулировать — но только ничего не знаю, ни как писать, ни сколько, ни куда (надеюсь впрочем, что Ваши замечания были бы очень важны для меня)»¹⁷.

Коллективный характер работы в восприятии учеников накладывал серьезную ответственность на них и в отношении сроков выполнения, и в плане качества. Поэтому они старались отчитываться перед учителем буквально о каждом шаге, связанном с подготовкой издания. Тот же В.Э. Крусман сообщал: «Все мои извинения в том, что задержал статью по истории Англии, в том, что у меня для своей собственной работы один вечер в неделю. Теперь свободнее стало, потому высылаю Вам первые 10 страниц статьи, остальные 25 думаю выслать дней через пять»¹⁸. Он же при отправлении следующей статьи извещает И.М. Гревса: «Посылаю Вам Альфреда, по-видимому, никуда не годно <...> и так <...> сердце болело, когда приходилось еще много не договаривать и опускать»¹⁹. «На днях по просьбе Оттокара, который не успел перед отъездом за границу написать, написал большую статью для Брокгауза “Банн” (королевский и церковный) и меньшую “Барберит”. Я их ото-

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 332. Л. 9 об. Не исключено, что П.Б. Шаскольский был «задвинут на окраину» проекта благодаря деятельности явно не благоволившего к нему Л.П. Карсавина.

¹⁶ Российская историческая мысль... С. 61.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 163. Л. 7 об.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 10.

слал в редакцию словаря, но, если Вы хотите их перед печатью посмотреть. Вы еще успеете их вытребовать»²⁰.

Таким образом, мы видим, что в понимании авторов коллективная работа в этом случае вовсе не предполагала непосредственных интенсивных контактов. Можно было писать, находясь в разных городах и «правила игры» усваивать «по ходу дел». Главное — подобрать «своих авторов», обладающих духом школы, и распределить между ними статьи, указав сроки сдачи и объем.

Помимо работы над «Новым энциклопедическим словарем», ученики И.М. Гревса проявили себя как сплоченный коллектив в гораздо более явной форме, подготовив два юбилейных издания, посвященных учителю. Первый из них вышел в 1911 г. под названием «К 25-летию учебно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса: сборник статей его учеников», а второй — «Средневековый быт» — в 1922 г.

Специфика сборников станет ясна при сравнении с другими изданиями подобного жанра. В начале XX в. в России, в том числе и в Петербурге, выходит целый ряд аналогичных трудов²¹. Впрочем, большинство такого рода *festschrift*'ов не имеет единой тематической и методологической направленности. Так, в юбилейном сборнике Н.И. Кареева помещены статьи П.П. Митрофанова, А.Г. Вульфюса, О.А. Добиаш-Рождественской, В.Э. Крусмана, В.Н. Забутина, П.В. Безобразова, Л.П. Карсавина, Б.А. Тураева, В.А. Бутенко, Н.В. Брюлловой-Шаскольской, П.Н. Ардашева, А.М. Ону, В.П. Бузескула, Н.В. Ястребова, М.И. Ростовцева, П.Б. Шаскольского, Б.В. Фармаковского, И.М. Гревса²². Друзья, ученики и коллеги Н.И. Кареева включили в книгу материалы, отражающие их собственные научные интересы. В силу этого сборник получился очень разнородным, даже при всей широте научного кругозора Н.И. Кареева²³ вряд ли можно говорить о каком-то концептуальном единстве издания.

Совсем иную архитектуру имеют юбилейные сборники И.М. Гревса. Авторы статей, действительно, являются его учениками, прошедшими школу семинариев, а потому издание производит впечатление тематического и методологического единства. Более того, часть материалов вырастает либо непосредственно из тем работ, выполненных в семина-

²⁰ Там же. Д. 332. Л. 14.

²¹ См., например: Николаю Ивановичу Карееву — ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914; Из далекого и близкого прошлого: сборник этюдов по всеобщей истории в честь Н.И. Кареева. М., 1923.

²² Николаю Ивановичу Карееву...

²³ Николай Иванович Кареев: библиографический указатель (1869—2007) / Сост. В.А. Филимонов. Казань, 2008.

рии И.М. Гревса, естественно, близко примыкая к ним, либо из кандидатских сочинений.

В редакционную коллегию сборника входили ученики, на тот момент имевшие репутацию «близких» и в то же время наиболее опытных в профессиональном плане, они формировали *festschrift*, руководствуясь школьной идентификацией, «из своих».

В редакционную коллегию первого сборника входили О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов. Второй имел титульную редакционную коллегию в составе О.А. Добиаш-Рождественской, А.И. Хоментовской и Г.П. Федотова.

Принципиальную программу авторов юбилейных сборников, посвященных учителю, выразила в предисловии к первому из них О.А. Добиаш-Рождественская. «Вокруг этого сборника, который должен был ознаменовать Ваш 25-летний юбилей, собрались представители разных, уже далеко отстоящих друг от друга поколений Ваших учеников»²⁴. Пиетет по отношению к учителю сочетается в предисловии с конструированием образа единого сообщества столичных медиевистов, в центре которого стоит фигура И.М. Гревса. «Тем большую потребность испытываем мы сплотиться теснее вокруг Вас в идейном союзе и общем труде. Жизнь не ждет. Она зовет нас на непрерывную работу; и Вы, наш духовный вождь и учитель, хотя и подавленный тяжелыми ударами судьбы, снова и снова, как в старые годы, подаете нам пример бодрого и радостного служения жизненному делу, вменяя нам в долг то благоговейно-бережное отношение ко всякому чистому духовному пламени, ко всякому утреннему свету, которое, как признак всей мировой ассоциации божьих трубадуров, было и остается лучшим Вашим свойством как учителя и человека»²⁵.

Предисловия к сборнику очень четко работают на идентификацию школьной идентичности. «Вы были одним из создателей и вдохновителем серьезной научной школы, которая опиралась на глубоко развитую систему общих и специальных курсов, многочисленных практических занятий и снабжена была необходимыми орудиями научного труда»²⁶. В издании помещен список сорока шести учеников и учениц И.М. Гревса, принявших участие в его публикации²⁷.

²⁴ [Предисловие] // К 25-летию... С. I.

²⁵ Там же. С. VI.¹

²⁶ Там же. С. IV.

²⁷ А.И. Анисимов, С.А. Барановская, Н.И. Бокий-Лихарева, А.И. Бергман, Е.П. Брюллова-Зарудная, Н.В. Брюллова-Шаскольская, Б.П. Брюллов, Г.К. Вебер, Р.С. Винавер, Н.С. Врасская, Н.С. Войтинская, С.М. Гершберг, О.А. Добиаш-Рождественская, Е.А. Ефимова, А.Я. Закс, О.П. Захарьина, С.Ф. Знаменский, Л.П. Карсавин, С.Д. Катеринин, А.А. Константинова, Л.Н. Кремлева-Добиаш, В.Э. Крусман, Н.К. Кульман, З.А. Кусовникова, Е.Н. Лаврова, Н.П. Маркова, Е.Н. Нечаева, С.А. Новикова, Н.П. Оттокар, С.В. Панина, С.И. Протасова,

В первый сборник «К 25-летию учебно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса» были включены статьи Л.П. Карсавина²⁸, О.А. Добиаш-Рождественской²⁹, П.Б. Шаскольского³⁰, Г.П. Федотова³¹, А.А. Тэнтела³², К.В. Флоровской³³, Н.П. Оттокара³⁴, В.Э. Крусмана³⁵, О.П. Юрьевой³⁶, С.И. Штейна³⁷, а также С.Л. Гершберг³⁸, Н.К. Кульман³⁹ и Н.И. Лихаревой⁴⁰.

К сожалению, каких-либо подготовительных материалов, связанных с работой над проектом, переписки, позволяющей реконструировать его «лабораторию», не сохранилось⁴¹.

При этом сборник однозначно воспринимался читателями как своего рода «манифест» школьной принадлежности и дань уважения учителю. «Наибольшее впечатление из моих занятий этого лета произвело на меня чтение сборника, посвященного Вам Вашими учениками. С этих страниц, столь различно написанных столькими в большинстве случаев знакомыми лицами, веяло таким единством общего настроения, и не говоря о знаниях и мыслях, которые дал сборник, именно это общее настроение производило такое сильное впечатление. И приятно было

В. Пушкарева-Котляревская, С.М. Ростовцева, Н.М. Соколов, Л.Н. Соловьева, Н.А. Сергиевская, А.А. Тэнтел, М.В. Шалаева, П.Б. Шаскольский, Т.Б. Шапирова, С.И. Штейн, О.П. Юрьева, К.В. Флоровская, Н.С. Цемш, Г.П. Федотов.

²⁸ Карсавин Л.П. Магнаты конца Римской империи: быт и религия // К 25-летию... С. 1—62.

²⁹ Добиаш-Рождественская О.А. “Jus procurationis” в церковной практике XIII в. (страницы из бытовой истории французского духовенства) // Там же. С. 141—157; Она же. Издание соборных актов Западной Церкви (о некоторых рукописях Парижской Национальной Библиотеки) // Там же. С. 161—179.

³⁰ Шаскольский П.Б. Роль римской церкви в обороне Италии в эпоху нашествия лангобардов // К 25-летию... С. 343—393.

³¹ Федотов Г.П. Письма бл. Августина (Classis prima) // Там же. С. 107—138.

³² Тэнтел А.А. К вопросу об обращении бл. Августина // Там же. С. 321—341.

³³ Флоровская К.В. Св. Франциск в «Древе крестной жизни» // Там же. С. 65—106.

³⁴ Оттокар Н.П. Цехи и коммуны во Флоренции в XIII и XIV вв. // Там же. С. 243—272.

³⁵ Крусман В.Э. Уильям Гросайн // Там же. С. 321—340.

³⁶ Юрьева О.П. Очерки по истории феодализации монархии во Франции // Там же. С. 183—240.

³⁷ Штейн С.И. “Familia ecclesiae” (интерпретация 1-ой Страсбургской хартии) // Там же. С. 397—410.

³⁸ Гершберг С.М. Очерк положения евреев в Мерovingской Галлии // Там же. С. 275—319.

³⁹ Кульман Н.К. К вопросу о судьбах педагогических учреждений в России // Там же. С. 433—442.

⁴⁰ Лихарева Н.И. Из истории педагогической мысли. Вопросы методики истории в России XVIII века // Там же. С. 445—476.

⁴¹ Содержательный анализ статей обоих юбилейных сборников проведен нами в главе II.

сознавать и себя близким к нему, сроднившимся с ним», — пишет учителю после прочтения сборника Г.Э. Петри⁴².

Второй сборник состоял из статей Г.П. Федотова⁴³, М.А. Гуковского⁴⁴, А.И. Хоментовской⁴⁵, А.И. Тихановой (Клименко)⁴⁶, Н.П. Анциферова⁴⁷, С.А. Ушакова⁴⁸, М.Э. Шайтана⁴⁹, В.В. Бахтина⁵⁰, О.А. Добиаш-Рождественской⁵¹, Е.Ч. Скржинской⁵², А.Д. Стефанович (Люблинской)⁵³.

Различия в авторском коллективе юбилейных изданий, как представляется, наглядно отражают изменения внутренней конфигурации школы. На роль «лидера» среди учеников вышла О.А. Добиаш-Рождественская. Часть авторов второй книги (В.В. Бахтин, А.Д. Стефанович) — ее непосредственные ученики, «научные внуки» И.М. Гревса. Эмиграция Л.П. Карсавина только внешне завершила уже состоявшуюся «расстановку сил» внутри сообщества. Показателен и тематический дрейф — от истории религии к истории повседневности с особым вниманием к источниковедческим аспектам. Также следует отметить то, каким образом изменились темы статей Г.П. Федотова, да и самой О.А. Добиаш-Рождественской. Понятно, что это в определенной степени связано с внешними условиями — советская власть сделала «неактуальной» религиозную и историко-церковную тематику. Об этом красноречиво свидетельствует травля Л.П. Карсавина советскими публицистами. Впрочем, в новом сборнике не оказалось статей и по проблемам педагогики, хотя сам И.М. Гревс и Н.П. Анциферов активно занимались в указанный период, преимущественно, экскурсионным делом. О.А. Добиаш-Рождественскую это увлечение обошло стороной. Петербургская школа медиевистов в большей степени дрейфует в сторону академического источниковедения, позволяющего существовать в новых условиях.

В сборнике явно выражены определенные методологические тенденции: перенос акцента исследовательского интереса на изучение городской культуры классического Средневековья, внимание к быту и повседневности, стремление осуществить изыскания на «микроисторическом

⁴² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 70. Л. 3.

⁴³ Федотов Г. Феодальный быт в хронике Ламберта Ардского // Средневековый быт. Л., 1925. С. 7—49.

⁴⁴ Гуковский М. Турниры в Италии на исходе Средних веков // Там же. С. 50—77.

⁴⁵ Хоментовская А. Лукка времен купеческой династии Гвиниджи // Там же. С. 78—112.

⁴⁶ Тиханова-Клименко М. Парижский Малый Мост // Там же. С. 113—147.

⁴⁷ Анциферов Н. Черты сельского быта во французском городе // Там же. С. 148—160.

⁴⁸ Ушаков С. Спор о границах приходов // Там же. С. 161—178.

⁴⁹ Шайтан М. Ирландские эмигранты в Средние века // Там же. С. 179—205.

⁵⁰ Бахтин В. Школьная жизнь в Париже XII века // Там же. С. 206—232.

⁵¹ Добиаш-Рождественская О.А. Из жизни мастеровских письма (преимущественно на французском севере) // Там же. С. 233—259.

⁵² Скржинская Е. Об одном средневековом курорте // Там же. С. 260—272.

⁵³ Стефанович А. Петух на готическом соборе // Там же. С. 273—279.

уровне» с применением, в том числе, и «казусного подхода» (например, в работе С.А. Ушакова). При сравнении с первым сборником общая траектория прослеживается достаточно четко и, как представляется, отражает тематическую эволюцию школы И.М. Гревса — от изучения «высокой культуры» («гениев») к общепринятым обыденным представлениям («среднему человеку»), от высот богословской мысли к повседневности, от истории идей к социокультурной истории.

Второй сборник — как свидетельствует редакторское предисловие — формировался в трудных условиях и в жестко ограниченные сроки, что, в частности, привело к отсутствию в издании научно-справочного аппарата. Сборник был ориентирован, по словам его составителей, на широкого читателя. Однако даже несмотря на это, серьезная редакторская работа всё-таки велась, о чем свидетельствует отказ принять статью В.С. Люблинского — одного из ближайших учеников О.А. Добиаш-Рождественской в те годы. «Из Вашего материала невозможно построить сколько-нибудь законченный этюд. Основной текст Ваш — собственно единственный — очень скуден, говорит мало о “венецких празднествах”; комментарии же, какими Вы его снабдили, идут совсем в другом направлении, чем то, что предполагается темой “бытовых очерков” и самим текстом. Вся комбинация этого текста и этих комментариев вызывает недоумение и только досаду, что я объясняю себе только состоянием крайней спешки, в котором Вы, вероятно, в последние недели решились на эту постановку и ее осуществили. Окончательное решение вопроса о возможности приспособить эти материалы к напечатанию принадлежит, конечно, редакционному комитету, для меня, как видите, он решается отрицательно — с сожалением, но без колебания»⁵⁴. Впрочем, по словам Л.Б. Вольфцун, хороших отношений В.С. Люблинского и О.А. Добиаш-Рождественской этот инцидент не испортил⁵⁵.

В предисловии к сборнику школьная идентичность выражена еще более отчетливо. «Участники настоящего сборника поставили себе двойную задачу — почтить, по добром обычаю, своего учителя хотя бы скромным даром оригинальных научных работ, вышедших — в широком смысле — из его школы, прямо или косвенно связанных с его учительским влиянием, и дать читателю-неспециалисту доступный и интересный материал, связанный единством темы»⁵⁶.

Целостность сборника, как тематическая («общий бытовой уклон»⁵⁷), так и хронологическая («классическое Средневековье»⁵⁸), яв-

⁵⁴ Цит. по: Вольфцун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 175—176.

⁵⁵ Там же. С. 176.

⁵⁶ [От редакции] // Средневековый быт. Л., 1925. С. 5.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

лялась важной, открыто декларируемой авторами целью, и в связи с этим некоторым из них пришлось выйти за пределы своих научных интересов. В частности, это относится к Г.П. Федотову, занимавшемуся в период работы над изданием исследованием меровингской Галлии.

Сборник «Средневековый быт» получил высокую оценку специалистов. Так, Е.А. Косминский особо отмечал данный труд в своем обзоре истории отечественной медиевистики⁵⁹. Позднее А.Л. Ястребицкая называет книгу одним из первых в науке изданий по истории повседневности.

Хотя второй юбилейный сборник стал «лебединой песней» университетского периода истории петербургской школы медиевистики, во время существенной трансформации условий ее функционирования как социальной группы, коллективные исследования продолжали существовать, став, наряду с письмами, основной формой саморепрезентации сообщества.

В эти годы сменилось и местоположение центра школы. Из университета, особенно после увольнения И.М. Гревса в 1923 г., он перемещается в Отдел рукописей Публичной библиотеки, где работает О.А. Добиаш-Рождественская и сотрудничает большинство ее (и И.М. Гревса) учеников⁶⁰. Сам Иван Михайлович в указанный период фактически уходит от медиевистики, подвизаясь в Экскурсионном институте.

С середины 1920-х гг. инициативу по созданию коллективных научно-исследовательских проектов, в которых в определенной степени (по крайней мере, на персональном уровне при дифференцировании круга авторов) воспроизводилась традиция школы И.М. Гревса, взяла на себя О.А. Добиаш-Рождественская. Более того, получается, что установка на коллективные формы работы в это время очевидно усиливается. Представляется, что данная тенденция вызвана не только внешними обстоятельствами, но и стремлением сохранить школу как целостность под угрозой распада в условиях трансформации институциональных форм, т.е. с изгнанием медиевистики из университета⁶¹. Коллективные проекты второй половины 1920—1930-х гг. в какой-то степени носят компенсаторный характер, т.е. должны восполнить гибель других форм школообразующих практик.

Поскольку с 1923 г. О.А. Добиаш-Рождественская оказывается среди представителей петроградской медиевистики обладателем наибольшего «институционального капитала», то именно она выступает инициатором значительного числа коллективных проектов 1920—1930-х гг.

⁵⁹ Косминский Е.А. Итоги изучения истории Средних веков в СССР за двадцать лет // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М.;Л., 1937. № 5. С. 1135.

⁶⁰ Вольфшун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 9—15.

⁶¹ Свешиников А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930—1940 гг. // НЛО. № 96. С. 86—96.

Как пишет о своей наставнице А.Д. Люблинская: «Она любила коллективные научные издания, ее воодушевляла совместная работа, и ее участие являлось для всех непрестанным стимулом к работе»⁶².

В этот период достаточно тесной оказалась связь между учебными занятиями и научно-исследовательскими изысканиями. В частности, на базе Института книги О.А. Добиаш-Рождественская вела семинарские занятия по палеографии, на которых вместе с учениками разбирала средневековые манускрипты из собрания Н.П. Лихачева⁶³.

Над описанием средневековых коллекций в собраниях Петрограда О.А. Добиаш-Рождественская трудилась вместе с бывшими ученицами и в рамках ГАИМК. В отчете о своей деятельности в ГАИМК начала 1920-х гг. она напишет: «Совместно с М.А. Тихановой и Е.Ч. Скржинской я продолжала работу регистрации и исследования предметов западного быта и искусства в музеях Гос. Эрмитажа, б. Штиглица и Шуваловского, главным образом множественных эмалей и интересных своими формами средневековых светильников»⁶⁴.

К коллективным проектам 1920-х гг. должны быть отнесены издаваемые отделом рукописей Публичной библиотеки сборники «*Analecta medii aevi*. Средневековье в рукописях Публичной библиотеки». Всего в 1920-е гг. вышло три тома под редакцией О.А. Добиаш-Рождественской. Первые два представляют собой сборники научных статей по вопросам палеографии, основанные, преимущественно, на исследовании манускриптов из собрания Публичной библиотеки. В первом выпуске, вышедшем в 1925 г., напечатаны работы В.В. Бахтина⁶⁵ и О.А. Добиаш-

⁶² Люблинская А.Д. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская... С. 164.

⁶³ Подобная практика предпринималась О.А. Добиаш-Рождественской и до революции. Еще в 1914 г. исследовательница отмечала в публикации, что «настоящие заметки представляют частичный научный результат работы, которая производилась в нынешнем году под моим руководством группой окончивших СПб. В.Ж. Курсы. в Рукописном Отделении СПб. Императорской Публичной Библиотеки». См.: *Добиаш-Рождественская О.А. Заметки и извлечения из латинских рукописей СПб. Императорской Публичной Библиотеки // Историческое обозрение. 1914. С. 1. Среди участниц работы она называет И.В. Берман, В.Э. Валленбург, Е.В. Ершову, А.Д. Кучину, Л.И. Новицкую, К.В. Флоровскую (Там же. С. 1). Кстати, следует отметить, что публикуя в 1918 г. свой перевод «Откровений блаженной Анджелы», Л.П. Карсавин выражает благодарность студентам (В.В. Вейдле, Н.Д. Гревс, В.К. Кремновой, К.А. Нилус, В.В. Погожеву, К.К. Соловьеву, М.Э. Шайтану), занимавшимся у него в частном кружке над изучением «Жития Анджелы». «Наши беседы останутся одним из лучших моих воспоминаний и надеюсь, что участники их легко найдут следы своих замечаний в моей работе» // *Карсавин Л.П. Католичество. Откровения блаженной Анджелы. Томск, 1997. С. 131.**

⁶⁴ Архив ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 3. Д. 186. Л. 19.

⁶⁵ *Бахтин В.В. Две хартии раннего Средневековья из архива Индры // Analecta medii aevi. Л., 1925. Вып. 1. С. 62—77.*

Рождественской. Во втором (1927 г.) — статьи О.А. Добиаш-Рождественской⁶⁶, а также В.В. Бахтина⁶⁷, В.С. Люблинского⁶⁸, С.А. Ушакова⁶⁹, А.Д. Стефанович⁷⁰, Г.У. Вальтер⁷¹, В.Ф. Шишмарева⁷². Третий выпуск представляет из себя каталог латинских манускриптов V—VII вв., в составлении которого принимали участие О.А. Добиаш-Рождественская, В.В. Бахтин, С.А. Ушаков, Г.У. Вальтер, Н. Порецкая⁷³. Всего было описано пятнадцать рукописей. Показательно, что в каждом издании помещено предисловие и аннотации статей на французском языке. На наш взгляд, данное обстоятельство объясняется следующими причинами. Во-первых, сборник ориентирован на международный контекст большой науки, и 20-е гг. оказались периодом выхода петроградской школы медиевистов на высокий уровень. «Это был международный язык палеографов, отдававших таким образом дань выдающимся ученым, создателям всемирно признанной научной школы»⁷⁴. Во-вторых, французский — «второй родной» язык О.А. Добиаш-Рождественской, авторитетного ученого, воспринявшего лучшие традиции европейской палеографии.

В качестве более прикладных форм коллективной научной деятельности следует назвать работу по каталогизации средневековых латинских манускриптов Публичной библиотеки⁷⁵. В связи с необходимостью передачи части материалов Польше по условиям Рижского мирного договора, сотрудникам Отдела рукописей приходилось в

⁶⁶ Добиаш-Рождественская О.А. О незамеченном. На пути к каталогу древнейших латинских рукописей Публичной Библиотеки // *Analecta medii aevi*. Л., 1927. Вып. 2. С. 3—60.

⁶⁷ Бахтин В.В. К истории Корбийского письма. *Codices Petropolitani F.v. XIV* и *1 F.v. I. 11* // Там же. С. 61—78.

⁶⁸ Люблинский В.С. “Semideus” Катона Сакко. (Неопубликованный трактат XV в. о военном искусстве. Рукопись Публичной Библиотеки *lat. Q.v. XVII*) // Там же. С. 95—118.

⁶⁹ Ушаков С.А. Сборник итальянских стихотворений XV в. Рукопись *Q.v. XIV. 1* // Там же. С. 119—142.

⁷⁰ Стефанович А.Д. Исторические стихотворения XII в. и рукопись Публичной Библиотеки о судьбах кодекса *Q.v. IV. 3* // Там же. С. 89—95.

⁷¹ Вальтер Г.У. К вопросу о составе медицинских частей рукописи Публичной Библиотеки. *F.v. VI. 13* // Там же. С. 79—88.

⁷² Шишмарев В.Ф. Следы библиотеки Рене Анжуйского в рукописных собраниях Публичной библиотеки // Там же. С. 143—192.

⁷³ См.: *Analecta medii aevi*. Л., 1929. Вып. 3. Средневековье в рукописях Публичной библиотеки Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки. Рукописи V—VII веков / Под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. Вторая часть этого каталога была издана на ротапринте только в 1965 г. мизерным тиражом. См.: Древнейшие латинские рукописи: каталог. Л., 1965. Ч. 2. (VIII—начало IX в.) / Под ред. А.Д. Люблинской.

⁷⁴ Вольфцун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 42.

⁷⁵ Там же. С. 26—32.

А.А. Гизетти

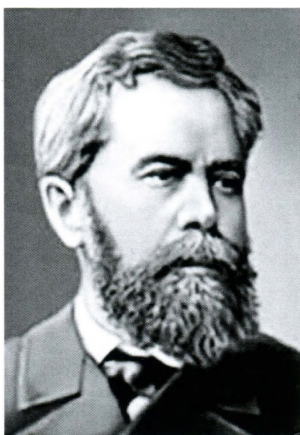
А.Д. Люблинская

А.С. Лаппо-Данилевский

В.В. Вейдле

В.Г. Васильевский

В.Э. Крусман

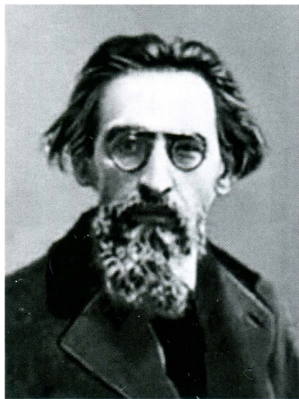
Г.П. Федотов

Е.Ч. Скржинская

И.М. Гревс

Л.П. Карсавин

М.А. Гуковский

М.А. Тиханова

М.И. Ростовцев

Н.П. Анциферов

Н.П. Оттокар

О.А. Добиаш-Рождественская

П.Б. Шаскольский

П.Г. Виноградов

С.Ф. Платонов

Семинар И.М. Гревса

Слушательницы и преподаватели Бестужевских курсов на экскурсии во Флоренции (фото 1912 г.). В центре — И.М. Гревс

Участники одной из экскурсий, организованных И.М. Гревсом

спешно атрибутировать и описывать большое количество манускриптов. Часть результатов нашла отражение в опубликованных ими в данный период научных работах.

В 1930-е гг. в новых условиях и формах О.А. Добиаш-Рождественская продолжила реализацию центростремительной стратегии. В 1936 г. под ее и М.И. Бурского редакцией вышел сборник «Агрικультура в памятниках западного Средневековья. Переводы и комментарии». Среди его авторов — В.В. Бахтин⁷⁶, Н.С. Цемш⁷⁷, Е.Ч. Скржинская⁷⁸, А.Д. Люблинская⁷⁹, А.И. Хоментовская⁸⁰. Хотя во введении в соответствии с «духом времени» говорилось о необходимости «построения марксистской истории науки и техники»⁸¹ в противовес буржуазным и фашистским фальсификациям истории⁸², практически все разделы основной части представляют добротный анализ источников, свободный от каких-либо идеологических спекуляций. В определенном плане этот сборник можно рассматривать как продолжение «Средневекового быта» с обозначенным в названии расширением проблемного поля. Поскольку на момент публикации тома часть авторов (В.В. Бахтин, Н.С. Цемш, А.И. Хоментовская) находились в ссылке по обвинению в антисоветской деятельности, О.А. Добиаш-Рождественской пришлось приложить немало усилий, отстаивая возможность привлечь их в качестве сотрудников проекта и указать их фамилии в издании.

В 1937 г. появляется публикация актов Кремоны из собрания Н.П. Лихачева, в предисловии к которой отмечается участие в изучении манускриптов — еще во времена палеографического семинара начала 1920-х гг. — В.В. Бахтина, А.Д. Люблинской (Стефанович), В.С. Люблинского и С.А. Ушакова⁸³. О.А. Добиаш-Рождественская отмечала, что это

⁷⁶ Добиаш-Рождественская О.А., Бахтин В.В. Века VI—VII. Агро- и зоотехнические фрагменты у Исидора Севильского, в Варварских Правдах, у Григория Турского // Агрικультура... С. 1—39.

⁷⁷ Цемш Н.С. Века VIII—IX. Сельскохозяйственная техника в каролингских текстах // Там же. С. 41—123.

⁷⁸ Скржинская Е.Ч. Век XIII. Поэма о версонских вилланах. Сельское хозяйство северной Франции // Там же. С. 163—183; Она же. Век XIII. Трактат Альберта Великого «О растениях» // Там же. С. 219—283.

⁷⁹ Люблинская А.Д. Век XIII. Английские сельскохозяйственные трактаты // Агрικультура... С. 185—217.

⁸⁰ Хоментовская А.И. Век XIV. «О выгодах сельского хозяйства» Петра Креспеция // Там же. С. 285—339.

⁸¹ Агрικультура... С. VII

⁸² Свешников А.В. Советская медиэвистика в идеологической борьбе... С. 86—96.

⁸³ «Первый опыт разработки издаваемой ныне коллекции был сделан более 10 лет тому назад, еще до передачи Музея палеографии в ведение АН СССР. Член-корреспондент АН СССР О.А. Добиаш-Рождественская, ознакомившись с со-

упоминание о работе ее учеников стоило ей больших усилий и потребовало подключения В.П. Волгина, поскольку, как напишет она в письме Д.М. Петрушевскому, умолчание об их вкладе «отдавало плагиатом»⁸⁴.

Наряду с Публичной библиотекой, другой организацией, сотрудничество с которой позволяло ленинградским медиевистам заниматься в 1930-е гг. профессиональной научной деятельностью, в том числе и в форме коллективных исследований, был Институт истории науки и техники АН СССР. Поскольку формальное руководство института, в частности, Н.И. Бухарин в период своего директорства, находилось в Москве, фактически, работой учреждения ведал М.А. Гуковский — медиевист по образованию, ученик И.М. Гревса⁸⁵. Он активно привлекал своих бывших коллег для выполнения различных проектов.

Именно в рамках данного сотрудничества был запланирован масштабный труд под руководством О.А. Добиаш-Рождественской, оставшийся нереализованным, — коллективная монография «Всеобщая история техники в Средние века». 29 июня 1935 г.⁸⁶ договор подписали О.А. Добиаш-Рождественская (ответственный редактор издания) и М.А. Гуковский (ученый секретарь Института истории науки и техники АН СССР), под патронатом которого книга должна была быть опубликована. Если первоначальный вариант договора предполагал, что О.А. Добиаш-Рождественская выступает в качестве одного из авторов, то конечный возлагал на нее обязанности по редактированию и общее руководство работой; завершить проект надлежало в срок до 1938 г.

Однако в связи с роспуском Института истории науки и техники в 1937 г. договор был аннулирован, исследования прекращены, а авторские гонорары не выплачены.

Поскольку материалы работы над этим проектом никогда не публиковались⁸⁷, позволим себе привести пространные выдержки из подго-

---

ставом коллекции, заинтересовалась ею, привлекла к работе своих слушателей по университетскому семинарию, и они целой группой (до 35 человек) в течение 2-х или 3-х учебных сезонов, занимались чтением, анализом и копированием актов. Всего было сделано около 60 копий, и надо сказать, несмотря на преимущественно учебный характер занятий, некоторые участники семинария дали очень хорошие результаты. Укажем работы А.Д. Стефанович, В.С. Люблинского, М.П. Румянцевой, С.А. Ушакова и, особенно, В.В. Бахтина, оказавшиеся небесполезными и для нынешнего издания» // Акты Кремены X—XIII веков в собрании АН СССР. М.;Л., 1937. С. 25—26.

⁸⁴ Вольфиун Л.Б. От Корбийского скриптория... С. 25.

⁸⁵ Дмитриев А.Н., Чумакова Т.В. История науки в Петербурге — Петрограде — Ленинграде: XX век, первая половина // Науковедение. 2004. № 1 (21). С. 194—210.

⁸⁶ ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. Л. 47.

⁸⁷ Единственное упоминание о нем см.: Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 128—129.

товленного О.А. Добиаш-Рождественской редакторского проспекта, характеризующие подробный план будущего издания. Рассматриваемый период — V—XV вв., общий объем — 22 главы с 320 иллюстрациями⁸⁸.

Первая глава: «Развитие форм поселения на европейском Западе в средние века. Сельский двор и деревня. Монастырь (поместье). Замок. Город. Топографическое седалище городов. Развитие городских планов. Постановка вопроса: Рим и средние века; римские города в Европе (в Италии, Галлии и соседних странах); главные типы средневековых градообразований; римские города в раннем средневековье; новые города, возникшие у замков и монастырей; города с радиально-концентрическими планами»⁸⁹. Планируемый автор главы — И.М. Гревс.

Вторая глава: «Агрикультура. Переживание и разложение античного опыта в сельском хозяйстве. Рудиментарный опыт варварских племен. Севооборот в условиях общинного строя и затем начинающегося закрепощения. Значение скотоводства. Расцвет сельского хозяйства в крупных каролингских поместьях. Появление трехполья. Замена деревянных частей плуга и бороны железными. Завоевание культурной площади из-под леса. Состояние скотоводства (забота о коневодстве). Начало осушения лугов. Экстенсивное земледелие в связи с лесными расчистками. Рост денежного хозяйства и интенсификация земледелия и скотоводства (овцеводство). Полевое и луговое хозяйство; различные виды удобрений, инвентарь сельскохозяйственных орудий. Двигатель в мукомольном деле. Сельское хозяйство практическое и ученые трактаты»⁹⁰. Предполагаемый автор этой и двух последующих глав — Е.Ч. Скржинская.

Развитию сухопутного транспорта посвящена третья глава. «Сухопутный транспорт. Сеть и техника римских дорог; их использование в варварскую эпоху, их частичное сохранение в дальнейшие века. Проселки, тропы, броды. Экипажи, тягловая сила. Создание новых путей в завоеванных областях. Мосты. Организация убежищ по дорогам. Развитие дорожной сети в связи с умножением рынков, с ростом городов (внутри страны и торговых приморских), с периодическими ярмарками. Организация транспорта. Почта»⁹¹.

Четвертая глава посвящена эволюции кораблестроения и мореплавания. «Морской и речной транспорт и судостроение. Разложение античных флотов. Суда варварских племен на южных и особенно северных побережьях. Корабли викингов, техника их постройки (по раскопкам). Каролингский флот, его пути. Южные флоты. Флоты времен крестоносных

⁸⁸ ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. Л. 1.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. Л. 2.

⁹¹ Там же.

движений (северные и южные). Ганзейский флот. Флоты итальянских приморских республик, типы их судов. Пути и станции морских торговых флотов. Арсеналы. Взаимодействие северных и южных типов кораблей. Флоты испанцев и португальцев. Океанские корабли и их плавания. Развитие карт. Введение компаса. Средневековые речные пути. Каналы и шлюзы»⁹².

Предполагаемый автор пятой главы — сотрудник Эрмитажа В.В. Арендт. Глава посвящена развитию военного дела: «Политика и вооружение варварских племен. Развитие форм феодального вооружения: производственные центры, техника производства. Разрастание бурга. Появление осадных машин — мастера с Востока (сербы, Византия); виды и большое разнообразие осадных машин. Трактаты Эпидия и Марино Санцудо (XIII—XIV вв.). Эволюция форм вооружения. Появление и развитие огнестрельного оружия. Наемные войска и новая тактика. Новые формы фортификации»⁹³.

Шестая глава посвящена истории горного дела и металлургии: «Старые римские разработки и открытие варварами месторождений. Добыча железа, серебра, золота. Промывка золотоносного речного песка. Добыча меди. Соль и солеварницы. Намечающиеся крупные районы горных разработок, главным образом в Германии. Скучность сведений о добыче руды (открытые разработки, неглубокие штольни). Открытый горн и низкая шахтная печь. Штуфошены (?), знаменующие первую ступень перехода от сыродутного способа получения железа к доменному. Углубление рудников, подъемные механизмы; обогащение руды (толчение мельницы). Эволюция. Значение трактатов Виринчучьо (XVI в.), Георгия Агриколы (XVI в.) и речей Матезия (XVI в.). Открытие переделочного способа получения чугуна. Чугунно-литейное дело. Связь с военным делом, особенно в период появления огнестрельного оружия»⁹⁴. Предполагаемый автор раздела — В.С. Люблинский.

Следующая, седьмая глава посвящена истории металлообработки: «Металлообработка у варварских племен, затем — в поместьях, в условиях натурального хозяйства. Ведущая роль изучаемого производства. Трактат Феофила кн. III (X в.). Выделение кузнечного ремесла в самостоятельное занятие — цехи в городах. Горячая и холодная обработка. Усовершенствование и умножение орудий (напильник, чекан, штихли.). Шлифовка, полировка, точка. Значение проволки. Сверление. Токарный станок»⁹⁵. Автор — И.А. Ростовцев.

Восьмая глава — о текстильном производстве. «Остатки галло-римского текстильного производства и льняные ткани германцев. Домаш-

⁹² ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. Л. 2—3.

⁹³ Там же. Л. 3.

⁹⁴ Там же. Л. 3—4.

⁹⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. Л. 4.

нее текстильное производство в поместьях, монастырях, деревнях. Веретено — ткацкий станок — вертикальный и горизонтальный. Текстиль на севере (Фландрия) и на юге (Италия). Прядение и ткачество в городских цехах. Усовершенствование ткацкого станка. Расцвет сукнопрядения во Фландрии и Италии в XII—XV в. Техника выделки тонких экспортных сукон. Хлопчатобумажные ткани в южной Италии, Германии. Шелководство и шелковые ткани в главных центрах их производства (Лука, Венеция, Генуя, Кольд). Льянные ткани. Развитие национальной текстильной промышленности»⁹⁶. Автор — А.Д. Люблинская.

Следующая глава, предполагаемым автором которой является Е.Ч. Скржинская, посвящена строительному делу. «Южная (античная) техника каменного строительства; северная (варварская) техника деревянного строительства, их борьба и комбинации. Каролингское и Оттоновское строительство. Влияние византийской и купольной постройки. Деревянные укрепления. Строительство городов. Романский строительный стиль и его техника. Готический стиль и его техника. Стиль возрождения (в Италии) и его техника. Расцвет военного строительства; его техника как основа каменного строительства. Городской и деревенский дом. Добыча материала, техника его обработки. Устройство типов основных орудий каменотеса, их виды и некоторая эволюция. Подъемные механизмы. Строительные корпорации: роль архитектора, модель в качестве проекта. Теоретическая сторона вопросов средневекового строительства»⁹⁷.

Глава десятая — «Стекло и керамика» (автор — Бухштейн). «Галльское и германское гончарное производство. Посуда в меровингском и лангобардском хозяйстве и в церковном обиходе. Гончарное дело в крупном поместье, в деревенском хозяйстве. Производство кирпича и черепицы. Техника изготовления стеклянной посуды, стекла листового. Цветное стекло. Трактат Феофила кн. 2. (X в.). Витражи «готического» периода. Городское гончарное искусство»⁹⁸.

Деревянному строительству и деревообработке посвящена одиннадцатая глава. Ее предполагаемый автор — А.С. Бартнев. «Деревянная индустрия лесных стран: северной Галлии, Германии, горных мест Италии.

Деревянное жильё: его формы и части: мебель, посуда, орудия из дерева, главным образом земледельческие.

Возврат деревянного строительства в местностях, завоеванных строительством из камня и кирпича. Меровингские, каролингские постройки с деревянными верхними частями.

Фахверковые постройки в Нормандии и других странах.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. Л. 5.

⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. Л. 5—6.

Деревянный донжон и стены. Деревянные городские дома. Высокое искусство цеховых плотников и столяров. Богатый ассортимент разнообразных и художественных деревянных предметов (лодки, мебель, посуда). Материалы: дуб, бук, груша, клен, липа, проникновение красного дерева.

Ренессанс и искусство инкрустации в Германии, Франции, Англии и Италии в светском и церковном быту»⁹⁹.

Двенадцатая глава, предполагаемым автором которой, как и связанной с ней последующей, планировалась Н.В. Пигулевская, должна была рассмотреть развитие «химии и алхимии». «Рецепты греческих книг. Атомизм Рабана Мавра (IX в.) и его зависимость от Исидора Севильского (VI в.). Алхимия у арабов. Теория и практика академии в Кордове. Латинские алхимические трактаты IX—XI вв. Расцвет алхимии в Западной Европе. Альберт Великий (XII в.), Роджер Бекон (XIII в.), Раймонд Луллий (XIV в.), Арноль Валлиджеро (XIV в.). Вульгаризация алхимии. Легенда о Фаусте. Переход от алхимии к агрохимии»¹⁰⁰.

Следующая, тринадцатая глава проспекта называется «Краски». «Византийская и арабская традиция и рецептура. Начало нового творчества в X веке. Лабораторные научные (см. алхимия) и прикладные достижения. Краски в текстильном производстве, строительном деле, в изделиях из стекла, в керамике, в живописи. Трактат Теофила кн. 1 (X в.)»¹⁰¹.

Истории средневекового кожевенного производства посвящена четырнадцатая глава. «Техника обработки кожи у варваров. Влияние римской техники. Дубление. Влияние арабской техники, новые сорта кожи. Форма и виды обуви. Кожа в военном деле. Кожа в переплетном деле. Источники сырья. Кожевенное дело в поместьях; цехи кожевников в городах. Центры кожевенного производства в северной и южной средневековой Европе и техника обработки кожи (между прочим пергамента для письма)»¹⁰². Автор этого раздела — Б.Я. Рамм.

Следующую главу «Пищевая промышленность» должен был написать С.М. Пумпянский «Охота. Состав стад и продукты, употребляемые в пищу. Продукты земледелия, огородничества и садоводства. Каролингские кладовые. Стол замков, горожан и крестьян. Рыба. Копченье. Соленое и холодильное дело. Цеховая регламентация пищевой промышленности»¹⁰³.

Шестнадцатая глава (автор — А.Д. Люблинская) посвящена развитию гигиены и санитарии. «Санитария, освещение и отопление в раннем средневековье. Усовершенствование каменного очага, появление

⁹⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰⁰ Там же. Л. 7.

¹⁰¹ ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. Л. 7.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

дымоходов в домах и гипокладов во дворцах и монастырях. Водопроводы и места санитарии. Характер освещения. Коммунальное хозяйство городов. Система дымоходов: меры пожарной безопасности.

Центральное отопление в общественных зданиях. Каменный уголь для целей отопления. Оконные стекла, люстры, фонари. Городская санитария и водоснабжение крупных средневековых городов (XIV—XV вв.)¹⁰⁴.

Сотрудник Эрмитажа П.П. Дервиз должен был написать семнадцатую главу, посвященную ювелирному делу. «Техника варварских ювелирных изделий по данным раскопок. Расцвет ювелирной техники под восточным влиянием. Различные способы обработки и украшения ювелирных изделий. Плавка, ковка, волочение проволоки, коление, тиснение, чеканка, резьба, филигрань, чернение, эмаль, золочение.

Трактат Феофила. Кн. 3. (X в.)»¹⁰⁵.

Автор восемнадцатой главы, посвященной «энергетике», не был определен. В редакторском проспекте содержание этого раздела характеризуется следующим образом: «Двигатель человеческий, животный и водяной. Широкое распространение водяных мельниц в сельском хозяйстве с раннего средневековья (Гр. Турский, 6 в. и др.). Существование человеческого и конного привода, господство двигателя водяного: в сельском хозяйстве, в металлургии (усиление дутья мехами, приводимыми водяным колесом, водяное колесо толчейных мельниц), в металлообработке (волочение проволоки), в текстильном производстве (сукнодельные мельницы) и т.д. Появление ветряного двигателя: ветряные мельницы в XII—XIII вв. и позднее. Прессы: виноградные, яблочные, масляные»¹⁰⁶.

Для девятнадцатой главы «Измерительные приборы» не был определен не только автор, но и предполагаемое содержание.

Автором двадцатой главы «Рукописная книга» должна была стать сама О.А. Добиаш-Рождественская. «Переход книги с папируса на пергамент и изменение ее из свитка в кодекс. Последнее. и первое монастырское письмо. Техника изготовления книги, ее тематика. Письмо и иллюстрации раннего средневековья. Постепенная регуляризация письма и появление каролингской книги. Орудия письма (калам, птичье перо). Технические, а также социально-исторические причины создания “готического” письма. Роль монастырей в создании книги и ее украшении. Книжное дело в городе»¹⁰⁷.

Двадцать первую главу, посвященную истории книгопечатания, должна была писать Е.Ч. Скржинская. «Предпосылки книгопечатания:

¹⁰⁴Там же. Л. 8.

¹⁰⁵ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. Л. 8.

¹⁰⁶Там же. Л. 8—9.

¹⁰⁷Там же. Л. 9.

разнообразные влияния Востока (особенно Китай и арабы); ксилография, штамповка, тиснение переплетов. Роль Иоанна Гуттенберга, введенные им технические приемы книгопечатания. Бумажное производство: первоначальные книги и ранние типографии к. XVI—нач. XVII века»¹⁰⁸.

Автор и примерное содержание итоговой двадцать второй главы «Проблемы науки и техники» в проспекте не указаны.

Приблизительное содержание и уровень этого нереализованного проекта мы можем реконструировать на основании работы Е.Ч. Скржинской «История техники в Средние века»¹⁰⁹ и книги О.А. Добиаш-Рождественской, посвященной истории письма¹¹⁰.

Безусловно, указанный проект в случае осуществления — в связи с тем, что «история техники» рассматривается в нем в широком социальном и культурном контексте — мог бы стать новаторским исследованием и по «истории повседневности». Резонно согласиться с Б.С. Кагановичем, писавшим, что «советские работы 1920—1930-х гг., осуществляемые в ГАИМК и ИИНИТ, предварили изучение “материальной цивилизации” историками школы “Анналов”, которые особенно широко развернулись после Второй мировой войны»¹¹¹.

Представляется, что коллективные проекты ленинградских медиевистов 1930-х гг. сложились как результат взаимоналожения двух векторов различного происхождения. С одной стороны, это присутствующая в практике работы некоторых советских научно-исследовательских учреждений установка на создание коллективных проектов¹¹², достигшая наибольшей популярности именно в середине 1930-х гг. А с другой, — попытка реанимировать (или продолжить) в новых условиях бытование одной из традиций школы петербургских медиевистов И.М. Гревса, т.е. базовой школообразующей практики. В этом плане показательно, что О.А. Добиаш-Рождественская отказалась от предло-

¹⁰⁸ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. Л. 9.

¹⁰⁹Скржинская Е.Ч. Техника эпохи западноевропейского Средневековья // Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.;Л., 1936. С. 207—343.

¹¹⁰Добиаш-Рождественская О.А. История письма в Средние века. 3-е изд. М., 1987.

¹¹¹Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 129.

¹¹²Платонова Н.И. М.И. Артамонов — директор ИИМК // Археологические вести. СПб., 1999. № 6. С. 466—478; Свешникова О.С. Как написать историю вместе? Из опыта работы над коллективными монографиями Института истории материальной культуры // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2007. Вып. 3. С. 157—168; Кондратьева Т.Н. «Загружен работой по учебникам»: случайные штрихи к истории создания первого советского вузовского учебника по истории Средних веков // Европа: международный альманах. Тюмень, 2006. Вып. VI. С. 105—116.

жения написать разделы для учебника по истории Средних веков, подготавливаемого ГАИМК¹¹³. Ей был важен не коллективный труд сам по себе, а работа «в команде» с определенными «своими» людьми в рамках единой концепции, с которой она была бы принципиально согласна. Следует отметить, что для многих участников проекты, организованные О.А. Добиаш-Рождественской, оказались важным подспорьем для выживания не только в рамках профессии.

Таким образом, коллективные научные проекты, тесно связанные с семинариями И.М. Гревса и в определенной степени выросшие из них¹¹⁴, оказались наиболее явной формой профессиональной манифестации научной школы (посредством которой она заявила о себе как сообщество) и в то же время наиболее длительной (совместная научная работа продолжалась, когда семинарии уже перестали существовать, а экскурсии были невозможны). Более того, в известной степени именно эта форма была перенята последующими поколениями ленинградской медиевистики, тем самым, обеспечив преемственность в развитии науки.

¹¹³Лебедева Г.Е., Якубский А.В. Переписка О.А. Добиаш-Рождественской и Э.Д. Гримма (эпизод из истории отечественной медиевистики 1930-х гг.) // СВ. М., 2006. Вып. 67. С. 189—199. Очевидно, что только несогласие (пусть и облеченное в риторические обороты) с концепцией авторов могло дать основание О.А. Добиаш-Рождественской уклониться от участия в проекте издания учебника; другие «аргументы» просто не возымели бы действия.

¹¹⁴Так, еще в 1906 г. Л.П. Карсавин размышлял о возможности подготовки к публикации совместного перевода «Хроники» Дино Компаньи, анализу которой был посвящен семинарий И.М. Гревса (см.: Российская историческая мысль... С. 44). В 1918 г. он же издаст свой перевод «Откровений блаженной Анжелы», ставший итогом анализа памятника, осуществленного на занятиях семинария ученого. Его участникам Л.П. Карсавин выразил благодарность в предисловии к изданию.

Еще одной продуктивной и весьма устойчивой традицией, посредством которой воспроизводилась школьные идентичность и идеология, конструировался особый коммуникативный режим петербургского сообщества медиевистов начала XX в., была переписка, в первую очередь, «эпистолярное общение» учеников с учителем. Письма относились к одной из основных форм коммуникации российского общества начала XX в., оставаясь важным элементом поддержания личных и профессиональных связей, в том числе, и внутри научной корпорации. Практически все ученые писали и получали письма¹. Так, например, в архиве С.Ф. Платонова хранится огромный эпистолярный корпус, включающий в себя послания от коллег и учеников.

Говоря о личной переписке (к деловой это относится в меньшей степени), безусловно, следует отметить, что некий дворянский (и вообще сословный) канон эпистолярного этикета со второй половины XIX в. подвергся эрозии. Письма стали, если так можно выразиться, более демократичными. В то же время некий канон стиля всё-таки сохранился, хотя он стал гораздо более вариативен. Появились модификации стиля, связанные не просто с сословным, культурным, гендерным и каким-то еще статусом адресата и отправителя, но и с их индивидуальными особенностями, локальными целями, моментом написания и т.д. Необходимо признать, что письма учеников, адресованные И.М. Гревсу, достаточно сильно отличались от посланий своим наставникам других историков этого времени. Есть, конечно, «ритуальные» моменты академической культуры, воспроизводящие традиции взаимоотношений между учеником и учителем, профессором и вчерашним студентом, но в эпистолах учеников Ивана Михайловича присутствует определенная специфика. В этих письмах можно обнаружить — при всем их разнообразии и пестроте — очевидные черты сходства, как функциональные, так и типологические, что позволяет рассматривать послания как культурную практику, конструирующую школьную идентичность.

---

¹ О письмах историков как источнике по истории исторической науки см.: *Критский Ю.М.* Эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в.—1917 г.) // *История и историки.* 1973. М., 1975. С. 85—112; *Дубровский А.М.* Ученый и его наука в письмах // *Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками.* М., 2001. С. 5—28. Исследователем истории отечественной славистики М.О. Робинсон пишет: «Бесценным источником для раскрытия почти всех сторон жизни и деятельности ученых избранного нами круга является их эпистолярное наследие». См.: *Робинсон М.* Русская академическая элита: советский опыт (1910—1920) // *НЛО.* 2002. № 53. С. 159.

Более того, письма — это не просто тексты, отражающие процесс общения, перед нами — значимая форма межличностной коммуникации². Научная школа не только транслируется через послания, но и конструируется посредством оных.

При том, что между учеными существуют официальные отношения, влияющие на характер и содержание их корреспонденции, нас интересует, преимущественно, частная переписка, воспринимаемая и самим автором, и адресатом, и окружением как элемент «приватной сферы»³. Безусловно, далеко не все ученики обращаются с частными письмами к своим научным руководителям.

Для академического сообщества изучаемого нами периода частные письма, с одной стороны, являлись средством установления и поддержания контакта с коллегами⁴, в том числе и зарубежными, т.е. инструментом конструирования «незримого колледжа»⁵, а с другой, — оказывались для профессионального ученого средством рефлексии, содержащей размышления о жизни и избранном деле. Блестящим примером подобного рода является переписка А.Е. Преснякова с матерью и женой. «Жизненный мир Преснякова запечатлен его рукой в хроникально точном, цельном, многосюжетном и практически непрерывном повествовании. В архивах историков, современников А.Е. Преснякова, мы, конечно, найдем коллекции писем, сопоставимых с данным собранием по своему объему и содержательности. Но едва ли найдем аналоги той степени открытости личности пишущего, какая присутствует здесь. На семи тысячах страниц писем Преснякова мы находим всё, что его волнует: в науке, в политике, в жизни и любви, — выраженное с той мерой откровенности и доверия, с какой относился он к двум самым близким людям — матери и жене»⁶.

² Первую попытку сформулировать наше понимание этой проблемы см.: Корзун В.П., Мамонтова М.А., Свешиников А.В. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX—XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милоков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 3—36.

³ Отчасти следует согласиться с несколько претенциозным утверждением М.Ф. Румянцевой о том, что функцией подобного рода текстов «является установление межличностной коммуникации в эмоциональном и ко-экзистенциальном целом и автокоммуникации». См.: Источниковедение. Теория. История. Метод. М., 1998. С. 466.

⁴ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

⁵ В этом плане очень показательна активная переписка М.И. Ростовцева. См.: Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М., 2003.

⁶ Цамутали А.Н., Жуковская Т.Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его наследие // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889—1927 / Под ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005. С. 18—19.

В архивах И.М. Гревса⁷ хранится огромное количество писем от учеников. Есть небольшие по объему переписки, а есть такие, которые включают несколько десятков эпистол, составленных в течение довольно долгого периода. При определенной вариативности, связанной с индивидуальными особенностями участников «эпистолярного диалога» и теми жизненными обстоятельствами, которые сопровождали написание письма, эти послания, условно говоря, выдержаны в одном стиле, что позволяет нам выявить некие «общие места», базовые элементы ведения корреспонденции Гревсом и его учениками. К числу постоянных «собеседников» Ивана Михайловича относились бывшие студенты и слушательницы ВЖК, не ставшие впоследствии профессиональными историками, т.е. лица, которые мы объективно не можем причислить к школе. Однако их письма, в основном остающиеся за пределами нашего внимания, по большей части воспроизводят специфические риторические фигуры, приемы, тропы и штампы, характерные для переписки И.М. Гревса с его учителем. Иными словами, перед нами явная преемственность культурной формы общения ученика и наставника в рамках эпистолярного жанра.

Попытаемся выделить основные элементы этого стиля.

Во-первых, письма окрашены яркой эмоциональностью. Перед нами не просто передача деловой — административной, научной или учебной — информации, но своеобразная трансляция чувств и эмоций, носящих восторженный, сентиментально-романтический характер. Подобное «наполнение» посланий вполне согласуется с утвердившимся (в том числе и среди учеников) образом Ивана Михайловича и соответствует «фирменной» гревсовской манере. С.Ф. Платонову так не пишут⁸. Очень показательным в этом плане письмо И.В. Гиттис: «Милый Иван Михайлович, оч. хочется иметь от Вас какую-нибудь весточку, почувствовать, что есть еще возможность знать о Вас. Сегодня всю ночь видела Вас во сне;

⁷ Как известно, на настоящий момент существует два личных фонда И.М. Гревса, хранящихся в разных архивах (ПФА РАН и ОР РНБ). В частности, в Ф. 726 ПФА РАН хранятся письма И.М. Гревсу от В.В. Вейдле (Д. 46, 1 л.), В.А. Голованя (Д. 71, 2 л., 1912), О.А. Добиаш-Рождественской (Д. 94, 18 л., 1934—1937), Л.П. Карсавина (Д. 135, 177 л.), В.Э. Крусмана (Д. 163, 24 л., 1907—1920), Е.Н. Нечаевой (Д. 240, 14 л. 1917), Г.Э. Петри (Д. 261, 4 л., 1912), К.В. Флоровской (Д. 316. 59 л. 1909—1917), П.Б. Шаскольского (Д. 332, 24 л., 1908—1914), Г.П. Федотова (Д. 313. 7 л.).

⁸ Частые сравнения с С.Ф. Платоновым в данном разделе объясняются тем, что он в этот период был явным лидером петербургской университетской школы отечественных историков. См.: *Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек.* 2-е изд. СПб., 1997; *Он же. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба.* СПб., 2002; *Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений)* // *Проблемы социального и гуманитарного знания: сборник научных работ.* СПб., 1999. Вып. 1. С. 128—165.

это было так длительно, что утром не могла отбросить чувство реальности, трудно было уговорить себя, что весь разговор — моя фантазия. Вы мне много и долго рассказывали про Вашу покойную дочь, рассказывали спокойно и как-то мудро — как будто хотели в рассказ свой вложить все то, чему научила Вас короткая и прошедшая на Ваших глазах от начала до конца жизнь. Я мало конкретно помню из Вашего рассказа, но я очнулась с уверенностью, что многое узнала и многому научилась из того, что никогда не познается постепенно, а всегда познается как-то вдруг, какой-то интуицией. Весь день как в тумане от этого»⁹.

Не менее эмоционально и поздравительное письмо, отправленное на Пасху О.А. Добиаш-Рождественской: «Хочется поприветствовать Вас с праздником, в который всегда, пока не врывается сутолока внешнего, воскресает или просыпается старая глубокая музыка души. Сейчас такая прекрасная, темная, полная надежды весенняя ночь. Еще нет перезвона и только идет какая-то неясная глубокая дрожь в воздухе от очень далекого и низкого колокола. И так многое вспоминается из моей и Вашей жизни, многие дни и ночи, печальные и радостные, полные этой чудесной музыки души, когда в ней и вокруг нее все дрожит от скрытого колокольного перезвона»¹⁰.

Своими впечатлениями о Флоренции и связанными с ними эмоциями делится с учителем Л.П. Карсавин: «Так сильно впечатление, что странно даже писать о чем-нибудь другом, а с другой стороны, чувствуешь, что ничего, кроме сказанного, уже не скажешь»¹¹.

Во-вторых, в письмах явно присутствует имплицитное позиционирование автора и адресата (учителя и ученика) как близких людей, объединенных общими взглядами, идеями, ценностями, мировоззрением.

«У нас с Вами есть связь в духе или трех страшно глубоких местах души, в иных тоже страшно глубоких местах есть разрывы. На самой поверхности — деловой и товарищеской — согласие и понимание, а в промежуточном слое, не самом глубоком — несовпадение психических тонов»¹², — пишет в том же «пасхальном» письме О.А. Добиаш-Рождественская.

«Простите мне бесконечное молчание. Ради Бога не думайте, что это означает отсутствие памяти. Мне вообще трудно писать, но о Вас я часто думаю в Париже: думаю всё о том, как Вы были бы счастливы, если бы могли сами увидеть этот прекрасный город»¹³.

«Наибольшее впечатление из моих занятий этого лета произвело на меня чтение сборника, посвященного Вам Вашими учениками. С этих

⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 20. Л. 54—54 об.

¹⁰ Цит. по: Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 100—101.

¹¹ Российская историческая мысль... С. 27.

¹² Человек с открытым сердцем... С. 275.

¹³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л. 4.

страниц, столь различно написанных столькими в большинстве случаев знакомыми лицами, веяло таким единством общего настроения, и не говоря о знаниях и мыслях, которые дал сборник, именно это общее настроение производило такое сильное впечатление. И приятно было сознавать и себя близким к нему, сроднившимся с ним», — пишет учителю Г.Э. Петри¹⁴.

В письмах неоднократно подчеркивается важность и значимость самого факта переписки учеников с учителем.

В-третьих, в связи с этим так же имплицитно воспроизводится идея духовной близости, задающая «интимные интонации». Конструируемые в тексте письма «учитель» и «ученик» — «родственные души», которые понимают друг друга лучше, чем кто-либо другой, доверяющие самое важное и сокровенное. «Весной умерли мои отец и мать, мой первый жених и моя неудавшаяся девочка, наша Лида и Ваша Шурочка, обе ушедшие как весенние облака. Не знаю, верите ли Вы в личное бессмертие. Я очень интенсивно имею его ощущение и “видение” в иные минуты, например, сегодня, сейчас. Вообще говоря, я не верю в него»¹⁵, — исповедуется О.А. Добиаш-Рождественская.

«Готовлю работу о сущности “композиций” и вообще об основах, если так можно выразиться, уголовного мировоззрения в средние века. Год назад (еще в Перми) писал доклад “Символизм и аллегорическое мышление в средние века”. В конце августа или начале сентября думаю поехать в Петербург и буду счастлив, если Вы позволите рассказать Вам о моих начинаниях и планах более подробно. Очень, очень хотел бы повидать Вас, и это одна из главных причин, почему мне так хочется в конце лета поехать в Петербург», — пишет учителю из Перми В.В. Вейдле¹⁶.

В-четвертых, в связи с этим часто повторяемым риторическим приемом оказываются ностальгические воспоминания о встречах и проведенном вместе времени, особенно семинарских занятиях и путешествиях-экскурсиях. Последние часто «вспоминаются» как очень значимые события, не просто обогатившие внутренний мир ученика, но «перевернувшие его». «В эти дни скверной осени еще живо вспоминается та страна, где мы видели столько красоты, где всё дышит красотой. Даже в маленьком местечке на берегу моря, где провел я последние дни в Италии, мне удалось найти старый францисканский монастырь с тихим и гармоничным *chiostro*, покрытым наивными фресками из жизни святого Франциска.

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 70. Л. 3.

¹⁵ Цит. по: Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 101.

¹⁶ Письмо В.В. Вейдле И.М. Гревсу 1920 г. / Подгот. пуб. А.В. Свешников // Археологический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 367—368.

Вдали виднелась синеватая цепь Аппенин, и этот уголок был для меня последним приветом тех мест, которые прошли мы по следам “бедняка Христова”. Теперь это уже воспоминания, но чувствуешь, сколько дают они, как многое, что было далеко и непонятно, стало главным и близким, как смотришь на многое другими глазами. И хочется еще раз поблагодарить Вас за то, что Вы дали возможность увидеть Италию так, как увидели ее мы, а главное, научили понимать в ней то, к чему надо подойти подготовленным, что надо полюбить заранее»¹⁷, — писал учителю через несколько месяцев после итальянской экскурсии 1912 г. Г.Э. Петри.

«Я очень довольна, что Вы мне сообщили вкратце, что делается в семинарии по Августину, а то никто мне ничего о занятиях не писал, и я в полном неведении. Каждую пятницу думаю о вас всех, и мне очень жаль, что я не могу участвовать тоже. Хорошо, что группа осталась почти без изменений. Я думаю, что занятия пойдут здесь хорошо»,¹⁸ — делится мыслями с учителем Л.И. Новицкая.

Оценка семинариев как «места памяти» особой значимости встречается и в письмах учеников Гревса друг другу. Так, высланный вместе с семьей ученик Ивана Михайловича В.Н. Лосский сообщает своему приятелю В.С. Люблинскому: «Предайте горячий привет всему Кабинету. Я с нетерпением буду ждать Ваше письмо и фотографию. Всему Кабинету прошу сняться в полном составе за нашим столом, среди “Patrologia” “Acta” “Mas Latrie”, и не забудьте прислать мне фотографию»¹⁹.

Отсюда «мечты» о новой встрече. «Но если говорить о будущем, то надолго отказ от собственной научной работы и тягостен и преступен. Поэтому я опять стою на распутье, и мы с Лялей²⁰ обсуждаем разные планы. Я решил в мае поехать в Петербург и с Вами посоветоваться обо всем. Лучше не писать на бумаге всего, что можно передать лично. А хорошо было провести в Петербурге месяца два, чтобы поработать в библиотеках»²¹, — пишет Г.П. Федотов.

«С нетерпением жду момента, когда можно будет взяться за работу под Вашим руководством»²², — вторит ему Г.Э. Петри.

Да и стандартные «приветы» жене и дочери профессора в этом контексте порой выглядят весьма «нестандартно». «Передайте, пожалуйста, мой поклон Марии Сергеевне и Екатерине Ивановне. Я им оч. бла-

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 70. 1об—2.

¹⁸ Человек с открытым сердцем... С. 291.

¹⁹ Вахтина П.Л. Два Владимира: письмо Владимира Лосского Владимиру Люблинскому // Западноевропейская культура в собраниях... С. 98.

²⁰ Имеется в виду жена Г.П. Федотова — Е.Н. Федотова-Нечаева, также ученица И.М. Гревса.

²¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л.2.

²² Там же. Д. 70. Л. 2.

годарна за доброе отношение ко мне, кот. я почувствовала за последнее время»²³.

В-пятых, ученики стараются рассказать наставнику в письмах о тех вещах, которые ему, на их взгляд, должны быть интересны. О своих путешествиях, особенно с акцентом на постижении «духа места», об увиденных произведениях искусств, собственных мыслях и впечатлениях. Так, рефлексировав по поводу своих итальянских впечатлений, Л.П. Карсавин считает нужным сообщить учителю: «Вот мои первые архитектурные впечатления, за которые я благодарен Италии. До сих пор в душе были еще только смутные намеки. Теперь, кажется, я нахожу путь к постижению прелестей этого искусства и, вспоминая, начиная вновь переживать истинные произведения ренессанса, я не обманываю себя мыслью, что правильное то впечатление, которое я сейчас чувствую, от сравнения разных соборов, но радуюсь, что не слеп к их красоте. До сих пор я, если чувствовал, так только готику, теперь, может быть, больше люблю спокойную и успокаивающую красоту построек Ренессанса»²⁴.

Он же обстоятельно описывает осмотр архитектурных памятников Италии: «Какой-то радостный дух в этих светлых церквях, и широкие, плавно поднимающиеся арки как-то спокойно настраивают душу. Такие же плавные арки и такое же впечатление от раннего романского стиля. Хочу идти немного дальше, и, рассматривая хотя бы кафедральный собор Ареццо, мне кажется, что я улавливаю черты того же духа и в нем»²⁵.

«Очень уж хороши Сиенские художники. Привлекает в них мягкость и глубина и вместе искренность религиозного чувства, что во Флоренции дает разве Beato Angelico»³.

В-шестых, ученики доносят до Ивана Михайловича именно ту информацию о событиях научной жизни, которая, на их взгляд, должна быть ему не столько полезна, сколько важна и интересна.

Так, Г.П. Федотов пишет И.М. Гревсу из Парижа: «Познакомился я с Мазоном, который читает в College de France о тургеневских рукописях, желая сделать из своего курса род семинария. Передал ему Ваш поклон, а он мне для Вас свою работу о “Нови”, которую высылаю одновременно. Он говорит, что писал Вам об этом осенью. Об архиве Виардо узнал следующее. Уже 10 лет он находится в его руках, но принадлежит разным лицам — наследникам. Сам он может уделить ему мало внимания, а сотрудников у него нет совершенно. Надеется в 1926 г. опубликовать полную опись и напечатать из них самое важное (из переписки и воспоминаний сохранилось два отрывка). Самое важное в архиве это dossier, как он их

²³ Там же. Д. 20. Л. 54 об.

²⁴ Российская историческая мысль... С. 36.

²⁵ Там же.

называет больших романов: “Накануне”, “Дым”, “Первая любовь”, “Новь”. Имеются первые наброски планов, биографии на фишках действующих лиц, черновики в различных стадиях обработки. Лучше всего представлена “Новь” — в 5 этапах. “Дворянское гнездо”, “Отцы и дети” сохранились, к сожалению, только в уже разработанных, хотя не окончательных редакциях. Интересны “Степной король Лир”, “Песнь первой любви”. Для работы над рукописями необходимо согласие владельцев²⁶. Он же довольно подробно информирует учителя о новостях академической жизни Парижа²⁷.

В.Э. Крусман рассказывает о новых приобретенных им книгах по истории францисканства²⁸, а после переезда в Одессу дает подробный отчет о своей научной и преподавательской деятельности на новом месте²⁹.

П.Б. Шаскольский описывает организацию семинарских занятий в немецких университетах: «Лекции их послушал немного, а на занятия думал ходить, они кстати необходимы для моих теоретических занятий: Fabricius начал разбирать источники истории Гракхов, Below разбирал историю немецких городов (в частности, думал сосредоточиться, совсем как Вы в нынешнем году, историей Страсбурга, хотя как раз опровергнуть *Hotrechtliche Theorie*. Наконец, Meineke начал заниматься моим любимым Великим Кюрфюрстом. Интересно мне было то, что у них разные системы: у М. чисто реферативная (даже вовсе не читают памятников), у Ф. чтение и комментирование источников (он начал с Аппиана) и наряду с этим чтение рефератов вообще по аграрным вопросам и другим проблемам древней истории; наконец, у Б. исключительно комментирование текстов, но с помощью всеми обязательно прочитываемой по данному вопросу литературой. Сколько успел за короткое время приглядеться во всех этих способах ведения занятий есть крупные недостатки, хотя они и велись, оговариваюсь, очень интересно. Думаю всё-таки, что самая лучшая из виденных мною систем — приблизительно та, которая у Вас удавалась в последние 2 года — С Л. Сал. и францисканством, т.е. в центральном месте чтение текста, с комментированием посредством литературы и попутно (не обязательно каждый раз) с рефератами по вопросам из той же темы. Но если говорить не о системе, а о самих занятиях, то надо сказать, что немецкая сразу видна, и это несомненный плюс в сравнении с петербургскими занятиями. В общем я за короткое время участия в занятиях вынес впечатление, что наши профессора (и Вы, между прочим), безусловно, слишком церемонятся со студентами. Конечно, немного смешным кажется, когда профессор во Фрайбурге задает к следующему разу такую-то страницу текста и прочесть такую-то журнальную статью и главу из книги и потом в

²⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л. 6 об.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л. 5 об.—6.

²⁸ Там же. Д. 163. Л. 3

²⁹ Там же. Л. 5—5 об.

следующий раз вызывает сам по списку участников занятий. и заставляет прокомментировать несколько строчек. Но что же делать? Этим достигается зато то, что все сидят всю неделю в библиотеке семинария и читают эту журнальную статью или главу, и во всяком случае вечер занятий ни для кого даром не пропадет, п. ч. все могут следить за ходом занятий»³⁰.

В-седьмых, с Гревсом, как близким человеком, ученики обсуждают собственные дела, переживания, беды, проблемы и просят у Ивана Михайловича совета. Многочисленными «профессиональными сомнениями» делится с учителем Л.П. Карсавин: «Продолжаю заниматься курсом, и в этой работе много и приятного, и терниев. Хочу Вам сообщить о последних. Очень неприятно, что нельзя всего проработать на источниках. Поневоле приходится повторять чужие слова. и часто работа носит мозаичный характер. <...> Приятно, что взялся за религиозную историю: это вполне по характеру, т.к. я чувствую в себе религиозные склонности...»³¹. Он же довольно подробно описывает трудности заграничного командировочного быта. Также в переписке происходит обсуждение темы магистерской диссертации Л.П. Карсавина, не сразу найденной³². П.Б. Шаскольский обращается к Гревсу за помощью в поступлении своей родственницы на ВЖК³³. В.Э. Крусман в отчаянии просит Ивана Михайловича оказать содействие в возвращении утерянной при переезде научной библиотеки, которая была для него «жизненной необходимостью»³⁴.

Кроме того, у самого И.М. Гревса явно была потребность в постоянном и интенсивном ведении корреспонденции. Письма для него — форма саморефлексии, конструирования себя, снятия напряжения, обмена эмоциями, своеобразное сочетание передачи информации и отчета-исповеди. В юности Иван Михайлович регулярно писал своей двоюродной сестре, с которой у него сложились очень близкие отношения, Н.Д. Бекарюковой (в замужестве Гизетти³⁵), затем, после свадьбы, — жене³⁶. Огромное количество эпистол И.М. Гревса адресовано его друзьям, в первую очередь по «Приютинскому братству»³⁷. «Приютинцы» также регулярно отправляли

³⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 332. Л. 1—1 об.

³¹ Российская историческая мысль... С. 47—48.

³² Там же. С. 56—57.

³³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 332. Л. 3—6 об.

³⁴ Там же. Д. 163. Л. 24—24 об.

³⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 23. Письма частично опубликованы в кн.: Человек с открытым сердцем... С. 59—85, 121—126.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 23. Некоторые из писем см. в кн.: Человек с открытым сердцем... С. 202—207.

³⁷ Фрагменты этой переписки частично опубликованы в кн.: Человек с открытым сердцем... С. 209—216. Анализ коммуникативного режима переписки см.: Еремеева С.А. Приютинское братство // Высшее образование в России. 2007. № 1. С. 157—166; Она же. Приютинское братство как феномен интеллектуальной

И.М. Гревсу пространные «исповедальные» письма на протяжении многих лет³⁸. Характеризуя «приютинскую» корреспонденцию, С.А. Еремеева справедливо замечает: «Переписка, понимаемая не только как замена личного общения в силу физической отдаленности членов Братства друг от друга, но и как труд — социальный, душевный и духовный — объявляется главным делом Братства в период его становления. В переписке вырабатываются и закрепляются те нормы и ценности, которые и составляют основу социальной идентичности “приютинцев”. Переписка оказывается материальным выражением той связующей (“коннективной” по Ассману) структуры, которая дает возможность существовать Братству многие годы.

Будучи распространенной культурной практикой своего времени, переписка как замена живого общения могла бы представляться эквивалентом бесконечных разговоров интеллигенции о жизни, привычку к которым фиксируют как свидетели, так и исследователи, например, коммунитарных общин. Но в Приютинском братстве переписка выполняет именно роль строительства отношений, что подтверждается ее регламентированным и принудительным характером, а также статусом безусловной ценности в глазах членов Братства³⁹. Кроме того, в этом плане также очень показательна его многолетняя переписка с поэтом Вяч. Ивановым⁴⁰. Даже «выяснять отношения» И.М. Гревс предпочитал в эпистолярной форме; ярким примером могут служить его «поздние» письма Л.П. Карсавину⁴¹ и ряд посланий, направленных С.Ф. Платонову⁴².

Точкой «максимального накала» в переписке учеников с И.М. Гревсом, конечно, является смерть его младшей дочери, о которой в текстах писем вспоминается достаточно часто. При этом порой ему самому выпадало сообщать ученикам о тяжелых для них потерях. Именно И.М. Гревс напишет в 1929 г. находящемуся в заключении Н.П. Анциферову письмо с известием о смерти жены⁴³.

культуры России последней трети XIX—первой половины XX вв.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007. С. 15—16.

³⁸ См., например: Шаховской Д.И. Письма И.М. Гревсу // *Философский век: альманах XXVI. История идей в России: исследования и материалы*. СПб., 2004. С. 146—237.

³⁹ Еремеева С.А. Приютинское братство как феномен... С. 15—16.

⁴⁰ См.: История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова...

⁴¹ *Российская историческая мысль...* С. 102—109; *Человек с открытым сердцем...* С. 296—297.

⁴² Свешников А.В., Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Жизни наши протекли врозь» (к истории личных взаимоотношений И.М. Гревса и С. Ф. Платонова) // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. М., 2004. Вып. 12. С. 313—332.

⁴³ Текст этого письма приводит в своих воспоминаниях Н.П. Анциферов. «Дорогой мой друг! Выпало мне на долю сообщить Вам ужасную весть: в ночь на 23 сентября в третьем часу скончалась Ваша Таня. Ваша истинная любовь и

Таким образом, подводя итоги, следует признать, что письма вполне можно рассмотреть как еще один, наряду с охарактеризованными выше, специфический вид школообразующей практики.

Письма, во-первых, позволяют представителям школы поддерживать режим интенсивной коммуникации даже в том случае, когда непосредственное общение невозможно. При этом в письмах происходит не просто обмен информацией, но и осмысление, т.е. конструирование реальности, того «жизненного мира», в котором полагают себя составляющие эпистолы историки.

Во-вторых, письма позволяют И.М. Гревсу осуществлять научное руководство «на расстоянии», давать советы, и не только профессиональные, своим ученикам, и контролировать ход их работы⁴⁴. Ученики спрашивают совета — учитель наставляет.

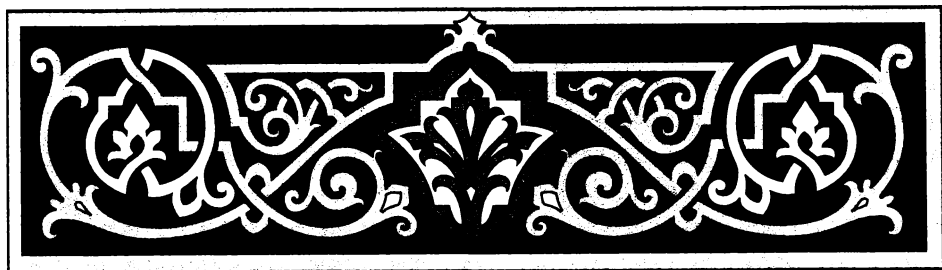
В-третьих, переписка задает некую подвижную конфигурацию школы, создает символическое пространство, в котором каждый участник занимает свое место, имеет особую позицию по отношению к другим, созидаст собственную социальную роль. «Эпистолярное общение» данную диспозицию конституирует.

В-четвертых, переписка задает режим своего существования. В ней имплицитно заложены конвенциональные нормы того, когда, о чем и как (каким языком) представитель школы (ученик) может написать учителю. В эпистоле присутствует, условно говоря, грамматика, позволяющая отправить сообщение и надеяться быть понятым, ценностный и культурный контекст, придающий смысл составляющим переписку высказываниям.

Ваша крепкая вера помогут Вам перенести это тяжелое горе так, как Вы когда-то перенесли смерть Ваших старших детей. Тогда было легче — она была с Вами, но и теперь Вас поддержит неумирающий образ ее чудесной души. Мы не решаемся оповестить Вас о постигшем ударе телеграммой. Простите нас! Мы думаем, пусть она лучше дойдет до Вас хоть несколько дней позже, но начертанная дружеской рукой. Может быть, Вы ждали того, что свершилось. Таня несла разлуку, несла и болезнь с той светлой силой, которая была ей присуща, несла как настоящая праведница, с неослабевающим мужеством и неповтори мой простотой. Ни разу не изменила она своей замечательной духовной природе. Она много страдала телесно, но ее поддерживала вера и любовь. Чувствами своими и своими помышлениями (Вы знаете это) она неразрывно была с Вами. То полное единение, которое Вас связывало в протекшие счастливые годы Вашей общей с ней жизни, сохранится и в будущем, в вечности в Вашей любящей душе. Да хранит Вас Бог! Обнимает Вас крепко Ваш старый учитель. Любящий Вас всей душой Ив. Гревс» // *Анциферов Н.П.* Из дум о былом... С. 406—407.

⁴⁴ Типологически схожие функции выполняет переписка В.И. Герье с его учеником М.С. Корелиным. См.: Письма к учителю (письма М.С. Корелина к В.И. Герье) / Вст. ст. и подгот. публ. Д.А. Цыганкова // *История и историки.* 2005. М., 2006. С. 298—360.

Глава IV

Конфликт в жизни научной школы.
Казус Карсавина

Конфликт для научной школы, как для любой другой социальной группы, является событием особой значимости. С одной стороны, конфликт — фактор, существенно влияющий на динамику развития школы; в контексте внутренней напряженности или противостояния школа изменяется, причем гораздо более быстрыми темпами, чем без «раздражителя». А с другой стороны, конфликт — экстремальная пограничная ситуация, угрожающая самому факту существования группы. При определенном течении микросообщество может перейти на стадию утраты собственной идентичности и последующего распада. Обычные традиционные практики (дискурсивные и поведенческие), обеспечивающие самовоспроизводство группы как целостного организма, в кризисной ситуации или не работают, или «пробуксовывают». Конфликт, воспринимаемый группой как «болезнь», опасность, угроза для собственного существования, способствует мобилизации внутреннего потенциала и выявляет те ее качества и элементы структуры, которые ранее не проявлялись. В силу этого рассмотрение группы в экстраординарной ситуации обладает особой эвристической значимостью для исследования конкретного сообщества. В данной главе мы попытаемся рассмотреть то, как протекает конфликт в рамках петербургской школы медиевистов на примере одного конкретного случая — масштабного личного и профессионального разрыва И.М. Гревса с одним из первых его учеников — Л.П. Карсавиным.

Данный сюжет, так или иначе, затрагивается в большинстве работ, посвященных жизненному пути Л.П. Карсавина или становлению петербургской школы медиевистики. В общих чертах — пунктиром — траектория общения на протяжении периода от 1902 до 1922 г. (от знакомства ученых до высылки Л.П. Карсавина на «философском пароходе») может быть обозначена как движение от теплых дружеских отношений ученика и учителя к полному разрыву. И это в общем-то верно. Впрочем, мы попытаемся ответить на вопрос, касающийся истинной причины расхождения. Безусловно, речь пойдет лишь о гипотетической реконструкции событий и об их интерпретации как возможном варианте «прочтения», а потому, естественно, нам не избежать критических замечаний со стороны искушенного читателя.

Конфликты и скандалы в среде интеллектуалов традиционно «вытеснялись» (во фрейдовском смысле) из поля рефлексии научного сообщества, и только в последнее время появилось несколько работ, посвященных анализу данного феномена¹. Одну из попыток объяснения причин и последствий подобного рода явлений мы предлагаем в нашей монографии.

¹ См.: *Ермичев А.А.* Как поссорились два ученых мужа // ВФ. 2003. № 5. С. 124—134; *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000; *Вишленкова Е.А.* Публичная и частная жизнь университетского человека Казани XIX в. // *Адам и Ева: альманах гендерной истории.* М., 2004. Вып. 7. С. 182—185; *Свеш-*

В роли своеобразного методологического ориентира для нас будет выступать принцип «плотного описания» К. Гирца², под которым понимается вычленение «неявных», имплицитных культурных смыслов того или иного, казалось бы, очевидного поступка³. «Культурные смыслы» генерируются определенным типом культуры, в нашем случае — профессорской культурой (конвенциональными рамками научного сообщества русских университетских историков-преподавателей начала XX в.). Очевидно, что границы нашего «плотного описания» задаются спецификой источников⁴, описывающих конфликт, в первую очередь, их фрагментарностью и субъективностью.

При этом мы, естественно, вовсе не претендуем на то, чтобы «поянить душу» участников конфликта. Наша задача намного скромнее: мы попытаемся реконструировать (описать) некоторые культурные и дискурсивные практики, «забуксовавшие» в определенной конкретной (казусной) ситуации.

Прежде всего, мы возьмемся за восстановление «событийного» ряда отношений, а затем обратимся к интерпретации содержащихся в жестах-поступках «культурных смыслов». Другими словами, мы двигаемся от предельно возможного «объективного» описания событий (суженного, ограниченного) к предельно «расширенному» их пониманию.

Л.П. Карсавин познакомился с Гревсом, судя по всему, на втором курсе университета в 1902 г. Иван Михайлович, вернувшийся в *alma mater* после скандального политического увольнения 1899 г., читал общий курс истории Средних веков³. С третьего курса Л.П. Карсавин начинает посе-

---

ников А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX—начала XX в. // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 231—261; *Шперзахе К.* История науки как история конфликтов (на примере дискуссий в теории литературы // НЛО. 2009. № 96. С. 9—16; *Мост Г.У.* Век столкновений: как немецкие антиковеды XIX столетия упорядочивали свои дебаты // Там же. С. 17—27; *Тротман-Валлер С.* Филология вещей или филология слов? История одного спора и его сегодняшние продолжения // Там же. С. 28—41; *Чесноков В.И.* Правительственная политика и историческая наука России 60—70 годов XIX века. Исследовательские очерки. Воронеж, 1989. В последней работе много внимания уделяется описанию различных «университетских» конфликтов, однако они рассматриваются исключительно как следствие правительственной политики в области образования.

² *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 9—42.

³ Речь идет не столько о прямом использовании методики Гирца — это вряд ли возможно без «включенного наблюдения». Мы попытаемся ориентироваться на ее принципы как на «идеал».

⁴ К сожалению, нам остались недоступны письма Л.П. Карсавина к Е.Ч. Скржинской, способные, судя по всему, несколько скорректировать воссоздаваемую нами картину, и письма из архива в Вильнюсе. Последние частично опубликованы, см.: Архив Л.П. Карсавина. Вильнюс, 2002. Вып. 1. Семейная корреспонденция. Неопубликованные труды / Сост., предисл., коммент. П.И. Ивинского.

щать семинарий профессора. Сам Л.П. Карсавин в письме к С.А. Венгерову описывает этот период как время пробуждения интереса к научной деятельности. «Воспитание мое отличалось полным отсутствием какой-либо системы и заботы о нем и довольно рано закончилось участием в беспокойной семейной жизни. В 1901 окончил гимназию с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет, руководствуясь случайным влечением к философии, но в университете занятия ограничились прочтением нескольких книг. Вообще первые два года в университете занимался мало, отчасти подавленный неврастенией, отчасти занятый уроками и одно время будучи «интеллигентным статистом» в Александр. театре. Заниматься историей начал совершенно случайно под влиянием И.М. Гревса, в семинариях которого занимался последние три года пребывания в университете»⁵. Комментируя данное письмо, безусловно, можно усомниться в том, насколько адекватно Л.П. Карсавин описывает собственную «неинтеллектуальность». Так, например, его сестра, знаменитая балерина Т.П. Карсавина в своих воспоминаниях пишет, что с детских лет Лев был «прирожденный философ»⁶, сформировавшийся под влиянием мамы — племянницы известного славянофила А.С. Хомякова. Но главное для нас сейчас не это. Главное — то, что именно с непосредственным влиянием И.М. Гревса сам Л.П. Карсавин связывает выработку собственной идентификации как ученого, говоря языком школьной социологии, успех «вторичной социализации» при вхождении в науку.

На последнем курсе Л.П. Карсавин под руководством И.М. Гревса работает над медальным сочинением «Апполинарий Сидоний как представитель общества падающей Римской империи и как источник для изучения эпохи», которое успешно защищает в 1906 г. Лев Платонович признавал значимость этой работы для своего профессионального развития и личностного становления: «Особенное значение для локализации моих занятий в средневековой истории я должен работе над удостоенным золотой медали сочинением на тему, данную Гревсом. Эта же тема, м.б., в связи с развившимся еще в детстве интересом к литературе, определила и характер моих интересов, направленных главным образом на историю духовной культуры»⁷.

И.М. Гревс в отзыве научного руководителя очень высоко оценил исследование своего ученика, отметив, что оно — «честная и умная работа, проникнутая знанием дела и любовью к нему, содержательная и скромная, живая и сдержанная. От всего сочинения веет искренним научным

⁵ Цит. по: *Савкин И.А.* Неизвестный Карсавин // *Логос: Санкт-Петербургские чтения по философии культуры.* СПб., 1992. Кн. 2: Российский духовный опыт. С. 165—166.

⁶ *Карсавина Т.П.* Театральная улица. Л., 1973.

⁷ Цит. по: *Савкин И.А.* Неизвестный Карсавин. С. 166.

одушевлением, и это особенно радостно и ценно видеть и чувствовать в момент охлаждения нашего юношества к научному труду»⁸. Позднее, не без помощи И.М. Гревса, расширенные и дополненные фрагменты медального сочинения Л.П. Карсавина были опубликованы⁹.

Хочется обратить внимание на то, что Гревс оценивает научную работу Л.П. Карсавина, используя этические категории («честная», «скромная» и т.д.). Представляется, что это не просто стилистическая инерция, но и указание на его собственное понимание науки (не как «службы», а как «дела жизни»). Кроме того, Иван Михайлович употребляет в описании исследования ученика те эпитеты, которые созвучны его индивидуальному видению идеала науки, что свидетельствует о близости ученика и учителя (по крайней мере в восприятии последнего). Л.П. Карсавин для него «свой», в смысле родной и близкий. Можно согласиться с М.А. Бойцовым: «К Карсавину Гревс благоволил особенным образом и возлагал на него серьезные надежды»¹⁰. Гораздо позднее, по воспоминаниям А.В. Карташева, И.М. Гревс назовет Л.П. Карсавина самым талантливым («сверхдаровитым»)¹¹ из своих учеников.

По рекомендации Ивана Михайловича Л.П. Карсавин, получивший по окончании университета диплом 1-й степени и золотую медаль, был «оставлен при кафедре для приготовления к профессорскому званию»¹². В июне 1906 г. он отправляется в путешествие по Европе. Маршрут пролегал через Австрию в Италию. Именно с этого времени начинается личная переписка Л.П. Карсавина и И.М. Гревса.

Пытаясь выявить образ имплицитного автора первых (составленных в Италии в 1906 г.) писем Карсавина И.М. Гревсу, мы должны признать, что Лев Платонович позиционирует себя в них как верный, близкий и последовательный ученик, если употребить не совсем удачный термин, — ученик «ортодоксальный»¹³.

Во-первых, Л.П. Карсавин пишет довольно часто и подробно, рассказывая учителю о последних новостях и мелких забавных подробностях

⁸ Отчет о деятельности Санкт-Петербургского университета за 1905 год. СПб., 1906. С. 138, 141. См. также: РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 559. Л. 71—75.

⁹ Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи: политические взгляды Сидония Апполинария // ЖМНП. 1908, июль. № 2. С. 285—336; Он же. Магнаты конца Римской империи: быт и религия // К 25-летию... С. 1—62.

¹⁰ Бойцов М.А.¹ Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна // Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. 2-е изд. М., 1992. С. 6.

¹¹ Карташев А.В. Лев Платонович Карсавин (1882—1952) // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб., 1994. С. 471.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10049. Л. 17.

¹³ Затруднение употребления термина «ортодоксальный» объясняется декларативным стремлением И.М. Гревса воспитывать в своих учениках «свободную, творческую личность».

(«Чувствую, что надоедаю Вам этими мелочами, и знаю, что не умею ничего рассказывать житейского, но очень живые впечатления остались от этих мелочей»¹⁴), и о том важном, интимном, сокровенном, о чем можно рассказать самому близкому человеку, способному понять, и отношения с которым абсолютно прозрачны, без недомолвок. Иван Михайлович, действительно, обладал интуитивным даром — через не всегда удачно найденные фразы и слова — понять глубинное содержание написанного Карсавиным.

В письмах к Гревсу Лев Платонович, по собственному признанию, словоохотлив и даже болтлив; ему принципиально важно ввести в «круг пережитого» самого дорогого человека — Учителя. Поэтому Карсавин так настойчив в стремлении поделиться личными, интимными впечатлениями об Италии и итальянском искусстве. Важно вспомнить существовавший в окружении Гревса «культ Италии», сознательно им создававшийся и культивировавшийся. Любовь к ней Иван Михайлович прививал своим ученикам¹⁵.

Во-вторых, мы видим близость не только «человеческую», но и идейную. Судя по письмам 1906 г., И.М. Гревс и Л.П. Карсавин — единомышленники. У них общие ценности, в том числе и политические. Впоследствии крайне негативно относящийся к либерализму, в этот период Карсавин разделяет политические взгляды учителя. Так, например, он сочувственно пишет о судьбе Государственной думы, разогнанной правительством.

Посещая итальянские города, Л.П. Карсавин в письмах старается четко следовать плану и методике «культурных экскурсий», разработанных на тот момент И.М. Гревсом. Как известно, для последнего данные идеи обладали принципиальной важностью¹⁶. Лев Платонович был страшно разочарован, если в чем-то ему не удавалось осуществить намеченный план.

В полном соответствии с гревсовской программой, Карсавин в своих посланиях описывает собственные «постижения» произведений искусств и исторических мест: «Как хорошо и приятно стараться отгадать его (Франциска Ассизского) душевную жизнь по его любимым местам»¹⁷.

Кроме того, Л.П. Карсавин выступает в качестве «разведчика», готовящего запланированную на следующий год первую коллективную поездку в Италию учеников И.М. Гревса. К этой ответственной миссии он относится весьма трепетно: «Я веду точную смету расходов, думая о путешествии будущего года. Вероятно, что путешествие в Италию возможно более, чем со скромными средствами»¹⁸.

¹⁴ Российская историческая мысль... С. 35.

¹⁵ См.: Рутенбург В.И. Встречи Гревса с Италией // Россия и Италия. М., 1993. С. 306—315.

¹⁶ Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсий И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2005. С. 419—475.

¹⁷ Российская историческая мысль... С. 34.

¹⁸ Там же. С. 32.

В-третьих, перед нам переписка людей, имеющих единый круг общения. Чаще всего в качестве близкого окружения в письмах Л.П. Карсавина упоминаются другие ученики Гревса. В рамках данного круга есть свои симпатии (самым близким другом Л.П. Карсавина на долгие годы стал Н.П. Оттокар¹⁹) и антипатии (другой ученик Ивана Михайловича — П.Б. Шаскольский), но это все «свои». Да и традиционные «приветы» семье и от семьи претендуют на то, чтобы выйти за рамки чистых обязательных формальностей жанра.

Итак, первые эпistolы, написанные Л.П. Карсавиным И.М. Гревсу, — письма из Италии 1906 г. — рисуют идиллические отношения между учителем и учеником. Для нас даже неважно, насколько искренне Л.П. Карсавин принимает «правила игры», предложенные И.М. Гревсом, существенно то, что он их принимает.

Карсавин подчеркивает сохранение и инерцию дистанции «учитель—ученик» не просто как устойчивых ролевых позиций, а как фактора, сковывающего общение: «...Вероятно, мешали несколько писать и остатки ученического страха: прежде, когда я меньше знал Вас, я боялся очень надоедать; теперь же, хотя я и не боюсь этого, но чувство остается»²⁰. Лев Платонович принимает роль «ученика», но тяготеет к ею.

Гревс, как известно, был принципиальным противником сутубо формального стиля научного руководства. Иван Михайлович полагал, что наставник должен стать для своего ученика настоящим «учителем жизни» с большой буквы. По воспоминаниям Н.П. Анциферова, профессор готов был ради «интимного», «задушевного», личностного общения сломать формальные рамки дистанции между учеником и учителем. «Еще на 1-м курсе Иван Михайлович говорил нам, что кафедра часто отгораживает профессора стеной от его слушателей. Он пригласил интересующихся его курсом прийти вечером побеседовать с ним на заинтересовавшие нас темы»²¹. «Сближению с Иваном Михайловичем содействовало и то, что мы занимались у него на дому и, свободные от звонков, возвещавших о конце занятий, засиживались порой до позднего часа»²².

При этом понятно, что в восприятии И.М. Гревса учитель должен с одной стороны, нести ученикам некий набор абсолютных, истинных (прогрессивных) идей, которыми обладает сам, а с другой, — научить выполнять «работу культуры» по известным ему правилам.

¹⁹ Комолова Н.П. Профессор Флорентийского университета Н.П. Оттокар // Россия и Италия. М., 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 157—164; Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар (русский исследователь политического устройства средневековой Европы) // Зарубежная Россия 1917—1945. СПб., 2004. С. 79—104.

²⁰ Российская историческая мысль... С. 45.

²¹ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 171.

²² Там же.

Возвратившись в Россию, Л.П. Карсавин начинает преподавать историю в различных учебных заведениях Санкт-Петербурга²³, параллельно он задействован в семинарии И.М. Гревса, посвященном изучению источников по истории раннего францисканства. Впоследствии медиевист опубликует несколько статей по этой проблематике²⁴.

В 1907 г. Карсавин принимает участие в организованной Иваном Михайловичем экскурсии в Италию. Сам профессор очень высоко оценил помощь ученика в ее проведении, да и в целом экскурсия казалась ему удачным (чтобы не сказать образцовым) опытом подобного рода деятельности²⁵.

В 1909 г. по рекомендации Гревса Лев Платонович избирается секретарем секции всеобщей истории Исторического общества, где выступает с рядом докладов. При поддержке Ивана Михайловича, бывшего тогда деканом историко-филологического отделения, он назначен постоянным преподавателем на ВЖК.

Наряду с другими учениками Л.П. Карсавин принимает участие в чествовании И.М. Гревса²⁶. В 1911 г. он совместно с О.А. Добиаш-Рождественской и Г.П. Федотовым редактирует юбилейный сборник «К 25-летию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса», снабженный соответствующим предисловием.

Продолжается поддерживаемое И.М. Гревсом вхождение Л.П. Карсавина в институционализированные структуры научного мира. По предложению И.М. Гревса, курировавшего раздел средневековой истории в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, Л.П. Карсавин пишет для него ряд статей²⁷. Впрочем, переписка с Иваном Михайловичем свидетельствует о том, что Л.П. Карсавин не ограничился обязанностями одного из авторов, включившись в организационную редакторскую работу. С июля 1912 г. он становится приват-доцентом университета²⁸. В том же году издает магистерскую дис-

²³ Л.П. Карсавин в 1906—1910 гг. «состоял преподавателем в Гимназии Императорского человеколюбивого общества и в Женской гимназии Прокопьевой. В 1908—1910 читал курс по “истории быта” в Училище барона Штиглица. В 1909—1910 году преподавал историю в Императорском филологическом институте и в Политехническом институте». См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д.10049. Л. 17. С 1908 г. преподавал на ВЖК.

²⁴ Карсавин Л.П. *Speculum Perfectionis* и его источники (*Speculum Perfectionis, Scripta Leonis* и *Speculum* Лемменса) // ЖМНП. 1908, июль. № 7. С. 103—141; *Он же*. *Speculum Perfectionis* и его источники (*Speculum* и легенда Челано) // ЖМНП. 1909, май. № 5. С. 22—56; *Он же*. К вопросу о *Speculum Perfectionis* (Списки *Speculi* и *Legenda Antiqua*) // Историческое обозрение. 1909. Т. 15, отд. 1. С. 1—21.

²⁵ Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий»...

²⁶ Александр Евгеньевич Пресняков... С. 652.

²⁷ *Bibliographie des oeuvres de Lev Karsavine*. Paris, 1994. P. 28—29.

²⁸ Согласно Университетскому уставу 1884 г., приват-доцент не получал штатного жалования (ст. 27).

сертацию «Очерки религиозной жизни в Италии в XII—XIII веках», которую успешно защищает 12 мая 1913 г.

Но отношения с учителем перестают быть безоблачными.

Этот рубеж впоследствии в письме к Л.П. Карсавину в 1917 г. обозначит и сам И.М. Гревс: «Наши с Вами отношения до сих пор слагались двумя фазами: в первой духовная наша близость росла во мне, принимая характер чувства отца к сыну и учителя к любимому ученику, лучшей надежде на будущее. Не знаю, как развивалось это отношение в Вас и насколько реально или иллюзорно было мое ощущение чего-то однородного. Высшим моментом близости рисуется мне тот год, когда я жил на 14-й линии один (1908—1909 уч. г.) и затем следующий (год моего первого юбилея), когда я приезжал к Вам в Порто Фино, а Вы ко мне в Париж. Потом пошел упадок, после возвращения Вашего из-за границы и особенно после Вашего магистерского диспута. Те слова, сказанные Вами, что Вы должны сделать выбор между духовным союзом со мной и сближением с другим кругом, являются символом начавшегося поворота. Разлад общедуховный и научный, подчеркнул содержанием и направлением Вашей второй диссертацией, а затем Вашим поведением за последние два года»²⁹.

Разлад в этот период проявился, во-первых, в демонстративно прохладном отношении Л. П. Карсавина и его друга Н.П. Оттокара к методике (и соответственно — «философии») гревсовских экскурсий³⁰. Критическое отношение стало явным во время подготовки и проведения второй итальянской экскурсии 1912 г. Л.П. Карсавин, как и Н.П. Оттокар, принимал участие в чтении т.н. подготовительных лекций, которые по замыслу И.М. Гревса являлись важной частью образовательной экскурсии. Первый читал курс по истории францисканства, второй — о средневековом городе и Флоренции XIII—XIV вв.³¹ У И.М. Гревса были большие планы, связанные с дальнейшим привлечением обоих ученых к проведению экскурсии, но им не суждено было осуществиться. Н.П. Оттокар еще до начала поездки написал учителю письмо, подвергающее сомнению основы гревсовского понимания экскурсионной работы³², а Л.П. Карсавин и вовсе отказался участвовать в итальянской части путешествия. Единственное, что удалось сделать И.М. Гревсу, так это уговорить Льва Платоновича «побеседовать» с экскурсантами дс

²⁹ Российская историческая мысль...

³⁰ По-видимому, это должно было быть особенно болезненно для И.М. Гревса который считал «доброжелательное отношение друг к другу» одним из «основных требований» к экскурсии. См.: ПФА РАН Ф. 726. Оп. 1. Д. 187. Л. 221

³¹ Человек с открытым сердцем... С. 282. Используя данное издание, мы вполне отдаем себе отчет в его недостатках (см.: Горфункель А.Х. Плоды безответственности и невежества // СВ. М., 2006. Вып. 67. С. 326—340).

³² Там же. С. 284.

отъезда из России. Но и эта встреча не привела к ожидаемым организатором результатам. «Новым надрывом было возвращение Карсавина в Россию раньше, чем ожидалось. Это лишило меня одного сотрудника, на которого я также (может быть, напрасно) в некоторых отношениях полагался. Я его пригласил на одно из собраний по окончательной выработке плана действий в Италии, и он произвел неприятное впечатление своим кисло-равнодушным поведением. Это было еще одно из тяжелых предэкскурсионных переживаний»³³.

Восторженный летописец итальянской экскурсии 1912 г. Н.П. Анциферов также недоброжелательно воспринял «напутственное слово» Л.П. Карсавина. «Иван Михайлович хотел устроить нашу встречу со своим учеником Л.П. Карсавиным. Я его тогда увидел впервые. Смуглый и худой, похожий на свою сестру, всемирно известную балерину, Лев Платонович был очень красив, но красив декоративно. Тонкие черты лица, прямой, словно точеный нос, узкая черная борода. Профессорские длинные волосы ложились на чуть приподнятые плечи. В его умном сосредоточенном лице было мало мягкости, доброты и той светлой одухотворенности, которые так характерны были для его учителя — И.М. Гревса. Что-то затаенное и недобро-насмешливое поразило меня в этом значительном лице талантливейшего молодого ученого. Мне показалось, что он счел “сентиментальными” слова Ивана Михайловича, просившего сказать нам “напутственное слово”. В глазах Льва Платоновича эта сцена была натянутой. Он недолго побеседовал с нами, но ничего значительного, запомнившегося мне, не сказал»³⁴. Следует, впрочем, отметить, что эти слова написаны Н.П. Анциферовым уже после окончательного разрыва между И.М. Гревсом и Л.П. Карсавиным, и данный факт, безусловно, наложил отпечаток на авторский текст.

«Старшие ученики», пережившие первую экскурсию без какого-либо выражения несогласия, теперь весьма скептически отнеслись к идее «вживания», интуитивного погружения в материал и не стали скрывать этого. Н.П. Оттокар скептически называл гревсовскую установку интуитивно «почувствовать дух места» лунатизмом.

Многие внимательные коллеги также увидели в этом казусе исток серьезного конфликта. Н.Н. Платонова, жена известного историка С.Ф. Платонова, зафиксировала в своем дневнике разговор с приятелем Л.П. Карсавина — А.Е. Пресняковым: «Что касается отношений между Гревсом с одной стороны и Карсавиным и Оттокаром — с другой, то, по словам Пр[есняко]ва, рознь между ними обнаружилась давно и (сказалась) резко уже во время экскурсии в Италию Гревса с его уче-

³³ Там же. С. 284—285.

³⁴ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 281.

никами и ученицами. Тогда во Флоренции были Оттокар и Головань, и Гревс сам просил их показать эк[скур]сии город. Они и начали делать это как специалисты, со строго научной точки зрения, отмечая всё то легендарное, над чем Гревс с экскурсией уже успел пролить несколько слез умиления. Их объяснения до такой степени шли вразрез с настроениями Гревса, что, н[априме]р, на гору Флеоле Гревс повел экскурсию один, тихонько от Отт[ока]ра и Г[олова]ня, читая там по-итальянски <...> Притом часть экскурсанток плакала от умиления, а другая часть не только не умилилась, а напротив, возмутилась, и, вернувшись во Фл[оренц]ию, всё рассказала Г[олова]ню и Отт[ока]ру»³⁵.

При этом показательно, что в восприятии современников ученики крикуют «излишний романтизм» учителя с позиций научной рациональности и здравого смысла. Другими словами, они выступают в бóльшей степени классическими учеными-скептиками, чем он сам. Ученики не разделяют претензии учителей на роли «пророков абсолютной духовности».

Далеко не столь восторженным, как отклик на кандидатское сочинение, был отзыв И.М. Гревса на магистерскую диссертацию Л.П. Карсавина «Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков». Отмечая многочисленные, на его взгляд, достоинства книги, он в то же время подчеркивает недостаточную четкость и строгость конструкции, неубедительность некоторых теоретических положений. И.М. Гревс пишет, что преобладание интуитивного момента «оттесняет другие необходимые орудия исторического познания — ясное определение и расчленение понятий, иногда точность и осторожность в интерпретации текстов, аккуратность в работе и сдержанность суждений, чувство меры в собственных теориях и домыслах»³⁶.

Меняются тон и характер переписки.

Писем становится намного меньше. Где-то с 1910 г. появляется выраженный мотив возможной ссоры, способной испортить отношения. Лев Платонович, многократно и демонстративно прося прощения за мелочи, указывает на возможность ссоры, тем самым признавая ее реальность. Используя метафору самого Карсавина, ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: «На чистом небе появились первые тучки»; «слишком дорога мне Ваша дружба, слишком не хочется, чтобы отношения омрачались какими-то мелочами»;³⁷ «мне почему-то казалось, что Вы на меня сердитесь»³⁸. Л.П. Карсавин подчеркивает и сохранившуюся, вопреки утверждениям ранних писем, «ролевою» дистанцию: «К тому же

³⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5695. Л. 103 об.

³⁶ Гревс И.М. Рец. на: Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни... // Научный исторический журнал. 1913. Т. 1. Вып. 1. С. 82.

³⁷ Российская историческая мысль... С. 54.

³⁸ Там же. С. 71.

в отношении моем к Вам есть элемент, и большой, почтения младшего к старшему, а это обязывает (психологически, конечно) к сдержанности»³⁹. Последняя фраза, на наш взгляд, является очень важной — Л.П. Карсавин указывает на различие в возрасте (и статусе) как на препятствие для полной «открытости» личных отношений.

В это же время в переписке появляется и еще одна новая тема. В своих письмах Лев Платонович неоднократно делится с И.М. Гревсом своими сомнениями как по поводу собственной научной работы, так и насчет норм и традиций современной исторической науки в целом. Безусловно, с одной стороны, перед нами показатель искренности отношений, но с другой, — маркер некоего кризиса идентификации, формирование которой связано с влиянием И.М. Гревса. Л.П. Карсавину становится «некомфортно» быть «рядовым» ученым в рамках «просто» науки. Теперь он пытается определить себя как «ученого-романтика»⁴⁰ (со всеми вытекающими отсюда коннотациями). Мотив «неудовлетворения собственной профессиональной деятельностью» остается основным до самого конца личной переписки. «Неудовлетворенность наукой» часто выражается в едкой критике отдельных ученых и коллег. Из последних особенно достается, например, К.В. Флоровской. Из этих неприязненных оценок, раздаваемых Л.П. Карсавиным, и вырастает первый, отраженный в переписке конфликт. Послание Льва Платоновича от 14 мая 1913 г. оказывается «рубежным» — переписка из общения между «своими», близкими людьми превращается в выяснение отношений. Кстати сказать, по собственным словам Карсавина, он предпочитал переписку личной беседе как форме демонстрации позиций. И так, как говорил В.Б. Шкловский, «извиняюсь за длинную цитату», кстати сказать, далеко не последнюю, поскольку нам важно «дать выговориться» самим участникам конфликта: «Это очень важно и для Вас, и для меня, и для наших отношений, в которых мне не хотелось бы чувствовать облачности. Мне как-то не пришлось с Вами ни разу, как следует, заговорить об этом. А между тем, я хорошо знаю, что в этих вопросах много горечи у Вас и от меня. Я не стану утверждать, что эта горечь только плод недоразумения и заранее готов признать себя виноватым во многом. Но всё же уверен, что многое тут происходит от недоговоренности и невыясненности <...> Я не стану сейчас предупреждать Вашего впечатления, а хочу только подчеркнуть некоторые особенности своего характера, обманывающие других. По некоторым данным, правда мелким, я заметил, что Вы придаете чрезмерное значение моей горделивости, самомнению, или назовите как хотите эту неприятную

³⁹ Там же. С. 54.

⁴⁰ Российская историческая мысль... С. 76.

черту. Вот это я решительно отвергаю. Я совершенно убежден, что гордыни во мне мало, что, напротив, я очень сомневаюсь в себе, не верю себе. Ведь горделивость эта чаще всего бравада, заглушающая червя самомнения. Ведь вера в себя — минутна, а сомнение длительно и часто. Я и теперь сомневаюсь в своих способностях и силах и не верю себе даже в минуты увлечения. И критиканство — тоже внешность <...> Но, может быть, и есть некоторая правда в обвинениях. Конечно, ее бы не было, если бы она не связывалась с интимными сторонами духа, с существом. Тут есть что-то идущее изнутри, какая-то потребность в самоутверждении, в вере в себя, и всё же этой веры нет. И отсутствие ее болезненно, от сознания, что плохо делаешь свое дело, недобросовестно и невежественно. Потому, что лекции мои невежественны и непродуманы, и незрелы»⁴¹. Итак, у Карсавина налицо «кризис идентичности» (по Э. Эриксону), что приводит к ухудшению отношений с И.М. Гревсом.

Хотя в 1914 г. Лев Платонович пишет для газеты «Речь» дежурную юбилейную заметку об учителе⁴², посвященную 30-летию его научно-педагогической деятельности, отношения становятся всё более и более напряженными.

В откровенно скандальной форме они выходят на первый план в период подготовки и проведения (27 марта 1916 г.) докторского диспута Л.П. Карсавина. Вот как описывает свои впечатления Н.Н. Платонова: «Вчера был докт. диспут Карсавина. Выступали Гревс (хорошо), Grimm (неважно) и Добиаш-Рождественская. Диспут был хороший, хотя от самого Карсавина все-таки смутное впечатление: конечно, он очень талантлив, очень много работает, прекрасно знает эпоху (XII—XIII вв.), но как-то чувствуется, что он знает себе цену и его позиции сдвинуть ничем невозможно; на все возражения он отвечает: это для меня не важно, это не интересно <...> “Переоценка ценностей” — его стихия. Пресняков, его большой приятель (в предисловии к своей книге К[арсавин]н воздает благодарность только ему и — еще большую — Оттокару) говорит — мудреный он человек и, во всяком случае, большой озорник. Ни в книге (кажется), ни на диспуте никакого пиетета по адресу своего учителя Гревса он не высказал. Как-то перед диспутом он был у нас и, между прочим, сказал о Гревсе: я его очень люблю (<...> мне как-то инстинктивно не верится в это) и многим ему обязан, но на-

⁴¹ Российская историческая мысль... С. 89—90. Следует обратить внимание на то, что большинство источников личного происхождения, описывающих конфликты, крайне субъективны и эмоционально окрашены. Они как бы несут в себе «инерцию конфликта». Возможно, в какой-то степени эта инерция присутствует и в нашем тексте.

⁴² Карсавин Л.П. И.М. Гревс // Речь. 1914, 14 мая. С. 2.

хожу, что вся жизнь его — сплошная трагедия: хотел быть ученым — не вышло, хотел быть педагогом — тоже не вышло, и сам это осознает и мучится. М. б., это и так, но в таком случае, мне кажется, К[арсави]ну, к[а]к ученику, в научном отношении переросшему своего учителя, следовало бы быть по отношению к нему особо тактичным и осторожным, а этого совсем нет. После диспута Верочка слышала через Дербрянскую, что кружок учеников Гревса страшно возмущен поведением К[арсави]на на диспуте, считает его нахалом, находят, что к возражениям Добиаш-Р[ождествен]ской он отнесся прямо с пренебрежением, хотя они были очень существенны, что он нарочно попросил Гревса указать все мелочи в книге, чтобы не оставить ему времени для существенных возражений и т.д. Мы и раньше слушали, что правоверные ученики Гревса давно предали проклятью К[арсави]на, находя, что у него *ni foi, ni loi*. Началось это, мне кажется, с того, что К[арсави]н перерос во многих отношениях Гревса и его присных»⁴³.

Рассказы о «скандальности» защиты вышли за пределы сообщества столичных историков и дошли до московских коллег. «Петрушевский вчера был у меня, оживленный, между прочим со слов Гревса говорил, что Карсавин держал себя слишком важно на диспуте, и что Гревс разочаровался в Карсавине; сам Петрушевский — с чужих слов — отзывается о Карсавине необыкновенно резко. Сакулин был на диспуте Карсавина, хотя не досидел до конца и подтвердил, что Карсавин держался высокомерно, жаловался в неприлично короткой вступительной речи, что факультет слишком долго откладывал его диспут и на упреки в неточностях, что кроме историков, нашпиливающих факты на булавку, есть историк, пытающийся узреть смысл великих загадок»⁴⁴.

Новая работа Л.П. Карсавина «Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках преимущественно в Италии», действительно, была новаторским с точки зрения тематики и методологии исследованием, серьезно расходившимся с традициями позитивистской историографии⁴⁵. В силу этого научным сообществом историков монография была принята весьма неоднозначно⁴⁶.

⁴³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5695. Л. 102—103.

⁴⁴ Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908—1917 гг. / Отв. ред А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М.; СПб., 2015. С. 415.

⁴⁵ Ястребицкая А.Л. Лев Платонович Карсавин: творчество...; Степанов Б.Е. Проблема достоверности...

⁴⁶ Добиаш-Рождественская О.А. Религиозная психология Средневековья в исследованиях русского ученого // Русская мысль. 1916. № 4. С. 22—28; Егоров Д.Н. Средневековая религиозность и труд Л.П. Карсавина // Исторические известия. 1916. № 2. С. 85—106; Он же. Ответ Л.П. Карсавину // Там же. № 3—4. С. 148—157; Пузино И.В. Некоторые замечания о книге Карсавина «Основы средневековой...» // Там же. 1916. № 1. С. 94—98; Кареев Н.И. Общий «религиозный фонд»

Докторскую диссертацию ученика И.М. Гревс воспринял достаточно болезненно. Он долго работает над отзывом, и защиту диссертации приходится несколько раз переносить⁴⁷, что, в свою очередь, вызывает естественное недовольство Л.П. Карсавина. А.Е. Пресняков в письме жене замечает: «Гревс и Кареев “рвут и мечут” против диссертации Карсавина <...> За то, что там много “неприличных” цитат! <...> Вокруг этой диссертации много еще разыграется нелепого и неприятного»⁴⁸. Своим замечаниям И.М. Гревс придавал принципиальное значение и был очень обижен, что ни на самом диспуте, ни позже Лев Платонович не стал отвечать на них содержательно.

В архиве И.М. Гревса хранится папка с большим количеством подготовительных материалов к отзыву на диссертацию Карсавина. Профессор тщательно прорабатывал текст, делая многочисленные заметки с вопросами и замечаниями. Сам отзыв он неоднократно переписывал. Итоговый вариант, датируемый 13 февраля 1916 г., оказался крайне нелицеприятным для диссертанта. Признавая, что за представленную работу автор «может вполне быть удостоен искомой степени»⁴⁹, рецензент затем формулирует свои многочисленные замечания. По объему они составляют большую часть отзыва. И.М. Гревс признает, что «предъявляемые возражения вытекают из многочисленных разногласий автора и критика в центральных задачах и путях исторического исследования и в его суждениях и выводах о характере изучаемой эпохи. Эти возражения представляют спор, а не отрицание»⁵⁰. Возражения, действительно, носят принципиальный характер и заключаются в нескольких пунктах. Во-первых, И.М. Гревс последовательно критикует центральные понятия теоретической конструкции диссертации Л.П. Карсавина. Непродуктивным он считает «статический» подход, поскольку любое явление исторично, оно имеет свои истоки, причины и динамику, изменяется под воздействием целого ряда факторов и, кроме того, следует своей внутренней логике. «Статический» подход не позволяет зафиксировать это и, соответственно, создает редуцированную, неадекватную картину изучаемого явления. «Труд Л.П. Карсавина малоисторичен»⁵¹. Для И.М. Гревса понять

и индивидуализация религии // Русские записки. 1916. № 9. С. 196—223. Наиболее критичным был отзыв Д.Н. Егорова. Опасаясь скандала, коллеги даже не рекомендовали Егорову его публиковать (см.: *Богословский М.М. Дневники (1913—1919): Из собраний Государственного Исторического музея / Отв. ред. С.О. Шмидт, вступ. статья С.О. Шмидта; публ. и коммент. биограф справка Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. М., 2011. С. 246).*

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10049. Л. 45—49.

⁴⁸ Александр Евгеньевич Пресняков... С. 775.

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 165. Л. 3.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 165. Л. 16.

явление означает зафиксировать его генезис и истоки. Термин «религиозный фонд», по мнению рецензента, также используется автором неудачно. «Религиозный фонд» (в понимании И.М. Гревса) — это вся совокупность религиозных идей, выработанных культурой на определенном этапе ее развития. Соответственно, носителем религиозного фонда может быть либо изучающий его *post factum* историк, либо «великая личность», гений (например, Данте), осознавший общие тенденции и духовные потребности эпохи. Мнение Л.П. Карсавина о том, что «носителем религиозного фонда» является каждый человек, Гревсом решительно отвергается. Негативно оценивает Иван Михайлович и понятие «средний человек». Для него «средний человек» — это посредственность, которая и верит посредственно. Следовательно, изучать религиозность эпохи на примере «среднего человека» — изначально ложная посылка, приводящая к формированию искаженной картины. Отсюда получается, что круг источников, используемых Л.П. Карсавиным и связанных со «средним человеком» (труды «второстепенных» богословов, новеллы), мало что может дать для понимания религиозных поисков средневекового «индивида». Таким образом, исследование, построенное на ущербных теоретических основаниях, по мнению Гревса, само не может быть ущербно. Показательно, что Иван Михайлович не отбрасывает основные термины Л.П. Карсавина, а переинтерпретирует их, наделяя новым смыслом.

Во-вторых, книга Л.П. Карсавина, по мнению рецензента, «не лишена изящества», но бездоказательна. Основные выводы диссертанта оказываются абсолютно неверифицируемы, т.к. не хватает конвенционально принятой системы аргументации. И.М. Гревс требует индуктивности выводов, а Л.П. Карсавин, по его мнению, вначале умозрительно «придумал» средневековую религиозность, а потом «подобрал» иллюстрирующие ее красивые примеры. Подобный подход представляется Ивану Михайловичу «ненаучным» настолько, что он даже не может подобрать слова, чтобы сформулировать свои возражения. «Вы ничего не объясняете!»⁵² — пишет он в подготовительных материалах к отзыву. «Эпохи автор не дает»⁵³, синтез не подготовлен. «Так получается любопытная мозаика из выразительных подлинных рисунков, но спаянная и дополненная многими домыслами автора»⁵⁴.

В-третьих, используемые в тексте диссертации Л.П. Карсавина источники и взятые из них примеры вызывают у И.М. Гревса эстетическое и этическое неприятие. Забавные живописные казусы и скабрёзности не укладываются в конвенционально принятый и ожидаемый

⁵² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 165. Л. 24.

⁵³ Там же. Л. 15.

⁵⁴ Там же. Л. 14.

образ духовных поисков Средневековья как эпохи классической христианской религиозности. И.М. Гревс, по свидетельству очевидцев и судя по тексту отзыва, возмущенный этим, считает, что Карсавин увлекся поиском «забавного», неканонического, с трудом подбирает слова для критики. «Нельзя не протестовать против проявления автором пристрастия к расписыванию грубых сцен»⁵⁵.

Работа оказалась настолько неконвенциональной, что критиковать ее было крайне непросто.

В-четвертых, И.М. Гревс обращает внимание на «технические» недостатки работы. Здесь критику, конечно, проще. Он указывает на сумбурность изложения, недостатки структурирования текста, отмечает неточности перевода и т.д.

В отзыве звучат и экзистенциальные нотки: «Это очень трудная (подчас недостижимая) задача для критика удовлетворить автора, даже если он совпадает с ним во многом (автору всегда кажется, что именно самого главного у него не поняли), так бывает и тогда, когда оба расходятся. Последнее бывает тягостно для критика, искренне благожелательного, признающего силу автора, но принужденного к существенным ограничениям. Гораздо радостнее сходиться и идти в созвучии»⁵⁶.

Л.П. Карсавин, к обиде рецензента, зафиксированной многочисленными источниками, в том числе самим И.М. Гревсом, от содержательной полемики на диспуте уклонился.

Представляется важным отметить, что исход диспута кардинальным образом изменил статусные отношения между И.М. Гревсом и Л.П. Карсавиным. В 33 г. Лев Платонович стал доктором, которым И.М. Гревс не был. Он вырос из роли ученика, перестал нуждаться в поддержке и покровительстве. С 1906-го по 1915 г. за неполные десять лет Л.П. Карсавин достаточно быстро двигается вверх по иерархической статусной лестнице, уверенно обгоняя учителя. В «трудовых списках» И.М. Гревса с 1906 г. (избрание его деканом историко-филологического факультета ВЖК) и 1907 г. (назначение ординарным профессором университета) до отставки из университета в 1923 г. не отражено никакого карьерного роста⁵⁷. В его жизни за указанный период происходит только одно значительное событие, ставшее настоящей трагедией. В 1910 г. умирает младшая дочь Гревсов, Александра, потерю которой родители пережили очень тяжело. Л.П. Карсавин же в это время находится в Париже и каким-то образом серьезно поддержать учителя, конечно, не может.

⁵⁵ Там же. Л. 4.

⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 165. Л. 21—22.

⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 1148. Д. 1.

Доходы Л.П. Карсавина от преподавательской деятельности, согласно официальным данным, выросли и существенно превысили доходы И.М. Гревса⁵⁸.

Однако после защиты стремительное восхождение Карсавина по карьерной лестнице было заблокировано профессорами факультета. Будучи доктором, он оставался приват-доцентом вплоть до 1918 г. Корпорация профессоров, сомкнув ряды, не пускала в «круг избранных» Льва Платоновича, к огромному его неудовольствию.

Согласно ежегодным официальным «Отчетам Санкт-Петербургского университета», профессорский состав историко-филологического факультета в 1910-е гг. выглядит вполне стабильным⁵⁹. На начало 1914 г. отчеты фиксируют, например, следующую структуру. На десяти кафедрах факультета, предусмотренных уставом, работают девять штатных профессоров (Ф.А. Браун, Д.К. Петров, Д.В. Айналов, Э.Д. Гримм, С.А. Желелев, П.А. Лавров, М.И. Ростовцев, Б.А. Тураев и И.М. Гревс, «исполняющий должность ординарного профессора» как не имеющий степени доктора), три экстраординарных (И.Д. Андреев, И.И. Лапшин, С.В. Рождественский), два сверхштатных (Н.И. Кареев, А.А. Шахматов) и семь вне штата за выслугой лет (В.А. Ламанский, С.Ф. Платонов, И.А. Бодуэн де Куртэнэ, И.А. Шляпкин, С.Н. Булич, Ф.Ф. Зелинский, Н.Н. Плахов)⁶⁰. Фактически, они образовали единую корпорацию со своими общими интересами, которые по мере сил, используя административный ресурс, отстаивали⁶¹. Ротация кадров происходила, но достаточно медленно⁶². По словам Е.А. Ростовцева и Д.А. Барина, характеризующих ситуацию на факультете в этом отношении, «...борьба за профессорское место была здесь самой жесткой — из поступивших на службу после 1884 г. только 8 % младших преподавателей сумели достичь профессорской должности»⁶³.

⁵⁸ При этом следует обратить внимание на подсчеты Р. Бернса и Т. Бона, обосновавших вывод о том, что жалование профессора было явно недостаточным. См.: Бон Т.М. Русская историческая наука (1880 г.—1905 г.). Павел Николаевич Миллюков и московская школа. СПб., 2005. С. 37—44; Byrnes R.F. V.O. Kluchevskii, Historian of Russia. Bloomington, 1995. P. 105.

⁵⁹ Ростовцев Е.А., Барин Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии // Клио. Журнал для ученых. № 10 (82). 2013. С. 36—42.

⁶⁰ Отчет о деятельности Санкт-Петербургского университета за 1913 год. СПб., 1914.

⁶¹ Об институциональной основе «профессорской корпорации» в политическом контексте см.: Kassar S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989; McClelland J. Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tsarist Russia. Chicago, 1979.

⁶² В целом в качестве общей тенденции исследователи отмечают «старение» профессорского корпуса (см.: Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976; Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX—начале XX века. М., 1991).

⁶³ Ростовцев Е.А., Барин Д.А. Указ. соч. С. 37.

Зеленый свет был дан людям, засвидетельствовавшим свою лояльность по отношению к устоявшемуся порядку и его авгурам-профессорам. Приват-доцентское поколение 1910-х гг. столкнулось с проблемой невозможности профессиональной реализации и карьерного роста в рамках существующих столичных научных институций⁶⁴. Возможность профессиональной мобильности стала для них серьезной проблемой, и решали они ее (Г.В. Вернадский, Б. Д. Греков, Н.П. Оттокар, А.Е. Пресняков) «сугубо индивидуально».

Приват-доцентское положение не давало Л.П. Карсавину возможности читать общие курсы, а специальные курсы и просеминарии посещались небольшим количеством студентов. «На первую лекцию его курса по истории папства пришли три человека, я в том числе <...> и при том же числе слушателей, а порой и меньшем он весь год (1914/15) курс этот и читал; на иных бывал и я один <...> Не менее интересным был на следующий год его семинар по житиям и мистическим писаниям немецких святых монахинь той эпохи. Тут нас было уже человек десять»⁶⁵.

И в этот момент, пожалуй, кардинальным образом меняется поведение Л.П. Карсавина по отношению к И.М. Гревсу. Демонстративное неуважение к учителю, вернее, отсутствие почтения, требуемого традицией, — ключевой «жестовый» элемент нового поведения Л.П. Карсавина. Отсутствие внешнего пиетета в отношении Л.П. Карсавина к И.М. Гревсу, являвшегося нормой, с точки зрения научного сообщества, по крайней мере профессоров, — вот то, что отмечают и Н.П. Анциферов (автор, с большой теплотой относящийся к Гревсу), и Н.Н. Платонова (гревсовский недоброжелатель), и сам Иван Михайлович. Мир историко-филологического факультета на момент «вхождения» туда Л.П. Карсавина был организован как принципиальное противостояние двух профессорских кружков, условно говоря, — «либерального», к которому принадлежали И.М. Гревс, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, и «консервативного», образованного С.Ф. Платоновым и его единомышленниками. Речь идет, естественно, не столько о политическом противостоянии, сколько о «жизненной» групповой идеологии, задающей поведенческий режим и идентификацию. Любой человек, попадающий на факультет, оказывался между двумя полюсами, а потому непременно должен был определиться и примкнуть к тому или иному кружку⁶⁶. Подобное деление историко-филологического факультета на кружки сложилось в окончательном виде

⁶⁴ Бон Т.М. Указ. соч. С. 42—44.

⁶⁵ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 2. С. 121—122.

⁶⁶ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 1999. Вып. 1. С. 128—165; Свешников А.В., Корзун В.П., Мамонтова М.А. «Жизни наши»...

после смерти в 1910 г. Г.В. Форстена. При этом понятно, что кружки вовсе не включали в себя всех историков (и филологов), работавших на факультете, но они образовывали некие, условно говоря, силовые полюса, структурирующие поле⁶⁷. Все прочие преподаватели и сотрудники, не входившие непосредственно в кружки, тем не менее, себя — в индивидуальном и групповом плане — с ними соотносили.

Деление факультетского сообщества историков на кружки весьма подробно (и в то же время эмоционально) охарактеризовано в письмах А.Е. Преснякова к матери, воспринимавшего это достаточно болезненно. Так, описывая банкет после защиты диссертации Г.В. Форстена в марте 1894 г., он замечает: «Сели по всем правилам местничества: с одного конца сидели кончающие студенты с А.С. Лаппо-Данилевским, потом старшие Ламанский с Васильевским, потом посторонние университету, опять студенты, затем мы, кружок Платонова, с нами Форстен, рядом с нами пустой стул и прямо на противоположном конце Гревс с Кареевым. Мне это глаза колото, и завел я с Платоновым разговор по душе о причинах такого деления. <...> Он разъяснил мне, что кружки — его и Лаппо-Данилевского — различаются двумя признаками: те — дворяне по воспитанию, с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям; они же, т.е. платоновцы, — разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только личной дружбой, а не каким-нибудь общим кредо связанные между собой. По характеру ума они скептики, недовольные ныне господствующими порядками не менее тех, они не видят средства бороться и переносят их по внешности равнодушно, делая свое ученое и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременно согласия с собой и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям, даже мало симпатичным. Они не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их; попытки сближения были, но кончилось обидой для них же»⁶⁸. Для нас не столь важно сейчас, насколько адекватной и искренней была «застольная» рефлексия С.Ф. Платонова. Значимо то, что идея конфронтации, противостояния кружков проступает в ней достаточно отчетливо.

Кружки не просто пропагандируют четкое демонстративное деление на «своих» и «чужих», с вытекающими отсюда практиками поведения, но и требуют определенного «стиля речи и жизни». «Приподнятый тон

⁶⁷ Вводя понятие «поле», мы опираемся на теоретические работы П. Бурдьё.

⁶⁸ Александр Евгеньевич Пресняков... С. 133.

всей натуры Гревса очень симпатичен, но мы для него очень прозаичны и недостаточно носим внешнюю печать либерализма, которая во вкусе его кружка»⁶⁹, — писал ищущий сближения А.Е. Пресняков.

Л.П. Карсавин отказался от четкой ориентации на какой-либо из существовавших кружков профессоров. Это незамедлительно вызвало оценку его гревсовским кружком как предателя. Платоновский кружок, радуясь расколу в лагере противника, относился ко Льву Платоновичу настороженно. «Вообще же К[арсавин] — человек, который очень легко обижает, и потому от него хочется быть подальше, хотя и признаешь его очень интересным человеком»⁷⁰.

Болезненность реакции И.М. Гревса на охлаждение отношений с Л.П. Карсавиным, на наш взгляд, во многом объясняется сознательно выбранной им стратегией поведения. Как известно, близко к сердцу воспринимая неудачу собственной научной работы, И.М. Гревс сделал ставку на то, «чтобы реализовать себя в учениках». Об этом неоднократно говорил и он сам, и многие писавшие о нем. И с Л.П. Карсавиным, как мы помним, он связывал большие надежды. «А между тем Гревс именно Карсавина и Отт[ока]ра считает самыми крупными из своих учеников и высказал это на чествовании, устроенном по случаю 25-летия его научной деятельности: он произнес некоторым образом покаянную речь: очень мало за 25 лет удалось сделать, сравнительно с тем, что было задумано и т.п., он сказал, что некоторым утешением для него служат такие ученики, к[а]к Карсавин и Оттокар, — отвесил им чуть не земной поклон. Очень как-то неловко вспоминать об этом, говорит Пр[есняков], п[отому] ч[то] ведь и тогда было ясно, что и Карс[авин], и Отт[окар] по отношению к Гревсу — отщепенцы, и неужели сам Гревс этого не осознавал или, м.б., делал вид, что не сознает»⁷¹.

В этой связи в поле нашего внимания с неизбежностью попадает еще один герой — «действительно верный ученик» И.М. Гревса. Вернее, героиня — Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская⁷², с которой у Л.П. Карсавина всегда были натянутые отношения. В отличие от Льва Платоновича, она позиционировала себя как верный, последовательный и благодарный ученик, писала статью о Гревсе в «Новом энциклопедическом словаре», редактировала оба юбилейных сборника, поддерживала учителя во всех

⁶⁹ Там же. С. 208.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5695. Л. 103 об.

⁷¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5695. Л. 112 об.

⁷² О Добиаш-Рождественской см.: Каганович Б.С. О.А. Добиаш-Рождественская и ее научное наследие // ФЕ. 1982. М., 1984; Он же. Русские медиевисты...; Еришова В.М. О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988; Люблинская А.Д. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская // Портреты историков. Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. С. 155—166.

конфликтных ситуациях, возникавших на ВЖК и факультете. Об этом с негодованием пишет Н.Н. Платонова: «Недавно на В[ысших] Курсах было заседание Совета профессоров для обсуждения вопроса о ходатайстве перед министром о назначении Госуд. Комиссии на В[высших] Курсах. Все другие высшие уч. заведения уже ходатайствовали, получили разрешение, и состав комиссий уже predetermined, а В. Курсы только теперь занялись этим вопросом, причем оказалось, что те самые лица, которые раньше и слышать не хотели об этом деле (Гревс и К), теперь с упреком говорили директору Бунгу: “Почему вы раньше не хлопотали, опоздали, пропустили все сроки и т.д.?” И отношение к данному вопросу Гревса и его приспешников выразила Добиаш-Рождественская, сказав: необходимо хлопотать о Комиссии на Курсах, п.ч. прошел героический период в жизни Курсов и теперь нужно считаться с действительностью. Я должна сознаться, что при всем желании не могу понять, что эта фраза значит. Я знаю, что по мнению Гревса, его ученицы должны заниматься “для души”, что всякое соприкосновение с практическим применением полученных на Курсах знаний ему противно, что его прямо обжигает, напр[имер], обращение к нему его семинаристки с просьбой зачесть ей семинарий, что он будучи деканом, вовсе не считает своей обязанностью хлопотать о к.н. правах для слушательниц В[ысших] Курсов, облегчении получения диплома в Гос. Комиссии путем зачета тех или иных экзаменов, выдержанных во время пребывания на курсах, что к нему довольно бесполезно обращаться за справками и разъяснениями, п.ч. он глубоко презирает министерство и его требования и вовсе не желает с ними считаться. Я давно слышу от слушательниц В[ысших] Курсов, что для них прямо трагично иметь деканом человека, до такой степени не желающего считаться с формальной или юридической стороной прохождения и окончания курсов слуш[ательница]ми, из которых для многих это связано с вопросом о хлебе насущном. Но ведь всё это вытекает из самой сущности натуры Гревса и его единомышленников — при чем тут героический период в жизни Курсов? Скорее это для Гревса и К, есть уклонение в сторону от прежде провозглашенного принципа. Впрочем, я ведь никогда не могла понять логическую последовательность во многом, что говорил и делал Гревс, н[априме]р, он в дни своей молодости, так же к[а]к и теперь, относясь бесконечно отрицательно к Министерству и гнушаясь всякого соприкосновения с ним, тем не менее считал возможным на деньги этого самого мин[истер]ства провести в заграничной командировке в общей сложности пять с половиной лет: никто из молодых ученых не стоил так дорого Мин[истер]ству и Унив[ерсите]ту, как Гревс; положим, не сам он хлопотал об этих деньгах, а добывал их для него Васильевский, его учитель, возлагавший на него огромные надежды, но ведь знал же всё это и Гревс, и это не помешало ему, с одной стороны, принимать министер-

ские деньги, с другой — в некрологе покойного Вас[ильевско]го отнести к покойному с довольно ясно выраженным, отчасти именно за его являние с мин[инистерство]м и т.п.»⁷³.

И.М. Гревс, в свою очередь, также старался поддерживать О.А. Добиаш-Рождественскую. «Вчера на курсах было заседание Ис.-фил. отделения. В повестке было очень замысловатое выражение, смысл которого С.Ф. растолковали уже в заседании: когда около двух лет тому назад нужно было выбирать в профессора Курсы Ключкова, которого Гревс (декан) не выносил, то, чтобы как-нибудь затормозить дело, Гревс, не находя другого пути, так как Ключков ученую степень уже имел, придумал такое правило, согласно которому преподавание кафедрой предмета выполняется известным числом преподавателей-профессоров и за пределы этого числа (т.е. набирать лишних преподавателей-профессоров) выходить нельзя. Теперь, когда нужно избирать в профессора О.А. Добиаш-Рождественскую, ученицу и единомышленницу Гревса, а число профессоров по этому предмету заполнено, Гревс предложил заменить им самим предложенное правило на другое: что, раз у преподавателя есть ученая степень, он имеет право быть выбранным в профессора. Этот возмутило даже приспешников Гревса, напр[имер] Пресняков, который был вне себя от негодования по поводу такой гибкости Гревса и его правил. Вот и говорите после этого о nepoтизме в среде черносотенцев и бюрократов»⁷⁴.

Сам И.М. Гревс говорил о О.А. Добиаш-Рождественской: «И я могу назвать ее если не самой значительной среди моих учеников (первенство трудно сосчитать), то одной из превосходнейшей среди них»⁷⁵.

В результате охлаждения отношений с Л.П. Карсавиным и Н.П. Оттокаром именно О.А. Добиаш-Рождественская выходит на первый план в роли «любимой ученицы». Оценивая научное творчество О.А. Добиаш-Рождественской, И.М. Гревс писал: «Если я признаю за собой право назвать О.А. свою ученицей, то ощущаю и обязанность признать ее превосшедшей своего учителя в историческом искусстве. Делаю это искренно, открыто, свободно и охотно...»⁷⁶.

По обеим диссертациям Л. П. Карсавина О.А. Добиаш-Рождественская выступила в качестве принципиального и строгого критика⁷⁷.

⁷³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5695. Л. 93—95.

⁷⁴ Там же. Л. 9—10.

⁷⁵ Гревс И.М. О.А. Добиаш-Рождественская в годы учения (воспоминания учителя) // Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. С. 289.

⁷⁶ Гревс И.М. О.А. Добиаш-Рождественская в годы учения. С. 294—295.

⁷⁷ Добиаш-Рождественская О.А. Рец. на: Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни... // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 366—369; Она же. Религиозная психология в исследованиях русского ученого // Русская мысль. 1916. № 4. С. 22—28. Показательно, что реакция на диссертацию Л.П. Карсавина его друзей, Н.П. Оттокара

Крайне неоднозначную оценку она дает, например, докторской диссертации: «Книга Л.П. Карсавина своей конструкцией и осуществлением вызывает двойное чувство: удовлетворения и разочарования. Она станет, надо думать, любимой и вдохновляющей книгой образованных и чутких людей. Но многое мешает этому труду в его теперешнем виде стать настольной книгой медиевиста. В ней взято в слишком общем виде много интересных вопросов, и ответы на них даются почти догматически. Автор сплел душистый венок из отборных цветов, но вне его рук он быстро увядает, потому что они оторваны от корней»⁷⁸.

Личные отношения Л.П. Карсавина и О.А. Добиаш-Рождественской складывались непросто. Однако она, по свидетельству современников, пришла проводить «философский пароход»⁷⁹, а позже, возможно, встречалась с Л.П. Карсавиным за границей⁸⁰.

Специфика положения И.М. Гревса в его отношении с этими учениками очевидна даже для студентов. Вот что пишет в своих воспоминаниях поступивший в 1912 г. на историко-филологический факультет ученик И.М. Гревса В.В. Вейдле: «Иван Михайлович крупным ученым не был, но был замечательным университетским педагогом, и, кроме того, осмеянное уже и в те годы выражение “светлая личность” могла быть к нему безо всякой иронии применено. Разбираться в людях, находить таланты он умел очень хорошо, и таланты эти умел возвращать, обходясь с ними бережно и любовно»⁸¹. Среди «главных» учеников И.М. Гревса этого периода В.В. Вейдле называет Л.П. Карсавина, Н.П. Оттокара, Г.П. Федотова и О.А. Добиаш-Рождественскую, отмечая, «что она была ближе по духу к своему учителю, чем те три немножко

и А.Е. Преснякова, была достаточно положительной. «После всего, что кислого говорил о ней Grimm, после того уныния, какое она навела на самого Карсавина, я глазам своим не верю: страница за страницей идет живая, очень насыщенная новыми наблюдениями талантливая и умная книга» // Александр Евгеньевич Пресняков... С. 768. Референтная группа О.А. Добиаш-Рождественской, напротив, приняла книгу в штыки: «Кстати, мне случайно попала диссертация Л.П. Карсавина “Основы” и т.д., и я была совершенно разочарована: работа совсем второго сорта и даже не талантливо написана, не говорю уже о том, что за 15 лет она страшно устарела. Весь тон неприятен и неприемлем, нет внутренней Einfühlung с духом средневековья, эрудиция больше показная в соответствии со скользкой по поверхности мыслью. Поэтому и заключение такое куцее. Почти одновременно я перечла Вашу докторскую диссертацию (не напечатанную) и нашла ее великолепной», — пишет О.А. Добиаш-Рождественской М.И. Лот-Бородина, жена известного французского медиевиста Ф. Лота. (Цит. по: Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 118.)

⁷⁸ Добиаш-Рождественская О.А. Религиозная психология... С. 28.

⁷⁹ Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 90.

⁸⁰ Там же. С. 152.

⁸¹ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 2. С. 115.

более молодых его ученика»⁸². Эту же диспозицию в отношениях между И.М. Гревсом и его учениками зафиксировывает и Н.П. Анциферов. Характеризуя Л.П. Карсавина и Н.П. Оттокара, он пишет: «Отношения с этими учениками слагались тяжело для Ивана Михайловича, это были его блудные сыновья <...> Отношения с Ольгой Антоновной сложились много лучше. Она была ближе всего по духу Ивану Михайловичу из всех его учеников старшего поколения»⁸³.

В то же время следует отметить, что 1915—1916 гг. для Л.П. Карсавина — период напряженного профессионального и мировоззренческого поиска⁸⁴. Всё больше и больше в поведенческих «жестах» проявляются, во-первых, отчуждение от традиционной науки, во-вторых, воцерковленность, в-третьих, нарочито романтическое культивирование «сложности жизни». Пишутся первые работы Л.П. Карсавина, далекие от медиевистики. Поиск приводит ученого к совершению эпатажных — с точки зрения университетской профессуры — поступков⁸⁵.

Л.П. Карсавин «выходит за рамки», например, при обсуждении диссертации А.Г. Вульфуса⁸⁶. Он публично критикует работу до диспута, вызывая недовольство коллег, которые справедливо полагают, что это создает нездоровое напряжение⁸⁷.

Кроме того, Л.П. Карсавин открыто демонстрирует свои личные отношения с Е.Ч. Скржинской, что, по мнению профессорской корпорации, также выходит за рамки приличия. Б.Н. Лосский вспоминал, как Карсавин катался на дамском велосипеде Скржинской по длинному коридору здания Двенадцати коллегий⁸⁸.

Всё это, естественно, не могло не раздражать И.М. Гревса, и нашло отражение в последних письмах учителя и ученика (теперь уже бывших) друг другу.

⁸² Там же.

⁸³ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 178.

⁸⁴ Карташев А.В. Указ. соч. С. 472.

⁸⁵ Любопытно отметить, что нарочито эпатажными жестами в борьбе со старой профессурой за «новую науку» отличались в 1920-е гг. формалисты. См.: Дмитриев А., Левченко Я. Наука как прием: еще раз о методологическом наследии русского формализма // НЛО. 2001. № 50. С. 195—246.

⁸⁶ Свешников А.В. «Вот Вам...» С. 244—247.

⁸⁷ В этом плане любопытно, что негативная оценка Л.П. Карсавина как человека сомнительной репутации и нравственных принципов воспроизводилась впоследствии, уже в эмиграции, и людьми совершенно иного поколения — евразийцами. «Ваш план привлечения Карсавина мне очень не нравится, — пишет П.П. Сувчинскому Н.С. Трубецкой. — Верю, что он учен, умен и, может быть, талантливее многих. Но нравственно он подмочен и скомпрометирован» // Трубецкой Н.С. Письма П.П. Сувчинскому. 1921—1928. М., 2008. С. 90.

⁸⁸ Лосский Б.Н. Новая литературная дань Л.П. Карсавину // Русская мысль. № 4104. С. 13.

В августе 1915 г. И.М. Гревс пишет Л.П. Карсавину большое письмо, развивая идею двух периодов их взаимоотношений, первый из которых характеризуется «духовной близостью», второй (нынешний) — охлаждением отношений. «Казалось тогда, что мы так близко сошлись и так во многом гармонично созвучат наши души. Потом, наоборот, все стали обозначаться разнозвучия и диссонансы. Это не разрушало крепко выросшей в моем сердце любви к Вам: она живет во мне и поныне; но это нарушало простоту и доверчивость общения и тем лишило меня очень привлекательной стороны духовной жизни». Но в этом письме И.М. Гревс говорит о том, что, возможно, истоки конфликта сформировались еще в начальный период, позднее выйдя на первый план. «Вероятно, и тогда Вы оба меня критиковали, но не было того неприятного, что появилось в Вас обоих по отношению к моим выводам, симпатиям, идеям, к моей работе вообще. Не понимаю до сих пор, почему такая критика, направленная на меня, стала потребностью души для Вас обоих, почему критика отрицательная так утоляла эту потребность? Меня ведь так легко критиковать <...> Но такое создавшееся у Вас направление причинило много зла и печали. Не то, что они подорвали какие-нибудь силы: я сам хорошо знаю, что мне недостает и постоянно стремлюсь <...> исправлять, что могу не рассчитывая достичь очень многого; а критика Ваша была во многом несправедливая, основанная на юношеском задоре и самозабвенности, развившаяся на почве отсутствия опыта и вследствие этого непониманием многого, занятости своим и равнодушием к тому, что не свое. Но оно (это критиканство Ваше, на меня специально направленное) лишило меня дорогой веры в тесную идейную и традиционную связь со мной вас, лучших моих учеников, в их уважении и любви к для меня дорогому сопережитому; это вызвало во мне потерю спокойствия в сфере отношения и с другими учениками, отношений для меня специфически драгоценных. Это-то новое пережитое, что связано было с происшедшим между нами разладом, нарушало и естественность общения с Вами. В таком свете мне особенно остро стало вырисовываться действительно очень глубокое разногласие между нами как в отношении к жизни, так и в отношении к науке, и к тому, что лежит в самой глубине и что дороже науки, дороже жизни <...> Так утерялось между нами живое ощущение друг друга. Тут то именно мне пришлось стать Вашим критиком. Вы любите критиковать, Вашу душу поднимает спор, опровержение, развенчание, победа за счет поражения других. А меня, наоборот, критика тяготит. Ваша первая диссертация впервые обнаружила мне ясно, насколько мы расходимся не только во взглядах на тот или другой вопрос, но на многое самое коренное в понимании науки, задачи, метода и еще чего-то более неуловимого, совсем этим интимно связанным. Но я считал себя обязанным высказать разногласия с добросовестной откровенностью; я тогда еще не думал, что Вы так отнесетесь к спору с Вами.

Я спорил на основе глубокой веры в Вас, большую только еще не овладевшую собой силой. Я думал, что своими замечаниями, которые исходили именно из признания Вашего таланта и Ваших возможностей, я могу только оказать некоторую пользу, в смысле того, что побужу Вас оглянуться на то, что в Вас не хватает, в чем Вы льете через край и на что, напротив, не бросаете взгляда. А Вы <...> отнеслись к моей критике как к обиде; притом Вы откровенно попросту ее не высказали, я только стороной узнал. Это положило новую грань между нами, такое невысказанное острое недовольство и непонимание с Вашей стороны, причем первой было не заслужено моей искренностью, моей глубокой благожелательной дружбой к Вам, радости к всякому Вашему усилию, второе вызвало еще одно серьезное недоумение относительно того, что же между нами существенно общего остается в душе. Тяжело действовало на меня и расхождение в складе и характере жизни и сближение Ваше с некоторыми людьми, для меня чуждыми, и сильное воздействие на Вас, как мне казалось, “мирской суеты”. Вообще Вы предстали мне другим сравнительно с тем образом, который любовно хранила моя собственная фантазия. Являлись мучительные вопросы: не ошибся ли, Вы ли переменились, или я теперь ошибаюсь, рассматривая и оценивая перемену? Это смущало, сбивало с толку, мучительно путало в отношениях. Мне всегда прежде с Вами было хорошо, ибо, что нас различало, вызывало или мягкое осуждение, или по-настоящему отеческую гуманность, а некоторые недостатки Ваши просто вызывали одну любовную шутку, искр. прощение, встречаясь с радостным восхищением перед достоинством. От всего этого было легко и хорошо, и сам я всегда при Вас открыто и просто вел себя, всегда предлагая и ожидая дружеское и глубокое (неразб.) внимание, всегда серьезное и бережное отношение. Теперь всё это затуманилось. Я совсем не знаю, как быть, и при Вас, особенно у Вас испытываю иногда тягостную сдавленность, которая порой выражается в полной растерянности. <...>

Зачем я это пишу? Вам читать будет неприятно, а настоящего понимания не будет. Оказывается из всех последних лет с тех пор, как сложилась или выявилась Ваша личность, что у нас совсем разные “мирочувствования” и, может быть, всё, о чем я Вам говорю, и что так за душу хватает, Вам покажется только ненужной сентиментальностью. Но с другой стороны, думается: а может быть, я ошибаюсь, и только неприятные случайности отделили нас какой-то завесой, и, чтобы ее раздвинуть, нужна именно откровенность»⁸⁹.

Недовольство выплескивается в недоброжелательность.

В 1917 г. Н.Н. Платонова запишет в своем дневнике: «Недавно С.Ф. спросил Эрв. Гримма, будет ли Карсавин предложен в ординарные;

⁸⁹ Российская историческая мысль... С. 103—105.

Гр[имм] ответил: Пресняков говорил об этом с Гревсом, который обещал сделать это в одном из ближайших заседаний факультета, если же он этого не сделает, прибавил Гр[имм], то мы с Вами (т.е. с С.Ф.) это сделаем. При этом Гр[имм] назвал поведение Гревса по отношению к Карс[ави]ну “гнусным”. Конечно, Гревс в этой истории не прав по отношению к К[арсави]ну, но нужно сказать, что и К[арсави]н мудреный человек, и отношения с Гревсом у него очень сложные»⁹⁰.

В сентябре 1917 г. И.М. Гревс, вопреки ожиданиям Л.П. Карсавина, выдвигает в ходе реструктурирования факультета для избрания «в штат» университета не его, а О.А. Добиаш-Рождественскую. Это вызывает бурное негодование Льва Платоновича, который решается на «символический» жест-скандал. Он подает в Совет историко-филологического факультета заявление об увольнении, ни слова не сказав об этом И.М. Гревсу. При этом появляются слухи о его возможном переезде в Саратов. Заявление, действительно, вызвало ажиотаж на факультете, несмотря на то, что сам же Л.П. Карсавин его впоследствии забрал. Жест оказался эпатажным, поскольку университетская корпорация увидела в нем пренебрежение к себе и «сомкнула ряды». Кроме того, он справедливо воспринимался как некое нарушение нормы поведения молодого ученого в борьбе «за место под солнцем» и, по сути, оказался провокационным. Желая прояснить свою позицию, Л.П. Карсавин пишет И.М. Гревсу большое письмо, оказавшееся последним.

«Дорогой Иван Михайлович.

Думаю, что вся только что протекшая история может быть выяснена лишь полною откровенностью с моей стороны. <...> К сожалению, я почти убежден в том, что Вы отнесетесь к тому, что пишу я ниже, с некоторым, скажем, недоверием, и даже, позволю себе выразиться, с предположением о моем “интриганстве”. Этим я не хочу нимало заподозреть Ваше желание вполне беспристрастно отнестись ко всему. Я просто боюсь и имею основания предполагать, что атмосфера, соединяющая нас, замутнилась. Тем не менее, устранив от всяких попыток самооправдания — во многом признаю себя виноватым, — я постараюсь, по возможности, точно и вполне откровенно изложить Вам мотивы моего поведения. <...> Наладилось это преподавание настолько, что я считал для себя крайне желательным, а для дела, если не необходимым, то полезным и нужным, официальное положение взамен прекарного положения приват-доцента. Конечно, хотелось мне и “чести”, замешано было в деле и мое самолюбие, но поверьте, что не только о чести думал я. Признаюсь Вам, что, узнав о выборе Егорова в Министерстве сверхштатным, я с некоторым огорчением почувствовал себя среди петербургских историков одиноким. Хотел бы, чтобы Вы поверили моим словам, что я не хотел и не хочу занимать Ваше место,

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5697. Л. 25 об.

выгесняя Вас. <...> Ваше отношение ко мне — позвольте мне уже коснуться его, собственно говоря — моего о нем представления — рисовалось мне таким образом. Вы, предполагал я, считаете меня человеком (профессором) опасным, теоретиком и практиком хаотического разрушения традиций и постановки на место традиций беспорядочного вдохновения. По моему, это неправильно. Но не в этом сейчас дело, а в том, что, по моему представлению, я для Вас преемник или наследник нежелательный.

Доцентура в Университете казалась для меня хорошим исходом. <...> Вот почему совершенно неожиданное сообщение Ольги Антоновны о том, что Вы выдвинули ее кандидатуру, было для меня довольно тяжелым разочарованием. <...> Мне казалось далее ясным — и разные пошедшие вокруг слухи подтвердили мое предположение, — что обход меня в данном случае объективно понимается как нежелание факультета видеть меня в своей среде <...>

Первоначально я воспринял решение факультета как незаслуженное оскорбление, хотя, повторяю, в сознательном желании нанести мне таковое не подозревал ни Вас, ни кого-либо; для меня это было недостаточно (позвольте мне употребить это слово за ненахождением лучшего) внимательное отношение ко мне как преподавателю. И в состоянии раздражения, м.б., даже желания ответить обидой же, я решил совсем и навсегда уйти из Петербургского университета и искать университетского преподавания в Перми или в Саратове, вообще в провинции. <...> Решение это далось мне нелегко: замешалась и достоевщина, и гордыня. <...>

Мое теперешнее состояние таково. — Из Ун-та я ушел с чувством подлинной боли и смятения. Предвижу для себя возможность с будущего учебного года перебраться куда-нибудь в провинцию. <...> Но ни в коем случае я никогда не вернусь, если это будет связано с Вашим уходом. Если же факультет меня не выберет, то я удалюсь в тишь провинции и тем избавлю Пб. от моей беспокойной особы. Если факультет в последнем случае будет прав, мое “самоумнение” будет по заслугам наказано и может принести пользу мне самому. <...> Если же он будет не прав, я утешусь тем, что он обо мне пожалеет и пожалеет о своем ко мне отношении. <...> Не знаю, но предполагаю о разных перетолкованиях моих слов и сплетнях, дошедших до Вас. Не могу их опровергать, тем более что конкретно не представляю себе их содержания. С другой стороны — не стану и отрицать, что, м.б., срывались у меня резкости по Вашему адресу, хотя и не думаю, что они были по существу для Вас оскорбительны. <...> Вот почему не могу я сейчас, как хотел бы, реабилитировать мое отношение к Вам. <...> Надеюсь, что Вас, по крайней мере, не оскорбит ни привычное мое обращение к Вам, в начале письма, ни подпись под ним: и то и другое выражают подлинное мое к Вам отношение, вопреки всем моим буйным выходкам и частым раздражениям»⁹¹.

⁹¹ Российская историческая мысль... С. 105.

Стоит, пожалуй, обратить внимание на то, что обе стороны (как И.М. Гревс, так и Л.П. Карсавин) активно используют метафору «непрозрачности» души или отношений для описания причины конфликтной ситуации. Они сделались друг другу «чужими».

Профессором университета Л.П. Карсавин стал только в 1918 г.⁹² (и именно И.М. Гревсу пришлось 31 марта выступить с ходатайством о представлении бывшего ученика к должности «сверхштатного профессора по кафедре всеобщей истории»⁹³), а в 1920 г. был назначен ректором Педагогического института⁹⁴, как кажется, во многом благодаря собственной дистанцированности от старой профессуры (человек «вне кружков»). Вчерашний аутсайдер стал ректором, Впрочем, не надолго. В советской периодической печати проходит волна критики последних (философских) работ Л.П. Карсавина⁹⁵. Его очевидные разногласия с новой властью приводят к аресту ученого летом 1922 г. и последующей высылке на философском пароходе⁹⁶.

⁹² В письме к Т.Ю. Дмитриевой от 14 (1 апреля) 1918 г., рассуждая о возможности преподавать Средние века в Саратовском университете, Г.П. Федотов писал: «Карсавин, как я это узнал, не пойдет, т[ак] к[ак] получил сверхштатную кафедру в Петрограде» // *Федотов Г.П. Собрание сочинений* в 12 томах. Т. 12. Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. С. 216.

⁹³ «Как известно факультету, Л.П. Карсавин ныне вышел из состава приват-доцентов, очевидно не удовлетворенный больше положением стороннего преподавателя, желая принимать более широкое и ответственное участие в факультетской и университетской деятельности. Кроме того, мне стало известно, что он соглашался выставить свою кандидатуру на занятие кафедры в Саратовском Университете. Считаю, что наш университет не должен терять из своего состава такого ценного и оригинального преподавателя, убежденный, кроме того, что собственные его исследования <...> будут поставлены в неблагоприятные условия для их завершения — я вижу свой долг в том, чтобы предложить факультету избрать Л.П. Карсавина сверхштатным профессором по кафедре всеобщей истории, ибо таков наиболее доступный способ сохранить его, как преподавателя в наших стенах. Л.П. Карсавин является, как и я, специалистом по средневековой истории, но он читает курсы и по новой. Сам я готов, как и раньше, пока силы есть, с прежнем рвением служить факультету, где я получил образование и где работаю свыше четверти века, если сам факультет того желает. Но я буду рад видеть рядом в той же специальности научного деятеля, которому, по всему можно надеяться, предстоит долгая и плодотворная ученая жизнь» // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д. 10049. Л. 50 об.

⁹⁴ *Bibliographie...* P. 11.

⁹⁵ *Ваганян В. Ученый мракобес // Под знаменами марксизма. 1922. № 3. С. 44—55; Невский В. Нострадамусы XX века // Там же. № 4. С. 95—100; Преображенский П.Ф. Философия как служанка богословия // Печать и революция. 1922. № 3. С. 64—73; Юрлов А. Кафедральная эротика // Красная новь. 1922. № 7. С. 273—275.*

⁹⁶ «15 ноября 1922 года выслан из пределов РСФСР за границу» // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Т. 4. Д.10049. Л. 61.

К 1920-м гг. окончательно оформляются политические, научные, мировоззренческие противоречия между Л.П. Карсавиным и И.М. Гревсом. И параллельное движение к воцерковлению⁹⁷, и общая оппозиция советской власти уже никак не сближают людей, бывших когда-то тесно связанными.

Таким образом, Л.П. Карсавин в поисках собственной поколенческой научной идентификации сознательно идет на конфликт с гвардией «старых» профессоров. Его работы, написанные в начале 1920-х гг., традиционно содержат критику современного состояния исторической науки⁹⁸. Он обличает поколение «учителей» одновременно и за «пустую болтовню», и за чрезмерный фактографический эмпиризм. «Духовные поучения» отвергаются как не критичные и недоказуемые, эмпирические штудии — как бессмысленные. При этом показательной является отсылка к «великим» историкам первой половины XIX в. (Ф. Гизо, Л. фон Ранке), поколению научных «дедов», в трудах которых, по мнению Л.П. Карсавина, удачно сочетаются теоретический и эмпирический уровни исследования. Эта содержательная полемика подкрепляется, как мы видели, и выбранным способом поведения. Сам же Л.П. Карсавин идентифицирует себя не столько с поколением, сколько с кружком близких друзей-единомышленников — Н.П. Оттокарром, А.Е. Пресняковым. При этом от ровесников, «встроившихся» в мир профессорских кружков (например, А.Г. Вульфуса, П.Б. Шаскольского, О.А. Добиаш-Рождественской), Л.П. Карсавин демонстративно дистанцируется. Именно они подвергаются жесткому осуждению. У учителей есть, по крайней мере, какие-то заслуги. Молодые же, некритично восприняв наследие учителей, обрекают науку на бесплодный путь к гибели. Теоретической основой построения идентификации для Карсавина оказывается не «академический марксизм», как у многих его современников, представителей приват-доцентского поколения⁹⁹, а новая философия истории, построенная на христианской метафизике. Однако при этом Лев Платонович пытается осуществить критический поворот к онтологизации и историоризации исторической мысли, подобный тому, который с опорой на совершенно иные традиции стремятся совершить многие его ровесники (от Г. Лукача до М. Хайдеггера, если предельно расширить контекст). История, по мнению Л.П. Карсавина, процесс онтологический. Для ученого очевидно, что историческое знание одновременно является и философским, требующим, критического анализа и ревизии.

Поколенческий конфликт усилен в данном случае, во-первых, контекстом, т.е. общеисторическими и внутринаучными катаклизмами начала

⁹⁷ Вахромеева О.Б. Духовное единение... С. 96—101.

⁹⁸ Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). Пг., 1920.

⁹⁹ Дмитриев А.Н. Академический марксизм: случай А.Н. Шебунина // НЛО. 2002. № 52.

XX в., а во-вторых, поведением Гревса. Иван Михайлович был человеком, который на протяжении всей своей жизни, по его собственным словам, очень высоко ставил «близость духовного общения»¹⁰⁰, искреннюю человеческую дружбу. Его установка на создание вокруг себя тесной группы единомышленников¹⁰¹, поддержанная в юности удачным опытом создания «Приютинского братства»¹⁰², безусловно, являлась одним из факторов формирования научной школы¹⁰³. И.М. Гревс видел смысл жизни в том, чтобы быть учителем и наставником, «сеять разумное, доброе, вечное». И конфликт с учеником, на которого он возлагал большие надежды, оказался серьезным ударом по его жизненным идеалам, защищая которые, он и начал борьбу. А значимость цели определила средства.

Стремление создать школу возникло у И.М. Гревса достаточно рано и напрямую связывалось им с возможностью личной и профессиональной самореализации. Еще в 1892 г. А.Е. Пресняков писал матери: «Именно, если доцент — определившаяся, значительная научная величина, если он хорошо читает, увлекает, если тема общеинтересна, а не узкоспециальная, таков успех Гревса, успех еще не определившийся и его не удовлетворяющий — он не раз заявлял нам, что хочет иметь учеников, хочет затеять практические занятия, но пока этого ему не удалось и едва ли удастся. Узурпировать таким путем — сближения со слушателями — роль профессора — мечта каждого доцента; его идеал — 2—3 ученика, какой там! хоть бы один, да свой, свое детище. А что такое Гревс? Он лет 10 как кончил университет, всё это время работал сам и много преподавал (это по репутации лучший учитель истории и педагогики в гимназиях, кажется, больше женских), он еще не магистр, а недавно и магистерский-то экзамен сдал»¹⁰⁴. В то время как многие друзья И.М. Гревса по «Приютинскому братству» удачно реализуют себя в политической или обществен-

¹⁰⁰Человек с открытым сердцем... С. 296.

¹⁰¹«Сам Иван Михайлович был очень богат в своей жизни друзьями» // *Анциферов Н.П.* Из дум о былом... С. 173.

¹⁰²*Гревс И.М.* В годы юности: за культуру. Отрывок второй // *Былое.* 1921. № 16. С. 137—166; *Человек с открытым сердцем...* С. 175—224; *Шаховской Д.И.* Письма о братстве / Публ. Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокиной // *Звенья.* 1992. № 2; К истории «Братства Приютина» / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Лубкова // *Идейное наследие русской философии.* СПб., 2000; *Еремеева С.А.* Приютинское Братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX—первой половины XX вв.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007.

¹⁰³В этом плане если использовать «идеальные типы», предлагаемые Н.Н. Алеврас, И.М. Гревс — типичный «коллективист», тогда как Л.П. Карсавин — в большей степени «индивидуалист». См.: *Алеврас Н.Н.* «Своя игра»: историк вне «школьной» традиции или опыт персонального выбора в пространстве историографического быта // *Мир историка: историографический сборник.* Омск, 2008. Вып. 4. С. 243.

¹⁰⁴Александр Евгеньевич Пресняков... С. 70.

ной деятельности, И.М. Гревс стремится к созданию научной школы. «Из кружковщины вырос, а до общественности не дорос», — пишет А.Е. Пресняков в письме жене, сочувственно цитируя С.А. Адрианова¹⁰⁵.

Семинарии и экскурсии являлись для Ивана Михайловича основным инструментом создания сообщества¹⁰⁶, своей школы особого типа, с «духовной близостью» учителя и учеников. Потому он так кропотливо организовывал их работу, с воодушевлением продумывал методiku. И потому-то столь болезненно воспринимал критику «изнутри». Семинарии и экскурсии для И.М. Гревса — школообразующие элементы.

Но школа не только создается (в данном случае сознательно выстраивается) и функционирует. Она должна обладать собственной идентичностью. Именно поэтому формой репрезентации оказываются не только поведенческие практики, подчеркивающие единство и пиетет к учителю, например, участие в его юбилейных чествованиях и поддержка всех начинаний, но и тексты, демонстрирующие общую направленность работ. Трудami, отражающими сущность школы Гревса и транслирующими ее «во вне», являются два юбилейных сборника и разделы по средневековой истории в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. Иван Михайлович, курируя раздел, привлек к написанию статей многих своих учеников — Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественскую, Г.П. Федотова, Н.П. Оттокара, П.Б. Шаскольского, А.Г. Вульфуса, В.Э. Крусмана, сплотил их в команду. Л.П. Карсавин в этот же период помогал Гревсу и в редакторско-организационной работе¹⁰⁷.

В определенном смысле «идеальным учеником» И.М. Гревса был Н.П. Анциферов. «И меня, столь рано утратившего родного отца, в сознании создавшейся пустоты, всегда тянуло к старшему, к которому я мог бы с любовью прислониться. <...> В студенческие годы Иван Михайлович стал тем учителем-другом, с которым меня связала навсегда сыновья любовь»¹⁰⁸. Сам И.М. Гревс, размышляя о своих отношениях с О.А. Добиаш-Рождественской, пишет: «Не претендуя на то, что такие отношения, вкусы и подходы вложены мною в научную личность О.А., но радуюсь, ибо чувствую, что между нами образовалась тогда как плод непрерывного общения с нею в годы ее учения и отчасти ее странствий. некоторая общность в научном мирозерцании»¹⁰⁹. И ключевой в этих словах оказывается идея о том, что наставник должен «вложить» что-то в мировоззрение своего ученика¹¹⁰. В том же стиле говорила о влиянии учителя и сама

¹⁰⁵ Там же. С. 503.

¹⁰⁶ Вахромеева О.Б. Духовное единение... С. 69—75.

¹⁰⁷ Российская историческая мысль...

¹⁰⁸ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 166.

¹⁰⁹ Гревс И.М. О.А. Добиаш-Рождественская... С. 294.

¹¹⁰ В этом отношении очень любопытно сравнить «воспитательную» работу

О.А. Добиаш-Рождественская. «По словам Е.Ч. Скржинской, Ольга Антоновна всегда отзывалась об Иване Михайловиче с необыкновенной добротой. Для нее это был близкий человек, который ввел ее в любимейшую специальность, ту область, без которой она жить не могла»¹¹¹.

При этом понятно, что, неоднократно декларируя идею свободного творческого роста учеников, И.М. Гревс предполагал единство и общение с ними на почве неких разделяемых «абсолютных» ценностей, чем и казался «старомодным». Данные «вечные» ценности ученики должны были усвоить от учителя, пронеся благодарность наставнику через всю жизнь. Отсюда неслучайна выстраиваемая самим И.М. Гревсом в конфликте с Л.П. Карсавиным оппозиция: «Гревс — идеалист, Карсавин — критик, циник». Первый якобы сохраняет ценности, в которые верит, да, собственно, и создает их своей деятельностью; второй разрушает, не имея за душой позитивной веры. Карсавинский поиск («переоценка всего и вся») воспринимался Иваном Михайловичем как игра или беспочвенное метание, а не продуктивная работа. Отказ от «классического» режима обучения, сопровождавшийся демонстративным неуважением и иронией по отношению к ценностям, ставил под удар всю жизненную программу И.М. Гревса. «Во всем этом был трагизм ученого-педагога, который так многим жертвовал в качестве ученого для своей работы педагога, который хотел в учениках видеть продолжателей своей научной линии, завершителей начатых им, но незаконченных трудов»¹¹².

В то же время следует обратить внимание и на некую двойственность, даже противоречивость образа И.М. Гревса в рамках выстраиваемой им самим жизненной стратегии. С одной стороны, во взглядах профессора присутствуют определенные элементы романтизма в широком смысле слова¹¹³. Это установка на «погружение в источник» и подчеркиваемый приоритет интуитивного постижения, стремление «почувствовать» «дух места» и «дух времени», требование эмоционального отношения к изучаемому прошлому и т.д. С другой стороны, как в теории, так и на практике — в специальных исследованиях и на занятиях И.М. Гревса со студентами — проступают элементы позитивистского понимания истории. Тщательный разбор и анализ (по главам и страницам) текстов источников в семинариях, экскурсии в источниковедение и палеографию, полнота эмпирического описания — всё это являлось, по мнению Ивана Михайло-

---

И.М. Гревса с деятельностью Л.П. Карсавина по «формированию» собственного ученика. См.: Ванеев А.А. Два года в Абези. Брюссель, 1990.

¹¹¹Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 91.

¹¹²Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 178.

¹¹³Савельева И.М., Полетаев А.В. Плоды романтизма // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 11. С. 40—83; Richards. R. The Romantic Conception of Life: Science and Philosophy in Age of Goethe. Chicago, 2002.

вича, необходимым элементом профессии историка. Противоречивость ориентации ученого объясняет его собственную ситуацию «вечного поиска» и постоянную неопределенность позиции. «И помимо этого сам он насквозь такой: и славный, и милый, точно еще юноша с сильной сединой и 25-летним юбилеем, для многих странный, непонятный, противоречивый, “точно еще не определился, да и никогда не определится”, как о нем сказал Платонов. И в нем, правда, есть что-то, напоминающее молодого студентика бродящего, про которого трудно сказать, что он хороший или худой, искренний или с фальшецей, так трудно ему дается быть самим собой, ясно и отчетливо»¹¹⁴. Подобная «неопределенность» ученого, с одной стороны, продуктивна, хотя и нелегка психологически, поскольку провоцирует собственно научный и теоретический поиск. Но с другой стороны, она, безусловно, создает серьезные проблемы при попытке построить школу. Противоречивость учителя открыта и очевидна для взгляда ученика. Процессы, протекающие внутри школы, можно трактовать следующим образом. Часть учеников И.М. Гревса сделала акцент на «позитивистских» элементах взглядов наставника, усилив и развив их. Лидером этой группы стала прошедшая добротную позитивистскую подготовку в Школе Хартий О.А. Добиаш-Рождественская. Стратегия поведения ее самой и ее учеников достаточно органично вписалась в общую традицию «движения от факта к теории», развиваемую групповой институциональной идеологией «питерской школы» от Платонова до Валка¹¹⁵. Именно с продолжением данной линии связано дальнейшее развитие медиевистики в Ленинграде—Санкт-Петербурге. В 1920-е гг. институциональным центром петроградской (ленинградской) медиевистики становится Отдел рукописей Публичной библиотеки. Другая группа учеников выдвинула на первый план «романтический» элемент. Наиболее крупной фигурой этой группы, безусловно, был Л.П. Карсавин. Прочие ученые, относящиеся к «романтикам» (Н.П. Анциферов, Г.П. Федотов, В.В. Вейдле и другие), в силу различных причин вынуждены были или оставить медиевистику, или «подстроиться под общую тенденцию». Таким образом, идеал, фундамент, на котором Иван Михайлович пытался выстроить школу, с неизбежностью подготавливал ее раскол.

Однако с таким ходом событий был не согласен сам И.М. Гревс. Он вступает в конфликт с учениками в борьбе и за свой идеал, и за самих учеников. Показательно, что уже после прекращения противостояния с

¹¹⁴ Александр Евгеньевич Пресняков... С. 724.

¹¹⁵ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 20—46; Он же. Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе // Фигуры истории или «общие места» историографии: Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 303—341.

Л.П. Карсавиным, в конце 1920-х—начале 1930-х гг., ухудшаются отношения между Гревсом и О.А. Добиаш-Рождественской¹¹⁶. Иван Михайлович сражается за сохранение единства («мировоззренческого») фундамента школы. Для него это абсолютные ценности.

Сам И.М. Гревс долго, болезненно, с нарушением всех сроков шел к магистерской диссертации¹¹⁷, так и не защитил докторскую, а Л.П. Карсавин преодолел путь от студента до доктора достаточно быстро, спринтерскими темпами, без сучка и задоринки, что, безусловно, сказалось на взаимоотношениях между ними в рамках научной школы. Дело в том, что научная школа¹¹⁸ — и, как представляется, рассматриваемый нами пример демонстрирует это более чем убедительно — не просто совокупность ученых-единомышленников, работающих по сходной проблематике, объединенных общей методологией и методикой исторического исследования и группирующихся вокруг одного центра и фигуры лидера. Научная школа, говоря языком социологии, — неформальная малая социальная группа со своей структурой, особым коммуникативным режимом, набором социальных ролей и статусов¹¹⁹. И в организации школы («генетического типа») изначально заложено противоречие, провоцирующее внутренний конфликт, сокрыта перспектива того, что ученики рано или поздно перерастут учителя. Подобная ситуация требует внутреннего переструктурирования, перераспределения ролей и статусов, а далеко не каждая школа способна на подобную трансформацию. Школа как социальная структура

¹¹⁶Каганович Б.С. Русские медиевисты...

¹¹⁷История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова...

¹¹⁸Литература, посвященная изучению феномена научных школ в отечественной исторической науке, огромна. Из наиболее содержательных работ последних лет см.: *Погодин С.Н.* «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Луцицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997; *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; *Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в отечественную историографию XX века. Омск, 2001; *Чирков С.В.* Археография и школы в русской исторической науке конца XIX—начала XX в. // Археографический ежегодник. 1989. М., 1990; *Ананьич Б.В., Панеях В.М.* О петербургской исторической школе...; *Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX—начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003; *Он же.* К проблеме школ в российской исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Сборник статей и материалов. Брянск, 2004. Вып. 3; *Михальченко С.И.* Школы в исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв. Сборник статей и материалов / Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2004. Вып. 3. С.195–211.

¹¹⁹При этом следует подчеркнуть, что научная школа понимается нами не как неизменное, объективно данное пространство, а как динамичная сложная конструкция, которая каждый раз создается заново, каждый раз по новому поводу и, следовательно, по-разному с теми субъектами, которые определенным образом идентифицируют себя с данным микросообществом.

лишена динамизма, в некоторой степени ограничивает возможности развития. При всех своих положительных функциях — механизм профессиональной социализации, форма продуктивной кооперации научной деятельности — научная школа, как справедливо заметил А.А. Формозов¹²⁰, ставит границы для собственно профессионального научного роста. При определенных условиях, как это произошло в нашем случае, «внутренний» конфликт перерастает в настоящий скандал, который, подобно воронке, расширяясь, втягивает новых участников и переструктурирует поле «хирургическим» путем. Чем тщательнее сознательно выстроена школа, а в случае с И.М. Гревсом происходит именно так, тем болезненнее, интенсивнее и напряженнее получается подобный конфликт.

Для научной школы конфликт выполняет двойственную функцию. С одной стороны, он оказывается мобилизующим фактором. В условиях конфликта, ставшего «пограничной ситуацией», ученая корпорация, в лице различных ее представителей, эксплицирует (а порой и создает) некоторые предельные теоретические и мировоззренческие свои основания, неявные, размытые в режиме обыденной повседневной работы. Школа, мобилизуясь в ситуации вызова, создает себя. В этом плане внешний конфликт для нее весьма продуктивен, а порой даже необходим. Так, в рамках школы И.М. Гревса, как мы видели, происходит конструирование принципиально новой, неактуальной ранее формы нарратива, посредством которого разворачивается и осмысливается конфликт, — писем с выяснением отношений. А с другой стороны, конфликт чреват элементарным распадом сообщества, прекращением его существования как группы и некоего целостного организма. Школа И.М. Гревса, в данном случае, сбросив взрывоопасный материал, продолжала существовать, но уже несколько в ином виде — «нормально позитивистском». Лидером петроградских медиевистов стала О.А. Добиаш-Рождественская. На ведущие позиции выдвинулись ее непосредственные ученики, как определяли они себя сами, «научные внуки Гревса». Иван Михайлович же после увольнения из университета, в силу различных причин, перенес центр тяжести своей работы на развитие экскурсионного дела и краеведческого движения¹²¹, хотя в 1920—1930-е гг. О.А. Добиаш-Рождественская всегда демонстрировала почтительное уважение к учителю, оказывая ему посильную помощь и поддержку.

Показательно, что И.М. Гревс осмысливал болезненный для него внутренний конфликт с учениками именно через призму модели

¹²⁰Формозов А.А. Человек и наука: из записей археолога. М., 2005. С. 161—173.

¹²¹Степанов Б.Е. Знание о прошлом...; Врасская О.Б. Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982; Перлина Н.М. Иван Михайлович Гревс и Николай Петрович Анциферов...

«борьбы поколений». В неопубликованных воспоминаниях Ивана Михайловича, написанных в 1920-е гг. и посвященных И.А. Покровскому, содержится следующий абзац: «Хочу вспомнить один случай, когда поддержка И.А. дала мне страшно много при перенесении одного острого столкновения с одним из любимых моих учеников. Он вдруг вздумал бесцеремонно “развенчать” меня (кстати, сам себя никогда не венчал) и в письмах ко мне и в разговоре с другими учениками. Я никогда не закрывал пути к откровенной критике учениками моих мнений и действий, но этот эпизод принял неприятно назойливый и нравственно-безвкусный характер, и мне такое немотивированное выступление причинило большое горе, особенно при вообще пораненном у меня сердце.

Так вот, кроме моих самых близких, никто мне не помог тогда, как И.А. Я всё, конечно, рассказал ему, став выражать ему свои сомнения: может быть, всё это верно, что он говорит, и приходится на конец жизни перестраивать свою профессиональную деятельность. Он возмущался виновником, но горячо опровергал и меня: “Да бросьте. Какой вздор Вы говорите! Причем тут Вы. Просто у него «зубы режутся», вот он и упражняется на Вас, благо Вы по доброте позволяете. Цыкните на него или оставьте без внимания”. Он был, конечно, прав, и я не сумел сам подняться на должную возрастную и учительскому званию высоту.

Так я получил от И.А. не только руку дружеского утешения, но и подверг правильной критике мою реакцию на неуместное выступление молодого петушащегося самолюбия»¹²².

В принципе, эта же мысль закодирована для посвященных в последнем печатном отзыве И.М. Гревса на работу Л.П. Карсавина: «Затрудняет также часто при чтении неясность изложения, спешность постройки; ощущаешь, что многие утверждения являются быстро рожденными детищами напряженно и остро работающей смелой и оригинальной творческой мысли, еще не закаленной, однако, мучительным опытом долгого жизненного труда, иногда теряющейся в противоречиях, вытекающих из собственных богатств»¹²³.

По словам Б.С. Кагановича, мировоззренческие и теоретические принципы И.М. Гревса в 1920-е гг. претерпели существенное преобразование. От позитивизма и либерального эволюционизма с «верой в прогресс» он

¹²²ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. Л. 20—21. Строптивный ученик не назван по имени, но судя по дальнейшим рассуждениям, речь все-таки идет не о Л.П. Карсавине, а о Н.П. Оттокаре. Хочет высказать благодарность К.В. Бамбизовой, обратившей мое внимание на этот текст.

¹²³Гревс И.М. Лик и душа Средневековья. (По поводу вновь вышедших русских трудов) // *Анналы*. Пг., 1922. № 1. С. 40. Речь идет о работе Л.П. Карсавина «Культура Средних веков».

постепенно дрейфует в сторону «идеографизма» (признание уникальности исторического факта) и большей православной воцерковленности¹²⁴. Помимо внешних для нашей темы факторов, обусловивших это изменение взглядов, справедливо отмеченных Б.С. Кагановичем (установление советской власти, реформы исторической науки и образования, личная трагедия Гревса, методологические поиски исторической науки начала XX в.), можно предположить, что определенное влияние на трансформацию взглядов Ивана Михайловича оказал и конфликт с Л.П. Карсавиным. В письме своей ученице Е.Я. Рудинской от 22 мая 1923 г. профессор, характеризуя ситуацию в петроградской медиевистике, напишет: «Все силы напрягаем, чтобы пронести традицию науки—культуры через безвременье. Группа медиевистов у нас хорошая, талантливая и интересная. Главную, центральную работу теперь несет в нашей сфере Ольга Антоновна, находящаяся в апогее расцвета ученого и профессионального таланта. Я уже отстранен на второй план, только помогаю остающимся во мне силами и могу быть доволен отношением ко мне студентов, которых считаю теперь преимущественно учениками Ольги Антоновны. <...> С Карсавиным было гораздо труднее: с ним порвались все связи солидарности. Я даже в последние годы совсем перестал понимать его душу. Он теперь в Берлине»¹²⁵. Все личные отношения оказались прекращены. Навсегда.

В определенной степени конфликт Л.П. Карсавина и И.М. Гревса можно описать как противостояние между молодым, амбициозным, стремящимся к признанию и самореализации ученым, выдвигающим некие «новые» идеи, и его «немолодым» учителем, отстаивающим традиционные теории и связанное с ними видение науки. Будучи внесенным в контекст научной школы, этот конфликт оказывается важным фактором, существенно влияющим на ее трансформацию и последующую судьбу. С одной стороны, важнейшей причиной конфликта (наряду с целым рядом факторов) оказывается внутренняя неоднородность школьной программы и «идеологии». А с другой стороны, в результате конфликта школа, видоизменяя свою программу, становится гораздо более гомогенной и «позитивистской», что позволило ей «выжить» как научному сообществу и даже в какой-то степени быть востребованной в тяжелых условиях 1920-х гг. Сохранившаяся часть школы и вошедшие в нее новые представители, «научные внуки», сплотились на базе новой теоретической платформы вокруг нового лидера.

¹²⁴Каганович Б.С. Русские медиевисты... С. 62—65. В данном случае я, конечно же, передаю общий смысл рассуждений Б.С. Кагановича, используя свою терминологию.

¹²⁵Человек с открытым сердцем... С. 304.

Научная школа медиевистов И.М. Гревса как дискурсное пространство

Вместо заключения

Столичная университетская корпорация начала XX в. являлась открытым гетерогенным сообществом с очень сложной внутренней динамичной конфигурацией. Пытаясь реконструировать «субъективность университетского человека», мы с неизбежностью должны констатировать многочисленное количество различных вариативных социальных, коммуникативных и дискурсных сетей, практик и традиций (в том числе «повседневного жизненного опыта»), влияющих на формирование его идентичности и стратегий поведения. Сама идентичность, как личностная, так и связанная с ней профессиональная, оказывается мозаичной и множественной. Целостное мировоззрение, по крайней мере, применительно к обществу модерна, — это утопия. И школьная идентификация, в данном случае, оказывается лишь одним из фрагментов мозаики, тесно связанным с другими и вовсе не детерминирующим их. Он как бы накладывается на них и «отвоевывает себе место под солнцем» в результате очень сложной постоянной конкурентной борьбы. Конструируемая посредством определенного набора не всегда специфически маркированных, но при этом достаточно устойчивых школообразующих практик корпоративная идентификация оказывается, с одной стороны, очень важным и продуктивным фактором профессиональной научной социализации, а с другой, — усложняет и проблематизирует и без того непростую структуру субъективности. В этом плане говорить о каком-то идеологическом, методологическом или методическом единстве взглядов всех представителей одной определенной научной школы, конечно, не совсем корректно. Школьная идентичность вариативна; сформировавшись в рамках определенной социальной группы, она для каждого ученого проявляется в специфике поведения или профессиональной деятельности. Профессиональное научное сообщество с неизбежностью предстает здесь как корпорация эпохи модерна. Конечно, не средневековый цех или монашеский орден, а ученые как

экспертное сообщество — не жрецы и родовые старейшины. При этом процесс формирования общества модерна как сложной совокупности различных (в том числе, профессиональных) корпораций — длительный процесс, порождающий большое количество порой весьма устойчивых, синтезных и переходных форм объединений.

История петербургской школы медиевистики начала XX в. представляет специфический и показательный «казус». С одной стороны, как уже неоднократно говорилось, это сознательно сконструированное и вполне отрефлексированное сообщество со своим набором школообразующих практик. И.М. Гревс неоднократно заявлял о намерении создать научную школу. Об этой декларации знали, с ней считались и ее принимали близкие, коллеги и ученики. Даже основные школообразующие практики были вполне отрефлексированы и конструировались именно в качестве таковых. А с другой стороны, несколько утрируя ситуацию, можно констатировать, что по своей интенции школа оказалась «анти-модернистской». Гревсу мало было быть просто «учителем науки», он стремился стать «учителем жизни». Признавая либеральные ценности, Иван Михайлович в то же время стремился патерналистски выстроить целостное мировоззрение своих учеников. Научная школа, в его понимании, должна была стать общиной (“Gemeinschaft” в терминологии Ф. Тенниса) с очевидными органицистскими коннотациями, обладающей единым «духом».

Данная утопическая программа формулировалась и конструировалась в пространстве несколько архаичного, даже согласно конвенциональным нормам начала XX в., дискурса, с нерасчлененностью элементов рационального анализа и этически маркированных, оценочных суждений, эмоционально окрашенных и отсылающих к очевидному «жизненному опыту» суждений. И это в какой-то степени обусловило итог. Конструируя школу, дискурс «создал» в первую очередь сам себя. Школа оказалась социальной группой, связанной именно дискурсным единством. В рамках данного пространства думали, говорили, писали и действовали представители той социальной корпорации, для которой дискурс оказался главным конструирующим маркером.

Подобное единство сохранялось в связи со школьной идентификацией гораздо дольше, чем непосредственное социальное взаимодействие в рамках реальной социальной группы. Представления об этом дают мемуары, оставленные членами школы И.М. Гревса, его непосредственными учениками¹. Их тексты в полной мере воспроизводят то дискурсное пространство, в рамках которого строилось осмысление

¹ О конструировании «мест памяти» в истории науки см.: Commemorative Practices in Science // Osiris. 1999. Vol. 14.

сообщества; пространство, в пределах коего создаются смыслы школы как групповой деятельности².

Мемуаров, написанных учениками И.М. Гревса, довольно много³. В некоторых из них присутствует образ учителя. При этом мы сознательно отделяем воспоминания, которые используем, от составленных по тому или иному поводу юбилейных заметок. Очевидно, что речь идет о различных видах источников, обладающих внутренней спецификой.

Первой чертой, на которую следует обратить внимание при рассмотрении интересующего нас вопроса, является наличие большого количества общих мест в описании учителя, единство данного дискурса. В определенных случаях можно говорить о практически полном текстуальном совпадении. Это очень важно, учитывая, что мемуары писались разными людьми в разных местах и, следовательно, ни о каком влиянии друг на друга говорить не приходится. Большинство мемуаров, составленных в 1940—1960-е гг., было впервые опубликовано в 1990—2000-е. Наиболее близко совпадающие в описании учителя воспоминания В.В. Вейдле и Н.П. Анциферова составлялись в странах, разделенных не только сотнями километров, но и железным занавесом⁴. Совпадение можно объяснить лишь тем, что авторы так или иначе воспроизводят образ, существовавший в общей для них социальной группе — семинарии И.М. Гревса. Понятно, что подобная трансляция в нарративных текстах «дополнена» грузом прожитого и пережитого.

Образ учителя окружен почтением и благоговением. Его описание строится в нарочито пафосной риторике с элементами искренности и лирической окрашенности. Мемуарист самым тоном повествования как бы говорит: «Я расскажу о человеке, встреча с которым изменила мою жизнь, и любовь к которому я пронес через долгие годы. Это знакомство оказалось судьбоносным для меня». «И если мы, старые бестужевки, прожив долгую и не очень легкую жизнь, близко заглянув в смрадные омуты подлости, лжи и злобы, повстречав на своем пути очень

² О конструировании образа учителя в воспоминаниях учеников см.: *Синенко А.А. Межпоколенческие коммуникации и формирование образа учителя русскими историками конца XIX века // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2009. Вып. 5. С. 140—151. О дискурсном пространстве воспоминаний см.: Еремеева С.А. Забыть, чтобы помнить // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2007. Вып. 3. С. 74—78.*

³ *Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс...; Анциферов Н.П. Из дум о былом...; К истории антиковедения в России. Воспоминания профессора, доктора исторических наук М.Е. Сергеенко / Публ. Е.В. Федоровой // Труды кафедры древних языков (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 15). СПб., 2000; Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 2.*

⁴ *Дороченков И.А. [Вступительная статья к воспоминаниям В.В. Вейдле]... С. 44.*

много породистых Каинов, сохранили веру в победы этого добра, этой истины, то это всходы семян, посеянных Иваном Михайловичем»⁵. В искренности их чувства при чтении мемуаров не сомневаешься. Перед нами, конечно, не просто дань традиции.

Для многих учеников И.М. Гревса общение с ним оказалось путем в науку, даже больше — приобщением к истинному духу научного творчества, за что они безмерно благодарны наставнику. «Самым существенным было то, И.М. умел научить любить науку, постичь ее красоту и притягательные свойства и навсегда убедиться в ее необходимости для человеческой культуры»⁶.

Практически все авторы воспоминаний отмечают, что Гревс был не столько ученым-исследователем, сколько профессором, преподавателем. На данном поприще Иван Михайлович себя и реализовал. Поэтому в полной мере он раскрылся только тем, кого непосредственно учил. «Настоящий» Гревс существовал лишь в учебной аудитории, стены которой — за счет ведения семинариев и организации экскурсий — старался раздвинуть. Хотя и в этом случае он оставался, в первую очередь, учителем, держал дистанцию. «Иван Михайлович крупным ученым не был и был замечательным университетским педагогом, и, кроме того, осмеянное уже и в те годы выражение “светлая личность” могло быть к нему безо всякой иронии применено»⁷.

В глазах мемуаристов важным достоинством Гревса является его желание «возиться» с учениками. Как наставник, он не ограничивался выбором темы и рекомендацией литературы, стремясь быть «учителем жизни», а не только научным руководителем. По мнению бывших слушателей Ивана Михайловича, он был способен увидеть в каждом ученике личность и прилагал много усилий, чтобы помочь ей раскрыться. «Разбираться в людях, находить таланты он умел хорошо и таланты эти умел возвращать, обходясь с ними бережно и любовно»⁸. Безусловно, подобное отношение трудно назвать навязыванием себя.

Важным оказываются культивируемая необходимость эмоционального отношения к изучаемому предмету — «любовь к Средним векам» — и устойчивый набор непререкаемых авторитетов. В обойму культовых имен входят Н.Д. Фюстель де Куланж — в науке, Р. Роллан и И.С. Тургенев, — за ее пределами.

С этим напрямую связаны целостность мировоззрения и некая старомодность (даже для 1910-х гг.) Гревса. Пафос Ивана Михайловича воспринимается учениками как несколько наивный элемент его твор-

⁵ К истории антиковедения... С. 309.

⁶ Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс... С. 242.

⁷ Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора... Вып. 2. С. 115.

⁸ Там же.

ческой личности и, одновременно, сентиментальная, милая и прощительная слабость. Отсюда же вытекает, если так можно сказать, «перманентная пафосность» профессора, несколько раздражавшая людей, не считавших себя его учениками. Гревс выступает как «дидакал» всегда и везде, полагая, что он вправе это делать. Едва ли применительно к личности Ивана Михайловича можно говорить о некоей искусственности (одетой «маске»), перед нами — органичная передача того, что вынашивал ученый внутри себя — опыта, нравственных и профессиональных установок, моральных принципов и т.п. Каждый поступок и слово превращаются в значимый демонстративный жест, и подчеркиваемая личная скромность Гревса этому никак не противоречит.

Гревс в мемуарах — человек весьма эмоциональный, что лишь усиливает серьезность в служении «делу жизни», которым является воспитание молодого поколения. И все же Иван Михайлович — фигура трагическая; человек, не сумевший реализовать себя в плане карьеры, в личной жизни претерпевший многие несчастья (в частности, смерть дочери). Отчасти поэтому преподавание является главной формой самореализации. В воспоминаниях учеников «младшего» поколения охлаждение отношений между И.М. Гревсом и «старшими» учениками — Л.П. Карсавиным и Н.П. Оттокарсом — подчеркивается как печальный факт. «Во всем этом был трагизм ученого-педагога, который многим жертвовал в качестве ученого для своей работы педагога, который хотел в учениках видеть продолжателей своей научной линии, завершителей начатых им, но не законченных трудов»⁹.

Таким образом, мы можем говорить об устойчивых чертах образа наставника, отразившихся в воспоминаниях учеников Гревса. Следы дискурсивного единства, связанного с учителем, слушатели пронесут в себе вплоть до последних дней. Фигура Ивана Михайловича превратилась в некий значимый символ памяти социальной группы.

⁹ Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 178.

Историк в лабиринтах памяти, или об автобиографической рефлексии И.М. Гревса

Историческая наука в последнее время добилась весьма существенных результатов в изучении различных форм «исторической», «коллективной» и «социальной памяти», «исторической культуры»¹. В рамках этого контекста представляется любопытным рассмотреть сюжет о том, насколько «историческая память эпохи» влияет на «личную память», на «воспоминания» профессионального историка. Какие культурные факторы определяют конструирование «своего», «интимного» прошлого, «эго-истории» у человека, большую часть сознательной жизни ищущего метод для реконструкции «чужого» прошлого. Представляется, что публикуемый ниже текст является «казусом», позволяющим сформулировать некоторые рассуждения по этому поводу. За свою долгую жизнь профессор Иван Михайлович Гревс (1860—1941) написал огромное количество автобиографических и мемуарных текстов² — и воспоминания о различных этапах и ярких эпизодах своей жизни, о коллегах, друзьях, учителях и учениках, близких людях. Кроме того, архив Гревса содержит множество незавершенных мемуарных работ, набросков и материалов к ним. Большая часть этих текстов не была опубликована при жизни автора. Представляется, что подобная автобиографическая «озабоченность» И.М. Гревса далеко не случайна, она вполне ло-

¹ См., например, *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003; *История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006; *Феномен прошлого* / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2006

² Подробнее о И.М. Гревсе см.: *Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс (биографический очерк)* // *Гревс И.М.* Тацит. М.;Л., 1946. С. 223—246; *Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс (1860—1941)* // *Портреты историков. Время и судьбы.* М., 2004. Т. 3. С. 336—360; *Вахромеева О.Б. Иван Михайлович Гревс (1860—1941): портрет университетского профессора* // *Петербургские исследования: Сборник научных статей* / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 52—70; *Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века.* СПб., 2007. С. 13—84.

гично вытекает из базовых «мировоззренческих» идей историка, посредством которых он конструировал свою идентичность, и мы можем попытаться обозначить несколько значимых культурных и психологических факторов, обусловивших, в определенной степени, подобный «интерес к себе». Во-первых, в русской культуре середины XIX в. мемуары выступали в качестве вполне респектабельного и весьма популярного литературного жанра. Спрос на мемуарную и автобиографическую литературу был довольно большим, и недаром многие известные художественные литературные произведения этого периода строились как имитация мемуаров. Да и в большинстве случаев роман — доминирующий литературный жанр эпохи — это рассказ о жизни героев. Горячо почитаемый И.М. Гревсом «Жан Кристоф» Р. Роллана — роман-биография. Богатая событиями первая четверть XX в. способствовала росту еще большей популярности данного жанра. Дань ему отдали и профессиональные историки. И.М. Гревс, испытывавший, по его собственным словам, еще в ранние годы «тягу к мемуарам, воспоминаниям писателей, общественных деятелей»³, не стал исключением. Во-вторых, мемуары — это конвенционально принятая форма публичной рефлексии⁴, и для И.М. Гревса, человека неуверенного в себе, сомневавшегося, испытывавшего значительную часть своей жизни несомненные трудности профессиональной идентификации, мемуары на определенном этапе превратились в онтологически необходимый жанр. Мемуары, с одной стороны, позволяли ему аналитически конструировать в нарративе собственный жизненный путь, а с другой, — декларировали некоторые принципы («прынцыпы», как говорил персонаж другого любимого историком писателя, И.С. Тургенева), идеалы и ценности, которым он стремился следовать на протяжении сознательной жизни. Наличие таких принципов для И.М. Гревса — фундамент мировоззрения (они должны быть у каждого человека, и не просто «быть», но и определять его поведение) и, вместе с тем, — сюжетообразующий мотив мемуарного нарратива (жизнь как развитие принципов во взаимодействии с изменяющейся «реальностью»). В-третьих, чувство, испытываемое И.М. Гревсом, по его собственному уверению, оказывается не столько профессиональным, сколько экзистенциальным. Историк не свободен от страха забвения: «Я не страдаю честолюбием, и все же не хочется совсем пропасть в небытие»⁵. При этом получается, что сохранить собственную уникальную индивидуальность во всем многообразии ее проявлений в условиях изменяющегося мира позволял максимально подробный биографический нар-

³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 15/2. Л. 1.

⁴ Дубин Б.В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б.В. Слово — письмо — литература. Очерки по социологии современной культуры. М., 2001.

⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 193. Л. 2.

ратив. Однако это — идеал, и историк писал и переписывал свою биографию вновь и вновь. Сам того не осознавая, он пытался зафиксировать свое «Я» в истории и выходил на проблему ускользающей субъективности⁶. В этом плане Иван Михайлович близок столь далекому ему, казалось бы, писателю, как М. Пруст. Близок не по стилю, а именно по интенции. И.М. Гревс старательно стремился сконструировать в нарративах свою жизнь во всей полноте ее проявлений, в том числе и внутренней. Однако историк, конечно, человек классической культуры, верил в неизменную сущность «Я». Впрочем, и для него самого собственная сущность оказалась непрозрачной, ускользающей. Кстати сказать, борьба с забвением (со смертью), по мнению И.М. Гревса, являлась онтологической функцией исторического знания. Один из ближайших учеников профессора, Н.П. Анциферов, озаглавил свою работу, написанную, несомненно, в согласии с учителем, «Историческая работа как одна из форм борьбы за вечность»⁷. В-четвертых, у автобиографизма И.М. Гревса есть еще и сугубо профессиональная, методологическая причина. Одним из постоянных сюжетов, значимых для профессиональной, научной и преподавательской деятельности историка, являлся интерес к личности в истории. Личности, «заброшенной в историю» и воспринимавшей в своем сознании общие тенденции исторического момента. Многие лекционные курсы ученый строил по принципу «портретной галереи» людей той или иной эпохи⁸. Его всегда привлекали «великие авторы» (Августин, Франциск Ассизский, Данте), и знаменитые гревсовские семинарии организовывались на основе анализа их текстов и отраженного в них мировоззрения. Одним из наиболее почитаемых произведений была «Исповедь» Бл. Августина, в которой исследователь видел великий образец самопознания и самоописания человека в переломную эпоху⁹. Биографизм был отличительной чертой не только лекционных курсов и семинариев. Он присутствует даже в работах, группировавшихся вокруг диссертации, в которых И.М. Гревс старался применять метод «индивидуальных этюдов» или «экономических биографий». Достаточно условно можно выделить несколько этапов творчества И.М. Гревса как мемуариста. Уже во многих ранних опубликованных текстах историка, самых разных по своей тематике, присутствовали мемуар-

⁶ Рикер П. Повествовательная идентичность // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 19—37.

⁷ Анциферов Н.П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 136—162

⁸ Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1991. С. 168—169.

⁹ Гревс И.М. “Confessiones” блаженного Августина, как источник для биографии автора и как памятник современной ему культуры. Лекции. Копия // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 149. 400 л.

ный и автобиографический моменты. Так, рассказывая о профессиональной подготовке историков во Франции, Гревс опирался на собственный опыт посещения Парижа¹⁰; говоря о значении экскурсий как формы преподавания, также использовал личный опыт¹¹; описывая Флоренцию, вспоминал свой первый приезд в этот город¹²; анализируя взгляды Н.Д. Фюстеля де Куланжа, говорил о своем посещении Сорбонны, в стенах которой «витал дух великого ученого». Понятно, что мемуарные моменты преобладают в научно-популярных и методических текстах, но даже в монографии¹³, наиболее серьезном научно-исследовательском произведении ученого, есть упоминание о посещении того места, где располагалась усадьба Горация, и связанных с этим впечатлений. Собственно мемуарная тема выходит на первый план в конце 1910-х—первой половине 1920-х гг. Значительные социально-политические потрясения, непосредственно затронувшие И.М. Гревса, радикальная трансформация институциональных и идеологических форм исторического знания, увольнение в 1923 г. из университета, уход из жизни близких людей, неуверенность в завтрашнем дне — все это провоцировало рефлексию историка о собственной жизни и профессии. В этот период он пишет многочисленные воспоминания о своем детстве, гимназических и университетских годах, начале научной карьеры. Основной вопрос, определяющий смысловое пространство текстов указанного периода: «как я стал историком?». Часть из этих воспоминаний — статьи, посвященные студенческим годам и «Приютинскому братству», были опубликована¹⁴. Последний всплеск мемуарной и автобиографической активности приходится на конец 1930-х—начало 1940-х гг. И.М. Гревс, осознавая возраст, пытался подвести итоги, стремился собрать все ранее написанное, составляя многочисленные конспекты-наброски для будущего единого текста «Книги прошлого». Рукописи этого времени отличаются быстрым торопливым почерк, многочисленные повторы в изложении. Работа шла нелегко, с большим напряжением. Однако закончить

¹⁰ Гревс И.М., Погодин П.Д. Очерки современного исторического преподавания в высших учебных заведениях Парижа // Историческое обозрение. СПб., 1892. Т. 4. С. 177—244.

¹¹ Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий», как орудия научного изучения истории в университетах. Поездка в Италию со студентами в 1907 году // ЖМНП. 1910. № 7. С. 21—64.

¹² Гревс И.М. Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры. Происхождение свободной Флоренции // Научное слово. 1903. Кн. 4. С. 50—81; 1903. Кн. 5. С. 54—83; 1905. Кн. 1. С. 61—89; 1905. Кн. 7. С. 81—122.

¹³ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения. (Преимущественно во время империи). СПб., 1899. Т. 1.

¹⁴ Гревс И.М. В годы юности (за культуру) // Былое. Кн. 6. 1918. № 12. С. 42—88; Былое. 1921. № 16. С. 137—166.

данный труд ему было не суждено. Практически каждый мемуарный и автобиографический текст И.М. Гревса ориентирован на особый ракурс конструирования прошлого. Описывая часто одни и те же события, ученый порой придает им различный смысл, каждый раз заново воссоздавая и оценивая определенный этап истории своей жизни. Личная память профессионального историка, работая в рамках культурных конвенций, в данном случае, оказывается сложной «машиной» реконструкции и деконструкции, которая собирает и разбирает прошлое, создает «значимые» события и придает им каждый раз новый смысл, направляя и фильтруя воспоминания. Публикуемый ниже текст является еще одной попыткой автобиографической рефлексии под определенным специфическим углом зрения. Гревс рассматривал собственное профессиональное становление в контексте институционально организованной петербургской исторической науки. Описывая оригинальную программу построения медиевистики в России В.Г. Василевского в качестве «стартовой позиции», он достаточно обстоятельно реконструировал собственные мучительные поиски «своего лица» в профессии. Преимущественно внимание к процессу «встраивания» в научное сообщество в этом тексте привело к тому, что И.М. Гревс оставлял за рамками повествования подробно описанные им в других биографических текстах взаимоотношения с друзьями по «Приютинскому братству»¹⁵ или многолетнее общение с Вячеславом Ивановым, которое началось именно в указанный период¹⁶. Для данного текста подобные сведения оказывается не значимыми. Но так и должно быть — в каждом нарративе прошлое создается заново.

Предлагаемый текст представляет собой черновик введения и начатой первой части задуманной книги «Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX-го века», созданный около 1924—1926 гг.¹⁷ Работа написана черными чернилами на восьми листах с двух сторон; за нее И.М. Гревс принимался минимум два раза: об этом свидетельствует резкое изменение почерка на последних полутора листах. После завершения текста И.М. Гревс, по меньшей мере, еще два раза вычитывал его. Об этом говорят исправленные ошибки и описки, многочисленные вставки и дополнения (сначала простым карандашом, потом чернилами). Но окончательной авторской правки не было, т.к. в документе еще содержатся грамматические и пунктуационные ошибки, несогласование в предложениях,

¹⁵ Еремеева С.А. Приютинское братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX—начала XX вв. Автореф. дис. ... кандидата культурологии. М., 2007.

¹⁶ История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и комм. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.М. Ляпустиной. М., 2006.

¹⁷ Подготовка публикации, предисловие и примечания К.В. Бамбизовой и А.В. Свешникова.

многочисленные повторы. О том, что текст не завершен, свидетельствуют и пропуски (в тексте они обозначены многоточием), которые так и не были заполнены: годы окончания университета учеников В.Г. Васильевского, выходные данные некоторых книг и др. Обращаясь к европейской историографии, ученый передает название литературы на английском, немецком, французском языках. Примечания самого И.М. Гревса, обозначенные римскими цифрами, вынесены в конец текста. Подстрочные примечания принадлежат редакторам публикации. Неразборчивые слова и места клякс заключены в треугольные скобки. В фигурных скобках — {} — поздние вставки-добавления И.М. Гревса к своей работе. Все многоточия и подчеркивания принадлежат автору. Текст воспроизводится по рукописному оригиналу, который хранится в личном фонде И.М. Гревса — ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 193 — с учетом всех исправлений и вставок историка, печатается в соответствии с нормами современной русской орфографии при сохранении всех особенностей авторского стиля.

Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX века¹

У нас в России еще гораздо больше, чем на Западе, научная исследовательская работа, особенно в гуманитарной области, тесно связывалась с университетским преподаванием: ученый, почти всегда профессор, наиболее видный или наиболее «удачливый», выдвинувшийся, становится в конце концов академиком; «приватгелертер»¹⁸ — тип у нас почти неизвестный, и педагоги (директора или учителя гимназий) очень редко, не так, как в Германии, работали у нас научно и выпускали ученые сочинения. Так и В.Г. Васильевский¹⁹, исключительно одаренный талантом к научному исследованию, всегда стремился к профессорству и достиг в завершении своего поприща звания академика. Он по натуре был исследователем, по преимуществу туда и направлена была главная его любовь, но замечательная добросовестность в принимаемом на себя труде сознательно и первостепенный природный дар сам по себе сделали его выдающимся профессором.

Научное основание школы медиевистов в Петербурге, без всякого сомнения, было положено им — В.Г. Васильевским²⁰. До него в

¹⁸ Privatgelehrter (нем.) — кабинетный человек, литератор.

¹⁹ Васильевский Василий Григорьевич (1838—1899) — историк-византист, профессор Петербургского университета, академик (1890).

²⁰ И.М. Гревс посвятил своему учителю очерк «Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. набросок воспоминаний и материалы для характеристики» (ЖМНП. 1899. № 8. С. 27—74), а также работал над монографией «Василий Григорьевич Васильевский: профессор и академик. Опыт биографии (1838—1899)»,

С.[анкт]-П.[етербургском] университете не было настоящего носителя этой отрасли исторической науки. М.С. Куторга²¹ лишь случайно преподавал среднюю историю; М.М. Стасюевич²², более к ней склонный по вкусам, слишком недолго был профессором, да и, как научная величина, он не может быть сравниваем с Васильевским. Почти тридцатилетняя деятельность его, как профессора, заложила прочный фундамент его делу, посеяла живое семя «средневековых занятий», и только силы и обстоятельства, не зависевшие от него и его продолжателей, только разрушительные течения могли заглушить взлелеянный им росток. Смогут ли они вырвать его с корнем, покажет время.

Оригинальной особенностью той школы, которую хотел основать в Петербурге В.Г. В[асильев]ский, была ориентировка «медиевистских штудий» в сторону Византии; но тем самым он не намеревался оторвать русских (специально петербургских) медиевистов от изучения западного средневековья; наоборот {он очень поддерживал тех из своих учеников, которые посвящали себя западным исследованиям, и также специально тех из них, которые избрали предметом своим Византию}, ученикам своим, византинистам, он постоянно доказывал необходимость для них широкой осведомленности в средневековой истории вообще; исследование Византии русскими медиевистами должно было, по его мысли, образовать для них особый центр, важный, до тех пор пренебреженный, но именно им присущий, в силу связи византийской истории с русской, и потому долженствующий ими именно быть самостоятельно разрабатываем, как вклад русских историков в европейскую науку. Так выходило по плану В-[асильев]ского: русский медиевист, твердо закаленный основательным критическим знакомством с западным средневековьем исторически (факты и явления), историографически (научная литература) и методологически (приемы и направления), будет исследовать предназначенное ему мало изученное византийское прошлое, укрепляя и дополняя то, что делается на Западе для средневековой, у нас — для русской истории¹¹.

В.[асилию] Гр-[игорьевичу] удалось при жизни подготовить несколько специалистов по Византии — раньше всех В.Э. Регеля²³, который по выпуску был старше меня на несколько лет, потом П.В. Безобразова²⁴

которая так и не вышла в свет. См.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 21. Л. 103а—385 об.

²¹ Куторга Михаил Семенович (1809—1886) — историк-антиковед, профессор Петербургского (1838—1869) и Московского (1869—1874) университетов, член-корреспондент АН (1848).

²² Стасюевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк, журналист, общественный деятель. До 1861 г. — профессор Петербургского университета, с 1865 по 1909 г. — редактор и издатель журнала «Вестник Европы».

²³ Регель Василий Эдуардович (1857—1932) — историк-византист и славист, редактор журнала «Византийский временник».

²⁴ Безобразов Павел Владимирович (1859—1918) — историк-византист, публи-

(моего товарища по курсу), далее Х.М. Лопарева (оконч.[ившего] курс в ... г.)²⁵, А.А. Васильева (оконч.[ившего] в ... г.)²⁶, еще позже Б.А. Панченко²⁷ (оконч. [ившего] в ... г.). Но преемником себе на кафедре он избрал и завещал не одного из них, а чистого (западного) медиевиста, именно пишущего эти строки — Ив.[ана] Мих.[айловича] Гревса. Это я утверждаю не субъективно, вспоминая доброе отношение ко мне В.[асилия] Гр-[игорьеви]ча и его личные признания мне, что хотел бы видеть меня своим заместителем, но могу привести объективные факты. В-[асильев]ский в 1889 г. рекомендовал и меня для преподавания средней истории вместо себя на С[анкт]-П[етербургские] Высшие Женские Курсы^{IV}, потом он при жизни своей устроил передачу мне ист.[орико]-фил.[ологическим] факультетом с 1895—[189]6 г. чтение общих курсов и ведение обязательных практических занятий по средней истории в Университете, где я был приват-доцентом с 1890 г. В 1899 г., когда умер В.[асилий] Гр-[игорьеви]ч, strяслась надо мной беда изгнания из университета министром Н.П. Боголеповым²⁸ в связи с университетскими беспорядками; но через три года права мои были восстановлены следующими министрами П.С. Ванновским²⁹ и Г.Э. Зенгером³⁰, и коллеги по факультету остались верны завету В.[асилия] Гр-[игорьеви]ча, добились назначения моего на кафедру, за что я приношу теперь из дали времен им свою благодарность (профессорство создало для меня смысл жизни), кафедре эту я и занимал до 1923 г., когда новое, советское, правительство признало меня несоответствующим целям, перестраивавшим на новый (политический) лад университет.

Так или иначе, я с 1890 по 1923-й год (за вычетом трех лет первого изгнания) нес на себе преподавание средневековой истории, ста-

---

цист, прозаик, приват-доцент Московского университета (1888—1892), Петербургского университета (1914—1917).

²⁵ Лопарев Хрисанф Мефодиевич (1862—1918) — палеограф, исследователь древнерусской и византийской литератур.

²⁶ Васильев Александр Александрович (1867—1953) — историк-византист, приват-доцент Санкт-Петербургского университета (с 1901 г.), профессор Юрьевского университета (1904—1912), Женского педагогического института (1912—1917), Петроградского университета (1917—1925); член-корр. РАН (1919). В 1925 г. переехал в США. Закончил Санкт-Петербургский университет в 1892 г.

²⁷ Панченко Борис Амфианович (1872—1920) — историк-византист. Закончил университет в 1894 г.

²⁸ Боголепов Николай Павлович (1846—1901) — государственный деятель, министр народного просвещения (1898—1901).

²⁹ Ванновский Петр Семенович (1822—1904) — военный педагог, военный министр (1881—1898), член Государственного совета, министр народного просвещения (1901—1902).

³⁰ Зенгер Григорий Эдуардович (1853—1919) — филолог-классик, министр народного просвещения (1902—1904).

ло быть в течение тридцати лет, и потому являюсь довольно длинным звеном <... —неразб.> традиций этой отрасли знаний в петербургских кругах, и в предпринятой здесь задаче мне приходится говорить прежде всего о себе. Это не легко для того, кто скромнен по природе (могу, по совести, так себя назвать), и для того, кто (тем не менее) хочет сказать правду, как он ее добросовестно известствует; а я чувствую, что делал дело честно, как должен был, что я нечто совершил на своем поприще, но следов осязательных (в силу обстоятельств, и в силу собственных свойств) оставил мало, так что все со мною связанное исчезнет вместе со мной³¹. Между тем, для описания и выяснения многострадальных судеб истории знаний и их передачи {у нас в России и в моей деятельности} вскрывается нечто заслуживающее, может быть, воспоминаний. Поэтому я считаю себя вправе начертать такую страничку из своей научной автобиографии, которая за сим и следует^V.

— 1 —

Достоин ли я был почетного выбора В. Г. Васильевского? Мне самому тогда представлялся вопрос, почему он остановился на мне, хотя не пошедшем по самому дорогому для него — византийскому пути. Трудно ответить на такой вопрос самому о себе. В нравственном отношении, думаю: да! я был достоин (да простится мне такое самопризнание!): я всего себя радостно отдавал науке и профессорскому делу; к ней чувствовал прочное влечение, как к задаче жизни; в нем ощущал тесно связанное с работой [над ней — *повтор*] призвание — на пользу тех, кто захочет учиться у меня науке. В умственной области, конечно, я не мог претендовать (и не мечтал) равняться с ним самостоятельным талантом творческого познания, открытия и построения; но я вырос в его научной школе, был убежденным поклонником и последователем его метода в исследовании и в преподавании; я готов был сделать все, что смогу, для поддержания и дальнейшего развития завещанного им предания, проникнут был пиететом к его личности и его деятельности. Думаю, что он выбрал меня своим преемником потому, что верил моей преданности предстоявшему делу, хорошо понимал меня, как сознательного сторонника хранения и несения насаждавшейся им тра-

³¹ Несмотря на опасения И.М. Гревса воспоминания об учителе оставили: *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк // *Гревс И.М.* Тацит. М.;Л., 1946. С. 223—248; *Андреева-Георг В.П., Каменская Т.Д.* И.М. Гревс // Санкт-Петербургские Высшие Женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.). Л., 1973. С. 180—183; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступит. ст., сост., примеч., аннот. указ. имен А.И. Добкин. М. 1992 и др. К юбилейным датам ученой деятельности ученики И.М. Гревса выпустили сборники: И.М. Гревсу — ученики. 25 лет учебно-педагогической деятельности 1884—1909. СПб., 1911; Средневековый быт. Л., 1925 (в 40-летие научно-педагогической деятельности).

диции, и, мне так чувствуется, ощущал при всех различиях между нами, некое научное внутреннее средство^{VI}. Что касается византийских занятий, В.[асилий] Гр-[игорьевич], вероятно, надеялся, что добьется учреждения особой кафедры «византиеведения» в университете^{VII}.

По своему научному темпераменту я был более профессор, чем кабинетный ученый; исследовательское рвение во мне горело больше, но я, по страсти к преподаванию, почти всегда подчинял целям и интересам последнего и исследовательские задания. Мне было ясно, что тот, кто хочет быть хорошим профессором, должен находиться в постоянном напряжении исследовательских исканий; и вносил такую углубленную научную работу в выполнение задач предлагаемых мной семинариев, приостанавливая и замедляя, если нужно (а нужным это оказывалось почти всегда), личные свои изыскания. Оттого-то я и оказался мало плодovit в печати: собственные труды нарастали медленно, а семинарские темы не удавалось дорабатывать обычно до конечных пределов³², так как приходилось менять сюжеты из года в год для просветительных потребностей работавших у меня студенческих групп, накаплился богатый и, думаю, ценный материал, намечались новые выводы и точки зрения, но все это залеживалось в незаконченном виде в голове или в бумагах и не доходило до публики^{VIII}.

Хочу восстановить, прежде всего, главные предварительные этапы моего научного образования (до профессорства).

Началась для меня серьезная работа в студенческие годы в связи с составлением первого общего курса В.Г. В-[асильев]ского, над которым я трудился с его одобрения очень тщательно, дополняя его содержание и перерабатывая текст. Он содействовал уже образованию для меня излюбленных центров изучения. Таковыми выросли: первоначальное население Европы и первобытная культура вообще (захватывая кельтский вопрос и древнейшую Германию); религиозное развитие римского мира и раннее христианство; особенно же римская империя, пре-

³² В архиве И.М. Гревса содержится ряд написанных, но не опубликованных рукописей книг, например: «Данте Алигьери, мировой поэт и учитель жизни (для серии «Образы человечества»)»; «Средневековый город во Франции (Историко-топографический очерк)»; «Очерки развития средневековой культуры. Т. 1. Римские основы» и др. А также огромное количество материалов к семинарским и практическим занятиям, тематика которых была разнообразной: варварская Европа в изображении римских писателей, в ее собственной историографии, поэзии и законодательстве; зарождение и расцвет феодализма; история итальянских городов; коммунальное движение в Европе; великие проявления духовной культуры переходного периода (от Античности к Средним векам) и Средневековья: от блаженного Августина и Боэция до Франциска Ассизского и Данте. См.: Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете императорского Санкт-Петербургского Университета. СПб., 1902—1917.

имущественно в ее социальной и политической культуре. Последний вопрос остался близок мне на всю жизнь с распространением интереса и на все стороны духовной жизни эпохи.

Заняли меня и вопросы историографии — ознакомление с «историей истории»^{IX}. Всего более интересовали меня французские историки: я тогда же изучил основательно Гизо³³ и Тьерри³⁴, так же Мишле^{X35}; тогда же я увлекся Ренаном³⁶. Так образовалась во мне тяга к французам, которая и осталась характерной для меня: уклон к французским историческим школам. Больше же всех покорила меня Фюстель де Куланж³⁷. «La cite antique»³⁸ произвела очень сильное впечатление еще на первом курсе^{XI}; в те же годы, когда я начал работать у В-[асильев]ского, выходили первые издания его «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France»³⁹. Его изумительный талант, оригинальный метод, его убежденные идеи и вдохновленный энтузиазм вызвали во мне большую работу мысли и наметили многое в дальнейших путях работы. Ф.[юстеля] де Куланжа я могу положительно назвать одним из главных моих учителей, за которым я долго шел, хотя мне не удалось стать лично под его руководство, когда я попал в Париж надолго, его уж не было в живых^{XI}. Изучение этих знаменитых французов-историков ввело меня в круг вопросов глубокого средневековья, феодального общества и городского движения, которые также вошли в состав моих постоянных научных интересов. В связи с курсом Васильевского я отчасти входил и в немецкую историографию, знакомился с Гизебрехтом⁴⁰ и Зибелем⁴¹ и тщательно изучил первые тома «Deutsche Vervassungsgeschichte» Вайтца⁴². {Я сблизился тогда же с большим трудом Гиббона «The History of the decline and fall of the Roman empire»⁴³, который

³³ Гизо Франсуа Пьер Гильом (Guizot) (1787—1874) — французский историк, государственный деятель.

³⁴ Тьерри Огюстен (1795—1856) — французский историк.

³⁵ Мишле Жюль (Michelet) (1798—1874) — французский историк.

³⁶ Ренан Эрнест Жозеф (1823—1892) — философ, французский историк религии.

³⁷ Фюстель де Куланж Нума Дени (Fustel de Coulanges) (1830—1889) — французский историк. См. статью: *Гревс И.М.* Фюстель де Куланж Н. // Энциклопедический словарь / Ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. П/т. 72. Ст. 936—944.

³⁸ «Гражданская община древнего мира» (1864).

³⁹ «История общественного строя древней Франции» (1875—1892). Позднее И.М. Гревс в течение многих лет будет переводчиком и редактором этого труда в России: *Фюстель де Куланж Д.* История общественного строя древней Франции / Под ред. И.М. Гревса. СПб., 1901—1916. Т. I—VI.

⁴⁰ Гизебрехт Фридрих Вильгельм Веньямин фон (Giesebrecht) (1814—1889) — немецкий историк

⁴¹ Зибель Генрих фон (Sybel) (1817—1895) — историк и политический деятель.

⁴² Вайц Георг (Waits) (1813—1886) — немецкий историк. «История немецкой конституции». 1-е изд. — 1840-е гг., 3-е — 1880-е гг. (нем.).

⁴³ Гиббон Эдуард (Gibbon) (1737—1794) — английский историк. «История упадка

и в жизни В-[асильев]ского занимал большое место.} Так произошло первое раскрытие передо мной научно-исторических горизонтов и первое погружение в источники для представших глазу вопросов — в римских авторов (особенно Тацита⁴⁴), но уже отчасти и в надписи. Третий и четвертый курсы университета (1881—[18]82—[18]83 гг.) были очень плодотворным моментом в моем научном развитии.

Следующим шагом, сильно двинувшим меня вперед, была работа над медальной темой, предложенной В.Г. Васильевским на два года в 1882 г. под заглавием «Римско-византийское государство в VI веке по новеллам Юстиниана»⁴⁵. Я взялся за обработку этой темы в качестве кандидатской диссертации, и она мне стоила очень большого, упорного, чрезвычайно интенсивного труда, в котором я впервые познал страдания и радости исследования.

Атмосфера, в какой приходилось работать, была не очень благоприятная: не было спокойного досуга и свободы. В университете происходили беспорядки, и от всецелого погружения в науку резко отвлекало участие в тайных революционных народофильских кружках, отстраниться от которых мне мешало тогдашнее понимание чувства общественного долга^{xiii}. Но я напрягался всей силой, всю энергию отдавал тому, чтобы войти в научную работу над взятой задачей: отложив выпускные экзамены на осень, я весной уехал на все лето (1883 [г.]) в деревню, взяв с собой основной источник — «Новеллы»⁴⁶, только что выпущенные в двух томах “Bibliothek Teubneriana”⁴⁷ под редакцией Цахариэ фон Лингенталя⁴⁸; захватил я и главные пособия “Gesch.[ichte] des griechischrömischen Rechts”⁴⁹ его же, Krueger’a “Gesch. [ichte] der Quellen des römischen Rechts”⁵⁰, только что вышедшее руководство Mispoulet “Les institutions politiques de Romains”⁵¹ и другие и засел за дело.

и гибели Римской империи». В 2 тт. 1 т. — Лондон, 1776; 2 т. — Лозанна, 1787. (англ.). На рус. яз. вышла в 1883—1886 гг. в семи частях под названием «История упадка и разрушения Римской империи».

⁴⁴ Тацит Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — римский историк.

⁴⁵ Сохранившуюся рукопись медального сочинения см.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 113. 379 л.

⁴⁶ Новеллы («новые законы») — часть свода законов («Свод гражданского права»), изданных в Византийской империи в 534—556 гг. по распоряжению императора Юстиниана.

⁴⁷ Тейбнеровская библиотека — лейпцигская издательская серия, выходящая в 1880-е гг.

⁴⁸ Novellae Justinianus. Академическое издание «Новелл» Юстиниана под редакцией немецкого историка Цахариэ фон Лингенталя К.Э. (Zachariae von Lingenthal).

⁴⁹ И.М. Гревс имел в виду 1-е издание (1856 г.) «Истории греко-римского права», вышедшее под названием “Innere Geschichte des griechischrömischen Rechts”.

⁵⁰ Крюгер Павел Вильгельм Антон. История источников римского права. Лпц., 1888. (нем.).

⁵¹ Миспуле. Римские политические институты (фр.).

Открылись исправные трудности: греческий язык, юридический, то есть незнакомый <неразб.> риторический, т.е. трудный для понимания, потом — неизвестные мне тогда структуры и учреждения, на которые новеллы ссылаются, как на известные — император и его чиновники, церковь, суд, финансы и подати, общество в его различных классах и группах, частные реформы институтов, основное устройство которых надо было предварительно изучить и т.д. и т.д. Представлялась масса темных терминов. Безбрежное море или густой темный лес, как не потонуть, как найти дорогу? Нападало волнение, минутами уныние, но я твердо держался за работу, сидел над ней целыми днями.

За лето я привык к языку, освоился с главными терминами^{xiv}, прочитал весь текст — значительно более тысячи страниц. К чему же я пришел? К чему-то, что не очень ободряло. Может быть, больше половины новелл посвящены вопросам гражданского права. Где же тут государство, к описанию которого призывает тема? Но можно ли отбросить такую массу материала, не использовав его хотя бы косвенно? А остальные новеллы говорят о частностях, об отдельных изменениях в учреждениях, в формах управления, в правах и обязанностях общества, в городском устройстве, положении сельского населения. Все это концы? Но начала не известны! Где же их искать? и можно ли основываться только на пособиях? Это же будет не научная работа! Один лишь комплекс новелл давал богатую картину, из них вырисовывался цельный образ. Это были те, которые касались реформ провинциальной администрации; они живо рисовали положение областей империи. Вот, если бы весь материал был таков, я бы знал, что делать, какие подбирать данные, какой системой их строить. Но ведь это только одно, как же быть со всем остальным?

В таком состоянии исследовательского духа приехал я в Петербург к сентябрю. Я высказал все свои недоумения В-[асильев]скому, прося совета. Он отвечал уклончиво, полусловами: «Не унывайте, продолжайте, как начали. Разберетесь». Я сначала изумлялся: почему он не хочет мне помочь? Потом понял: тема — медальная, прочитал объяснительную лекцию; тем самым кончилось все, что он может. Дальше он не имеет права больше ничего говорить; он, по правилам, даже не должен знать, кто пишет у него на медаль и кто подаст сочинение. Значит ничего не поделаешь! Надо справляться самому!

Я пришел к выводу, что следует обратиться от концов к началам, от новелл к кодексам — к юстинианову⁵² и выше — подняться к феодосиеву⁵³, от VI-го к V-му веку. Но тогда, как успею справиться со всеми уч-

⁵² Corpus juris civilis. Кодекс Юстиниана — свод законов римских и византийских императоров II—начала VI в.

⁵³ Кодекс Феодосия — свод законов римских императоров, составленный в 438 г., по распоряжению Феодосия II.

реждениями? Надо будет сделать выбор. Так я и принялся. Стал штудировать кодексы и разыскивать в помощь себе, что имелось в литературе о поздней римской империи. Тогда было немного хороших солидных и свежих работ. Кодексы сильно увлекли, особенно феодосиев с великолепным, монументальным комментарием Готофреда⁵⁴ (я впервые тут познакомился с ним). {Но какую массу фактов указывал Готофред!} Рядом с государством стало связываться общество; в обществе — городские общежития и их печальное положение в поздние времена: я стал штудировать огромный первый *titulus* [титул] XII-ой книги кодекса Феодосия “*De decurionibus*”⁵⁵. Из него вскрылось угнетенное состояние средних классов под императорской властью и через него открывалось привилегированное положение высшего класса, крупных землевладельцев. Вырисовывались для сочинения два центра: куриалы (средние классы) и имперские сенаторы (высший класс) {с ее тяжелой «работительной» политикой}^{xv}, и еще объединявшая их императорская власть: городские курии и императорское сенаторство в римско-византийском государстве — в пятом и шестом веках.

Сердце радовалось выясняющемуся плану; но самосомневающийся ум все же не был покоен. Надо получить совет, одобрение, или отрицание, или поправку из опытных и авторитетных уст. Мой прежний учитель и старший друг, экономист и статистик А.В. Гизетти⁵⁶, который сочувственно следил за моей работой, настойчиво советовал мне поехать в Москву, изложить свой план и свои сомнения молодому профессору-медиевисту П.Г. Виноградову⁵⁷, увидеть, что он скажет, и сообразно с тем строить дальнейшее. Я так и сделал, отправился в Москву⁵⁸. Через оставленного при университете историка В.Н. Беркута⁵⁹ я познакомился с П.Н. Милюковым⁶⁰, только что окончившим курс университета, а он свел меня с Виноградовым. Молодой ученый, сам много занимавшийся поздней римской империей в связи со своей диссертацией

⁵⁴ Codex Feodosianus. Издание Дионисия Готофреда (Gothofredus). 1665.

⁵⁵ О декурионах (лат.).

⁵⁶ Гизетти Алексей Викторович (ум. 1914) — статистик, друг и учитель И.М. Гревса.

⁵⁷ Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — историк-медиевист, проф. Московского университета (1884—1902; 1908—1910), академик (1914); с начала XX в. одновременно был профессором в Оксфорде.

⁵⁸ Видимо, описка. Гревс был в Москве в 1883 г. По результатам этой поездки И.М. Гревс оставил воспоминания «Моя первая поездка в Москву (1883 г.)». См.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 8. 1. См.: Прошение от 23 февраля 1883 г. о предоставлении разрешения «по личной необходимости быть в Москве в отпуск на одну неделю» и билет на право выезда в Москву. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20599. Л. 30, 31.

⁵⁹ Беркут Владимир Николаевич — родственник А.В. Гизетти, ученик В.И. Герье.

⁶⁰ Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк, профессор русской истории Московского университета.

на степень магистра «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии»⁶¹, принял меня с большой простотой и серьезным, любезным вниманием^{xvi}. Я ему рассказал весь процесс своей работы, ее трудности и свои сомнения, и намечающийся план. Он выслушал все, одобрил мой поворот к кодексам и, вполне соглашаясь, что всего не обнимешь, рекомендовал сосредоточиться на уже отчасти избранном мной городском классе и городском устройстве — он это назвал «историей местного (муниципального) управления». Довести его до юстиниановых времен. Как раз существует великолепная (по типичности и содержательности) новелла его «Περὶ βουλευισμῶ»⁶², которая может явиться прекрасным заключением. Я уже хорошо знал ее. Он успокаивал меня, что В-[асильев]ский, наверное, примет во внимание мои соображения и мотивировку, найдет возможным взять на соискание медали так построенное сочинение, даже если нет, то все же получится цельная и достойная диссертация. «А без медали, — закончил П.[авел] Г.[аврилович], — можно обойтись». С последним был согласен, в принципе, и я, только отчасти это мне казалось отступлением, признанием своей несостоятельности, неспособности справиться с темой. Но я отгонял от себя осложняющую дело тревогу.

Вернулся я из Москвы в полном удовлетворении^{xvii}. Какие же сделать выводы из удачи? П.Г. Виноградов находит возможным выполнить ответственную работу на почве одного вопроса о муниципальном управлении. Я расширю план, как он у меня намечался: возьму из общества сенаторов и куриалов и накрою их, так сказать, государством: предположу большое введение о развитии императорской власти — короче о принципате, полнее о диоклетианово-константиновской империи. Основные части будут разработаны по источникам, общее введение по научным сочинениям с привлечением лишь главных подлинных текстов.

Стало быть, я остался при общем плане, сложившемся у меня из реальной работы, но он теперь проверен П.Г. Виноградовым, и им выдвинута та часть, которая и мне представлялась главной. {Успокоенный таким авторитетным признанием и одобрением, я рассуждал про себя;} сейчас и примусь за окончательную разработку вопроса, но с ориентировкой не к «местному самоуправлению», а к «структуре класса» куриалов и взаимоотношений его с государством. Социальный строй интересовал меня больше, чем политические учреждения. Нужно сказать, что я находился тогда под известным влиянием идей Маркса; особенно важным объектом изучения рисовался «класс»; внимание привлекалось и к

⁶¹ Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.

⁶² о членах совета (греч., искаж.).

«экономической базе»^{xviii}. «Историческим материалистом» я не сделался, но обращение научного внимания к вопросам хозяйственного прошлого принесло мне, как историку, существенную пользу, и сосредоточение на их изучении окрасило целую полосу в истории моих занятий.

Так и выросло мое сочинение. Оно вышло очень обширным. Первая часть его занята была большим очерком развития императорской власти от Августа до Юстиниана. Конечно, он был компилятивный, но думал я над ним много, главные источники, определяющие «рост монархической конструкции» в Риме, я изучил и через изложение «проводил идею» о пагубности абсолютизма и бюрократизма в жизни великого государства, {как мне казалось, укрепляя ее некоторыми собственными аргументами и лично выдвинутыми данными}. К этой первой части для характеристики процесса образования органов абсолютной монархии я присоединил главу о развитии класса «имперского чиновничества» (сословия официалов). Вторая (большая) часть заключала в себе систематическую разработку истории муниципального управления в империи и на этом фоне, проникая вглубь социальной почвы, судеб сословия куриалов в поздней римской монархии, т.е. средних классов и среднего же землевладения. Над этим сюжетом я очень много работал; эту часть удалось привести к стройному, законченному виду, и тайный голос говорил мне, что нечто хорошее в моей работе есть^{xix}. Построить такую же картину для сенаторского класса мне не удалось успеть; но материал и по этой проблеме собран был у меня порядочный — в составленном конспекте заключался остов целой особой важной работы; обработать ее я замышлял впоследствии^{xx}.

Так или иначе, в таком виде работа вылилась у меня к сроку (к декабрю 1884 года⁶³), и я решился подать ее, начертав на запечатанном конверте, в который вкладывалась бумажка с фамилией автора, и который вскрывался только в случае удостоения сочинения награды (в отрицательном же случае конверт сжигался, и имя неудачного автора оставалось неизвестно); начертал не свойственный мне по характеру девиз “*Wer nichts wagt, nichts erreicht*”⁶⁴ — как бы бросился в воду.

Сочинение мое было удостоено золотой медали с глубоким, смелым, тронувшим меня отзывом В.Г. Васильевского^{xxi}. Эта работа вместе с до-

⁶³ У Гревса дата подачи медального сочинения напечатана «1884 г.». Но по документам удостоверение от имени декана на ист.-фил. факультет об окончании в декабре 1883 г. факультета с правом получения степени кандидата по представлении им диссертации (от 23.12.1883). См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20599. Л. 36.

⁶⁴ «Кто не дерзает — ничего не достигает» (нем.). В конце абзаца стоит знак «решетка», свидетельствующий о дополнительной вставке, которой так и не последовало. Вероятно, автор хотел еще раз вернуться к этой части своей работы. Кстати, тот же девиз был и на магистерской диссертации П.Г. Виноградова «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии». СПб., 1880.

верием и доброй оценкой обусловила для меня «оставление при университете для приготовления к профессорскому званию», т.е. открыла для меня дорогу, о которой я мечтал еще гимназистом.

Оставлен я был при университете весной 1884 г. на два года, потом оставление продлено было еще на один год. В течение этого срока я должен был подготовиться к устному испытанию на степень магистра, а далее мне была обещана заграничная командировка. Дальнейшее мое продвижение в научной области, однако, приостановлено было многими условиями. После окончания университета начались мои учительские занятия в средних школах^{xxii}, которые и времени требовали много (мы же выходили из университета без всякой педагогической подготовки), и увлекли меня сильно: проснулась педагогическая жилка. Практика преподавания в средней школе^{xxiii} замедлила мою научную подготовку, но я благодарен ей за пробуждение любви к учительству и за опыт, за выработку некоторых приемов и навыков, оказавшихся полезными и в профессорстве⁶⁵. Кроме того, от усиленного и усидчивого кабинетного труда отвлекало и многое другое: возбужденная оппозиционная и революционная атмосфера в университете и в обществе^{xxiv}, работа в студенческом научно-литературном обществе, направлявшаяся кружком его руководителя к насаждению в студенчестве организованной коллегиальной научно-подготовительной работы (это было нечто вроде идейной «прогрессивной» борьбы против студенческих беспорядков и преждевременного юношеского «политиканства») — все это захватывало силы, внимание и чувства, занимало, одушевляло, но и утомляло. Рядом с этим в интимном содружестве, к которому я примкнул, происходила своеобразная интенсивная работа общественно-этического и религиозного характера по выработке миросозерцания и жизнестроительства в осуществлении принимаемых идей, и на это шла большая энергия, поддерживаемая горячим энтузиазмом^{xxv}. В этом было большое внутреннее благо, но внешнее движение профессиональной жизни держалось неизбежно и сильно, хотя и в него вносились ценные освещающие и осмысливающие «одухотворяющие начала».

Надобно было сдавать экзамен на магистра; В-[асильев]ский стыдил и торопил, я все чувствовал себя недостаточно подготовленным. Не знаю, когда бы я решился сам, но осенью 1888 г. В.[асилий] Г.[ригорье]вич ультимативно потребовал, чтобы я приступил к испытанию безотлагательно. Пришлось подчиниться, и я бесконечно благодарен учите-

⁶⁵ Фонд Гревса содержит большое количество заметок, лекций, конспектов по педагогике и психологии, которые интересовали ученого. Долгое время, например, в гимназиях Шаффе и Таганцевой историк читал курсы по указанным дисциплинам.

лю за то, что он помог мне сдвинуться с места: дожидаться совершенства в подготовке было нельзя, сколько бы ни откладывать.

На петербургском историко-филологическом факультете долго держались системы допускать до магистерского экзамена молодых ученых лишь при готовой диссертации, и если она получала хорошую положительную оценку, то на устный экзамен смотрели, как на нечто формальное и ограничивались очень незначительными требованиями. Но с введением устава 1884 г. дело должно было измениться. Устав предоставлял выдержавшему испытание, так называемому «магистранту», особые права: он мог открывать преподавание в университете в качестве приват-доцента и до защиты диссертации. Поэтому задерживать кандидата с экзаменом уже нельзя было, и требования пришлось повысить для воспрепятствования невеждам пробираться в приват-доцентуру.

Но В-[асильев]ский, по-прежнему, не любил устных экзаменов, признавая их обременительным школьным упражнением. Поэтому он и мне предоставил самому выработать программу вопросов, исходя из своих занятий и интересов, не ограничиваясь лишь советами и рекомендацией при установке пособий и пределов. Так получилась у меня следующая схема экзаменных тем.

1) Аристократические классы в поздней римской империи (сословие имперских сенаторов), их экономическое и социальное положение и отношение к государству и другим классам общества. Этот вопрос прямо выростал из прежних моих занятий, но В-[асильев]ский настаивал, чтобы я выбрал его предметом своей диссертации на степень магистра. Мне это тоже улыбалось: я был к ответу совсем готов, я продолжил особенно усиленно заниматься римской империей, больше всего ее социальной историей^{xxvi}, но теперь привлекая и вопросы духовной культуры в связи с тогда появившимися работами G. Boissier “*La fin du paganisme*”⁶⁶, J. Réville “*La religion á Rome sous les Sévères*”⁶⁷; штудировал я с большим интересом и труд L. Friedländer’а “*Sittengeschichte Roms*”⁶⁸, и у меня уже слагалась склонность к постановке исторических исследований на отдельные проблемы, как синтезов их социальных и духовно-культурных элементов, на что Фридлиндер давал красивые и основательные образцы.

2) Варварское государство на римской почве: первое взаимодействие между греко-римской и германской культурой в раннем средневековье со специальным изучением особенностей в общественном строе королевства Бургундов в Галлии. Эта тема предлагалась специально В-[асильев]ским; он находил полезным, чтобы я больше, чем раньше, углубился в эту

⁶⁶ Буассье Г. «Падение язычества» (в 2-х тт. — 1891).

⁶⁷ Ревиль Ж. «Религия в Риме при Северах» (1886).

⁶⁸ Фридлиндер Людвиг — немецкий ученый-антиковед, автор «Истории римских нравов» (1862—1871).

эпоху и проштудировал как хроники, так и варварские правды, освещающие вопрос. И я ничего против этого не имел, охотно вдался в вопрос, не вполне для меня новый, но недостаточно еще продуманный.

3) Города в главных странах средневековья (Франция и Германия; отчасти Англия и Италия): факты и теории. Опять же этот вопрос интересовал меня еще в студенческие годы, я продолжал им заниматься и годы учительства, и он с тех пор сопровождает меня, как важный объект исследования до сих пор.

4) Монархия и генеральные штаты во Франции. Этот сюжет предложен был мне В.Г. Васильевским для продвижения моих занятий в позднее средневековье, к которому я менее подходил в прежние годы.

Задачи были выбраны для меня удачные и требования установлены Васильевским с внимательной индивидуализацией в сторону моих уже начатых занятий с соблюдением преемства работы. Экзамен по средней истории я сдал легко и успешно. Но предстояли еще другие предметы. От отдельных вопросов по древней истории Ф.Ф. Соколов⁶⁹ меня великодушно освободил, ссылаясь на то, что главная тема — средневековая, по которой я отвечал, тесно соприкасается с древней. Но по новой — наложена была большая работа. Занявший к тому времени кафедру Н.И. Карев⁷⁰ иначе смотрел на магистерские экзамены, чем петербургский историко-филологический факультет: он находил, что это — последний момент для историка расширить свое знакомство с отделами, не входящими в его ближайшую специальность, т.е. пополнить свое образование в научной исторической литературе; потому он стремился по своему предмету ввести московскую систему больших требований для магистерских экзаменов. Я попал одним из первых под такой уклон. Мне были предложены им четыре громадных вопроса в неопределенных пределах: 1) итальянский гуманизм, 2) реформация в Германии, 3) английская революция и 4) французская революция. Указанная для изучения литература также поражала своей громадностью и неопределенностью. По гуманизму предложены были три, основные тогда, общие труды Буркхардта⁷¹, Фойгта⁷² и

⁶⁹ Соколов Федор Федорович (1841—1909) — историк-эллинист, археолог, создатель русской эпиграфической школы.

⁷⁰ Карев Николай Иванович (1850—1931) — профессор всеобщей истории Санкт-Петербургского университета и Высших Женских Курсов, член-корр. АН СССР.

⁷¹ Буркхардт Яков (Burchhardt) (1818—1897) — швейцарский историк культуры и философ, классический труд которого «Культура Италии в эпоху Возрождения» вышел в 1860 г. Русский перевод издан в 1876 г.

⁷² Фойгт Георг (Voigt) — немецкий историк, специалист по истории итальянского гуманизма эпохи Возрождения. Русский перевод его основной работы см.: Фойгт Г. Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма / Пер. с нем. И.П. Рассадина. М., 1884—1885. Т. 1—2.

Гейчера⁷³, по другим вопросам обширные, многотомные, полные неуспеваемой массой фактов сочинения Ранке “Deutsche, Französische, Englische Geschichte”⁷⁴, кроме того, труд Гизо по английской революции⁷⁵, ряд монографических работ по политическим идеям XVII и XVIII вв., с включением обязанности познакомиться в подлиннике с “Esprit des lois”⁷⁶ Монтескье и “Contract Social”⁷⁷ Руссо, наконец, значительная коллекция книг по французской революции. Всего полагалось, если держаться количественного критерия, не меньше чем тысяч двенадцать — пятнадцать страниц. С волнением начал я вчитываться в эту magna moles и скоро пришел в отчаяние. Все это усвоить невозможно или требуются целые годы. Выбрать существенное, но с каких точек зрения? и для этого требуется много времени, и потом, что же желает экзаменатор? Надо было или отказаться от экзамена, или найти выход. Я нашел последний. Только что вышли тогда литографированные записки лекций Н.И. Кареева на В.[ысших] Ж.[енских] Курсах, которые охватывали все периоды, в каких должны были вращаться мои чтения. Я решил дело так: экзаменатор сам не может помнить все факты, заключающиеся в огромных рекомендованных пособиях. Руководить мной при выборе того, что важно, по его мнению, и могут именно его лекции. Я проштудирю основательно последние и разведу их тем, что запомнил из прочитанных книг. Так удастся схватить в руку путеводную нить. Так я и сделал, и все прошло вполне удачно. Предложен мне был вопрос о реформах законодательного собрания (assemblée législative) во французской революции, и я ответил, вполне удовлетворив Ник.[олая] Ив.[ановича], который, мож.[ет] б.[ыть], и не угадал, что его лекции явились для меня спасательным мостом среди безбрежных волн потребованных им книг; он видел только, что сложные расположения фактов и обобщающие их взгляды соответствуют точкам зрения, какие он считает правильными, и остался доволен. Впоследствии, когда мы стали коллегами, я рассказывал Н.И. Карееву, как я вывернулся из поставленной им мне западни или избавился от скачки с препятствиями. При

⁷³ Скорее всего, имеется в виду: Гейчер (Гейссер) Людвиг (Häusser). Лекции по истории Реформации / Под ред. В.М. Михайловского. М., 1882.

⁷⁴ Ранке Леопольд фон (Ranke) (1795—1886) — немецкий историк, автор многочисленных работ по новой истории стран Европы. «История Германии, Франции, Англии» (нем.).

⁷⁵ Гизо Франсуа (1787—1874) — французский историк. Первые два тома его работы «История Английской революции» вышли в 1826—1827 гг. Русский перевод см.: Гизо Ф. История английской революции. СПб., 1868. Т. 1—3.

⁷⁶ Монтескье Шарль Луи (Montesquieu) (1689—1755) — французский философ-просветитель. «О Духе Законов» (фр.).

⁷⁷ Руссо Жан-Жак (Rousseau) (1712—1778) — французский философ-просветитель. Общественный договор (фр.).

этом я оспаривал правильность его системы (традиции В.И. Герье^{xxvii})⁷⁸ заваливания магистрантов книгами. Николай Иванович защищался, но на этом мы с ним до конца не сошлись. Впрочем, и он впоследствии смягчил свой ригоризм в таких экзаменных строгостях.

По русской истории профессор Е.Е. Замысловский⁷⁹ поставил мне лишь два вопроса: один испрошен был мною самим — Земские соборы Московского государства; он был интересен мне параллельно с французскими генеральными штатами. В своей известной статье о земских соборах В.И. Сергеевич⁸⁰ уже проводил такую параллель. Войти в литературу вопроса мне было очень любопытно и заманчиво. Другая тема предложена была экзаменатором из новой русской истории — Россия и Франция в царствование Александра I. Наполеоновская эпоха всегда интересовала меня, дипломатическая и военная история, как мало мне знакомые, также представляли приманку новизны. Тогда только что вышло большое сочинение Надлера «Александр I и идея Священного союза»⁸¹; сама по себе основная мысль труда вряд ли основательна, но я был увлечен блестящей повествовательной стороной этого сочинения: от некоторых частей даже трудно оторваться, так колоритно и наглядно, с очень большим искусством ведется рассказ. Кроме того, я мог воспользоваться печатавшимися в «Историческом Вестнике» первыми этюдами для будущего большого труда Шильдера об Александре⁸². Заниматься по этим темам было приятно, и на предложенные вопросы я ответил успешно.

Последний экзамен по политической экономии, также обязательный для магистрантов-историков, был, можно сказать, смехотворен. Профессор Георгиевский⁸³ больше самоуверенный, чем ученый, относился

⁷⁸ Герье Владимир Иванович (1837—1919) — историк, профессор всеобщей истории Московского университета, член-корр. РАН.

⁷⁹ Замысловский Егор Егорович (1841—1896) — историк, источниковед, профессор Санкт-Петербургского университета, член-корр. РАН.

⁸⁰ Сергеевич Василий Иванович (1832—1910) — историк права, профессор (1872), ректор (1897—1900) Петербургского университета. Имеется в виду его работа: *Сергеевич В.И. Земские соборы в Московском государстве*. СПб., 1875.

⁸¹ *Надлер А. Император Александр Первый и идея Священного союза*. В 4-х тт. Рига, 1885—1888.

⁸² Скорее всего, Гревс имел в виду очерки Н.К. Шильдера «Россия и ее отношение к Европе в царствование императора Александра I. 1806—1815 гг.» в журнале «Русская старина» за 1888—1890. Позднее выйдет обобщающая работа: *Шильдер Н.К. Александр Первый, его жизнь и царствование*. СПб., 1897—1898. Т. 1—4. Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — генерал-лейтенант, историк, член-корреспондент АН, с 1899 г. — директор Публичной библиотеки.

⁸³ Георгиевский Павел Иванович — профессор политической экономии. Окончил университет в 1879 г., а в 1882 г. стал читать лекции в Санкт-Петербургском университете; в 1890 г. утвержден ординарным профессором.

к филологам {т.е. к их знаниям и способностям заниматься политической экономией} свысока и давал им для выучки (именно так!) жиденький учебник Левассера⁸⁴. Ответить поэтому было легко, а прочесть рядом с этим солидный курс исторического направления Рошера⁸⁵ для меня было поучительно. Так и кончились мои магистерские экзамены перед весной 1889 г. к большому для меня облегчению. Радовался и В.Г. В-[асильев]ский, прямо отечески принимавший победу моей судьбы.

Летом 1889 г., освободившись от обузы экзамена, к которому приходилось готовиться параллельно все еще усиленному педагогическому труду, я отправился первый раз в жизни за границу⁸⁶. Это была не научная, а «разведочная» поездка. Высшей целью ее было посещение парижской всемирной выставки, устроенной в столетие французской революции; но по существу меня просто влекло увидеть давно желанный запад. Прожил я за границей только около двух месяцев, был в Берлине, Дрездене, проехал Тюрингию, на пароходе совершил рейнскую поездку от Майнца до Кельна, пробыл в Париже около месяца и затем через Швейцарию (Женеву, Лозанну, Берн, Цюрих), Тироль и Вену вернулся домой югом (Киев, Москва).

Эта кратковременная поездка дала массу впечатлений, которые могли казаться мимолетными, но оказали на меня чрезвычайно глубокое действие, произвели почти переворот в ощущении мира, в общем состоянии души. Вырвался я на запад довольно поздно: мне было уже 29 лет, проходила молодость, наступала зрелость, но поездка как бы раскрыла много сохранявшихся еще под спудом юношеских сил {и черт: способность перерождения, яркого обновления идей и расширения горизонта}. Она, эта поездка, окончательно сделала меня западником, сторонником европейской культуры, {поклонником ее великих плодов} (с пониманием ее язв и дефектов). Я до тех пор почитал ее теоретически, теперь она захватила меня всей полнотой своей жизни, и не столько {современностью, совершающейся кругом огромной работой

⁸⁴ Левассер Пьер Эмиль (Levasseur). Основы политической экономии / Пер. с фр. П.И. Георгиевского. СПб., 1888.

⁸⁵ Рошер Вильгельм Георг Фридрих (Roscher) — немецкий экономист, один из родоначальников исторической школы в политической экономии. Скорее всего имеется в виду его фундаментальный труд “System des Volkswirthschaft” в 4-х тт. На русский язык были переведены только два первых тома: Система народного хозяйства. Руководство для учащихся и деловых людей / Пер. с нем. И. Бабста. М., 1860. Т. 1. Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и другим отраслям первоначальной промышленности. Руководство и книга для чтения государственным и сельским хозяевам / Пер. с нем. М. Щепкина и Э. Циммермана. М., 1869—1870. Т. 2. Отд. 1—2.

⁸⁶ См.: Мое первое путешествие на Запад (лето 1889 г.) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 9.

хозяйственной и умственной, строительством,} бытовым благоустройством (хотя и эта сторона импонировала), сколько грандиозными памятниками старины, тут сказался во мне историк по призванию, я был просто очарован развернувшейся передо мной картиной созидательного труда веков {наслоений, сменявших друг друга эпох}.

Во мне тут впервые в музеях Берлина, в дрезденском Цвингере, в Лувре пробудилось с живостью художественное чувство при созерцании произведений античной пластики и живописи ренессанса. Но главное, что на меня действовало, это подлинные свидетели прошлого на местах, древние памятники и их комплексы в естественной обстановке природы и жизни, среди которой они возникли, существовали и продолжали жить. Оригинальные образы городов различного типа в Германии, как Дрезден и более древние, и тем внушительные, Майнц и Кельн с его великолепным собором, тогда еще окруженным лепившимися к его стенам старыми домами, маленькие оседлости средней Германии (Mitteldeutschland), как Вена или Эрфурт, развалины феодальных замков на крутых боках «батюшки Рейна»^{xxix}, но главное — колоссальная, бесконечно много содержательная фигура Парижа. Я махнул рукой на выставку, которая старалась блеснуть гл.[авным] об.[разом] экономическими достижениями различных стран, останавливался лишь на художественных ее отделах (тут я впервые заинтересовался новой французской живописью), и стал целыми днями {неутомимо, от раннего утра и до позднего вечера,} ходить по знаменитому городу, впиваясь взорами в вещественные творения великой истории, вникая ухом в голоса времен.

Мной пережиты были чудные дни в этот месяц первого «парижского хождения»; а на обратном пути меня провожали альпийские исполины, своеобразные города Швейцарии и Тироля и, наконец, веселая и пышная столица Австрии^{xxxi}. Вернулся я с совершенно новым основным духовным настроением, с полученным очень большим новым опытом именно потому, что пережитое в первом путешествии на Запад легло не на душу зеленого юнца, а человека, уже поработавшего и много передумавшего, эти два месяца произвели воздействие и перемену, мож.[ет] быть, равносильные годам. Разведочная поездка действительно подготовила к долгому, трудовому использованию культурных сокровищ в дальнейшем. Это был замечательный момент в моей жизни, и воспоминания о нем живы во мне, как будто все происходило вчера.

Васильевский встретил меня по возвращении оживленными расспросами, весело выслушивал мои увлеченные рассказы. Потом он настаивал, чтобы я немедленно ходатайствовал о допущении меня к преподаванию в университете, что и было осуществлено при поддержке факультета. Вступительную лекцию я прочитал в начале второго семе-

стра 1889—[18]90 уч.[ебного] года, в конце января⁸⁷. Курс посвящался поздней римской империи, и в ней, в этой лекции, выяснялась задача курса, как объяснить падение империи, критически относясь к взгляду тех историков, которые, следуя Тациту, видят в империи упадок с самого начала, и Фюстель де Куланжу, который называет такой упадок иллюзией предвзятой мысли. Лекция моя имела успех, на ней, по обычаю, присутствовали профессора и преподаватели разных факультетов и много студентов^{xxx1}. Но курс провести, как хотелось и как должно было, не удалось вполне: времени оставалось мало до весны, и полугодие было бурное — опять с беспорядками и волнениями.

Начавшееся мое университетское преподавание прервано было командированием меня за границу с научной целью сначала на год, потом еще на год и три месяца с 1-го июня 1890 года. Главным заданием мне ставилась подготовка диссертации на степень магистра. Так как тогда много избиралось из области истории римской империи, то мне рекомендовалось провести часть командировки в Риме и Италии, где я найду наилучшие условия работы в самом центре римского мира, который должен буду изучать. Относительно остальной части, мне предоставлялось строить свое место пребывания и подробности в программе занятий, как я найду целесообразным, но предполагалось, что я сосредоточусь, главным образом, на работе в Париже, где также можно было найти все удобства для занятий над вопросами диссертации в богатейших книгохранилищах. Кроме того, представлялось полезным там же ознакомиться с постановкой средневековых исследований и системой научного преподавания истории в университете^{xxx1} и в специальных высших школах⁸⁸.

Ехал я за границу с высоким вдохновением, питаемым давнишней лучшей мечтой о завершении своего научного образования, согретой непосредственными {яркими и сильными} впечатлениями предшествующего лета. Но предстояли большие материальные трудности и душевные тревоги. Я находился в сложном семейном положении: я был женат и у нас была трехлетняя дочь, надо было устраиваться за границей троим вместе; к тому же жена моя была серьезно больна. После первоначальной ориентировки в Париже я решил значительную часть первого года провести в Италии, но летние месяцы для лечения жены врачи предписывали пробить в Женеве. Мне было удобно и там для того, чтобы войти в работу над диссертацией и подготовиться к Италии, как в смысле усовершенствования в языке, так и в смысле разработки пла-

⁸⁷ Первая вступительная лекция в университете, январь 1890 года. См.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 72.

⁸⁸ В результате совместного труда с П.Д. Погодиным вышли «Очерки современного исторического преподавания в высших учебных заведениях Парижа». См.: Историческое обозрение. СПб., 1892. Т. 4. С. 177—244.

на занятий. Там мы и устроились, и я занимался {в течение июня, июля и части августа} в университетской библиотеке, пользуясь вместе с тем богатой библиотекой “Société de lecture”⁸⁹.

Я решил, прежде всего, пересмотреть весь имеющийся у меня материал для истории «сенаторской аристократии» поздней римской империи, составить инвентарь и классификацию источников, которые подлежали дальнейшему изучению, и ознакомиться внимательнее, чем удавалось раньше, с надлежащей литературой. Совершенно ясно наметились, рисовавшиеся уже и раньше, два главных центра или линии исследования: политическая (сенаторский класс в государстве, как привилегированное сословие) и экономическая (сенаторский класс как носитель крупного землевладения).

Изучал я пр.[ежде] вс.[его] научную литературу: интерес направлялся к источникам, как к подлинному материалу, который должен был открыть правду об изучаемых явлениях; настойчиво приковав мысль, что надо погружаться в них прямо, что чужие мнения могут стеснить самостоятельность; но вместе с тем и сознавалась необходимость хорошо осведомиться, как обстоит дело в науке, чтобы идти все-таки на плечах предшественников, не подвергать себя опасности начать сначала то, что уже сделано другими, открывать уже открытые Америки. {У меня вообще устанавливалась точка зрения, что должно работать в преемстве и солидарности с «отцами», не противопоставлять себя им с самонадеянным притязанием, что все до сих пор делалось плохо, и я все исправлю (впоследствии в учениках часто приходилось бороться с подобными притязаниями), а солидаризируясь с работами крупных историков, стараясь двигать вперед за ними дальше научное здание истории, опираясь на их положительные результаты, усматривая ошибки и пополняя пробелы — не состязаться, а помогать.} Это заставило, в конце концов, выработать план историографического изучения вопроса. Женевские месяцы я хорошо использовал для ознакомления с римскими «государств.[енными] древностями» времен империи, прежде всего, а потом с тем, что имелось по изучению экономического строя поздней античности. Эта работа пошла успешно — я серьезно пересмотрел длинный ряд основных сочинений, старых и новых (параллельно выстраивались и группировались серии источников).

Я пришел к выводу, что исследование поздней империи, несмотря на, казалось бы, давность классического вопроса о «причинах упадка римск.[ой] империи», над которым трудились и размышляли уже Монтескье и Гиббон, стоит очень слабо; далее выяснилось, что историки интересовались в этом периоде гораздо больше развитием учреждений (госуд.[арственным]

⁸⁹ Общество чтения (фр.).

устройством и администрацией), чем социальными отношениями. В таком смысле то, что я делал над изучением сенаторского класса после окончания университета, ставя задачу — сквозь выяснение словной организации его и политического положения — высмотреть его связи с другими группами обществ, представляет уже особую постановку, обновляющую исходную точку исследования. Это меня ободряло: нащупывалась, стало быть, своя линия — сенаторский класс в поздней империи, как социальная сила. Сочетая то, что выяснилось мне вновь в Женеве, с теми материалами и набросками, которые накопились из года в год, начиная с моей медальной диссертации, я получил уже ценный план социально-политической проблемы, которая раскрывала мне исследовательский путь вперед⁹⁰.

Изучая избранную тему со всех ее сторон, я постоянно чувствовал, что она в различных важных фактах соприкасается с экономической историей, теснее всего с развитием землевладения; вместе с тем я убеждался, что эта область в прошлом римского мира разработана чрезвычайно мало, несамостоятельно и отрывочно, что здесь почти все надо было начинать сначала и ставить по-новому. Это увлекало, но вместе пугало; задача осложнялась: социальная история сенаторского класса, выяснилось, должна строиться неизбежно на «земельной базе» путем освещения его власти над землей и тем, кто сидел на земле и от нее кормился. Ориентировка исследующего внимания менялась, переходя в сферу аграрной истории.

Примечания И.М. Гревса

- I. Средняя история в Петербурге после В.Г. Васильевского.
- II. У Васильевского на ряду с разработкой чисто византийских тем ставились именно вопросы для «русско-византийских исследований». У второго после него нашего византиеведа Ф.И. Успенского⁹¹ (который не был еще его учеником, но наверно многое от него воспринял) византийские работы направлялись больше в сторону связи Византии с южным славянством.
- III. О них я в наст.[оющем] очерке не говорю (скажу особо): они или не были, или мало были связаны с Петерб.[ургским] университетом.
- IV. Я должен был снач.[ала] преподавать там древнюю историю, потом перейти на среднюю; их директор В.П. Кулин⁹² почему-то предпочел на первую пригласить другого, средняя же была там поручена мне в 1892 г. после возвращения из командировки.
- V. В силу, говорю, особенностей своей природы (т.е. недоверия к себе, доходившего

⁹⁰ Подробные отчеты о занятиях за границей см.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 10, 11.

⁹¹ Успенский Федор Иванович (1845—1928) — историк-византист, профессор Новороссийского (1879—1894), Петроградского/Ленинградского (1922—1927) университетов, директор Российского археологического института в Константинополе (1894—1915), академик АН (1900).

⁹² Кулин Василий Петрович (1822—?) — педагог, директор Петербургских ВЖК в 1889—1894 гг.

иногда до болезненности) и в силу обстоятельств (страшной заваленности текущей работой и неблагоприятия в самом течении своей жизни) я мало оставляю трудов, которые свидетельствовали бы сами собой о моей исследовательской и профессиональной работе. Друзья и товарищи мало помогли мне в моих дефектах, не побуждали к опубликованию того из моих работ, что, может быть, стоило обнародования, хотя бы для поднятия вопросов и критической проверки предлагаемых решений; они не поддерживали меня в злключениях, не содействовали продвижению меня на такие посты или положения, где легче и удобнее было бы заниматься наукой. Так мне грозит (т.е. образу моему) погружение во мрак. Я не страдаю честолюбием, а все же не хочется совсем пропасть в небытие. Обо мне могли бы сказать мои ученики после моей смерти. Мне бы это было дороже. Но захотят ли? Во всяк.[ом] случ.[ае] я уже не прочту того, если они что и скажут. В этих строках я хочу напомнить о себе своим ученикам. Мне такой ретроспективный взгляд на свою деятельность кажется не бесцельным, как акт предсмертного самосознания, самоистории важной части своей души, и, быть может, действ.[ательно], страничка из истории нашей ун.[иверситетской] науки.

- vi. Такое предположение, которое я себе втайне высказывал, и тогда, сильно поднимало во мне дух.
- vii. Прибавлю еще, что среди немногих византистов, готовых к занятию кафедры, лиц, которых можно было бы определенно и ярко предпочесть мне, не оказывалось: полагаю, что это было так.
- viii. Другой причиной такой моей неплодотворности была именно постоянная жесткая самокритика; наконец, преемство работы нарушалось нестройностью самого хода моей жизни, несколько раз повторявшимися в ней надрывами.
- ix. Тогда же на меня действовала <...—неразб.> хорошая и полезная книга харьковского профессора М.Н. Петрова «Национальная историография Франции, Англии и Германии» (Харьков...)⁹³.
- x. Отчасти прикасался я и к <...—неразб.>, Клоду Фориэлю и др.[угим] представителям французских медиэвистов-романтиков.
- xi. В связи с лекциями народной словесности Ор.[еста] Фед.[оровича] Миллера⁹⁴.
- xii. Я счастлив, что мне удалось приобщить к русск.[ой] научн.[ой] литературе его шеститомное главное сочинение переводом и введением, которые помогают его изучить.
- xiii. Революционного темперамента во мне не было, но внушенная всей реакционной обстановкой идея, что надо бороться за свободу и право, повелевала воле обязанность идти в революцию. Последняя, однако, не могла воодушевить: это были годы разложения партии народной воли и изменения ее членов, падения деятельности.
- xiv. Я сам в пометах пособий напал на словарь Heumann'a "Lexicon zu den Quellen des Römischen Rechts"⁹⁵, потом на руководство по римскому праву Mauynza, Rivier⁹⁶ и Walter'a⁹⁷.

⁹³ Петров М.Н. Новейшая историография в Германии, Англии и Франции. Сравнительный историко-библиографический обзор. Харьков, 1861. Петров Михаил Назарович (1826—1887) — историк-германист, профессор Харьковского университета.

⁹⁴ Миллер Орест Федорович (1833—1889) — историк русской литературы, фольклорист, критик и публицист, работал в Санкт-Петербургском университете доцентом, затем профессором с 1864 по 1888 гг.

⁹⁵ Хойманн. Словарь источников римского права.

⁹⁶ Ривье Альфонс. Introduction historique au droit romain. Берлин, 1881.

⁹⁷ Вальтер Фердинанд. Geschichte des romischen Rechts bis auf Justinian. Бонн, 1860.

- xv. Последнее заинтересовало и как историческая аналогия с тем, что происходило <неразб.> в абсолютной монархии, подданным которой являлся я сам.
- xvi. Тогда в нем не образовалось еще того высокомерия и олимпийской важности, которые многих отдаляли от него впоследствии.
- xvii. Это было на масленице 1884 г.⁹⁸ Проведенные в Москве несколько дней стали одним из самых приятных юношеских воспоминаний: Виноградов сильно поднял во мне дух своим положительным отношением к тому, как я работал, и что сделал. Кроме того, я тогда же испытал первое очень сильное впечатление от монументальной картины города при посещении Кремля с Беркутом, знатоком и ценителем московской старины. В дальнейшей моей жизни монументальная и топографическая история городов станет важным элементом моих интересов, вкусов и занятий.
- xviii. Марксистское течение в нашей оппозиционной и революционной интеллигенции еще тогда не возникло, но Маркса кружки (те, что были посерьезнее) уже изучали, и в таком смысле влиял на меня тот же А.В. Гизетти, который называл себя «социал-демократом немецкого типа».
- xix. Очень ценным спутником-руководителем при работе для меня оказался уже тогда не новый, но замечательно хороший труд E. Kuhn “Städtische u.[nd] bürgerliche Verfassung des römischen Reichs” (2 тома, 1860-е гг.)⁹⁹. Бывает, что плохие работы оказывают хорошую службу. Так и мне тогда помогла еще фр.[анцузская] диссертация Houdouy “Le droit municipal” (1875)¹⁰⁰ — абсолютная и формальная, но регистрирующая большое количество фактов.
- xx. Несколько огорчило меня позже предвосхищающее появление в... [1888] г. книги Ch. Lécrivain “Le sénat dans l’empire Romain de Dioclétien à Justinien”¹⁰¹; но, собственно говоря, труд по этому вопросу, как он задумывался мной тогда, до сих пор не написан, так что стоит заняться им в новом виде и теперь.
- xxi. Этот отзыв я здесь привожу, он затерян в университетских отчетах, а мне ценно, чтобы выслушано было не мое личное слово, а компетентная оценка крупного ученого, который благородно отрешился от придирчивого требования точного выполнения его задания и признал правильность его изменений со стороны начинающего, честно выполнившего труд по мотивированному другому плану¹⁰².
- xxii. Это оказалось необходимо для жизни, т. к. стипендию я получил далеко не сразу.
- xxiii. Мне пришлось давать уроки в учебных заведениях различных типов: в мужской и женских гимназиях, в женских институтах и в кадетском корпусе.
- xxiv. Протекала вторая половина 80-х лет (годы реакции царствования Александра III и попыток борьбы с ней, легальной и подпольной).
- xxv. Мне удалось отчасти охарактеризовать то, что переживалось в эти годы, и очертить круг моих ближайших друзей в отрывках из воспоминаний, напечатанных в журнале «Былое»¹⁰³.

⁹⁸ Гревс был в Москве в 1883 г.

⁹⁹ Кун Эмиль. Основной государственный и гражданский закон Римской империи. Лейпциг, 1864.

¹⁰⁰ Муниципальное право. Париж, 1875.

¹⁰¹ *Лекриван Ш.* Сенат во времена римской империи от Диоклетиана до Юстиниана. Париж, 1888.

¹⁰² Указанного отзыва в рукописи нет.

¹⁰³ Гревс И.М. В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 6 (12). С. 42—88; 1921. № 16. С. 137—166.

- xxvi. Из этой области напечатана была моя первая большая научная статья о колонате по поводу знаменитого исследования (Recherches [surquelques problèmes d'histoire. Le colonat Romain]) Фюстеля де Куланжа в «Жур. Мин. Нар. Просвещения» (1886 ноябрь и дек.) при содействии В.Г. В-[асильев]ского¹⁰⁴.
- xxvii. Она в Москве потом доводилась до последних пределов нецелесообразности А.Н. Савиным¹⁰⁵ (к его экзамену почти нельзя было подготовиться).
- xxviii. Потом он заменил его собственным, ничем не лучшим руководством.
- xxix. Так ярко рисовались в этих непосредственно теперь созерцавшихся рамках воскресавшие картины средневековой истории.
- xxx. В Женеве мне посчастливилось встретиться с М.П. Драгомановым¹⁰⁶, который мне рассказал многое о научной исторической работе на западе, об археологических изысканиях и музейном строительстве.
- xxxi. Между ними я особенно заметил живые глаза внимательно и с участием слушавшего юноши, который потом оказался А.Е. Пресняковым¹⁰⁷ (я его потом называл своим первым слушателем). Присутствовал и попечитель округа, генерал Новиков¹⁰⁸, который очень обиделся на меня за критику Тацита, мне ничего не выразил, но В-[асильев]скому сказал, что если мне поверить, то надо классических писателей забросить на чердак. Так он не одобрил у меня защиту прогрессивности ранней империи против Тацита, и генерал Новиков в данном случае бессознательно оказался республиканцем.
- xxxii. Тогда еще отдельных “*faculté des lettres*”¹⁰⁹.

¹⁰⁴Гревс И.М. Новое исследование о колонате // ЖМНП. 1886. № 11. Отд. 2. С. 118—165; № 12. Отд. 2. С. 307—354.

¹⁰⁵Савин Александр Николаевич (1873—1923) — историк-медиевист, специалист по истории Англии, профессор Московского университета.

¹⁰⁶Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895) — историк, публицист, один из лидеров «украинского сепаратизма». С 1876 г. жил за границей.

¹⁰⁷Пресняков Александр Евгеньевич (1870—1929) — историк, специалист по истории России, с 1918 г. — профессор Петроградского университета, член-корр. АН.

¹⁰⁸Новиков И.П. — генерал, в 1880-е гг. — попечитель Петербургского учебного округа.

¹⁰⁹Историко-филологические факультеты во Франции.

Список сокращений

- ВЖК — Высшие женские курсы
ВИ — журнал «Вопросы истории»
ВФ — журнал «Вопросы философии»
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЖМНП — «Журнал Министерства Народного Просвещения»
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИНТ — Институт истории науки и техники АН СССР
ИОБО — журнал «Известия Одесского библиографического общества»
ЛИФЛИ — Ленинградский институт истории, философии и лингвистики.
НЛО — журнал «Новое литературное обозрение»
ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПФА РАН — Петербургский филиал архива Российской академии наук
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РГИА — Российский государственный исторический архив
СВ — журнал «Средние века»
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга
ФОН — факультет общественных наук

Библиография

Неопубликованные источники

- Враская О.Б.* Н.П. Анциферов. Биографическая справка // ОР РНБ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26. 4 л.
- Гревс И.М.* Автобиография // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 1. 2 л.
- Гревс И.М.* “Confessiones” блаженного Августина как источник для биографии автора и как памятник современной ему культуры. Лекция // ПФА РАН. Ф. 726. оп. 1. Д. 149. 400 л.
- Гревс И.М.* Генетический принцип в истории (к курсу 1906—1907 гг.) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1 Д. 311. 12 л.
- Гревс И.М.* Данте Алигьери, мировой поэт и учитель жизни // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 211. 137 л.
- Гревс И.М.* Из книги моего прошлого. Как сложилось мое понимание истории человечества (Зарождение интереса к истории у меня в раннем возрасте и развитие основных взглядов на историю в дальнейшей моей жизни и деятельности). Весна 1941. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 15. 21 л.
- Гревс И.М.* Иосиф Алексеевич Покровский (Набросок воспоминаний о друге) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39. 45 л.
- Гревс И.М.* История Рима. Введение: культура и ее источники, всемирная история, Средние века. Отд.1. Культурное дело Рима. Гл 1—3. Отд. 2. Величие и слабость. Гл. 1—6. (1923—1924) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 77. 178 л.
- Гревс И.М.* К курсу духовной культуры (1909—1914) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 318. 264 л.
- Гревс И.М.* К курсу всеобщей истории (1898—1890) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 72. 63 л.
- Гревс И.М.* К курсу средневековой духовной культуры. 1909—1910 гг. Планы, конспекты, выписки, библиографические заметки // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 118. 201 л.
- Гревс И.М.* К курсу Средних веков. Программа лекций средневековой истории (для женских курсов). Наброски к плану, указания источников. Конспекты, заметки, выписки // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 112. 234 л.
- Гревс И.М.* Конспект лекции по истории раннего Средневековья (1900-е гг.) // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 71. 4 л.
- Гревс И.М.* Курс 1912—1913 уч. г. о культуре Римской империи // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 82. 25 л.
- Гревс И.М.* Курс по разложению Римской империи и зарождению феодализма в Европе. Практические занятия (1902—1905) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 125. 264 л.

- Гревс И.М. Лекции по эпохе Возрождения // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 159. 697 л.
- Гревс И.М. Лекционная и университетская система преподавания истории. Конспект заметки (1900-е гг.) // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 82. 19 л.
- Гревс И.М. Начала новоевропейской культуры (Общий план курса) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 316. 6 л.
- Гревс И.М. О моих «лекторских» особенностях // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1. 36 л.
- Гревс И.М. Определение истории (из изучения ее развития). Конспект лекции // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 312. 35 л.
- Гревс И.М. Отзыв о диссертации О.А. Добиаш-Рождественской «Кульг святого Михаила в латинском Средневековье» (Петроград, 1917) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 164. 237 л.
- Гревс И.М. Отзыв о диссертациях Л.П. Карсавина // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 165. 307 л.
- Гревс И.М. Отзыв о труде Н.П. Оттокара «Очерки по истории французских городов в Средние века» 1921 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 143. 13 л.
- Гревс И.М. Очерки по истории древнейшей французской культуры (феодализм и высшие формы общественности «варваризация» и «цивилизация») V—XIV вв. Т. 1. Происхождение (V—X вв.) Т. 2. Расцвет (XI—XIV вв.) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 119. 84 л.
- Гревс И.М. Очерки развития средневековой культуры. План работы. // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 55. 3 л.
- Гревс И.М. Очерки развития средневековой культуры. Предисловие и библиографические выписки и заметки // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 56. 7 л.
- Гревс И.М. По истории средневековой Италии. Лекции. Заметки, выписки // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 131. 702 л.
- Гревс И.М. По истории средневековых городов. Фрагменты трудов, лекции, библиографические выписки, заметки (1912—1913) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 147. 339 л.
- Гревс И.М. Пределы науки. Конспект лекции // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 313. 41 л.
- Гревс И.М. Принцип научности. Наброски // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 314. 27 л.
- Гревс И.М. Прогресс. Конспект с библиографическими заметками. Конец 1890-х гг. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 50. 97 л.
- Гревс И.М. Продолжение классической культуры и развитие Христианства в раннем Средневековье // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 117. 30 л.
- Гревс И.М. Семинарий по изучению Августина. «К задаче семинария вообще и августиновского в частности». Семинар августиновско-пелагианский (второй год) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 150. 1510 л.
- Гревс И.М. Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX-го век. Черновик // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 193. 8 л.
- Гревс И.М. Флоренция на грани XIII и XIV вв. По хронике Дино Кампаньи. Семинарий для студентов 4 курса. Практические занятия по истории Флоренции // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 132. 542 л.
- Гревс И.М. Фрагменты лекций по истории средних веков // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 328. 1116 л.
- Гревс И.М. Франциск Ассизский. Исследование сочинений, список литературы // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 155. 734 л.
- Гизетти А.А. К вопросу о средневековом мирозерцании (“De civitate Dei” и

- “Divina Comedia”). Библиографические справки и отчет о занятиях. 1919 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 222. 32 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Автобиографии и материалы к ним // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1. 20 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Отчет о Командировке в Париж в 1908—1909 гг. // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 18. 29 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Французская историография XVI—XX вв. Лекция, прочитанная на ВЖК // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 188. 20 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Выступление на диспуте Н.П. Оттокара // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 223. 27 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Историография французского Средневековья. Конспекты лекций и материалы к ним. 1923 г. // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 203. 307 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Габриэль Моно. Лекция на ВЖК 1912/1913 уч. г. // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 191. 9 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Средневековый быт. Конспект лекций, читанных в ЛГУ // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 200. 455 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Культ камней в северо-западной Франции в раннем Средневековье. После 1931 г. // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 144. 7 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Всеобщая история техники в Средние века. Планы отдельных томов и глав... // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 156. 46+4 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Характеристика М.А. Тихановой // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 134. 1 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Отзыв о работах А.И. Хоментовской // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 154. 1 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Отзыв о работе Е.Ч. Скржинской «Очерки по истории техники западноевропейского Средневековья» // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 169. 4 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Феодализм в эпоху Каролингов. Конспекты лекций. 1912—1913 // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 190. 408 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Крестовые походы. 1913—1914 // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 192. 539 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Франция в позднее Средневековье 1915—1916 // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 194. 302 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* История раннего Средневековья. 1918 // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 197. 288 л.
- Розенталь Н.Н.* С Н. Анциферовым в университете и на преподавательской работе в школе // ОР РНБ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 397. 5 л.
- Рудинская Евг.* Отчет о занятиях в семинарии «Августин и пелагианство» 1913—1914 гг. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 153. 11 л.
- Шаскольский П.Б.* Христианские катакомбы в окрестностях Рима и их изучение // ОР РНБ. Ф. 835. Оп. 1. Д. 1. 22 л.
- Шаскольский П.Б.* История папства. Лекции // ОР РНБ. Ф. 835. Оп. 1. Д. 2. 49 л.
- Шаскольский П.Б.* История средних веков. Лекции // ОР РНБ. Ф. 835. Оп. 1. Д. 3. 44 л.
- Шаскольский П.Б.* Земельный вопрос в Поздней Римской империи // ОР РНБ. Ф. 835. Оп. 1. Д. 4.
- Штерн Г.А.* Н.П. Анциферов (Биографическая справка). Май 1958 // ОР РГБ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 27. 4 л.

Письма и дневники

- Гиттис И.В.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 70. 86 л.
- Гревс И.М.* Письма к Н.П. Анциферову (1926 — 1941) // ОР РНБ. Ф. 27. Д. 232. 28 л.
- Гревс И.М.* Письма к М.С. Гревс // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 78. 249 л.
- Гревс И.М.* Письма к О.А. Добиаш-Рождественской (1902—1903, 1932—1933) // ОР РНБ. Ф. 254. Д. 291. 13 л.
- Гревс И.М.* Письма С.Ф. Платонову 1892—1902 // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2714. 40 л.
- Гревс И.М.* Письма С.Ф. Платонову 1903—1929 // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2715. 35 л.
- Вейдле В.В.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 46. Л. 1.
- Головань В.А.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 71. 2 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 94. 18 л.
- Карсавин Л.П.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 135. 177 л.
- Крусман В.Э.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 163. 24 л.
- Крусман В.Э.* Письма С.Ф. Платонову // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3290. 3 л.
- Нечаева Е.Н.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 240. 14 л.
- Петри Г.Э.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 261. 4 л.
- Платонов С.Ф.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 267. 7 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5691. 153 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5692. 95 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5693. 25 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5694. 80 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5695. 120 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5697. 77 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5698. 93 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5699. 71 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5700. 31 л.
- Платонова Н.Н.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 5701. 131 л.
- Флоровская К.В.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 332. 24 л.
- Федотов Г.П.* Письма И.М. Гревсу // ПФАРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. 7 л.

Делопроизводственные материалы

- Анциферов Н.П.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. Д. 11096. 152 л.
- Вейдле В.В.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 11248. 131 л.
- Гревс И.М.* Трудовые списки // ОР РНБ. Ф. 1148. Оп. 1. Д. 2. 6 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Личное дело // Архив ИИМКРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 186. 9 л.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Свидетельство об окончании ВЖК // ОР РНБ. Ф. 254. Оп. 1. Д. 6. 2 л.
- Карсавин Л.П.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10049. 89 л.
- О командировке за границу, оставление при С.-Петербургском университете. Содержание профессорским стипендиатам С.-Петербургского университета // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 589.

- О командировке за границу, оставление при С.-Петербургском университете. Содержание профессорским стипендиатам С.-Петербургского университета // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 706.
- Оттокар Н.П.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10205. 73 л.
- Петри Г.Э.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10789 а. 94 л.
- Розенталь Н.Н.* Личное дело // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 565. 6 л.
- Скржинская Е.Ч.* Личное дело // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 615. 2 л.
- Тиханова М.А.* Личное дело // Архив ИИМК Ран. Ф. 2. Оп. 3. Д. 631. 3 л
- Тэнтел А.А.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10495. 51 л.
- Шаскольский П.Б.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10034. 68 л.
- Штейн С.И.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10688. 153 л.
- Цемш Н.С.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10497. 53 л.
- Федотов Г.П.* Об оставлении при университете по кафедре всеобщей истории // ЦГИА СПб., Ф. 14. Оп. Д. 10765. 65 л.

Опубликованные источники

Научные и учебные работы

- Агрикультура в памятниках западного Средневековья. Переводы и комментарии / Под ред. О.А. Добиаш-Рождественской и М.И. Бурского. М.;Л., 1936.
- Анциферов Н.П.* О литературных экскурсиях // Педагогическое дело. 1921. № 1/2. С. 7—12.
- Анциферов Н.П.* О методах и типах историко-культурных экскурсий. Пг., 1923.
- Анциферов Н.П.* Город как объект экскурсий для школьников // Внешкольные экскурсии. М., 1924. С. 50—73.
- Анциферов Н.П.* Французское общество в эпоху абсолютизма (расцвет и упадок) // *Петри Г.Э., Анциферов Н.П.* Исторические экскурсии по Эрмитажу. Л., 1924. С. 27—40.
- Анциферов Н.П.* Черты сельского быта во французском городе // Средневековый быт. Л., 1925. С. 148—160.
- Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л., 1926.
- Анциферов Н.П.* Теория и практика литературных экскурсий. Л., 1926.
- Анциферов Н.П.* Теория и практика экскурсий по обществоведению. Л., 1926.
- Анциферов Н.П.* Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) (1918—1942) / Публ., пред., коммент. А.В. Свешников, Б.Е. Степанов // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 107—162.
- Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города в русской художественной литературе — Пе-

- тербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / Сост., послеслов. Д.С. Московской. М., 2009.
- Бахтин В.В.* Школьная жизнь в Париже XII века // Средневековый быт. Л., 1925. С. 200—232.
- Бахтин В.В.* Две хартии раннего Средневековья из архива Инды // *Analecta medii aevi*. Л., 1925. Вып. 1. С. 62—77.
- Бахтин В.В.* К истории корбийского письма // *Analecta medii aevi*. Л., 1927. Вып. 2. С. 61—78.
- Бахтин В.В.* Рукописи из собрания Оливера Кромвеля в Государственной Публичной библиотеке // Книга о книге. Л. 1929. Вып. 2. С. 207—218.
- Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. М., 1996.
- Ваганян В.* Ученый мракобес // Под знаменами марксизма. 1922. № 3. С. 44—55.
- Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков / Сост. Л.Н. Заливалова; отв. ред. Г.Е. Лебедева, С.Е. Федоров. СПб., 2008.
- Васильевский В.Г.* Избранные труды по истории Византии / Ред.-сост. М.В. Грацианский, П.В. Кузенков. М., 2010. Т. I—II.
- Гизетти А.А.* Индивидуализм и общественность в мировоззрении Н.К. Михайловского // Заветы. 1914. № 1. С. 25—42.
- Гизетти А.А.* О мирозерцании Вл. Соловьева // Там же. 1914. № 2. С. 1—21.
- Гизетти А.А.* От декабристов до наших дней. Пг., 1917.
- Гизетти А.А.* Стихия и творчество (русская литература перед лицом революции) // Мысль. Пг., 1918. Вып. 1. С. 243—245.
- Гизетти А.А.* Мировоззрение Герцена. Пг., 1920.
- Гизетти А.А.* П.Л. Лавров и Вл. Соловьев. Опыт сравнительной характеристики. Пг., 1922.
- Гревс И.М.* Венецианский купец (по Шекспиру) // Детское чтение. 1880. Т. XXV. С. 1—39.
- Гревс И.М.* Новое исследование о колонате // ЖМНП. 1886, ноябрь. Отд. II. С. 118—165; 1886, декабрь. Отд. II. С. 307—354.
- Гревс И.М., Погодин П.Д.* Очерки современного исторического образования в высших учебных заведениях Парижа // Историческое обозрение. СПб., 1892. Т. 4. С. 177—244.
- Гревс И.М.* История Средних веков. Лекции, читанные им на Санкт-Петербургских ВЖК в 1892—1893 гг. / Сост. слушательницами 3-го курса. СПб.: лит. Руднева. Ч. 1—2.
- Гревс И.М.* История Средних веков. Лекции, читанные им на Санкт-Петербургских ВЖК в 1895—1896 гг. / Сост. слушательницами 3-го курса. СПб.: лит. Богданова. Ч. 1—2.
- Гревс И.М.* Очерки по истории римского землевладения во времена империи. Римское землевладение в момент утверждения империи по сочинениям Горация // ЖМНП. Ч. ССХСVII. 1895, январь. Отд. II. С. 66—187.
- Гревс И.М.* Очерки по истории римского землевладения во времена империи. Т. Помпоний Атик (друг Цицерона), как представитель особого типа магнатов в переходную эпоху от республики к империи // ЖМНП. Ч. СССIII. 1896, февраль. Отд. II. С. 297—340; Ч. СССVI. 1896, июль. Отд. II. С. 1—66; Ч. СССVII. 1896, сентябрь. Отд. II. С. 76—140.
- Гревс И.М.* Очерки по истории римского землевладения преимущественно во вре-

- мена империи. «Большое сельское поместье» в Древней Италии и крупное землевладение в римском мире к концу I века империи (древнеримское крестьянство и первоначальное возникновение крупной земельной собственности) // ЖМНП. Ч. CCCXIII, 1897, сентябрь. Отд. II. С. 1—55; Ч. CCCXIII, 1897, октябрь. Отд. II. С. 277—324.
- Гревс И.М. Очерки по истории римского землевладения. (Преимущественно во времена империи). СПб., 1899. Т. 1.
- Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. Набросок воспоминаний и материалы для характеристики. СПб., 1899.
- Гревс И.М. Предисловие к русскому переводу (от редактора) // *Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции* / Под ред. И.М. Гревса. СПб., 1901. Т. 1. Римская Галлия. С. VII—XXII.
- Гревс И.М. Тацит // *Энциклопедический словарь* / Ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. П/т. 64. С. 692—697.
- Гревс И.М. Преподавание истории в Тенишевском училище в 1900—1901 уч. г. // Памятная книжка Тенишевского училища в Санкт-Петербурге за 1900—1901 уч. г. СПб., 1902. С. 76—86.
- Гревс И.М. Несколько теоретических замечаний об общеобразовательном значении экскурсий // Памятная книжка Тенешевского училища за 1900—1901 уч. г. СПб., 1902.
- Гревс И.М. Фюстель де Куланж Н.Д. // *Энциклопедический словарь* / Ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. П/т. 72. С. 936—944.
- Гревс И.М. Феодализм. СПб., 1903.
- Гревс И.М. Научные прогулки по образовательным центрам Италии. Очерки флорентийской культуры. М., 1903.
- Гревс И.М. Научные прогулки по образовательным центрам Италии. Очерки флорентийской культуры. Происхождение свободной Флоренции // *Научное слово*. 1903. Кн. 4. С. 50—81; Кн. 5. С. 54—83; 1905. Кн. 1. С. 61—89; Кн. 7. С. 81—122.
- Гревс И.М. Предисловие к русскому переводу (от редактора) // *Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции* / Под ред. И.М. Гревса. СПб., 1904. Т. 2. Германское вторжение и конец империи. С. VIII—XI.
- Гревс И.М. Очерки по истории римского землевладения. Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета древнего мира. Данные Петрония по аграрной истории 1 века империи // ЖМНП. Ч. CCCLXI, 1905, сентябрь. Отд. II. С. 42—93.
- Гревс И.М. Предисловие к русскому переводу (от редактора) // *Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции* / Под ред. И.М. Гревса. СПб., 1907. Т. III. Франкская монархия. С. IX—XIV.
- Гревс И.М. Предисловие к русскому переводу (от редактора) // *Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции* / Под ред. И.М. Гревса. СПб., Т. IV. Аллод и сельское поместье феодальной эпохи. С. VII—XVIII.
- Гревс И.М. Предисловие к русскому переводу (от редактора) // *Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции* / Под ред. И.М. Гревса. СПб., 1910. Т. V. Начало феодального строя. С. IX—XVII.
- Гревс И.М. К теории и практике «экскурсий», как орудия научного изучения истории в университетах. Поездка в Италию со студентами в 1907 году. СПб., 1910.
- Гревс И.М. Аврелий Августин // *Новый энциклопедический словарь* / Ред. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1911. Т. 1. Стб. 128—149.

- Гревс И.М. Новый труд по религиозной истории средневековой Италии в русской научной литературе // ЖМНП. 1913, декабрь. Ч. XLVIII. С. 336—405.
- Гревс И.М. Рец. на: Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни... // Научный исторический журнал. 1913. Т. 1. Вып. 1. С. 80—91.
- Гревс И.М. Когда был написан трактат Данте о монархии? // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 354—385.
- Гревс И.М. Рец. на: Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество... // ЖМНП. 1915, сентябрь. С. 152—181.
- Гревс И.М. Предисловие к русскому переводу (от редактора) // *Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции* / Под ред. И.М. Гревса. СПб., 1916. Т. VI. Перерождение королевской власти в каролингскую эпоху. С. IX—XII.
- Гревс И.М. История одной любви. И.С. Тургенев и Полина Виардо. М., 1917.
- Гревс И.М. О культуре (Мысли при чтении «Переписки из двух углов» Вяч. Иванова и М.О. Гершензона. Петербург: «Альконост», 1921) / Публ. В.П. Корзун, А.В. Свешников // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. Омск, 1999. С. 270—318.
- Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии (Основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 21—34.
- Гревс И.М. Рец. на: Добиаш-Рождественская О.А. Западная Европа в Средние века (Пг., 1920) // Педагогическая мысль. 1922. № 1—2. С. 69—74.
- Гревс И.М. Лик и душа Средневековья (По поводу вновь вышедших трудов) // Анналы. Пг., 1922. № 1. С. 21—40.
- Гревс И.М. Дальние гуманитарные экскурсии и их воспитательно-образовательный смысл // Экскурсионное дело. 1922. № 4. С. 1—12.
- Гревс И.М. Из «Studi Danteschi»: первая глава трактата Данте «De Monarchia» // Из далекого и близкого прошлого: Сборник этюдов по всеобщей истории в честь Н.И. Кареева. Пг.;М., 1923. С. 120—134.
- Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана // Анналы. Пг., 1923. № 2. С. 255—258.
- Гревс И.М. Природа «экскурсионности» // Педагогическая мысль. 1923. № 3. С. 1—11.
- Гревс И.М. Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. № 3. С. 245—258.
- Гревс И.М. Кровавая свадьба Буодельмонте. Жизнь итальянского города в XII веке. Л., 1925.
- Гревс И.М. Природа «экскурсионности» и главные типы «экскурсий в культуру» // Экскурсии в культуру: Методический сборник. М., 1925. С. 5—34.
- Гревс И.М. Город как предмет школьного краеведения // Вопросы краеведения в школе / Под ред. В.П. Буланова и И.С. Симонова. Л., 1926. С. 64—87.
- Гревс И.М. Краеведение в современной германской школе. Материалы для реформы учения. Л., 1926.
- Гревс И.М. М.Э. Шайтан (Некролог) // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926. Л., 1927. Вып. 1. С. 1—2.
- Гревс И.М. Массимо д'Адзелио (Жизнь и творчество) // *Массимо д'Адзелио. Этторе Фьерамоска или Барлеттский турнир*. М.;Л., 1934. С. 7—39.
- Гревс И.М. Италия и Европа в XV и XVI веках // *Массимо д'Адзелио. Этторе Фьерамоска или Барлеттский турнир*. М.;Л., 1934. С. 41—64.
- Гревс И.М. Комментарии // *Данте Алигьери. Божественная комедия* / Пер. М.Л. Лозинского, вст. ст. А.К. Дживелегова. Л., 1939. С. 200—232.

- Гревс И.М. Сен-Симон, его жизнь и мемуары // *Сен-Симон. Мемуары.* М.;Л., 1934. Т. 1. С. 7—33.
- Гревс И.М. Топография загробных миров у Данте // *Данте Алигьери. Божественная комедия.* Ад. / Пер. М.Л. Лозинского, вст ст. А.К. Дживелегова. Л., 1939. С. 197—199.
- Гревс И.М. Эпизод из истории развития земельной собственности римских императоров и ее социальной роли (Земельное состояние Ливии, второй жены Августа) // *Ученые записки ЛГУ. Серия Исторических наук.* Л., 1941. Вып. 12. № 86. С. 24—46.
- Гревс И.М. Тацит. Жизнь и творчество. М.;Л., 1946.
- Гуковский М.А. Турниры в Италии на исходе Средних веков // *Средневековый быт.* Л., 1925. С. 50—71.
- Гуковский М.А. Итальянские энциклопедии XIII—XVI веков // *Труды Института книги, документа и письма.* Л., 1932, Т. 2. С. 43—64.
- Гуковский М.А. К вопросу о сущности так называемого «Итальянского Возрождения» // *Памяти Карла Маркса. Сборник статей.* Л.;М., 1933. С. 733—755.
- Гуковский М.А. Советская литература по итальянскому Возрождению // *Исторический сборник.* М.;Л., 1934. № 1. С. 310—326.
- Гуковский М.А. Кто был истинным руководителем восстания чомпи? // *Ученые записки ЛГПИМ им. А.И. Герцена.* 1939. Т. 12. С. 189—196.
- Гуковский М.А. Заметки и материалы по истории рода Медичи. 1. // *Ученые записки ЛГУ. Серия Исторических наук.* Л., 1939. № 39. С. 162—190.
- Гуковский М.А. Заметки и материалы по истории рода Медичи. 2. // *Ученые записки ЛГУ. Серия Исторических наук.* Л., 1941. № 86. С. 144—162.
- Гуковский М.А. Итальянское Возрождение в трудах русских ученых XIX века // *ВИ.* 1945. № 5. С. 97—118.
- Гуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М.;Л., 1947.
- Гуковский М.А. Леонардо да Винчи. Творческая биография. М.;Л., 1958.
- Гуковский М.А. Мадонна Литта. Картина Леонардо да Винчи в Эрмитаже. М.;Л., 1959.
- Гуковский М.А. Итальянское Возрождение / Под ред. А.Н. Немилова, А.С. Кантор-Гуковской. 2-е изд. Л., 1990.
- Дживелегов А.К. Начало итальянского Возрождения. М., 1925.
- Дживелегов А.К. Очерки итальянского Возрождения. М., 1929.
- Дживелегов А.К. Никколо Макиавелли // *Макиавелли. Сочинения.* М., 1934. Т. 1. С. 17—122.
- Добиаш-Рождественская О.А. “Jus procurationis” в церковной практике XIII в. // *К 25-летию учебно-педагогической деятельности И.М. Гревса.* СПб., 1911. С. 139—157.
- Добиаш-Рождественская О.А. К изданию сборников актов западной церкви (О некоторых рукописях Парижской Национальной библиотеки) // *К 25-летию учебно-педагогической деятельности И.М. Гревса.* СПб., 1911. С. 161—179.
- Добиаш-Рождественская О.А. Генрих I // *Новый энциклопедический словарь.* СПб., 1913. Т. 13. Стб. 27—28.
- Добиаш-Рождественская О.А. Генрих II // *Новый энциклопедический словарь.* СПб., 1913. Т. 13. Стб. 28—29.
- Добиаш-Рождественская О.А. Генрих V // *Новый энциклопедический словарь.* СПб., 1913. Т. 13. Стб. 32—33.
- Добиаш-Рождественская О.А. Генрих VI // *Новый энциклопедический словарь.* СПб., 1913. Т. 13. Стб. 33—34.

- Добиаш-Рождественская О.А.* Генрих Лев // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 13. Ст. 49—50.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Некоторые проблемы иоакимизма и петербургская рукопись сочинений Иоахима Флорского // ЖМНП. Ч. XLVII. 1913. № 6. Отд. 2. С. 249—271.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Заметки и извлечения из латинских рукописей СПб. Имп. публичной библиотеки // Историческое обозрение. 1914. Т. 19. С. 1—18.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Письмо князей-крестоносцев к папе Урбану II // Н.И. Карееву — ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 30—43.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Церковное общество во Франции в XIII веке. СПб., 1914. Ч. 1. Приход.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Религиозная психология Средневековья в трудах русского ученого // Русская мысль. 1916, № 4, апрель. С. 23—28.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Культ Св. Михаила в латинском Средневековье V—XIII века. СПб., 1917.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Пг., 1918.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Западная Европа в Средние века. Пг., 1920.
- Добиаш-Рождественская О.А.* История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Пг., 1923.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Крестом и мечом. Приключение Ричарда I Львиное Сердце. Л., 1925.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Из жизни мастерских письма (преимущественно на французском севере) // Средневековый быт. Л., 1925. С. 233—259.
- Добиаш-Рождественская О.А.* К преданию поэзии голиардов // *Analecta medii aevi.* Средневековье в рукописях Публичной библиотеки. Л., 1925. Вып. 1. С. 7—48.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Мастерские письма на заре западного Средневековья и их сокровища в Ленинграде. Л., 1930.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII века // Вспомогательные исторические дисциплины. М.;Л., 1937. С. 109—139.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Хроника Адемара Шабанского и ее рукопись в Ленинграде // Ученые записки ЛГУ. Серия Исторические науки. 1939. Вып. 4. С. 146—161.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья. Научное наследие. М., 1989.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Крестом и мечом. Приключение Ричарда I Львиное Сердце. 2-е изд. М., 1991.
- Добиаш-Рождественская О.А.* Духовная культура средневекового Запада. М., 2010.
- Егоров Д.Н.* Средневековая религиозность и труд Л.П. Карсавина // Исторические известия. 1916. № 2. С. 85—106.
- Егоров Д.Н.* Ответ Л.П. Карсавину // Там же. 1916. № 3—4. С. 147—157.
- Карсавин Л.П.* *Speculum Perfectionis* и его источники (*Speculum Perfectionis, Scripta Leonis* и *Speculum Лемменса*) // ЖМНП. Новая серия. Ч. XVI, 1908, июль. № 7. С. 103—141.
- Карсавин Л.П.* Из истории духовной культуры падающей Римской империи: политические взгляды Сидония Апполинария // ЖМНП. Новая серия. Ч. XVI. 1908, июль. № 2. С. 285—336.

- Карсавин Л.П.* Speculum Perfectionis и его источники (Speculum и легенда Челано) // ЖМНП. Новая серия. Ч. XIX. 1909, май. № 5. С. 22—56.
- Карсавин Л.П.* К вопросу о Speculum Perfectionis (Списки Speculi и Legenda Antiqua) // Историческое обозрение. 1909. Т. 15. Отдел 1. С. 1—21.
- Карсавин Л.П.* Магнаты конца Римской империи: быт и религия // К 25-летию учебно-педагогической деятельности И.М. Гревса. СПб., 1911. С. 1—62.
- Карсавин Л.П.* Авзоний // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 1. Стб. 192—193.
- Карсавин Л.П.* Авит // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 1. Стб. 198—199.
- Карсавин Л.П.* Амвросий // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 2. Стб. 330—332.
- Карсавин Л.П.* Бенедикт Нурсийский // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 5. Стб. 868—870.
- Карсавин Л.П.* Бенефиций // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 5. Стб. 882—884.
- Карсавин Л.П.* Монашество в Средние века. СПб., 1912.
- Карсавин Л.П.* Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков. СПб., 1912.
- Карсавин Л.П.* Бернард Клервосский // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 6. Стб. 157—161.
- Карсавин Л.П.* Болландисты // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 7. Стб. 386—388.
- Карсавин Л.П.* Бонифаций I // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 7. Стб. 509—510.
- Карсавин Л.П.* Бонифаций VIII // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 7. Стб. 511—516.
- Карсавин Л.П.* Борджья, Чезаре // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 7. Стб. 555—558.
- Карсавин Л.П.* Бруно, Джордано // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 8. Стб. 262—268.
- Карсавин Л.П.* Бургундия // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 8. Стб. 619—622.
- Карсавин Л.П.* Бургундские законы // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 8. Стб. 622—623.
- Карсавин Л.П.* Ваганты // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 9. Стб. 227—229.
- Карсавин Л.П.* Вальденсы // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 9. Стб. 440—448.
- Карсавин Л.П.* Варварские законы // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 9. Стб. 535—537.
- Карсавин Л.П.* Виктор // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1912. Т. 10. Стб. 530—531.
- Карсавин Л.П.* Генрих VII // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 13. Стб. 34.
- Карсавин Л.П.* Генрих Лозаннский // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 13. Стб. 35.

- Карсавин Л.П.* Гильом из Сент-Амура // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 13. Стб. 507—508.
- Карсавин Л.П.* Григорий I Великий // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 5—8.
- Карсавин Л.П.* Григорий II // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 9.
- Карсавин Л.П.* Григорий III // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 9.
- Карсавин Л.П.* Григорий IV // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 9.
- Карсавин Л.П.* Григорий V // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 10.
- Карсавин Л.П.* Григорий VI (антипапа) // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 10.
- Карсавин Л.П.* Григорий VI // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 10.
- Карсавин Л.П.* Григорий VII // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 10—13.
- Карсавин Л.П.* Григорий VIII (антипапа) // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 13.
- Карсавин Л.П.* Григорий VIII // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 13.
- Карсавин Л.П.* Григорий IX // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 13—14.
- Карсавин Л.П.* Гроот, Геерт // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 91—92.
- Карсавин Л.П.* Дамиани, Петр // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. 15. Стб. 478—479.
- Карсавин Л.П.* Мистика и ее значение в религиозности Средневековья // Вестник Европы. 1913. № 8. С. 118—135.
- Карсавин Л.П.* Религиозность и ереси в XII—XIII веках // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 128—145.
- Карсавин Л.П.* Античное христианство и Средневековье // Николаю Ивановичу Карееву — ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 98—115.
- Карсавин Л.П.* Вальденсы до 1218 г. (Развитие организации и иерархического принципа по новым исследованиям и источникам) // Историческое обозрение. 1914. Т. 19. С. 109—173.
- Карсавин Л.П.* Символизм мышления и идея миропорядка в Средние века (XII—XIII вв.) // Научный исторический журнал. 1914. Т. 1. С. 10—28.
- Карсавин Л.П.* Доминиканцы и Доминик // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 16. Стб. 608—613.
- Карсавин Л.П.* Евгений // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 17. Стб. 163—164.
- Карсавин Л.П.* Замок // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 18. Стб. 203—206.
- Карсавин Л.П.* Иероним блаж. // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 20. Стб. 64—66.

- Карсавин Л.П.* Индульгенция // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 435—437.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий I // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 471—472.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий II // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 472.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий III // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 472—474.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий IV // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 474.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий V // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 475.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий VI // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 475.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий VII // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 475.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий VIII // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 475—476.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий IX // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 476.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий X // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 476.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий XI // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 476.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий XII // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 476—477.
- Карсавин Л.П.* Иннокентий XIII // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 19. Стб. 477.
- Карсавин Л.П.* Капитулы и каноники // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 20. Стб. 840—841.
- Карсавин Л.П.* Катары // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1914. Т. 21. Стб. 259—262.
- Карсавин Л.П.* Константин Великий // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 22. Стб. 522—525.
- Карсавин Л.П.* Ланфранк // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 24. Стб. 54—55.
- Карсавин Л.П.* Лев I Великий // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 24. Стб. 213—215.
- Карсавин Л.П.* Лев IX Бруно // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 24. Стб. 216.
- Карсавин Л.П.* Либерий // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 24. Стб. 473.
- Карсавин Л.П.* Мистика // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 26. Стб. 708—711.
- Карсавин Л.П.* Мистика в новое время // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 26. Стб. 418.

- Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках, преимущественно в Италии. СПб., 1915.
- Карсавин Л.П.* Мистика во Фландрской историографии XIII века // ЖМНП. Новая серия. Сент. 1916. № 9. С. 1—24.
- Карсавин Л.П.* Святой Франциск и его братство // Ежемесячный журнал. 1916. сентябрь—октябрь. № 10. С. 312—328.
- Карсавин Л.П.* Монашество на Западе // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1916. Т. 27. Стб. 48—52.
- Карсавин Л.П.* Анджела из Фолиньо и ее откровения // Ежемесячный журнал. 1918. февраль—март. № 2—3. С. 152—163; апрель—май—июнь. № 4—5—6. С. 153—164.
- Карсавин Л.П.* Католичество. Пг., 1918.
- Карсавин Л.П.* Культура Средних веков. Пг., 1918.
- Карсавин Л.П.* Введение в историю (Теория истории). Пг., 1920.
- Карсавин Л.П.* Философия истории. Берлин, 1923.
- Карсавин Л.П.* Джиордано Бруно. Берлин, 1923.
- Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. М., 1892.
- Корелин М.С.* Очерки итальянского Возрождения. М., 1896.
- Крусман В.Э.* Уильям Гроссайт // К 25-летию учебно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса. СПб., 1911. С. 321—341.
- Крусман В.Э.* Возрождение // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1913. Т. XI. Стб. 308—315.
- Крусман В.Э.* Английский библиофил XIV в. // Известия одесского библиографического общества. Одесса, 1913. Т. 3. Вып. 1. С. 1—26.
- Крусман В.Э.* Архиепископ Кентерберийский Томас Эрундель // 1873—1913. Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 44—69.
- Крусман В.Э.* Джон Тинтофт // ЖМНП. Новая серия. 1914. Т. LIV. № 1. Отд. 2. С. 20—84.
- Крусман В.Э.* На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшем окружении. Одесса, 1915.
- Люблинский В.С.* “Semidius” Катона Сако. (Неопубликованный трактат XV в. о военном искусстве. Рукопись публичной библиотеки lat. Q. V. XVII) // *Analecta mediae aevi*. Л., 1927. Вып. 2. С. 161—173.
- Невский В.* Нострадамусы XX века // Под знаменами марксизма. 1922. № 4. С. 95—100.
- Оттокар Н.П.* Флорентийский дом в XIV и XV столетиях // Историческое обозрение. 1909. Т. 15. С. 23—32.
- Оттокар Н.П.* К истории взаимоотношений церкви и города в итальянском Средневековье. “Opera Ecclesiae” во Флоренции и ее роль в процессе перехода церквей в ведение коммуны // ЖМНП. Новая серия. Ч. XX. 1909, сентябрь. С. 1—23.
- Оттокар Н.П.* Цеха и коммуны во Флоренции в XIII и XIV вв. // К 25-летию... СПб., 1911. С. 241—271.
- Оттокар Н.П.* Культурные центры старой Италии. 1. Венеция // Хождение по Руси и за рубеж. Экскурсионный вестник. 1916. № 4. С. 62—90.
- Оттокар Н.П.* Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919.
- Петри Г.Э., Анциферов Н.П.* Исторические экскурсии по Эрмитажу. Л., 1924.

- Преображенский П.Ф.* Философия как служанка богословия // Печать и революция. 1922. № 3. С. 64—73.
- Пузино И.В.* Некоторые замечания о книге Л.П. Карсавина «Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках, преимущественно в Италии» // Исторические известия. 1916. № 1. С. 94—101.
- Розенталь Н.Н.* Юлиан Отступник (Трагедия религиозной личности). Пг., 1923.
- Розенталь Н.Н.* Западноевропейское Средневековье. Пг., 1924. Ч. 1. Раннее Средневековье.
- Розенталь Н.Н.* Западноевропейское Средневековье. Л., 1925. Ч. 2. Позднее Средневековье.
- Розенталь Н.Н.* Томас Мюнцер. Л., 1925.
- Розенталь Н.Н.* История Европы в эпоху торгового капитализма. Л., 1927.
- Розенталь Н.Н.* Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье // Ученые записки РАНИОН. 1928. Т 6. С. 110—126.
- Розенталь Н.Н.* Маркс и буржуазная историческая наука о западноевропейском феодализме // Известия ГАИМК. М.;Л., 1934. Вып. 84. С. 87—104.
- Розенталь Н.Н.* Гражданская война в Италии V—VI вв. («Варварские» государства Одоакра и вестготов) // Ученые записки Курского педагогического института. Курск, 1941. № 1.
- Розенталь Н.Н.* Социально-политические воззрения языческой интеллигенции поздней Римской империи // Труды Одесского университета. Одесса, 1949. Вып. 49. Исторический факультет. Т. 2. С. 41—101.
- Розенталь Н.Н.* Христианство, его происхождение и сущность. Л., 1955.
- Розенталь Н.Н.* Из истории православия, протестантизма и католицизма. М., 1957.
- Розенталь Н.Н.* Жанна Д'Арк. Народная героиня Франции. М., 1958.
- Розенталь Н.Н.* Критика идеологии современного православия. М., 1960.
- Скржинская Е.Ч.* Об одном средневековом курорте // Средневековый быт. Л., 1925. С. 260—272.
- Скржинская Е.Ч.* Техника западноевропейского Средневековья // Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.;Л., 1936. С. 207—343.
- Стефанович А.Д.* Петух на готическом соборе // Средневековый быт. Л., 1925. С. 273—279.
- Тиханова М.А.* Восстание Дольчино // ПИДО. 1924. № 7—8. С. 56—71.
- Тиханова-Клименко М.А.* Парижский Малый Мост // Средневековый быт. Л., 1925. С. 113—147.
- Тиханова М.А.* От редакции // *Грацианский Н.П.* Бургундская деревня. М.;Л., 1935. С. 7—16.
- Тиханова М.А.* Фридрих Энгельс о средневековой технике // История техники. 1937. Вып. 5. С. 161—192.
- Тэнтел А.А.* К вопросу об обращении бл. Августина // К 25-летию... С. 411—430.
- Ушаков С.А.* Спор о границах приходо́в // Средневековый быт. Л., 1925. С. 167—178.
- Ушаков С.А.* Сборник итальянских стихотворений XV в. (Рукопись публичной библиотеки...) // *Analecta mediae aevi*. Л., 1927. Вып. 2. С. 119—142.
- Федотов Г.П.* Письма Бл. Августина (*Classis Prima*). // К 25-летию... С. 107—138.
- Федотов Г.П.* Каролингское Возрождение // Новый энциклопедический словарь СПб., 1914. Т. 21. Стб. 93—96.
- Федотов Г.П.* Чудо освобождения // Из далекого и близкого пошлого: сборник

- этудов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И. Кареева. Пг., М., 1923. С. 72—89
- Федотов Г.П. Боги подземные. К истории средневековых культов // Россия и Запад. 1923. № 1. С. 11—35.
- Федотов Г.П. К истории средневековых культов // *Анналы*. 1923. № 2. С. 273—278.
- Федотов Г.П. Феодальный быт в хронике Ламберта Ардского // *Средневековый быт*. Л., 1925. С. 7—29.
- Федотов Г.П. Абельяр. Пг., 1924.
- Флоровская К.В. Св. Франциск в «Древе крестной жизни» // К 25-летию... С. 65—106.
- Флоровская К.В. Братства бичующихся в Италии в кон. XIII и начале XIV в. // *ЖМНП*. Новая серия. Ч. XXIV. 1912. сентябрь. С. 1—41.
- Флоровская К.В. Бонифаций // *Новый энциклопедический словарь*. СПб., 1912. Т. 7. Стб. 517—518.
- Флоровская К.В. Бонифаций IX // *Новый энциклопедический словарь*. СПб., 1912. Т. 7. Стб. 516—517.
- Флоровская К.В. Генрих III // *Новый энциклопедический словарь*. СПб., 1913. Т. 13. Стб. 29—30.
- Флоровская К.В. Генрих IV // *Новый энциклопедический словарь*. СПб., 1913. Т. 13. Стб. 30—32.
- Флоровская К.В. Акты болонской инквизиции. Манускрипт 1856 Болонской библиотеки // *Историческое обозрение*. СПб., 1914. Т. 19. С. 54—108.
- Флоровская К.В. Рец. на: Н.И. Карееву, ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914 // *ИОБО*. Одесса, 1915. Т. IV. Вып. 1.
- Флоровская К.В. Рец. на Бемон Ш., Моно Г. История Европы в Средние века. Петроград, 1915 // *ИОБО*. Одесса, 1915. Т. IV. Вып. 1.
- Фойгт Г. Возрождение классической древности или первый век гуманизма. СПб., 1884—1885. Т. 1—2.
- Цемш Н.С. Аграрная проблема раннего Средневековья в новой научной литературе // *Анналы*. 1922. № 1. С. 53—61.
- Цемш Н.С. Новая книга об экономическом состоянии Каролингской монархии // *Анналы*. 1922. № 2. С. 278—279.
- Цемш Н.С. Проблема происхождения французского горда в научной литературе // *Россия и Запад*. 1923. Вып. 1. С. 168—183.
- Цемш Н.С. Рец. на: Inglot. S. Essai sur la vie rurale et les colognes d'Alsace (XI-e—XIII-e siecle) // *Исторический сборник*. Л., 1934. Вып. 1. С. 327—331.
- Цемш Н.С. Века VIII—IX. Сельскохозяйственная техника в каролингских текстах // *Агрикультура в памятниках западноевропейского Средневековья*. М.;Л., 1936. С. 41—124.
- Шайтан М.Э. Ирландские эмигранты в Средние века // *Средневековый быт*. Л., 1925. С. 179—205.
- Шайтан М.Э. Германия и Киев в XI в. // *Летопись занятий историко-археологической комиссии за 1926*. Л., 1927. Вып. 1. С. 3—25.
- Шаскольский П.Б. Роль Римской церкви в обороне Италии в эпоху нашествия лангобардов // К 25-летию учебно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса. СПб., 1911. С. 343—393.
- Шаскольский П.Б. Вопрос о даре Константина в новейшей историографии // *Научный исторический журнал*. Пг., 1914. Т. 2. Вып. 3. № 5. 87—102.

- Шаскольский П.Б.* Критика «Донации Константина» в эпоху гуманизма // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 252—272.
- Штейн С.И.* “Familia ecclesiae” (К интерпретации 1-й Страсбургской хартии) // К 25-летию... С. 397—410.
- Хоментовская А.И.* Медичи // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 26. Стб. 80—83.
- Хоментовская А.И.* Кастильоне, друг Рафаэля. Пг., 1923.
- Хоментовская А.И.* Итальянский гуманизм в современной историографии (1890—1914) // *Анналы*. 1923. № 3. С. 241—243.
- Хоментовская А.И.* Лука времен купеческой династии Гвиниджи // Средневековый быт. Л., 1925. С. 78—112.
- Хоментовская А.И.* Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.;Л., 1964.
- Хоментовская А.И.* Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1995.
- Юрлов А.* Кафедральная эротика // Красная новь. 1922. № 7. С. 273—275.
- Bakhtine W.* Un missel de Saint-Nicaise de Reimse // *Academie des Inscriptions et Belles-Letters. Comptes rendus des seances de l'annee 1928. Bulletin de octobre — decembre*. P. 262—368.
- Dobiache-Rojdestvensky O.* La via parossiale en France an XIII-e siecle les actes episcopaux. Paris, 1911.
- Dobiache-Rojdestvensky O.* Histoire de l'Atelier graphique de Corbie de 651 a 830, relettee dans les manuscrits de Leningrad. Leningrad, 1934.
- Florovsky Cl.* De finibus pauperatis auctore Hugone de Digna O.F.M. // *Archivum franciscanum historicum*. 1912. Vol. 5. P. 277—290.
- Khomentovskaia A.* Firenze illustrate o Enciclopedia fiorentina di Giovanni Betsy // *Bibliofilia*. 1927. Vol. 29. № 9—12. P. 367—381.
- Khomentovskaia A.* Felice Feliciano da Verona comme l'auteur de l'“Hyperotomachia Polihlyi”. Firenze, 1936.
- Les poesies des Goliards, groupees et nexte latin en regard par O. Dobiache-Rojdestvensky. Paris, 1931.
- Ottokar N.* Le città francesi nel medio evo: saggi storici. Firenze, 1927.
- Ottokar N.* Il comune di Firenze alla fine del dugento / *Introd. di E. Sestan*. Torino, 1962.

Письма и дневники. Мемуаристика

- Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889—1927 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005.
- Андреев-Георг В.П., Каменская Т.Д.* И.М. Гревс // Санкт-Петербургские Высшие Женские (Бестужевские) Курсы (1878—1918). Сборник статей. Изд. 2-е. Л., 1973. С. 180—183.
- Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. А.И. Добкин. М., 1992.
- Архив Л.П. Карсавина / Сост., комм. П.И. Ивинский. Вильнюс, 2002. Вып. 1. Семейная корреспонденция, неопубликованные труды.
- Быкова Т.А.* Страницы из жизни бестужевки // *Вахромеева О.Б.* Духовное про-

- странство университета: Высшие Женские (Бестужевские) курсы (1878—1981 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003. С. 162—166.
- Богословский М.М.* Дневники (1913—1919): Из собраний Государственного Исторического музея / Отв. ред. С.О. Шмидт, вступ. статья С.О. Шмидта; публ. и коммент, биограф справка Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. М., 2011.
- Ванеев А.А.* Два года в Абези. Брюссель, 1990.
- Вейдле В.В.* Воспоминания / Вступ. ст., публ. и коммент. И. Дороченкова // Диаспора: новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 46—153; 2002. Вып. 3. С. 7—159.
- Гревс И.М.* В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 6 (12). С. 42—88; № 16. С. 137—166.
- Гревс И.М. О.А.* Добиаш-Рождественская в годы учения (воспоминания учителя) // *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья / Отв. ред. В.И. Рутенбург. М., 1987. С. 289—295.
- Гревс И.М.* Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890—1891 года) // Россия и Италия. М., 1993. С. 281—306.
- К истории антиковедения в России. Воспоминания профессора д.и.н. М.Е. Сергиенко / Публ. Е.В. Федоровой // Труды кафедры древних языков (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 15) / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 2000. С. 296—311.
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подгот., вступ. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л., 1990.
- Карсавина Т.П.* Театральная улица. Л., 1973.
- Кассиан Катанский, епископ (С.С. Безобразов)* Родословие духа // Православная мысль. Париж, 1949. Вып. 7. С. 7—16.
- Клейн Л.С.* Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010.
- Лосский Б.Н.* Наша семья в эпоху лихолетья. 1914—1923 // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 20—167.
- Милюков П.Н.* Воспоминания / Сост., автор вступ. ст. М.Г. Вандалковская, комм. А.Н. Шаханов. М., 1990. Т. 1—2.
- Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003.
- Розенталь Л.В.* Непримечательные достоверности. М., 2010.
- Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник 1908—1917 гг. / Отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шарова. М.; СПб., 2015.
- Тиханова М.А.* Третий Петроградский университет // *Тихонов И.Л.* С. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 250—251.
- Флоровская К.В.* Дорогое прошлое // *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство университета: Высшие Женские (Бестужевские) курсы 1878—1981 гг.: исследование и материалы. СПб., 2003.
- Хоментовская А.И.* Пережитое // *Хоментовская А.И.* Итальянская гуманистическая эпитафия... С. 222—257.
- Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса / Авт.—сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004.

Официальные делопроизводственные документы

- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1904—1905 уч. гг. СПб., 1904.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1905—1906 уч. гг. СПб., 1905.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906—1907 уч. гг. СПб., 1906.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907—1908 уч. гг. СПб., 1907.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908—1909 уч. гг. СПб., 1908.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1909—1910 уч. гг. СПб., 1909.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910—1911 уч. гг. СПб., 1910.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911—1912 уч. гг. СПб., 1911.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912—1913 уч. гг. СПб., 1912.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1913—1914 уч. гг. СПб., 1913.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета за 1914—1915 уч. гг. СПб., 1914.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1904.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1904 г. СПб., 1905.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906 г. СПб., 1907.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1909.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1909 г. СПб., 1910.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1912.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1913.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1913 г. СПб., 1914.
- Отчет Императорского Санкт-Петербургского университета за 1914 г. СПб., 1915.

Литература

- Абрамчук И.Л.* «Школа И.М. Гревса» и новое направление в российской исторической науке XX века // Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Материалы II всероссийской научной конференции. Омск, 1998. Т. 2. С. 172—173.
- Алеврас Н.Н.* Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX—начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. Челябинск, 2006. С. 117—126.

- Алеврас Н.Н.* «Своя игра»: историк вне «школьной традиции или опыт персонального выбора в пространстве историографического быта // Мир историка: историографический сборник. / Под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. Омск, 2008. Вып. 4. С. 238—268.
- Александров Д.А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3—22.
- Александров Д.А.* Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии, 1890—1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой и П. Гольдина. М., 2008. С. 593—632.
- Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г.* Психология науки. М., 2000.
- Алпатов М.А.* Политические идеи французской буржуазной медиевистики XIX века. М.;Л., 1949.
- Алпатов М.А.* Мировоззрения М.С. Кутурги и его концепция истории Древней Греции // Вестник древней истории. 1955. № 3. С. 183—182.
- Алпатов М.А.* Кризис русской медиевистики в начале XX века // Проблемы историографии (тезисы и авторефераты докладов сообщений на межвузовской конференции). Воронеж, 1960. С. 23—27.
- Алпатов М.А.* Гревс Иван Михайлович // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. Стлб. 705.
- Альшиц Д.Н.* Петербургская — Ленинградская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, в политике, образовании, культуре // Петербургская историческая школа: Альманах. СПб., 2001. С. 60—81.
- Ананьич Б.В.* «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 670—675.
- Ананьич Б.В., Панях В.М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105—113.
- Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII—первой половины XIX века. М., 2004.
- Антонова Е.В.* Проблема свободы в философских дискуссиях Каролингского Возрождения Автореферат дис. ... к. философ. н. М., 1985.
- Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самопознания на путях истории. Петрозаводск, 2003.
- Антощенко А.В.* Павел Гаврилович Виноградов: становление преподавателем // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. Челябинск, 2006. С. 24—30.
- Антощенко А.В.* Павел Гаврилович Виноградов: становление преподавателем // Мир историка: историографический сборник. / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2007. Вып. 3. С. 181—212.
- Антощенко А.В.* Учитель и ученик (к вопросу о Московской исторической школе) // Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837—1919) Материалы научной конференции. М. 2007. С. 5—9.
- Антощенко А.В.* Трагедия Любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) // Мир историка: историографический сборник. / Под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. Омск, 2008. Вып. 4. С. 50—75.
- Антощенко А.В.* Студенческие годы Г.П. Федотова // Всеобщая история и история культуры: Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 157—168.

- Антощенко А.В. Долгие сборы в Саратов (к биографии Г.П. Федотова) // Историко-графический сборник. Саратов, 2008. Выпуск 23. С. 72—82.
- Антощенко А.В. Das Seminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта семинариев московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII—начала XX в. М., 2009. С. 263—278.
- Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010.
- Антощенко А.В., Свешников А.В. Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 138—160.
- Антощенко А.В. Годы магистерской подготовки Г.П. Федотова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (138) Февраль. С. 7—10.
- Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные практики. / Отв. ред. Г.А. Комарова. М., 2008.
- Антропология профессий / Под ред. Е.Ярской-Смирновой, П. Романова. Саратов, 2005.
- Арнаутова Е.Ю. Колдуны и святые. Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004.
- Бабосов Е.М. Социология науки. Минск, 2009.
- Бамбизова К.В. Образ историка и его ремесла глазами историка-медиевиста И.М. Гревса (конец XIX—начало XX века) // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2007. Вып. 3. С. 231—243.
- Бамбизова К.В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса — основоположника петербургской школы медиевистики. Дис. ... к.и.н. Томск, 2008.
- Бамбизова К.В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса — основоположника петербургской школы медиевистики. Автореф. дис. ... к.и.н. Томск, 2008.
- Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.
- Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995.
- Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М., 2000.
- Бейлин Б.А. Метафизика культурно-исторического бытия в философии Л.П. Карсавина. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997.
- Бельный И.Л. К проблематике наименований школ, течений и направлений в отечественной исторической науке XIX—XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч. 2. С. 64—65.
- Бельный И.Л. Образ историка в русской культуре XIX—XX вв. (предварительные соображения) // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения: доклады и сообщения научной конференции. М., 2000. С. 14—26.
- Белоус В. Вольфила (Петроградская вольная философская ассоциация) 1919—1924. М., 2005. Кн. 1. Предыстория. Заседания.
- Березкин А.В. Историк государства и права Англии К.А. Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 147—156.

- Бернадская Е.В., Воронова Т.П.* А.Д. Люблинская и Отдел рукописей ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Средние века. М., 1972. Вып. 35. С. 16—20.
- Бернадская Е.В., Киселева Л.И., Малинин Ю.П., Сомов В.А.* Александра Дмитриевна Люблинская (1902—1980) // Портреты историков. Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. С. 228—242.
- Бессмертный Ю.Л., Малов В.Н.* А.Д. Люблинская — историк-медиевист // Средние века. М., 1972. Вып. 35. С. 3—15.
- Блейн Э.* Жизнеописание отца Георгия / Пер. с англ. Д. Ханова // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 7—240.
- Бойцов М.А.* Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна... // Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. М., 1992. С. 3—33.
- Бойцов М.А.* Вперед, к Геродоту! // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. Вып. 2. С. 17—41.
- Бон Т.М.* Русская историческая наука (1880 г.—1905 г.). Павел Николаевич Милюков и московская школа. СПб., 2005.
- Бонгард-Левин Г.М., Котрелев Н.В., Ляпустина Е.В.* Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова — памятник русской культуры // История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследования и комментарии Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М., 2006. С. 285—396.
- Бороздин И.Н.* К вопросу о научных разногласиях русских медиевистов 40—50-х гг. XIX века // Средние века. М. 1955. Вып. 6. С. 353—354.
- Брачев В.С.* Русский историк С.Ф. Платонов. 2-е изд. СПб., 1997.
- Брачев В.С.* «Наша университетская школа историков» и ее судьба. СПб., 2001.
- Бруснецова Н.В.* Концепция «культуро-личности» Л.П. Карсавина. Автореф. дис. ... канд. культурологи. М., 2000.
- Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008.
- Бурдах К.* Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004.
- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005.
- Бухерт В.Г.* С.Ф. Платонов и «кружок русских историков» // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 126—143.
- Вайнштейн О.Л.* Историография Средних веков в связи с развитием исторической мысли от средних веков до наших дней. М.; Л., 1940.
- Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. 1917—1967. Л., 1968.
- Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7—106.
- Васильев А.Н., Климанов Л.Г.* Е.Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 459—521.
- Вахромеева О.Б.* Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878—1918. СПб., 2003.
- Вахромеева О.Б.* Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб., 2005.
- Вахромеева О.Б.* Иван Михайлович Гревс (1860—1941): портрет университетского профессора // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 52—70.

- Вахтина П.Л. Ушаков Сергей Александрович // Сотрудники Российской Национальной библиотеки. СПб., 1999. Т. 2. С. 601—603.
- Вержбицкий К.В. Тацит в трактовке И.М. Гревса // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Под ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 71—80.
- Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
- Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека Казани XIX в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2004. Вып. 7. С. 182—185.
- Волков В.В., Хорхордин О.В. Теории практики. СПб., 2008.
- Вольфцун Л.Б. От Корбийского скриптория до века Просвещения. Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб., 2008.
- Враская О.Б. Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 303—315.
- Враская О.Б., Гранстрем Е. Э., Каганович Б.С. Палеограф и историк книги В.С. Люблинский и его личный архив // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 236—241.
- Вторые московские Анциферовские чтения. Сборник статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича. М., 2014.
- Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кимелева. М., 1995.
- Вялова С.О. К творческой биографии профессора И.М. Гревса // Из истории рукописных и старопечатных собраний (Исследования, обзоры, публикации). Сборник научных трудов. Л., 1979. С. 123—141.
- Галчева Т.Н., Голубович И. В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015.
- Гириц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М., 2004.
- Голубева И.А. И.М. Гревс и Н.П. Анциферов: от Италии к Петербургу (к вопросу о становлении урбанистики как научной дисциплины) // Историографический сборник. Саратов, 2008. Выпуск 23. С. 24—34.
- Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма.
- Горфункель А.Х. Плоды безответственности и невежества // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 326—340.
- Гришина Н.В. Историки «старой школы»: проблема вживания в советскую действительность // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. Челябинск, 2006. С. 51—58.
- Гришина Н.В. Ученицы, слушательницы, почитательницы... Женщины в мире «мужской» науки (в конце XIX—начале XX в.) // Мир историка: историографический сборник / Под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. Омск, 2008. Вып. 4. С. 8—28.
- Гришина Н.В. «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX—начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2009. Вып. 5. С. 152—177.
- Гришина Н.В. «Школа Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.
- Гутнов Д.А. Об исторической школе Московского университета // Вестник МГУ. Серия История. 1993. № 3. С. 40—53.

- Гутнова Е.В. *Историография истории средних веков*. М., 1985.
- Дегтева Л.В. *Антропологическая концепция в философии истории* Л.П. Карсавина. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000.
- Дмитриев А.Н. Левченко Я. Наука как прием: еще раз о методологическом наследии русского формализма // *НЛО*. № 50. 2001. С. 195—245.
- Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920—1930-х годов и история Академии: Случай Шебунина // *НЛО*. № 54. 2002. С. 29—60.
- Дмитриев А.Н., Чумакова Т.В. *История науки в Петербурге — Петрограде — Ленинграде: XX век, первая половина* // *Науковедение*. 2004. № 1 (21). С. 194—210.
- Дмитриев А.Н. «Академический марксизм 1920—1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства» // *НЛО*. № 88. 2007. С. 10—38.
- Дмитриев А.Н. Прощание с постсоветским гуманитарием? («Пространство опыта» и характер спроса на «науки о человеке») // *Пути России*. М., 2009. Т. XVI. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. С. 131—134.
- Дмитриев А.Н., Запарожец О. *Дисциплинарный принцип и аналитика «общества знания»* // *Науки о человеке. История дисциплин*. М., 2015. С. 569—599.
- Добкин И.А. Н.П. Анциферов: материалы к биобиблиографии // *Анциферовские чтения*. Л., 1989. С. 9—23.
- Добкин А.И. *Примечания // Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания*. М., 1992. С. 418—457.
- Дороченков И.А. Владимир Вейдле. Путь к книге // *Вейдле В.В. Умирание искусства. Размышление о судьбе литературы и художественного творчества*. СПб., 1996. С. 195—239.
- Дубровский А.М. *Историк и власть: историческая наука в СССР и концепции истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.)*. Брянск, 2005.
- Дубровский И.В. *Очерки социальной истории Средних веков*. М., 2010.
- Еманов А.Г. *Возникновение города в Европе и за пределами Европы. Опыт компаративного анализа концепций урбанизации* // *Европа: международный альманах*. Тюмень, 2008. Вып. 8. С. 14—31.
- Ендольцев Ю.А. «Он любил ниспровергать принятое либеральной наукой». Л.П. Карсавин // *Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах С.-Петербургского университета*. СПб., 2002. Т. 1. С. 397—411.
- Еремеева С.А. *Приютинское братство* // *Высшее образование в России*. 2007. № 1. С. 157—166.
- Еремеева С.А. *Забыть, чтобы помнить* // *Мир историка: историографический ежегодник*. Омск, 2007. Вып. 3. С. 74—95.
- Еремеева С.А. *Приютинское братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX—первой половины XX вв.* Автореф. дис. ... канд. культурологи. М., 2007.
- Ермичев А.А. *Как поссорились два ученых мужа* // *Вопросы философии*. 2003. № 2. С. 124—134.
- Ершова В.М. О.А. *Добиаш-Рождественская*. Л., 1988.
- Есенгарев Е.Ж. *Научные общества и их роль в исторической науке России конца XIX—начала XX веков (на материале деятельности исторических обществ при Московском и Петербургском университетах)*. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1991.
- Жуковская Т.Н. *Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского уни-*

- верситета на рубеже XIX—XX веков: научно-исследовательские и педагогически е традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы международной конференции. Петрозаводск, 2000. С. 341—349.
- Задворный В.Л.* История римских пап. М., 1995. Т. 1.
- Зайцева Н.Н.* Логика любви: Россия в историософской концепции Георгия Федотова. Самара, 2001.
- Заливалова Л.Н.* Василий Григорьевич Васильевский (1839—1899) // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2004. Т. 3. С. 297—315.
- Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987.
- Зверева Г.И.* Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. Вып. 1. С. 250—265.
- Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Ч. 2.
- Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX—начале XX века. М., 1991.
- Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в.—1917 г. М., 1994.
- Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье. Портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009.
- Иванова Т.Н.* Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века как исторический источник // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 23—26.
- Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XX—начало XX века). Чебоксары, 2010.
- Ивонина О.И.* Время свободы. Новосибирск, 2000.
- История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX—XXI веков. / Под общ. ред. М.М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази. СПб., 2006.
- Каганович Б.С. О.А.* Добиаш-Рождественская и ее научное наследие // Французский ежегодник. 1982. М., 1984. С. 190—208.
- Каганович Б.С.* Петербургская школа медиевистики в конце XIX—начале XX вв. Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1986.
- Каганович Б.С. И.М.* Гревс — историк средневековой городской культуры // Городская культура. Средневековье и начало нового времени. Л., 1986. С. 216—235.
- Каганович Б.С.* О научном наследии О.А. Добиаш-Рождественской // *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья. Научное наследие / Отв. ред. В.И. Рутенбург. М., 1987. С. 313—323.
- Каганович Б.С.* Анна Ильинична Хоментовская // Средние века. М., 1989. Вып. 52. С. 291—306.
- Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.). Л., 1990. С. 198—216.
- Каганович Б.С.* Русские историки западного Средневековья и Нового времени (конец XIX—первая половина XX вв.). Автореф. дис. ... д.и.н. СПб., 1995.
- Каганович Б.С.* Об авторе этой книги // *Хоментовская А.И.* Итальянская гуманистическая эпитафия, ее судьба и проблематика. СПб., 1995.
- Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006.
- Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.
- Каганович Б.С. А.И.* Хоментовская в последние годы жизни (по материалам ее пе-

- реписки) // Всеобщая история и история культуры: Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 125—147.
- Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979.
- Кареев Н.И. Был ли гуманизм в Англии XIV в. // Русские записки. 1916. № 3. С. 49—65.
- Кирсанова Е.С. Владимир Иванович Герье (1837—1919) // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2004. Т. 3. С. 316—335.
- Киселев А.Ф. Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции). М., 2004.
- Киселева Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. СПб., 2003.
- Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар (Путь русского историка: Санкт-Петербург — Пермь — Петроград — Флоренция) // Исторические записки. М., 2004. № 7. С. 323—338.
- Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар (русский исследователь политического устройства средневековой Европы) // Зарубежная Россия 1917—1945. СПб., 2004. С. 79—104.
- Клементьев А.К., Клементьева В.А. Три университета Николая Петровича Оттокара. Санкт-Петербург — Петроград — Пермь — Флоренция // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции. М., 2006. С. 377—404.
- Клементьева В.А. Вспоминая Льва Платоновича Карсавина (Санкт-Петербург, декабрь, 2002) // Средние века. М., 2006. Вып. 67. С. 152—154.
- Клементьева С.Ю., Клементьев А.К. Примечания // Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII—XIII вв. СПб., 1997. С. 395—418.
- Климанов Л.Г. Е.Ч. Скржинская и история изучения генуэзских поселений и памятников в Крыму // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История — археология — эпиграфика. Киев—Судак—СПб., 2006.
- Клюев А.И. Н.П. Оттокар в Перми: основные вехи // Историк и его эпоха. Тюмень, 2009. С. 383—388.
- Клюев А.И. Из личного дела профессора Пермского университета Н.П. Оттокара // Европа: международный альманах. Тюмень, 2009. Вып. 9. С. 158—161.
- Клюев А.И. Пермский период жизни Николая Петровича Оттокара // Европа: международный альманах. Тюмень, 2009. Вып. 9. С. 54—68.
- Клюев А.И. Н.П. Оттокар в коммуникативном пространстве Пермского университета в 1916—1922 гг. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2009. Вып. 5. С. 256—276.
- Клюев А.И., Свешников А.В. Представители петербургской школы медиевистики в Пермском университете в 1916—1922 гг. // Санкт-Петербургский университет в XVIII—XX вв.: европейские традиции и российский контекст. СПб., 2009. С. 350—364.
- Клюев А.И. Из истории одной книги: Н.П. Оттокар и его книга «Флорентийская коммуна в конце Дудженто» в контексте эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. № 34. С. 249—270.
- Клюев А.И. Незвестный изветсный медиевист. Размышления над страницами книги «Николай Оттокар — историк-медиевист» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. № 37. С. 366—375.
- Козлов В.Ф. Иван Михайлович Гревс как теоретик и практик краеведения 1920-х годов (по материалам журнала «Краеведение») // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 137—146.

- Комолова Н.П. Профессор Флорентийского университета Н.П. Оттокар // Россия и Италия. М., 2003. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 157—164.
- Комолова Н.П. Страницы итальянской истории по Н.П. Оттокару // Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М., 2005. С. 396—403.
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е—начало 50-х гг. XX века. Тюмень, 2003.
- Конечный А.М. Н.П. Анциферов — исследователь Петербурга // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989.
- Конечный А.М., Кумпан К.А. Петербург в жизни и трудах Н.П. Анциферова // Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». Л., 1991. С. 5—23.
- Кононова Н.Н. Историческое общество при Петербургском университете (Краткий исторический очерк) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Т. 2. С. 138—151.
- Корева Н.С. Университетский мир Европы глазами магистра: В.И. Герье на пути к «нелегкому и ответственному профессорству // Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837—1919) Материалы научной конференции. М., 2007. С. 49—55.
- Корзун В.П. Московская и петербургская школа историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отечественная история. 1999. № 2. С. 171—182.
- Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. Екатеринбург—Омск, 2000.
- Корзун В.П., Свешников А.В. Третий угол (И.М. Гревс в пространстве «Переписки из двух углов» В.И. Иванова и М.О. Гершензона) // История и историки. М., 2001. С. 171—186.
- Корзун В.П., Свешников А.В., Мамонтова М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX—XX веков как исторического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 3—36.
- Косминский Е.А. Средние века и Новое время // Общественные науки в СССР (1917—1927). М., 1928. С. 107—115.
- Косминский Е.А. Итоги изучения истории Средних веков в СССР за 20 лет // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 5. С. 1133—1141.
- Кравцова О.Б. Научные и метафизические основания философии истории Л.П. Карсавина. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.
- Краснова И.А. Основное социальное противоречие коммунального общества Флоренции XIII—XIV вв.: историографические версии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1(40). С. 144—148.
- Краснова Ю.В. Цели университетского исторического образования: взгляды правительства и университетской корпорации (конец XIX—начало XX века) // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. Челябинск, 2006. С. 127—135.
- Краснова Ю.В. Семинары В.И. Герье как фактор формирования научной школы // Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837—1919) Материалы научной конференции. М., 2007. С. 56—63.
- Краснова Ю.В. Университет как коммуникативное пространство (на примере столичных университетов России конца XIX—начала XX в.) // Мир историка: исто-

- риографический сборник. / Под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. Вып. 4. Омск, 2008. С. 285—303.
- Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141—153.
- Кром М.М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 179—202.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
- Лебедева Г.Е. Кафедра истории Средних веков // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934—2004. Очерк истории. СПб., 2004. С. 199—230.
- Лебедева Г.Е., Якубский В.А. О.А. Добиаш-Рождественская — соавтор несостоявшегося ленинградского учебника по истории Средних веков // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 168—177.
- Лебедева Г. Е., Якубский В.А. Первый заведующий кафедрой истории Средних веков // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2006. Вып. 5. С. 3—22.
- Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Cathedra medii aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930—1950 гг. СПб., 2007.
- Лев Платонович Карсавин / Под ред. С.С. Хоружего. М., 2012.
- Левандовский А.А. Кружок Ф.Ф. Ольденбурга (Из истории либерального движения 80-х годов XIX века) // Проблемы истории СССР. М., 1977. Вып. 6. С. 166—183.
- Лелина Е.И. Экскурсионная секция института научной педагогики // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 164—167.
- Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004.
- Летяев В.А. Восприятие римского наследия российской исторической наукой XIX—начала XX веков. Волгоград, 2002.
- Литаврин Г.Г. Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиеведения (1838—1899) // Византийский временник. М., 1994. Т. 52 (80). С. 5—21.
- Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII—начала XX в. М., 2009. С. 263—278.
- Лосский Н.О. История русской философии. М, 1991.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и нравы русского дворянства (XVIII—начало XIX века) СПб., 1994.
- Любина Г.И. Россия и Франция: История научного сотрудничества (вторая половина XIX—начало XX вв.). М., 1996.
- Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как ученый // Ученые записки ЛГУ. Серия Исторические науки. Л., 1941. Вып. 12. С. 10—26.
- Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как историк // Средние века. М., 1942. Вып. 1. С. 212—226.
- Люблинская А.Д. Значение трудов О.А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР // Средние века. М., 1966. Вып. 29. С. 174—178.

- Люблинская А.Д. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская // Портреты историков. Время и судьбы. М.;Иерусалим, 2004. Т. 2. С. 155—166.
- Мажуга В.И. Исторический источник как предмет истории культуры (Об исследовательском методе Е.Ч. Скржинской) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. XVIII. С. 3—23.
- Мажуга В.И. Е.Ч. Скржинская — исследователь и публикатор исторических источников // Иордан. О происхождении и деянии гетов. Гетика. 2-е изд. СПб., 1997.
- Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859—1904). Рязань, 2001.
- Малинин Ю.П. А.Д. Люблинская о некоторых проблемах Возрождения и Реформации во Франции // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 258—260.
- Мандрик М.В. И.М. Гревс и Д.М. Петрушевский (из эпистолярного наследия) // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 99—127.
- Маурер Т. «Барометры» или «маяки общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.
- Медведев И.П. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006.
- Мелих Ю.Б. Персоналистское содержание философии Л.П. Карсавина. Автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. М., 2001.
- Мелих Ю.Б. Персонализм Карсавина и европейская философия. М., 2003.
- Мельников А.В. Отзыв академика Д.М. Петрушевского 1938 г. о рукописи первого тома нового издания труда И.М. Гревса «Очерки по истории землевладения в римском мире (преимущественно во время империи)» // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 128—135.
- Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946—1955 гг.). Ижевск, 2003.
- Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960—1974 гг.). Ижевск, 2003.
- Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки / Отв. ред., сост. и автор предисл. М.Г. Вандалковская. М., 2002.
- Мир историка: Владимир Иванович Герье. Материалы научной конференции. М., 2007.
- Митько А.Е. Место этики в философии всеединства Л.П. Карсавина. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.
- Михальченко С.И. Школы в исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв. Сборник статей и материалов / Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 195—211.
- Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.—начала 900-х годов. Томск, 1969.
- Моисеенкова Л.С. Патриарх российской медиевистики. Жизнь и творчество П.Г. Виноградова. Симферополь, 2000.
- Моисеенкова Л.С. Павел Гаврилович Виноградов // Портреты историков. Время и судьбы. М.;Иерусалим, 2004. Т. 2. С. 107—115.
- Моричева М.Д. Библиотека Залуских и Российская Национальная библиотека. СПб., 2001.

- Морозов А.А.* Русская медиевистика в эмиграции: Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар. Автореф. дис. ... канд. истор. Наук. Томск, 2001.
- Морозова М.Ю.* Проблема самоопределения России и отечественной интеллигенции в религиозной философии Г.П. Федотова. Ковров, 1999.
- Московская Д.С.* Н.П. Анциферов и художественная местография русской литературы 1920—1930-х гг.: К истории взаимосвязи русской литературы и краеведения. М., 2010.
- Мост Г.У.* Век столкновений: как немецкие антиковеды XIX столетия упорядочивали свои дебаты // НЛО. № 96. С. 17—27.
- Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.—сост. Э.И. Колчинский. СПб., 2003.
- Наука и научность в исторической перспективе / Под общ. ред. Д. Александрова, М. Хагнера. СПб., 2007.
- Научная конференция памяти Матвея Александровича Гуковского. К 100-летию со дня рождения. СПб., 1998.
- Немилов А.Н.* Матвей Александрович Гуковский и традиции изучения итальянского Ренессанса в Санкт-Петербурге // Научная конференция памяти Матвея Александровича Гуковского. К 100-летию со дня рождения. СПб., 1998. С. 20—21.
- Немилов А.Н.* М.А. Гуковский (1898—1971) // *Гуковский М.А.* Итальянское Возрождение. 2-е изд. Л., 1990. С. 3—6.
- Нишкиненок А.А.* Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20—40 гг. XX в.) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 55—67.
- Николаев А.Е.* Проблема взаимосвязи истории и политики в философии Л.П. Карсавина. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1996.
- Николай Иванович Кареев (1869—2007). Библиографический указатель / Сост. В.А. Филимонов. Казань, 2008.
- Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX—начала XX века. Социокультурный аспект. М., 2008.
- Нюркаева А.З.* Исследование проблем древности, средневековья и славяноведения в Пермском университете (к 75-летию университета) // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 121—139.
- Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1960—1963. Т. 2—3.
- Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Ред. В.П. Корзун. Омск, 2005.
- Перлина Н.М.* Иван Михайлович Гревс и Николай Петрович Анциферов: к обновлению их культурологической позиции // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции / Сост. А.И. Добкин, А.В. Кобак. Л., 1989. С. 83—85.
- Плаггенбург Ш.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
- Повилайтис В.И.* Учение Л.П. Карсавина о «симфонической личности» как субъекте исторического процесса. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998.
- Погодин С.Н.* «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997.
- Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007.

- Попова Т.Н.* Крусман Володимир Едуардович 1879—1922 // *Одесські історики*. Одеса, 2009. Том 1 (початок ХІХ—середина ХХ ст.). С. 188—190.
- Почепцов Г.Г.* История русской семиотики до и после 1917 года. Учебно-справочное издание. М., 1998.
- Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000.
- Профессии дос. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2007.
- Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. 1917—1945.
- Приймак Н.И.* И.М. Гревс как мемуарист // *Петербургские исследования*. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 81—90.
- Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
- Прошлое — крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003.
- Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца ХХ века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2006.
- Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала ХХ века. Часть 2. Методологические искания послеоктябрьской исторической мысли. Волгоград, 2000.
- Ранние Отцы Церкви. Антология. Брюссель, 1988.
- Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии, 1890—1933 / Пер с англ. Е. Канищевой и П. Гольдина. М, 2008.
- Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917—1930-х годов) М., 2004.
- Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Провещения. 1802—1902. СПб., 1902
- Романова В.Л.* А.Д. Люблинская — архивист и палеограф: К 70-летию со дня рождения // *Археографический ежегодник за 1972 г.* М., 1974. С. 281—225.
- Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.
- Ростовцев Е.А.* Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе // *Фигуры истории или «общие места» историографии*. Вторые санкт-петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005. С. 303—341.
- Ростовцев Е.А.* Университет столичного города (1905—1917 годы) // *Университет и город в России (начало ХХ века)*. / Под ред. А. Дмитриева, Т. Маурер. М, 2009. С. 205—370.
- Ростовцев Е.А., Баринов Д.А.* Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии // *Клио. Журнал для ученых*. 2013. № 10 (82). С. 36—42.
- Рудман М.Н.* Истоки культурно-исторического подхода в русской историографии второй половины ХІХ—начала ХХ вв. // *Вестник Башкирского государственного педагогического университета*. Серия гуманитарных наук. 2001. № 1.
- Рудман М.Н.* Концепция исторического синтеза в творчестве Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Уфа, 2002.
- Рутенбург В.И.* Русские медиевисты об Италии // *Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию*. М., 1963. С. 155—165.
- Рутенбург В.И.* История средневековой Италии в трудах ученых ХІХ—начала ХХ вв. // *Средние века*. М., 1964. Вып. 25. С. 264—271.

- Рутенбург В.И. Выдающийся знаток рукописи и книги (Памяти В.С. Люблинского) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л. 1969. Т. 2. С. 301—304.
- Рутенбург В.И. Встречи Гревса с Италией // Россия и Италия. М., 1993. С. 305—315.
- Рыбачук В.Б. Философия культуры Г.П. Федотова. Тверь, 1996.
- Рыженко В.Г. И.М. Гревс — культуролог, педагог, родиновед // Мир историка: идеалы, традиции, творчество: К 50-летию В.П. Корзун / Отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск, 1999. С. 250—269.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Плоды романтизма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 11. С. 40—83.
- Савкин И.А. Неизвестный Карсавин // Логос. Санкт-Петербургские чтения по философии культуры. СПб., 1992. Кн. 2. Российский духовный опыт. С. 164—167.
- Сазыкина О.П. Формирование и развитие основных направлений и школ медиевистики в Московском и Санкт-Петербургском университетах второй половины XIX в. (материалы к лекциям) // Запад, Восток и Россия: проблемы истории, историографии и источниковедения. Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург, 2001. Вып. 3. С. 111—124.
- Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976.
- Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в трудах М.С. Корелина. М., 1984.
- Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографического исследования // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 5—59.
- Свешников А.В., Степанов Б.Е. [Предисловие к статье Н.П. Анциферова «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность»] // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 2003 год. М., 2003. С. 106—135.
- Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс (1860—1941) // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2004. Т. 3. С. 336—360.
- Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX—начала XX в. // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1. С. 231—261.
- Свешников А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930—1940-х годов // НЛО. 2008. № 90. С. 86—112.
- Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // НЛО. 2009. № 96. С. 42—72.
- Свешников А.В., Степанов Б.Е. История одного классика: Лев Платонович Карсавин в постсоветской историографии // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009. С. 332—360.
- Свешников А.В. Официальный историк/ученый администратор: А.Д. Удальцов // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х—середина 1950-х гг. / Под ред. В.П. Корзун. М., 2011. С. 373—400.
- Свешников А.В. Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. Vol. 5. № 1. P. 121—158.
- Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX—начала XX века // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х—1930-е годы). М., 2012. С. 849—887.
- Свешникова О.С. Как написать историю вместе? Из опыта работы над коллективными монографиями Института истории материальной культуры // Мир исто-

- рика: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2007. Вып. 3. С. 157—168.
- Сидненко Т.В. Петербургская школа историков (либеральное направление) // Клио. 2002. № 4 (19). С. 24—27.
- Сидоров А.А. В.С. Люблинский как книговед // Люблинский В.С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972. С. 3—13.
- Сизенцева Л.И. У истоков экскурсионного изучения города (Из практики И.М. Гревса) // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции / Сост. А.И. Добкин, А.В. Кобак. Л., 1989. С. 37—39.
- Синенко А.А. Межпоколенческие коммуникации и формирование образа учителя русским историками конца XIX в. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск, 2009. Вып. 5. С. 140—151.
- Скворцова Т.Н. И.М. Гревс как учитель и ученик // Российские университеты в XVIII—XX веках: сборник научных статей. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 183—200.
- Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк // Гревс И.М. Тацит. М.;Л., 1946. С. 223—248.
- Смирнова А.Г. Роль И.М. Гревса в разработке экскурсионной методики // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 148—163.
- Соболева Е.С. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983. Советская историография. М., 1996.
- Степанов Б.Е. Становление теоретической культурологии в трудах Л.П. Карсавина. Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 1998.
- Степанов Б.Е. Время синтеза: Средневековье и современность в работах представителей школы И.М. Гревса // Культура. XX. Научно-образовательный альманах Института Европейских культур. М., 2001. С. 235—249.
- Степанов Б.Е. Проблема достоверности в методологии истории культуры Л.П. Карсавина // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. М., 2002. С. 183—214.
- Степанов Б.Е. Знание о прошлом в теории экскурсий И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2005. С. 419—475.
- Степанов Б.Е. Навстречу прошлому. Экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Отечественные записки. № 43 (4). 2008. С. 151—169.
- Степанова Л.Г. К истории издания книги А.И. Хоментовской о Феличе Феличано: Письма Витторио Чана 1934 г. // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 148—156.
- Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.;СПб., 2012.
- Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003.
- Толмачев В.М. Петербургская эстетика // Вейдле В.В. Умирание искусства. М., 2001. С. 412—423.
- Толстой И.И. Предисловие // Гревс И.М. Тацит. М.;Л., 1946. С. 3—6.
- Торшдендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М., 2014.
- Третьи московские Анциферовские чтения. Сборник статей по материалам меж-

- дународной юбилейной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Николая Петровича Анциферова. М., 2015.
- Тротман-Валлер С.* Филология вещей или филология слов? История одного спора и его сегодняшние продолжения // НЛО. 2009. № 96. С. 28—41.
- Трохимовский А.Ю.* Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856—1881 гг. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2007.
- Трохимовский А.Ю.* Политика Министерства Народного Просвещения по подготовке молодых ученых за границей. 1856—1881 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2007. № 1. С. 67—76.
- Уваров П.Ю.* Апокатастасис или основной инстинкт историка // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. Вып. 3. С. 15—32.
- Умбрашко К.Б.* Частная жизнь и «ученые занятия» университетского интеллектуала XIX в. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Омск, 2005. Вып. 1. С. 142—197.
- Уртман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I / Пер. с англ. М., 2002.
- Усков Н.Ф.* Рец. на кн.: Задворный В.Л. История римских пап. М., 1995—1997. Т. I—II // Средние века. М., 2000. Вып. 61.
- Усков Н.Ф.* Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. СПб., 2001.
- Устюгова Е.К.* О педагогической деятельности И.М. Гревса // Вопросы историографии всеобщей истории. Томск, 1986. С. 214—230.
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1988.
- Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX—начала XX веков. Томск, 1978.
- Хоружий С.С.* Жизнь и учение Льва Карсавина // *Хоружий С.С.* После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 13—184.
- Чесноков В.И.* Правительственная политика и историческая наука России 60—70 годов XIX века. Исследовательские очерки. Воронеж, 1989.
- Чесноков В.И.* Проблема замещения кафедр и формирование системы «профессорских стипендиатов» в российских университетах времени царствования Александра II // Российские университеты в XVIII—XX вв. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 102—123.
- Чирков С.В.* Археография и школы в русской исторической науке конца XIX—начала XX в. // Археографический ежегодник. 1989. М., 1990. С. 45—61.
- Шаркова И.С. А.Д.* Люблинская и вспомогательные исторические дисциплины // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. 12. С. 334—341.
- Шаханов А.Н.* Русская историческая наука второй половины XIX—начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003.
- Шаханов А.Н.* К проблеме школ в российской исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв. Сборник статей и материалов / Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 146—194.
- Шаханов А.Н.* Историк С.М. Соловьев и его семья // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Омск, 2005. Вып. 1. С. 198—230.
- Школы в науке. М., 1977.
- Шмидт С.О.* И.М. Гревс и воспитание историей // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 7—32.

- Шперзахе К.* История науки как история конфликтов (на примере дискуссий в теории литературы // НЛО. 2009. № 96. С. 9—16.
- Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976.
- Шукин М.Б., Щеглова О.А.* Мария Александровна Тиханова и первые тихановские чтения // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений. СПб., 1992. С. 7—10.
- Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.
- Цамутали А.Н.* Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. СПб., 1993. Ч. 1. С. 138—142.
- Цыганков Д.А.* Традиции Т.Н. Грановского и формирование «московской школы историков»: складывание профессиональной научной среды в Московском университете как проблема трансфера культур // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII—начала XX в. М., 2009. С. 263—278.
- Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.
- Цыганков Д.А.* Сообщество московских всеобщих историков во второй половине XIX века // Terra Eurora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 11—176.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М, 2004.
- Формозов А.А.* Человек и наука: из записей археолога. М., 2005.
- Фролов В.А.* Жизнь и деятельность Б.П. Брюллова // Анциферовские чтения: материалы и тезисы конференции. Л., 1989. С. 40—42.
- Фролов Э.Д.* Русская наука об Античности: Историографические очерки. СПб., 1999.
- Фролов Э.Д.* Из истории социально-экономического направления в русском антиковедении: римская аграрная история в трактовке И.М. Гревса // Петербургские исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2006. С. 33—51.
- Эммонс Т.* Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 45—61.
- Юревич А.В.* Социальная психологи науки. СПб., 2001.
- Ястребицкая А.Л.* Историк — медиевист Л.П. Карсавин (1882—1952). Аналитический обзор. М., 1991.
- Ястребицкая А.Л.* Повседневность и материальная культура Средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 87—102.
- Ястребицкая А.Л.* Европейский город (Средние века — раннее Новое время). Введение в современную урбанистику. М., 1993.
- Ястребицкая А.Л.* У истоков культурно-антропологической мысли в России // Российская историческая наука: Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина: Письма И.М. Гревсу (1906—1916). М., 1994. С. 8—23.
- Ястребицкая А.Л.* «Введение в историю» Л.П. Карсавина. Предисловие к публикации // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 101—109.
- Ястребицкая А.Л.* Историк культуры Лев Платонович Карсавин: у истоков исторической антропологии в России // Диалог со временем. Историки в меняющемся мире. М., 1996. С. 35—68.
- Ястребицкая А.Л.* Карсавин Лев Платонович // Культурология XX век. Энциклопедия. В 2 т. СПб., М., 1998. Т. 1. С. 298—300.
- Ястребицкая А.Л.* Лев Платонович Карсавин: его опыт новой истории религиозно-

- сти западноевропейского Средневековья, как культурно-исторического феномена // *Религии мира: История и современность. Ежегодник.* М., 1999. С. 121—131.
- Ястребицкая А.Л.* Лев Платонович Карсавин: творчество историка и историографический процесс // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* М., 2001. Вып. 6. С. 80—117.
- Ястребицкая А.Л.* Лев Платонович Карсавин (1882—1952) // *Портреты историков. Время и судьбы.* М., 2004. Т. 3. С. 441—473.
- Bibliographie des oeuvres de Lev Karsavine.* Paris, 1994.
- Byrnes R.F.* V.O. Kluichevskii, Historian of Russia. Bloomington, 1995.
- Bledstein B.* The Culture of Professionalism. N.Y., 1976.
- Commemorative Practices in Science* // *Osiris.* 1999. Vol. 14.
- Cullen J.* Structure of Professionalism. N.Y., 1978.
- Galison P.* How Experiments End. Chicago, 1987.
- Golinski J.* Making Natural Knowledge: Constructivism and the History of Science. Cambridge, 1998.
- Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.
- Latour B. Woolgar S.* Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills, California, 1979.
- Maurer Trude.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln, Weimar, Wien, 1998.
- McClelland J.* Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tsarist Russia. Chicago, 1979.
- Nicola Ottokar storico del Medioevo.* Da Pietroburgo a Firenze. Firenze, 2008.
- Professions in Theory and History. Rethinking the Study of the Professions.* L., 1990.
- Richards R.* The Romantic Conception of Life: Science and Philosophy in Age of Goethe. Chicago, 2002.
- Risaliti R.* Lev Karsavin e la religiosita popolare // *Nicola Ottokar storico del Medioevo.* Da Pietroburgo a Firenze. Firenze, 2008. P. 55—63.
- Sestan E.* Introduzione // *Ottokar N.* Il comune di Firenze alla fine del dugento. Torino, 1962. P. IX—XVIII.
- Tiryakian E.* The Significance of School in the Development of Sociology // *Contemporary Issues in Theory and Research. A Metasociological Perspective* / Ed. by W.E. Snizen, E.R. Fuhrman, M.K. Miller. Westport—London, 1979. P. 211—233.

Указатель имен

- Абеляр Петр — 58, 137, 140—142
Абрамчук И.Л. — 29
Авербах М. — 244
Август Октавиан — 51, 353
Августин Аврелий — 51, 53, 55, 65, 71, 87, 136, 138, 139, 150, 154, 156, 158, 210, 220, 221, 222, 223, 225, 230, 231, 236, 263, 267, 287, 340, 347
Авит — 261
Авзоний — 261
Агрикола Георгий — 276
Адальберт I — 131, 262
Адам Бременский — 131, 262
Адольф Кельнский — 131, 202
Адольф Нассауский — 131, 262
Адрианов С.А. — 326
Айналов Д.В. — 168, 216, 228, 250, 311
Алеврас Н.Н. — 12, 325
Александр I, имп. — 358
Александр VI Борджиа, папа — 262, 263
Александров Д.А. — 35
Алексеев С. — 9, 232.
Алпатов М.А. — 20, 23
Альберт Великий — 273, 278
Альшиц Д.Н. — 21, 31
Альфан Л. — 134
Альфред Великий, король — 264
Амвросий, еп. Медиоланский — 261
Аммиан Марцеллин — 152
Ананьич Б.В. — 21, 33, 59, 229, 329
Анджела, бл. — 271
Андерсен Б. — 34
Андреев А.Ю. — 241
Андреев И.Д. — 363, 311
Андреева-Георг В.П. — 346
Анисимов А.И. — 99, 244, 266
Антонова А.В. — 179
Антощенко А.В. — 28, 137, 198, 212, 213, 214, 216, 237
Анциферов Н.П. — 16, 23, 28, 29, 45, 53, 56, 59, 72, 75, 96, 99, 135, 138, 144, 145, 148, 157, 158—162, 182, 190, 201, 207—209, 211, 216, 218, 225—229, 234, 239, 240, 244, 245, 249, 253—256, 268, 291, 292, 300, 302, 312, 318, 325, 326, 328, 335, 337, 340, 346
Аппиан — 224
Апполинарий Сидоний — 94, 297, 298
Арент В.В. — 276
Ардашев П.М. — 265
Аристотель — 129
Арнаутова Ю.Е. — 175
Арнольд, граф — 140
Артамонов М.И. — 280
Арьес Ф. — 167
Афанасий — 104
Бабич А.Л. — 244
Бамбизова К.В. — 12, 29, 30, 45, 60, 61, 65, 67, 71, 72, 76, 77, 211, 331, 342
Барановская С.А. — 266
Баринов Д.А. — 311
Бартенев А.С. — 277
Басаргина Е.Ю. — 242
Баткин Л.М. — 143, 164
Бауэр В.В. — 46
Бахрушин С.В. — 9
Бахтин В.В. — 16, 22, 23, 26, 53, 58, 90, 183—184, 238, 239, 268, 171, 272
Бахтин М.М. — 239
Безобразов П.В. — 204, 265, 344
Безобразов С.С. (еп. Кассиан) — 225
Бекарюкова Е.Д. — 47, 147
Бекарюкова М.Д. — 47
Беккет Т. (Бекет Фома) — 262
Беленький И.Л. — 31, 211
Белов фон Г. — 146, 160
Белоус В. — 149
Бенедикт Нурсийский — 261
Бердяев Н.А. — 22
Березкин А.В. — 127
Бергман А.И. — 262, 284
Беркут В.Н. — 351
Берман (Гиттис) И.В. — 244, 256, 271
Бернадская Е.В. — 127
Бернард Клервосский — 143, 261
Бессмертный Ю.Л. — 23, 187
Бестужев-Рюмин К.Н. — 46, 212
Бецкий И.Е. — 162
Бицилли П.М. — 16, 25—27, 116, 121, 127, 130
Блейк Э. — 116
Блок М. — 175
Блох Р.Н. — 182

- Богаевский Б.Л. — 169, 170
 Боголепов Н.П. — 345
 Богословский М.М. — 308
 Бороздин И.Н. — 21
 Бойцов М.А. — 27, 94, 298
 Бодуэн де Куртэне И.А. — 311
 Бокий-Лихарева Н.И. — 266
 Боккаччо Дж. — 126
 Бон Т.М. — 120, 311
 Бонаверттура — 117
 Бонгард-Левин Г.М. — 50, 283, 342
 Бонч-Бруевич В.Д. — 29, 159
 Бонифаций I — 262
 Бонифаций VIII — 262
 Бонифаций IX — 262
 Бонифаций, маркиз Монфератский — 262
 Борджиа Лукреция — 262
 Борджиа Чезаре — 262
 Боровский Я.М. — 124
 Боэций — 34, 72
 Боярченков В.В. — 12
 Браун Ф.Ф. — 311
 Брачев В.С. — 32, 33, 151, 157, 203, 284
 Брекиньи — 132
 Бруно Джордано — 130, 262, 263
 Брюллов Б.П. — 92, 98, 244, 266
 Брюллова-Зарудная И.П. — 266
 Буасье Г. — 136
 Бубнов Н.М. — 63
 Бузескул В.П. — 18, 33, 91, 123, 265
 Булич С.Н. — 245, 311
 Буондельмонте — 73, 74
 Бурдах К. — 130
 Бурдые П. — 39, 201, 213
 Буркхардт Я. — 96, 122, 125, 126, 188, 356
 Бурский М.И. — 273
 Бутенко В.А. — 265
 Бухановская Е.Я. — 206
 Бухарин Н.И. — 58, 274
 Бухштейн — 277
 Быкова Т.А. — 210, 226
 Бычков С.П. — 329
 Бэкон Р. — 278
 Бэри Р. Де — 126, 128, 129
 Бюхер К. — 67
 Ваганян В. — 323
 Вайнштейн О.Л. — 18, 19, 22, 121, 157, 172
 Вайнц Г. — 348
 Валент, император — 104
 Валленбург В.Э. — 271
 Валлиджеро А. — 278
 Валк С.Н. — 20, 22, 32, 192
 Валла Лоренцо — 100, 162, 166
 Валент, император — 104
 Вальтер Г.У. — 272
 Ванеев А.А. — 173, 327
 Ванновский П.С. — 345
 Васильев А.А. — 173, 204, 205, 345
 Васильев А.Н. — 173, 175, 176, 207
 Васильевский В.Г. — 16, 20, 21, 46, 48, 49, 52, 63, 64, 81, 200, 202, 203, 205, 315, 342—346, 351, 354, 356, 359, 363
 Вахромеева О.Б. — 28, 29, 45, 49, 56, 57, 219, 220, 244, 248, 324, 327, 338, 349, 353
 Вахтина П.Л. — 184, 287
 Вебер Г.К. — 265
 Вейдле В.В. — 28, 29, 53, 108, 112, 124, 168—171, 190, 210, 216, 228, 271, 284, 286, 312, 317, 328, 335, 336
 Венгеров С.А. — 92
 Вержбицкий К.В. — 59
 Вернадский В.И. — 47, 50, 201, 202
 Вернадский Г.В. — 24, 47, 124, 311
 Вертер Ф. — 136
 Веселовский А.Н. — 126, 127, 263
 Веселовский С.Б. — 9, 282
 Виардо П. — 56
 Виктор, папа — 103, 262
 Виллани Джованни — 73
 Винавер Р.С. — 262
 Виноградов П.Г. — 127, 191, 202, 203, 213, 214, 216, 350, 351, 353
 Виппер Р.Ю. — 202
 Вирениус (Мацулевич) Ж.-А.А. — 244
 Виринчучьо (Бирингуччо) — 276
 Вишленкова Е.А. — 255
 Вовель М. — 167
 Войтинская Н.С. — 262
 Волгин В.П. — 274
 Волков В.В. — 41
 Вольтер — 364
 Вольфцун Л.Б. — 26, 90, 131, 134, 143, 144, 147, 172, 183, 184, 186, 187, 269, 270, 272
 Воронова Т.П. — 187
 Враская О.Б. — 28, 36, 57, 158, 186, 330
 Враская Н.С. — 266
 Вулгар С. — 36, 37
 Вульфийс А.Г. — 53, 228, 262, 265, 318, 324, 326
 Галчева Т.Н. — 115, 116
 Гарнак А. фон — 136
 Гвиниджи Паоло — 165
 Гегель Г.В.Ф. — 56, 97

- Геласий I, папа — 105
 Генрих I — 83, 262
 Генрих II — 83, 262
 Генрих III — 262
 Генрих IV — 83, 262
 Генрих VI — 82, 262
 Генрих VII — 74, 75, 262
 Генрих Лев — 83, 262
 Генрих Лозаннский — 262
 Георгиевский П.И. — 48, 358
 Герасимов И. — 14
 Герасимов М.М. — 143
 Герд Л.А. — 204
 Герье В.И. — 9, 33, 198, 213, 214, 292, 358
 Герцен А.И. — 149
 Гершберг С. — 244, 266, 267
 Гершензон М.О. — 62, 258
 Гессен И.В. — 145
 Гиббон Э. — 348
 Гизебрехт Ф.В.В. — 348
 Гизетти А.А. — 147 — 151
 Гизетти А.В. — 350
 Гизетти Н.Д. — 147, 290
 Гизо Ф. — 324, 348, 357
 Гильом из Сент-Амура — 262
 Гиршфельд О. — 51, 201, 203
 Гириц К. — 296
 Гладков А.К. — 12
 Головань В.А. — 99, 244, 250, 255, 284, 304
 Голубева И.А. — 28
 Голубович И.В. — 51, 115, 116
 Гораций — 50, 64—66
 Горфункель А.Х. — 302
 Готье Ю.В. — 9
 Грановский Т.Н. — 200, 208
 Гранстрем Е.Э. — 186
 Грациан, император — 104
 Грацианский Н.П. — 177
 Гревс Ан.И. — 45
 Гревс Ал.И. (Шурочка) — 47, 226, 286, 310
 Гревс Д.М. — 45
 Гревс Е.И. — 47
 Гревс И.М. — 12, 14—20, 22—26, 28—30, 33, 41, 45—78, 81—85, 88—91, 93—96, 98, 99, 106—108, 115, 116, 119—123, 127, 131, 135—138, 139, 140, 143, 144, 147—152, 154, 157, 158, 160, 167, 168, 169—172, 174, 176, 179, 182, 184, 186, 189, 190—194, 199—203, 205—213, 216—221, 224—230, 232—246, 248—255, 257—260, 262—265, 267—270, 274, 275, 280—282, 284, 286, 288, 290—292, 295—318, 320, 322—326, 328—332, 334, 335, 337—343, 345, 347
 Гревс М.М. — 45
 Гревс (Зарудная) М.С. — 46, 47, 287
 Гревс Н.Д. — 271
 Греков Б.Д. — 124, 312
 Григорий I Великий, папа — 105, 262
 Григорий II — 262
 Григорий III — 262
 Григорий IV — 262
 Григорий V — 262
 Григорий VI — 262
 Григорий VII — 262
 Григорий VIII — 262
 Григорий IX — 262
 Григорий X — 262
 Григорий XI — 262
 Григорий XII — 26
 Григорий Турский — 220, 262, 273, 279
 Гришина Н.В. — 9, 207
 Гримм Э.Д. — 99, 278, 281, 311, 317, 320, 323
 Гроот Геерт — 262
 Гросайт У. — 124, 127, 267
 Гросман К.В. — 244
 Гурдон — 136
 Гуковский М.А. — 19, 20, 29, 53, 58, 130, 165, 175, 176, 182, 187—190, 192, 193, 238, 268, 274
 Гутнова Е.В. — 22, 31, 33
 Гуттенберг И. — 280
 Д'Адзелио Массимо — 59
 Дамиани Петр — 262
 Данте Алигьери — 51, 53, 55, 56, 59, 65, 73, 74, 75, 150, 217, 220, 235, 236, 249, 263, 340, 347
 Дворниченко А.Ю. — 33
 Дебец Г.Ф. — 143
 Деллингер И. фон — 100
 Дервиз П.П. — 279
 Джанишиев Г. — 46
 Дживилегов А.К. — 59, 130, 145, 165, 189
 Диоклетиан, император — 365
 Диль Э.В. — 242
 Дильтей В. — 95, 234
 Дионисий Коринфский — 102
 Дмитриев А.Н. — 11, 12, 14, 58, 202, 274, 318, 324
 Дмитриева Т.Ю. — 137, 145, 323
 Добиаш-Рождественская О.А. — 12, 15,

- 17—20, 22—24, 29, 53, 72, 73, 75, 81—
92, 95, 97, 106, 115, 138—140, 147, 157,
162, 168, 171, 172, 175—177, 179, 182—
185, 187, 190, 191, 193, 218, 225—227,
230, 238, 243. 251, 259, 261, 262, 265—
275, 279—281, 284—286, 288, 301, 314,
316—318, 321, 322. 324, 326—330, 332
Добкин А.И. — 22, 143, 148, 151, 158—
160, 346
Долгорукий Н.С. — 245
Дольчино — 144, 177
Доминик — 262
Допш А. — 133, 134, 145, 146, 156
Дороченков И.А. — 28, 29, 170, 325
Достоевский Ф.М. — 159, 258
Драгоманов М.П. — 56, 366
Дубин Б.В. — 339
Дубровский А.М. — 282, 329
Дубровский И.В. — 107
Дэвис Г. — 145
Дюма А. — 147
Дюрер А. — 170
Дягтева Л.В. — 27, 94
Евсевий Кесарийский — 101, 102
Егоров Д.Н. — 97, 146, 307, 308
Еманов А.Г. — 161
Ендольцев Ю.А. — 27
Еремеева С.А. — 9, 47, 77, 290, 325, 335,
342
Ерма — 102
Ермичев А.А. — 295
Ерншедт Е.В. — 244, 256
Ершова В.М. — 23, 82
Ершова Е.В. — 244, 271
Ефимова Е.А. — 266
Жанна Д'Арк — 157
Жебелев С.А. — 202, 311
Жуковская Т.Н. — 283
Забугин В.Н. — 265
Задворный В.Л. — 101, 202
Закс А.Я. — 266
Зайцева Н.Н. — 28, 137
Заливалова Л.Н. — 204
Замысловский Е.Е. — 48, 358
Захарьина О.П. — 266
Заозерский А.И. — 179
Запорожец О. — 202
Зарудный С.И. — 47
Зворская Н.П. — 158
Зенгер Г.Э. — 345
Зелинский Ф.Ф. — 21, 50, 68, 70, 98, 202,
207, 213, 234, 242, 261, 311
Зеньковский В.В. — 97
Зибель Г. — 348
Зиновьев Г.Е. — 144, 152
Знаменский А.А. — 244, 256
Знаменский С.Ф. — 266
Иванов А.Е. — 311
Иванов Вяч. И. — 50, 62, 77, 78, 202, 203,
205, 291, 342
Иванова Т.Н. — 208, 215
Ивинский П.И. — 93, 296
Ивониан О.И. — 28, 137
Игнатий Антиохийский — 101
Иероним, бл. — 262
Ингольт С. — 134
Иннокентий I — 262
Иннокентий II — 262
Иннокентий III — 262
Иннокентий IV — 262
Иннокентий V — 262
Иннокентий VI — 262
Иннокентий VII — 262
Иннокентий VIII — 262
Иннокентий IX — 262
Иннокентий X — 262
Иннокентий XI — 262
Иннокентий XII — 262
Иннокентий XIII — 262
Иоанн Солсберийский — 143
Инама-Штернер — 133
Иоаким Флорский — 117
Иордан — 173, 176
Ириней Лионский — 101, 202
Исилор Севильский — 273, 278,
Каганович Б.С. — 24—26, 45—47, 49,
50, 52, 53, 55, 58, 59, 62, 78, 81, 82, 88,
90, 91, 97, 114, 130, 138, 147, 162, 163,
165—167, 186, 207, 220, 238, 274, 280,
285, 286, 314, 317, 327, 331, 332, 338
Каликст, папа — 103
Калорий Т. — 128
Каменская Т.Д. — 244, 346
Карл Великий — 55
Кан А.С. — 119
Каро Г. — 133, 134
Карсавин Л.П. — 12, 15, 17, 18, 20, 22—
25, 27, 29, 53, 63, 75, 81. 86, 88, 89, 92—
98, 106, 108, 115, 117, 123, 130, 139,
145—147, 149, 156, 159, 168, 171, 172,
174, 175, 179, 189—193, 207, 227, 230,
238, 244, 250, 261—268, 271, 281, 284,
285, 290, 295—332
Карсавина Т.П. — 297

- Карташев А.В. — 298, 318
 Кареев Н.И. — 17, 22, 30, 33, 47, 48, 50, 52, 70, 74, 75, 94, 124, 128, 138, 189, 213, 228, 253, 261, 265, 307, 311, 313, 329, 355, 357
 Картрайд Дж. — 189
 Кастильоне Бальдассаре — 162—165
 Катеринин С.Д. — 266
 Катон Сакко — 187, 272
 Кауфман А.А. — 70
 Кельнер С.А. — 244
 Кимелев В.Г. — 241
 Киселев А.Ф. — 28, 137
 Киреева Р.А. — 33
 Клейн Л.С. — 177
 Клементьев А.И. — 27, 107, 112, 189, 300
 Клементьева В.А. — 27, 29, 93, 107, 189
 Климанов Л.Г. — 173—176, 207
 Климент Римский — 101
 Ключев А.И. — 12, 27, 107, 108, 114, 169
 Ключевский В.О. — 9, 22, 32, 33, 212, 215, 215
 Ковалевский М.М. — 17, 30, 148, 329
 Колет Д. — 127
 Компаньи Дино — 53, 59, 73, 106, 220, 252, 281
 Кондратьев С.В. — 172, 187
 Кондратьева Т.Н. — 172, 187, 280
 Константин Великий — 103, 262
 Константинова А.А. — 251, 266
 Комарова Г.А. — 35
 Козлов В.Ф. — 57
 Корелин М.С. — 22, 126, 127, 202, 292
 Комолова Н.П. — 27, 300
 Конечный А.М. — 28, 107, 158
 Кононова Н.Н. — 237
 Корзун В.П. — 12, 62, 63, 155, 211, 216, 283, 291, 312, 329
 Корнилов А.А. — 47
 Корсакова А.И. — 244
 Косминский Е.А. — 15—17, 19, 172, 270
 Костомаров Н.И. — 21
 Котрелев Н.В. — 50, 342
 Краснова Ю.А. — 114, 197, 198
 Кремлева-Добиаш Л.Н. — 266
 Кремнова В.К. 271
 Креспаций Петр — 163
 Кривошеев Ю.В. — 338
 Критский Ю.М. — 282
 Крих С.Б. — 12
 Крупская Н.К. — 22, 157
 Крусман В.Э. — 18, 25, 53, 116, 119—131, 171, 190, 191, 238, 262, 266, 264, 267, 284, 287, 290, 326
 Кузанский Николай — 97, 100
 Кузищин В.И. — 69
 Кузнецов К.А. — 127
 Куклина И.В. — 205
 Кукушкина Е.Н. — 148
 Кулин В.Н. — 363
 Кульман Н.К. — 266, 267
 Кумпан К.А. — 28, 150
 Кун Э. — 365
 Курсель П. — 136
 Кусовникова З.А. — 266
 Кучина (Малинина) А.Д. — 244, 271
 Куторга М.С. — 20, 21, 344
 Лависс Э. — 260
 Лавров П.А. — 311
 Лавров П.Л. — 148, 149
 Лаврова Е.Н. — 266
 Ланглуа Ш.-В. — 63, 83, 84, 89, 193
 Лайтко Г. — 34
 Ланфранк — 262
 Ламберт Ардский — 138, 140
 Лампрехт К. — 133
 Лаппо-Данилевский А.С. — 22, 33, 47, 119, 147, 205, 213, 312, 313, 328
 Лапшин И.И. — 311
 Латур Б. — 36, 37
 Лебедева Г.Е. — 21, 151, 157, 281
 Лев I Великий, папа — 101, 105, 262
 Лев IX — 262
 Левинг-Лессинг Э. — 81
 Левченко В.В. — 115
 Левченко Я. — 318
 Лейбниц Г.В. — 97
 Леонардо да Винчи — 188
 Лернер И.Я. — 23
 Лесафт П.Ф. — 92
 Либаний — 152
 Либерий, папа — 104, 262
 Ливия, императрица — 51
 Лили У. — 127

Мы приводим написание имени знаменитого флорентийского хрониста согласно принятой в российской науке второй половины XX—начала XXI в. традиции. Примечательно, что многие представители петербургской школы медиевистики, как сам И.М. Гревс, так и, например, Л.П. Карсавин, нередко предпочитали писать «Дино Кампаньи». Имеющиеся расхождения не были отражены в указателе.

- Линкер Т. — 127
 Литаврин Г.Г. — 204
 Литвиненко Ю.Н. — 283
 Лихарева Н.И. — 267
 Лихачев Д.С. — 177
 Лихачев Н.П. — 91, 184, 185, 271, 273
 Лозинская Т.Б. — 59, 226, 243
 Лозинский М.Л. — 59
 Лозинский С.Г. — 16
 Лопарев Х.М. — 204, 345
 Лосский Б.Н. — 207, 318
 Лосский В.Н. — 287
 Лосский Н.О. — 97
 Лот Ф. — 83, 84, 317
 Лот-Бородина М.И. — 317
 Лотман Ю.М. — 40
 Лучицкий И.В. — 17, 30, 329
 Любина Г.И. — 241
 Люблинская А.Д. — 16, 19, 21—24, 26, 29,
 53, 58, 81, 82, 89, 90, 176, 182, 186, 187,
 190, 238, 268, 271—274, 276—278, 314
 Люблинский В.С. 22, 26, 29, 53, 58, 90,
 182, 186, 187, 189, 190, 233, 265, 272,
 274, 276, 281
 Лютер Е.А. — 244
 Лютер М. — 262
 Люшер А. — 113, 132, 193
 Ляпустина Е.В. — 50, 342
 Мавр Рабан — 278
 Мавродин В.В. — 33
 Мажуга В.И. — 173
 Макиавелли Н. — 164
 Макушин А.В. — 215
 Малинин Ю.П. — 24, 187
 Малов В.Н. — 23, 187
 Мальцева З. — 244
 Мамонтова М.А. — 12, 63, 216, 283, 291,
 312
 Маркова Н.П. — 266
 Марк Карл — 22, 130, 155, 156, 208
 Марло К. — 127
 Матафтина К.П. — 244, 253, 257
 Матезий — 276
 Маурер Г.-Л. — 133
 Маурер Т. — 11, 241
 Медведев И.П. — 175, 203—205
 Мейер Э. — 68
 Мелих Ю.Б. — 27, 92
 Меценат — 67
 Миллюков П.Н. — 15, 20, 30, 120, 214—
 216, 283, 291, 311, 350, 351
 Миллер Л.С. — 244
 Миллер О.Ф. — 364
 Минь Ж.-П. — 139
 Миронов В.В. — 12
 Митрофанов П.П. — 262
 Мишле Ж. — 96, 122, 348
 Михайловский Н.К. — 149
 Михальченко С.И. — 329
 Могильнер М.Б. — 14
 Могильницкий Б.Г. — 12, 202
 Моисеенкова Л.С. — 202, 214
 Моммзен Теодор — 51, 56, 203, 208, 247
 Монтестье — 357
 Мор Томас — 127
 Моричева М.Д. — 183
 Морозова М.Ю. — 22, 28, 137
 Московская Д.С. — 28, 158—160
 Мост Г.У. — 296
 Музычко О.С. — 115
 Муратов П.П. — 251
 Мурашкинцева Э.Ф. — 144
 Мюнцер Т. — 152, 154
 Мягков Г.П. — 12, 21, 30, 31, 34, 213, 241,
 283, 329
 Невский В. — 323
 Немилов А.Н. — 187, 188
 Непот Корнелий — 66
 Нечаева (Федотова) Е.Н. — 58, 235, 239,
 244, 266, 284, 287
 Нибур — 247
 Никитин М.В. — 202
 Николай I, император — 40
 Николай I, папа — 262
 Николаев А.Е. — 27, 94
 Николаева В.Н. — 244
 Николаева И.Ю. — 12
 Нилус К.А. — 271
 Новикова С.А. — 266
 Новицкая (Олафская) Л.И. — 147, 182,
 238, 244, 252, 271, 287
 Нюркаева А.З. — 107
 Оберучева (Анциферова) Т.Н. — 291
 Окладников А.П. — 143
 Окунь С.Б. — 21
 Олесич Н.Я. — 207
 Ольденбург С.Ф. — 47, 201, 202
 Ольденбург Ф.Ф. — 47, 201
 Ону А.М. — 265
 Осия Кордосский — 103
 Острогорский В.П. — 45
 Оттокар Ж.П. — 244
 Оттокар Н.П. — 12, 16, 18, 24, 25, 27,
 28, 53, 98, 99, 107—114, 124, 130, 132,

- 147, 168, 169—171, 189, 190, 238, 244,
250, 251, 255, 257, 262, 263, 266, 300,
302—304, 312, 314, 316—318, 324, 426,
331, 337
- Панеях В.М. — 21, 33, 239, 324
Панина С.В. — 266
Панченко Б.А. — 204, 345
Паулин Ноланский — 209, 210
Пекон Реджинальд — 100
Пелагий — 223, 225
Перлина Н.М. — 28, 158, 320
Перчёнок Ф.Ф. — 47, 325
Петр Великий, император — 40
Петр Эболийский — 174
Петрарка Ф. — 126, 127, 128
Петри Б.Э. — 143
Петри Г. (К.-Ю.) Э. — 143—145, 148,
160, 244, 257, 267, 284, 287
Петри Э. — 143
Петроний — 51, 69
Петров М.Н. — 364
Петрункевич А.И. — 24
Петрушевский Д.М. — 127, 132, 146,
182, 232, 239, 278
Пигулевская Н.В. — 81, 182, 238, 239,
278
Пиренн А. — 113, 132
Платон — 139, 154
Платонов С.Ф. — 21, 22, 32, 63, 91, 119,
124, 212, 216, 241, 259, 282—284, 291,
302, 311—313, 320
Платонова Н.И. — 280
Платонова (Шамолина) Н.Н. — 201,
202, 306, 315, 320
Плахов Н.Н. — 311
Повилайтис И.В. — 27, 94
Погодин М.П. — 341, 348
Погодин С.Н. — 17, 30, 32
Погожев В.В. — 271
Полани М. — 198
Покровский И.А. — 205, 331.
Покровский М.Н. — 17, 38, 56, 145, 152,
155, 156
Полетаев А.В. — 299, 327, 338
Полиевктов М.А. — 250
Помпоний Аттик — 50, 60, 67
Помяловский И.В. — 202
Попова Т.Н. — 116, 119, 121, 124
Порецкая Н. — 272
Потехина И.П. — 9
Преображенский П.Ф. — 323
Пресняков А.Е. — 15, 20, 32, 283, 301,
302, 306, 308, 312—314, 316, 324—326,
328, 366
Привалова Е.П. — 218
Пригожин А.Г. — 152
Проскурин О. — 295
Протасов Л.Г. — 148—149
Протасова С.И. — 266
Пруст М. — 340
Пузино И.В. — 119, 307
Пумпянский С.М. — 278
Пушкарева-Котлеревская В.В. — 267
Рабан Мавр — 278
Рагинский А.Б. — 47, 325
Раймонд Луллий — 278
Рамм Б.Я. — 278
Ранке, Л. фон — 96, 208, 213, 247, 324,
357
Рафаэль — 162, 163
Регель В.Э. — 204, 344
Рембо — 261
Ренан Э. — 247, 348
Рене Анжуйский — 272
Репина Л.П. — 12, 338
Рикер П. — 340
Ричард I Львиное Сердце — 87
Ришелье — 152
Робертус К.И. — 67
Робинсон М.О. — 282
Роджерс Т.Т. — 160
Розенталь Л.В. — 49, 168
Розенталь Н.Н. — 16, 21, 58, 151—157, 227
Рождественский Д.С. — 91
Рождественский С.В. — 241, 311
Роллан Р. — 210, 240, 339
Романов Б.А. — 33, 53
Романова В.Л. — 187
Ростовцев Е.А. — 11, 12, 20, 30, 237, 238,
284, 311, 328
Ростовцев И.А. — 276
Ростовцев М.И. — 21, 50, 64, 68, 70, 98,
119, 202, 205, 213, 216, 253, 257, 283, 311
Ростовцева С.М. — 267
Рубенштейн Н.Л. — 121
Рудинская Е.Я. — 221, 223, 230, 243, 332
Рудман М.Н. — 27, 94
Румянцева М.П. — 274
Румянцева М.Ф. — 283
Руссо Ж.-Ж. — 357
Рутенбург В.И. — 24, 54, 59, 162, 299
Рыбачук В.Б. — 28, 137
Рыженко В.Г. — 57
Савельева И.М. — 327, 338

- Савин А.Н. — 127, 307, 366
 Савиньи Ф.К. — 56, 247
 Савкин И.А. — 239, 297
 Сакулин П.Н. — 307
 Салютати Колюччо — 127 — 129
 Сальвемини Г. — 112
 Сафронов Б.Г. — 202
 Сванидзе А.А. — 160
 Свешников М.И. — 52
 Свешникова О.С. — 280
 Секамбри Джованни — 165
 Сен-Симон — 59
 Сергиевская Н.А. — 244, 267
 Сергиевич В.И. — 358
 Сергиенко М.Е. — 54, 76, 77
 Сердюкова С.Г. — 56
 Серкамбри Дж. — 165
 Сидненко Т.И. — 21
 Сидни Ф. — 127
 Сидоров А.А. — 186
 Синенко А.А. — 335
 Сирина А.А. — 143
 Скартаццини Дж.А. — 217
 Скиапарелли А. — 109
 Скржинская Е.Ч. — 16, 19, 45, 48, 50, 51, 53, 58, 59, 16, 173—178, 189, 201, 207, 238, 268, 271, 273, 275, 277, 279, 280, 296, 318, 327, 335, 336, 338, 346
 Скрипко Н. — 220
 Смирнов А.П. — 81, 244
 Смирнова А.Г. — 57
 Соболева Е.С. — 241
 Соколов Н.М. — 267
 Соколов Ф.Ф. — 22, 46, 48, 50, 202, 356
 Соловьев В.С. — 148, 149, 240
 Соловьев К.К. — 271
 Соловьева Л.Н. — 235, 267
 Сорокин П.А. — 148
 Сорокина М.Ю. — 47, 325
 Старицкая Н.Е. — 47
 Стендаль — 162
 Степанов Б.Е. — 12, 27, 29, 45, 46, 57, 92, 94, 156, 159, 160, 241, 242, 248, 258, 299, 330
 Степанов С.Л. — 242
 Степанова Л.Г. — 162, 163
 Струве П.Б. — 205
 Сувчицкий П.П. — 318
 Тацит Корнелий — 59, 82, 338, 349, 366
 Тарле Е.В. — 70, 165, 239
 Тённис Ф. — 334
 Тинтофт Дж. — 124
 Тирьякиан Е. — 260
 Тиханова (Клименко) М.А. — 15, 23, 90, 176—179, 225, 227, 268, 271
 Тихонов В.В. — 9
 Тихонов И.Л. — 225
 Толмачев В.М. — 171
 Торштендаль Р. — 198, 230
 Трибунский П.А. — 12, 215
 Трималхион — 70, 71
 Тротман-Валлер С. — 296
 Трохимовский А.Ю. — 241
 Трубецкой Н.С. — 318
 Трубецкой С.Н. — 241, 242, 259
 Туган-Барановский М.И. — 52
 Тураев Б.А. — 265, 311
 Тургенев И.С. — 56, 63, 240, 336, 339
 Тьерри О. — 132, 160, 347, 348
 Тэен И. — 96
 Тэнтел А.А. — 53, 119, 135—136, 190, 227—230, 235, 238, 267
 Уваров П.Ю. — 27, 94
 Удальцов А.Д. — 155
 Умбертино де Казале — 117
 Уортман Р. — 40
 Усков Н.Ф. — 102
 Успенский Ф.И. — 242, 361
 Ушаков С.А. — 16, 26, 90, 182, 184—186, 189, 268, 269, 272—274
 Фармаковский Б.В. — 265
 Федорова Е.В. — 77, 335
 Федотов Г.П. — 15, 23, 25, 27—29, 53, 54, 58, 137—143, 145, 182, 190, 191, 193, 225, 228, 235, 238, 262, 266—268, 2270, 284, 287, 288, 301, 317, 323, 326, 328
 Феличано Ф. — 162
 Феодосий, император — 350
 Феофил — 276, 278, 279
 Филимонов В.А. — 265
 Филипп Август, король — 160
 Фишер К. — 56
 Флакк Ж. — 132
 Флоровская К.В. — 53, 115—118, 190, 219, 238, 244, 262, 267, 277, 284
 Флоровский Г.В. — 116
 Франциск Ассизский — 51, 53, 74, 117, 158, 210, 218, 220, 247, 249, 250, 257, 267, 286, 299, 340, 347
 Фриче В.М. — 245
 Фойгт Г. — 122, 125, 126, 356
 Формозов А.А. — 39, 155, 330
 Форстен Г.В. — 119, 120, 122, 123, 313
 Фрейдлин А. — 244
 Фридрих II, император — 174

- Фролов Э.Д. — 50, 64, 202
 Фроянов И.Я. — 21
 Фьеромоска Этторе — 59
 Фюстель де Куланж, Н.Д. — 22, 46, 49,
 52, 54, 60, 66, 67, 193, 204, 205, 207,
 336, 341, 347, 361
 Хвостов М.М. — 64
 Хейзинга Й — 130
 Хоментовская А.И. — 15, 18, 23, 24, 26,
 53, 90, 122, 162—168, 189, 192, 228,
 229, 266, 268, 273
 Хомяков А.С. — 297
 Хоружий С.С. — 27, 92, 95, 97
 Хорхордин О.В. — 41
 Хряков А.В. — 12
 Цамутали А.Н. — 21, 204, 283
 Цезарь Гай Юлий — 178
 Целестий — 223
 Цицерон Марк Туллий — 50, 221
 Цемш Н.С. — 16, 25, 119, 131—135, 193, 262
 Цубина Э.Г. — 244
 Цыганков Д.А. — 9, 11, 38, 198, 215, 273, 292
 Чан В. — 162
 Чернышевский Н.Г. — 162
 Черняев А.С. — 158
 Чесноков В.И. — 11, 241, 296
 Чехова Е.Н. — 54
 Чирков С.В. — 21, 329
 Чосер Т. — 126, 128, 129
 Чумакова Т.В. — 274
 Шайтан М.Э. — 15, 23, 25, 53, 179—182,
 190, 238, 271
 Шалаева М.В. — 267
 Шапирова Т.Б. — 267
 Шаркова И.С. — 90, 187
 Шарова А.Н. — 90, 187
 Шаскольская (Брюллова) Н.В. — 98, 99,
 251, 265
 Шаскольский П.Б. — 25, 92, 98—107,
 190, 224, 238, 244, 251, 262, 264, 267,
 284, 287, 289, 290, 300, 324, 326
 Шаханов А.Н. — 240, 265, 329
 Шахматов А.А. — 311
 Шаховской Д.И. — 47, 201, 291, 325
 Шебунин А.Н. — 324
 Шекспир У. — 127
 Шель Й. — 136
 Шидловская М.А. — 138, 144
 Шильдер Н.К. — 358
 Шишмарев В.Ф. — 272
 Шляпкин И.А. — 311
 Шмидт Ф.И. — 242
 Шмидт Р. — 136
 Шпенглер О. — 61
 Шперхазе К. — 296
 Штакельберг Н.С. — 58
 Штейн С.И. — 25, 53, 114, 131, 138, 143,
 145—147, 190, 191, 235, 238, 267
 Штемберг Г.К. — 144
 Щетинина Г.И. — 311
 Эйкен Г. — 54, 60, 150
 Эйнштейн Л. — 127
 Элоиза — 143
 Энгельс Ф. — 154—156, 188
 Энтин Дж. — 214
 Эриксен Э. — 306
 Эрундель Т. — 124, 128, 129
 Юлиан Отступник, император — 152, 157
 Юлий I, папа — 104
 Юрлов А. — 323
 Юрьева О.П. — 267
 Юстиниан, император — 349, 353
 Яковлев А.И. — 9
 Якубский В.А. — 21, 151, 157, 281
 Ярослав, князь — 182
 Ястребицкая А.Л. — 92, 95, 114, 270, 307
 Ястребов Н.Н. — 265
 Byrnes R.F. — 311
 Bledstein B. — 13
 Cullen J. — 13
 Galison P. — 36
 Golinski J. — 36
 Kassow S.D. — 11, 311
 Latour B. — 36
 Maurer T. — 241
 McClelland J. — 311
 Nethercott F. — 9
 Richards R. — 327
 Sestan E. — 28, 107, 114
 Tatham E.H.R. — 128
 Tiryakian E. — 261
 Woolgar S. — 36

Summary

The monograph studies one of the most interesting phenomena of Russian historical science – the St. Petersburg school of medievalists, which emerged in the early twentieth century and included a number of prominent historians: L.P. Karsavin, N.P. Ottokar, O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaya, M.A. Gukovsky and others. The monograph discusses in detail life, scientific and educational works of the school's leader, Professor I.M. Grevs, his relationships with students. Historical and anthropological approach used by the author allows to reply to a number of important issues related to the specificity of the scientific school as a social group of professional scientists, to historical and cultural conditions of formation of the corporation of St. Petersburg medievalists and to social mechanisms of its functioning. The author also considers the history of conflicts within the scientific school, studies in detail the reasons for the break between I.M. Grevs and L.P. Karsavin. The undoubted advantage of the study is the use of a great number of archival materials, including unpublished before. The appendix to the book includes I.M. Grevs' memoirs "Medieval History in St. Petersburg in the first quarter of the twentieth century".

The book is intended for medievalists, historiographers, experts on history and sociology of science, students, postgraduate students, and a wide range of readers.

Contents

Preface	9
Introduction	13
CHAPTER I. IVAN MIHAJLOVICH GREVS AS A FOUNDER OF THE PETERSBURG MEDIAEVALIST SCHOOL	43
CHAPTER II. PETERSBURG MEDIAEVALIST SCHOOL IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY. STAGES OF HISTORY	79
§ 1. First students (1900—1910)	81
§ 2. Petersburg mediaevalist school in the 1910-th. Zenith	119
§ 3. Petersburg mediaevalist school after the revolution (1917–1930-th).....	172
CHAPTER III. BASIC TECHNIQUES OF FORMING THE SCHOOL AS A COMMUNITY	195
§ 1. Seminars	197
§ 2. Italian excursions	240
§ 3. Corporate projects	260
§ 4. Letters	282
CHAPTER IV. INTERNAL CONFLICT OF THE SCHOOL. KARSAVIN’S CASE	293
Grevs’ mediaevalist school as a discussion space. Instead of conclusion	333
Appendix	338
List of Abbreviations	367
Bibliography	368
Index	404

Научное издание

Антон Вадимович Свешников
Иван Михайлович Гревс
и петербургская школа медиевистов начала XX в.
Судьба научного сообщества

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 25.10.2016. Формат 70×100/16. Заказ № 1158.
Тираж 500 экз. 26,0 п.л. 29,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в Публичном
акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру
гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии.

Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих
научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Различные продажи: сеть магазинов «Читай город»
<https://www.chitai-gorod.ru>

Рассылка по России:
Национальный книжный дистрибьютор КНИЖНЫЙ КЛУБ 36,6
<http://www.club366.ru>
Интернет-магазин Лабиринт.py: <http://www.labyrinth.ru/>

А.В. Свешников

Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в.

Монография посвящена изучению одного из интереснейших феноменов отечественной исторической науки — петербургской школы медиевистов, возникшей в начале XX в. и включавшей ряд выдающихся ученых — Л.П. Карсавина, Н.П. Оттокара, О.А. Добиаш-Рождественскую, М.А. Гуковского и др. Подробно рассматривается история жизни, научно-педагогической деятельности и взаимоотношений с учениками лидера школы — профессора И.М. Гревса. Историко-антропологический подход, примененный автором в настоящем исследовании, позволяет ответить на ряд важных вопросов, касающихся специфики научной школы как социальной группы профессиональных ученых, а также историко-культурных условий формирования корпорации петербургских медиевистов и социальных механизмов ее функционирования. Не оставлены без внимания проблемы возникновения и преодоления конфликтов внутри научной школы, в частности, детально изучены причины разрыва отношений между И.М. Гревсом и Л.П. Карсавиным. Безусловным достоинством исследования является привлечение многочисленных архивных материалов, в том числе и ранее не опубликованных.

